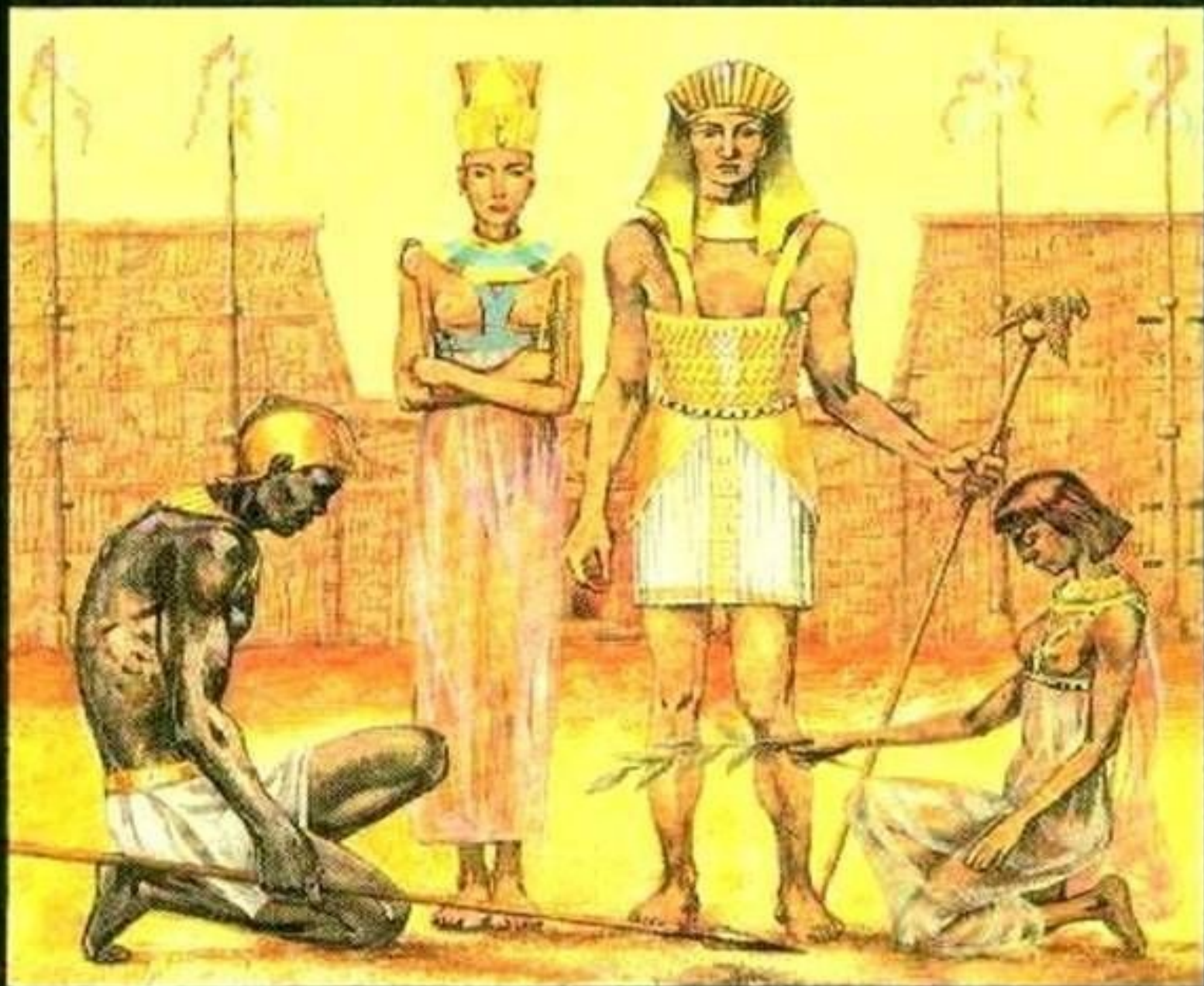

Г. Р. ХАГГАРА

Annotation

В пятый том Собрания сочинений известного английского романиста Генри Райдера Хаггарда (1856-1925) входят сага «Эрик Светлоокий» и посвященные истории Древнего Египта рассказ «Суд фараонов» и романы «Владычица Зари» и «Скиталец».

-
- [ЭЙРИК СВЕТЛООКИЙ](#)
- [II. Как Эйрик сказал про свою любовь Гудруде Прекрасной в метель на Кольдбеке](#)
- [III. Как Асмунд жрец пригласил Эйрика к себе на праздник](#)
- [IV. Как Эйрик пришел через Золотой водопад](#)
- [V. Как Эйрик добыл себе меч Молнии Свет](#)
- [VI. Как Асмунд жрец помолвился с Унной](#)
- [VII. Как Эйрик ходил против Скаллагрима берсерка](#)
- [VIII. Как Чернозуб встретил Эйрика Светлоокого и Скаллагрима Овечий Хвост на холме Конская Голова](#)
- [IX. Как Сванхильда обошлась с Гудрудой](#)
- [X. Как Асмунд жрец говорил со Сванхильдой](#)
- [XI. Как Сванхильда прощалась с Эйриком Светлооком](#)
- [XII. Эйрик был объявлен вне закона и отплыл на судне викинга](#)
- [XIII. Как Холль, помощник Эйрика, перерубил якорный канат](#)
- [XIV. Как Эйрику приснился сон](#)
- [XV. Как Эйрик пребывал в городе Лондоне](#)
- [XVI. Как Сванхильда побраталась с жабой](#)
- [XVII. Как Асмунд женился на Унне, дочери Торода](#)
- [XVIII. Как ярл Атли нашел Эйрика Светлоокого и Скаллагрима на скалистом побережье острова Страумея](#)
- [XIX. Как Колль Полоумный принес весть из Исландии](#)
- [XX. Как Эйрик получил новое прозвище](#)
- [XXI. Как Холль из Литдаля принес вести в Исландию](#)
- [XXII. Как Эйрик Светлоокий вернулся на родину](#)
- [XXIII. Как Эйрик пожаловал в гости на свадебный пир Гудруды Прекрасной и Оспакара Чернозуба](#)
- [XXIV. Как продолжался пир](#)
- [XXV. Как кончился пир](#)

- [XXVI. Как Эйрик Светлоокий осмелился явиться в Миддальгоф и что он нашел там](#)
- [XXVII. Как Гудруда ездила на Мшистую скалу к Эйрику Светлоокому](#)
- [XXVIII. Как Сванхильда добывала сведения об Эйрике](#)
- [XXIX. Как прошла брачная ночь](#)
- [XXX. Что было на рассвете](#)
- [XXXI. Как Эйрик Светлоокий отослал своих товарищей со Мшистой скалы](#)
- [XXXII. Что видели в последнюю ночь Скаллаgrim и Эйрик Светлоокий](#)
- [XXXIII. Как Эйрик Светлоокий и Скаллаgrim берсерк бились в своей последней битве](#)
- [СУД ФАРАОНОВ](#)
- [Часть вторая](#)
- [ВЛАДЫЧИЦА ЗАРИ](#)
- [Глава II Посланник](#)
- [Глава III Побег](#)
- [Глава IV Храм Сфинкса](#)
- [Глава V Принесение клятвы](#)
- [Глава VI Нефрет покоряет пирамиды](#)
- [Глава VII Замысел везира](#)
- [Глава VIII Писец по имени Раса](#)
- [Глава IX Коронация Нефрет](#)
- [Глава X Послание](#)
- [Глава XI Падение](#)
- [Глава XII Дух пирамид](#)
- [Глава XIII Гонец из Таниса](#)
- [Глава XIV Приговор фараона](#)
- [Глава XV Брат Тему](#)
- [Глава XVI Смерть Рои](#)
- [Глава XVII Судьба беглецов](#)
- [Глава XVIII Нефрет прибывает в Вавилон](#)
- [Глава XIX Четверо братьев](#)
- [Глава XX Поход из Вавилона](#)
- [Глава XXI Изменник или герой?](#)
- [Глава XXII Хиан возвращается в Танис](#)
- [Глава XXIII Владычица Зари](#)
- [СКИТАЛЕЦ](#)
- [II. Мечта Мира](#)

- [III. Одиссей убивает сидонцев](#)
 - [IV. Кровавое море](#)
 - [V. Царица Мериамон](#)
 - [VI. История царицы Мериамон](#)
 - [VII. Видение царицы](#)
 - [VIII. В святилище смерти](#)
 - [IX. Пророчество апура](#)
 - [X. Страшная ночь](#)
 - [XI. Бронзовые ванны](#)
 - [XII. Комната царицы](#)
 - [XIII. Храм гибели](#)
 - [XIV. Стражи-охранители священных врат](#)
 - [XV. Тени в свете солнца](#)
 - [XVI. Отделение духа Реи](#)
 - [XVII. Пробуждение спящего](#)
 - [XVIII. Клятва Скитальца](#)
 - [XIX. Пробуждение Скитальца](#)
 - [XX. Мщение Курри](#)
 - [XXI. Возвращение фараона](#)
 - [XXII. На одре мучений](#)
 - [XXIII. Сон фараона](#)
 - [XXIV. Голос мертвеца](#)
 - [XXV. Сожжение святилища](#)
 - [XXVI. Последний бой Одиссея](#)
 - [XXVII. До тех пор, когда Одиссей вернется](#)
-

Р. ХАГГАРД

собрание сочинений
в десяти томах

МОСКВА
«ТЕРРА» - «TERRA»
1993

Р. ХАГГАРД

собрание сочинений
в десяти томах

том

5

Эйрик Светлоокий

Суд фараонов

Владычица Зари

Скиталец

МОСКВА
«ТЕРРА» - «TERRA»
1993

Эйрик Светлокий

ЭЙРИК СВЕТЛООКИЙ

I. Как жрец Асмунд нашел колдунью Гроа

Жил на юге человек, еще задолго до того времени, когда Тангбранд сын Вильбальдуса стал проповедовать Христа в Исландии. Звали этого человека Эйрик Светлоокий, сын Торgrimура, и в те дни не было человека, равного ему по силе, красоте и смелости, во всем он был первый.

Там же, на юге, жили две женщины, неподалеку от того места, где западные острова всплыли над морем. Одну звали Гудруда Прекрасная, другую — Сванхильда, прозванная Незнающей Отца. Они были сводные сестры, и не было равных им женщин в те дни: они были прекраснее всех. Однако между ними не было ничего общего, кроме крови и ненависти.

Обе эти прекрасные женщины увидели свет Божий в один и тот же день и в один и тот же час. Эйрик же Светлоокий был старше их на целых пять лет. Отец Эйрика был Торgrimур Железная Пята, могучий богатырь; во время борьбы с одним берсерком он потерял ногу и с того времени ходил на деревянной ноге, окованной железом, отчего его и прозвали Железной Пятой. Но, оставшись без ноги и стоя на одной ноге, Торgrimур, держась за выступ скалы, поразил берсерка, и за этот подвиг люди чтили и уважали его. Торgrimур был зажиточный поселянин, не скорый на гнев, справедливый и богатый друзьями. Уже в поздние годы он взял себе в жены Савуну, дочь Торода. Она была лучше всех женщин, но не по красоте, а по твердости ума. Она была ясновидящей и имела волосы такие, что могла завернуться в них вся, с головы до пят. Эта супружеская чета имела всего только одного сына Эйрика, которого Савуна родила, будучи уже в преклонных летах.

Отец Гудруды был Асмунд сын Асмунда, жрец Миддальгофа, мудрейший и богатейший из всех людей, живших тогда на юге Исландии. Он имел много земель и угодий, а также два больших торговых судна и одно длинное военное судно. Имея много денег, он давал их в рост другим. Нажил он свои деньги, когда был викингом и грабил английское побережье, и много черных дел приписывала ему молва, вспоминая о его жизни в молодые годы. Он был викинг с «обагрёнными кровью руками». Асмунд был красивый мужчина с голубыми глазами и большой русой бородой, его считали очень искусным и сведущим в законах. Асмунд очень любил

деньги, и все кругом боялись его, но это не мешало ему иметь много друзей, так как с годами он стал добрее и ласковее к людям. Он взял себе в жены Гудруду, дочь Бьерна, кроткую и добрую, прозванную Гудрудой Милой.

От этого брака родились Бьерн и Гудруда Прекрасная. Бьерн вырос, походя на своего отца в его молодые годы, был силен, жесток и жаден до наживы. Гудруда, за исключением редкой, бесподобной красоты, была вся в свою мать.

Мать Сванхильды Незнающей Отца была Гроа колдунья, родом из Края Финнов, и молва говорила о ней, что судно, на котором она плыла, стараясь стать под ветром Западных островов в сильную бурю, разбилось в щепки о прибрежные скалы, и все, кто был на нём, погибли. Только Гроа спаслась своим колдовством. Когда Асмунд жрец наутро после бури проезжал по берегу, отыскивая сбежавших ночью коней, то увидел красавицу, одетую в ярко-красный плащ и широкий золотой пояс, сидевшую на скале над морем. Она расчесывала свои длинные черные кудри и пела тихую песню, а у ее ног в воде перекатывалась с приливом и отливом голова мертвого человека. Асмунд жрец спросил ее, откуда она.

— С Лебединого озера! — ответила красавица.

Затем он спросил ее, где ее родня.

Тогда женщина указала ему на голову мертвого человека и сказала, что это все, что осталось от ее родни.

Опять Асмунд спросил ее, кто был этот мертвый человек. Она засмеялась и снова запела свою песню, а в песне ее говорилось, что боги смерти протянули свои жадные руки к супругу Гроа, что свет не видел другого такого отважного викинга, а теперь волны играют его головой. Дальше в песне говорилось, что в прошлую ночь норны бушевали, и голоса их говорили ей об Асмунде жреце и о детях, которые должны будут родиться.

— Кто сказал тебе мое имя? — спросил удивленный Асмунд.

— Волны сказали мне еще, что ты выручишь меня!

— Ну, это твое счастье! — сказал жрец. — Но я боюсь, что ты чародейка!

— И чародейка, и чаровница! — отозвалась она и опять звонко засмеялась.

— Правда, ты прекрасна и можешь быть чаровницей, — согласился Асмунд жрец, — но скажи мне, что мы будем делать с этим мертвым человеком?

— Пусть он лежит на дне моря, и пусть все супруги лежат там! —

проговорила Гроа.

После этого Асмунд взял ее с собою в Миддальгоф и дал ей участок земли и жилье, и там она стала жить одна. Он часто пользовался ее премудростью и таинственными силами.

Год спустя после того, как Асмунд жрец нашел колдунью Гроа, случилось так, что Гудруда Милая забеременела, и когда настало ей время родить, родила дочь редкой красоты. В тот же день и Гроа колдунья тоже принесла дочь, и люди удивлялись, кто бы мог быть ее отцом, так как Гроа не имела мужа. Женщины болтали между собой, что отцом этого ребенка был тот же жрец Асмунд. Когда ему говорили об этом, он очень гневался и утверждал, что никогда колдунья не может иметь от него ребенка, как бы прекрасна она ни была. Когда люди спрашивали об этом Гроа, то та, смеясь, говорила, что ничего не знает об этом, так как никогда не видала в лицо отца своего ребенка, который выходил ночью из воды и на заре уходил. Многие думали, что это был колдун или же дух ее умершего мужа. Другие же говорили, что Гроа лгала, как часто лгут в таких делах женщины. Но ложь ли то была или правда, только ребенок был налицо, и его называли Сванхильдой.

Случилось так, что за час до того времени, как Гудруда Милая родила ребенка, Асмунд пошел в храм поддержать священный огонь, что горел день и ночь на жертвеннике перед изображением богини Фрейи. Присев на скамью перед святилищем, Асмунд вдруг заснул и увидел странный сон про белого лебедя и черного коршуна и про белую голубку и черного ворона.

И когда пробудился и пошел из храма, ему попала навстречу женщина и с плачем крикнула: — Спешу, спеши домой! У тебя родилась дочь, но Гудруда, жена твоя, умирает!

Действительно, на широкой постели под пологом в большой горнице Миддальгофа лежала Гудруда Милая и умирала. Заслышав шаги, она спросила:

— Ты ли это, супруг мой любезный? Пришел ты не рано, это мой последний час, так выслушай, что я хочу сказать тебе: возьми ты новорожденную, прижми к своей груди, поцелуй, окропи водой и назови моим именем!

Асмунд сделал все по словам жены.

— Теперь слушай меня, супруг, — продолжала Гудруда Милая, — я всегда была тебе хорошей женой, а ты не всегда был мне хорошим мужем и ты загладишь эту вину, если дашь мне клятву, что будешь любить и беречь это дитя, хотя она и девочка!

— Клянусь тебе! — отвечал Асмунд.

— Затем поклянись мне, что не возьмешь себе в жены колдунью Гроа и не будешь иметь с ней никакого дела; это я говорю для твоей же пользы, так как через нее ты найдешь себе смерть. Клянись!

— Клянусь! — сказал Асмунд жрец.

— Это ты хорошо делаешь, — продолжала Гудруда Милая. — Если же нарушишь свою клятву, так постигнет тебя и весь дом твой великое горе. Ну, теперь простись со мной, я умираю!

Асмунд склонился над нею и поцеловал ее. Говорят, он много плакал в этот день.

Покойницу зарыли в землю, и жрец Асмунд много и долго горевал о ней.

Но сон, который он видел тогда, мучил его и не давал ему покоя, а из всех толкователей снов во всей той стране не было никого искуснее Гроа. Когда Гудруда уже семь суток лежала в земле, Асмунд отправился к Гроа, но с не совсем чистой совестью, так как еще помнил свою клятву, данную жене.

Гроа лежала на постели, и дитя ее лежало у ее груди.

— Приветствую тебя, господин мой! — сказала она. — Что желаешь ты от меня?

— Видел я страшный сон, — промолвил Асмунд. — И ты одна можешь разгадать его. — И он пересказал ей свой сон от слова до слова, весь по порядку.

— А что ты дашь мне, если я тебе разгадаю его? — спросила Гроа колдунья.

— Чего же ты хочешь? Думается мне, что я дал тебе и так очень много.

— Да, господин мой! — колдунья посмотрела на своего ребенка.

— Ты дал мне очень много, и теперь я прошу у тебя очень малого: возьми на руки это дитя окропи его водой и дай ему имя!

— Люди станут говорить мне, — сказал жрец, — если я сделаю то, чего ты желаешь, что это дело отца!

— То, что люди говорят, неважно! Молва, что морская волна, набежит и отхлынет, ветер развеивает и разносит молву. И ты дашь людям ложь в самом имени ребенка, ты назовешь ее Сванхильдой Незнающей Отца. Впрочем, как хочешь, но только без этого я не разгадаю тебе твоего сна!

— Так истолкуй ты мне сон, а я дам имя ребенку! — согласился Асмунд.

— Нет, прежде сделай ты, что обещаешь; тогда я буду знать, что никакой беды не приключится ей от тебя!

И Асмунд взял ребенка на руки, окропил его водой и дал ему имя. Тогда Гроа истолковала Асмунду его знаменательный сон, сообщив, что дочь ее Сванхильда восторжествует над его дочерью Гудрудой и каким-то могучим человеком, и что оба они умрут от ее руки, и еще многое другое.

Асмунд, придя в ярость от этого известия, воскликнул:

— Ты была разумна, что заставила меня хитростью своей дать имя твоему ублюдку! Иначе я убил бы ее тут же на месте!

— Теперь ты не можешь этого сделать, господин мой, ты держал ее на своих руках! — засмеялась Гроа. — Лучше пойдя да схорони свою Гудруду Прекрасную на холме Кольдбек, этим ты положишь конец всем бедам и несчастьям, ожидающим тебя впереди.

— Этому не бывать! — воскликнул жрец. — Я поклялся любить и беречь ее и клялся такую клятвой, которая никогда не может быть нарушена!

— Ну и хорошо! — снова засмеялась Гроа. — Пусть все случится, как судьбой суждено. На Кольдбеке много места для могил, да и море охотно прикрывает своим саваном мертвецов!

Асмунд ушел от колдуньи в гневе и смущении в душе.

II. Как Эйрик сказал про свою любовь Гудруде Прекрасной в метель на Кольдбеке

За пять лет до смерти Гудруды Милой Савуна, жена Торgrimура Железной Пяты, родила сына на Кольдбеке на болоте, что над рекой Ран. Когда отец пришел посмотреть на ребенка, то сказал:

— Это необычайный ребенок, волосы его светлы, как спелый колос, как чистое золото, а глаза светятся, как звезды! — И он принял его на руки, назвав его Эйриком Светлооким.

От Миддальгофа до Кольдбека всего только один час езды на добром коне, и вот однажды случилось Торgrimуру поехать в Миддальгоф на праздник Юуль на поклонение в храм, так как он состоял в приходе Асмунда сына Асмунда. Сына своего Эйрика Светлоокого взял Торgrimур с собой в Миддальгоф, там была и Гроа со Сванхильдой, так как теперь Асмунд уже забыл свою клятву и колдунья жила в Миддальгофе.

Как-то случилось, что эти трое прекрасных детей сошлись вместе и стали играть. У Гудруды Прекрасной была деревянная лошадка, и Эйрик стал возить девочку на ней, но Сванхильда сбросила Гудруду с ее лошадки и, сев сама на нее, крикнула Эйрику, чтобы он возил ее. Тот стал утешать Гудруду и не захотел исполнить желание Сванхильды. Тогда Сванхильда, разгневавшись, сердито крикнула:

— Раз я хочу этого, ты должен меня возить!

Эйрик тогда толкнул лошадку так сильно, что та опрокинулась, и Сванхильда упала чуть не в самый огонь очага. Вскочив на ноги, она схватила горящую головню и пустила ее в Гудруду, запалив ее одежду. Эйрик подоспел и потушил огонь, потом отошел с Гудрудой в сторону от Сванхильды, не желая больше даже говорить с ней.

Мужчины смеялись, а Гроа смотрела мрачно и шептала какие-то таинственные заклинания.

— Что ты смотришь так мрачно, управительница? — спросил Асмунд. — Этот мальчик красавец, вид его веселит сердце!

— Красавец он есть и век свой будет красавцем, — проговорила Гроа, — но против злосчастья своего ему не устоять! Через женщину он найдет себе смерть и умрет, как герой, но не от руки врагов!

Годы шли. Гроа жила со своей дочерью Сванхильдой в доме Асмунда

и была его любовью. Но Асмунд, хотя и забыл почти свою клятву, все же не хотел взять ее себе в жены. Это сильно озлобляло колдунью.

Прошло двадцать лет с тех пор, как Гудруда Милая лежала в земле. Гудруда Прекрасная, а также Сванхильда были обе взрослые женщины, Эйрику было уже двадцать пять лет, и никогда другого подобного ему человека не жило в Исландии: он был силен и ловок, ростом высок, складом могуч; кудри его были, словно золото, глаза светились, как звезды или как лезвие доброго меча. Он был нежен и ласков, как женщина, и уже юношей сила его равнялась силе двух здоровых мужчин. И не было во всей округе ни одного юноши и ни одного мужчины, который мог бы плавать, прыгать или бегать, как он, или же мог побороть его.

Люди уважали его, хотя до того времени он еще не совершил никакого подвига, а жил скромно на Кольдбеке, ведя свое хозяйство, возделывая землю и разводя стада: к этому времени отца его, Торгримура, уже не было в живых. Женщины все любили его, но он любил только одну из всех женщин, Гудруду Прекрасную, дочь Асмунда. Та также любила только его одного. Это была красивейшая из всех женщин: волосы ее были, как у Эйрика, светлые, золотистые; сама она была бела, как снег на вершине Геклы, а глаза были большие и темные и смотрели так ласково и любовно из-под темных бровей и ресниц. Роста она была высокого, станом стройная, сильная и гибкая, лицом радостная и приветливая, сердцем нежная, по уму с ней не могла сравниться ни одна женщина.

Сванхильда тоже была прекрасна; маленькая, но стройная и сильная, лицом смуглая, с глазами синими и глубокими, как море; кудри ее были черны, как смоль, и покрывали ее, как плащ, до колен. Души же ее никто не мог разгадать: все в ней было тайна и мрак. Больше всего любила она привлекать к себе сердца мужчин и затем осмеивать их, и многих она обольстила и обманула, хорошо изучив женское искусство. Сердце у нее было холодное, и желала она только власти и богатства. Но она любила одного человека, и это была та отравленная стрела, которой судьба пронзила ее жестокое сердце: человек этот был Эйрик, но он не любил ее. Кроме него, все для нее было беспросветной тьмой; она обучалась у матери своей чарам и колдовству и старалась всеми силами приворожить его к себе. А Эйрик не видел никого, кроме Гудруды, не слышал никого, кроме нее, не думал ни о ком, как только о ней, хотя до того времени они еще не признались друг другу в своей любви.

Сванхильда, хотя и не имела любви к своей матери, в горе своем пошла просить ее помощи и сообщила ей:

— Я люблю одного только Эйрика и ненавижу Гудруду; хочу

пересилить ее и приколдовать к себе Эйрика. Помоги мне!

Гроа отвечала:

— Вот что я думаю сделать: Асмунд хочет отдать свою дочь за человека знатного и богатого, а такому простому поселянину, как Эйрик, не отдаст. Мы скажем ему, что Гудруда нарушает девичью скромность с Эйриком Светлооким, и Асмунд прогонит его из дома своего, а тем временем я пошлю Колля Полоумного, моего тралля, которого мне подарил Асмунд, на север, где живет богатый, прославленный и могущественный человек по имени Оспакар Чернозуб. Он недавно овдовел и пустил молву, что хочет взять себе в жены самую красивую девушку в Исландии. Колль понараскажет ему чудес о Гудруде, и тот станет сватать ее. Если все пойдет хорошо, ты избавишься от твоей разлучницы. Если же это не удастся, то есть еще два средства: или обольстить Эйрика своей красотой и отбить его у Гудруды, или же — и это средство вернее — нож в твоей руке, а сердце в груди Гудруды. Мертвая красавица не соперница для живой!

Так говорила Гроа колдунья своей дочери, затем добавила:

— Я тоже ненавижу эту надменную девушку, которая мне стоит поперек дороги! Если бы не она, я давно была бы женою Асмунда. Она не терпит меня, так как я свет любви ее отца, и я хочу видеть эти золотые кудри потускневшими от дыхания смерти или, по крайней мере, глаза ее плачущими от позора и муки, когда человек, которого она ненавидит, назовет ее своею женой и увезет отсюда на свою мрачную и угрюмую родину!

И вот Колль Полоумный отправился исполнять поручение своей госпожи. До праздника Юуля оставался всего один месяц. Люди сидели по домам: время было темное, и выпало много снега, но, наконец, пришли и морозы, небо прояснилось. Гудруда, сидя за веретеном в большой горнице Миддальгофа, увидела ясное небо и вышла к женским воротам замка. Снег был крепкий и белый, и ее стало манить в открытое поле. Накинув плащ, она пошла по дороге к Кольдбеку, что над болотом, у реки Ран. Сванхильда, всегда следовавшая за нею, тоже взяла плащ и пошла по ее следам. Долго шли они, пока Гудруда не заметила, что на небе собираются тучи, и не повернула домой. Между тем снег уже начал падать густыми хлопьями, и вскоре занесло всю долину и замело следы. Сумрак окутал окрестность; время клонилось к вечеру. Гудруда шла и шла, сама не зная куда. Сванхильда также неотступно следовала за нею. Скоро силы стали изменять Гудруде, и она присела на скалу, торчавшую из-под снега. Ее стал клонить сон; веки тяжелели и смыкались против воли. Неподалеку торчала другая скала или камень, и на нем приютилась Сванхильда. Гудруда

временами открывала глаза и вдруг заметила сквозь метель точно в тумане движущийся предмет. Вскочив на ноги, она громко позвала на помощь. Ей отозвался мужской голос, и минуту спустя с Гудрудой поравнялся всадник. Это был Эйрик Светлоокий.

— Ты ли это, Гудруда?

— Эйрик! Это ты! — отозвалась она. — Сама судьба привела тебя сюда в добрый час: еще немного, и глаза мои никогда больше не увидели бы тебя; они уже начинали смыкаться сном смерти!

— Так ты заблудилась?! Заблудился и я. Снегом все занесло... ты не зябнешь, Гудруда?

— Немного! Сядь здесь рядом со мной, тут есть место и для тебя! С минуту они молчали. Сванхильда подползла ближе к ним и притаилась в снегу, у них за спиной, а снег, падая густыми хлопьями, засыпал ее.

— Знаешь, что я думаю, Эйрик? — сказала Гудруда. — Что мы оба умрем здесь, в снегу!

— Что же, лучшей участи я не желаю!

— Не говори так, для тебя это плохой конец. Тебе предстоит совершить целый ряд славных дел!

— Но подле тебя я умру счастливым! — сказал он и прижал ее к своей груди. — Смерть подходит к нам ближе и ближе, и прежде, чем она возьмет нас, я хочу сказать тебе одно слово, если ты только позволишь!

Девушка отвечала:

— Говори, Эйрик!

— Я хотел сказать тебе, Гудруда, что люблю тебя больше жизни и не хочу лучшей доли, как умереть в твоих объятиях! Ты для меня все, и жизнь без тебя для меня хуже смерти! Скажи мне теперь свое слово!

— Я не скрою от тебя, Эйрик, что твои слова сладки для моего слуха, и что в моем сердце тоже живет любовь к тебе, Светлоокий!

— Так поцелуй меня, прежде чем смерть возьмет нас с тобой!

И они поцеловались впервые в снегу на Кольдбеке; хотя губы их были холодны, но сердца горели, и поцелуй был жаркий и долгий. Сванхильда услышала этот поцелуй, и кровь застыла у нее в жилах. Гнев распалил ее сердце, и она схватилась за нож, что висел у нее на поясе.

— Нет, — сказала она, — мороз убьет ее не хуже ножа, пусть все мы умрем, и снег заметет наши страсти!

— Поклянись мне, дорогая, что, если мы каким либо чудом останемся живы, ты всегда будешь любить меня, как сейчас! — говорил между тем Эйрик.

— Клянусь и еще клянусь, что не буду ничьею женой, как только

твоей! — И они снова скрепили клятву свою поцелуем. А снег падал все чаще и чаще и засыпал их, а вместе с ними и Сванхильду.

— Слушай, Эйрик, — проговорила тихонько Гудруда, прижавшись к его груди, — чудится мне что-то на снегу. Что-то говорит мне, что мы с тобой не умрем, но что я умру так, подле тебя! Видишь, тут, на снегу, я лежу с тобой и сплю, и чьи-то руки протягиваются ко мне... Ах! Это Сванхильда!... Вот и исчезло видение!

— Это туман на снегу, сон или греза, родная, сон смыкает и мои очи, я стыну... поцелуй меня еще раз!

И снова сомкнулись уста их, холодные как лед.

— О, Эйрик! Эйрик! Проснись! Гляди, там огни играют!

И Эйрик вскочил на ноги и посмотрел в ту сторону, где ярким заревом занялось на небе северное сияние, и при свете его он вдруг увидел Золотой водопад, а вдали на море Западные острова и храм Миддальгофа.

— Мы спасены! Вон замок твоего отца, — сказал Эйрик и разом ожил. Стряхнув снег со спины своего коня, он посадил Гудруду на него, а сам пошел рядом, ведя его под уздцы, торопясь прийти в замок, пока не погас волшебный огонь.

Сванхильда ползком поплелась следом. Она часто изнемогала от усталости, но затем снова собиралась с силами и кралась за ними. Злоба и ненависть, кипевшие в ее сердце, не давали ей замерзнуть.

Так дошли они до замка Асмунда. Сванхильда перелезла через торфяную ограду и вошла, никем не замеченная, через ворота. Эйрик же подвез Гудруду к другим воротам, и сам Асмунд приветствовал их: он встревожился о своей дочери и был рад, что принял ее живой.

Гудруда рассказала ему все, как было, но не все, что было, и Асмунд позвал Эйрика Светлоокого в свой дом. Тогда же он осведомился о Сванхильде, но никто не видал ее, и Асмунд был очень опечален. Но вот пришла старая женщина и сказала, что Сванхильда на кухне, а вслед за тем пришла и сама она, в белом одеянии, очень бледная. Глаза ее сверкали страшным огнем.

— Где же ты была, Сванхильда? Я думал, что ты погибаешь в снегу вместе с Гудрудой! — сказал Асмунд жрец.

— Нет, приемный отец, я ходила в храм, а вот Гудруда чуть не погибла — и погибла бы, если бы ее не спас этот Светлоокий. Я рада, что он спас ее: без прекрасной сестрицы плохо было бы наше житье! — проговорила Сванхильда и поцеловала Гудруду, но уста ее были холодны, а глаза горели недобрым огнем.

III. Как Асмунд жрец пригласил Эйрика к себе на праздник

Было время ужина, и мужчины сели есть мясо, а женщины прислуживали им. После трапезы люди собрались вокруг очага. Гудруда также пришла и села подле Эйрика, так что длинный рукав ее одежды касался его руки. Они не сказали друг другу ни слова, но сидели рядом и были счастливы, и это горечью наполнило сердце Сванхильды. Она пошла и села между Асмундом и Бьерном, его сыном.

— Посмотри, приемный отец, — сказала она, — какая красивая парочка там сидит бок о бок!

— Против этого никто не может слова сказать, — ответил Асмунд, — надо много земель изъездить, прежде чем встретишь другого такого мужчину, как Эйрик Светлоокый, а такой девушки, как Гудруда, не сыскать нигде между Миддальгофом и Лондоном, если не считать тебя, Сванхильда!

— Не говори обо мне, приемный отец! Что я такое? А вот если их поженить, то это будет выгодный брак для Светлоокого!

— А кто сказал тебе, что Эйрик получит Гудруду в жены? — строго сказал Асмунд.

— Никто, но у меня есть глаза и уши!

— А ты не доверяй ни тому, что видишь, ни тому, что слышишь. Тогда речи твои будут разумнее! — сказал Асмунд жрец. — Подойди сюда, Эйрик, и расскажи нам, как ты встретился с Гудрудой.

Тот рассказал, но не все, так как хотел сватать Гудруду только на другой день. Сердце его не предвещало ему счастья в этом деле, и потому он не спешил.

— В этом ты оказал мне и дому моему услугу, — промолвил Асмунд жрец, — так как я высоко ценю ее, как невесту, и отдам в жены только знатному и богатому человеку. Если бы она погибла в снегу, такой человек был бы лишен счастья порадоваться на ее красоту. А за услугу твою прими от меня в дар вот это, — и он, сняв с руки своей толстый золотой обруч, протянул его Эйрику, добавив, — в тот день, когда супруг Гудруды назовет ее своею женой, он подарит тебе другой такой обруч!

При этих словах колени Эйрика подкосились, и сердце замерло в груди, но он отвечал ясно и твердо:

— Дар твой был бы лучше без слов, но прошу тебя, возьми его обратно; я не сделал ничего, чтобы заслужить его. Быть может, настанет время, когда я попрошу у тебя более ценной награды за то, что ты считаешь заслугой!

— Никто еще никогда не отвергал моих даров! — гневно проговорил Асмунд. — Или ты — зажиточный землевладелец, что не придаешь цены золоту и не нуждаешься в нем?

— В золоте я не нуждаюсь, того, что я имею, хватает мне, но я свободный человек и не хочу принять дара, за который я не могу отплатить тем же! Вот почему я не хочу принять твоего обруча.

— Как хочешь! — проговорил Асмунд. — Гордость — добрый конь, если на нем ездить умеючи! — и он снова надел обруч себе на руку.

Затем все отошли ко сну, а Сванхильда пошла и пересказала все своей матери. Гроа засмеялась:

— Вот и хорошо! Асмунд в добром для нас с тобой настроении, и я сделаю так, что Эйрик не посмеет больше прийти сюда до того дня, когда Оспакар Чернозуб увезет отсюда Гудруду!

— Но если Эйрик не будет приходить сюда, мать, то как же я буду видеть его лицо? А мне надо видеть его ясные очи!

— Ну, уж это твое дело, безумная, но если он будет приходить сюда, то простиись со своими надеждами! Как ты ни хороша, но Гудруда много лучше тебя, и как ты ни сильна, она сильнее тебя в этом деле. А про Эйрика скажу тебе, что он или добьется своего желанья, или умрет под мечом Асмунда или Бьерна!

— Делай как хочешь, мать, но пусть он будет мой! — сказала Сванхильда.

— Ну, так я пойду к Асмунду, и прежде чем займется завтрашний день, Асмунд будет гневен и неумолим!

И Гроа пошла к закрытой пологом кровати Асмунда; он сидел на постели и спросил, зачем она пришла.

— Пришла я по любви моей к тебе и к дому твоему! Скажи, хочешь ли ты точно, чтобы дочь твоя, Гудруда Прекрасная, была Светлым Маем того долговязого поселянина Эйрика?

— Этого у меня не было в уме! — ответил Асмунд, поглаживая свою бороду.

— Ну, так знаешь ли, сегодня твою любимую голубку этот поселянин ласкал и целовал, сколько душе его было угодно, там, среди снежного поля!

— Что же, могло быть и хуже! Они — красивая пара и будто созданы друг для друга!

— А если так, то все хорошо. Но все-таки жаль такую красавицу бросить, как завалящую вещь, простому поселянину. У тебя немало недругов, Асмунд: ты слишком богат и во всем имеешь удачу. Не разумнее ли было бы тебе воспользоваться этой девушкой, чтобы воздвигнуть себе ограду от врагов, отдав ее замуж за человека могущественного, сильного и богатого?

— Не привык я рассчитывать на купленных друзей, а только на свою силу да на свой меч. Но скажи, как мне это сделать, если бы я вздумал последовать твоему совету?

— Вот как: ты, верно, слышал об Оспакаре Чернозубе, жреце, что живет на севере и властвует там надо всеми, и все боятся его!

— Слышал и знаю его! Нет человека, равного ему по безобразию, как и по силе, богатству и могуществу. Когда мы вместе с ним ходили викингами в походы, он делал такие дела, что кровь во мне возмущалась, а в те годы и у меня было не мягкое сердце!

— С годами люди меняются, — продолжала Гроа колдунья, — только я знаю, что Оспакар пуще всего желает взять Гудруду себе в жены. Теперь, когда он имеет все, что только может иметь человек, ему не остается ничего более желать, как назвать своею женой женщину, красивее которой нет в Исландии. А с таким зятем, как Оспакар, кто посмеет пойти против тебя?

— Не так уж я уверен в этом, да и тебе, Гроа, не вполне доверяю! Этот Оспакар безобразен и гадок; стыд тому, кто отдал бы Гудруду Прекрасную такому человеку, когда сама она глядит в другую сторону. Я клялся любить и беречь ее, и если Эйрик Светлоокый не столь богат и могуществен, зато красотой никто не сравнится с ним, да и рода он хорошего, честного, благородного, и всем мужчинам завидно глядеть на него!

— На все воля твоя, господин, но если ты хочешь отдать сокровище свое, за которое князья рады были бы отдать свои земли, этому Эйрику, то смотри — не всегда длится снежная пора; юная кровь кипит и не любит ждать! Ты или обручи ее с ним, или прогони его! Вот тебе мое слово!

— Язык твой, женщина, больно проворен и забегает вперед! Человек этот еще ничем не показал себя, и я хочу испытать его. Завтра я закажу ему дорогу к моему дому, и все пойдет так, как суждено судьбой. А ты теперь молчи, твои речи наскучили мне, лукавые они. Не знаю, что посулил тебе Оспакар за твое сватовство, только знаю, что ты бы от золотого обруча не отказалась!

На этом разговор кончился.

А рано поутру Асмунд разбудил Эйрика, спавшего у большого очага большой горницы, сказав ему, что хочет говорить с ним. Эйрик пошел за

ним к воротам, и здесь Асмунд спросил его:

— Скажи, Эйрик, кто научил тебя, что поцелуи устраняют холод в снежные дни?

— Кто сказал тебе, господин, что я испробовал это средство? — спросил Эйрик.

— Снег многое может сокрыть, но есть такие глаза, которых и метель не слепит. Знай, Эйрик, что хотя ты мне люб, но Гудруда не для такого ничем не прославленного поселянина, как ты!

— Значит, моя любовь безрадостна, господин: я ведь люблю Гудруду Прекрасную больше жизни своей и хотел этим утром просить ее тебя себе в жены!

— Ну, так ты слышал мой ответ и знай, что если тебя еще раз видят наедине с Гудрудой Прекрасной, то не ее уста, а мой боевой топор поцелует тебя!

Эйрик повернулся и хотел идти к своему коню, как вдруг Гудруда подошла незаметно и стала между ним и отцом; сердце Эйрика дрогнуло от радости при виде ее.

— Слушай, Гудруда, — сказал Эйрик, — таково слово твоего отца, чтобы нам с тобой не говорить больше никогда!

— Это горькое и жестокое слово для нас, Эйрик, но на все есть воля отца!

— Жестокое ли мое слово, или нет, а только оно будет твердо, и ты не пойдешь больше целовать его ни среди снежной равнины, ни на цветущем лугу! — проговорил Асмунд.

— Мнится мне, что я слышу не твои слова, отец, а слова Сванхильды! — проговорила Гудруда. — Такие дела случались и с лучшими людьми, но отцовское слово для девушки — все равно, что ветер для травушки: и та, и другая должны склоняться!

— Солнце хоть за облаком будет ныне, а настанет день, когда оно выглянет из-за туч. До тех же пор будь счастлив, Эйрик!

— Так нет твоей воли, господин, и на то, чтобы я приехал сюда на твой праздник Юуль, как ты звал меня все эти десять лет? — спросил Эйрик.

Асмунд, разгневавшись на речь Гудруды, указал рукою на Великий Золотой водопад, что с громом и грохотом падал с гор, и сказал:

— Человек может прийти сюда тем или другим путем. От Кольдбека к Миддальгофу ведут два пути: один по проезжей дороге, а другой — через Золотой водопад. Но до сего времени ни один человек не избирал этого последнего пути. Я зову тебя к себе на праздник этим кратчайшим путем и клянусь, если ты явишься сюда через Золотой водопад, я встречу тебя с

почетом, как желанного гостя. А если найду тебя мертвым в водовороте, то схороню по-соседски. Если же ты придешь сюда иным путем, то мои тралли заколют тебя у моего порога! — И Асмунд засмеялся, поглаживая свою длинную бороду: он знал, что никакой человек не может прийти этим путем.

Эйрик с усмешкой отвечал:

— Ну, так держи свое слово крепко! Быть может, я буду твоим гостем на празднике Юуле! — И, вскочив на своего коня, Эйрик поехал снежной равниной к себе на Кольдбек.

Тем временем Колль Полоумный пришел в Свинефьелль, что на севере, где стоит грозный замок Оспакара Чернозуба, в котором день за днем сотни мужчин садились за мясо. Колль вошел в большую горницу, когда Оспакар сидел за длинным столом, и широко раскрыл глаза, увидев Оспакара. Такого человека он никогда еще не видал: роста он был громадного, волосы его были черны как смоль, а на нижней отвисшей губе находилось большое черное пятно. Глаза маленькие и узкие; скулы торчали в стороны, как у лошади. Колль подумал, что плохо иметь дело с Оспакаром, и устрасился своего поручения: Колль, хотя и полоумный был, но ничем не глупее умного, даже много хитрее всякого другого.

Оспакар, сидя на высоком седалище, в пурпурном одеянии и опоясанный своим славным мечом Молнии Светом, подобного которому не было другого, при виде вошедшего Колля крикнул своим зычным голосом:

— Кто та рыжая лиса, что залезла в мою берлогу?

— Зовут меня Колль Полоумный, слуга волшебницы Гроа! Надеюсь, что я здесь желанный гость!

— Это видно будет! — отозвался Оспакар. — Скажи, почему тебя зовут Полоумным?

— За то, что не больно охоч до работы!

— Ну, так все мои тралли совсем безумные и тебе сродни. А теперь скажи, что привело тебя сюда?

— Вот что! Прошла о тебе молва, что ты сулишь богатый дар тому, кто отыщет для тебя в жены самую красивую девушку в Исландии, и я попросил госпожу отпустить меня на время, чтобы дойти к тебе и рассказать про такую девушку!

— Ничего я никому не сулил, но всегда рад слышать про красивую женщину! — сказал Оспакар. — И готов взять себе в жены ту, которую найду достаточно прекрасной. Так говори, но, смотри, не лги, а то не помилую!

И стал ему Колль расхваливать Гудруду Прекрасную. Когда он кончил,

Чернозуб сказал:

— Если девушка эта хоть наполовину столь прекрасна, как ты говоришь, то она может считать себя счастливой. Оспакар назовет ее своею женой. Если же ты налгал, то берегись, скоро одним мужем будет меньше в Исландии. Завтра я пошлю гонца сказать Асмунду, что думаю побывать у него на празднике Юуле, и тогда погляжу на эту девушку. А пока ты, Полоумный, садись с моими траллями и за труды свои получи вот это! — И Оспакар, сняв пурпурный плащ с своего плеча, бросил его Коллю.

— Ты хорошо сделаешь, если не промедлишь, — сказал Колль, — на такой цветок летит много пчел. Уже есть у нас на юге человек по имени Эйрик Светлоокий; и он любит Гудруду Прекрасную, и она любит его, хотя он простой поселянин и ему всего двадцать пять лет!

— Хо-хо! — захохотал Оспакар. — Мне уже сорок пять, но пусть этот молокосос не становится мне поперек дороги, а не то люди прозовут его Эйриком Одноглазым!

Немедленно к Асмунду был отправлен гонец, и показались ему слова Чернозуба любви. Он приготовил пир.

IV. Как Эйрик пришел через Золотой водопад

Накануне праздника Юуля прибыл в Миддальгоф Оспакар в роскошном вооружении, с большой свитой слуг и с двумя сыновьями — Гицуром Законником и Мордом Младшим. Гудруда, стоя у женских ворот отцовского замка, увидела при свете месяца лицо Оспакара, и оно возбудило в ней отвращение.

— Приглянулся ли тебе, сестрица, тот, что приехал взять тебя в жены? — спросила Сванхильда.

— Задаром приехал! — отвечала Гудруда. — Ему меня не взять! Скорее я буду лежать на дне водоворота под Золотым водопадом, чем на его брачном ложе!

— Это будет видно! Оспакар и богат, и знатен, а ростом и сложением крупнее всех мужчин. Плохо придется Эйрику, если он попадет ему в руки. А придет Эйрик на праздник через Золотой водопад, как ты думаешь, сестрица?

— Ни один человек не может этого сделать и остаться жив! — сказала Гудруда.

— Ну, так он умрет, — сказала Сванхильда, — так как знаю, что он отважится на это!

— Тогда кровь его ляжет на тебя и на твою мать, ведь это вы вдвоем навлекли на нас эту беду. И что я сделала тебе, Сванхильда, что ты так противишься моему счастью?

— Что ты сделала мне?! — воскликнула Сванхильда, бледная и безобразная от гнева. — Ты отняла у меня любовь Эйрика. Я не оставлю этого так и не успокоюсь, пока не отниму у тебя его любви или не увижу и тебя, и его в когтях смерти!

— Непристойны слова твои для девушки! Не страшна ты мне, и не страшны твои козни; ты ли, я ли одержим верх, знай, что ты наживешь больше позора, чем радости, и люди, вспоминая тебя, будут говорить о тебе с хулой, называя скверным именем; Эйрик же никогда не полюбит тебя, зато ненависть к тебе будет расти в нем с каждым часом, хотя ты, может быть, и погубишь и его, и меня! — С этими словами Гудруда отвернулась от нее и отошла в сторону.

Между тем Асмунд жрец вышел во двор своего замка и приветствовал

Оспакара Чернозуба, хотя он и не приглянулся ему. Взяв гостя за руку, он повел его в большую горницу, где было приготовлено все, и усадил на высокое седалище рядом с собой. Сюда слуги Оспакара внесли богатые дары для Асмунда, и тот много благодарил за них. Так как настало время для ужина, то мужчины сели за мясо, а женщины прислуживали им. Когда вошла Гудруда, а за ней и Сванхильда в горницу, то Оспакар посмотрел на Гудруду, и им овладело желание взять ее себе в жены; она же даже глаз на него не подняла.

— Так это та девушка, о которой я прослышал и что зовется Гудруда Прекрасная? Поистине, она прекрасна, и красивее ее никогда не рождалось женщины! — воскликнул Оспакар.

Мужчины ели, а Оспакар, кроме того, еще пил много пива и заморского вина, не сводя глаз с Гудруды Прекрасной. Но до того часа не сказал ни слова о том, зачем приехал.

Оба сына его также смотрели на Гудруду, и им она тоже казалась удивительно прекрасной, но Гицуру и Сванхильда приглянулась.

Так прошел вечер; настала ночь, пришло время всем отойти ко сну.

В тот же вечер Эйрик на своем коне доехал до Золотого водопада, до того места, где Золотая река ниспадает с высокой горы, каменной гряды, которая в этом месте вздымается до высоты сотни футов. Струя воды, падая вниз, раздваивалась на своем пути, от самого края обрыва сплошным рядом выступающих обточенных водою скал; это — так называемые Бараньи Курдюки. Здесь водопад образует собой подкову, концы которой обращены к Миддальгофу, и одной общей струей ниспадает в бездонную пропасть, образуя страшный водоворот. Дальше река разветвляется надвое, опоясывая кольцом с двух сторон цветущую долину Миддальгофа. Восточный рукав называется рекой Ран, а западный — Лакса.

Подъехав к самому водопаду, Эйрик долго изучал его, рассчитывая в уме каждый шаг, каждое движение.

— Вряд ли человек может совершить это и остаться жив! — думал он. — Но я все же попытаюсь: великая слава ждет меня, если мне посчастливится; если же нет, то пусть Ньерд примет меня в свое царство, и я навек забуду про девичью красоту и про мучения любви!

Так он решил и, поворотив коня, вернулся домой.

Хотя Савуна, мать Эйрика, со смерти Торgrimура Железной Пяты потеряла свет очей своих и не могла видеть лица своего сына, но сердце сказало ей в этот вечер, что Эйрик затеял что-то недоброе.

— Что тебе, сын мой, или мясо тебе нынче не по вкусу было? — спросила она, узнав сына.

— Мясо было не худо, хотя и продымилось немного!

— Вот теперь я вижу, что с тобою что-то неладно, — сказала Савуна, — у тебя совсем не было мяса сегодня на ужин, а если человек не разбирает, что он ест, то или он потонул в любви, или на уме у него что-нибудь тяжелое. Скажи мне, сын, что тяготит твою душу?

Эйрик откровенно признался матери, что задумал; и она горько упрекала его, но он долго молчал, затем отошел ко сну, но прежде нежно поцеловал свою мать.

Наконец настал день праздника Юуля. Солнце не показывалось до часа пополудни. Эйрик поцеловал мать и простился с ней, затем, призвав тралля своего Иона, дал ему узел, обернутый в телячью шкуру; в этом узле была завернута его лучшая одежда. Эйрик приказал слуге взять коня и ехать в Миддальгоф, где сказать Асмунду жрецу, что Эйрик Светлоокий в час пополудни придет через Золотой водопад к нему на праздник.

Тралль послушался, невольно подумав в душе, что его господин лишился рассудка.

Между тем тот поехал на коне к Золотому водопаду. Здесь он простоял некоторое время, пока, наконец, не увидел, что из ворот замка Миддальгофа идет множество людей по снегу к подножию водопада, к тому месту, где крутится и пенится водоворот, посылая высоко вверх свои брызги и пену. В толпе Эйрик различил двух женщин и какого-то громадного мужчину, незнакомого ему.

Выглянувшее в это время солнце залило ярким светом весь водопад, реку и водоворот, но мороз был сердитый и резал лицо и руки, как мечом. А Эйрику пришлось сбросить с себя одежду и остаться в одной вязаной сорочке и нижних штанах и кинуться в студеную воду, чтобы доплыть до Бараньих Курдюков посредине реки. Река в этом месте была широка и текла так быстро, что несла целые стволы, как щепки, прямо в бездну. Эйрика тоже стало относить, и как он ни был силен и могуч, как ни боролся против течения, вода несла его все ближе и ближе к краю обрыва. Не успей он в последнюю минуту ухватиться за выступ одной из скал Бараньих Курдюков, тут бы ему и конец.

Ухватившись за скалу, он с минуту повис на ней, затем, подтянувшись на руках, сел верхом на нее и некоторое время отдыхал. Но вот он снова поднялся и встал на ноги; мороз прохватывал его и начинал леденить его члены. Сильным движением он расправил их, вытянувшись во весь свой богатырский рост, и люди внизу теперь только увидели, что он жив и благополучно переплыл реку. Посыпались приветствия. Теперь Эйрик ста л спускаться по скалам Бараньих Курдюков, что было очень трудно, так как

скалы были круты и отвесно спускались в бездну; кроме того, они были скользки от заледеневших на них брызг. Наконец, вода, сплошной стеной падая вниз по обе стороны, слепила ему глаза и оглушала своим шумом. Все-таки он спустился на целых пятнадцать сажен, и люди внизу дивились его ловкости и смелости.

Теперь Эйрику следовало спрыгнуть на торчавший одиноко выступ подводной скалы, прозванной Волчьим Клыком, по обе стороны которого бешено мчался соединившийся в один поток могучий водопад, разделенный вверху Бараньими Курдюками. От последнего камня Курдюков пространство ярдов в пять отделяло Эйрика от черневшего внизу Волчьего Клыка. Взглянув вниз, где, пенясь, сшибался поток, смельчак на минуту был охвачен ужасом, однако скоро оправился. И, не долго думая, отвязал обмотанный у него вокруг пояса канат, укрепил его одним концом за выступ скалы, а другой конец крепко привязал к своему ременному поясу. В это время яркая радуга перекинулась высоким сводом через пенящиеся воды водопада — и это показалось ему добрым предзнаменованием.

Точно камень, сорвавшись с пращи, прыгнул Эйрик и упал прямо на Волчий Клык, здесь с минуту пролежал неподвижно, собираясь с новыми силами, затем вполз на руках на самую вершину Клыка. Скала дрожала и стонала под напором воды, так что Эйрик едва мог держаться на ногах, когда встал, готовясь сделать последний, решительный прыжок. Члены Эйрика начинали коченеть; надо было спешить. С громким, торжествующим криком, как бы стараясь придать себе мужества, кинулся юноша в самый водоворот, описав на лету громадную дугу в воздухе. Зрители затаили дыхание, когда он, точно большой белый камень, мелькнул в воздухе, затем, среди пенящихся волн, оглушенный могучей струей падения вод, пошел было ко дну, но потом волнами его выбросило на поверхность. Тогда, призвав на помощь все свои силы, он, сильными толчками преодолевая последнее препятствие, окончательно всплыл и двинулся к берегу. Скоро и ноги его коснулись дна песчаной отмели, образовавшейся вокруг бездонной выбоины, куда устремлялся водопад, но течение подхватило его и неудержимо понесло в бездну. Эйрик рванулся вперед и несколькими ударами доплыл до берега, но тут упал обессиленный и лишился чувств.

V. Как Эйрик добыл себе меч Молнии Свет

Все жители невольно удивлялись мужеству Эйрика. В числе их был и Асмунд. При виде его Эйрик, придя в чувство, сказал:

— Ты звал меня к себе на праздник Юуль тем скользким путем! Вот я пришел! Принимаешь ли ты меня теперь, как обещал?

— Принимаю, лучше всякого другого гостя, — отвечал жрец, — ты отважный и сильный человек и совершил такой подвиг, о котором будут говорить люди, пока скальды будут петь и люди будут жить в Исландии!

— Пусти меня, отец, — вмешалась прибежавшая к юноше Гудруда, — видишь, Эйрик разбился о скалу, и кровь сочится из раны! — И девушка отвязала платок со своей шеи, перевязала рану его, затем накинула на него свой плащ, чтобы согреть. Никто не сказал ей ни слова.

После этого героя отвели в замок, где он отдохнул и переоделся в свое лучшее платье, а тралля своего Иона послал на Кольдбек сказать матери, что он остался жив. Но весь этот день Эйрик был слаб, и шум водопада наполнял его слух.

Оспакар и Гроа не рады были тому, что случилось, и жалели, что Эйрик остался жив. Все же остальные радовались этому.

Наступило время праздника, и как то было в обычае, праздновали его в храме, поэтому все мужчины пошли в храм. Когда все заняли свои места, привели откормленного вола, что нарочно был приготовлен для принесения в жертву богам. Его поставили перед жертвенником, на котором горел священный огонь, и Асмунд жрец заклал его, затем собрал кровь в золотой сосуд и окропил ею жертвенник и всех людей, собравшихся в храме.

После этого мясо вола разрубили на части и обмазали изображения богов растопленным жиром его, вытерев их тончайшим холстом. Наконец, мясо вола варили в котлах, висевших над кострами, зажженными в храме, — и тогда начался праздник.

Мужчины ели много и пили много пива и медов, и все были веселы, только Оспакар Чернозуб не развеселился, хотя пил больше всех; он видел, что Гудруда смотрела только на Эйрика и что они улыбались друг другу. Злоба забирала его, рука его крутила ремень, на котором висел его меч. Вдруг ремень развязался, и меч чуть не упал, но Оспакар вовремя удержал его рукой, причем тот наполовину выдвинулся из ножен, и все люди увидели, как ослепительное лезвие блеснуло при огне.

— Чудесный у тебя клинок, Оспакар, — проговорил Асмунд, — хотя

здесь не место вынимать меч. Скажи, откуда он у тебя? Мне думается, теперь не куют уж таких мечей!

— Верно, — отвечал Оспакар, — другого такого меча нет в целом мире. Сковали его в стародавние времена карлики, и тот, кто поднимет этот меч, никогда не будет побежден. Это был меч короля Одина, и зовется он Молнии Светом. Ральф Рыжий похитил его из гробницы короля Эйрика и долго бился из-за него с могильными духами. Мой отец убил Ральфа, когда суда их сошлись в море и Рыжий, забыв про свой меч, стал биться секирой. Таким образом Молнии Свет достался отцу, а от отца мне. Посмотри на него, Асмунд, и скажи, видал ли ты когда другой такой меч!

И он вынул его из ножен, и все мужчины столпились поглядеть на него. Лезвие было так широко и так блестяще, что никто не мог долго смотреть на него: блеск его слепил глаза. На мече находилась надпись во всю его длину, но прочитывать ее не мог никто.

— Ты, управительница, и в старинном письме сведуща и толковать искусна, посмотри, быть может, ты разберешь эти письмена! — проговорил Асмунд, обращаясь к колдунье Гроа.

Та прочла надпись так:

Зовут меня Молнии Свет, сковали меня карлики.

Был я мечом Одина, и Эйрика мечом я был

И Эйрика мечом я буду снова

И там, где я паду, там должен пасть и он!

Слушая это, Гудруда взглянула на Эйрика Светлоокого. Оспакар, заметив это, очень разгневался, проговорив:

— Не смотри так, девушка, не об этом утенке желтоносом идет речь, не ему владеть Молнии Светом!

— Нехорошо, господин, метать насмешки, как сердитая женщина, и хотя ты велик и силен, но я не побоялся бы помериться с тобой! — заметил Эйрик.

— Молчи, мальчишка! — закричал на него Оспакар. — В какой игре можешь ты сравниться с Оспакаром?

— Я готов сразиться с тобой в броне и со щитом или в рукопашном бою с мечом или секирой, и пусть Молнии Свет будет наградой победителю!

— Нет, — сказал Асмунд, — я не хочу крови здесь, в Миддальгофе! Сразитесь лучше на кулаках и в рукопашной борьбе — это веселит взор людей, а с оружием в руках я не позволю здесь биться!

Тогда Оспакар охмелел от злобы и вина, и глаза его налились кровью, бешенство овладело им.

— И ты хочешь бороться со мной, со мной, которого никогда не мог даже приподнять от земли ни один человек? Так хорошо же! Я положу тебя лицом на землю и выпорю, как блудливого и наглого мальчишку. Пусть Молнии Свет будет закладом, а ты что можешь поставить против этого меча? Твоя жалкая нора и все твои земли не стоят его, в придачу со всеми твоими людьми и стадами!

— Я ставлю свою жизнь! — смело отвечал Эйрик. — Если я не добуду Молнии Света, пусть Молнии Свет поразит меня.

— Нет, этого я здесь не допущу! — воспротивился Асмунд. Тогда Оспакар засмеялся так, что все люди увидели его черные зубы, и сказал:

— Меч мой Молнии Свет светел, и светлы твои глаза, Светлоокый! Прозакладывай против моего меча твой правый глаз, если не робеешь, если же это страшит тебя, то бросим заклад, только другого я не приму!

— Глаза — богатство бедного, и потому пусть будет, как ты сказал, — согласился Эйрик. — Завтра мы выйдем друг против друга!

— Завтра тебя назовут Эйрик Одноглазый! — с усмешкой проговорил Оспакар.

Праздник продолжался. Асмунд жрец, поднявшись со своего высокого седалища, стал провозглашать священные тосты. Сперва люди пили за победу над врагами, затем пили в честь Фрейра, прося изобилия, затем в честь Тора, прося силы в битве, и в честь Фрейи, богини любви, после этого последовал тост в поминовение умерших, наконец, в честь Браги, бога наслаждений.

Когда и этот круговой кубок был выпит, Асмунд, снова поднявшись со своего места, согласно обычаю, спросил, не желает ли кто принести клятву в том, что он намерен совершить тот или другой подвиг.

Тогда поднялся Эйрик Светлоокый и молвил:

— Господин, я желал бы принести клятву!

— Расскажи сперва, что ты задумал!

— Живет там, на Мшистой скале, близ Геклы, один берсерк, о котором по всей земле идет дурная слава, так как не много есть людей, которым бы он не учинил обиды. Зовут его Скаллаgrim. Человек он сильный, мощный и отважный, и многие нашли смерть от его руки, многих он ограбил, но я клянусь, что, когда дни станут длиннее, пойду к нему один и вызову на бой!

И все похвалили Эйрика, так как Скаллаgrim многим досадил.

Тогда Эйрик подошел к жертвеннику и, взявшись за священное кольцо

у него и поставив ногу на священную плиту, как того требует обряд, громко произнес свою клятву.

Затем праздник пошел своим чередом, пока все не захмелели, кроме Асмунда жреца и Эйрика Светлоокого. Наконец все разошлись на покой.

Эйрик, крепко выпавшись, поутру встал еще до света и пошел выкупаться на реке; там он смазал все свои члены жиром тюленя, чтобы они были гибки и мягки. Возвращаясь с реки, он увидел у женских ворот Гудруду. Гудруда пожелала юноше счастья в борьбе, добавив:

— Хотя ты и потеряешь свой глаз, но я буду по-прежнему любить тебя и с одним глазом!

После этого Эйрик направился в замок. Скоро стали подниматься и прочие гости. Встал и Оспакар. Протрезвившись, он стал раскаиваться, что согласился прозакладывать свой меч, так как Молнии Свет был ему всего дороже, а глаз Эйрика ни на что не пригоден. А случится еще, что Эйрик одержит верх, — хотя этого он совсем не опасался, так как считался сильнее всех людей в Исландии, — тогда будет ему, Чернозубу, великое посрамление. Поэтому, завидев Эйрика Светлоокого, Оспакар крикнул ему грозно:

— Эй, слушай ты, Эйрик!

— Что тебе, Оспакар?

— Вчера мы порешили с тобой биться об заклад, но в нас говорили пиво и мед: ни тебе терять глаз, ни мне меч — не утеха. Так не лучше ли нам оставить это дело?

— Если тебя забирает страх, то пусть так! При этих словах Оспакар со злобой вскричал:

— Ах ты, щенок, так ты в самом деле хочешь выйти против меня? Да я переломлю тебе хребет с первого удара и вырву руками твой глаз прежде, чем ты успеешь подохнуть!

— Это может случиться, — сказал Эйрик, — но громкие слова не всегда влекут за собою громкие дела!

Скоро тралли пошли с лопатами и метлами и стали разметать снег в ограде. Разметя круг в тридцать пять футов, они посыпали сухим песком и золой, чтобы борцы не скользили, а снег накидали высокой стеной вокруг.

Тем временем Гроа, отозвав Оспакара в сторону, тихонько зашептала с ним:

— Знаешь ли, господин, мое сердце не предвещает тебе ничего доброго в этой борьбе. Что ты дашь мне, если я доставлю тебе победу?

— Я дам тебе две тысячи серебра!

— Хорошо, — сказала Гроа, — теперь не спрашивай меня ни о чем, и

ты победишь.

Тогда Гроа призвала своего тралля Колля Полоумного и приказала ему густо смазать жиром подошвы башмаков Эйрика Светлоокого и поддержать их над огнем, чтобы жир впитался в кожу, а затем поставить на прежнее место.

Скоро пришел и Эйрик и стал готовиться к борьбе. Взяв свои башмаки, он обул их, ничего не подозревая. Все вышли в ограду и встали вокруг кольцом, Эйрик и Оспакар друг против друга. Оба они были без верхней одежды, в одних вязаных тесных куртках и таких же штанах, на ногах были у них башмаки из бараньей шкуры, привязанные к ноге ремешками.

Судьей избрали Асмунда. Тот громко прочел, как надо бороться и как надо противника на землю положить: чтобы он бедрами, головой и плечами лег на землю, и так два раза.

Затем Асмунд потребовал, чтобы Оспакар отдал ему свой меч в залог, на что Чернозуб сказал, что тогда и Эйрик должен дать ему свой глаз в залог, но Асмунд жрец возразил:

— Меч твой мне легко будет возвратить тебе, если ты одержишь верх, а как я возвращу Эйрику Светлоокому его глаз, если он одолеет тебя?

И зрители согласились, что Асмунд рассудил правильно. Тогда Оспакар вынул из-за пояса небольшой стальной нож и приказал сыну своему Гицуру держать его наготове.

— Скоро ты узнаешь, молокосос, каково почувствовать нож в глазу! — крикнул он Эйрику.

— Скоро мы многое узнаем! — спокойно ответил Эйрик.

Оба противника, сбросив свои плащи, стали расправлять свои члены.

— Смотрите, Бальдр и тролль! — воскликнула Сванхильда, и все засмеялись. — Если Оспакар был страшен и безобразен, как тролль, то Эйрик был прекрасен, как Бальдр, прекраснейший из богов.

Асмунд ударил в ладоши и тем подал знак для начала борьбы. Долго длилась она; ни тот, ни другой противник не могли одолеть друг друга. Оспакар трижды пытался поднять Эйрика с земли, но напрасно. Наконец, едва только Эйрик сделал шаг вперед, ноги его скользнули по песку, он ступил еще и еще раз поскользнулся — и на этот раз очутился на спине, запрокинутый по всем правилам.

Гудруда при виде этого сильно опечалилась. Но, удивленная странным скольжением ног Эйрика, незаметно пробралась к тому месту, где он сидел на снегу и отдыхал. Душа его была скорбна: он чувствовал, что его не сила одолела, а какое-то колдовство.

— Слушай, Эйрик, — прошептала Гудруда, — не падай духом!

Посмотри хорошенько подошвы твоих башмаков.

Тот распустил ремешок, снял башмак с ноги и посмотрел на подошву. На морозе сало замерзло, и вся подошва была бела от сплошной коры льда.

Тогда гнев загорелся в ясных очах Светлоокого, и он воскликнул:

— Думалось мне, что я борюсь в честном бою с путным и сильным борцом, а не с обманщиками и хитрыми плутами! Смотрите! Удивительно ли, что я поскользнулся, а он положил меня? Видите, мои подошвы смазаны салом. Кто это сделал, на того ляжет позор из рода в род!

Тогда Асмунд жрец, взяв из рук Эйрика его башмаки и осмотрев подошвы, сказал:

— Эйрик Светлоокий правду сказал, есть среди нас подлый плут! Скажи, Оспакар, можешь ли ты отвести от себя такое обвинение?

— Я готов поклясться на священном кольце, что ничего не знал об этом, и если это сделал кто-то из моих людей, то он умрет! — ответил Оспакар.

— Это больше похоже на дело женских рук! — сказала Гудруда и многозначительно посмотрела на Сванхильду.

— Не причастна я к этому! — промолвила Сванхильда.

— Так поди и спроси твою мать! — гневно сказала Гудруда.

И все зрители громко закричали, что это великий срам, что борьба не в счет и надо начинать ее сначала. Теперь только Оспакар вспомнил, что посулил Гроа две тысячи серебра, но тем не менее стал спорить против возобновления борьбы, и Эйрик во гневе воскликнул: «Пусть будет так!»

Асмунд жрец сказал то же «пусть!» Но в душе поклялся, что даже если Эйрик будет побит, он не допустит, чтобы Светлоокий лишился глаза.

Эйрик и Оспакар снова схватились, и на этот раз борьба продолжалась долго. Оспакар не мог поднять Эйрика с земли, но, наконец, Эйрик ухватил Оспакара, и оба повалились на землю, затем снова вскочили, тогда Оспакар подставил ногу, чтобы опрокинуть соперника, но тот уловив его движение, зацепил его ногу своей левой ногой, а затем всей тяжестью своего корпуса разом налег ему на грудь — и Чернозуб запрокинулся на спину, точно срубленный ствол, на снег. Эйрик упал вместе с ним и лег на него всей своей тяжестью. Зрители закричали: «Повалил, повалил!» И все радовались победе Эйрика Светлоокого. Но это было еще не все. Передохнув немного, борцы снова схватились. Долго ни тот, ни другой не могли одолеть друг друга. Бешенство овладело тогда Оспакаром. Ощупав подле своей ноги босую ногу Эйрика, он со злобы наступил на нее со всей силы; кровь густой струей брызнула в стороны.

— Недоброе дело! Срамное дело! — закричали кругом зрители.

Борьба продолжалась. Оба борца повалились было на землю, но скоро поднялись. Вдруг Эйрик отскочил в сторону. Оспакар устремился на него, как разъяренный бык, и, собрав все свои силы, сбил противника с ног, но тот в ту же минуту вскочил снова на ноги. Тогда доведенный до бешенства Оспакар вцепился своими черными зубами ему в плечо. Эйрик осторожно опустил руку от пояса соперника и, продев ему между ног, приподнял и со всего маха плашмя положил его на спину; тот так и остался в снегу.

VI. Как Асмунд жрец помолвился с Унной

С минуту длилось молчание. Затем зрители стали громко приветствовать Эйрика и прославлять его подвиг, а сам Эйрик как будто вдалеке слышал этот шум и крики и как будто во сне видел всех этих людей. Вдруг на него наскочил человек с поднятой секирой, и, не успев он отскочить в сторону, тут был бы ему и конец. Человек этот был Морд, младший сын Оспакара; взбешенный поражением отца, он хотел отомстить за него. Отскакивая от него, Эйрик замахнулся кулаком, и удар пришелся немного над ухом Морда; тот без чувств упал на отца, который все еще не мог прийти в себя.

Кругом сверкнули мечи, и зрители кольцом обступили Эйрика, чтобы охранить его от врагов, так как тралли и люди Оспакара были вне себя от посрамления такого прославленного на севере богатыря и силача. Люди же юга, с Миддальгофа и реки Ран, гордились Эйриком и громко прославляли его. Дело чуть не дошло до кровопролития, но Асмунд жрец крикнул северянам:

— Долой мечи! Здесь я не допущу кровопролития! Уберите эти тела там на снегу! — И люди Оспакара повиновались.

Оспакар теперь очнулся и сидел на снегу, безобразный от ярости и злобы. Кровь шла у него изо рта, из ушей и из носа от сильного напряжения; он был так гадок, что никто смотреть на него не хотел. Теперь Асмунд жрец подошел к Эйрику Светлоокому и, поцеловав его в лоб, проговорил:

— Эйрик — и сильный, и смелый, и честный человек, хвала и гордость всех людей юга! Я предсказываю тебе, что ты совершишь подвиги, каких еще никто до тебя не совершал в Исландии. Ты честно добыл этот чудесный меч, возьми его и носи с честью!

— Господин, — проговорил Эйрик Светлоокий, — если ты считаешь меня не последним человеком и чтешь меня добрым словом, то прошу, обещай отдать мне свою дочь Гудруду Прекрасную; ведь ради нее я и совершил эти дела, за которые ты и все люди прославляют меня; ради нее я готов совершить еще больше.

Асмунд отвечал:

— Вот что я скажу тебе, Эйрик! Если ты будешь продолжать, как начал, то я обещаю, что не отдам Гудруду никому другому, кроме тебя. И еще скажу тебе, что вы двое можете помолвиться теперь же, так что, если

нарушите ваши клятвы, срам падет на вас, а не на меня. Вот тебе моя рука порукой!

Эйрик взял руку Асмунда и, положив ее себе на голову, обратился к девушке:

— Слышала, Гудруда, ласковые слова отца? Подойди же сюда, и поклянемся при всех этих людях, на этом чудесном мече, что будем любить друг друга до самой смерти и будем верны друг другу, пока живы.

Гудруда подошла, и оба произнесли свою клятву над мечом, приложившись губами к сверкающему лезвию Молнии Света.

Сванхильда смотрела на них, и в сердце ее клокотала злоба. Оспакар же, придя теперь в себя, сидел на снегу, упершись лбом в землю; он чувствовал, что потерял теперь и свою славу, и меч, и жену.

— Я пришел сюда, Асмунд, — проговорил он, — чтобы взять твою дочь себе в жены. Это было бы хорошо и для тебя, и для нее. Но этот юнец колдовством осилил меня, и теперь я принужден слышать и видеть, как ты на моих глазах помолвил этих двоих. Подожди! Беда обрушится на тебя и на весь твой дом, а я навек буду твоим врагом! Ты же, Эйрик, знай, что мы еще раз встретимся с тобой. Нынче была только детская забава, мы сойдемся в броне и со щитом и с мечом наголо, и тогда ты увидишь, с кем имеешь дело! Я убью тебя, а девушку силой возьму себе в жены, вырвав из твоих объятий, и тем же славным мечом Молнии Светом отрублю тебе голову! Слышишь?

— Ты, Оспакар, — чан, в котором много пены и мало воды! Хочешь, мы завтра же встретимся с тобой на поединке и решим то, что начали сегодня?

— Нет, у меня здесь нет меча. Но не бойся, я не запоздаю!

— Спешите! — сказал Эйрик и пошел в замок переодеться. На пороге попала ему Гроа колдунья.

— Ты насалила мои подошвы, мерзкая колдунья, — сказал он, — смотри, ты еще не жена Асмунда и никогда не будешь ею! Об этом я позабочусь.

— Если так, то берегись своей пищи и питья. Я недаром родилась среди финнов!

— Кошка начинает фыркать! — засмеялся Эйрик. — Это ей и пристало!

Но вот подошел к Эйрику Асмунд жрец и стал просить его, чтобы он вернулся к себе на Кольдбек, так как у Оспакара Чернозуба пропали кони, и пока их разыщут, Чернозуб должен будет остаться в Миддальгофе, а он, Асмунд, опасается, что, если они останутся под одной крышей, между

ними выйдет кровопролитие.

Эйрик согласился и, поцеловав Гудруду, сел на коня, опоясавшись мечом Молнии Светом, и уехал к себе на Кольдбек.

Савуна, мать его, приветствовала его с великой радостью; он пересказал ей все, как было, и она жалела, что Торgrimур Железная Пята, супруг ее, не был свидетелем подвигов сына.

После ужина Эйрик заговорил со своей матерью об Асмунде жреце и о родственнице Савуны, дочери брата ее Торода, Унне, женщине красивой и искусной во всякой домашней работе, и сказал, что неплохо было бы взять ее жить к ним на Кольдбек, прибавив, что Асмунду наскучила Гроа колдунья и он, быть может, будет рад взять себе в жены другую женщину.

— Пусть же будет так, как ты того желаешь, сын мой, — сказала Савуна, и на другой же день Унна поселилась в их доме. Действительно, после того, что Гроа сделала с башмаками Эйрика, она стала так противна Асмунду, что он не хотел видеть ее и стал подумывать, как бы не иметь с ней никакого дела.

И вот, когда Оспакар уехал из Миддальгофа, Асмунд поехал на Кольдбек к Эйрику и его матери и увидел Унну. Та сильно приглянулась ему, и он просил у Эйрика, чтобы он отдал ее в жены ему. Унна тоже не сказала «нет», и они помолвились, решив отпраздновать свадьбу по осени.

— Где ты был, господин? — спросила Гроа колдунья, когда Асмунд вернулся с Кольдбека.

И Асмунд сказал ей о всем. Тогда лицо ее исказилось от бешенства, и она стала призывать проклятие на него, на весь его дом и на весь народ.

Асмунд, вскипев гневом, вскричал:

— Перестань сейчас же твои заклинания, а не то ты будешь брошена, как колдунья, в водоворот под водопадом.

— А-а! В самом деле! В водоворот? Да, я вижу себя там; только ни твои глаза, ни глаза Унны не увидят этого; вы уже умерли раньше меня, да! — и она громко вскрикнула и, запрокинувшись навзничь, стала с пеной на губах кататься по земле.

Асмунд позвал к ней людей, а сам отошел прочь, подумав, что лучше было бы никогда не видеть ее смуглого лица.

После того Гроа десять дней была не в памяти. Дочь ее Сванхильда ходила за ней, а когда она пришла в себя, то пожелала увидеть Асмунда и, оставшись с ним одна, униженно просила прощения за свои недобрые слова, заявив, что она стала стара, худа и безобразна и покоряется своей судьбе. Пусть молодая хозяйка войдет в этот дом, но пусть и ей будет позволено в память о прошлом остаться смиренно в своем углу; пусть ее не

гонят из замка. При этом она много плакала и говорила много ласковых слов Асмунду; сердце его разжалобилось, и он позволил ей остаться в доме.

Итак, Гроа осталась жить в Миддальгофе и была кротка и ласкова, как никогда раньше не бывала.

VII. Как Эйрик ходил против Скаллагрима берсерка

Случилось так, что добрый ярл Оркнейской страны Атли Добросердечный приплыл в Исландию, где унаследовал после матери своей Хельги земли и, управившись со своими делами, весной собирался вернуться домой, но ветры и непогода заставили его встать на время под ветер Западных островов.

Атли спросил, какой народ живет здесь, и, когда услышал об Асмунде сыне Асмунда, жреце Миддальгофа, душа возрадовалась: в старые годы он и Асмунд не раз совершали вместе морские походы викингов. Атли, взяв двоих из своих людей, сел на коня и поехал в Миддальгоф.

Атли был лучший из всех ярлов в те дни, за что народ и прозвал его Добросердечным. Было ему шестьдесят лет, но годы не тронули его; только длинная седая борода напоминала людям, что он прожил на свете немало лет. Кроме седой бороды, Атли был красивый, рослый, сильный мужчина, глаза его были ясны, речи разумны. Это был великий, славный воин и справедливый судья. Жена у него умерла много лет тому назад, не оставив ему детей, и это сильно огорчало его, но до сих пор он не взял себе другой жены. Он говорил: «Любовь ослепляет старого человека», — или: «Спутаешь седые кудри с золотыми — и обезобразишь две головы», — и многое другое. Прибыл Атли в Миддальгоф, когда мужчины садились за мясо. Асмунд сразу признал Атли, хотя почти тридцать лет не видал его, и, взяв гостя за руку, ввел в большую горницу, усадил на высокое седалище, а его людям приказал очистить место на длинных скамьях. По обычаю женщины служили. Старый Атли увидел Сванхильду, и она показалась ему удивительно прекрасна в белом одеянии с шелковистыми темными кудрями, румяными и пышными устами и глазами, синими и глубокими, как море.

— Скажи, Асмунд, — спросил Атли, — эта прекрасная девушка, твоя дочь?

— Ее зовут Сванхильда Незнающая Отца! — отвечал Асмунд жрец, отвернув свое лицо.

— Если бы эта девушка была от меня, — сказал Атли, — ее не долго бы называли Незнающей Отца: таких красивых девушек на свете мало.

Сванхильда, услышав эти слова, задумала, чтобы Атли полюбил ее, а

она могла насмеяться над ним. Целый день она ухаживала за ним, служила ему и пела ему песни, и так все три дня, пока погода не стала снова хорошая и тихая. Тогда Атли сказал ей, что на следующий день он отплывет на своем судне на Оркнейские острова. Сванхильда положила свою белую руку на руку Атли Добросердечного и проговорила:

— Ах, не уезжай еще, государь мой! Не спеши с отъездом, прошу тебя!
— И, закрыв руками лицо свое, убежала из горницы.

Атли подумалось, что случилось удивительное дело: прекрасная молодая женщина полюбила старого, седобородого воина. Но так как он был человек мудрый и рассудительный, то решил зорко следить за девушкой прежде, чем скажет о своем намерении слово Асмунду, боясь ошибиться.

* * *

Дни стали длиннее, и Эйрик стал помышлять о своем зароке — пойти против Скаллагрима берсерка, в его берлогу, что на Мшистой скале близ Геклы. Это было дело нелегкое: Скаллагрим был такой силач, что никто не смел ни пойти против него, ни противиться ему. А Скаллагрим уже прослышал, что один поселянин по имени Эйрик Светлоокый дал зарок пойти один на один против него и уничтожить его. Но прежде он проделал над Эйриком такую насмешку: подъехал ночью к Кольдбеку на реке Ран и выкрал у Эйрика одну овцу; держа овцу под рукой вдоль седла, подъехал к самому дому и трижды стукнул в двери своей секирой, так что весь дом задрожал, затем, отъехав немного в сторону, стал выжидать. Эйрик вышел не одетый, но со щитом и с мечом Молнии Светом в руке и при свете месяца увидел громадного чернобородого мужчину на коне с большим топором в руке и овцой под мышкой.

— Кто ты такой? — спросил Эйрик.

— Зовут меня Скаллагрим, — отвечал конный, — и многие люди, увидев меня однажды в своей жизни, уже в другой раз не увидят. Дошел до меня слух, что ты дал зарок пойти против меня один на один в моей берлоге на Мшистой скале. Так вот я пришел сказать тебе, что встречу тебя с почетом. Вот смотри, — добавил он и, отрубив хвост у овцы, кинул его Эйрику. — Когда ты прирастишь этот хвост к шкуре этой овцы, из которой я сошью себе куртку, тогда Скаллагрим признает над собой господина! —

И повернув коня, он ускакал.

На другой день Эйрик собрался в поход, надел панцирь и золотой шлем с крыльями по бокам, опоясался славным мечом Молнии Светом, взял надежный щит и, простившись с матерью и Унной, выехал со двора. Путь его лежал мимо Миддальгофа, и он заехал туда. Когда он подъезжал, увидел его старый Атли и воскликнул:

— Вот едет человек сильный и прекрасный, как сам бог Бальдр!

Эйрик пробыл ночь в Миддальгофе, Асмунд был ласков к нему, Гудруда гордилась им, а Атли много разговаривал с ним и сердцем полюбил его, горько жалея, что боги не дали ему такого сына, и наконец сказал:

— Вот тебе мой совет: береги свою голову, защищай ее щитом, а сам руби низко — ниже его щита! Берсерки всегда нападают, держа щит высоко.

Эйрик поблагодарил за совет и наутро с рассветом пустился в путь. Гудруда провожала его.

— Думается мне, что Сванхильда пришлась по сердцу старому Атли, — сказал Эйрик, — хорошо для нас было бы, если бы она вышла за него.

— Да, хорошо для нас, но плохо для него, — ответила Гудруда, — она не любит его и только насмеется!

Эйрик поцеловал Гудруду крепко и ускакал на своем коне в сопровождении своего тралля Иона.

* * *

К закату Эйрик и его тралль подъехали к подножию Мшистой скалы. Гекла осталась у них справа. Скала эта громадна, вся поросла седым мхом, только с южной стороны можно было подняться на нее по узкой тропе. Путники стали взбираться в гору, и когда добрались до площадки, где был ручей, что бежал с горы, Эйрик сошел с коня и приказал своему траллю оставаться здесь и стеречь коней, а сам один пошел дальше. Долго, долго взбирался он в гору и уже почти совсем стемнело, когда он подошел к глубокой пещере, где было жилище берсерка. Пещера находилась над крутым обрывом, а под обрывом зияла черная бездонная пропасть. Перед пещерой еще тлел костерок, а кругом валялись кости, из чего Эйрик заключил, что берсерк в своей норе, и заглянул внутрь. Там было темно, но костер кидал красный свет. Эйрик смело вошел в пещеру. Входить в нее

приходилось ползком. Сначала ничего не было видно, слышался только сильный храп, затем юноша увидел лежавшего вразтяжку громадного бородатого человека с густыми черными волосами, с овечьей шкурой под головой. Большая секира лежала подле него. Эйрик мог бы одним ударом своего меча покончить с ним, но такого дела он не хотел сделать. Он хотел уже разбудить его, как из-за спины Скаллагрима поднялся другой человек.

— Клянусь Тором, на двоих я не рассчитывал! — вскрикнул юноша и поспешил выйти из пещеры. Вслед за ним вышел, грозно рыча, как разъяренный зверь, и тот берсерк, что сидел за спиной Скаллагрима, и накинулся на Эйрика с поднятым мечом. Эйрик увернулся от удара, отскочив к самому краю обрыва. Тогда берсерк снова налетел на него, но на этот раз Эйрик, отразив удар щитом, размахнулся сам с такой силой, что голова берсерка отлетела наземь с плеч и покатила по земле, тело же с раскинутыми в стороны руками, как будто ловя воздух, полетело с края обрыва в пропасть. Это был первый человек, которого Эйрик убил на своем веку. Дрожь пробежала у него по спине. Он посмотрел на голову убитого берсерка, и она проговорила: «Ты убил меня, Эйрик Светлоокий, но знай, куда упало мое тело, туда упадешь и ты, и где оно легло, там будешь лежать и ты!»

Эйрику это показалось странным, но он не сробел, ответив:

— Уж если ты так речист, то поди, скажи своему товарищу, что Эйрик Светлоокий стучится у его дверей!

Он взял голову и тихонько вкатил ее в пещеру. Оттуда сейчас же выбежал с поднятой секирой в одной руке и головой убитого берсерка в другой Скаллагрим. На нем не было никакой другой одежды, кроме рубахи, а на груди была навязана овечья шкура.

— Где мой товарищ? — заревел он.

— Часть его ты держишь в своей руке, Скаллаgrim, а за остальным тебе придется сходить вон туда! — ответил Эйрик, указывая на пропасть.

— А ты кто такой? — спросил берсерк.

— По этой примете ты узнаешь меня, — сказал Эйрик и кинул ему хвост той овцы, которую у него похитил тогда Скаллаgrim.

Теперь Скаллаgrim узнал его, и бешенство овладело им; глаза его налились кровью, и пена показалась на губах. Он был страшен на вид. С поднятой секирой устремился он на Эйрика, но тот проворно отскочил, и удар пропал даром. Эйрик же занес свой чудесный меч над самой головой берсерка, но тот вовремя успел защитить голову секирой, так что удар пришелся по ней и разрубил лезвие ее пополам.

Теперь Скаллаgrim был обезоружен, и убить его было нетрудно, но Эйрик думал, что это недостойный поступок — убить безоружного человека, и потому, отбросив в сторону Молнии Свет, крикнул:

— Давай попробуем побороть друг друга, Скаллаgrim!

Они стали бороться. Как ни силен был Оспакар, а его силу нельзя было сравнить с силой Скаллаgrима во время его припадков бешенства. Эйрик вскоре очутился на спине, а Скаллаgrim на нем. Но Эйрик обхватил его и держал, точно железными тисками, и Скаллаgrim, желая; высвободиться из его объятий, бешено катался по земле. Вскоре оба противника очутились на самом краю пропасти; еще одно движение, и они полетят вниз. Эйрик ухватился за берсерка и, посылая мысленно последнее «прости» Гудруде, приготовился умереть: силы изменяли ему, ноги его уже свесились с края обрыва. Вдруг он увидел, что судорожно искривленное лицо Скаллаgrима изменилось и что весь он разом ослаб. Эйрик понял, что припадок бешенства у него прошел.

— Стой! Я прошу мира! — сказал Скаллаgrim и выпустил Эйрика.

Тот осторожно подобрал ноги и, очутившись на площадке, проворно отскочил в сторону.

— Теперь моя песня спета, — продолжал берсерк, — ты или втащи меня, так как я падаю, или отруби мне голову, я в твоих руках!

— Нет, — сказал Эйрик, — ты благородный враг, и я не поступлю; с тобой так низко! — с этими словами он протянул ему руку и оттащил от края пропасти в безопасное место.

Отлежавшись и придя в себя, берсерк тихонько приполз к тому месту, где сидел, прислонясь к скале, Эйрик, и сказал:

— Государь мой, дай мне твою руку! Из всех людей, которых Я знал, ты сильнейший: пятеро человек не могли бы устоять против меня, когда на меня находит бешенство, а ты одолел меня, притом в честном бою, одной своей силой! Ты благородно отбросил свое оружие, когда увидел, что я безоружен. Ты подарил мне жизнь, когда мог отнять ее, — и с этого часа она принадлежит тебе! Я здесь клянусь тебе в вечной верности и отдаю

себя на твою волю. Можешь убить меня или пользоваться мной, как пожелаешь, только говорю, что я сумею тебе пригодиться: до сего времени ни один человек не мог одолеть меня; ты один одолел, и я готов служить тебе моей силой. Чует мое сердце, что скоро моя сила пригодится тебе.

— Это может быть правда, но я мало доверяю тем, кто вне закона! — отвечал Эйрик. — Кто поручится мне, что, если я возьму тебя к себе, ты не убьешь меня, когда я буду спать, как мог бы это сделать и я сегодня, когда пришел к тебе.

— Слушай, государь мой, — продолжал Скаллаgrim, — пусть Вальгалла отвергнет меня и Хель возьмет меня, пусть мне суждено будет скитаться всю жизнь, как травленому зверю, пусть не буду иметь покоя ни день, ни ночь, пусть враги мои одолеют меня, если я нарушу свою клятву. Клянусь, что отныне твои враги будут моими врагами, твое торжество — моим торжеством, твоя честь — моей честью, буду я твоим траллем до конца моей жизни, и, если хочешь, мы будем жить с тобой одной жизнью и умрем одной смертью!

— Я шел против врага, — проговорил Эйрик, — а нашел, как видно, друга, а в друге я скоро, вероятно, буду нуждаться, и хоть ты берсерк — человек вне закона, я верю тебе. С этого часа ты мой, мы вместе с тобой совершим немало подвигов и в память этого дня я прозову тебя Скаллаgrim Овечий Хвост. А теперь, если у тебя есть какая пища и питье, накорми и напои меня: я обессилел от твоих железных объятий, старый медведь!

VIII. Как Чернозуб встретил Эйрика Светлоокого и Скаллагрима Овечий Хвост на холме Конская Голова

Скаллагрим позвал Эйрика в свою пещеру, накормил его мясом и напоил пивом.

— Скажи мне, Скаллагрим, — спросил Эйрик, — что сделало тебя берсерком?

— Один позорный поступок, государь мой, но не я совершил его, а другие. Десять лет назад я был небогатым поселянином, неподалеку от богатых земель и угодий Свинефьелля, где властвует богатый и могущественный вождь Оспакар Чернозуб, человек лихой и низкий. Одно у меня было сокровище, красивая и добрая жена. Случилось так, что Оспакар увидел ее и стал сманивать стать его Маем; она как будто не хотела, но он прельстил ее богатыми дарами и хорошими обещаниями, и однажды, когда я крепко спал с женой, в мой дом ворвались вооруженные люди, связали меня, стащили с кровати, и я увидел, что с этими людьми был Оспакар. Он приказал моей жене Торунне одеться живее и ехать с ним; она заплакала и стала упираться. Я увидел, что она надела пояс, а на нем был нож, как носят все наши женщины, и крикнул ей:

— Заколи себя, моя милая! Смерть лучше позора!

Но она отвечала мне:

— Возлюбленный супруг мой, я люблю тебя одного, но женщина может найти другую любовь, а другой жизни она не может найти!

Между тем Оспакар стал торопить ее, затем, схватив за руки, вытащил из хижины, сел на коня, положил ее поперек седла и ускакал. Люди же его остались у меня в доме, стали пить мое пиво и смеялись надо мной, когда я лежал перед ними связанный. Они рассказали мне, что моя жена Торунна сама придумала и присоветовала Оспакару этот набег.

У меня в глазах потемнело, я думал, что умру от срама и обиды. Вдруг что-то могучее поднялось у меня в груди, и я почувствовал в себе необычайную силу. Точно нитки, порвал я веревки, которыми был связан, и схватил свою секиру со стены. Мной овладело такое бешенство, что я набросился на этих людей, издевавшихся надо мной. Что тут было, я не знаю, только знаю, что, когда я очнулся, восемь трупов лежало на полу. Я навалил на них столы и скамьи, облил все это гарным маслом и зажег. Так я

сжег хату, а сам ушел в леса и несколько лет разбойничал с другими разбойниками, не щадя ни мужчин, ни женщин, затем ушел оттуда и стал жить здесь на Мшистой скале. Многие люди выходили против меня, но никто не мог совладать со мной; все стали бояться меня, только ты один осилил меня, и этим ты можешь гордиться.

После того и Эйрик рассказал ему, что знал про Оспакара, как он хотел отбить у него Гудруду, как он поборол его и как приобрел этим меч, славный Молнии Свет.

— Видишь, государь мой, судьба недаром столкнула нас, теперь мы двое пойдем против Оспакара. Верь мне, не далек тот час, когда он встретится нам. Я знаю его. Если он облюбывал твою невесту, то не успокоится до тех пор, пока не добудет ее или не будет убит. Уж он верно бродит где-нибудь вокруг, только нам двоим нечего опасаться его, да еще с твоим Молнии Светом, под ударом которого, быть может, отлетит голова Оспакара!

При этих словах новый припадок бешенства охватил Скаллагрима.

— Успокойся, Овечий Хвост, Оспакара нет здесь, побереги свое бешенство до лучшего случая!

— Не любя мне твоя повесть, — сказал Скаллагрим, успокоившись и помолчав немного, — больно уж много женщин обступило тебя, а женщины вонзают нож в спину, а не в грудь, и от женщин идет все зло на земле!

— Что ты говоришь?! Женщины, что мужчины, есть между ними им хорошие, есть и дурные.

— Да, но и те, и другие губят мужчин! Только злые губят по злобе, хорошие же по безумию и по любви. Отрекись от женщин — и ты проживешь жизнь в почете и умрешь мирно; полюби женщину — и будешь ты несчастный и погибнешь жалкой смертью.

— Неразумное ты говоришь, Скаллагрим; как птица должна летать, как волна должна бежать, так должен и мужчина лхнуть к женщине и любить ее!

После того они ничего больше не говорили и оба заснули.

Солнце было высоко, когда они проснулись, умылись у ключа, и Скаллагрим показал Эйрику в глубине пещеры много хорошего оружия, отобранного им у тех, кого он убил или ограбил.

— Скажи, как ты набрел на эту пещеру, Скаллагрим? — спросил Эйрик.

— Я шел по следам того, кто здесь жил раньше меня, и предоставил ему или уйти и уступить мне пещеру, или помериться со мной силой

оружия. Он захотел последнего и был убит мною.

— Кто же был тот, чья голова лежит вон там?

— Пещерный житель, господин мой, я взял его сюда, так как в зимнее время здесь очень тоскливо и одиноко. Это был лихой человек; он тоже был берсерк, но это не находило на него временами, как на меня и на других; он был постоянно берсерком, и ты хорошо сделал, что убил его; пусть же голова его идет вслед за туловищем! — И он скатил ее вниз с обрыва.

— А теперь возьми свое вооружение и забери что хочешь из своего добра, нам пора собираться в путь-дорогу, мой тралль и так, верно, думает, что ты одолел меня.

— Смотри, вот твой тралль уже идет под горой, нам его теперь не нагнать. Но ты не тужи: у меня в потайном месте припрятаны хорошие кони, и мы следом за ним приедем в Миддальгоф.

— Ну, поди собирайся да помни, что, если ты со мной поедешь, так должен бросить свои привычки берсерка и не давать воли своему бешенству. Иначе я не берусь выговорить тебе мир в Миддальгофе!

Скаллаgrim надел на голову темный стальной шлем и черную стальную кольчугу, взял хороший щит и добрую секиру, затем взял с собой большой кошель с деньгами и целую связку золотых обручей и, положив все это в мешок из выдровой шкуры, навязал себе на пояс. Остальное же имущество свое он припрятал за камни, полагая прийти за ним когда-нибудь в другой раз.

После того прошли они крутой и потайной тропой к скрытой в скалах луговине и там нашли добрых коней. В скалах же запряжаны были седла и уздечки: они изловили коней, оседлали их и поехали прочь от Мшистой скалы.

Долго ехали они, не встречая никого, как вдруг, подъехав к вершине холма, который люди прозвали Конской Головой, очутились среди целой ватаги вооруженных людей. Это были Оспакар Чернозуб, его двое сыновей и его ратные люди.

— Их много, а нас только двое! — сказал Эйрик. — Живо долой с коней. Встанем спина к спине, и помни, что если даже на тебя найдет во время битвы твой обычный припадок бешенства, ты и тогда не трогайся с места, а то и твоя, и моя спина будут не защищены.

— Будь спокоен, государь мой!

Тем временем Оспакар со своими людьми подъехал к ним.

— Что вы за люди?

— Надо бы тебе знать нас! Я еще так недавно поборол тебя и взял у тебя с боя вот что! — И Эйрик, выхватив свой славный меч Молнии Свет,

сверкнул им перед глазами Оспакара.

— И я тебе должен быть знаком, — сказал Скаллаgrim, — я тот, которого люди называют Скаллаgrimом и которого ты некогда называл Унунд. Скажи, какие вести о Торунне?

— Ха-ха-ха! — засмеялся Оспакар. — Эй ты, Эйрик, тебя-то мне и надо. Скажи, когда твоя голова слетит с плеч, свезти ее на память о тебе Гудруде? А тебя, Унунд, я считал мертвым, но так как ты жив, то узнай, что Торунна, моя нежная возлюбленная, посылает тебе вот это!

И он пустил в него дротик, но Скаллаgrim поймал его на лету и пустил обратно с такой силой, что он, пробив щит и кольчугу Чернозуба, вонзился ему глубоко в плечо, нанеся сильную рану, которая сделала его неспособным к бою и заставила жестоко взвыть.

— Поди, прикажи Торунне вытащить эту занозу и залечить рану поцелуями!

Но Оспакар совершенно вышел из себя и крикнул своим людям, чтобы они накинулись и убили этих двоих. Завязалась битва.

Эйрик и Скаллаgrim рубили направо и налево. Берсерк до того рассвирепел, что люди Оспакара стали отшатываться от него и, наконец, после того, как человек десять из них полегло, остальные не смели даже подступить.

— Что же вы, бездельники, трусы! Рубите их, крошите их! — кричал Оспакар.

Но никто не трогался с места.

— Нас только двое! Попытайтесь еще осилить нас, пусть не говорят, что двое осилили двадцать человек! — крикнул Эйрик.

Тогда Морд сын Оспакара, услышав этот вызов, пришел в бешенство и с поднятым щитом устремился вперед. Гицур же не вышел на бой — он был трус.

Морд, человек сильный и искусный в бою, налетев на Эйрика, нанес ему такой удар, что щит у того раскололся пополам, но Эйрик, отбросив от себя щит, выждал удобный момент, — и вот блестящее лезвие Молнии Света пронзило Морда насквозь, так что конец его вышел через спину. Перед тем Морд нанес Эйрику рану в плечо, и теперь Эйрик отплатил ему.

Видя, что Морд убит, оставшиеся в живых люди Оспакара кинулись к своим лошадям и поспешно ускакали, крича, что эти двое заколдованные люди и что тягаться с ними нельзя простым смертным. Раненый Чернозуб, чтобы не остаться один, поскакал вслед за ними.

— Что ты не весел, государь? — спросил Скаллаgrim Эйрика, когда на холме, кроме них да мертвых и умирающих, не осталось никого. — Нас

двое, и мы убили десятерых да еще Морда сына Оспакара! Мы вышли с честью из боя, а они с уроном и с бесчестьем, а ты недоволен!

— Правду ты говоришь, Скаллаgrim, мы вышли с честью, а они — с бесчестьем: двадцать человек не могли одолеть двоих. Но у Оспакара много друзей, и он не простит мне этого, затеяв против меня судебное дело в альтинге.

— Жаль, что дротик не вонзился в его сердце, — сказал Скаллаgrim, — тогда все было бы кончено.

— Видно, час его еще не пришел! — заметил Эйрик. — Во всяком случае он унес с собой нечто, что ему будет напоминать о нас.

IX. Как Сванхильда обошлась с Гудрудой

Между тем Ион, тралль Эйрика, прибыл в Миддальгоф и пропел перед воротами замка песню смерти о своем господине.

Гудруда и Сванхильда, стоя у женских ворот, слышали ее. Помертвело лицо Гудруды; ничего не сказав, она пошла в большую горницу, где подле очага сидели Атли и Асмунд. Асмунд спросил девушку, отчего у нее такое лицо, и Гудруда запела печальную песню, в которой говорилось о том, что Эйрик погиб от руки берсерка и что она, Гудруда, овдовела, еще не быв супругой Светлоокого Эйрика.

Допев свою песню до конца, она тихонько вышла, не подымая глаз.

Тогда Атли стал горевать о смерти Светлоокого, а Асмунд поклялся отомстить берсерку прежде, чем наступит лето.

Гудруда вышла из замка и шла далеко-далеко, пока не пришла к Золотому водопаду, к тому месту, где он низвергается с высоты каменной гряды. Она искала одиночества и хотела горевать на свободе, чтобы никто ее не видел. Но Сванхильда пошла за ней, и Гудруда, слышав за своей спиной легкий шорох, обернулась и увидела Сванхильду.

— Что ты хочешь от меня? — спросила Гудруда. — Или ты пришла насмеяться над моим горем?

— Нет, сводная сестра! Обе мы любили Эйрика, и теперь его не стало. Пусть же наша взаимная ненависть будет схоронена вместе с ним! — сказала Сванхильда.

— Уходи отсюда, — сказала Гудруда, — плачь своими слезами и не мешай мне выплакать мои. Не с тобой хочу я горевать по нему!

Сванхильда закусил губу, и лицо у нее сделалось злое и жестокое.

— Помни, что я не приду к тебе в другой раз со словами примирения, — сказала она, — и ненависть моя к тебе живет, растет и зреет с каждым часом! — С этими словами Сванхильда отошла, но не далеко, и, кинувшись лицом на траву, стала клясть судьбу; Гудруда же плакала тихо, прося себе у богов смерти.

Скоро стало ее клонить ко сну. Она задремала и увидела сон, что она сидит многие годы у врат Валгаллы, ожидая, не пройдет ли мимо нее Эйрик Светлоокий, когда в эти врата проходят воины, павшие на поле чести. Сам праотец Один увидел ее и спросил, кого она ждет. Она сказала и стала молить Одина, чтобы он отдал ей Эйрика на короткое время.

— А чем ты заплатишь за это счастье, девушка? — спросил ее Один.

— Своею жизнью! — отвечала она, и он обещал ей отдать его на одну ночь, после чего она должна будет умереть, и ее смерть должна будет стать причиной его смерти.

Она проснулась на этом и раскрыла глаза; перед ней стоял Эйрик в своем золотом шлеме с расколотым щитом, в крови и пыли; глаза его смотрели весело и ласково, точно звезды на небе.

— Ты ли это, Эйрик, или это сон?

— Это я, дорогая! — сказал он и, склонившись к ней, прижал ее к своей груди.

— А мы думали, что ты пал от руки берсерка! — И она рассказала ему свой сон.

В свою очередь и он рассказал ей все, что было с берсерками, и про встречу с Оспакаром Чернозубом.

Они целовались и были счастливы, а Сванхильда видела это, и бешеная злоба закипала в ее груди.

— Пора мне и вниз, где меня ждет Скаллаgrim и мой конь. Ты дойди домой, и мы с ним сейчас туда приедем!

Эйрик вернулся к Скаллаgrimу, и тот похвалил его невесту, спросив, кто же та девушка, что подкрадывалась к ним ползком и затем шепталась с серым волком, который прибежал к ней из леса. Эйрик сказал, что это, верно, была Сванхильда, но что он не видал ее.

И вот, когда Эйрик ушел от нее, Гудруда села на самый край обрыва подле того места, где спадает Золотой водопад, и еще раз переживала в душе все подвиги Эйрика и гордилась им. Вдруг она услышала за собой легкий шорох и прежде, чем могла понять, что с нею, чьи-то сильные руки толкнули ее; она полетела вниз, но успела уцепиться за маленький выступ скалы и повисла на нем.

Под нею, срываясь с высоты, шумел и ревел водопад, устремляясь в бездонную пропасть, а над нею склонялось сверху залитое красным цветом заката искаженное злобой лицо Сванхильды. Она дико хохотала, крича: «Ищи свое счастье в Золотом водопаде. Не тебе, а мне достанется Эйрик!... Ну, не цепляйся же, чего ты висишь! Все равно, никто не спасет тебя и никто не расскажет про это! Пусть твоим брачным ложем будет Золотой водопад, а супругом — его холодная струя!...» Но Гудруда цеплялась изо всех сил и продолжала висеть над бездонной пропастью.

— И что ты так дорожишь этой жалкой жизнью? Чего ты так цепляешься, сестрица, дай я спасу тебя от самой себя! Ведь тебе должно быть мучительно висеть так и бороться со смертью! — И Сванхильда побежала отыскивать обломок скалы или большой камень. Найдя его и

падая под его тяжестью, она добралась до края обрыва и заглянула вниз. Гудруда все еще висела. Сванхильда склонилась над ней. Гудруда видела ее злое лицо, видела глыбу камня, готовую обрушиться на нее, и в смертельном ужасе громко вскрикнула, сознавая, что пришел ее последний час.

Но Эйрик был уже тут, хотя Сванхильда не видела, не слышала звука его шагов: их заглушал шум водопада. Крик Гудруды достиг ушей Эйрика; он видел, что глыба камня сейчас сорвется с высоты, и с быстротой молнии кинулся на край обрыва; его сильные руки схватили Сванхильду и

отшвырнули в сторону. Эйрик склонился и увидел Гудруду. Лицо его было бледно, как лицо мертвеца. Недолго думая, он соскочил на тот выступ скалы, за который уцепилась и на котором повисла Гудруда.

— Держись, держись, моя милая, я здесь! — крикнул Эйрик.

Но силы изменили девушке, и одна рука ее уже соскользнула; еще минута — и она сорвется.

Эйрик ухватился одной рукой за выступ скалы, другой схватил Гудруду как раз в тот момент, когда она готова была отпустить руку. Своей сильной рукой он схватил ее, затем, напрягши все свои силы и чуть не сорвавшись сам, поднял Гудруду на высоту своей груди и положил ее на край берега, где она была в безопасности, а потом и сам он взобрался туда. Гудруда была в обмороке. Эйрик призвал на помощь Скаллагрима, и они общими силами снесли ее с горы. По пути Эйрик рассказал Скаллагриму обо всем, и тот сказал ему на это:

— Женщины коварны и лукавы, но никогда еще я не видал такого дела, как это. По мне следовало бы эту колдунью вместе с ее серым волком швырнуть с обрыва в пропасть.

— Это еще впереди! — отозвался Эйрик, и затем они молча пошли дальше, неся бесчувственную Гудруду, которая все еще не приходила в себя. Когда они донесли ее до Миддальгофа, уже совсем стемнело; они совершенно выбились из сил.

Х. Как Асмунд жрец говорил со Сванхильдой

Время шло, а старый ярл Атли все еще гостил в Миддальгофе. Часто он приводил себе на ум многие умные слова, но они не шли ему впрок, и он с каждым днем все сильнее любил коварную Сванхильду. Наконец, в тот день, когда Эйрик возвратился с Мшистой скалы, старый Атли пошел к Асмунду и стал просить у него Сванхильду в жены. Асмунд был очень рад, так как знал, что не все ладно между Гудрудой и Сванхильдой, и потому думал, что хорошо будет, если моря лягут между ними. Но ему думалось, что нечестно не предупредить Атли о том, что Сванхильда не то, что другие женщины, и что она принесет несчастье тому, кто женится на ней.

— Подумай хорошенько, прежде чем ты возьмешь ее себе в жены! — говорил он.

— Я уже думал и передумал об этом, и хоть седа моя голова, но дух бодр: ведь корабли и старые, и новые выходят в море навстречу бурям!

— Да, но там, где новые выдерживают, старые часто гибнут! — сказал Асмунд.

— Речь твоя разумна, Асмунд, но я думаю попытать счастье. Думается, что девушка эта ласково смотрит на меня и что мы увидим с ней хорошие дни!

На том и порешили. Асмунд пошел к Сванхильде. Стало уже совершенно темно, и он не мог видеть ее лица.

— Где ты была?

— Ходила горевать об Эйрике!

— Какое тебе дело до Эйрика! Эта утрата близка только Гудруде!

— Как знать! — загадочно ответила девушка. — Не все те умерли, кого оплакивали, и не всех, кто умер, оплакивают, — добавила она.

— Где же Гудруда? — спросил Асмунд.

— Она или очень высоко на горе, или низко под горою, или спит глубоким сном, или бодрствует! — и Сванхильда громко расхохоталась.

— Ты говоришь загадками, точно чародейка, и много в тебе есть недоброго, — сказал Асмунд, — но я принес тебе добрую весть: на твою долю выпало счастье, которого ты даже недостойна.

— Ну, говори, добрые вести приятно слушать! — И она усмехнулась.

Асмунд передал ей, что Атли сватается за нее. Но она и слышать не

хотела. Асмунд разгневался: не в обычае было, чтобы девушка так говорила против воли тех, кто старше ее, и кроме того, говорила дерзко. Он сказал, что приказывает ей идти замуж за Атли, или же он прогонит ее совсем из дома.

— Ну и что ж! И гони меня с матерью моей Гроа, я уйду и, быть может, даже дальше, чем ты думаешь! — И она рассмеялась и убежала, скрывшись в темноте.

Асмунд, посмотрев ей вслед, подумал: «Правда, наши дурные поступки — стрелы, которые возвращаются обратно и попадают в того, кто их пустил! Я посеял зло и зло теперь пожинаю». Так рассуждал он, стоя в раздумье на том месте, где его оставила Сванхильда, и вдруг увидел приближающихся к нему людей и лошадей. Один из них, на голове которого золотой шлем блестел при луне, нес что-то на руках.

— Кто идет? — окликнул Асмунд.

— Эйрик Светлоокий, Скаллаgrim Овечий Хвост и Гудруда, дочь Асмунда! — отозвался Эйрик.

Асмунд кинулся к нему навстречу.

— Почему ты несешь Гудруду на своих руках, уж не умерла ли она?

— Нет, но недалеко было до этого! — ответил Эйрик и рассказал обо всем случившемся по порядку: сначала о том, как поразил одного берсерка и приобрел в друзья другого, который стал его траллем и сослужил ему верную службу в стычке с Оспакаром Чернозубом и его людьми; затем рассказал, как они ранили Оспакара и убили Морда, его сына, и человек десять из его людей.

— Это и хорошо, и плохо! — сказал Асмунд. — Оспакар потребует большой виры, и, вероятно, тебя поставят вне закона!

— Это, конечно, может случиться, государь мой, но теперь дай мне досказать тебе все по порядку! — сказал Эйрик и передал о том, что сделала Сванхильда с Гудрудой. Гудруда подтвердила его слова. Бешенство овладело Асмундом; он рвал свою русую бороду и топал ногами о землю.

— Хоть она девушка, а я предаю ее смерти убийц и колдуний! Пусть тело ее будет брошено в водоворот и пусть земля избавится от нее навсегда.

— Нет, отец, нехорошо так мстить ей, — сказала Гудруда, — этот поступок навлек бы на тебя стыд. Я спасена и прошу тебя, не говори никому об этом, а только отошли ты Сванхильду отсюда туда, где она не может нам вредить.

— Так ее надо послать в могилу, другого такого места нет! — мрачно сказал Асмунд и задумался. — Вот что, — сказал он немного погодя, — с час тому назад Атли Добросердечный просил Сванхильду у меня себе в

жены; я сказал ей об этом, но она воспротивилась, а теперь я скажу, пусть идет замуж за Атли или на смерть, как колдунья и убийца.

— Но для бедного Атли это будет нехорошо! — сказал Эйрик. — Он хороший человек, и жаль сделать его несчастным.

— Это верно, но он сам того хочет. Кроме того, свое дитя ближе всякого другого. Я скажу тебе теперь то, что никому еще не говорил. Эта Сванхильда — моя дочь, и потому я любил ее и терпел ее скверности, что она твоя сводная сестра, Гудруда; мне так больно мстить одной дочери за другую.

— Я давно это чувствовала! — сказала Гудруда. — И потому терпела от нее многое.

— Теперь, Эйрик, подзови берсерка, и пусть он поклянется тебе, что не скажет никому о том, что сделала Сванхильда!

Тот подозвал Скаллагрима, и последний поклялся. За это Асмунд обещал ему дать мир и охранять от обиды.

— Об этом не тревожься, жрец, мои руки сумеют охранить тебя от всякой обиды и отстоять от десятерых таких, как ты! — отвечал он. — Не было до сих пор человека, который бы одолел меня; один Эйрик Светлоокий сделал это, и теперь слово его для меня — закон.

Между тем Эйрик омыл свои раны, смыл с себя кровь и затем вместе с Скаллагримом пришел в большую горницу, когда мужчины собирались сесть за мясо. Все приветствовали Эйрика громкими криками, называя его славой юга, только Бьерн сын Асмунда, не приветствовал, не кричал с остальными, ненавидя Эйрика и завидуя ему.

Эйрик благодарил их за честь и просил их ради него принять ласково Скаллагрима берсерка.

— Был он берсерк, а теперь стал моим братом по крови: он испил моей крови и поклялся стоять за меня в жизни и до самой смерти, и стоял с честью! — сказал Эйрик, и все слушали его. Также просил Эйрик всех помощи и содействия себе в деле, которое возбуждено будет против него на альтинге. Все с громким криком обещали ему стоять за него, а старый Атли, встав со своего высокого седалища, на которое его всегда сажал Асмунд, подошел к Эйрику, поцеловал его и, сняв с шеи свою драгоценную золотую цепь, надел ее на шею Эйрику, воскликнув:

— Ты — славный и великий человек, Эйрик, и я думаю, что другого такого больше нет. Приходи ты в мою землю Оркней и будь мне сыном. Я дам тебе все дары, а когда умру, ты сядешь на мое место, и будет тебе почет великий и слава перед всеми людьми!

— Великую честь ты делаешь мне, ярл, но не могу я сделать того, что

ты хочешь: где трава выросла, там она и должна расти, там должна и погибнуть. Исландия мне мила, и я должен остаться среди своего народа, пока меня не изгонят отсюда.

— И это может с тобою приключиться; Оспакар и его родня не дадут тебе покоя. Тогда приходи ко мне и будь моим сыном!

— Спасибо тебе, ярл. Как норны решат, так и будет! — сказал Эйрик.

Все сели за стол.

Теперь вышла и Гудруда, бледная и слабая. Эйрик, кончив есть, посадил ее к себе на колени. Сванхильда не приходила, и хотя Атли искал ее глазами везде, но Асмунда он не спросил.

Так прошел ужин; люди стали расходиться по тем местам, где им назначено было провести ночь, и в большой горнице стало тихо и пусто.

ХІ. Как Сванхильда прощалась с Эйриком Светлооким

Все время, пока люди сидели за мясом, Асмунд был пасмурен и молчалив, а когда все в замке заснуло, он зажег свечу, пошел к постели, под полог, где спала одна Сванхильда. Она не спала еще и спросила, что он желает. Асмунд задернул полог и сказал:

— Кто бы подумал, что эти нежные, белые руки способны на убийство, эти голубые глаза смотрели на страшное дело?

— Проклинаю я эти руки, проклинаю их женское бессилие, — вскричала свирепая девица. — А то дело было бы сделано! Теперь же я приняла и весь грех, и весь позор, а Гудруда может теперь смеяться и торжествовать! Я должна умереть на позорном камне, а она будет наслаждаться любовью и лаской Эйрика! Нет! — воскликнула Сванхильда и выхватила из-под своей подушки острый кинжал. — Смотри, вдоль этого светлого лезвия лежит путь к спокойствию и свободе, и если надо, то я не задумаюсь избрать этот путь.

— Молчи! — крикнул на нее Асмунд. — Эта Гудруда, дочь моя, которую ты хотела убить, — твоя родная сестра, и она, жалея тебя, просила меня пощадить твою жизнь!

— Не хочу я от нее ни жизни, ни пощады!

— Молчи и слушай, вот тебе мое последнее слово: или ты будешь женой Атли, или умрешь, хоть от своей руки, если ты того хочешь, но решение свое я не изменю!

— Я уже сказала тебе, что, пока есть возможность избрать иную смерть, я не хочу позорной, а также не хочу быть продана в жены старику, как кобыла на ярмарке. Вот тебе мой ответ!

— В таком случае ты умрешь на позорном камне! — сказал Асмунд и встал, чтобы уйти. Сванхильда между тем одумалась. Ей пришло на ум, что замужество не могила, что старые мужья умирают, что ярл сделает ее богатой, знатной и могущественной, что, пока человек жив, ничто не потеряно, иначе же она должна будет умереть и оставить Гудруду счастливой и торжествующей в объятиях ее возлюбленного.

Сванхильда скользнула с постели на пол и, обхватив колени Ас-мунда, стала молить:

— Я согрешила, тяжко согрешила и против тебя, и против сестры! Я

была как безумная от любви к этому Эйрику, которого научилась любить с самого раннего детства. Гудруда отняла его у меня, и это довело меня до безумия. Если есть боги, то я благодарю их за то, что они не допустили, чтобы Гудруда умерла от моей руки!... Теперь, отец, видишь, я вырываю с корнем из своего сердца эту злосчастную любовь к Эйрику! Я пойду замуж за Атли и буду ему хорошей и доброй женой, лишь бы Гудруда простила мне мою вину.

Возликовало сердце Асмунда при этих словах. Он ответил, что Гудруда простит ее, так как добра превыше всякой женщины и незлобива, и что завтра он передаст Атли ее ответ, так как судно его готово к отплытию и ей надо скоро стать его женой и ехать с ним на его родину.

Затем он ушел, унося с собою свечу, а Сванхильда встала с земли и, сев на край постели, уставилась глазами в мрак, шепча:

— Скоро я должна стать его женой, но скоро — я стану и вдовой! О, проклятье на вас, слабые женские силы! Никогда больше я не поверю вам. Когда я в другой раз захочу поразить, я поражу чужими руками. И на вас проклятье, злые силы, что изменили мне, когда я в вас нуждалась! И на тебе, счастливая соперница моя, пусть тяготее проклятье, — шептала Сванхильда, вся бледная, с горящими глазами, в ту пору, когда все давно спали; она всю ночь не смыкала очей.

Наутро Асмунд сообщил Атли, что Сванхильда по доброй воле согласна идти за него, но еще раз предупредил о ее коварном нраве и о том, что она ведается с нечистой силой, сообщил и о том, что она его внебрачная дочь.

Старый Атли, увлеченный любовью, не слышал ничего, сообщив, что даже рад, зная теперь, что девушка эта хорошей, доброй крови, а что в нечистые силы и колдовство он совсем мало верит и не боится такого порока в жене.

После того они сговорились о приданом Сванхильды. Асмунд не обидел ее в этом, а затем пошел к Гудруде и Эйрику и рассказал им обо всем. Оба были рады за Сванхильду, но очень сожалели о добром Атли, не веря в такую быструю перемену в чувствах Сванхильды и зная ее лживость и коварство.

На третьи сутки от этого дня был назначен свадебный пир, и Атли решил в тот же день увезти свою молодую супругу к себе на родину, где его народ с нетерпением ожидал его возвращения.

Сванхильда стала вдруг такая кроткая и ласковая, такая тихая и скромная, какой ее никогда не видали, а Скаллаgrim, который следил за ней, говорил Эйрику по пути, когда они возвращались в этот день на

Кольдбек:

— Не к добру эта перемена в девушке! Жаль мне старого Атли. Как сейчас помню, моя Торунна была точь-в-точь такая же в тот день, как предала меня на позор и горе и пошла за Чернозубом.

— Не говори про ворона, пока он не закаркал! — сказал Эйрик.

— Да уж он на лету! — сказал Скаллагрим.

Когда приехали они в Кольдбек, что над болотом, мать Эйрика Савуна и родственница его Унна с радостью приветствовали его: до них дошла весть обо всем, что он сделал. На Скаллагрима же берсерка они смотрели поначалу недоверчиво; когда же Эйрик рассказал им все, что он сделал, они ласково приветствовали его ради его деяний и ради его верности.

Эйрик просидел двое суток вместе со Скаллагримом на Кольдбеке; на третьи сутки мать его Савуна и Унна стали собираться в Миддальгоф, куда были званы на брачный пир Сванхильды и Атли. Эйрик же остался еще одну ночь на Кольдбеке, обещав приехать поутру в Миддальгоф.

Наутро Эйрик встал до света и, снарядившись, поехал в Миддальгоф один; Скаллагрима он не взял с собою, боясь, что, напившись, тот станет берсерком и учинит кровопролитие.

В эту ночь Сванхильда опять не знала сна, и глаза ее были полны слез. Утро брачного дня своего она встретила нерадостно. Едва рассвело, она крадучись ушла из замка и стала поджидать на дороге, когда проедет Эйрик.

Вскоре после нее встала и Гудруда и тоже вышла на дорогу навстречу своему сговоренному. Скоро послышался вдали конский топот и засияли из-за вершины холма золотые крылья Эйрикова шлема. Он ехал не торопясь и весело пел песню; и горько стало на душе у Сванхильды, что он мог быть так весел и беспечален в этот день, когда ее, которая так любит его, отдавали в жены другому, нелюбимому.

Когда он поравнялся с ней, Сванхильда вышла из-за копны, за которой стояла, и, ухватив коня Эйрика за узду, остановила его.

Она стала говорить ему о своей любви и жаловаться на судьбу, стала плакать и желать ему счастья и зарыдала. Эйрику стало жаль ее, и он сказал:

— Не говори об этом, а пусть добрые поступки твои загладят и заставят забыть дурные, которых немало, и тогда ты будешь счастлива!

Она посмотрела на него странными глазами; лицо ее выражало муку и было бледно как полотно.

— Ты говоришь мне о счастье, когда сердце мое умерло для счастья и свет погас для меня; когда я рада бы была заснуть сном смерти вместо того,

чтобы так проститься с тобой навек! Проститься и знать, что Гудруда, соперница моя, будет снаряжать тебя, когда ты станешь собираться на славный бой, что она встретит тебя, когда, увенчанный славой великих подвигов, ты возвратишься к ней, ища награды в ее ласках, в ее объятиях! О, это сводит меня с ума, Эйрик! Но прощай! Твоя Гудруда, уж верно, ждет тебя. Прощай, не смотри на мои слезы: это последняя утеха женщины. Пока я жива, день за днем мысль о тебе будет пробуждать меня на заре поутру, и с ней я буду засыпать, когда на небе зажгутся звезды, ясные, как твои очи, Эйрик. Прощай! На этот раз ты должен стереть поцелуем мои слезы, а затем пусть они текут без конца. Так, Эйрик! Я прощаюсь с тобой.

И она повисла у него не шее, глядя ему в глаза своими большими, полными слез и любви глазами, — и вдруг все как будто затуманилось в глазах Эйрика, он нагнулся к ее лицу и поцеловал ее, жалость закралась в его сердце. Когда она висела у него не шее, прижавшись головой к его груди, а, он, склонясь, целовал ее лицо, Гудруда, идя навстречу своему нареченному, неожиданно поравнялась с ними и увидела все. Сердце ее замерло в ней. Она прижала обе руки к груди, затем, схватившись за голову, побежала без оглядки. Сильная обида и негодование жгли ей сердце: она была горда и ревнива.

Ни Эйрик, ни Сванхильда не видели ее; вскоре после того они расстались, Сванхильда поспешила домой. У ограды она увидела Гудруду.

— Где ты была? — спросила она Сванхильду.

— Ходила прощаться со Светлооким! — ответила та.

— Верно, он отогнал тебя от себя.

— Нет, ошибаешься, он привлек меня к себе и целовал меня! Помни, сестра, сегодня торжествуешь ты, и Эйрик твой, но может настать час, когда он будет мой. Все в руках норн! — С этими словами Сванхильда удалилась.

Вскоре подъехал и Эйрик; у него было нехорошо на душе и совестно, что он поддался страстным словам Сванхильды. Увидев же Гудруду, он сразу забыл о Сванхильде и обо всем остальном и, соскочив с коня, бросился к ней. Но она отстранила его, гордо выпрямившись во весь свой рост, и смотрела строго и гневно.

Эйрик оробел, не зная, что ему делать.

На два-три вопроса Гудруды он отвечал правдиво, рассказав все как было и как он был тронут словами и слезами Сванхильды.

— Знаешь ли, что я думаю тебе сказать теперь? Иди с нею и не являйся мне больше на глаза. У меня нет охоты прилепляться к такому человеку, которого может сдуть, точно ветер перо, каждая жалкая ласка и

искушение!

— Нет, Гудруда, но будь ты на моем месте, ты бы поступила как и я, ты была бы тронута ее слезами. Я люблю тебя одну и нет для меня другой женщины, кроме тебя, и ты знаешь, что я люблю тебя.

— Знаю, но что толку в такой любви, Эйрик?

— Неужели же ты не можешь простить мне того, что сделали одни мои губы, а не сердце! — воскликнул он. — Простить один раз в жизни!

— Один ли раз? Я что-то не доверяю тебе, Эйрик. Но пусть так, на этот раз прощу!

Эйрик хотел теперь обнять и поцеловать Гудруду, но она опять отстранила его от себя и еще много дней не допускала его к себе с лаской.

ХII. Эйрик был объявлен вне закона и отплыл на судне викинга

Свадебный пир был в полном разгаре. Сванхильда вся в белом одеянии сидела на высоком сидалище подле старого Атли; жених старался привлечь ее ближе к себе, но невеста смотрела на него холодным, безучастным взглядом, в глубине которого таилась ненависть.

Когда пир кончился, все отправились на берег, где новобрачных ожидало судно Атли, стоявшее там на якоре. Сванхильда на прощание целовала Асмунда и пошептала о чем-то с матерью Гроа; затем простилась со всеми, не просталась только с Эйриком и Гудрудой.

— Почему же ты не скажешь ни слова этим двоим? — спросил Атли.

— Потому, ярл, что с ними я вскоре увижусь опять, а ни отца моего Асмунда, ни матери Гроа не увижу уже более!

— Ты как будто предсказываешь их смертный приговор! — сказал Атли.

— Не только их, но и твой, хотя и не сейчас еще! — добавила она.

Судно снялось с якоря, подняло большой парус и плавно, словно лебедь, ушло в море. До тех пор пока виднелся берег, Сванхильда, стоя на корме, не спускала с него глаз, когда же он скрылся в туманной дали, новобрачная ушла в рубку и заперлась в ней одна, в течение двадцати дней пути не пуская к себе мужа под предлогом болезни.

Между тем в Исландии близилось время, когда люди съезжаются на альтинг. Эйрик Светлоокий был предупрежден, что против него будет возбуждено несколько судебных дел. Но сам Асмунд, который был первейший законник в Исландии, принял на себя защиту Эйрика, за дела же Оспакара и его людей взялся Гицур сын Оспакара. После долгих прений и обсуждений решено было, что никаких денежных пеней ни с Эйрика Светлоокого, ни со Скаллагрима Овечий Хвост в пользу Оспакара и его людей не причиталось, но сам Эйрик был происками и коварствами Оспакара, заручившегося большим числом голосов вольных людей, приговорен вне закона на три года. Однако и такого рода решение вопроса не удовлетворяло Оспакара, и он стал подговаривать своих приверженцев взяться за оружие и отомстить собственной властью за смерть близких и товарищей. Видя это, Асмунд собрал своих людей и решил встать с ними на сторону Эйрика Светлоокого. Но Эйрик сказал:

— Послушайте, не прискорбно ли, чтобы такое громадное число воинов полегло здесь костьми за тех, кто уже умер? Не лучше ли нам решить эту распрю поединком? Если найдутся среди вас, людей Оспакара, двое, желающих выйти на поединок против меня одного, с двумя мечами против одного моего меча, то я, Эйрик Светлоокый, стою здесь и жду!

Все собрание решило, что слова эти разумные, хотя и могли кончиться пагубно для Эйрика.

Оспакар назначил двоих из своих людей, самых ловких и искусных в бою, самых сильных и надежных. Состоялся поединок. И бежали оба противника Эйрика с позором с поля сражения; а все зрители много смеялись тому, громко прославляя Эйрика. Оспакар же чуть не упал с коня от бешенства, но сознавая, что он на этот раз совершенно бессилён, так как рана его еще не зажила, поворотил коня и прямо с альтинга уехал к себе на Свинефьелль.

На следующий день Эйрик вместе с Асмундом вернулся в Миддальгоф. Гудруда, узнав о приговоре над Эйриком Светлооким, горько заплакала, разлука на три года казалась ей невыносимой.

— Скажи, дорогая, если ты не хочешь, чтобы я шел в изгнание, я останусь здесь и буду объявлен вне закона. Жизнь моя будет в руках каждого, кто только захочет, но я думаю, что моим врагам нелегко будет одолеть меня, пока боги не отнимут у меня моей силы. А от судьбы все равно не уйдешь! Так скажи свое слово, дорогая!

— Нет, Светлоокый, как ни тяжела мне разлука с тобой, я не хочу, чтобы ты был объявлен вне закона и оставался здесь. Лучше иди в изгнание. Отец даст тебе свое хорошее военное судно, ты соберешь людей, будешь управлять ими и можешь прославить себя новыми подвигами. Сготовится это судно в одну ночь, а наутро ты уйдешь в море: чем раньше ты уедешь в изгнание, тем скорее пройдут эти печальные три года.

Действительно, Асмунд дал Эйрику свое славное боевое судно из крепкого дуба, с железными скрепами, с высокими кормой и носом. Оно звалось «Драконом», Эйрик же назвал его «Гудрудой». Изгнанник кликнул клич, и собрались к нему многие соседние отважные поселяне, считая за честь отправиться в поход с Эйриком Светлооким. В помощники же себе Эйрик взял человека по имени Холль из Литдаля, которого он принял по настоянию Бьерна сына Асмунда. Холль этот был другом Бьерна и славился своим искусством и умением управлять судном и уже много раз плавал на судах больших и малых по северным морям, и вокруг Англии, и к берегам Страны Франков. Но Скаллаgrim, увидав его, не полюбил его, также и Гудруда сказала, что это человек недобрый и что Эйрику не следует брать

его с собою, от него будут только горе и беда.

— Поздно теперь говорить, это уже дело решенное, — сказал Эйрик, — но я буду остерегаться его!

На прощанье Асмунд дал великий пир и вызвал всех людей, что шли за Эйриком в море. Сам же Эйрик Светлоокий сидел на высоком сиделище подле Асмунда, рядом с ним Гудруда и Унна, нареченная невеста Асмунда, и Савуна, мать Эйрика. Было условлено, что в отсутствие Эйрика престарелая уже теперь Савуна и Унна будут жить в Миддальгофе, а на Кольдбеке над болотом поселится доверенный человек и родственник, которому поручено было и управление землями, и уход за стадами, и присмотр за всем имуществом Эйрика в течение предстоящих трех лет.

Когда все стали прославлять Эйрика, пророка ему счастье и успех, сердце Бьерна вскипело ненавистью к нему, и он воскликнул:

— Будь моя воля, Гудруда была бы женою Оспакара: он могущественный вождь, славный, влиятельный и богатый человек, а не такой долговязый *керль* (парень) из поселян, без власти и друзей, как вот этот. А славой он обязан пустому случаю или человеку, поставленному вне закона за человекоубийство.

Эйрик, услышав это, схватился за меч, но Асмунд, успокоив Эйрика, обратился к сыну и упрекал его в злобной зависти, строго заявив, что не он жрец Миддальгофа и отец Гудруды и что не ему располагать ее судьбой, а если он в отсутствие Эйрика станет замышлять недоброе против того, то Эйрик, вернувшись, покарает его примерно, и он, Асмунд, первый скажет, что лихие дела — лихая мзда! Тогда Бьерн выскочил из-за стола, сел на коня и помчался на север. Эйрик уже не видал его больше до тех пор, пока по прошествии трех лет не возвратился на родину.

Пир подходил к концу, и Гудруда сказала Эйрику:

— Посмотри на свои волосы, Эйрик, — их кольца стелются по плечам, как у девушки! Хочешь ли, я срежу тебе их сама.

— Да, Гудруда! — отозвался Эйрик Светлоокий.

— Поклянись мне, — шепнула она ему в ухо, срезая его золотые кудри, — что ни одна женщина и ни один мужчина не коснутся рукой твоих волос до тех пор, пока ты не вернешься ко мне.

Эйрик поклялся ей в том.

Хотя они говорили тихо, но Коль Полоумный подслушал их.

Поутру все встали очень рано и, сев на коней, отправились к тому месту, где стояло на якоре боевое судно «Гудруда». Здесь Эйрик простился со всеми.

Савуна, мать его, на прощание сказала ему:

— Прощай, сын мой! Мало у меня надежды еще раз обнять тебя и целовать твое гордое, прекрасное чело, а потому прошу тебя — вспоминай обо мне временами: без меня и тебя бы не было; не давайся женщинам в обман и сам не обманывай их, не то постигнет тебя беда. Не будь сварлив и гневен: ты силен. Падшего врага щади, а на нападающего иди с поднятым щитом и мечом. Никогда не отнимай ни добра у неимущего человека, ни меча у доблестного воина, но когда наносишь удар, пусть он не пропадает даром. Живя так, ты добудешь себе славу смолоду и мир в старости, а это последнее лучше славы; в славе есть яд, а в мире только мед.

Эйрик целовал свою мать, обещая не забывать ее наставлений и всегда хранить память о ней.

Затем простился с Гудрудой, и они повторили друг другу клятву взаимной верности. Гудруда сказала ему:

— Во мне ты можешь быть уверен, но я не могу быть уверена в тебе. Быть может, ты повстречаешь там, за морями, Сванхильду и подаришь ей еще новые поцелуи и ласки!

— Не гневи меня, Гудруда, перед разлукой, доверься мне, как я доверяю тебе!

Тут подошел Скаллаgrim и напомнил, что время прилива может сменить отлив, и тогда судну нельзя будет выйти в море.

Эйрик поспешил к своему боевому судну. Здесь Асмунд, схватив его за обе руки, запечатлел поцелуй у него на челе, проговорив:

— Не знаю, увижу ли я тебя опять, но помни, что тебе я вручаю Гудруду, прекраснейшую и кротчайшую из женщин, и горе тебе, если ты чем-нибудь причинишь ей скорбь. Прощай же, сын мой, и будь счастлив в делах своих! Теперь ты мне стал дорог и близок, как сын!

Эйрик, поцеловав Асмунда, отвечал:

— Нет у меня отца, и слово твое для меня, что слово отца, а поцелуй твой, как поцелуй отца. Насчет Гудруды пусть будет спокойна душа твоя. Прошу только, если к сроку я не вернусь, не неволь ее в замужестве и не доверяй своему сыну Бьерну: не сыновние чувства живут у него в груди. Остерегайся ты и Гроа, управительницы дома, потому как она замышляет злое на нареченную невесту. Затем прими благодарность мою за свой дар и за все твои милости ко мне и будь счастлив.

— Будь счастлив, сын мой! — сказал Асмунд, и Эйрик повернулся, чтобы идти до судна, но Скаллаgrim как-то очутился подле него, поднял его на руки, как ребенка, и, идя по пояс в воде, донес его до судна при громких криках провожающих. Тогда Эйрик, ухватившись руками за корму, взобрался на судно, и берсерк последовал за ним. Пользуясь последними

минутами прилива, боевое судно «Гудруда» вышло из залива и направилось к Западным островам, подняв большой парус. Гудруда же, опустившись на берегу, словно цветок, поникла головой.

XIII. Как Холль, помощник Эйрика, перерубил якорный канат

Оспакару Чернозубу стало известно, что Эйрик Светлоокый, не желая оставаться в Исландии вне закона, ушел в море на вольный простор на славном судне Асмунда жреца. По совету сына своего Гицура Чернозуб снарядил два больших боевых корабля, двинулся с ними наперерез пути судну Эйрика и, притаившись за Западными островами, как только его судно оказалось в виду, запер ему выход из пролива в открытое море.

— Здесь, как видно, стоят викинги! — сказал Эйрик, заметив два длинных боевых судна, увешанных щитами.

— Здесь стоит Оспакар Чернозуб! — сказал Скаллаgrim. — Поверь моему слову, государь.

Время клонилось к вечеру. Эйрик обратился к дружинникам:

— Видите, товарищи, нам запер дорогу Оспакар Чернозуб с двумя длинными боевыми кораблями. Нам остается только или поворотить судно и бежать от него, или идти вперед и дать ему сражение!

— Поспешим уйти, господин, пока мы целы! — сказал Холль из Литдаля.

Но кто-то другой крикнул из толпы:

— Как те двое борцов Оспакара бежали, точно спугнутые утки перед твоим нападением, Эйрик, так точно побегут и теперь его суда перед твоей «Гудрудой».

— Да, да! — кричали остальные. — Не слушай трусливых бабьих речей Холля. Пусть никто не скажет, что мы бежали перед Оспакаром!

И, по слову Эйрика, гребцы приналегли на свои длинные весла, и «Гудруда» устремилась вперед к судам Оспакара. Стоя на носу своего корабля, Эйрик и Скаллаgrim заметили, что суда неприятеля связаны между собой крепким канатом, так что «Гудруда», пытаясь проскользнуть между ними, неминуемо была бы захвачена этим канатом, если бы они вовремя не заметили его. На носу одного из судов стоял сам Оспакар в черном шлеме с вороньими крыльями. Эйрик крикнул ему:

— Кто ты такой, что смеешь преграждать мне путь?

Обменявшись несколькими оскорбительными словами, враги вступили в бой. В момент, когда «Гудруда», разогнанная сильными ударами весел, готова была врезаться между вражескими судами, Эйрик, вскочив на

золотого дракона, украшавшего нос его корабля, сильным ударом своего Молнии Света перерубил канат — и «Гудруда» проскользнула, как чайка между двумя камнями.

— Убирай весла и готовь багры! — приказал Эйрик Светлоокий.

Минуту спустя завязался страшный бой. Эйрик и Скаллаgrim поспевали повсюду. Люди Оспакара взбирались на «Гудруду» и падали мертвыми. Эйрик со Скаллаgrimом пробивались на судно Оспакара, но густая толпа его людей заслоняла его, и в тот момент, когда они, усердно работая мечом и топором, почти проложили себе путь, Эйрик вдруг заметил, что течение несет судно, на котором он находился, прямо на скалы и что оно неминуемо должно разбиться. Он крикнул своим людям:

— Живо! Все, кто с «Гудруды», назад! Судно это сейчас затонет!

Сам он, Скаллаgrim и все его люди один за другим успели перескочить обратно на свое судно. Оспакар же, сын его и несколько человек из его людей кинулись в море и вплавь добрались до берега. В этот момент судно наскочило на скалу и на глазах у всех разлетелось в щепки, неся смерть и гибель десяткам людей.

Эйрик хотел было сам сойти на берег схватиться с Оспакаром и его сыном, но боялся разбить о скалы свое судно, кроме того, ему приходилось еще отбиваться от второго боевого корабля Оспакара. Видя гибель первого, это судно, названное «Ворон», стало уходить, но Эйрик решил преследовать его, предоставив Оспакара и его сына их судьбе. Палуба «Гудруды» была завалена трупами убитых и телами раненых, стеснявших движение людей, так что прежде, чем корабль успел описать поворот и достигнуть устья пролива, служившего выходом в море, «Ворон», опередивший его, успел поднять паруса и, пользуясь попутным ветром, ушел далеко вперед. Но Эйрик не унывал и, едва только «Гудруда» вышла в открытое море, тоже поставил паруса и погнался за «Вороном», не теряя надежды нагнать его.

Убрав убитых, люди сели за стол. Скаллаgrim, глядя на убитых, сказал:

— Я бы с большей радостью видел бы здесь голову Оспакара, чем тела всех этих бедных *керлей* (людей) его, так как других людей он всегда найдет, а другой головы не нашел бы!

Тем временем ветер стал свежеть; около полуночи разразилась сильная буря, и Холль спрашивал, не убавить ли паруса. Но Эйрик не приказал убавлять, заметив, что если «Ворон» может идти на всех парусах, то и «Гудруда» тоже может. Погоня продолжалась всю ночь и до утра. Поутру «Ворон» был уже только в двух-трех стадиях впереди «Гудруды»; теперь,

из опасения бури и сильного ветра, на «Вороне» убавили паруса, и он нырлял уже не так быстро, делая вид, будто собирается вернуться в Исландию.

— Этого мы им не дозволим, — сказал Эйрик, — работай дружнее, товарищи! «Ворон» идет теперь быстро, но мы идем быстрее его! Готовьтесь, сейчас загорится бой: мы нагоняем их.

— Не к добру затевать бой в такую непогоду! — заметил Холль.

— А ты не рассуждай, а делай, что тебе приказывает старший! — угрюмо сказал Скаллаgrim, грозно сверкнув на Холля глазами и выразительно сжимая в кулаке свой топор.

И люди стали готовиться к бою, а Скаллаgrim, стоя на носу, держал наготове маленький якорь, которым собирался задеть вражеское судно, чтобы не дать ему отойти во время абордажа.

Как только суда поравнялись и берсерк закинул свой якорь, глубоко впившийся в вражеское судно, Эйрик первый, а следом за ним Скаллаgrim вскочили на палубу «Ворона», приказав экипажу следовать за собой. Но прежде, чем они успели это сделать, Холль взмахнул своим топором и одним ударом отрубил канат у якоря. Сильный вал подхватил «Гудруду» и унес ее далеко вперед.

Эйрик и Скаллаgrim очутились одни на палубе вражеского судна. Но, успев проложить себе путь к главной мачте, они встали к ней спина к спине, широко размахивая вокруг себя один — мечом Молнии Светом, другой — своим топором, разя всякого, кто решался подступить к ним. Экипаж «Ворона», растерявшийся сначала при появлении Эйрика, теперь остервенился от злобы, что тридцать человек не могут совладать с двумя. Они стали метать в них стрелы и камни, но из-за того, что судно сильно качало, камни и стрелы пропадали даром. А из их людей уже человек десять лежали ранеными и убитыми у ног Эйрика и Скаллаgrима. Но вот один большой камень упал на плечо берсерка, и правая рука его разом отнялась.

— Плохо дело, — сказал Скаллаgrim, — только ты не унывай: я умею держать секиру и в левой руке. Кто подойдет ко мне, тому несдобровать!

Тем временем люди Оспакара держали между собой совет, и их старший говорил так:

— Нас осталось теперь в живых только семнадцать человек, не считая раненых. Этого едва хватает, чтобы управляться с судном, да и срам нам будет великий, если скажут, что двое одолели целую команду в тридцать человек. Если же мы предложим им мир и доброе обращение под условием, что они согласятся быть связанными до тех пор, пока мы не пристанем к

земле и высадим их на берег, не возбуждая против них никаких преследований, они, верно, согласятся. А когда заснут, то мы их убьем и скажем, что одолели их в бою.

— Постыдное это дело! — сказал один человек и отошел в сторону.

Но остальные молчали, и старший пошел к Эйрику и Скаллагриму и предложил им мир и те условия, о которых говорил; хотя оба героя не доверяли ему, но согласились. Только Эйрик спросил:

— Почему же нам быть связанными?

— Потому, что ты так силен и могуч, что мы не можем быть спокойны, если ты, наш враг, останешься у нас на судне и будешь свободен!

Эйрик пожал плечами и согласился; их отвели под палубу, где и ветром не хватало, и водой не заливало, связали по рукам и по ногам, накрыли теплыми плащами от стужи и принесли им хорошей пищи и питья.

Когда вели Эйрика под палубу, он взглянул вперед и увидел далеко, стадиях в двадцати или больше, свою «Гудруду». Скаллагрим тоже видел и сказал:

— Хорошо наше-то судно и хороши наши товарищи, так и оставили нас в западне!

— Нет, Скаллагрим, они не могли повернуть назад в такую бурю, да и, вероятно, считают нас мертвыми теперь. Но если я увижу когда-нибудь опять этого Холля, то не буду к нему особенно милостив.

— И не стоит он никакой милости! — проговорил себе в бороду Скаллагрим и задремал.

Эйрик стал думать о Гудруде Прекрасной; вскоре и им овладел сон.

XIV. Как Эйрику приснился сон

Крепко спал Эйрик, и снился ему сон, будто спит он здесь, на «Вороне», под палубой; и к нему подкралась серая крыса и стала шептать ему что-то в ухо. И вот видит он, что Сванхильда идет к нему по морю; бурные волны расступаются на ее пути. Она шла плавно и спокойно, словно лебедь плыла, ветер не развевал даже волос у нее на лбу. Наконец она тут, стоит перед ним и склоняется к нему, шепчет ему:

— Проснись! Проснись, Эйрик Светлоокый! Я пришла к тебе по бурному морю со Страумея, чтобы предупредить тебя об опасности. Скажи, сделала ли бы это твоя Гудруда?

— Гудруда не колдунья и не чародейка!

— А я чародейка и колдунья! И в это время, когда старый Атли думает, что я лежу подле него на нашем общем ложе, я здесь, у тебя, и говорю с тобой. Слушай же меня, вот что я проведала своим колдовством: эти люди, что связали тебя, придут сейчас и возьмут тебя спящего и твоего товарища тоже и бросят вас обоих в море.

— Чему суждено быть, то будет! — говорит он во сне.

— Нет, я этого не хочу, и этого не будет! — проговорила Сванхильда. — Напряги все свои силы и порви свои путы, развяжи Скаллагрима и дай ему его щит и секиру, а сам возьми свой меч и щит. Прилягте, как сейчас, и накройтесь плащами, притворившись спящими, пока не придут ваши убийцы. А потом вскочите и бросьтесь на них оба с оружием в руках; они смешаются и обратятся в бегство. Вы уничтожите их. Только за тем, чтобы сказать тебе все это и спасти тебя, я прошла многие сотни стадий по бурным волнам моря. Сделала ли бы это ради тебя Гудруда?... — и видение Сванхильды снова склонилось над ним, уста ее коснулись его лба, легкий вздох вырвался из ее груди — и она исчезла.

Эйрик пробудился, разбудил Скаллагрима и рассказал ему свой сон.

— Это предостережение, государь мой, и мы должны все исполнить так, как призрак научил тебя!

Так они и сделали и поразили врагов своих всех до последнего; остались Эйрик и Скаллагрим одни на судне, а кругом лежали мертвецы и умирающие.

— К рулю! — крикнул Эйрик, видя, что судно кренится слишком сильно и может перевернуться каждую минуту, будучи предоставлено само себе.

С этого момента они оба непрерывно чередовались у руля. Три дня и три ночи дул свежий ветер, море волновалось, опасность ежеминутно грозила им, а силы их заметно истощались. Волны заливали палубу, наполняли трюм, им приходилось выкачивать воду и тратить на это последние силы. А буря все крепчала, они не имели ни минуты отдыха, некогда было им есть и некогда спать. На четвертую ночь громадный вал подхватил «Ворона» и, высоко подняв его на свой гребень, разом уронил в глубокую бездну; все судно как бы содрогнулось и застонало.

— Кажется, я слышу, будто вода журчит под палубой, — сказал Скаллаgrim, стоявший у руля.

Эйрик спустился вниз и, действительно, обнаружил сильную течь. Вода быстро прибывала в трюм. «Ворон» не мог теперь долго продержаться на поверхности. Не теряя времени, Эйрик заткнул трещину одеждами убитых, заткнул так плотно, как это мог сделать только он со своей громадной силой, и навалил на эти тряпки балласт, после чего вернулся на палубу и сказал обо всем Скаллаgrimу.

— Видно, пора нашим костям на покой! — отвечал тот. — Мы достаточно поработали. А впрочем, ветер стихает, да и берег теперь недалеко. Видишь там, под ветром темную линию холмов и между ними как будто устье фьорда? Правда, в трюме полно воды, и часы «Ворона» теперь сочтены, но если уцелела на нем хоть одна лодка, то мы спасены!

Эйрик пошел на корму судна. Там и вправду была привязана лодка, а в ней — весла и руль. Скаллаgrim подоспел к нему на помощь, и они благополучно спустили лодку на воду. Эйрик первый спустился в нее, берсерк же задумал захватить с собой кое-что с гибнущего судна, которое теперь уже начинало тонуть, и до того замешкался, что чуть и сам не пошел ко дну вместе с судном.

Эйрик едва успел вовремя обрубить канат, чтобы лодку не увлекло за судном в глубину. На их глазах «Ворон», сначала медленно погружавшийся в воду, вдруг разом исчез под водой, образовав на поверхности моря бешеный водоворот, в котором беспомощно и безнадежно закружилась и заныряла маленькая лодочка. Теперь Эйрик и Скаллаgrim принялись изо всех сил работать веслами и работали несколько часов кряду, почти до полного истощения. Наконец, вот он — желанный берег, по крайней мере можно будет умереть на суше! Вот луга, поля, вот сушится на ветру и на солнце белая треска, и в маленькой бухточке стоит на якоре длинное боевое судно.

— Да это «Гудруда»! — радостно воскликнул Эйрик.

— Она и есть! — согласился Скаллаgrim. — Надо добраться до нее.

Тогда я поговорю с этим предателем Холлем.

— Ты не тронешь его и не причинишь ему никакого вреда, — строго сказал Эйрик, — я здесь глава, и мне принадлежит право судить его!

— Твоя воля — моя воля, государь! Но будь моя воля — твоей волей, я повесил бы его на верхушке мачты и оставил бы там висеть до тех пор, пока морские птицы не вили бы гнезд в его остане!

На «Гудруде» или все спали, или же на ней не было ни души, когда Эйрик и Скаллаgrim причалили к ней и осторожно взобрались на палубу.

Посредине, вокруг костра, спали все люди — и так крепко, что никто не слышал, как пришли сюда Эйрик и берсерк, как они присели к огню греться и стали поедать остатки ужина.

Но вот один из людей экипажа пробудился и увидел их; приняв их за привидения, он поднял остальных, и все схватились за мечи, готовые обрушиться на пришельцев, но в этот момент Эйрик и Скаллаgrim сбросили с себя плащи и заговорили. Тогда только воины убедились, что это не привидения, а сами Эйрик и берсерк. Эйрик спел им песню, в которой описал и предательский поступок Холля, и свои похождения на вражеском судне, и свою победу над врагом, и чудесное спасение.

XV. Как Эйрик пребывал в городе Лондоне

— Теперь слушайте, товарищи, — сказал Эйрик Светлоокый, — не клялись ли мы верно стоять друг за друга до самой смерти? Как назовете вы после этого человека, который отрезал якорный канат «Гудруды» и обрек нас двоих на верную смерть, предав в руки многочисленных врагов? Что должно сделать этому человеку? Скажите, товарищи, ваше слово!

— Смерть ему! Смерть! — послышалось со всех сторон.

— Ты слышишь общий приговор, Холль? Ты заслужил его, но я хочу быть более милостив к тебе и потому говорю тебе: уходи отсюда, чтобы никто из нас не видал больше твоего лица. Уходи, пока я не раскаялся еще в своем мягкосердечии!

И при громких, неприязненных криках своих бывших товарищей Холль взял свое оружие и, не сказав ни слова, сел в шлюпку, на которой только что прибыли Эйрик и Скаллаgrim, и стал изо всех сил грести к берегу.

— Неразумно ты поступил, государь, что отпустил живым этого негодяя! — сказал Скаллаgrim. — Он еще насолит тебе когда-нибудь.

— Ну, что делать! Быть может, ты и прав, но теперь дело сделано, и я пойду отдохну: я совсем выбился из сил.

Три дня и три ночи Эйрик и Скаллаgrim отдыхали, а затем рассказали товарищам обо всем, что они сделали и что с ними было. И все дивились их мужеству и их славным деяниям, подобных которым не было со времен Богов-Королей.

После того отправился Эйрик к ярлу этих Фарерских островов, так как берег, к которому пристала «Гудруда», был берег главного из этих островов. Ярл принял его ласково и задал великий пир.

Здесь, на Фарерских островах, Эйрик пробыл, пока не поправились его раненые, и, забрав двенадцать новых людей взамен убитых во время битвы с судами Оспакара Чернозуба и простившись с ярлом, который подарил ему богатый плащ и тяжелый золотой обруч, отплыл от островов.

Никогда с тех пор, как поют скальды, не воспевалось таких славных подвигов, как подвиги Эйрика Светлоокого, никогда не бывало викинга более сильного, более великого, одно имя которого наводило страх и слава которого затмила славу всех остальных. Всюду, где Эйрик участвовал в битве, победа оставалась на его стороне; ярлы и короли искали у него помощи и содействия. О нем говорили, что он никогда не совершил ни

одного низкого или позорного поступка, никогда не обижал слабого, никому, просившему у него пощады, не отказывал, никогда не поднимал меча на пленного или раненного врага, не нападал на беззащитного. У купцов он брал часть их товара, но вреда не причинял и все, что доставалось ему, делил поровну со своими людьми. Все люди любили его, смотря на него, как на бога; каждый из них был готов пожертвовать за него жизнью. Женщины тоже очень любили его, но он не глядел на них.

В первое лето своего изгнания Эйрик воевал у берегов Ирландии, а на зиму пришел в Дублин и некоторое время служил в телохранителях короля этого города, который держал его в большой чести и хотел, чтобы он совсем остался у него, но Эйрик не захотел — и весной «Гудруда» была готова к отплытию, направившись к берегам Англии. Здесь, в одном из сражений, Скаллаgrim был ранен почти насмерть, кинувшись на Эйрика, которого он заслонил своим телом от удара, направленного на него, и спас его, но сам чуть не погиб. Несколько месяцев Скаллаgrim лежал больной, и Эйрик ухаживал за ним, как за братом; с этого времени они полюбили друг друга, как двойники, и не разлучались ни на минуту, но другие-то Скаллагрима не любили.

Эйрик вошел в Темзу и явился в Лондон, приведя туда два судна викингов, которые он забрал в плен вместе с их владельцами. Он привел пленных к королю Эдмунду, Эдуардову сыну, прозванному Эдмундом Великолепным. Стал он в большой чести у короля.

Вместе с англичанами он участвовал и в походе на датчан, а на зиму со своими людьми вернулся в Лондон, оставаясь при короле. При дворе же королевском была одна красивая леди по имени Эльфрида. Как только увидела она Эйрика, полюбился он ей, как ни один мужчина; ничего она на свете так не хотела, как стать его женой. Но Эйрик удалялся от нее, любя только одну Гудруду. Так прошла зима. Наступила весна, и тогда он снова ушел в море воевать и вернулся в Лондон только под осень.

Когда он возвращался, леди Эльфрида сидела у окна и кинула ему венок, сплетенный из цветов. Король при виде этого усмехнулся, заявив, что был бы рад такому родственнику, как Эйрик, и что лучшего мужа для леди Эльфриды он не желает.

Эйрик поклонился королю, но не сказал ни слова, а в ту же ночь спросил у Скаллагрима, скоро ли можно изготовить «Гудруду» к отплытию. Тот сказал ему, что дней через десять, но что теперь уже опасно выходить в море: время года уже позднее и зима близко.

Но Эйрик сказал ему:

— Я хочу зимовать на Фарерских островах: они ближе к нашей

родине, а следующим летом минут три года моего изгнания, и я хочу поскорее вернуться в Исландию.

— В этом решении я вижу тень женщины, — сказал Скаллаgrim, — поздно теперь идти в море. Лучше ранней весной плыть прямо в Исландию!

— Моя воля в том, чтобы идти в море теперь! — упрямо твердил Эйрик.

— Путь к Фарерским островам лежит мимо Оркней, а там сидит Коршун и ждет своей добычи. В сравнении с тем Коршуном леди Эльфрида просто голубка. Уходя от огня, мы можем попасть в полымя.

На другое утро Эйрик пошел к королю и просил его отпустить домой.

— Скажи мне, Светлоокый, разве я не был милостив к тебе? — спросил тот. — Почему же ты хочешь покинуть меня? Неужели ты не можешь считать себя дома в моем большом государстве?

— Нет, государь, я могу быть дома только у себя в Исландии! — сказал Эйрик.

Король разгневался и приказал ему уйти, куда хочет и когда хочет. Эйрик поклонился королю и ушел.

Спустя два дня после того Эйрик повстречал в королевском саду леди Эльфриду. У нее в руках были белые цветы, а сама она была прекрасна и бледна, как эти цветы.

— Говорят, — промолвила она, — ты покидаешь Англию, Светлоокый!

— То говорят правду! — ответил Эйрик.

— Зачем хочешь ты возвратиться в эту холодную страну льдов и снегов, в эту угрюмую, неприветную Исландию? Разве здесь, в Англии, нет уютного уголка для тебя?! — воскликнула она, заливаясь слезами.

— Там я дома, там моя родина, прекрасная леди! Там меня ждет старуха мать!

— И девушка по имени Гудруда Прекрасная, — добавила леди. — О, я знаю! Я знаю все, но говорю тебе, Светлоокый, не видать тебе счастья с нею. Много горя примешь ты из-за нее; здесь же, в Англии, счастье ожидает тебя!

— Все это может быть, леди, — сказал Эйрик, — дни мои текли бурно доселе; бури грозят и впереди, я это знаю. — Но жалкий тот человек, который боится бури и прячется от нее за печку, когда он молод и силен. Нет! Лучше погибнуть, чем быть таким жалким трусом! Ведь в конце концов все же должны погибнуть — и трусы, и герои!

— Да, Эйрик, может быть, в твоем безумии есть мудрость, но скажи мне, если бы то, к чему ты теперь стремишься, было уже холодно и мертво,

когда ты возвратишься в Исландию, что тогда?

— Тогда я продолжал бы свой жизненный путь один, одинокий навек!

— Ну, а если то, к чему ты стремишься, отдалось другому и другой владеет твоим сокровищем?

— Если так, то я, быть может, возвращусь сюда, в Англию, и в этом самом саду буду просить нового свидания с вами!

И они посмотрели друг другу в глаза, и леди Эльфрида продолжала:

— Прощай, Эйрик, и будь счастлив! Дни приходят и проходят, и много места на свете всем. Но и тесно, и пусто тому, кто одинок. Когда ты уедешь, я буду одинока! — Она тихо отошла от него и скрылась в чаще сада.

Потом рассказывали об этой леди Эльфриде, что много знатных витязей и королей просили ее руки, желая взять ее себе в жены, но она не хотела, а когда состарилась, то построила великолепный храм, назвала его Эйрикмирк, по смерти же была похоронена в нем, но ничьей женой никогда не была.

XVI. Как Сванхильда побраталась с жабой

Через двое суток Эйрик сел на свое судно и собрался выйти в море, но только что хотел приказать ударить в весла, как на берег прибыл сам король с богатыми дарами. Хоть гневен был король, но простился с Эйриком ласково, взяв обещание, что если тому не посчастливится в Исландии, то он снова вернется к нему. Эйрик обещал, затем снялся с якоря и вышел в море.

Поначалу погода стояла тихая, но на пятые сутки поднялась сильная буря, продолжавшаяся четыре дня и четыре ночи. Экипаж совсем выбился из сил, выкачивая воду, а та все прибывала. Да и пищи у них не хватало. Земли же нигде не было видно. Сам Эйрик и Скаллагрим не ели и не спали; все готовились к смерти; спасения неоткуда было ждать. Вдруг Скаллагрим услышал, будто волны пенятся, ударяясь о рифы, и сообщил о том Эйрику.

— Так и есть, — согласился тот, прислушиваясь к шуму волн, — теперь наша песенка спета: нам недолго ждать смерти!

— Смотри, государь, какое чудо, — воскликнул берсерк, — видал ли ты когда, чтобы туман шел против ветра, как сейчас?! Это, поверь, не без колдовства! Смотри, эта чародейка Сванхильда готовит нам западню!

В это самое время Сванхильда, жена Атли, сидела в своем высоком замке у окна, смотря в темную даль бурной ночи. Глаза ее горели во тьме, словно глаза кошки, губы шептали какие-то заклинания.

— Здесь ли ты, мерзкая жаба? Здесь ли ты?

— Здесь, Сванхильда Незнающая Отца, дочь колдуньи Гроа — здесь! Скажи, что тебе надо от меня?

— Явись мне, чтобы я могла увидеть отвратительный образ твой, увидеть тебя, мерзкое существо, к которому испытываю гадливость и отвращение, но в помощи которого нуждаюсь, явись ко мне!

И вот во мраке появилось светлое пятно, а в нем отвратительная, громадная жаба с мертвой головой, вокруг которой болтались седые космы волос, а в глазных впадинах ее тускло светились налитые кровью глаза с обвислыми веками. Эта мертвая голова была обтянута мертвенно-желтой кожей, как лицо покойника; черные лапы с громадными когтями поражали уродливостью. Чудовище захохотало зловещим, отвратительным смехом, проговорив:

— Ты называла меня серым волком, и я являлась к тебе в образе серого волка; называла меня крысой, я служила себе в образе крысы. Теперь назвала меня жабой, и под видом жабы я теперь ползаю около твоих ног.

Скажи мне, чего ты хочешь от меня, а я скажу, какой ценой ты можешь купить мою услугу! Ты говоришь, что я гадка, страшна. Но взглядишь поближе в мое лицо. Неужели ты не узнаешь его? Ведь это лицо матери твоей, умершей Гроа! Я взяла его у нее на том месте, где она теперь лежит, а это тело мое, — тело пятнистой жабы, — ведь это образ твоего собственного сердца, и ты не узнаешь его? И ты сама будешь даже отвратительнее меня, как и я была некогда прекраснее тебя!

Ужас охватил Сванхильду, и она хотела вскрикнуть, но голос замер у нее в горле.

— Так говори же скорее, чего ты хочешь от меня? — продолжала уродливая жаба.

И Сванхильда, собравшись с духом, сказала ей, что хочет, чтобы Эйрик, который находится теперь вблизи Оркнейских островов, не прошел мимо, но был выброшен на берег. Прежде чем забрезжит утро, пусть будет он здесь, в замке Атли, и станет ее возлюбленным, а Гудруда пусть раньше, чем настанет осень, станет невестой Оспакара.

— Прекрасно! — захохотала отвратительная жаба. — Пусть так, но только ты должна побрататься со мной и своей кровью запечатлеть наш союз. Ты должна стать тем, что я есть, должна мыкаться вместе со мной по свету, на гибель и горе всему, что не прибегает к нашей помощи, служа всем злым желаниям и дурным побуждениям людей, сея зло везде и повсюду. Ты станешь моей сестрой и неразлучной спутницей!

Дрожащая, бледная, с горящими безумными глазами Сванхильда согласилась на ее требования, согласилась на все и закрепила свою страшную клятву своей кровью.

Вдруг отвратительная жаба приняла образ и красоту Сванхильды, а Сванхильда с несказанным ужасом почувствовала, что превратилась в отвратительную жабу, ползающую по каменным плитам пола; в груди у нее клокотала ненависть и злоба ко всем людям.

Она увидела свой собственный образ на вершине утесов, с распростертыми руками, как бы в заклинании к небу и к морю.

Вдруг туман двинулся против ветра на море и стал застилать глаза Эйрику, ветер дул с бешеной силой, гибель судна казалась несомненной.

Эйрик сознавал, что спасения нет.

— Это колдовство и нечистая сила, — стоял на своем Скаллаграм. — Видишь там, в волнах, эту женскую фигуру, государь? Смотри, как ты думаешь, что это такое?

— Клянусь Одним! Эта женщина идет к нам по волнам! Это — Сванхильда, я ее узнаю! Вот она идет перед нашим судном, указывая

вправо! Она уже раз спасла нас, последуем ее совету и на этот раз. Что ты на это скажешь? — спросил Эйрик.

— Я ничего не смею сказать тебе, господин, но не люблю колдовства и чародейства. Пусть будет по-твоему!

Между тем призрак продолжал скользить впереди судна, указывая то в ту, то в другую сторону, и Эйрик направлял руль согласно этим указаниям. Вдруг это видение вскинуло руки к небу и исчезло в волнах. В тот же момент «Гудруда» со всей силы наскочила на подводную скалу, пробив себе киль. Страшный оглушительный трест заглушил на минуту рев и вой ветра. Страшный вопль вырвался из-под палубы, где находились люди Эйрика. Смерть раскрыла над ними свою жадную пасть. Вода хлынула в щель и затопила весь трюм. Еще минута — и судно пойдет ко дну. Эйрик обхватил Скаллагрима вокруг пояса. Громадный вал подхватил их в тот момент, когда «Гудруда» разом пошла ко дну.

Что было дальше — не помнили ни тот ни другой.

* * *

Между тем отвратительная жаба в образе Сванхильды снова явилась перед ней и обменялась своим видом, снова став жабой, а Сванхильда — прекрасной Сванхильдой. На этом достойные сообщницы распрощались.

XVII. Как Асмунд женился на Унне, дочери Города

Когда Эйрик покинул Исландию, то Гудруда сильно тосковала, но вскоре до нее дошли вести о нем. Говорили, что Оспакар Чернозуб преградил ему путь, напав на него с двумя большими боевыми судами, но Эйрик разбил одно судно и победил Оспакара. Но что случилось с другим судном Чернозуба и с «Гудрудой» Эйрика — осталось неизвестным. Полагали, что оба судна погибли в бурю, но Гудруда не верила тому: сердце ее говорило, что Эйрик не умер.

Между тем пришло время, когда Асмунд жрец хотел жениться на Унне, родственнице Эйрика Светлоокого, и задумал он дать по этому случаю великий пир. Гостей собралось так много, что пришлось справлять пир в Миддальгофе, так как на Кольдбеке не было места.

Накануне того дня, когда Асмунд должен был назвать Унну своей женой, все уже было готово к торжеству; гости начинали съезжаться со всех концов. Гроа хлопотала: она и готовила все для пира. С того самого времени, как она оправилась после болезни, Гроа была кротка и тиха и ни в чем не прекословила никому, не только Асмунду жрецу, а даже и Савуне, и Унне. Когда Асмунд жрец обходил горницы, где были накрыты столы, Гроа подошла к нему, тихонько спросив:

— Все ли тебе по душе, господин? Сумела ли я угодить тебе?

— Да, Гроа, но я боюсь, что тебе все это не по душе!

— Полно, господин, не думай об этом! Что тебе хорошо, хорошо и мне!

— Теперь скажи мне, Гроа, желаешь ли ты остаться в Миддальгофе и тогда, когда Унна станет здесь госпожой и хозяйкой, или желаешь, чтобы я отпустил тебя с честью и почетом?

— Нет, Асмунд, позволь мне служить тебе и после, как я служила до сего дня, если только на то воля Унны!

— Воля Унны, чтобы ты оставалась здесь и жила в почете! — сказал Асмунд и пошел вон из горницы.

Когда настала ночь и зажгли огни, Гроа поднялась со своего ложа и, окутавшись черным плащом, с корзиночкой на руке тихо вышла из замка, направившись на болото. Долго бродила она там, собирая травы и ядовитые коренья, затем вернулась в замок и за углом каменной ограды,

куда никто не заглядывал и где было пусто и темно, подошла к человеку, который тут развел огонь из торфа, держа в руке чугунный котелок. Человек этот был Колль Полоумный. Гроа спросила его:

— Все у тебя готово?

— Да, госпожа, только не по душе мне то, что ты нынче затеяла! Скажи-ка, что ты задумала варить в этом горшке?

— Завтра, ты знаешь, свадьба Асмунда; он берет себе в жены Унну, и я хочу изготовить им любовный напиток по его просьбе.

— Много я делал для тебя дурных дел, но сдается мне, это хуже всех!

— Много я делала тебе доброго, Колль, и окажу тебе еще одно последнее благодеяние: я подарю тебе свободу и дам еще две сотни серебра, если ты и в этот раз сделаешь по-моему!

— Что же мне сделать, госпожа? — спросил Колль.

— Вот что: во время свадебного пира ты должен будешь разливать вина, меда и всякие напитки в чаши в то время, когда Асмунд будет провозглашать тосты. Когда все развеселятся, ты примешаешь этот напиток в ту чашу, над которой Асмунд будет произносить свои брачные клятвы Унне, и Унна — Асмунду. Наполнив чашу, вручишь ее мне; я буду стоять у подножия высоких седалищ в ожидании, когда настанет время приветствовать новобрачную от имени всех женщин-прислужниц. Тогда ты передашь мне эту чашу; ведь это сущий пустяк, о чем я прошу тебя.

— Действительно, пустяк! А все же мне это очень не нравится! Что если я скажу, что не согласен исполнить твою просьбу?

— Что тогда будет?! — воскликнула Гроа, позеленев от злобы. — Что тогда будет? А будет то, что не пройдет несколько дней, как вороны выклюют тебе глаза! Понял?

— А если я исполню, то когда получу обещанные две сотни серебра?

— Половину я дам тебе перед началом пира, а другую половину — когда он кончится! Сверх того, дам тебе полную свободу идти на все четыре стороны.

— Ну, так рассчитывай на меня! — сказал Колль и ушел.

А Гроа продолжала варить свои травы и, наконец, сняв горшок с огня, перелила отвар в склянку, которую спрятала у себя на груди, а огонь разбросала ногой и тихонько прокралась к своему ложу, где и легла прежде, чем люди успели проснуться.

Настал день свадьбы Асмунда сына Асмунда из Миддальгофа. За свадебным столом сидели на высоких седалищах Асмунд жрец и Унна, дочь Торода. Все думали, что она пригожая невеста и что Асмунд, хоть и насчитывал три раза по двадцать зим, был мужчина видный, красивый и

сильный. Однако невесело сидел он на пиру, хоть и много пил он и вина, и медов, — ничто не веселило его: ему вспоминались слова Гудруды Милой, жены его, что быть несчастьем и беде и ему, и всему его дому, если он будет иметь какое-нибудь дело с колдуньей Гроа; теперь ему казалось, что это предсказание должно сбыться. Казалось, Гроа смотрит на него и на Унну недобрыми глазами. Ему вспомнились ее страшные слова и проклятия перед ее болезнью. Все гости заметили, что Асмунд невесел. Но вот стал он возглашать тосты один за другим и мало-помалу развеселился. Пришла очередь и кубку невесты. Колль наполнил его, как наполнял до сих пор все кубки, но вместо того, чтобы подать его прямо Асмунду, передал Гроа, как было условлено, и, когда Асмунд потребовал кубок, Гроа как будто запнулась за свое длинное платье и на мгновение прикрыла им золотую чашу невесты, но затем торопливо отдала ее Асмунду. Возгласив тост в честь новобрачной и повторив клятвы верности и любви, Асмунд отпил из кубка большой глоток и передал его Унне, жене своей, но прежде, чем та отпила из нее, он поцеловал ее в уста среди громких приветствий гостей. Унна с улыбкой поднесла чашу к губам и отпила из нее. В этот момент взгляд Асмунда упал на Гроа, и он увидел, что глаза ее горели, как раскаленные уголья, а лицо сделалось отвратительным от злорадного торжества.

Асмунд побелел, как снег, и, схватившись рукою за сердце, крикнул:

— Не пей, Унна! Не пей! Кубок отравлен! — И он выбил золотой кубок из рук новобрачной, так что тот откатился далеко на середину горницы. Но было уже поздно. Унна уже отпила и стала бела, как снег. Она молча опустила на свое высокое седалище, а Асмунд воскликнул еще раз:

— Люди, питье это отравлено, и отравила его вот эта женщина, колдунья Гроа!

А та громко хохотала, видя муки Асмунда и Унны.

— Да, я отравила это питье, я, Гроа колдунья. Вырви теперь свое сердце из груди, Асмунд жрец, делайся белее снега, добродетельная Унна! Вашим брачным ложем будет ложе смерти!

И прежде, чем кто-либо успел вскочить и схватить ее, колдунья, как тень, проскользнула между пирующими и скрылась.

С минуту царил мертвая тишина. Затем Асмунд поднялся и с трудом произнес:

— Да, теперь я вижу, что всякий грех несет в себе свое проклятье, что это камень, который падает на голову того, кто его поднял. Гуд-руда Милая, чистая и непорочная супруга моя, завещала мне сторониться этой колдуньи — и вот плоды того, что я позабыл данную ей клятву. Унна, прощай!

Прощай, дорогая супруга моя!

И Асмунд жрец упал и умер тут же, за брачным пиром, среди своих гостей, на высоком седалище, подле своей новобрачной супруги. А та смотрела на него, мертвенно бледная и скорбная, затем склонилась над ним и, поцеловав его в мертвые уста, громко вскрикнула и также упала мертвой.

С минуту в большой горнице царила мертвая тишина. Но вдруг Бьерн вскрикнул:

— Колдунья! Где колдунья?

С криком бешенства все устремились по следам Гроа, преследуя ее, как натравленные собаки преследуют зверя. Скоро погоня была уже на вершине холма, но колдунья всех опередила, спеша к реке и водопаду. Тут Бьерн натянул свой лук и спустил стрелу, которая пронзила ей сердце. С громким криком вскинула Гроа свои руки кверху и упала вниз, на Волчий клык, а оттуда — в водоворот.

Так кончила свое существование колдунья Гроа. Но так как она была колдунья, то злые силы ее могли действовать еще и после того.

Бьерн сын Асмунда стал хозяином и жрецом в Миддальгофе вместо своего отца. Это был человек жестокий, алчный до денег и до всякой

наживы. Он стал принуждать Гудруду, сестру свою, идти замуж за Оспакара. Но Гудруда не соглашалась. Тут пришли вести, что Эйрик жив и зимовал в Ирландии. Гудруда словно расцвела от этих вестей и стала еще прекраснее, чем раньше. В это лето Оспакар Чернозуб встретился с Бьерном и долго беседовал с ним тайно.

XVIII. Как ярл Атли нашел Эйрика Светлоокого и Скаллагрима на скалистом побережье острова Страумея

Сванхильда в ночном одеянии подошла к ложу своего мужа Атли и, разбудив, сказала, что ей снился сон: здесь, на берегу в эту ночь разбилось большое судно и погибло много людей, но некоторых выкинуло на берег. Она посоветовала мужу, взяв людей, пойти спасти тех, кто остался жив.

Ярл послушался и, взяв много людей с фонарями, пошел сам на берег. Там он нашел обломки судна и много мертвых тел, а между скал Эйрика и Скаллагрима, которых волны выбросили на берег обнявшимися, как они обнялись, когда «Гудруда» пошла ко дну. С трудом разняв их (оба они были как мертвые) и положив на доски, их понесли в замок. Атли обещал тем, кто нес Эйрика, что он щедро наградит их. Эйрик был так тяжел, что восемь сильнейших людей Атли едва могли нести его. Добрый ярл боялся, что он уже умер. Однако, когда потерпевших крушение принесли в замок, Сванхильда, наклонившись над Эйриком, произнесла:

— Не горюй, ярл, Эйрик Светлоокий жив и будет жить, и тень его, Скаллагрим, тоже! — и она, отвязав его шлем и броню и отцепив его меч Молнии Свет от пояса, уложила его и Скаллагрима на шитые постели, накрыв теплыми покрывалами, а когда те пришли в себя, напоила их горячим медом.

Когда Эйрик узнал от Атли, что и судно его разбилось, и товарищи все до одного погибли, вздохнул тяжело, проговорив:

— Все это колдовство и нечистые силы! Лучше было бы и мне погибнуть, чем остаться в живых и слышать такие вести! А все это проклятое колдовство! — И он заснул крепким сном, проснувшись только тогда, когда солнце было уже высоко. Встав с постели, он пошел вместе со Скаллагримом на берег отыскивать своих погибших товарищей. Много нашли они мертвых тел, но живого ни одного. Сел Эйрик на одну из прибрежных скал и, закрыв лицо руками, горько заплакал над своими погибшими товарищами.

Между тем, пока Эйрик еще спал крепким сном, Атли пошел на свое ложе: была еще ночь. Сванхильда же отыскала Холля из Литдаля, который уже несколько месяцев жил в замке Атли, обманув ярла, что Эйрик оставил его на Фарерских островах оправляться от раны и что теперь он не знает,

где отыскать Эйрика и не имеет судна, чтобы вернуться в Исландию. Поверил ему Атли и приютил его. Теперь Сванхильда сказала:

— Знаешь, Холль, кого спас в эту ночь старый Атли?

— Нет, госпожа.

— Эйрика Светлоокого и его неразлучную тень Скаллагрима Овечий Хвост.

— И оба они живы? — спросил со страхом Холль.

— Да, и, верно, рады будут увидеть старого товарища после того, как столько их погибло здесь!

— Ну, я так вовсе тому не рад! — угрюмо сказал Холль.

— Уж не боишься ли ты Скаллагрима? Или ты поступил нехорошо против Светлоокого?

Тогда Холль рассказал Сванхильде все, что было, только не совсем так, как было, стараясь скрасить свой поступок и уменьшить свою вину. Но Сванхильду трудно было обмануть, она угадала все, что утаил от нее Холль, и сказала:

— Правда, не добро тебе встречаться со Скаллагримом. Не такой он человек, чтобы помиловать того, против кого он имеет на сердце. Уезжай ты отсюда, Холль, пока никто еще не проснулся. Есть у Атли земля в Исландии, поезжай туда; я и человека тебе дам, и судно, и денег на дорогу. А когда мне понадобится от тебя услуга, так ты сделаешь то, что я прикажу тебе. А теперь ступай себе, да готовься в путь. Видишь, буря стихла, и теперь немного дней будет тихо и ясно. Мой приказ ты передашь тому человеку, что теперь управляет землею Атли, он приютит тебя там.

* * *

Когда Эйрик, сидя на скале, плакал о своих погибших товарищах, к нему подошла Сванхильда, тихонько прокрававшаяся за ним из замка, и ласково проговорила:

— Не плачь об умерших, а пожалей лучше живых. Возрадуйся, что ты здесь жив и невредим. Скажи мне хоть слово привета, мне, которая столько лун не слыхала звука твоего голоса!

— Как мне приветствовать тебя, Сванхильда, — отвечал герой, — когда я желал бы никогда не видеть твоего лица! Ты — колдунья, и много зла произошло через тебя.

— Много зла! Ты помнишь только зло! Почему же не помнишь, что вчера я послала Атли искать тебя в скалах на берегу и еще раз спасла тебя в море?! Забудь то зло, Эйрик, меня толкала на него безумная любовь моя к тебе. Теперь все иначе: я — жена Атли, и верная ему жена. Моя любовь к тебе стала любовью сестры к брату.

Эйрик почти поверил ей, хотя и заметил:

— Если ты не изменишься, то пока я буду здесь, мы будем жить в мире, хотя я не люблю тех, кто занимается колдовством — ко злу или благу людей, все равно: в колдовстве нет добра!

Она ничего не сказала, а только тихо коснулась его руки и хотела уйти, но Эйрик остановил ее, спросив, нет ли у нее каких вестей из Исландии.

— Есть, только боюсь, что эти вести недобрые для тебя, Эйрик!

— Говори скорее! — просил он.

— Отец мой Асмунд умер; Гроа, мать моя, тоже, но как или почему, не знаю. А недавно Гудруда Прекрасная, твоя помолвленная невеста, помолвлена с Оспакаром Чернозубом и весной станет его женой. Только ты не огорчайся этим, это ведь только слух. Мне самой не верится, чтобы Гудруда забыла тебя и согласилась стать женой Оспакара без особой причины.

— Плохо будет Оспакару, если только это правда! Ведь Молнии Свет еще в моих руках! — сказал Эйрик, побледнев.

— И еще одну новость скажу тебе, — продолжала Сванхильда, — Холль из Литдаля был здесь до сего утра. Сегодня он ушел отсюда неизвестно куда и оставил весть, что больше сюда не вернется.

— И хорошо сделал, что ушел, — молвил Эйрик, рассказав о поступке Холля.

— Да, знай об этом Атли, он велел бы палками прогнать его отсюда, — проговорила Сванхильда. — Но скажи мне, Эйрик, почему ты носишь такие длинные волосы, как у женщины?

— Потому, — отвечал Эйрик, — что я поклялся Гудруде, что ни одна рука не коснется моих волос до тех пор, пока я не вернусь к ней. Хотя волосы эти мне обуза и мешают в бою, — раз даже меня схватил один воин за волосы, и я чуть было не лишился жизни через это, — но все же, если бы даже они выросли у меня до пят, я не нарушил бы своей клятвы!

Сванхильда усмехнулась и решила в сердце своем, что раньше, чем вернется весна, она заставит его своими хитростями и уловками изменить данному Гудруде обещанию и своею рукой срежет хоть один локон этих золотых волос его, а затем отошлет его Гудруде.

Сванхильда давно уже ушла, а Эйрик все еще сидел, раздумывая о том,

что узнал от нее. Она заронила в душу его зерно подозрения, уже начавшее пускать корни. «Что если правда, что Гудруда помолвлена с Чернозубом? О, если так, то она скоро станет вдовою!» — решил он и с таким решением угрюмо побрел в замок.

XIX. Как Колль Полоумный принес весть из Исландии

Когда Эйрик шел в замок, ему встретился Атли. Старый герой стал его просить, чтобы он остался у него хоть на зиму в его замке на острове Страумей. Эйрик долго не соглашался. Наконец убедительная просьба Атли заставила его изменить свое первоначальное решение. Сванхильда все это время была ласкова с ним, но не докучала своей любовью.

Когда пришла весна, Атли стал просить Эйрика помочь ему вместе с Скаллагримом одолеть одного врага, могучего и сильного вождя, который захватил часть его земель. Эйрик согласился. Они сели на суда.

Много славных подвигов совершил Эйрик и от всех был прославляем, а Скаллагрим в одной схватке убил недруга Атли и тем положил конец распре. Атли вернулся с торжеством и победой из этого похода, но Эйрик был тяжело ранен в ногу и не мог сесть на коня, не мог подняться на ноги. Его несли на носилках десять дюжих людей. Много недель пролежал герой больной в замке Атли; Скаллагрим, Сванхильда и сам Атли без усталости ходили за ним. Наконец, когда стал он поправляться, пришло время Атли ехать собирать екать (то есть подати). Ярл взял с собой всех своих людей, а также и Скаллагрима, Эйрик же был еще слаб и потому остался в замке. С ним оставались только женщины во главе со Сванхильдой.

В этот день ей доложили, что пришел с ней человек из Исландии с вестями. Она приказал позвать его. Человек этот был Колль, бывший тралль ее матери, колдуньи Гроа. Он рассказал ей, как умерли Асмунд жрец и новобрачная жена его Унна, дочь Торода, как умерла Гроа колдунья, его госпожа.

— А Гудруда? — спросила его Сванхильда.

— О ней, госпожа, ходил слух, будто ее сватал Оспакар Чернозуб, но о свадьбе и помина не было!

— Слушай, Колль, я вижу, что ты голоден, да и кошель твой не туго набит деньгами, добрая похлебка и горсть-другая серебра тебе не лишни. Слушай же! Не трудно тебе, я думаю, покривить душой и сказать Эйрику Светлоокому, поклясться даже, если будет нужно, что Гудруда Прекрасная уже стала женою Оспакара Чернозуба и что свадьба их была назначена на минувший праздник Юуль. Если ты этого не сделаешь, то убирайся отсюда, куда хочешь, ни крова, ни похлебки, ни ломаного гроша я тебе не дам!

Колль славился тем, что второго такого лжеца не было во всей Исландии, и сказать ложь ему ровно ничего не стоило.

— Сделать это я, конечно, могу, если ты поможешь мне каким-нибудь советом, — сказал Колль.

После этого Сванхильда долго тайно беседовала с Коллем Полоумным, затем велела призвать Эйрика.

Тот, придя к ней, застал ее в слезах. Притворщица сообщила, что пришли дурные вести из Исландии, что мать ее, Гроа, отравила отца ее, Асмунда жреца, и Унну, жену его, во время брачного их пира, а Бьерн убил ее, когда она стояла над обрывом Золотого водопада, где чуть было не погиб Эйрик.

— Ну, а какие вести о Гудруде? — спросил Эйрик.

— Она стала женою Оспакара, — сказала Сванхильда. — Так сообщил Колль, сейчас прибывший сюда!

— Врет он, этот Колль! — воскликнул Эйрик, вскочив на ноги и хватаясь за стену, чтобы не упасть. — Где он? Позвать его сюда!

Когда тот пришел, Эйрик стал расспрашивать его и долго не верил ему, пока слуга не сказал ему, что сама Гудруда поручила ему передать Эйрику, что брат принудил ее идти за Чернозуба и что она теперь возвращает ему его слово и просит простить ее, что хотя она жена Оспакара, но никогда не забудет Эйрика и всегда будет любить его. В подтверждение слов своих она дала ему, Коллю, вот эту вещицу и просила передать ее Эйрику.

С этими словами Колль достал из своего кожаного кошелька половину старинной золотой монеты и вручил ее Эйрику со словами:

— Вот это она дала мне, чтобы я отдал тебе!

Эту золотую монету Эйрик еще ребенком нашел, играя вместе с ней на берегу, и тогда же разломил ее пополам; с того времени они оба носили этот талисман у себя на груди. Но в последние годы, незадолго до изгнания Эйрика, Гудруда потеряла свою половину и из боязни огорчить своего возлюбленного ничего не сказала ему об этом. Впрочем, она даже и не потеряла талисмана, а Сванхильда однажды ночью, во время ее сна, украла его у нее и с тех пор постоянно хранила у себя.

Теперь настал момент, когда этот обломок монеты мог сослужить ей службу. И она дала его Коллю во время тайной беседы своей с ним.

Эйрик схватил этот предмет из руки Колля и, выдернув у себя с груди вторую половину, приложил; обе половины как раз пришлись одна к другой. Эта мнимая очевидность, этот любовный талисман в руках постороннего человека помutilи рассудок Эйрика; он громко захохотал.

— Быть кровопролитию! — воскликнул он. — Еще не так скоро эта

песня будет допета до конца. Вот, на тебе! Это твоя награда, ворон, за то, что, будучи лжецом, ты раз сказал правду! — И Эйрик швырнул оба обломка золотой монеты.

Коль подобрал золото и вышел, а Эйрик опустился на скамью и, свесив голову на руки, глухо стонал. Тихонько подкралась к нему Сванхильда, тихонько прижалась к его плечу и тихим, ласковым голосом молвила:

— Тяжелые вести, Эйрик. Тяжелые и печальные и для тебя, и для меня... Та, что родила меня, — убийца и отравительница, убийца моего отца, а Гудруда — изменница, прекрасная, но лживая. Плохо, что я родилась от такой женщины, и плохо, что ты отдал свое сердце и доверился такой девушке. Оба мы несчастные теперь, давай же плакать вместе! — и голос ее, тихий и вкрадчивый, звучал, как музыка.

— Нет! — воскликнул Эйрик, вскочив на ноги. — Нет, зачем нам плакать? Давай веселиться вместе: теперь нам нечего уже бояться дурных вестей. Мы испили самую горечь чаши, и потому давай веселиться!

— Да! Смехом мы заглушим свое горе! Безумный ты, Эйрик, под какой несчастливой звездой ты родился, что не умел отличить правды от лжи, искренности от обмана, и теперь ты наказан за это. Но не горюй, давай смеяться и веселиться, как ты сказал! — И она, позвав женщин, приказала принести яств и вина, и меду. Они стали пировать и веселиться. Эйрик старался делать вид, что ест, но кусок не шел ему в горло, зато пил он очень много в эту ночь, а южные вина были крепки. Сванхильда сидела близко, близко к нему, с горящими глазами, распевая разные песни. Что-то словно огнем распалило мозг Эйрика. Он громко смеялся и хвастал своими подвигами, чего прежде никогда не делал. Между тем Сванхильда все ближе и ближе придвигалась к нему. Вдруг Эйрик вспомнил о друге своем Атли, и голова его сразу отрезвилась.

— Нет, Сванхильда, этого не должно быть, — проговорил он, отстраняя ее от себя, — теперь ты чужая жена! Но я жалею, что не полюбил тебя с самого начала: ты все же лучше Гудруды и не изменила бы мне!

— Да, Эйрик, ты прав! Надо было сразу уметь отличить истину от обмана; теперь же все равно, все уже сказано, и все клятвы нарушены! Уходи отсюда, Эйрик, не то быть беде! Но прежде выпей вот эту чару на прощание; ведь для нас лучше не видеться больше с тобой! — Иона подала ему чару, куда незаметно влила любовный напиток, уже заранее приготовленный ею.

— Прежде чем ты возьмешь эту прощальную чару, Эйрик, —

продолжала коварная женщина, — я хочу, чтобы ты исполнил одно мое желание. Это просто женский каприз, но мне это будет отрадой на весь остаток дней моих, дай мне срезать одну только прядь твоих золотых кудрей!

— Я поклялся Гудруде, что никто, кроме нее, не дотронется до моих волос! — отговаривался было Эйрик.

— В таком случае они отрастут у тебя длиннее пят; она ведь теперь не будет больше стричь их, ее руки расчесывают теперь черные кудри Оспакара, и ей нет дела до твоих золотых кудрей. Забыты все обещания! Нарушены все клятвы!

Эйрик глухо застонал.

— Да, — сказал он, — все клятвы нарушены! Исполни свое желание, Сванхильда! — и он подал ей свой драгоценный меч Молнии Свет.

Сванхильда с недоброй улыбкой взяла в руки прядь золотых кудрей Эйрика и отрезала ее мечом.

Герой молча взял у нее меч и вложил в ножны, она же спрятала золотую прядь у себя на груди.

— Ну, а теперь пей чару и уходи! — сказала она; он послушно выпил до дна, и вдруг все переменилось у него в глазах: кровь закипела в нем ключом, и перед глазами заходили точно огненные волны. Сванхильда стояла перед ним точно в сиянии; ему казалось, что она поет сладкие песни, что от нее веет ароматом родных лугов, шепча:

— Все клятвы нарушены, Эйрик, все! А теперь надо давать новые клятвы! Срезаны твои золотые кудри — и срезаны не рукой Гудруды!...

XX. Как Эйрик получил новое прозвище

Эйрику снился сон, что перед ним стоит Гудруда, печально говоря: «Дурно ты сделал, Эйрик, что усомнился во мне, что нарушил данную мне клятву. Теперь ты навлек позор на свою голову, и не смыть тебе этого стыда и позора вовек. Когда ты дал Сванхильде срезать свои кудри, мой дух, всегда охранявший тебя от зла, отлетел от тебя, предоставил тебя Сванхильде».

Эйрик проснулся. Ему показался этот сон справедливым. Но он думал, что все, происходившее с ним накануне, было только сном, пока, раскрыв глаза, не увидел рядом с собой Сванхильду, жену Атли. Тогда его охватили ужас и чувство такой ненависти к этой женщине, что, будь у него Молнии Свет, он, кажется, убил бы ее. Но меч его остался наверху, в тереме Сванхильды. Эйрик громко застонал. Его стон разбудил Сванхильду, она повернулась к нему лицом. Он же вскочил, как ужаленный, и стал проклипать ее и ее колдовство.

— Слушай, Эйрик, — отвечала хитрая женщина, — все, что тут было, останется между нами, никто не узнает о том. Атли стар, и чуёт мое сердце, что он долго не проживет. А так как мы бездетны, то и все герцогство и все наследие его перейдет ко мне. Тогда ты займешь с честью и почетом его место и открыто назовешься женихом его вдовы.

— Верно, — проговорил ядовито Эйрик, — ты достаточно зла, чтобы убить своего мужа и господина. Но знай, что лучше я буду последним нищим и буду ходить, побираясь, из двора во двор, чем сяду здесь рядом с тобою на место бедного Атли! Пусть лучше сгниют мои губы, чем коснутся еще раз твоего лица, пусть с корнем вырвут мой язык и я буду нем навек, чем он произнесет хоть одно слово любви к тебе, пусть лучше вытекут мои глаза и я буду слеп до конца дней моих, чем взгляну хоть раз по своей воле на твое мерзкое лицо. Проклинаю тебя за все прошлое и за настоящее и проклинаю тебя и впредь, навсегда! Слышишь? А теперь прощай! Не дай нам судьба больше встречаться с тобою ни живыми, ни мертвыми!

— Не так-то легко мы с тобою расстанемся, Эйрик! — крикнула Сванхильда, вскочив теперь, в свою очередь, на ноги и заграждая ему дорогу. — Безумный, ты, видно, не знаешь, что нет врага ужаснее оскорбленной женщины! Разве затем я предалась колдовству, затем приняла позор, чтобы слышать от тебя одни проклятия?! Помни, что это лишь начало сказки. Я допишу ее до конца кровавыми словами и буквами! Ты не

забудешь меня!

— Не угрожай! Хуже того, что ты уже сделала, ты не можешь сделать ничего! — сказал Эйрик и с этими словами вышел вон.

С минуту Сванхильда стояла как окаменелая, затем, заломив руки, громко зарыдала от отчаяния и злобы.

— И ради этого я предала себя нечистой силе, ради этого стала колдуньей и лиходейкой! Нет, погоди, Эйрик, если нет для меня отрады в любви, то есть наслаждение в мести! Погоди, я расскажу Атли такую сказку, что увижу тебя мертвым у моих ног, да и Гудруду твою Прекрасную тоже. А там пусть все сгниет и пропадет в вечном мраке... Но мне надо спешить, чтобы опередить Эйрика, чтобы Атли услышал мою сказку раньше, чем Эйрик успеет покаяться ему во всем!

Между тем Эйрик прошел в терем Сванхильды, взял там свой меч, опоясался им, надел шлем и броню и в полном вооружении вышел во двор замка, сказав женщинам, работавшим во дворе, что он пойдет к морю на то место берега, где разбилось его судно, что если Атли, вернувшись, спросит о нем, то пусть скажут ему, где его найти. Так сказал Эйрик, так как на это утро ожидали возвращения Атли.

Придя к тому месту, куда его выкинуло бурей на берег, Эйрик сел на скалу и стал смотреть вдаль на море. Его грызла тоска и мучил стыд.

Между тем Сванхильда, призвав Колля Полоумного, долго тайно беседовала с ним, наконец, приказала, как только вернется Атли, призвать его к ней. Когда Атли вернулся, то сейчас спросил об Эйрике, но ему сказали, что он ушел из замка к морю. Тогда Атли пошел к жене и застал ее в слезах и отчаянии. Она рассказала ему все, что хотела рассказать о поступке Эйрика, и рассказала так, как того хотела. Не поверил сначала старый Атли, но она призвала Колля в свидетели. Тогда ярл поверил, побелев от гнева; вся кровь застыла в нем от сознания своего позора. Вскипел он гневом и, призвав своих людей, отправился на берег. Но Скаллаgrim пошел раньше его. Эйрик передал ему, что было. Не мог удержаться Скаллаgrim от упрека:

— Вот видишь, лучше было нам оставаться в Лондоне, как я тебе говорил! Ты бежал от огня и попал в полымя.

— Правда твоя! Теперь я хочу повидать Атли, поговорить с ним и затем уйду отсюда навсегда.

— Уйдем вместе! — угрюмо сказал берсерк. — Но остер ли твой меч?

Вдруг увидел Эйрик, что Атли идет к нему и с ним человек десять из его людей. Герой поднялся к нему навстречу.

— Как видно, ярлу уже известно об этом деле! — сказал берсерк. — Я

это вижу по его лицу.

— Тем лучше, — отозвался Эйрик, — мне не надо будет рассказывать ему!

— Низкий обольститель беззащитных женщин! — крикнул ему Атли. — Защищайся! — И он взмахнул мечом перед глазами Эйрика.

— Нет, Атли, — проговорил Эйрик, — ты стар, и я виноват перед тобой, хотя и не знаю ничего о том, что ты сейчас сказал. Я не стану защищаться! С тобою десять твоих людей; пусть они нападут и убьют меня, против них я готов защищаться, ты же отойди в сторону!

— Нет, — крикнул ярл, — позор — мой, и я поклялся Сванхильде смыть его твоей кровью. Слышишь, защищайся, если ты не трус и не низкий человек!

Эйрик поневоле поднял свой меч и взял свой щит. Атли нанес ему удар со всего размаха обеими руками. Эйрик принял удар на щит и остался невредим, но сам не возвратил удара.

Тогда Атли опустил свой меч.

— Я еще не дожил до того, чтобы убивать человека, который настолько слабодушен, что не может отвечать ударом на удар! Возьмите вы, люди, свои колья и гоните этого труса к берегу, к тому месту, где есть лодки, загоните его в лодку и отпихните от берега! — И Атли повернулся спиной к Эйрику.

Такого посрамления не могла вынести гордость Светлоокого. Вся кровь бросилась ему в голову, и он сказал:

— Возьми свой щит и защищайся, ярл, если уж ты непременно этого хочешь. Но пусть кровь твоя падет на тебя же самого: не может оставаться в живых человек, назвавший Эйрика низким трусом!

Атли надменно засмеялся и еще раз занес меч на Эйрика. Тот парировал удар Молнии Светом и затем сам в свою очередь нанес удар, один только удар, но Молнии Свет рассек щит и, отрубив руку, державшую щит, глубоко вонзился в грудь старого Атли. Пошатнулся ярл и без стопа упал, обливаясь кровью, на скалы. А Эйрик стоял, опершись на свой меч и смотря на него, и сердце его ныло от боли.

— Ну, Атли, ты сам того хотел! — проговорил Эйрик. — Мне теперь стало еще хуже, чем было. Я исполнил твою волю, и вот что скажу тебе теперь: лучше бы я убил своего отца, чем тебя, Атли! Все это дело рук Сванхильды! Клянусь в этом тебе: не было моей воли причинить тебе обиду или огорчение!

Атли взглянул в печальное лицо Эйрика и в его ясные, правдивые глаза, и гнев его разом спал; все стало ясно старому ярлу.

— Эйрик, — сказал он, — подойди ближе и расскажи мне все, как было! Я начинаю думать теперь, что меня обманули, что ты не сделал того, что сказала про тебя Сванхильда, а Колль засвидетельствовал.

— Что же они сказали тебе, Атли? — спросил Эйрик. И Атли рассказал ему все.

— Никогда этого, Атли, и в мыслях моих не было, в том я готов тебе поклясться! — И Эйрик сообщил ярлу всю правду, без всякой утайки.

Атли громко застонал.

— Теперь я знаю, Эйрик, что ты говоришь правду и что она оболгала тебя. Я прощаю тебя, зная, что ни один человек не может бороться против женской хитрости, коварства и колдовства. Но, хотя ты согрешил и против своей воли, да падет на тебя проклятие за то, что ты нарушил свою клятву. Это проклятие толкнет тебя в могилу, и не уйдешь ты до самой смерти своей от Сванхильды: ты теперь связан с нею навек! — Атли смолк на время, затем продолжал уже слабеющим голосом.

— Слушайте, товарищи, — обратился он к своим людям, — поклянитесь мне все сейчас же, что вы дадите Эйрику и Скаллагриму беспрепятственно уехать отсюда на одном из моих судов, которое я дарю Светлоокому. Затем скажите Сванхильде, дочери Гроа колдуньи, что я проклинаю ее в свой последний час, зная, что она — моя убийца, что она опутала и оклеветала Эйрика, которого я прощаю. Клянитесь, что вы убьете Колля Полоумного, тралля Гроа, и что не будете искать кровавой мести за мою смерть против Эйрика: я сам вынудил его поднять на меня меч. Клянитесь!

— Клянемся! — отвечали все.

— Теперь прощайте, товарищи, прощай и ты, Эйрик Светлоокий, но помни, что с этого дня тебя будут звать не Светлоокий, как до сих пор, а Эйрик Несчастливый: несчастнее тебя не будет человека! И много люди будут рассказывать о тебе, многие годы будут петь скальды. На, возьми мою руку и держи ее в своей, пока не закатится свет очей моих... Прощай!

Голова Атли упала на холодную скалу, и он умер. Последние лучи солнца погасли на небе; кругом все разом померкло.

XXI. Как Холль из Литдаля принес вести в Исландию

В ту самую ночь, когда Атли был убит Эйриком, Сванхильда вызвала Холля из его убежища и приказала ему поутру отправиться в Исландию, чтобы там разнести молву о проступке Эйрика, о том, как он убил опозоренного им старого Атли Добросердечного, наконец, как он вскоре станет мужем Сванхильды.

— Когда эти вести дойдут до Гудруды Прекрасной и она призовет тебя, — добавила Сванхильда, — то ты повторишь это, затем передашь вот этот полотняный мешочек, прибавив, чтобы она вспомнила клятву, данную ей Эйриком во время его отъезда!

Вслед за тем Сванхильда одарила Холля, дала денег на путевые издержки и прибавила, что вскоре и сама приедет в Исландию — узнает, хорошо ли он исполнил ее поручение.

Послушный Холль уехал и все сделал по желанию своей госпожи.

Между тем Эйрик, увидев, что слуги Атли унесли тело его в замок, в раздумье стал спрашивать у своего верного товарища, что теперь делать. Наконец он решил переправиться на Фарерские острова и пробыть там, пока не настанет время и не встретится случай вернуться в Исландию. Теперь время его изгнания близилось уже к концу.

Так и сделали, но на этот раз Скаллаgrim и Эйрик поселились не в княжеском замке, а в хижине одного поселянина: князь этой страны, услышав о проступке Эйрика и будучи другом покойного, гневался на того, тем более, что он был теперь человек бедный, не имел ни судна, ни имущества, ни своих людей.

Друзья пробыли с месяц на Фарерских островах, затем сели на проходившее судно, направлявшееся в Исландию, заплатив за свой проезд одним из золотых обручей, которыми наградил Эйрика король английский.

А в замке Атли происходила печальная церемония: Сванхильда вышла навстречу покойнику и горько плакала над ним. Когда же старший из свиты Атли передал ей последние слова ярла, притворщица сказала:

— Господин мой и супруг был не в памяти от потери крови, когда говорил это; напротив, все, что я сказала ему, была правда, а этот Эйрик налгал ему, чтобы опозорить меня еще больше!

Затем, помня клятву, которую они дали своему господину, люди Атли

погнались за Коллем Полоумным, чтобы убить его, но тот бежал от них; и до того был велик страх его перед мечами, что он бросился вниз с обрыва и разбился о скалы, в жестоких муках испутив последний вздох на глазах своих преследователей.

Так покончил свою жизнь Колль Полоумный, тралль колдуньи Гроа.

Шесть недель Сванхильда просидела на острове Страумей, принимая в свои руки наследие Атли. Затем снарядила военный корабль, нагрузила его всяким добром и, посадив наместников на время своего отсутствия в Оркнейских островах, отправилась в Исландию, как бы для того, чтобы возбудить там дело о преследовании и кровавой мести Эйрику за убийство Атли. Она прибыла в Исландию как раз в то время, когда все съезжались на альтинг.

Между тем Холль давно уже приехал в Исландию и повсюду распускал слухи об Эйрике так, как ему наказала Сванхильда. Дошли эти слухи и до Бьерна сына Асмунда. Он призвал к себе Холля и, порасспросив его, пошел вместе с ним к сестре своей Гудруде, которая в это время сидела у окна за прялкой.

— Вот, сестрица, человек, который привез вести об Эйрике Светлооком. Расспроси его сама, — проговорил Бьерн.

— Недобрые у меня вести, госпожа, — сказал Холль, — нет охоты и сказывать их тебе!

Гудруда стала настаивать.

Тогда Холль передал, как «Гудруда» разбилась у Страумея и как Эйрик целую зиму сидел там в замке старого Атли и, наконец, стал возлюбленным Сванхильды, как об этом узнал Атли и вызвал оскорбителя на поединок, но Эйрик убил его.

— Что же, — проговорила Гудруда, — все это может быть: Сванхильда красива и притом колдунья; очень возможно, что она вовлекла Эйрика в свои сети и навлекла на него беду. Но дурно, что Эйрик поднял меч на Атли, хотя, может быть, он был вынужден к тому необходимостью — защищать свою жизнь!

Затем Холль сообщил, что видел Сванхильду перед самым своим отъездом в Исландию, и она сказала ему, что вскоре станет женою Эйрика и что Эйрик будет вместе с нею управлять Оркнейскими островами.

— И это весь твой сказ? — спросила Гудруда.

— Да, весь! Да вот еще это поручила мне Сванхильда передать тебе, напомнив при этом одну клятву Эйрика, когда он прощался с тобою! — И Холль, достав из-за пазухи холщовый мешочек, передал его Гудруде.

Та не сразу решилась развязать его, но когда развязала, и на колени ей

выпала прядь золотистых кудрей Эйрика, она сразу узнала их, но все же спросила:

— Чьи это волосы?

— Это волосы Эйрика Светлоокого, которые обрезала ему Сванхильда его славным мечом Молнии Светом!

Тогда Гудруда достала у себя на груди маленькую ладанку, вынула из нее другую прядь золотых кудрей и сравнила обе пряди между собой.

В горнице горел огонь на очаге: день был холодный. Не сказав ни слова более, Гудруда подошла к огню и, подержав над ним с минуту обе пряди, бросила их в огонь, затем вдруг громко вскрикнула и, заломив руки, выбежала из горницы.

— Знаешь, Холль, — заметил тогда Бьерн послу, — лучше тебе убраться отсюда: ведь если ты сказал хоть одно слово лжи, то тебе не быть живому, когда Эйрик вернется в Исландию.

Холль вспомнил Скаллагрима, и мороз пробежал у него по коже: он знал, что тот шутить не любит.

В тот же день Гудруда заявила своему брату, что если он желает, чтобы она стала женою Оспакара, то пусть он призовет его в Миддальгоф, когда станут разъезжаться с собрания; что тогда он уедет не один отсюда.

Обрадованный Бьерн обещал все исполнить по желанию сестры.

XXII. Как Эйрик Светлоокый вернулся на родину

Сванхильда благополучно прибыла в Исландию, но пристала не у Западных островов, а у мыса Рейкьянесс и отправилась прямо туда, где все люди съехались на собрание, причем нарядилась в лучший убор, делавший ее еще прекраснее. На собрании она обратилась к Оспакару с просьбой оказать содействие в судебном деле, которое она намеревалась возбудить против Эйрика за убийство супруга ее, ярла Атли Добросердечного.

Дело ее взял на себя сын Оспакара Гицур Законник, искуснее которого не было в Исландии. Тот, как увидел ее, не мог отвести глаз от ее лица и согласился сделать для нее все, что она хотела. А она хотела, чтобы Эйрика объявили вне закона, а земли и имущество его разделили между нею и его поселянами. После этого возвратилась она на свою стоянку, и на сердце у нее было весело.

На собрании всех свободных людей Исландии Гицур выставил обвинение против Эйрика и, благодаря своему красноречию и многочисленным сторонникам Оспакара, Эйрика осудили заочно, вопреки законам, без защитника, не выслушав оправданий. Его объявили снова вне закона, но уже на вечные времена, а земли поделили и отдали половину Сванхильде, а половину поселянам, жившим на его земле.

Когда стали разъезжаться с альтинга, поехали Бьерн, Оспакар и Гицур со всеми своими людьми в Миддальгоф. Сванхильда же села на свой корабль и морем отправилась к Западным островам, а оттуда хотела проехать на Кольдбек и водвориться там, пока не вернется Эйрик в Исландию: она хотела посмотреть, что тогда будет.

Оспакар между тем приехал в Миддальгоф, где его встретила Гудруда, гордая и бледная; холоден, хотя и вежлив, был привет ее.

В тот день в Миддальгофе был большой пир. Во время его Гудруде рассказали, как осудили Эйрика.

Девушка заметила:

— Дурное это дело — судить человека за глаза и не по закону!

— Да ведь, и ты, сестра, осудила его за глаза, — шепнул ей на это Бьерн, и слова эти глубоко запали ей в сердце. В душе девушки в первый раз проснулось подозрение, что не так, может быть, виноват перед нею Эйрик, как ей это казалось раньше. Она сообразила, что осудили его по

требованию Сванхильды, вдовы Атли. Но если Эйрик должен вскоре стать ее мужем, то зачем было ей возбуждать против него дело, зачем позорить его и объявлять всем, что он станет вскоре ее мужем? Но теперь уже было поздно: Гудруда дала слово Оспакару, и через три дня назначено было свадебное торжество.

На другой день сидела Гудруда в своей светлице, раздумывая об Эйрике, когда ей сказали, что пришла Савуна, мать Эйрика. Последняя после смерти Унны и Асмунда снова поселилась у себя на Кольдбеке, но, ослепнув от горя, не вставала уже с постели. По всему было видно, что конец ее был близок. Поэтому Гудруда немало удивилась, когда услышала об ее приходе.

Старуху принесли четверо людей на кресле и внесли в горницу Гудруды. Савуна заговорила:

— Слышу я, Гудруда, что ты отвергла сына моего Эйрика Светлоокого и отвергла потому, что слышала о нем от Холля. Но этот Холль — лжец и с раннего детства был лжецом. Я встала с одра смерти и пришла к тебе, чтобы сказать тебе: безумна всякая женщина, которая идет замуж за нелюбимого человека. Из этого может только произойти горе и зло для нее и для других. Я знаю Эйрика от рождения, я вскормила, воспитала и вырастила его и клянусь, ничего бесчестного и подлого он не мог сделать и любит он тебя сейчас, как любил раньше. Сванхильду же ты сама знаешь, быть может, она сгубила его, околдовала, опоила своей злой силой. Вспомни ее дела, вспомни дела ее матери, что сделала она с твоим отцом и с моей родственницей Унной! Поверь, дочь сделает хуже матери: она такая же колдунья, как была ее мать. Неужели ты хочешь оттолкнуть Эйрика, даже не дав ему оправдаться?

— У меня есть доказательство того, что Эйрик сам отказался от меня! — отвечала побледневшая девушка.

— Тебе так думается, дитя, но, верь мне, ты ошибаешься; тебя ввели в заблуждение!

— О, если бы я только могла поверить Эйрику, я бы скорее наложила на себя руки, чем стала женою Оспакара!... — И Гудруда громко зарыдала. — Да теперь уже все равно, поздно! Что сделано, то сделано: жених в соседней горнице, невеста ожидает его в своей светлице, — и нет у меня больше надежды быть спасенной от Оспакара!

— Да, что сделано, то сделано, но из всего этого может ничего не выйти. Безумная, под влиянием ревности ты готова отдаться человеку, который внушает тебе одно отвращение. Одумайся, что может из этого выйти! Прощай! Это мои прощальные слова. Эйрик вернется, и много

крови прольется. Твой брачный пир будет ужаснее и кровавее брачного пира отца твоего Асмунда и родственницы моей Унны! Эй, люди, унесите меня отсюда!

Вошли керли Савуны и подняли ее кресло на плечи. Но когда выходили они, то столкнулись с Бьерном и Оспакаром. Те спросили старуху, зачем она явилась сюда и почему Гудруда рыдает.

— Потому, — отвечала Савуна, — что ее, невесту моего Эйрика Светлоокого, продали в жены Оспакару, как продают скотину на базаре. Но Эйрик идет, он скоро будет здесь, и прольется кровь! Я уже вижу, что меч Эйрика сверкнул в воздухе! Эйрик идет! — воскликнула она еще раз, указывая рукой на вход, и с пронзительным криком запрокинулась в своем кресле и умерла.

Все стояли вокруг носилок, пораженные и изумленные.

— Странные слова произнесла эта женщина! — сказал, оправившись, Бьерн.

— Старая ведьма, — проскрежетал Оспакар. — Унесите эту падаль отсюда! — крикнул он ее слугам. Люди привязали мертвую Савуну веревками к креслу и понесли ее обратно на Кольдбек. Но Сванхильда была уже там со всеми своими людьми и прогнала всех домашних Эйрика и слуг его в горы. Осталась на Кольдбеке одна только древняя старушка, бывшая нянькой Эйрика. Она была слишком стара и не могла двинуться с места. Едва доплелась она до сторожки и села там в сених. Когда слуги принесли тело умершей Савуны, то внесли его в эту сторожку, поставили в сених, где сидела в углу на полу старушка, и рассказали ей обо всем, что случилось в Миддальгофе.

Прошел день, затем ночь. На рассвете следующего дня Эйрик Светлоокий и Скаллаgrim Овечий Хвост благополучно высадились у Западных островов. Это был день свадьбы Гудруды Прекрасной. Все ушли на свадебный пир, и в окрестных хатах не было ни души.

— Куда же мы теперь, государь? — спросил Скаллаgrim Эйрика.

— Прежде всего поедем на Кольдбек, чтобы я мог обнять и поцеловать мать, если только она жива еще!

И они зашли в одну хату, чтобы нанять лошадей, но в хате не было никого, а кони гуляли в загоне. Тут же, в сторожке, лежали уздечки и седла. Друзья изловили коней, оседлали их и поехали на Кольдбек, что над болотом. Подъезжая, они увидели издали, как из ворот выезжал длинный поезд, и среди всех этих конных была женщина в богатом пурпурном плаще. Но ни Эйрик, ни его друг не могли придумать, что бы это значило.

Поехали они дальше, приехали в самую усадьбу, но и здесь не было ни

души, будто все вымерло. Эйрик, соскочив с коня, крупными шагами вошел в большую горницу, но и здесь не было никого, чтобы приветствовать его возвращение, хотя в очаге еще горел огонь и на столах были пища и питье. Но вот из угла выполз старый волкодав; крадучись, приблизился он к Эйрику, недоверчиво ворча, но потом, узнав, стал лизать ему руки, затем, жалобно воя и виляя хвостом, поплелся к выходу, после через двор к сторожке. Наконец, остановившись перед дверью, стал скрестись и жалобно, протяжно выть. Эйрик пошел за собакой и распахнул дверь.

Перед ним сидела мать его Савуна, мертвая в своем кресле, а у ее ног ежилась на полу старая служанка, жалобно причитая.

Эйрик ухватился за притолоку, чтобы не упасть. Его громадная тень упала на мертвое лицо матери его и на старую служанку у ее ног.

XXIII. Как Эйрик пожаловал в гости на свадебный пир Гудруды Прекрасной и Оспакара Чернозуба

Долго стоял Эйрик неподвижно, глядя на мать и не проронив ни слова.

— Кто ты такой, злой или добрый человек? — бормотала служанка, не подымая головы и не глядя на вошедшего. — Если ты один из людей Сванхильды и хочешь выгнать меня отсюда, то сжался: я стара и слаба, мои ноги не могут держать меня, я не могу уйти в горы, как остальные, не могу оставить здесь одну мою добрую госпожу!... Если хочешь, убей меня, но не гони... Если же ты добрый человек, то помоги мне схоронить ее: мои старые руки не могут вырыть ей могилы, моей силы не хватит донести ее до нее... помоги мне!... Ты молчишь, не хочешь помочь мне? Так пусть же и твоя родная мать останется без погребения, пусть волки растаскают ее кости, вороны выклюют ей глаза... О, если бы только вернулся Эйрик Светлоокый!

Громкое рыдание вырвалось теперь из груди Эйрика, и он воскликнул:

— Няня! Няня! Неужели ты не узнаешь меня? Ведь я — Эйрик Светлоокый!

Старуха с громким криком кинулась к нему и, обхватив его колени, стала всматриваться в лицо затуманенными слезой глазами.

— Прославлен будь один Бог, что ты вернулся, Светлоокый, но вернулся ты слишком поздно. Все беды случились без тебя, и некому было вступить за тебя. Тебя осудили, земли отобрали, даже дом, объявив тебя вне закона, по жалобе Сванхильды, вдовы Атли. Она поселилась здесь, на Кольдбеке, в твоём доме, выгнав всех верных твоих слуг. Савуна, мать твоя, умерла два дня назад в Миддальгофе, куда приказала снести себя, поднявшись со своего смертного ложа, чтобы поговорить с Гудрудой и заступиться перед ней за тебя!

— Ты говоришь, Гудруда! Что с Гудрудой?

— Сегодня ее свадьба с Оспакаром Чернозубом!

— Сегодня? В какое время?

— В час пополудни; Сванхильда уже отправилась туда со всеми своими людьми!

— Хм! Тогда найдется место и еще одному гостю! — сказал Эйрик.

— И даже двум гостям! — поправил его Скаллаgrim, стоявший за его

спиной. — Где ты, государь, там и я!

— Теперь Расскажи мне, няня, все, что ты знаешь! — И старуха рассказала своему питомцу о молве, распущенной Холл ем, как он обманул Гудруду, и как Сванхильда затеяла судебное дело против него, как осудили его, и как Гудруда помолвилась с Оспакаром.

Выслушав все до конца, Эйрик подошел к телу матери и, поцеловав ее уже холодный лоб, голосом, дрогнувшим от волнения, произнес:

— Прости меня, родная, сейчас нет времени схоронить тебя, но не здесь ты будешь сидеть, а на более почетном месте! — С этими словами он перерезал своим мечом веревки, которыми была привязана к креслу Савуна, и, взяв осторожно тело на руки, с любовным благоговением отнес его в большую горницу дома, где посадил на высокое седалище.

— Если не хочешь опоздать в Миддальгоф, то нам надо спешить, — заметил ему тут Скаллаgrim, — вот тут пища и питье, поедим: нам силы нужны будут там. А там и в путь!

Эйрик послушался разумного совета, а отдохнув, сказал служанке:

— Слушай, няня! Если, когда мы уедем, придет сюда кто-нибудь из наших людей, которые еще помнят меня, то скажи им, что я завтра поутру, если останусь жив, буду у подножия Мшистой скалы, и там они найдут меня; пусть идут туда и принесут с собой пищи и запасов разных. А теперь прощай! — Эйрик поцеловал ее и уехал, оставив ее в слезах.

Не прошло часа после его отъезда, как Ион, тралль Эйрика, остававшийся в Исландии и бежавший в горы от людей Сванхильды, крадучись вернулся на Кольдбек и заглянул в двери дома, но увидев, что никого нет, вошел в дом. Старая нянька передала ему слова Эйрика. Ион побежал обратно в горы сообщить другим, что слышал от старухи. Они собрали пищи и всяких запасов и пошли все к Мшистой скале, как сказал им Эйрик: все они любили его и были рады его возвращению в Исландию.

В это время Оспакар Чернозуб сидел в большой горнице замка в Миддальгофе, в полном вооружении, в кольчуге, броне и черном шлеме с вороновым крылом. Слова не шли ему на язык: предсмертная речь Савуны запала ему в душу, и страх томил его. Подле него сидела Гудруда Прекрасная в белом одеянии, с золотым поясом и золотыми застежками на груди, с золотыми обручами на руках. Лицо ее было белее самого одеяния; она смотрела с омерзением на своего жениха.

Один за другим приезжали гости; прибыла и Сванхильда и, подойдя к высокому месту, где восседала Гудруда Прекрасная, преклонив перед ней колени, как это водится, приветствовала ее:

— Привет тебе, сестрица! Когда мы здесь в последний раз виделись с

тобой, я сидела на этом месте невестой старого Атли, а твою руку держал в своей нареченный жених Эйрик Светлоокый. Теперь же ты сидишь здесь невестой Оспакара, врага и ненавистника Эйрика, а Светлоокый далеко и не думает о тебе... Неужели у тебя нет ни слова приветствия для меня, которая своими руками создала это твоё счастье? Ты молчишь? Ведь это я избавила тебя от Эйрика! Я толкнула тебя в объятия Оспакара, и ты не находишь для меня ни одного слова благодарности за такую услугу?

— Ты здесь против моего желания, дочь колдуньи Гроа, и будь на то моя воля, не хотела бы я никогда видеть твоего лица!

— Верю тебе, но лицо Эйрика ты хотела бы видеть. Да, он хорош! — И Сванхильда со смехом отошла в сторону.

Начался пир. Чаши стали обходить мужчин; все пили много и были веселы, только Гудруда, как сквозь туман, видела пирующих гостей. Настало время и для свадебных кубков. Еще минута — и Гудруда станет женою Оспакара, произнесет над кубком свою клятву — и тогда все кончено! Сердце Гудруды на мгновение как бы замерло и перестало биться.

Между тем Оспакар уже произнес свою клятву верности жене и свои обеты, затем, отпив из кубка добрую половину, обернулся к невесте, чтобы поцеловать ее. Но та невольно отшатнулась. Вдруг ей послышался где-то знакомый голос; с чашей в руке Гудруда подалась вперед и вдруг громко вскрикнула, указав рукой на дверь, свадебная чаша выпала у нее из рук и покатилась вниз со ступеней, вино разлилось на ковры и шкуры.

Все с удивлением увидели в дверях человека, сиявшего, как солнце, бесподобной красотой; сиял золотой шлем его с золотыми крыльями, сияли золотые кудри его, ниспадая густою волной до пояса. В одной руке он держал большой медный щит с острием, в другой — длинное копье. Рядом с ним стоял другой витязь, с широким бердышем, в вороненой, черной кольчуге и шлеме, ростом немногим меньше, с орлиным носом и зоркими ястребиными глазами, с черной бородой, в которой пробивалась кое-где седина.

— Видите, — послышалось в толпе, — вот сами боги Бальдр и Тор! Они спустились из Валгаллы почтить своим присутствием этот брачный пир!

— Видите! — раздался мощный звучный голос. — Вот пришли из-за морей Эйрик Светлоокый и Скаллаgrim берсерк почтить своим присутствием этот пир!

— Худших гостей я не мог ожидать! — пробормотал про себя Бьерн и встал, чтобы приказать слугам выгнать непрошенных гостей. Но не успел он раскрыть рта, как оба этих витязя, бок о бок, уже стояли у нижней

ступеньки почетных седалищ. Их лица были холодны и свирепы.

— Я вижу здесь немало знакомых лиц! — начал Эйрик. — Приветствую вас, друзья и товарищи!

— Приветствуем тебя, Светлоокий! — отозвались люди Миддальгофа и люди Сванхильды; только керли Оспакара молчали, готовя оружие.

— Привет тебе, Бьерн сын Асмунда жреца, и тебе, прекрасная невеста, тебе, лжец Холль, тебе, колдуньино отродье, Сванхильда, хотя ты и не стоишь моего привета!

— Я не хочу привета посрамленного человека, объявленного вне закона, уходи отсюда вместе с верным псом твоим — уходите, пока вы не остались здесь на месте немые и недвижимы! — сказал Бьерн.

— Не шуми так, крыса, не то ты испытаешь на себе песьи зубы! — проговорил Скаллаgrim, а Эйрик прибавил:

— Не спеши, Бьерн, придется тебе погодить немного! Я должен держать речь и, быть может, упадет мертвым не один человек, прежде чем я покину этот замок!

XXIV. Как продолжался пир

— Прогоните его отсюда! — кричал Бьерн.

— Нет, заколите его! Ведь он вне закона! — кричал Оспакар.

— Пусть Эйрик скажет свое слово! — вмешалась Гудруда. — Его судили в его отсутствие, не выслушав его оправданий, и я хочу, чтобы он сказал свое слово!

— Какое тебе дело до Эйрика, — прорычал Чернозуб.

— Свадебная чаша мной еще не испита, государь, — ответила Гудруда.

— К тебе первой обращаю я свое слово, — начал Эйрик, обращаясь к Гудруде Прекрасной, — скажи мне, как это случилось, что, будучи моей невестой, ты здесь сидишь невестой Оспакара Чернозуба?

— Спроси о том Сванхильду и Холля, который принес мне ее дар, прядь твоих волос!

— Скажи мне, что он говорил тебе! — продолжал Эйрик, и девушка пересказала ему все.

— Так сколько же тут правды, Сванхильда?

— Ты сам знаешь! — уклончиво ответила Сванхильда. — А Холлю я никаких поручений не давала!

— Выступи вперед, Холль, и, если хочешь быть жив, скажи сейчас перед всеми людьми всю правду!

Дрожа под угрожающим взглядом Скаллагрима, Холль выступил вперед и пересказал все как было, сознавшись, что Сванхильда деньгами и подарками подкупила его.

— Ты лжешь, лиса! — крикнула Сванхильда. — Лжешь! — Но никто не обратил внимания на ее слова: глаза всех были обращены на Эйрика.

— Теперь скажите мне, люди, есть ли на то ваша воля, чтобы я сказал вам, со своей стороны, все, как было? — спросил Эйрик, обращаясь к собранию.

Все закричали: «Да! Да! Говори!» Только люди Оспакара молчали.

— Говори! — сказала Гудруда.

И Светлоокий рассказал все как было. В толпе послышался ропот; все гневно смотрели на Сванхильду, а та старалась только укрыться от глаз, злобно теребя свою пурпурную мантию.

— Ну а теперь, Гудруда, когда все тебе известно, скажи мне, хочешь ли ты быть женою Оспакара? — продолжал Эйрик.

Но не успела та ответить, как Чернозуб вскочил в бешенстве и,

ухватившись рукой за меч, закричал:

— Как ты смеешь, ты, стоящий вне закона, отбивать у меня мою голубку! Знаешь ли, что за одно это я отдам тебя в пищу воронам?! Пока я жив, Гудруда никогда не станет женою безземельного бродяги, бездомного и посрамленного человека, который объявлен вне закона, убирайся отсюда, Эйрик, вместе с твоим псом волкодавом!

— Тише, крыса, не пиши так громко, не то, смотри, испытаешь на себе песьи зубы! — сказал ему Скаллаgrim.

— Эй, люди! Убейте его! — вскричал Чернозуб, побагровев от бешенства.

— Трус! — воскликнул Эйрик. — Гудруда, можешь ли ты уважать такого человека?

— Я не буду женою человека, которого назвали при всех людях трусом и который в ответ на это не поднял меча! — отвечала на это невеста.

Этого Оспакар не мог уже стерпеть; как медведь из своей берлоги, спустился он со своего седалища и устремился на Эйрика. Пол дрожал под его шагами.

— Сторонитесь! Сторонитесь! — крикнул Скаллаgrim. — Теперь будет на что посмотреть!

Не успел он договорить, как в воздухе засверкали мечи. Но вот Оспакар снес половину щита Эйрика, а тот изловчился, в свою очередь, ударил со всего размаха и раздробил щит Оспакара. Удар был так силен, что Чернозуб пошатнулся, попятился несколько шагов и грузно упал на пол. Все закричали: «Эйрик! Эйрик!» — думая, что Оспакар уже не поднимется. Эйрик с громким криком кинулся вперед, но в этот момент Сванхильда, бледная и дрожащая, шепнула что-то Бьерну, стоявшему подле нее, и тот ногой толкнул лежавший у его ног осколок медного щита Эйрика, так что тот попал под ноги Эйрику, — и последний, поскользнувшись, упал лицом вниз, причем меч выскользнул у него из рук. Оспакар воспользовался этим, с громким, торжествующим криком схватив его и отшвырнув свой собственный меч.

При этом случилось страшное дело: описав несколько кругов в воздухе, меч Оспакара прорвал завесу в дальнем углу большой горницы и вонзился прямо в грудь скрывавшейся за нею женщины. А это была Торунна, неверная жена Скаллаgrима, возлюбленная Оспакара. Она последовала сюда за своим господином, чтобы незаметно присутствовать на его брачном пиру, и приютилась в дальнем конце свадебных столов. Когда же здесь появился Скаллаgrim, она, опасаясь его мести, притаилась за завесой и из-за нее следила за поединком, и вот случайно отброшенный

меч пронзил ее сердце; со слабым стоном она упала и умерла от руки своего возлюбленного.

Оспакар, овладев мечом Молнии Светом, надменно закричал:

— Ты безоружен теперь, Эйрик, беги!

— Нет, Эйрик, не беги! Нападай! У тебя есть еще половина щита! — громовым голосом проговорил Скаллагрим. — Не беда, что Бьерн подставил тебе ловушку. Эйрик, нападай!

Оспакар устремился на Светлоокого с высоко занесенным над головой мечом, но Эйрик принял удар на свой обломок щита и с громким криком ринулся вперед.

Прежде чем Оспакар успел нанести ему новый удар мечом, герой со всей силы ударил его острием своего разбитого щита прямо в лицо.

Еще раз поднялся и блеснул в воздухе Молнии Свет, еще раз увернулся от него Эйрик и снова налетел на врага, и на этот раз удар острия щита был так силен, что расколол шлем Чернозуба, и вместе с ним и его череп; широко раскинув руки, гигант тяжело рухнул на землю.

Тогда Эйрик наступил ему на грудь и, наклонившись, взял Молнии Свет из его рук.

XXV. Как кончился пир

С минуту царило гробовое молчание; люди не верили своим глазам.

— Что вы разинули рты, товарищи! — крикнул Скаллагрим. — Оспакар мертв! Убит безоружным человеком! Смотрите, Эйрик Светлоокий уложил на месте Оспакара Чернозуба!

И, подобно раскату грома, прозвучало под сводами замка дружное приветствие победителю.

Гудруда же, услышав, что Оспакар убит, радостно сошла со своего высокого места и, приблизившись к Эйрику, все еще неподвижно стоявшему над побежденным врагом, произнесла:

— Приветствую тебя на твоей родине! Приветствую тебя, слава и гордость Исландии!

Увидела Сванхильда, что Эйрик хотел прижать Гудруду к своей груди, обнять и поцеловать ее на глазах всех людей, и вскипело злобное сердце ее бешеной ненавистью к нему, она воскликнула громким голосом:

— Неужели, Бьерн, ты допустишь, чтобы этот посрамленный и осужденный, убив Оспакара, взял себе в жены твою сестру?

— Пока я жив, этому не бывать! Слышишь, сестра? — обратился тот к Гудруде.

— А ты скажи мне прежде, зачем бросил обломок щита под ноги Эйрику, так что он споткнулся и упал? Или ты думаешь, что никто этого не видел?

— И ты, государыня, видела это? — радостно воскликнул Скаллагрим. — Значит, видели и другие!

Бьерн позеленел от злобы и, не ответив сестре ни слова, только крикнул своим людям, чтобы они убили Эйрика. Гицур сын Оспакара крикнул то же своим людям, а Сванхильда — своим.

Тогда и Эйрик, гордо выпрямься во весь свой богатырский рост, крикнул громко и звучно:

— Товарищи, кто за меня, иди сюда! Неужели вы допустите, чтобы северяне и пришельцы на ваших глазах убили Эйрика Светлоокого?

И большая часть людей Миддальгофа, бывшие люди Асмунда жреца, не раз уже стоявшие за Эйрика, примкнули к нему, также и бывшие люди и соратники Атли, не говоря уже о людях Кольдбека.

Бьерн выхватил свой меч и замахнулся на Эйрика, воспользовавшись минутой, когда тот не ожидал нападения, но Скаллагрим подоспел и

парировал удар своим бердышем, затем, прежде чем Бьерн успел занести свой меч, Молнии Свет сверкнул в воздухе, и он пал мертвым к ногам Светлоокого. Таков был конец Бьерна сына Асмунда, жреца Миддальгофа.

— А теперь живо станем спина к спине, и смотри в оба: со всех сторон приступают враги! — сказал Эйрику Скаллаgrim.

— А вон там бежит один! — проговорил Эйрик, указав на прокрадывавшегося к выходу Холля.

У Скаллаgrimа было еще в руке копьё Эйрика; он метнул им в Холля, и так верен был его удар, что копьё вонзилось в хребет Холля между лопаток, пригвоздив его к боковому столбу входной двери. Так он там и остался. Вот какова была смерть лжеца и низкого труса.

Теперь уже удары сыпались градом со всех сторон; одни нападали, другие отражали. Все смешалось в один кровавый бой. Люди, разгоряченные вином и хмельными медами, не щадили никого; брат шел на брата, отец на сына. Столы и скамьи опрокинулись; кровь людей смешалась с праздничными яствами. Вся горница превратилась в лужу крови; крики и стоны слились в один гул. Гудруда, сидя на своем высоком седалище, с ужасом и отчаянием смотрела на этот кровавый свадебный пир, и ей невольно вспоминались слова Савуны, матери Эйрика. Между тем Эйрик со своим другом, отразив врагов, расчистили себе путь к выходу.

— На коней! — воскликнул Скаллаgrim. — На коней, пока счастье еще не изменило нам!

— Нет в этом счастья! Много пролито крови, и мной убит брат той, которую я хотел назвать своей невестой! — мрачно проговорил Эйрик.

— Полно! Одна такая битва стоит многих невест! — возразил Скаллаgrim. — Мы сегодня приобрели большую славу, Светлоокий, ведь Оспакар убит безоружным врагом!

Ни слова не ответил на это Эйрик. Они сели на коней и помчались ко Мшистой скале.

Только к утру следующего дня были они у подножия Мшистой скалы; здесь умылись, омыли свои раны и легли отдохнуть. Тут к Эйрику со всех сторон подошли бывшие его поселяне со съестными припасами. Они просили героев поселиться с ними. Те согласились и направились вслед за Скаллаgrimом в его пещеру, где и поселились. Долго они жили там, добывая себе пищу и одежду, выходя тайно из своего убежища, так как знали, что Сванхильда и Гицур, как только соберутся с силами, пойдут на них, и если не смогут одолеть их, то залягут здесь и будут пытаться заморить их голодом, заградив им горный проход в долину.

* * *

Между тем всю ночь Гудруда просидела на высоком почетном месте невесты, печально размышляя над грудой мертвых тел.

XXVI. Как Эйрик Светлоокий осмелился явиться в Миддальгоф и что он нашел там

Гицур сын Оспакара, отправился после пира в Свинефьелль, где со смертью отца он стал полным хозяином. Там он схоронил тело в склепе, высеченном в скале, на вершине горы, чтобы дух Оспакара мог видеть оттуда все земли, принадлежавшие ему при жизни. Над могилой сын воздвигнул высокий курган. И теперь еще в народе ходят слухи, что в день праздника Юуля, в ночное время, черный призрак Оспакара вырывается из могилы, а золотой призрак Эйрика Светлоокого на боевом коне выезжает к нему навстречу, и слышится тогда звон мечей и стоны. Наконец Эйрик уносится к югу на крыльях ветра, держа в руке свой рассеченный щит.

Так схоронил Гицур отца своего Оспакара Чернозуба и поклялся, что не вкусит ни отдыха, ни покоя, пока не увидит мертвыми Эйрика Светлоокого и Скаллагрима берсерка. А Эйрик в это время сидел на Мосфьелле, то есть на Мшистой скале, и сердце его ныло от скорби. Хотя он был объявлен вне закона, но бежать в леса ему не было надобности; среди своих людей он был в безопасности. Его так любили все, что снабжали пищей, одеждой и оружием. Каждый так гордился им, что никто, даже из тех, кто мог питать к нему кровавую месть за убийство близких и родственников во время побоища в Миддальгофе, не покушался на его жизнь, а только прославлял его подвиги. Мало того, люди юга поручили его людям передать ему, что если он хочет, то они снарядят для него хорошее боевое судно, чтобы он мог отправиться викингом в чужие страны. Но Эйрик отклонил это предложение, заявив, что хочет умереть среди своих людей в Исландии.

Прошло два месяца с тех пор, как Эйрик Светлоокий сидел на Мшистой скале, или Мосфьелле, которая отныне была прозвана и по сие время называется скалой Эйрика, или Эйрикесфьелль.

Оба они со Скаллагримом томились от безделья. Скоро до них дошли слухи, что Гицур и Сванхильда отправились на юг в Кольдбек с большими силами, чтобы захватить и убить Эйрика, но Гудруда не присоединилась к ним и не намерена возбуждать кровавой мести за убийство брата своего. Скаллагрим хотел ночью нагрянуть на людей Гицура и Сванхильды и разгромить их, но Эйрик сказал, что не хочет нового кровопролития и что если он еще раз подымет меч, то только в защиту своей жизни. Тем не

менее герой решил покинуть свое убежище и ехать в Миддальгоф, чтобы повидать Гудруду.

— Вряд ли ты оттуда вернешься живым, государь! — проговорил печально верный Скаллаgrim.

— Пусть так, все же это будет лучше, чем такая жизнь!

— Ну, так и я пойду с тобой, если так! — решил берсерк, и Эйрик не стал ему прекословить.

Они выехали на заре в туман, дождь и бурю, а прибыв в Миддальгоф, Эйрик уже один пешком пошел к реке, к тому месту, куда ходила купаться Гудруда, и, притаившись там в камышах, стал ждать, не представится ли случай увидеть ее; это место было всего на расстоянии двух выстрелов от ворот замка. Недолго пришлось ему ждать. Спустя некоторое время Гудруда пришла к тому месту, где он был, и не заметив его, задумчиво села на камень. Не мог Эйрик вынести печального вида ее и, поднявшись из-за камышей, встал перед ней. Стали они говорить и говорили долго. Гудруда просила Эйрика снова спрятаться в камышах, чтобы никто не мог его увидеть.

— Слушай, Эйрик! — говорила девушка. — Поезжай обратно на Мшистую скалу и сиди там до весны, а к тому времени я снаряжу хорошее боевое судно и мы, бросив здесь все, поедem в ту страну Англию, о которой ты мне рассказывал; там я буду твоею женой.

На этом влюбленные и расстались.

XXVII. Как Гудруда ездила на Мшистую скалу к Эйрику Светлоокому

Эйрик осторожно добрался до того места, где его ждал Скаллаgrim, который начинал уже тревожиться. Ему герой передал свой разговор с Гудрудой, сообщив и о намерении весной покинуть Исландию навсегда.

— Я хотел бы, чтобы теперь уже была весна, — сказал Скаллаgrim, — да и почему нам не покинуть родину теперь же? Ждать до весны долго; за это время может многое случиться. Что из того, что море бурно, здесь тебе, государь, много опаснее, чем даже в бурном море!

— У Гудруды нет сейчас судна, да и она хочет выждать срок, пусть забудут о кровавой мести за смерть Бьерна!

— Как знаешь, государь, только лучше бы ты уходил отсюда!

Всю ночь и следующий день они благополучно ехали, а под вечер второго дня, когда уже стемнело, подъезжали к Мшистой скале. Тут из-за скалы выскочили пять человек из людей Гицура и преградили им путь. Но когда Эйрик и Скаллаgrim устремились на них, то они отступили, рассыпавшись по кустам, и, дав проехать Эйрику и Скаллагриму, пустили в погоню свои копья. Одно из них Скаллаgrim поймал на лету и отослал обратно, причем смертельно ранил кого-то из нападающих, другое же пролетело над головой Скаллагрима и вонзилось глубоко в левое плечо Эйрика у самой шеи. Не долго думая, Эйрик правой рукой вырвал его и метнул обратно с такою силой, что, несмотря на щит, пронзил грудь врага, и тот упал замертво. После того никто уже не осмелился преследовать Светлоокого и его спутника.

Скаллаgrim перевязал руку Эйрика, и они продолжали свой путь. Из пещеры заметили нападение людей Гицура и уже спешили навстречу Эйрику. Рана его была серьезна, он потерял много крови, но дней через десять она как будто зажила.

Между тем выпал снег, наступили морозы, дни стали короче, а ночи длиннее. В пещере было страшно темно, и хотя Эйрик старался поддерживать бодрость духа в товарищах, но сам с тех пор, как был ранен, не выносил темноты, и, видимо, томился. Свечей или светильников на Мшистой скале не было, и они целые дни просиживали на дворе перед пещерой над тем обрывом, откуда скатилась в пропасть голова берсерка, любясь северными сияниями или бледным светом звезд и отражением белых снегов. Чтобы

развлечь товарищей, Эйрик приказал им построить небольшую хижину из камней; и вот, наблюдая за работой, он увидел, что никто из его людей не мог своротить одной громадной глыбы камня. С улыбкой Эйрик подошел к глыбе и, подняв на руки камень, донес его до места, но при этом рана его раскрылась, и кровь хлынула густой струей. Эйрик обмыл рану и наложил новую перевязку, не придав этому обстоятельству никакого значения.

Когда настала ночь, он не пошел в пещеру, а опять, укутавшись в овчины, сел над обрывом. Ночью кровь снова стала сочиться из раны. Но он не обратил на то внимания. Между тем рану охватило морозом, и длинные волосы его примерзли так крепко, что он не мог уже отодрать их. Оставалось только срезать волосы, но на это Эйрик ни за что не соглашался, говоря, что он поклялся Гудруде, что ничья рука не коснется его волос, а если ой еще раз нарушит эту клятву, его постигнут величайшие несчастья. Теперь мысли Эйрика были так печально настроены, что он совершенно упал духом; ко всему этому прибавилось еще нездоровье от раны. Тяжелые предчувствия томили его душу. Все это вместе взятое повело к тому, что Эйрик с каждым днем заболел все сильнее и сильнее, пока, наконец, не слег окончательно в постель. Однако, несмотря на то, что состояние раны угрожало его жизни, он никому не позволял дотронуться до своих волос, и Скаллагрим, видя, что убедить его нельзя, а состояние его столь заметно ухудшается, решил, не сказав ему ни слова, отправиться тайно в Миддальгоф и упросить Гудруду приехать на Мшистую скалу и срезать волосы Эйрику, так как это необходимо для спасения его жизни.

Путь был до того тяжелый, что он и тралль Эйрика Ион трое суток пробивали себе дорогу сквозь непроходимые снега и чуть живые добрались до Миддальгофа. Когда Гудруда услышала, что Эйрик умирает, сердце ее замерло от испуга, и она чуть не потеряла сознания. Когда же Скаллагрим сказал ей, что, может, ей удастся спасти его, если она не побоится трудностей дальнего и тяжелого пути, она решила ехать в эту же ночь.

Распорядившись, чтобы и Скаллагрима, и Иона накормили и обогрели, она приказала своим прислужницам и всем женщинам в доме, чтобы те говорили каждому, кто спросит о ней, что она больна и лежит в постели, затем она призвала троих своих самых верных траллей и приказала им приготовить трех вьючных лошадей и нагрузить всякими припасами и всем, что могло быть необходимо для больного. Когда же все было готово, едва только стемнело, она выехала в путь. Ночь пришлось провести в пути, снега везде лежали непроходимые; вторую ночь им пришлось ночевать в снегу и, несмотря на теплые одежды и покрывала, все они чуть было не погибли в страшную метель, поднявшуюся к утру. Под вечер третьего дня

они прибыли, наконец, к подножию Мшистой скалы. Дойдя до той лощины, где находились кони и скот обитателей пещеры, то есть Эйрика и его людей, путники были встречены некоторыми из них, и лица их были печальны.

— Неужели Эйрик умер? — спросил Скаллаgrim.

— Нет, — отвечали люди, — жив еще, но, верно, скоро умрет: он со вчерашнего дня не в памяти и никого не узнает!

— Скорей! Скорей к нему! — торопила Гудруда и пошла вперед всех, так как здесь, в этой лощине, надо было оставить лошадей и далее идти пешком. Путь был трудный. Но Скаллаgrim охранял Гудруду, как родное дитя. Когда они подошли к пещере, яркий торфяной костер горел у входа: на дворе стоял жестокий мороз. Сквозь облако дыма Гудруда увидела Эйрика, распростертого на широком ложе из овечьих шкур. Он горел, как в огне, и бредил, ясные глаза его смотрели дико по сторонам, а длинные золотистые кудри разметались по плечам и по груди.

Гудруда подошла к нему и, опустившись на колени, склонилась над ним, проговорив:

— Это я, Гудруда, пришла к тебе, Эйрик!

При звуке ее голоса он повернул голову и взглянул на нее.

— Нет! Нет! Это не она, не моя Гудруда Прекрасная: ей нет дела до таких бездомных бродяг. Если ты — Гудруда, подай мне какой-нибудь знак. Где Скаллаgrim? Экий славный бой! Вперед! Дайте мне кубок...

— Эйрик, — продолжала Гудруда, — я пришла срезать твои волосы! Ведь ты дал клятву, что никто, кроме меня, не дотронется до твоих волос!

— Да, это она! Это Гудруда! Срежь! Срежь! Но не давай никому другому дотрагиваться до моей головы!

Пользуясь этой минутой затишья, Гудруда осторожно срезала золотые кудри Эйрика, затем тепловатой водой, нагретой над костром, бережно стала отмачивать их от раны, которая теперь вся была закрыта и потемнела. После долгих трудов ей удалось окончательно открыть и промыть рану. Тогда она смазала ее целительным бальзамом, наложив тонкую полотняную перевязку. Когда все это было сделано, она дала Эйрику приготовленное ею успокоительное питье и, положив голову его к себе на руку, стала тихо уговаривать его заснуть.

Он вскоре действительно заснул. Всю ночь и весь день просидела она у его изголовья, почти не принимая пищи; Эйрик все время спал. На вторые сутки под вечер он слабо улыбнулся во сне, затем раскрыл глаза и устремил их на огонь костра.

— Странно, — прошептал он, — какой сон... мне казалось, что

Гудруда склонилась надо мной, что она здесь. Да где же Скаллаgrim?

Гудруда взяла его руку и ласково сказала:

— Нет, Эйрик, то не сон: я — здесь, ты был болен, и я приехала ходить за тобой! Теперь, если ты будешь спокоен, ты скоро поправишься.

— Ты здесь? Как ты сюда попала? Где Скаллаgrim?

Скаллаgrim подошел и подтвердил, что Гудруда здесь, что она не побоялась совершить этот трудный путь через непроходимые снега.

— Ты это сделала ради меня, — прошептал Эйрик, — значит, ты сильно любишь меня! — И этот силач, не будучи в состоянии осилить своего волнения, заплакал.

Гудруда, склонившись над ним, долго нежно целовала его.

XXVIII. Как Сванхильда добывала сведения об Эйрике

Вскоре силы Эйрика стали возвращаться, и Гудруда заговорила об отъезде. Эйрик уговаривал ее остаться, но погода была ясная, морозная и тихая; надо было ехать теперь же. Скаллаgrim поехал проводить ее до Золотого водопада и на пятые сутки вернулся, доложив, что врагов нигде не видали и что Гудруда благополучно доехала до пределов своих земель. В Миддальгофе все было благополучно; никто не узнал о ее отсутствии, все считали ее больной, так что даже шпионы Сванхильды лишь много позже узнали о визите Гудруды на Мшистую скалу.

Вернувшись в Миддальгоф, Гудруда стала готовить судно, скупала меха и другие товары и понемногу собирала деньги, розданные в пост. В этой заботе время проходило приятно, но Эйрик у себя на Мшистой скале тосковал и не мог дожждаться весны. Также длинно тянулись дни для Сванхильды и Гицура. Сванхильде наскучило выжидать, и она стала упрекать Гицура, что его люди плохо стерегли проходы Мшистой скалы; ей хорошо известно, что Эйрик покидал свое убежище. Злая женщина заявляла, что она не станет женою его ни за что, прежде чем Эйрик не умрет, хотя она предпочла бы, если бы можно, убить Гудруду. На это Гицур сказал ей, что пусть уж это она возьмет на себя: он не хочет участвовать в убийстве этой девушки, самой красивой, какая когда-либо существовала на свете.

Слова эти привели Сванхильду в бешенство, она стала упрекать его, что он малодушный трус и что единственный путь к ней через труп Эйрика. Они порешили, что люди их будут сторожить судно Гудруды, и когда оно снимется с якоря, кинутся на бордаж; сама же Сванхильда с Гицуром и одним керлем, родом с подножия Геклы, хорошо знающим все тропинки Мшистой скалы, отправятся туда и обойдут Мосфьелль той тропой, которая известна этому керлю; если она еще доступна, то они вернуться с людьми и прикончат Светлоокого.

Как ни долго тянулись скучные зимние дни, но время близилось незаметно к весне, и вот однажды к Эйрику, томившемуся тоской бездействия и страхом ожидания, явился посланный от Гудруды с известием, что «снег на крышах Миддальгофа начал таять» и что «Гудруда здорова». Это было условное слово, означавшее, что все уже готово.

— Передай своей госпоже, что Светлоокий здоров и что на вершинах Геклы снег еще не растаял.

Это также означало, что он немедленно явится к ней.

Отдохнув немного и подкрепив свои силы пищей и медом, посланный отправился в обратный путь и передал Гудруде Прекрасной ответ Эйрика Светлоокого, — и сердце ее наполнилось радостью.

По уходе тралля Гудруды Эйрик призвал своих людей и приказал тем, которые хотели отправиться с ним в Англию, готовиться в путь. Остальным же, которые желали остаться в Исландии, велел прожить еще недели две здесь, на Мшистой скале, и ежедневно зажигать огни, чтобы обмануть шпионов Гицура и Сванхильды, заставив их думать, что Эйрик все еще на Мшистой скале в пещере.

В ту же ночь, прежде чем успела взойти луна, Эйрик простился со своими товарищами и уехал со Скаллаграмом и теми, которые собирались отплыть вместе с ним, в Миддальгоф. На вторые сутки под вечер они были уже в виду Миддальгофа, но им пришлось выждать, пока совершенно стемнеет. Окутанные почти непроницаемым мраком, всадники въехали во двор, ворота которого были широко раскрыты. Здесь Эйрик соскочил с коня и направился к женским дверям. Гудруда ожидала его у порога, но, заслышав его шаги, вбежала в большую горницу, села там на высокое место и с бьющимся сердцем ожидала своего жениха в полном наряде невесты. В Миддальгофе оставались теперь при ней только две верные женщины и несколько траллей, спавших не в самом замке, а в пристройке, остальных же людей своих Гудруда отослала на судно, совершенно готовое к отплытию.

Скаллаграм и остальные спутники Эйрика остались во дворе, прибирая лошадей, сам же Светлоокий вошел через женские двери в большую горницу и при свете огня, горевшего на среднем очаге, достиг высоких сидений. Здесь он увидел свою невесту, уже ожидавшую его, сел рядом на жениховское место, и здесь они выпили брачный кубок и долго оставались в объятиях друг друга. Счастье, неземное счастье переполнило их сердца.

Так повенчались Эйрик Светлоокий и Гудруда Прекрасная.

В ту ночь, когда Эйрик поехал в Миддальгоф жениться на Гудруде Прекрасной, Сванхильда, Гицур и один их слуга отправились на Мшистую скалу. Прибыв туда, они обошли ее; а тралль долго отыскивал ту тропу, о которой говорил. Наконец, найдя ее, повел по ней Гицура, Сванхильда же осталась внизу ожидать их возвращения, тропа показалась ей опасной. Ожидая Гицура, она увидела, как с другой стороны горы спустилось двое

всадников, и в одном из них узнала Иона, тралля Эйрика.

Всадники эти спустились в долину и, проехав немного по опушке леса, вошли в убогого вида хижину, привязав своих коней к изгороди.

Тем временем Гицур и тралль вернулись и рассказали ей, как этой тропой можно было пробраться на самую вершину скалы и оттуда скатывать камни на голову Эйрика и других обитателей пещеры.

Сванхильда возликовала и в радости своей стала торопить с возвращением на Кольдбек, где она хотела забрать с собой побольше людей и, оцепив снизу всю гору, атаковать Эйрика с вершины скалы.

Все трое сели на коней и поскакали вниз в долину. Когда они приблизились к хижине на опушке леса, Сванхильда вспомнила об Ионе и сказала себе, что надо изловить этих птиц и добыть от них сведения об Эйрике.

С этой целью она и Гицур спешили и подкрались к входу хижины, двери которой стояли распахнутыми настежь.

Сванхильда шепнула Гицуру, у которого было в руке копьё, чтобы он метнул его и уложил насмерть одного из двоих людей, занятых собиранием припасов, рыбы, мяса и других продуктов, которые были сложены здесь, как в кладовой.

Гицур хотел было воспротивиться приказанию своей возлюбленной, но не посмел и пустил свое копьё в беззащитного человека, связывавшего рыбу. Бедняга упал замертво. В этот момент Гицур и его тралль накинулись на Иона, скрутили его и грозили и его убить, если он тотчас же не проведет их в пещеру на Мшистой скале и не доставит Сванхильде возможности увидеть Эйрика.

Робкий и трусливый Ион растерялся от этой неожиданности и нечаянно проговорился, что Эйрика нет на Мшистой скале. Тогда у него стали допытываться, где находится Светлоокый, допытываться с угрозами и мучениями, и Ион, долго крепившийся, наконец не выдержал страшной пытки, придуманной Сванхильдой, и рассказал всю правду. Услыхав о свадьбе Эйрика, Сванхильда, обезумевшая от злобы и бешенства, закричала Гицуру:

— Прикончи его, да и едем дальше! Теперь надо спешить!

— Нет, — отвечал Гицур, — я не убью этого человека: он нам сказал то, что мы от него требовали; пусть будет жив и идет на все четыре стороны!

— Ты обезумел! — крикнула Сванхильда. — Если не хочешь убить его, то свяжи и оставь здесь, чтобы он не мог предупредить Эйрика о том, что он выдал его и мы идем на них!

Иона связали толстыми веревками и оставили в хижине, где он и пролежал двое суток, пока не пришли сюда другие его товарищи и не освободили его.

Сванхильда же и Гицур со своим спутником помчались теперь во весь опор в Миддальгоф.

XXIX. Как прошла брачная ночь

Эйрик и Гудруда молча сидели на высоких местах в большой, празднично разубранной горнице Миддальгофского замка, пока не пришел туда Скаллагрим за приказаниями.

— Прежде всего все мы поедим и выпьем доброго меда, вина и пива, — сказала за Эйрика Гудруда, — а затем твои люди, Эйрик, тайно проедут к тому месту, где стоит наше судно, и прикажут шкиперу готовиться в путь, чтобы на заре, пользуясь приливом, выйти в море. А ты, Эйрик, я и Скаллагрим останемся здесь в замке до трех часов утра: мне донесли, что люди Гицура и Сванхильды сегодня в ночь будут караулить наше судно, чтобы подстеречь наш приезд; под утро же, не найдя никого, они удалятся. А тогда мы, пользуясь перерывом до новой смены шпионов, успеем добраться до судна и уйти в море!

— Но нам небезопасно ночевать здесь втроем! — заметил Эйрик.

— Полно, ты и Скаллагрим сильны, а замок надежен, кроме того, мне сказали, что Гицур и Сванхильда отправились искать тебя на Мшистую скалу!

На этом и порешили.

После свадебного пира люди Эйрика отправились на судно с секретным предписанием, предварительно оседлав коней Эйрика, Гудруды и Скаллагрима и поставив их в надежное место. Затем Скаллагрим запер тяжелыми засовами все ворота и входы замка и пришел спросить у Гудруды, где, по ее распоряжению, ему провести ночь.

Она указала ему на кладовую, где неисправна была одна ставня, и потому Гудруда просила Скаллагрима хорошенько караулить это окно.

Но Гудруда упустила из вида, что в кладовой стояли бочонки с пивом, вином и медом.

После того женщины-прислужницы разошлись по своим каморкам, а Эйрик с Гудрудой легли в спальне Асмунда жреца.

Скаллагрим, оставшись один в кладовой, сильно затосковал. Не радость ему стал Эйрик мужем Гудруды. У Скаллагрима была в жизни одна только привязанность, одна отрада, Эйрик Светлоокый, а теперь молодая жена лишала его прежней любви и внимания Эйрика; теперь он должен делить свои чувства между ней и им, и, конечно, Скаллагрим всегда будет обделен в пользу Гудруды. При этой мысли такая тоска запала в сердце Скаллагрима, что мрак, царивший в кладовой, стал невыносим для него.

Чтобы успокоить свое волнение, он распахнул настежь ставню и впустил ясный лунный свет в кладовую, а затем прибегнул к утешению, которое люди находят на дне кубка.

Кубок за кубком осушал он, томимый жаждой после сытного брачного ужина, мучимый горем, страхом и дурными предчувствиями, ища забвения и успокоения и не находя ни того, ни другого, пока хмель не одолел его и он не повалился на пол подле бочек с вином, заснув мертвым сном.

Между тем новобрачные спали сладким сном в объятиях друг друга. Только тяжелые сны тревожили поочередно то Эйрика, то Гудруду. Гудруде снилось, что она лежит мертвая в объятиях Эйрика, который и не подозревает этого, а Сванхильда стоит над ними и смеется над Эйриком. Эйрику же снилось, что пришел Атли, сообщая, что прежде чем взойдет луна следующего дня, он будет лежать мертвым. За Атли пришел Асмунд и сказал в утешение, что хотя он и умер, но за границей смерти есть иная жизнь, в которой царит вечная любовь и покой.

Эйрик разбудил Гудруду и рассказал ей свой сон. Та посоветовала ему встать и надеть кольчугу и шлем, чтобы быть готовым встретить врага.

— Что пользы, дорогая, — отвечал печально герой, — от судьбы все равно не уйдешь! Впрочем, как ты того хочешь, я встану! — И он стал вставать с постели, но вдруг тяжелый сон снова одолел его, и он проговорил слабым, как бы умирающим голосом:

— Прощай, дорогая, сон одолевает меня; я не могу двинуть ни рукой, ни ногой. Видно, это и есть смерть. Прощай!

А Гудруда проговорила:

— И меня тоже давит сон. Прощай, мой возлюбленный, прощай!

Крепко обнявшись и прижимаясь друг к другу, заснули они тяжким, непробудным сном.

Между тем Гицур, сын Оспакара Чернозуба, и Сванхильда, дочь Гроа колдуньи и вдова Атли, так гнали своих коней, что чуть не загнали их совсем. На высотах Конской Головы, где дорога разветвлялась надвое, они отправили бывшего с ними тралля к тому месту, где на берегу сидели в засаде люди Сванхильды и Гицура, сторожа судно Гудруды, с приказанием с рассветом ворваться на судно и обыскать его из конца в конец, а если найдут Эйрика, то пусть убьют его: он ведь вне закона. Если же они найдут Гудруду Прекрасную, то пусть сделают то же: она теперь жена человека, объявленного вне закона, и сама стала вне закона. Если же они никого не найдут на судне, то пусть выгонят экипаж, а судно сожгут.

— Сжечь чужое судно — дело недоброе и по закону считается злодеянием! — заметил Гицур.

— Об этом тебя не спрашивают! — сказала Сванхильда. — На то ты и законник, чтобы суметь оправдать меня. Ступай! — сказала она слуге, и тот поскакал во весь опор.

Тогда и Сванхильда со своим спутником двинулись дальше к Миддальгофу. Сердце Гицура болезненно ныло; страх забирал его при мысли о том, что ему придется стоять лицом к лицу с Эйриком. В час пополудни они были уже у ограды замка и здесь соскочили с коней.

— Пойдем пешком вдоль стены, я знаю место, где легко можно пробраться в замок: все входы и двери, конечно, на запоре. — И Сванхильда повела Гицура к окну кладовой и, взобравшись туда, заглянула в кладовую.

— Плохо дело! — сказала она. — Здесь спит Скаллагрим! Но спит он, как видно, крепко... Случай хороший, их не так-то легко застать спящими, а с сонными даже и тебе совладать не трудно!

— Убить спящего постыдное дело! — сказал Гицур.

— Молчи! — сказала Сванхильда, не отрываясь от окна и продолжая наблюдать за берсерком. — Нам счастье благоприятствует: этот берсерк пьян. Он лежит в луже пива и не опасен для нас!

Действительно, Скаллагрим спал мертвым сном; пиво из незаткнутого им бочонка лужей разлилось по полу; в левой руке своей он держал большой роговой кубок, а в правой — свой страшный топор.

— Нечего мешкать, — произнесла Сванхильда и как кошка взобралась на окно, а с окна прыгнула в кладовую. Гицур, хотя и неохотно, последовал ее примеру. Он недоверчиво смотрел на мощную фигуру распростертого на земле Скаллагрима, и рука его судорожно сжала рукоятку его меча.

— Не тронь его, — сказала Сванхильда, — он может крикнуть и разбудить других, а так он нам не опасен. Следуй за мной!

Ощупью пробираясь по знакомым ей с детства местам, она пришла в большую горницу и с минуту стояла, прислушиваясь. Здесь все было тихо и пусто. Тогда она осторожно пробралась к Гудрудиной девичьей постели под темным пологом, но и тут, казалось, не было никого. Но вот она услышала тихий шепот и поцелуи под пологом брачного ложа покойного Асмунда и подкралась к нему близко-близко. Да, поцелуи и ласки! Бешенство овладело ей, и она отшатнулась. В этот момент голос Эйрика произнес: «Я сейчас встану, дорогая!» Гицур, услышав это, готов был бежать, но Сванхильда схватила его за руку и удержала.

— Не бойся, они сейчас заснут крепче прежнего! — сказала она и простерла руки по направлению к спящим. Глаза ее стали разгораться в

темноте, как глаза волка или кошки, затем все ярче и ярче, как два красных угля в золе, так что бледное лицо ее стало выделяться из мрака белым пятном; побелевшие губы шептали:

Гудруда, спи! Приказываю тебе, спи!
Узами крови приказываю тебе, спи!
Тою силой, какую я ощущаю в себе, приказываю тебе, спи!...
Спи! Спи крепко!

Эйрик Светлоокый, приказываю тебе, спи!
Общностью греха нашего заклинаю тебя, спи!
Кровью Атли, убитого тобой, приказываю тебе, спи!...
Спи! Спи крепко!

Затем она трижды простерла вперед руки по направлению к брачному ложу, развела ими в воздухе и произнесла медленно и отдельно:

Из объятий любви — в объятия сна!
Из объятий сна — в объятия смерти!
Из объятий смерти — в Хель!
Скажите мне, любящие сердца, где вы будете
целоваться вновь?

И свет в ее глазах разом потух, она тихо засмеялась.

— Теперь они спят крепко, — произнесла колдунья, обращаясь к Гицуру, — до самого рассвета Эйрик не проснется! Теперь скорее за дело! Откинь полог постели и убей Эйрика его же мечом!

— Этого я не могу! Не хочу! — сказал Гицур.

— Не хочешь! — грозно прикрикнула вполголоса Сванхильда и сверкнула на него глазами так, что тот окончательно оробел.

Сванхильда же хотела убить не Эйрика, а Гудруду, но не хотела дать понять этого Гицуру. Она рассуждала так, что пока Эйрик жив, есть надежда овладеть им, если же он умрет, то все будет кончено. Гудруде же она желала жестоко отомстить, этой Гудруде, которая, несмотря на все ее козни, сделалась женой Эйрика и была счастлива. Вот злодеи приблизились к самой постели новобрачных. Сванхильда осторожно ощупала рукой спящих, стащила с них покрывало и ощупала высокую грудь Гудруды, которая спала на внешнем краю постели; затем колдунья ощупью нашла меч Молнии Свет и осторожно выдернула его из ножен.

— Вот здесь, на краю, лежит Эйрик, — сказала она, — а вот и Молнии Свет! Убей и меч оставь в ране! — повелительно добавила она.

Гицур взял меч и занес его обеими руками, но три раза он заносил его и все не решался сделать такого низкого, позорного дела, как убить беззащитного, спящего человека. Но вот и у него явилась мысль ощупать рукой.

— Это женские волосы! — воскликнул он.

— Нет, — сказала Сванхильда, — у Эйрика волосы длинные, как у женщины, это его волосы!

И Гицур снова занес меч и с глухим проклятьем нанес удар изо всей своей силы. Послышался глубокий, протяжный вздох и глухой звук конвульсивно вздрагивающих членов, затем все стало снова тихо, зловеще тихо кругом.

— Сделано! — произнес Гицур слабым голосом.

Сванхильда снова ощупала спящих: ее пальцы смачивала теплая еще кровь Гудруды. Она склонилась над нею и увидела, что ее мертвые глаза смотрят на нее. Неизвестно, что прочла она в ее взгляде, но только она разом отпрянула назад и грузно упала на пол.

Гицур стоял, как околдованный, ничего не видя и не сознавая. Наконец Сванхильда, вскочив на ноги, воскликнула:

— Я отомстила за смерть Атли! Бежим отсюда, Гицур, бежим скорее! Дай мне руку, силы изменяют мне, я не в состоянии идти!

Вот они опять в кладовой. Скаллагрим лежит по-прежнему, раскинув руки на полу, он, видимо, не пробуждался. Гицур останавливается над ним и смотрит вопросительно на Сванхильду.

— Не надо! — говорит она. — Мне претит вид крови! — И они вылезают из окна.

Злодеи благополучно вскочили на коней и ускакали.

Так умерла в брачную ночь и на брачном ложе Гудруда Прекрасная, прекраснейшая из всех женщин, какие когда-либо жили в Исландии, от руки Гицура сына Оспакара, через ненависть и колдовство сводной сестры своей Сванхильды Незнающей Отца, дочери колдуньи Гроа.

XXX. Что было на рассвете

На дворе уже совсем рассвело, а Эйрик все еще спал крепким, тяжелым сном. Тем временем служанки встали и стали раздувать огонь в очаге, разговаривая о том, как многие из обитателей этого замка умерли с того времени, как Асмунд жрец нашел колдунью Гроа. Слова «умер» и «умерла», звучавшие в их речи, донеслись до слуха пробудившегося Эйрика. Он раскрыл глаза, и что-то ослепило его необычайным блеском, словно блеск обнаженного лезвия меча. Он сел на постели, устремив свой взгляд в полумрак, царивший под пологом. Вдруг полог широко распахнулся, и Эйрик выскочил в большую горницу; вся левая сторона его рубашки была в крови, глаза его смотрели дико; он хотел что-то крикнуть, но звук замер у него в горле, а лицо стало белее снега. Он дико озирался кругом, и женщины подумали, что он лишился рассудка. Шатаясь как пьяный, он вышел и направился в кладовую, где спал Скаллаgrim. Дверь кладовой была распахнута настежь, окно, ведущее на двор, также, а берсерк лежал в луже пива, держа в одной руке рог, а в другой свой топор.

— Проснись, пьяница! — крикнул Эйрик таким громовым голосом, что стены задрожали. — Проснись и посмотри на дело рук твоих!

Голос Эйрика пробудил Скаллаgrима. Тот поднялся и сел, с недоумением оглядываясь кругом.

— Иди за мной, пьяница! — глухо проговорил Эйрик, и Скаллаgrim послушно последовал за ним в большую горницу.

Подойдя к свадебному ложу, Светлоокый сорвал могучей рукой полог, — и дневной свет ударил прямо на постель. Страшное зрелище представилось глазам присутствующих: на постели, утопая в крови, лежала Гудруда Прекрасная; громадный меч Молнии Свет торчал в ее груди.

— Видишь, пьяница! — воскликнул Эйрик. — Пока ты спал, враги прокрались сюда, перешагнув через твоё тело. Чего же ты заслужил за такое дело? Говори!

— Смерти! — сказал Скаллаgrim и передал свой топор Эйрику, готовясь принять заслуженную казнь.

Эйрик взял топор и уже размахнулся, как чей-то голос тихо шепнул ему: «Не обагрй больше кровью рук своих», — и он отшвырнул топор далеко в сторону.

— Нет, не я убью тебя, пьяница! Поди, сумей сам найти себе смерть!

— Если так, то я сам убью себя тут же, на твоих глазах, государь! —

проговорил берсерк и пошел поднять свой топор, засевший в досках пола.

— Стой! Погоди! Ты можешь еще совершить какое-нибудь дело, а убить себя всегда успеешь! — остановил его Эйрик, и Скаллаgrim опять повиновался. Он бросил свой топор и, в припадке отчаяния кинувшись на пол, зарыдал как дитя. Но Эйрик не плакал и не рыдал. Он молча вынул меч из раны и долго смотрел на него, затем вложил его в ножны, но не отер с него крови Гудруды.

— Вчера свадьба, а нынче похороны! — глухо проговорил несчастный и приказал женщинам одеть и обмыть Гудруду, а сам со Скаллаgrimом приготовил ей могилу в самой большой горнице замка, подняв несколько плит каменного пола.

— Здесь ты родилась, здесь умерла и здесь же почиешь вечным сном, — сказал Эйрик, — и я предсказываю, что никто здесь, в этом замке, не будет жить, пока не рухнут эти стены и не станут твоим могильным холмом!

Так и случилось: с самых дней смерти Гудруды Прекрасной, дочери Асмунда жреца, никто не жил здесь, и долгие годы стояли развалины, а теперь груды камней лежат на том месте, и призраки бродят вокруг.

Когда могила была готова, Эйрик собственными руками надел Гудруде сандалии и, закрыв глаза, долго сидел на краю кровати, подле ее тела, затем поцеловал ее прощальным поцелуем, произнеся:

— Спи, дорогая, ненаглядная жена моя! Я скоро приду к тебе, и тогда мы вновь сомкнем свои уста в вечном поцелуе! — И, призвав Скаллаgrима, опустил ее в могилу, сам же спел над могилой прощальную песню.

После этого Эйрик вооружился; то же сделал и Скаллаgrim. Они вышли во двор, где все еще стояли под навесом оседланные кони. Потрепав Черногривого, как звали коня Гудруды, по крутой шее, Эйрик сказал:

— Быть может, ты понадобишься ей там, где она теперь находится! — С этими словами он взял из рук Скаллаgrима его широкий топор, размахнулся им и во мгновение ока снял голову доброму коню. Затем друзья сели на своих коней и выехали из дворца.

Ночь была темная, ни зги не видать. Эйрику пришло в голову спалить свой родной замок Кольдбек вместе со Сванхильдой и Гицуром и их людьми. Подъехав около полуночи к замку Кольдбек, когда все спали, оба друга натаскали хворосту и собирались уже поджечь, как вдруг Эйрик одумался.

— Нехорошо сжечь виновных и безвинных; я дал слово, что не пролью больше человеческой крови иначе, как только в защиту своей жизни!

Подумал Скаллаgrim, что Эйрик не в уме, но ничего не сказал. Эйрик

приказал ему выехать из двора и отъехать немного в сторону, сам же взял его топор и ударил им несколько раз в дверь и в ставни замка; все всполошились и выскочили к двери.

— Это дух Эйрика стучит! — крикнул кто-то: все думали, что Гицур в честном бою убил Эйрика, как он сам рассказывал им.

Гицур приказал отворить дверь и увидел в нескольких шагах Эйрика Светлоокого на коне и в полном вооружении.

— Я не дух и не привидение, — сказал Светлоокий, — я живой человек и хочу знать, здесь ли Гицур сын Оспакара.

— Здесь, и он клялся нам, что убил тебя в прошедшую ночь!

— Так он лгал; не меня убил он, а Гудруду Прекрасную, супругу мою новобрачную, спавшую подле меня, убил ее позорно и предательски!

И поднялся ропот негодования среди людей Гицура и Сванхильды.

— И вот я пришел сюда, чтобы сжечь вас всех живьем в этом замке, но дух Гудруды удержал меня от этого поступка, и я дал слово, что не пролью больше безвинной крови иначе, как только защищая свою собственную жизнь. Теперь я еду на Мшистую скалу. Пусть Гицур явится туда со Сванхильдой, убийцей и колдуньей, и с теми, кто пожелает; я встречу их с почетом и смою их кровью кровь моей ненаглядной Гудруды с лезвия Молнии Света.

— Не бойся, Эйрик, я приду к тебе, и там ты убьешь меня! — воскликнула из-за двери проснувшаяся Сванхильда.

— Нет, на тебя я не подыму меча! Норны отомстят тебе лучше меня! Что смерть, это — отрада и успокоение, а я хочу, чтобы ты вечно казнилась и мучилась своими злодеяниями. Я — не низкий убийца женщин, как Гицур! Его же я вызываю на бой, пусть явится и померится со мной!

С этими словами герой повернул коня.

— Эй, люди, остановите его! Убейте его! — кричал Гицур, стараясь скрыть свой позор. Но никто не тронулся с места по его слову; в толпе слышались ропот и презрительные слова о Гицуре, убийце спящей женщины.

XXXI. Как Эйрик Светлоокий отослал своих товарищей со Мшистой скалы

Эйрик и Скаллаgrim вернулись благополучно на Мшистую скалу; здесь Светлоокий застал своих людей, в числе которых был теперь и Ион, его тралль, который подошел к нему и со слезами покаялся в невольной измене. Герой простил его и даже не упрекнул. Потом созвал всех товарищей и сказал им, что дни его, он чувствует, сочтены, и он просит их вернуться к своим прежним занятиям, а его оставить здесь одного: он — несчастливый и не хочет вовлекать и их в свое несчастье.

Все, слушая его речь, плакали, говоря, что лучше хотят умереть вместе с ним. Но Эйрик снова стал уговаривать их и, наконец, убедил их вернуться к своим полям и стадам. Последним, кроме Скаллагрима, ушел Ион; прощаясь со своим господином, он до того был растроган, что не мог произнести ни слова, а только целовал его руки и горько плакал.

(Впоследствии этот самый Ион ходил из селения в селение и из замка в замок, распевая про подвиги Эйрика Светлоокого и про его горестную судьбу; он стал скальдом, и все любили слушать его. Он дожил до глубокой старости, пока, наконец, странствуя зимой, в метель, не сбился с дороги и не погиб в снегу.)

Когда все удалились, кроме Скаллагрима, Эйрик обернулся к нему.

— Отчего же ты не идешь, пьяница? Пива и меду здесь нет, а там, в долине, наверное, найдется для тебя то и другое!

— Не думал я дожить до того, чтобы слышать от тебя, государь, такие слова, — печально ответил верный слуга и друг, — но я их заслужил. Только все же нехорошо так относиться к человеку, который любил и любит тебя больше себя самого. Я знаю, что согрешил против тебя, и этот грех мой истомил во мне душу. Но скажи, неужели ты никогда ни против кого не грешил? Подумай о своих грехах и будь снисходителен к моим. Если же ты еще раз прикажешь мне уйти от тебя, то я уйду, хотя бы сердце мое надорвалось от горечи и обиды, уйду и лягу на тот край обрыва, где ты некогда душил меня в своих объятиях, лягу и скачусь вниз. Никого в жизни своей я не любил так, как тебя, и теперь слишком стар, чтобы искать другого господина. Повторяю, если ты того хочешь, я избавлю тебя от себя.

— Нет, Скаллаgrim Овечий Хвост! Сердце у тебя верное и душа глубокая. Я согрешил в своей жизни не меньше тебя и был прощен, а

потому и тебе прощаю! Оставайся со мной и умрем вместе!

Закрыв Скаллаgrim лицо свое руками и громко зарыдал от этих слов Эйрика; а тот обнял его и поцеловал.

Между тем Гицур вернулся к Сванхильде и стал упрекать ее, что она заставила его совершить столь постыдный поступок; теперь его собственные люди презирают его, и он едва смеет взглянуть им в лицо.

На это Сванхильда отвечала, что он может идти и что она не станет его женою, пока жив Эйрик Светлоокый.

Она говорила это, не теряя надежды овладеть Эйриком, и в этом смысле и выразилась Гицуру, но тот понял ее слова иначе и потому сказал:

— Если только возможно это сделать, Эйрик, конечно, не останется жив. — И он пошел переговорить со своими людьми.

Гицур объяснил им, что убил Гудруду по ошибке, приняв ее за Эйрика.

— Все равно, убить спящего, будь то мужчина или женщина, постыдное дело, — проговорил старый викинг по имени Кетиль, нанятый Гицуром убить Эйрика. — Это убийство, и такое дело никому не может принести счастья. Нам зазорно иметь общение с убийцами и колдуньями!

Тогда Гицур стал рассказывать, будто Гудруда сама напоролась на меч, который он держал в своей руке, ожидая, что Эйрик отзовется на его вызов. Однако никто ему не поверил.

— Трудно отыскать правду между мыслью и речью законника, — продолжал Кетиль. — Эйрик же правдивый человек, это всякий знает. Вот тебе наше последнее слово, Гицур: или ты выступишь в честном бою против Эйрика и оправдаешь себя в наших глазах, или все мы оставим тебя, мы не хотим служить убийцам или иметь с ними какое-нибудь дело.

Гицур и Сванхильда стали готовиться в поход против Эйрика и с большим множеством людей двинулись ко Мшистой скале, или Мосфьеллю. Но, желая обмануть своих людей, Гицур отправил семерых вперед, приказав им пройти секретной тропой на вершину скалы на ту площадку, что нависла над пещерой Эйрика, и, как только он покажется, закидать его камнями или забросать каменными глыбами сверху, обещая тому из них, кто убьет Эйрика, громадную денежную награду. Сванхильда же со своей стороны обещала тайно от Гицура тоже денежную награду тем, кто доставит ей Эйрика живым, связанного, но невредимого.

XXXII. Что видели в последнюю ночь Скаллаgrim и Эйрик Светлоокый

Над Мшистой скалою опустилась ночь. То была страшная, необычайная ночь. Царила такая тишина, что малейший звук доносился издалека, вселяя страх и суеверный ужас в сердца людей. Эйрик и Скаллаgrim сидели на краю обрыва на небольшой каменной площадке перед входом в пещеру; им было так жутко среди этой тишины, что сон бежал от очей их, и оба они чутко прислушивались к малейшему шороху, доносившемуся до них.

Вдруг они почувствовали, что гора плавно заколыхалась, как колышется грудь женщины, на землю спустился густой мрак, так что и звезд не стало видно.

Молча сидели Эйрик и Скаллаgrim. Вдруг первый сказал:
— Посмотри! — И указал рукой на вершину горы Геклы.

Словно зарево окутало всю вершину, и в этом зареве, ясно выделяясь, появились три гигантских женских фигуры: то были три пряжи норны; ужасного вида, пряли они так усердно и так быстро, что трудно было даже следить за ними.

Но вот картина исчезла, и все потонуло снова во мраке.

Это явление видели не только Эйрик Светлоокый и Скаллаgrim, но и Ион, тралль, сделавшийся скальдом, который притаился в расщелине скал, желая видеть конец Эйрика Светлоокого.

— Это были норны, — произнес Скаллаgrim, — они пришли напомнить нам, что смерть наша близка!

— Да, я чувствую, что мы с тобой умрем завтра, и рад тому; я устал, мне претят человеческая кровь, громкие подвиги, слава и самая великая сила моя; хочу я только покоя! Разложи-ка огонь, Скаллаgrim, мне жутко в этом мраке!

Они разложили яркий костер и опять молча сели у огня друг подле друга. Вдруг им послышалось, что из обрыва как будто кто-то взбирается: они оглянулись и увидели, что прямо к костру идет безголовый человек. Эйрик и Скаллаgrim переглянулись и разом узнали безголового. Это был тот берсерк, которого убил Эйрик, когда впервые пришел сюда к этой пещере.

— Ведь это мой товарищ, которому ты отрубил голову, — сказал

Скаллаграм. — Прикажешь ли, я наброшусь на него и изрублю его, государь?

— Нет, не тронь его, пусть сидит!

И они снова смолкли. И вот стали прибывать к ним все новые и новые гости. Все те, кто когда-то пали от руки Эйрика, приходили один за другим с их зияющими ранами и молча садились к костру. Явился и Атли с отрубленной рукой и громадной смертельной раной в боку.

— Приветствую тебя, ярл Атли! — воскликнул Эйрик. — Садись рядом со мной!

Дух Атли послушно сел подле Эйрика, печально смотря на него, но не сказал ничего.

Все больше и больше гостей сходилось к костру; теперь оставалось только одно пустое место подле Эйрика.

Вдруг послышался звук конского топота, донесшегося из долины, и Эйрик со Скаллаграмом увидели, что на вороном коне скачет женщина в белом одеянии; золотистые волосы густой волной стелются у нее по плечам и за спиной, развеваясь по ветру, словно золотой плащ. Вот она соскочила с седла и идет к костру, и видит Эйрик, что это Гудруда Прекрасная. Вскрикнул Эйрик от радости и вскочил со своего места, протянув к ней руки.

— Приди и сядь со мной, ненаглядная! — проговорил он. — Теперь мне ничто не страшно! Приди, дорогая супруга моя, и сядь рядом со мной, дай мне наглядеться на тебя!

Гудруда подошла и села подле него, но не проронила ни слова. Трижды он протягивал к ней руки, желая обнять ее, но каждый раз руки его точно отнимались и бессильно падали вниз. Но вот и еще новые гости, но уже в виде туманных призраков, появились на краю обрыва. То были Гицур сын Оспакара, и многие из его людей, и Сванхильда, дочь колдуньи Гроа. Вдруг их заслонили собою две рослые тени в полном воинском вооружении; одной из них был Эйрик Светлоокий, а другой — Скаллаграм.

Так, еще будучи живыми, оба героя увидели свои собственные тени, и при виде их громко вскрикнули и лишились чувств. Когда же они очнулись и пришли в себя, костер уже погас; стало совсем светло.

— Знаешь ли, Скаллаграм, мне снился страшный сон! — произнес Эйрик и рассказал другу обо всем, что видел.

— Не сой то был, — ответил Скаллаграм, — ведь и я все это видел, государь мой. Как видно, нам предстоит совершить сегодня наш последний подвиг. Пойдем же, умоемся, приберемся и поедем, чтобы, когда настанет час, быть бодрыми и полными сил!

Так они и сделали. Повеселел Эйрик, зная, что теперь конец его близок. И вот увидели они облако пыли вдали в долине и сразу узнали, что то Гицур, Сванхильда и с ними их люди. Герои решили ожидать врагов здесь, наверху скалы, на площадке перед пещерой. Тем временем враги достигли подножия Мшистой скалы, но только после полудня начали взбираться на гору, да и то взбирались не спеша, сберегая свои силы. Пока Гицур со своими людьми взбирался в гору, тот тралль и с ним шесть человек, что были посланы вперед, успели уже обойти гору и, тайной тропой выйдя на вершину скалы, теперь смотрели оттуда вниз на Эйрика и Скаллагрима, готовя камни, чтобы скатывать их вниз.

XXXIII. Как Эйрик Светлоокий и Скаллагрим берсерк бились в своей последней битве

— Ну, теперь их пора прихлопнуть, не то нелегко будет нашим товарищам устоять против Молнии Света и топора Скаллагрима! — произнес тралль Сванхильды и первый сбросил сверху громадную глыбу камня.

Глыба рухнула и упала подле самого Эйрика, задев крыло его шлема и сплющив его.

— Шлем не голова! — сказал Эйрик. Скаллагрим, подняв голову, увидел, в чем дело.

— Хм! — сказал он. — Нам теперь остается или спрятаться в пещеру, или выйти навстречу врагам в узкий проход и загородить его им.

Так и сделали. Шум шагов и голоса Гицура и его людей неслись им навстречу. Эйрик и Скаллагрим спустились в узкий проход и встали плечом к плечу. Как увидел их Гицур, разом отпрянул назад, и засмеялся над ним Скаллагрим.

— Ведь их только двое! — крикнул из-за спины Гицура старый викинг Кетиль. — Что же ты, Гицур сын Оспакара, бей его!

— Стой! — крикнула повелительно Сванхильда и выступила вперед. — Я хочу говорить с ним... Сдайся, Эйрик! Ты видишь, спереди враги и сзади враги; вас только двое, а нас более ста человек! Сдайся, говорят тебе, и, быть может, ты будешь помилован!

— Ни я, ни Скаллагрим не привыкли сдаваться! Да и пощады от тебя я не хочу, а ему не надо! — отвечал Эйрик. — Мы хотим умереть и умрем; для меня смерть — отрада и желанная цель: она соединит меня с моей возлюбленной супругой, с Гудрудой Прекрасной. Мы умрем, но умрем не одни: умрет и Гицур, умрешь и ты сегодня. Так предсказали нам в эту ночь норны! Умрет и викинг Кетиль, и многие другие. Так не трать даром слов: чему суждено быть, то будет, и не тебе твоим бабьим языком изменить волю судьбы. Отойди!... Ну, Гицур, что же? Где твой меч? Готовь свой щит!

— Слышишь, Гицур, Эйрик вызывает тебя, чего же ты медлишь?! — крикнул Кетиль, старый викинг.

Но Гицур, белый, как мел, пятился назад, прячась за спины своих людей.

Тогда Кетиль не стерпел и, как разъяренный зверь, кинулся на Эйрика, призывая за собой людей. И начался бой. Люди падали один за другим под мечом Эйрика и топором Скаллагрима; трупы их преграждали дорогу новым воинам. И сердца всех робели; никто уже не решался выходить против Эйрика и берсерка.

Но тралль Сванхильды, засевавший на вершине скалы со своими шестью людьми, по звукам битвы, доносившимся до него, понял, в чем дело, и угадал, что никто не может одолеть Эйрика. Приказав своим людям укрепить надежную веревку, он спустился по ней с товарищами к пещере и, крадучись, стал пробираться в узкий проход, рассчитывая захватить Эйрика врасплох и напасть на него с тыла.

Хитро это было придумано, но Скаллагрим, уловив злорадный взгляд Сванхильды, обернулся как раз вовремя, чтобы успеть спасти Эйрика, над головой которого коварный тралль уже занес свой меч.

— Спина к спине! — крикнул Скаллагрим, отразив удар, и вот, снова началась кровавая битва.

Враги, видя неожиданную поддержку себе, приободрились и с новым воодушевлением стали нападать на Эйрика, который теперь отбивался от них один, тогда как тралль и его шесть человек с бешенством нападали на Скаллагрима. Но вскоре из них не оставалось ни одного в живых, путь к пещере был свободен. Однако в этот момент один отчаянный смельчак накинулся на Эйрика, а Гицур стал красться за его спиной. Эйрик отразил удар, поразив насмерть смельчака, но, пользуясь этой минутой, Гицур успел нанести Эйрику смертельную рану в голову. Герой упал.

— Моя песня спета! — проговорил он Скаллагриму. — Взбирайся на скалу, а меня оставь здесь!

— Полно, государь, это просто царапина! Подымись. Взберись наверх, я приду следом за тобой! — И с громким, пронзительным криком берсерк один устремился на врагов, рубя направо и налево. Им овладел припадок бешенства; враги отступали перед ним. В несколько минут весь проход опустел. Тогда Скаллагрим последовал за Эйриком вверх на площадку перед пещерой. С трудом, чуть не падая, хватаясь за выступы скал, Эйрик добрался до пещеры и опустился на землю, прислонясь спиной к скале и положив свой меч Молнии Свет на колени.

Но вот Скаллагрим подошел к нему.

— Теперь мы с тобой можем вздохнуть на минутку, государь. Вот вода, попей! — И он напоил Эйрика, затем сам напился и вылил целый ковш на рану друга. И будто новая жизнь влилась в них двоих, оба они поднялись теперь на ноги. Но люди Гицура и Сванхильды, видя, что никто не

преграждает им пути, собравшись с духом, взобрались на скалы, Сванхильда — впереди всех, за нею Гицур и другие. Однако многие люди остались внизу, не желая больше биться с Эйриком и Скаллаграммом.

Сванхильда, подойдя к Эйрику, снова стала уговаривать его сдаться, но герой отвечал, что сам хочет смерти, так как в смерти он соединится с той, которую он одну любил и любит больше жизни; хочет смерти потому еще, что она избавит его навсегда от встречи с нею, со Сванхильдой, лицо которой он желал бы никогда не видеть.

Вскипела Сванхильда яростью, и лицо ее исказилось от злобы.

— Мало того, — продолжал Эйрик, — я знаю, что и над тобой висит смерть, что и ты не уйдешь от своей судьбы. Но ты не найдешь радости и успокоения в смерти; тебя будут вечно мучить и терзать проклятия людей, злая совесть и неудовлетворенные желания. Всякий, кто вспомнит о тебе, вспомнит с проклятием!

— Идите и убейте этих людей, стоящих вне закона! Прикончите их скорее! — злобно закричала Сванхильда.

И еще раз люди Гицура наступили на двух витязей тесной гурьбой. Размахнулся Эйрик раз, другой, третий — и всякий раз удар его не пропадал даром. Но тут силы оставили его, и он в изнеможении упал на землю. Скаллаграмм, видя это, заступил его своей мощной, плечистой фигурой и, точно косматая медведица стоя над своим раненым детенышем, никого не допускал до него, один отбиваясь от целой толпы. Тогда, выбрав удобную минуту, Гицур сзади пустил стрелу в лежащего на земле умирающего Эйрика. Стрела попала ему в бок, глубоко вонзившись в тело.

— Кончено! — громким, звучным голосом воскликнул Эйрик, и голова его откинулась назад, а глаза сомкнулись. Вся толпа врагов отпрянула назад и притихла; все хотели видеть кончину великого витязя, Эйрика Светлоокого.

Скаллаграмм, склонившись над ним, бережно вынул стрелу из раны и поцеловал умирающего в бледный лоб.

— Прощай, Эйрик Светлоокий! Другого такого человека, как ты, не увидит Исландия. Немногие могут похвастать такой славной смертью, как ты. Подожди немного, государь! Погоди, я поспешаю за тобой!

С криком: «Эйрик! Эйрик!» — он с бешенством накинулся на стоявших вокруг и снова стал разить вокруг себя. Смешались и отступили перед ним враги. Хотя кровь сочилась у него из ран, он продолжал биться, пока, наконец, секира не выпала у него из рук, и сам он, покачнувшись из стороны в сторону, не упал мертвым на Эйрика, подобно тому, как падает вековая сосна, сраженная топором, на родную скалу.

Но Эйрик еще не был мертв. Он раскрыл глаза, и при виде Скаллагрима лицо его озарилось радостной улыбкой.

— Хороший конец, товарищ! Скоро свидимся, верный друг и брат! — прошептал он.

— Эй, да этот Эйрик еще жив! — крикнул Гицур. — Ну, так я прикончу его, и меч Оспакара возвратится к сыну Оспакара.

— Ты удивительно смел теперь, когда Эйрик уже при последнем издыхании! — насмешливо и злобно заметила Сванхильда.

И видно, Эйрик слышал слова Гицура: сила на мгновение вернулась к нему; он приподнялся на колени, затем, опираясь на скалу, встал на ноги. Толпа врагов в ужасе отхлынула назад. Взмахнул герой Молнии Светом и, размахнувшись широко-широко, швырнул его в бездну.

— Дело твое сделано! Пусть ты будешь ничьим! — воскликнул Эйрик. — А теперь иди, Гицур, теперь ты можешь меня убить, если хочешь!

Гицур приблизился к нему не совсем охотно. А Эйрик продолжал громко и звучно:

— Безоружный, я убил твоего отца Оспакара, а теперь, безоружный, обессиленный и умирающий, убью тебя, Гицур, убийца жены моей! — И с громким криком он упал всей своею тяжестью на Гицура. Тот, отступив, нанес было ему еще новую рану, но Эйрик, схватив его в свои железные объятия, поднял от земли и упал вместе с ним на землю на самый край обрыва над страшной зияющей бездной. Гицур, угадав его мысль, стал вырываться, но напрасно; Эйрик поднялся, не выпуская из своих объятий Гицура, встал на край бездны и кинулся в пропасть.

Враги были ошеломлены. А Сванхильда воскликнула, простирая вперед руки:

— О, Эйрик! Такой смерти я и ожидала от тебя! Ты из всех людей был прекраснейший, сильнейший и смелейший!

Такова была смерть Эйрика Светлоокого, Эйрика Несчастливого, первого витязя в Исландии.

На другой день на рассвете Сванхильда приказала своим людям обыскать все ущелье и принести ей тело Эйрика, а когда люди нашли его, приказала омыть его и нарядить в золоченые доспехи; потом сама навязала ему на ноги башмаки и вместе с телами всех убитых в тот день, а также вместе с телом Скаллагрима берсерка, верного тралля Эйрика, приказала перевезти к побережью, где стояло на якоре ее длинное военное судно, на котором она прибыла сюда, в Исландию. Здесь тела убитых были сложены высокой грудой на палубе ее судна, а наверху, поверх всех убитых, положили тело Эйрика; голова его покоилась на груди Скаллагрима, а ноги

попирали тело Гицура сына Оспакара. Когда все это было сделано, Сванхильда приказала поднять паруса и сама вошла на судно, все края которого были изукрашены щитами павших в последней великой битве на Мосфьелле, названном с тех пор Эйриксфьеллем. Когда настал вечер, Сванхильда собственной рукой обрубил якорный канат, и судно ее, точно птица, понеслось вперед, а она, Сванхильда, распустив свои черные кудри по ветру, стояла в головах Эйрика Светлоокого, запев предсмертную песню. Вдруг два белых лебедя спустились с облаков и стали парить над судном, которое теперь быстро уносилось в лучах заката на крыльях бурного ветра. А ветер все свежел и крепчал; мрак спускался на землю и на бушующее море. Большое боевое судно Сванхильды потонуло во мраке, и предсмертная песня Сванхильды колдуньи, дочери колдуньи Гроа, смолкла среди завывающей бури.

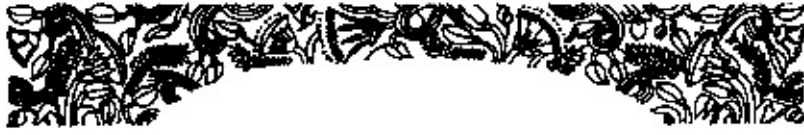
Но далеко на краю горизонта, среди моря, вдруг вспыхнуло яркое зарево пожара; пламя его высоко подымалось к небесам. Все догадались, что то горело судно Сванхильды с мертвыми телами Эйрика Светлоокого, Скаллагрима берсерка, Гицура сына Оспакара и других мертвецов, служивших им почетным ложем.

Таково предание об Эйрике Светлооком, сыне Торgrimура, о Гудруде Прекрасной, дочери Асмунда жреца, о Сванхильде Незнающей отца, жене Атли Добросердного, об Унунде, прозванном Скаллагримом Овечий Хвост, которые жили все и умерли еще до того, когда Тангбранд сын Вильбальдуса стал проповедовать Белого Христа в Исландии.

Суд фараонов

СУД ФАРАОНОВ

Часть первая

Ученые — или, по крайней мере, некоторые ученые, так как не все ученые согласны друг с другом — считают, будто они знают все, что стоит знать о человеке, включая, разумеется, и женщину. Они изучили происхождение человека, показали нам, как изменились его кости и форма тела, как под влиянием нужды и страстей постепенно развивался его ум, вначале стоявший на очень низкой ступени. И вот приобщившись к этому частичному знанию, доказывают, что в человеке нет ничего такого, чего нельзя было бы продемонстрировать в анатомическом театре, что упования на загробную жизнь коренятся в страхе перед смертью, что его связь с прошлым — унаследованная память о дальних предках, живших в этом прошлом может быть миллионы лет назад. Все, что есть в нем благородного, только лак, наведенный на него цивилизацией, а все дурное и низкое должно быть приписано господствующим в нем первобытным инстинктам. Одним словом, по мнению ученых, человек — животное, которое, как и все прочие животные, всецело зависит от той среды, где оно обитает, даже окраску свою принимает от нее. Это факты, говорят ученые (или, по крайней мере, некоторые из них), а остальное ерунда.

Временами мы склонны соглашаться с этими мудрецами, в особенности после того, как нам случится прослушать у кого-нибудь из них курс лекций. Но иной раз увиденное или испытанное лично нами заставит нас снова задуматься и пробудит прежние сомнения, божественные сомнения — и с ними еще более сладкую надежду на то, что кроме этой существует иная жизнь.

А вдруг, думается нам, человек все-таки больше, чем животное? А может быть он все-таки помнит прошлое, самое отдаленное, и способен заглядывать в будущее, не менее далекое? Может быть это не мечта, а правда, и он в действительности обладает бессмертной душой, способной проявиться в той или иной форме, и душа эта может спать века, но спит она или бодрствует, все равно остается сама собой, неизменной и неподвластной разрушению.

Случай из жизни мистера Джеймса Эбенизера Смита мог бы привести на такие размышления многих, будь этот случай им знаком во всех

подробностях. Но этого, насколько мне известно, не произошло, ибо мистер Смит из тех людей, которые умеют молчать. И все же, несомненно, случай этот заставил крепко призадуматься одного человека, а именно того, с кем он приключился. Джеймс Эбенизер Смит и до сих пор все думает о нем и не может толком объяснить его.

Джеймс Э. Смит родился в почтенной семье и получил хорошее образование. Он был недурен собой и в колледже считался подающим надежды юношей, но, прежде чем он получил диплом, с ним случилась неприятность, о которой здесь незачем распространяться, и он был выброшен, так сказать, на мостовую, без друзей и без гроша в кармане. Нельзя сказать, что вовсе уж без друзей: у него был крестный, коммерсант, в честь которого его и называли Эбенизером. К этому-то крестному, как к последнему прибежищу, и обратился Смит, чувствуя, что тот Эбенизер обязан все же как-нибудь вознаградить его за ужасающее имя, полученное при крещении.

До известной степени Эбенизер-старший признавал это обязательство. Ничего героического он не совершил, но все же нашел своему крестнику местечко клерка в банке, одним из директоров которого был, — скромное место писца, не более. А когда год спустя умер, оставил ему сто фунтов, как говорится, на траурное кольцо.

Смит, человек практичный, вместо того, чтобы купить это кольцо, ни на что ему не нужное, вложил свои сто фунтов в рискованную, но многообещающую биржевую спекуляцию. Случилось так, что сведения его были верны, он не прогадал и вместо одного фунта получил десять. Смит повторил опыт, и опять успешно, так как мог получать сведения из первоисточника. Таким образом к тридцати годам он оказался обладателем целого состояния в двадцать пять с лишним тысяч фунтов. И тогда (это показывает, какой он был умный и практичный человек) перестал спекулировать, а поместил свои деньги так, чтобы они давали ему, при полной безопасности капитала, верных четыре процента годовых.

К тому времени Смит, вообще человек с головой, уже значительно повысился по службе. Правда, он и сейчас был клерком, но уже с жалованием в четыреста фунтов в год и с надеждами на повышение оклада. Короче говоря, положение его было настолько прочным, что он мог бы и жениться, если бы пожелал. Но случилось так, что он не пожелал, может быть потому, что за неимением друзей и знакомств не встретил на своем жизненном пути ни одной женщины, которая бы ему понравилась, а может быть и по другой причине.

Застенчивый и сдержанный, он не доверял людям и никому о себе не

рассказывал. Никто, даже его начальство в банке, не знали, что он человек со странностями: он не был членом ни одного клуба и не имел ни одного закадычного друга. Никто у него не бывал — знали только, что он живет где-то возле Путни. Удар, нанесенный ему жизнью в ранней юности, грубое обращение и щелчки, испытанные им тогда, так глубоко запали в его чувствительную душу, что он уже больше не искал близости с себе подобными. Еще молодой, он жил совсем как старый холостяк.

Вскоре, однако, Смит заметил — это было после того, как он перестал играть на бирже, — что так жить скучно, что надо чем-нибудь занять свой ум. Он попробовал было заняться благотворительностью, но скоро убедился, что человек с чувствительной душой не годится для дела, которое порой часто сводится к самому бесцеремонному вмешательству в чужую жизнь. Поэтому, хоть и не без борьбы, он бросил это занятие, успокоив совесть тем, что отложил часть своего капитала, и не малую, на благотворительные цели и на раздачу бедным, заслуживающим помощи, от имени неизвестного.

Все еще не зная, куда приткнуться себя, Смит однажды вечером, после закрытия банка, зашел в Британский Музей, не столько ради самого музея, сколько для того, чтобы укрыться от дождя. Бродя по залам наудачу, он очутился в огромной галерее, отведенной египетской живописи и скульптуре. В первый момент он был лишь изумлен и озадачен, так как понятия не имел об египтологии. Стало даже немного жутко. Должно быть, это был великий народ, — подумал он, — если он смог создать такие грандиозные произведения. И с этой мыслью явилось желание ближе познакомиться с этим народом, больше узнать о нем. Он уже собирался уходить, когда взгляд его случайно остановился на гипсовой головке женщины, висевшей на стене.

Смит посмотрел на нее один раз, другой, третий, и с третьего взгляда... влюбился. Нечего и говорить, что сам он не подозревал об этом. Он знал только, что с ним произошла какая-то перемена, не мог забыть лица случайно увиденного изваяния. Пожалуй, оно даже и не было по настоящему красиво, за исключением изумительной мистической улыбки. Пожалуй, губы были слишком толсты, а ноздри чересчур раздуты. Но для него это лицо представлялось воплощенной Красотой. Оно притягивало к себе как магнит и будило удивительнейшие фантазии, порой такие странные и нежные, какими бывают только воспоминания. Он не отрываясь смотрел на маску, и маска нежно улыбалась ему в ответ, или, вернее, ее оригинал (так как это был лишь гипсовый слепок) более тридцати столетий улыбался небытию в какой-нибудь гробнице или

потайной нише — как женщина, портретом которой она была, когда-то улыбалась миру.

В галерею вкатился шариком коротенький, толстый господин и властным голосом начал отдавать приказания рабочим, снимавшим пьедестал соседней статуи. Смиту пришло на ум, что этому человеку тут должно быть все известно. С трудом поборов свою врожденную застенчивость, он приподнял шляпу и обратился к господину с вопросом, с кого снята эта гипсовая маска.

Толстый господин — как оказалось потом директор музея — зорко взглянул на Смита и убедившись, что он непритворно заинтересован, ответил:

— Не знаю. И никто не знает. У нее несколько имен, но в подлинности их я не уверен. Может быть когда-нибудь найдут туловище этой статуи, тогда мы и узнаем — конечно, если под статуей есть надпись. Всего вероятнее, однако, что оно давным-давно пошло на известь.

— Так вы ничего не можете сообщить мне о ней?

— Весьма немного. Прежде всего это копия. Оригинал находится в Каирском музее. Головку эту нашел Мариэтт, если не ошибаюсь, в Карнаке и назвал ее по-своему. По всей вероятности, она была царицей — восемнадцатой династии, судя по работе. Вы сами видите — о царственном сане ее достаточно свидетельствует сломанный урей. Поезжайте в Египет, если хотите изучить этот маленький шедевр в оригинале. Чудесная вещица — одна из самых красивых головок, когда-либо найденных в Египте... Ну, мне пора. Прощайте.

И он мелкими шажками побежал по длинной галерее.

Смит не знал, что такое урей, но не решился задерживать директора расспросами. Он поднялся на второй этаж и начал разглядывать мумии и украшения. Ему как-то обидно было думать, что обладательница этой прелестной, манящей к себе головки стала мумией давным-давно, еще до наступления христианской эры.

Он вернулся в скульптурную галерею и любовался гипсовой головкой до тех пор, пока один из рабочих не сказал товарищу, что не мешало бы этому джентльмену, для разнообразия, посмотреть на живую женщину.

Смит сконфузился и ушел.

По пути домой он зашел в книжный магазин и велел прислать к себе на дом «все лучшее, что написано о Египте». Когда дня два спустя в комнату его внесли огромный ящик и с ним счет на тридцать восемь фунтов, он был несколько раздосадован, однако же добросовестно прочел все эти книги и за три месяца весьма недурно изучил древний Египет, даже

стал немного разбираться в иероглифах.

В январе, то есть на исходе трех этих месяцев, Смит удивил дирекцию банка прошением о десятинедельном отпуске — до сих пор он довольствовался двумя неделями отдыха в год. На расспросы он отвечал, что у него запущенный бронхит и доктора советуют ему пожить в Египте.

— Превосходный совет, — сказал директор, — но я боюсь, что это будет вам не по карману. Там, в Египте, человека норовят ободрать, как липку.

— Я знаю, — отвечал Смит, — но у меня есть кое-какие сбережения, а кроме себя тратиться больше не на кого.

Таким образом, Смит попал в Египет и увидел оригинал восхитившей его головки и тысячу других вещей, не менее очаровательных. Но этим он не ограничился.

Присоединившись к группе египтологов, производивших раскопки вблизи древних Фив — те, разумеется, только обрадовались содействию энтузиаста — он целый месяц усердно копался в земле, но ничего примечательного не нашел.

Лишь года два спустя сделал он свое великое открытие, ныне известное под именем гробницы Смита. Здесь надо пояснить, что состояние его здоровья настолько ухудшилось, что требовало ежегодных поездок в Египет — так, по крайней мере, полагали директора банка. А так как Смит не требовал летнего отпуска и всегда готов был поработать за товарища или в сверхурочное время, то в отпуске ему не отказывали и каждую зиму он отправлялся на Восток.

В третью свою поездку в Египет Смит добился от директора музея древностей в Каире разрешения производить раскопки на свой страх и за свой счет. Разрешение это было дано на обычных условиях, а именно, что отдел древностей вправе будет взять из найденных им предметов любые, а при желании — и все.

Договорившись обо всем, Смит провел несколько дней в Каирском музее и ночным поездом выехал в Луксор, где его уже дожидался подрядчик Магомет с нанятыми им рабочими-феллахами. Их было всего сорок человек, так как раскопки предполагалось вести без большого размаха. Смит ассигновал на эту затею не более трехсот фунтов, а на эти деньги в Египте не развернешься.

В прошлый свой приезд Смит уже наметил место, где надо копать — кладбище в старых Фивах — дикое, запущенное место близ храма Мединет-Абу, известное под именем Долины цариц. Здесь, отделенные от усыпальниц их царственных супругов промежуточным холмом, были

преданы земле несколько величайших цариц Египта. Их могилы и хотелось обследовать Смиуту. Он знал, что некоторые из них еще не открыты. Говорят, счастье благоприятствует смелому. Кто знает, может быть ему и посчастливится найти могилу неведомой красавицы-царицы, лицо которой неотступно стоит перед ним уже три года.

Целый месяц его рабочие копали, ничего не находя. Выбранное Смитом место действительно оказалось входом в гробницу, но это выяснилось лишь через двадцать пять дней. Войдя в пещеру, Смит был разочарован. Или царица, нашедшая здесь свое успокоение, умерла очень молодой, и ее не постеснялись похоронить, что называется, где попало, или же это только преддверие, а не сама гробница, или, наконец, стены оказались непригодными для скульптурных изображений, которые обыкновенно находят в египетских гробницах.

Смит пожал плечами и решил продолжать раскопки. Закладывали пробные шурфы и траншеи в разных местах, но по-прежнему ничего не нашли. Две трети времени и денег, которыми он располагал, были уже затрачены впустую прежде, чем счастье улыбнулось ему.

Однажды под вечер, возвращаясь домой после бесплодно проведенного рабочего утра, он заметил небольшую вади, или пещеру, в склоне холма, полузасыпанную камнем и песком. Такие пещеры здесь встречались на каждом шагу, и эта не сулила ничего большего, чем другие, уже исследованные. Но почему-то эта пещера привлекла внимание нашего героя. Он уныло прошел мимо нее — потом вернулся.

— Вы куда, сэр? — спросил Магомет.

Смит указал рукой на пещеру.

— Напрасно, сэр. Здесь нет гробницы. Слишком близко к вершине. И воды слишком много, а мертвые царицы любят лежать в сухом месте.

Но Смит все-таки пошел, и рабочие покорно последовали за ним.

Он исследовал утес. На камне не было следов каких бы то ни было орудий. Рабочие уже повернулись, чтобы уйти, но Смит, повинувшись тому же странному чувству, которое привело его к этому месту, взял у одного из них лопату и начал раскапывать песок, прикрывавший каменную основу утеса, ибо здесь почему-то не было ни валунов, ни мусора, как в других местах. Видя, что хозяин, которого они успели полюбить, сам взялся за работу, феллахи тоже стали копать. Минут двадцать, если не больше, они усердно расшвыривали лопатами песок, больше в угоду ему, так как все они были уверены, что могилы здесь быть не может. Дошли до глубины шести футов, а камень все имел тот же девственный, нетронутый вид, и Смит, наконец, велел им бросить работу.

С возгласом досады в последний раз вонзил он заступ в песок, и вдруг заступ стукнулся о что-то твердое. Смит разгреб песок — обнаружился округленный край, по-видимому, карниза. Он позвал обратно рабочих, уже уходящих, молча указал им на выступ, и они также молча снова принялись за работу. Через пять минут стало было ясно, что это действительно карниз, а через полчаса откопали и верхнюю часть двери, ведущей в гробницу.

— Старые люди ее закладывали, — молвил Магомет, указывая на плоские камни, скрепленные илом вместо извести, которыми была заложена дверь, и на смутный отпечаток на засохшем иле изображений священных скарабеев, как на печатях чиновников, обязанностью которых было опечатывать места последнего успокоения царственных особ.

— Может быть там царица и нетронута, — продолжал он, не получив ответа на свои слова.

— Может быть, — коротко сказал Смит. — Лучше копай, не трать времени на разговоры.

И снова все усердно принялись за работу, пока не наткнулись на нечто такое, от чего Смит застонал. В каменной кладке, прикрывавшей дверь, оказалась дыра — покой гробницы нарушен. Магомет тоже увидел это и опытным глазом исследовал верхушку отверстия.

— Вор очень давний, — решил он. — Смотри. Хотел опять выстроить стену, но убежал прежде, чем смог закончить.

Он указал на несколько плоских камней, кое-как положенных обратно на свои места, но не скрепленных первобытным цементом.

— Копай, копай, — приказал Смит.

Десять минут спустя отверстие открыли полностью. Оно было небольшое, человек с трудом мог пролезть внутрь.

Солнце садилось быстро, словно катилось вниз по небу. Еще минуту назад оно светило над крутыми гребнями западных холмов позади копающих, а теперь уже готово было скрыться за вершинами. И еще через минуту скрылось. Лишь зеленая искорка с минуту горела на том месте, где только что было солнце. Потом и она погасла, на землю разом опустилась темная египетская ночь.

Феллахи о чем-то перешептывались между собой; двое под каким-то предлогом ушли, остальные сложили свой инструмент и повернулись к Смицу, вопросительно глядя на него.

— Люди говорят, что не хотят дольше здесь оставаться. Боятся привидений. В этих гробницах живут *африты* — злые духи. Завтра, когда будет светло, придут и закончат. Глупые, известно, что же спрашивать с

простых феллахов, — подчеркивая свое умственное превосходство, заключил Магомет.

— Конечно, — сказал Смит, знавший, что никакими деньгами не заставишь египтян после заката солнца раскапывать могилы. — Отпусти их. А мы с тобой останемся и будем сторожить здесь до утра.

— Не могу, господин. Мне что-то нехорошо. Должно быть, лихорадку подхватил. Пойду в лагерь — надо будет хорошенько укрыться на ночь.

— Хорошо, ступай. Но если найдется кто-нибудь из вас похрабрее, пусть принесет мне мое теплое пальто, чего-нибудь поесть и вина. И еще фонарь, который висит в моей палатке. Я буду ждать его здесь, в долине.

Магомет, хотя и неуверенным тоном, пообещал все исполнить. Он попробовал было убедить Смита, что лучше идти вместе с ними, а то, чего доброго, его обидят ночью духи, но поняв, что это ему не удастся, сам поспешил обратиться подобру-поздорову.

Смит закурил трубку, уселся на песок и стал ждать. Через полчаса до него донеслось пение, и сквозь густую тьму засветились огоньки в долине.

— Это мои храбрецы, — подумал он и пошел им навстречу.

Он не ошибся. Это были его рабочие, целых двадцать человек — в меньшем количестве они не решились предстать перед духами, по их мнению, бродящими ночью в этой долине. Когда свет фонаря, который нес один из рабочих (не Магомет — тот, по его словам, так разнемогся, что не в силах был прийти), озарил белую фигуру Смита, прислонившегося к утесу, рабочий выронил фонарь, и с испуганными криками вся доблестная компания обратилась в бегство.

— Сыны трусов! — рявкнул Смит вдогонку им на чистейшем арабском языке. — Это я, ваш господин, а не африт.

Они услышали и не сразу, робея, но все же вернулись. И тут Смит заметил, что каждый из них что-нибудь нес — это для того, чтобы оправдать большое их число. У одного в руках был хлеб, у другого фонарь, у третьего коробка сардин, у четвертого машинка для вскрытия консервов, у иного спички, бутылка пива и так далее. Двое бережно несли в руках пальто Смита, причем один держал его за рукав, а другой за полу.

— Положите все это, — приказал Смит. — А теперь убирайтесь, да поживее. Если не ошибаюсь, я только что слышал беседу двух афритов о том, что они сделают с последователями Пророка, которые осмеливаются издеваться над своими богами, если встретят их в этом священном месте ночью.

Этот дружеский совет был выполнен мгновенно. Через минуту Смит остался один со звездами и готовым улечься ветром пустыни.

Собрав все, что могло пригодиться, он рассовал вещи по карманам и вернулся ко входу в могилу. Здесь при свете фонаря поужинал и улегся, надеясь уснуть. Но уснуть не мог. Каждую минуту что-то беспокоило его: то вой шакала между скал, то еще что-нибудь. Один раз песочная муха так больно укусила его в ногу, что он уже думал, не скорпион ли это. Несмотря на теплое пальто, Смит чувствовал озноб, нижнее его платье и белье промокли от пота. Он вспомнил, как нетрудно простудиться или схватить злокачественную лихорадку, поднялся и начал ходить, надеясь согреться.

Тем временем взошла луна и озарила все детали странной, унылой картины. Тайна Египта давила душу Смита. Сколько когда-то живших царей и цариц похоронено в холме, который он попирает ногами! И вправду ли они лежат в могиле, или же бродят призраками по ночам, как говорят феллахи? Не могут найти себе успокоения и обходят страну, где некогда владычествовали. Религия египтян учит, что Ка вечно бродит в тех местах, где погребено наше тело. И если вдуматься, то за этим суеверием отыщется нечто такое, во что трудно не верить и христианину.

Ведь верим же мы в Искупителя и в воскресение мертвых. И разве сам он, Смит, не написал брошюры о некотором сходстве с христианством религии древних египтян, брошюры, которую собирается опубликовать под псевдонимом? Но об этом ему было как-то жутко думать в данный момент — ведь как-никак, он — осквернитель могил.

Его ум, вернее, его воображение, которого ему было не занимать, усиленно работали. Чего только не видали эти скалы! Ему чудилось, что по дороге, которая, несомненно, скрыта под наносным песком там, где он стоит, тянется процессия к темным дверям открытой им гробницы. Он отчетливо видел, как извивается погребальное шествие между скалами. Жрецы, с бритыми головами, в леопардовых шкурах или же в белоснежных одеждах, с мистическими символами своего жреческого звания. Следом — погребальная колесница, запряженная быками, за ней большой четырехугольный ящик и в нем два гроба, а внутри мумия царя или царицы, «сокол, распростерший свои крылья и летящий в лоно Осириса». Позади плакальщицы, оглашающие воздух жалобными воплями. Дальше несут дары умершему: сосуды, утварь, драгоценности. Затем идут высшие сановники государства Амона и других богов. За ними сестры-царицы, ведущие за руку изумленных детей. Потом сыновья Фараона, несущие эмблемы своего царственного сана.

И, наконец, позади всех сам Фараон в парадном одеянии, в двойном венце с золотым уреем, в тяжелых золотых браслетах на запястьях и массивных, звенящих на ходу серьгах. Голова Фараона поникла на грудь,

поступь его тяжела. Кто знает, какие мысли бродят в царственной голове, быть может, скорбь об умершей царице? Но ведь у него есть другие жены и нет счета красивым наложницам. Бесспорно, она была кротка и прекрасна, но ведь красота и кротость даны в удел не ей одной. Да и так ли уж была она кротка, если позволяла себе иной раз перечить ему, царю, и сомневаться в божественности его велений... Нет, без сомнения, Фараон думал не только об умершей, для которой велел выстроить эту пышную гробницу и принес щедрые дары, чтобы оказать ей милость. Он думает, конечно, также о себе и о другой гробнице, по ту сторону холма, над которой уже много лет работают лучшие художники его страны. О другом месте успокоения, куда сойдет и он, когда настанет его час. Ибо перед Смертью все равны, и цари, и рабы...

Видение исчезло. Но оно было так реально, что Смит подумал: уж не задремал ли он на ходу. Однако сейчас он не спал и ужасно озяб. А шакалов собралась уже целая стая — и неподалеку. Что за наглость! Один даже не побоялся просунуть морду в освещенный круг — тощий, жалкий — должно быть почуял остатки ужина. А может быть почуял его самого — человека. Да и не одни шакалы. В этих горах бродят подчас и разбойники, а он здесь один и безоружен. Не погасить ли фонарь? Это было бы благоразумнее, но Смигу не хотелось быть благоразумным. При свете все-таки не так одиноко.

Убедившись, что уснуть ему не удастся, Смит прибегнул к другому способу согреться — к работе. Схватив заступ, он принялся копать у самых дверей гробницы. Шакалы от удивления завывали еще пуще. К таким зрелищам они не привыкли. Сама луна, старая, как мир, могла бы подтвердить, что уже, по крайней мере, тысячу лет ни один человек, тем более в одиночестве, не осмеливался вторгнуться в гробницу в такой необычный час.

Прошло минут двадцать. Смит усердно копал. Неожиданно заступ его со звоном ударился о что-то, зарытое в песке. В безмолвии ночи звук разнесся особенно громко.

— Должно быть, камень. Надо выкопать, пригодится против шакалов, — подумал Смит, осторожно стряхивая с заступа песок. Да, камень был, но небольшой, таким не испугаешь зверя. Однако Смит все-таки поднял его и потер в руках, чтобы очистить от приставшей пыли. Приглядевшись, он увидел, что это не камень, а бронза.

— Осирис, — решил Смит, — его изображение, зарытое у входа в гробницу для охраны ее от злых сил. Нет, скорее, это Исида. И опять нет. Это головка статуэтки, и хорошая резьба, по крайней мере, так кажется при

лунном свете. По-видимому, даже золоченая бронза.

Он пошел за фонарем, навел свет его на найденный предмет — и вдруг вскрикнул от радостного изумления.

— Да ведь это та самая головка, что на маске! Ну да, та самая. Моя царица! Ей-Богу, она!

Он не мог ошибиться. Те же губы, немного даже слишком полные, те же ноздри, тонкие, трепетные, красиво изогнутые, но слишком раздутые, те же брови дугой и мечтательные, широко расставленные глаза. А главное, та же пленительная и загадочная улыбка. Работа дивная — прямо шедевр. И на этом шедевре был настоящий царский венец, покрывающий всю голову, а под ним царский головной убор, концы которого свешивались на грудь. Статуэтка благодаря позолоте ничуть не заржавела и отлично сохранилась, но от нее осталась только голова, отбитая, по-видимому, одним ударом, так как линия была очень чистая.

Смит сразу сообразил, что статуэтка была украдена вором, принявшим ее за золотую, но по выходе из гробницы вора взяло сомнение, и он разбил ее о камень. Остальное не трудно было угадать. Убедившись, что это не золото, а золоченая бронза, вор не стал тащить ее и бросил. Так, по крайней мере, объяснил себе это Смит (не во всем правильно, как будет видно из дальнейшего).

Первой мыслью Смита было разыскать туловище статуэтки. Он долго копал и шарил в песке, но безуспешно. Ни тогда, ни после остальных кусков он не нашел и подумал, что вор в сердцах, быть может, туловище оставил у себя, а голову бросил здесь. Смит еще раз внимательно осмотрел головку и на этот раз заметил внизу дощечку с тонко вырезанной надписью.

К этому времени Смит уже наловчился разбирать иероглифы и без труда прочел: *Ма-Ми. Великая государыня. Возлюбленная...* В этом месте дощечка была переломлена.

— Ма-Ми. Никогда не слышал о такой царице. Должно быть, история не знает ее. Интересно, чья же она была возлюбленная. Амона или Гора — наверное, какого-нибудь божества.

Он смотрел, не отрываясь, на дивное изображение, как некогда смотрел на гипсовую головку в музее, и головка, воскресшая из пыли веков, улыбалась ему со стены музея. Только та головка была слепком, а эта — портретом красавицы, похороненной в этой самой гробнице, лежавшим на груди умершей, погребенной с нею.

Смит принял неожиданное решение. Он сейчас же, и один, исследует эту гробницу. Было бы святотатством пустить сюда прежде себя кого-нибудь другого. Он сначала сам посмотрит, что скрывается там, внутри.

Почему бы и не войти? Лампа у него хорошая, масла в ней достаточно, хватит на несколько часов. Если внутри и был скверный воздух, он уже успел выйти через отверстие, расчищенное феллахами. Его как будто неотступно звало что-то — войти и посмотреть. Он сунул бронзовую головку к себе в жилетный карман, так что она пришлась как раз под сердце, просунул лампу сквозь отверстие и заглянул внутрь. По-видимому, влезть будет можно — песок лежит вровень с входным отверстием. Не без труда он влез и пополз... Ход был так узок, что он едва мог протиснуться между его дном и потолком. Продвигаться мешала грязь.

Магомет был прав, что могилу, высеченную в этой части скалы, непременно зальет водой. Ее и залило, очевидно, после какой-нибудь сильной грозы, и Смит уже боялся, что вода, смешавшись с песком и высохнув, образовала непроходимую преграду. По-видимому, строители рассчитывали на это — оттого-то они и оставили вход без всяких украшений, даже нарочно вырыли дыру под дверью, чтобы дать возможность грязи проникнуть внутрь. Однако они ошиблись в расчетах. Естественный уровень грязи не дошел до покрытия могилы, и хотя с трудом, но все-таки можно было пролезть в нее.

Преодолев ярдов сорок, или около того, Смит заметил, что он находится у подножия лестницы. Тогда ему стал ясен план постройки — сама могила находится выше входа.

Здесь стены были уже расписанные. Все рисунки изображали царицу Ма-Ми, в царском венце и в прозрачных одеждах, представляемую одному божеству за другим. Промежутки между фигурами царицы и божеств были заполнены иероглифами, такими же четкими, как в тот день, когда художник начертал их. С первого взгляда Смит убедился, что все это цитаты из «Книги мертвых». Когда вор, осквернивший гробницу, по всей вероятности, вскоре после погребения, вторгся в нее, застывшая грязь, по которой ступал теперь Смит, была еще свежа и мягка, ибо на ней сохранились следы осквернителя, а на стенах — отпечатки его пальцев, в одном месте даже четкий отпечаток всей ладони; видны были не только очертания руки, но и рисунок кожи.

Ряд ступеней вел к другому коридору, повыше первого, куда вода не дошла. С правой и с левой стороны коридора просматривались начатые, но недостроенные покои. Царица, очевидно, умерла молодой. Гробница, предназначенная для нее, не была даже закончена. Еще несколько шагов — и ход привел в квадратную залу, футов тридцати в длину. Потолок ее был расписан коршунами с распростертыми крыльями, у каждого в когтях висел Крест Жизни. На одной стене была изображена ее величество Ма-

Ми, стоящая в ожидании, пока Анубис взвешивал ее сердце, положив его на одну чашу весов, в то время как на другой лежала Истина, а Тот записывал на табличках приговор. Здесь были приведены все ее титулы: *Великая Наследница Царств, Сестра и Супруга Царей, Царственная Сестра, Царственная Жена, Царственная Мать, Повелительница двух стран, Пальмовая Ветвь Любви, Красота необычайная.*

Торопливо пробегая их глазами, Смит заметил, что имя фараона, супругой которого была Ма-Ми, нигде не упоминается, словно пропущено нарочно. На другой стене Ма-Ми, сопровождаемая своим Ка, приносила дары различным богам или же говорила умиловительные речи безобразным демонам подземного мира, называя их по именам и заставляя их сказать: «Проходи. Ты чиста».

Наконец на последней стене, торжествующая после всех преодоленных испытаний, Ма-Ми, оправданная Осирисом, вступала в чертоги богов.

Все это Смит бегло оглядел, освещая фонарем, который он то поднимал, то опускал. И не dokonчив осмотра, заметил нечто, сильно раздосадовавшее его. На полу следующей комнаты — где и находилась усыпальница, ибо первая была как бы преддверием — лежала кучка обуглившихся предметов. Он мгновенно понял все. Сделав свое дело, вор сжег саркофаги, а с ними и мумию царицы. В этом не было сомнений, так как среди пепла виднелись обуглившиеся человеческие кости, а крыша гробницы над ними была закопчена и даже полопалась от огня. Значит, искать тут нечего — все уничтожено.

В спертом воздухе гробницы трудно было дышать. Устав от бессонной ночи и долгой работы, Смит присел на выступ скалы, вернее, на скамеечку, высеченную в стене, по-видимому, для приношений усопшей, так как на ней еще валялись иссохшие цветы и, поставив фонарь между ногами, долго сидел, глядя на обуглившиеся кости. Да, вон лежит нижняя челюсть и на ней несколько сохранившихся зубов, мелких, белых, правильной формы. Несомненно, Ма-Ми умерла молодой. Смит повернул обратно — разочарование и святость места действовали ему на нервы — он не в силах был оставаться здесь дольше.

Он снова шел по украшенному живописью коридору, фонарь раскачивался у него в руке, голова была опущена на грудь. Ему не хотелось рассматривать стенную живопись, она могла подождать до утра, разочарование было слишком тяжело. Он спустился обратно по ступенькам и вдруг заметил торчавший из песка, наметенного на грязь, как будто угол красного ящика или корзиночки. Мигом он разгреб песок — да,

действительно, это была корзина — небольшая, в фут длиной, из тех, в которых древние египтяне приносили в гробницу фигурки, погребаемые вместе с усопшими — *ушебти*. По-видимому, корзину обронили, так как она лежала опрокинутая на бок. Смит открыл ее без особых надежд — вряд ли ее бы бросили, если б в ней заключалось что-нибудь ценное.

Первое, что попало ему на глаза, была рука мумии, сломанная в кисти, — маленькая женская рука очаровательнейшей формы. Она вся иссохла и побелела, как бумага, но очертания сохранились: длинные пальчики были тонки и изящны, а миндалевидные ногти покрашены красной краской, как это было в обычае у бальзамировщиков. На руке были два золотых кольца, из-за этих колец она и была украдена. Смит долго смотрел на нее, и сердце его часто билось, ибо это была рука женщины, о которой он мечтал уже несколько лет.

И не только смотрел, а поднес ее к губам и поцеловал. И в это мгновение ему почудилось, будто на него пахнул ветерок, холодный, но пропитанный ароматами. Затем, испугавшись мыслей, вызванных поцелуем, принялся рассматривать содержимое корзины.

Здесь было еще несколько предметов, наскоро завернутых в куски погребальных покровов, сорванных с тела царицы. Это были обычные украшения, знакомые всем знатокам Египта по музеям. Но из двух серег была только одна, дивной работы, сделанная в виде букета гранатовых цветов, а чудное ожерелье было разорвано пополам, причем одна половина исчезла.

Где же остальное? И почему это брошено здесь? Подумав, Смит решил для себя и этот вопрос. Очевидно, ограбив могилу, вор хотел сжечь саркофаг, надеясь таким образом скрыть следы своего преступления. Но, должно быть, дым нагнал его, и торопясь вылезти из опасной гробницы, которая могла стать и его могилой, он уронил корзину и уже не решился вернуться, чтобы поднять ее. Может быть, решил прийти за ней завтра, когда воздух будет чист от дыма. Но, как видно будет из дальнейшего, «завтра» для него так и не настало.

* * *

Звезды уже побледнели, когда Смит наконец выбрался на свежий воздух. Час спустя солнце стояло уже высоко. К этому времени явился

Магомет (уже оправившийся от своей внезапной болезни), а с ним феллахи.

— А я тут поработал, пока вы спали, — сказал Смит, показывая ему руку мумии (но не кольца, снятые с нее) и сломанную бронзовую статуэтку, причем опять-таки драгоценные украшения он снял и спрятал в карман.

За последующие десять дней они полностью расчистили подход к гробнице. И при этом в песке близ верхней ступени лестницы, ведущей к гробнице, нашли скелет мужчины, череп которого был пробит топором, а обритая кожа, все еще висевшая на черепной коробке, наводила на мысль, что похититель был жрецом.

По мнению Магомета (и Смит согласился с ним) этот-то жрец и был вором, осквернителем гробницы. По всей вероятности, стражи захватили его при выходе и казнили без суда, а награбленное поделили между собой. А может быть, его убили его же сообщники.

Больше ничего в могиле не нашли, даже головы мумии или священного скарабея. Остаток своего отпуска Смит провел за фотографированием рисунков на стенах гробницы и за списыванием надписей, по различным причинам чрезвычайно его заинтересовавших. Затем, благоговейно похоронив обуглившиеся кости царицы в потайном уголке пещеры, поручил ее попечению заведующего местным отделом древностей, расплатился с Магометом и феллахами и уехал в Каир. Драгоценности он увез с собой, никому о них не заикнувшись, и увез реликвию, еще более для него ценную, — иссохшую ручку ее величества Ма-Ми, Пальмовой Ветви Любви.

А затем следует странное продолжение истории Смита и царицы Ма-Ми.

Часть вторая

Смит сидел в святилище Каирского музея — в кабинете заведующего отделом древностей. Это была очень интересная комната. Книги всюду: на полках, в шкафах, навалены грудями на полу. И всюду же ожидающие исследования и внесения в каталог предметы, вынутые из могил: горшок с серебряными монетами, найденный в Александрии и пролежавший в земле более двух тысяч лет, недавно найденная мумия царственного младенца, с надписью, нацарапанной на пеленках, а под одной из розовых завязок — высохший цветок лотоса, последний дар материнской любви.

— И зачем только они вырыли бедного малютку? — подумал Смит. —
Оставили бы его лежать там, где он лежал.

У Смита сердце было нежное, но как раз в этот момент он уколол
сунутую в карман руку о камень ожерелья — и вспыхнул — совесть у него

тоже была чувствительная.

В эту минуту вошел заведующий, бодрый, живой, всегда чем-нибудь увлеченный.

— А, милейший мистер Смит! Я рад снова вас видеть, тем более, что вы, кажется, поработали не без успеха. Как, вы говорите, звали ту царицу, могилу которой вы нашли? Ма-Ми? Никогда не слышал такого имени. Если бы я не знал вас как добросовестного ученого, я бы подумал, что вы не так прочли или же сами выдумали это имя. Ма-Ми. По-французски это было бы красиво — *ma-mie* — душечка. Уж, наверное, когда-нибудь кто-нибудь так и называл ее. Ну, рассказывайте, хвастайтесь.

Смит вкратце рассказал ему о своей находке, показал фотографические снимки и копии с надписей.

— Интересно, очень интересно! — повторял заведующий. — Оставьте их мне на несколько деньков — надо будет присмотреться к ним поближе. Вы, разумеется, опубликуете их? Это будет стоить не дешево, так как с рисунков и надписей, само собой, надо делать факсимиле, но, наверное, найдется какое-нибудь ученое общество, которое поможет вам деньгами. Взгляните на эту виньетку. Необычайно красиво. Какая жалость, что этот подлый жрец сжег тело мумии и украл драгоценности.

— Он унес с собой не все.

— Как?! Что такое? Наш инспектор говорил мне, мистер Смит, что вы ничего особенного не нашли!

— Он не знал, что я нашел. Я не показывал ему.

— Вот вы какой скрытный! Ну, посмотрим.

Смит не спеша расстегнул жилет. И из внутренних карманов начал выгружать драгоценности, завернутые в погребальные покровы. Прежде всего — набалдашник скипетра, золотой, в виде цветка граната, с вырезанными на нем именем и титулами Ма-Ми.

— Какая прелесть! — воскликнул заведующий. — Посмотрите, ручка была из слоновой кости, и этот мерзавец раздавил ее. Значит, кость не успела высохнуть как следует. Очевидно, ограбление было совершено вскоре после похорон. Вот, посмотрите сами в лупу... Это все?

Смит подал ему половину дивного ожерелья, разорванного пополам.

— Я нанизал его на другую нитку, но каждое зерно на своем месте, — пояснил он.

— Боже мой! Какой восторг! Обратите внимание на чистоту резьбы в этих головках богини Хатхор. А цветы лотоса — эмалированные мушки! Ничего подобного у нас в музее нет.

Смит продолжал выгружать свои карманы.

— Это все? — каждый раз спрашивал заведующий.

— Все, — наконец ответил Смит. — То есть нет. Я нашел еще сломанную статуэтку в песке, снаружи гробницы. Это портрет царицы, и я надеялся, что вы позволите мне оставить ее у себя.

— Ну разумеется, мистер Смит. Она по праву ваша. Мы не такие уж грабители. А все-таки, не покажете ли вы мне ее?

Еще из одного кармана Смит вытащил головку. Заведующий посмотрел на нее и с чувством проговорил:

— Я только что сказал, что вы скромны, мистер Смит, я все время восхищался вашей честностью. Но теперь должен прибавить еще, что вы очень благоразумны. Если бы вы не взяли с меня обещания, что эта бронза останется у вас, она, конечно, не вернулась бы в ваш карман. Да и теперь, в интересах публики, не вернете ли вы мне моего обещания?

— О нет! — невольно вырвалось у Смита.

— Вам, быть может, не известно, что это подлинник найденного Мариэттом портрета неведомой царицы, личность которой мы, таким образом, можем установить. Жалко разлучать их — я бы предпочел отдать вам копию...

— Я знаю. Я сам вышлю вам копию, вместе с фотографиями. И обещаю, кроме того, после моей смерти оставить оригинал музею по завещанию.

Заведующий осторожно держал в руках головку и, поднеся ее к свету, прочитал надпись:

— Ма-Ми. Великая Царица. Возлюбленная... Чья же возлюбленная? Сейчас, во всяком случае, Смита. Возьмите ее, сударь, и спрячьте поскорее — не то, чего доброго, к нашей коллекции прибавится еще одна мумия, современного происхождения... И ради Бога, когда будете писать завещание, оставьте ее не Британскому музею, а нашему, Каирскому, так как это ведь египетская царица... Кстати, мне говорили, что у вас слабые легкие. Как ваше здоровье? У нас тут, в эту пору года, дуют холодные ветры. Здоровье хорошее? Вот это чудесно. Ну, надеюсь, вам больше нечего показать мне?

— Ничего, кроме руки мумии, найденной мною в той же корзине, что и драгоценности. Два кольца, снятые с нее, — вот они. По всей вероятности, руку оторвали, когда добирались вот до этого браслета. Я думаю, вы ничего не будете иметь против того, чтобы я оставил у себя и эту руку?

— Руку «возлюбленной Смита»? Нет, конечно, — хотя я лично предпочел бы возлюбленную помоложе. Но все-таки, может быть, вы

дадите мне взглянуть? Вот почему у вас так оттопырился карман. А я думал — там книги.

Смит вынул портсигар. В нем была рука, завернутая в вату.

— Хорошенькая ручка, холеная. Без сомнения, Ма-Ми действительно была наследницей престола, а фараон, супруг ее — полукровкой, сыном одной из наложниц... Оттого-то ее и называют «Царственной сестрой»... Странно, что имя этого фараона ни разу не упоминается в надписях. Должно быть, они не очень-то ладили между собой... Вы говорите вот про эти кольца?

Он надел оба кольца на мертвые пальчики, потом снял одно, с королевской печатью, и прочел надпись на другом:

— *Бэс-Анк. Анк-Бэс.* Бэс живущий. Живущий Бэс... А ваша Ма-Ми была не чужда тщеславия. Вы знаете, Бэс — это был бог красоты и женских украшений. Она носила это кольцо, чтобы всегда оставаться красивой, чтобы ее платья всегда были ей к лицу и румяна не расплывались от жары, когда она пляшет перед богами. По-моему, даже жаль лишать Ма-Ми ее любимого кольца. С нас довольно и одного, с печатью.

С легким поклоном он возвратил руку Смигу, оставив на ней колечко, которое она носила более трех тысяч лет. По крайней мере, Смит был так уверен, что на руке кольцо Бэса, что даже не взглянул на него, чтобы проверить.

Затем он простился, обещая зайти на другой день, но по причинам, которые мы узнаем впоследствии, не исполнил своего обещания.

— Хитрый какой! — думал заведующий после ухода Смита. — Как торопится! Боится, как бы я не передумал. Выпросил-таки себе бронзовую головку. А ведь она стоит по крайней мере тысячу фунтов. Но не думаю, чтобы его интересовали деньги. По-моему, он влюбился в эту Ма-Ми и хочет иметь ее портрет. Чудаки эти англичане... А все-таки честный. Другой бы оставил у себя и драгоценности. Откуда бы я мог узнать? А что за прелесть! Вот находка. Да здравствует чудак Смит!

Он собрал драгоценности, найденные Смитом, сложил их в несгораемый шкаф, запер его на двойной замок и, так как было уже около пяти часов, уехал к себе на дачу, чтобы на досуге разглядеть фотографии копии, полученные от Смита, и, кстати, похвастаться перед друзьями редкой находкой.

Выйдя из кабинета заведующего, Смит вручил почтенному стражу *бакшиш* в пять пиастров, повернул направо и остановился поглядеть на рабочих, тащивших огромный саркофаг по импровизированным рельсам, под звуки однообразной ритмичной песни, каждая строфа которой заканчивалась призывом к Аллаху.

Смит смотрел, слушал и думал о том, что точно так же предки этих феллахов, с такими же песнями, тащили этот самый саркофаг из каменоломни к берегу Нила, а от берега Нила к гробнице, из которой его теперь извлекли. Только божество они тогда призывали другое — не Аллаха, а Амона. Восток меняет своих властителей и богов, но обычаи остаются.

Так думал Смит, быстро шагая между саркофагами и темнокожими феллахами в синих блузах, по длинной галерее, заставленной всевозможными скульптурами. На минуту он остановился перед дивной белой статуей царицы Аменаргас, потом, вспомнив, что до закрытия музея времени уже не много, поспешил в хорошо знакомую ему комнату, одну из выходящих в галерею.

Здесь, в уголке, на полке, рядом с другими стояла и дивная головка, найденная Мариэттом, гипсовый слепок с которой так пленил его в Лондоне. Теперь он знал, чья это головка, в его кармане лежала рука ее обладательницы — той самой, что, может быть, гладила этот мрамор, указывая скульптору на недоделки, или наоборот, клялась, что он слишком польстил ей. Смит спрашивал себя, кто был счастливее-скульптор и его ли работы также эта бронзовая статуэтка? Ему хотелось бы знать это наверняка.

Смит остановился и, как вор, украдкой огляделся вокруг. Он был один. Здесь, в этой комнате — ни одного студента, ни одного туриста, и сторож куда-то отлучился. Он вынул ящичек с рукой мумии и снял с руки кольцо, оставленное ему в подарок заведующим. Он предпочел бы другое, с печатью, но неловко было сказать об этом, особенно после того, как заведующий неохотно оставил у него головку.

Руку Смит положил обратно в карман, а кольцо, не взглянув на него, надел себе на мизинец — оно пришлось впору. (Ма-Ми носила его на третьем пальце левой руки.) Почему-то захотелось подойти к портрету Ма-Ми с ее кольцом на пальце.

Мраморная головка была на обычном месте. Уже несколько недель он не видел ее, и сейчас она показалась ему еще прекраснее, чем прежде, и улыбка еще загадочнее. Он вынул головку бронзовой статуэтки и начал

детально сравнивать их между собой. О! Несомненно, это одна и та же женщина, хотя статуэтка, может быть, сделана года на три позже; ему казалось, что здесь лицо несколько старше и одухотвореннее. Недуг, а может и предчувствие раннего конца омрачили прекрасное лицо царицы. Он начал измерять пропорции и так увлекся, что не услышал звонка, предупреждающего о закрытии музея. Так как он сидел в углу, за большими статуями, сторож, заглянувший в эту комнату убедиться, что она пуста, не заметил его и ушел, торопясь домой на праздник. Ибо на завтра была пятница, священный день у мусульман, и музей закрывался до субботы. Хлопнула входная дверь, щелкнул тяжелый запор — и, кроме сторожа снаружи, никого не осталось даже вблизи музея, где сидел в своем уголке замечтавшийся и одинокий Смит.

Только когда стемнело так, что уже трудно было различать детали, он взглянул на часы и сказал себе, что пора уходить.

Как странно пусто было в залах! Не слышно ни шагов, ни человеческого голоса. Часы его показывали шесть без десяти минут. Но это же невозможно — музей закрывают в пять — должно быть, его часы испортились.

Смит вышел в галерею, оглянулся вправо, влево — ни души. Побежал в одну залу, в другую — нигде никого. Пospешил к главному выходу. Двери заперты.

— Нет, часы мои, должно быть, идут верно. Это я не слышал звонка. Но есть же тут хоть кто-нибудь. Наверное, еще открыта комната, где продают слепки и открытки.

Он пошел туда, но и там дверь была заперта. На его стук единственным откликом было эхо.

— Ну, ничего, — утешал он себя. — Заведующий, наверно, еще в своем кабинете. Рассмотреть, как следует, все эти драгоценности и надписи — на это уйдет много времени.

Он пошел искать кабинет заведующего, дважды заблудился, наконец нашел дорогу, ориентируясь по саркофагу, который давеча тащили арабы. Он теперь одиноко высился среди сгущающихся теней. Дверь кабинета заведующего также была заперта, и на его стук откликнулось лишь эхо. Он обошел весь нижний этаж и по большой лестнице поднялся на верхний.

Добравшись до залы, где хранились мумии фараонов, он, усталый, присел отдохнуть. Напротив него, посредине залы, в большом стеклянном ящике покоился Рамсес II. По соседству с ним, в ящике поменьше — сын его Менепта, и повыше — внук Сети II. И дальше — еще и еще фараоны. Смит смотрел на Рамсеса II, на его седые кудри, пожелтевшие от

бальзамирования, на поднятую левую руку и вспоминал рассказ заведующего о том, как, развернув мумию этого великого монарха, все ушли завтракать, оставив при ней только одного человека на страже. И во время завтрака человек этот вбежал к ним с вздыбившимися от испуга волосами, крича, что мертвый фараон поднял руку и указал на него.

Все бросили есть и побежали туда — действительно, рука была поднята, и им не удалось положить ее на место. Объяснили это тем, что от солнечных лучей ссохшиеся мышцы сократились — объяснение правдоподобное и вполне естественное.

Но Смит все же было неприятно, что этот рассказ вспомнился ему так некстати — тем более, что и ему казалось, будто рука шевелится, в то время как он смотрел на нее. Чуть-чуть, но все-таки шевелится.

Он повернулся к Менепте, впалые глаза мумии смотрели на него пристально из-под покровов, небрежно наброшенных на пергаментное, пепельного цвета лицо. Это самое лицо грозно хмурилось, взирая на Моисея. Это самое сердце было ожесточено Богом. Еще бы ему не быть жестким — врачи решили, что Менепта умер от склероза артерий, сердечные сосуды были полны извести.

Смит влез на стул, чтобы посмотреть на Сети II. У этого лицо было не такое суровое и очень спокойное, но на нем как будто застыло выражение укоризны. Слезая на пол, Смит опрокинул тяжелый стул. Тот упал со страшным шумом — даже странно, что падение простого стула вызвало столько шума. Наглядевшись на мертвых фараонов — теперь они показались ему какими-то иными, более реальными и жизненными — Смит снова пошел искать живого человека.

Всюду, и справа, и слева от него были мумии, всех стилей, всех периодов, и ему в конце концов до смерти наскучило смотреть на них. Он заглянул в комнату, где хранились останки Иуйи и Туйи — отца и матери великой царицы Тэйе, таких величавых и внушительных в своих царственных одеждах; бегло оглядел ряды саркофагов царей-жрецов двадцатой династии — сколько их тут, этих царей-жрецов! — и отвернулся от золотых масок цариц из рода Птолемеев, так неприятно блестевших в надвигающихся сумерках.

Нет, достаточно с него этих мумий! Лучше перейти на нижний этаж. Статуи все же лучше набальзамированных покойников, хотя, по египетскому поверью, и возле статуи всегда бродит Ка. Смит спустился по широкой лестнице. Что это? Показалось ему или действительно что-то прошмыгнуло вниз? Как будто животное, и за ним быстро скользнувшая тень неопределенной формы. Может быть, это просто кошка, живущая в

музее, гонится за музейной мышью. Но что же это за тень такая, странная и неприятная?

Он позвал «кис-кис» — он обрадовался бы в эту минуту всякому живому существу — но не получил в ответ обычного «мяу». Может быть, это был лишь двойник кошки, а тень... А-а! Да что за вздор ему приходит в голову! Египтяне боготворили кошек, и мумий кошек здесь сколько угодно. Но тень... Нет, тень необъяснима.

Раз он крикнул, чтобы привлечь внимание — но уже не повторял этого опыта, ибо в ответ ему откликнулись тысячи голосов из всех углов гигантского здания музея.

Что ж поделаешь, приходится мириться с тем, чему нельзя помочь. Очевидно, до завтра ему не выйти отсюда. Вопрос в том, в какой части здания лучше провести ночь. И надо поскорее решить этот вопрос, так как ночь надвигается быстро. Он с любовью подумал об уборной, где еще сегодня, перед тем, как идти к заведующему, мыл руки с помощью любезного а раба-служителя, который милостиво принял от него пиастр в награду за услугу. Но — увы! — и дверь уборной оказалась запертой. Он направился к главному выходу.

Здесь, один напротив другого, стояли два больших красных саркофага — великой царицы Хатшепсут и ее царственного брата и супруга Тутмоса II. Смит смотрел на них. Почему бы ему не приютиться на ночь в одном из них? Они были глубокие и уютные, и человеку в них отлично можно улечься... С минуту Смит соображал, не обидятся ли покойные монархи за такое вольное обращение с их гробами, и решил, что безопаснее будет положиться на милость царицы.

Он уже занес ногу в гроб и пытался втиснуть свое тело под массивную крышку, поднятую на огромных деревянных блоках, как вдруг ему вспомнилось маленькое, голое, иссохшее существо с длинными волосами, виденное им в боковой комнате гробницы Аменхотепа II в Долине царей в Фивах. Эта карикатура на человека и была мумией могущественной Хатшепсут, ограбленной разбойниками и лишенной своих царственных одежд.

А вдруг, когда он будет лежать в ее саркофаге и спать сном праведника, это маленькое существо заглянет под крышку и спросит: что он здесь делает? Конечно, это была нелепая мысль, и она могла прийти в голову только потому, что он устал и разнервничался. Но все же факт оставался фактом: в том самом саркофаге, куда он собирался лечь, в течении нескольких столетий покоился прах царицы Хатшепсут.

Он вылез из саркофага и в отчаянии огляделся вокруг. Против главного

входа располагалась большая центральная зала музея. Там завалилась крыша и производился ремонт, такой серьезный, что, по словам заведующего, должен был занять несколько лет. Поэтому вход в залу был загорожен, за исключением небольшой деревянной дверки, в которую проходили рабочие. Там осталось лишь несколько статуй, слишком громоздких, чтобы выносить их, например, статуя Сети II, Аменхотепа III и его царицы Тэйе. Может, там переночевать?... Пренеприятное место для ночевки, но все же, рассудил Смит, лучше, чем проспать ночь в чужом гробу. Если, например, пролезть сквозь щели досок, которыми обиты огромные погребальные ладьи, в одной из них можно отлично выспаться.

Приподняв занавес, Смит проскользнул в залу, где было уже почти совсем темно. Лишь смутно виднелись узенькие окна наверху и очертания колоссальных мраморных фигур вдали. Ближе к входу стояли две погребальных ладьи, еще раньше замеченные им. Как он и надеялся, в их дощатой обшивке были большие щели. Он без особого труда пролез внутрь и улегся в одной из лодок.

И так как был очень утомлен, то, должно быть, скоро уснул. Сколько времени проспал, этого он сказать не мог. Во всяком случае, если и спал, то проснулся. В котором часу — он не знал, так как вокруг было темно и посмотреть на часы было нельзя. Правда, в кармане у него лежали спички, и он мог бы даже закурить трубку. Но, к чести Смита будет сказано, он вспомнил, что один в Музее, где собрано множество ценностей, и должен остерегаться, как бы не устроить пожара, а дерево ладьи за шесть тысяч лет, разумеется, высохло так, что, только коснись его, сгорит мгновенно. И удержался от желания чиркнуть спичкой.

Ему совсем не хотелось спать. Никогда в жизни он не чувствовал себя бодрее. Нервы его были натянуты как струны, все чувства обострились настолько, что он даже слышал запах мумий, доносившийся из верхних зал, и запах земли от лодки, тысячи лет лежавшей на песке у подножия пирамиды одного из фараонов пятой династии.

Кроме того, он слышал множество странных звуков, слабых и таких отдаленных, что вначале думал, не доносятся ли сюда уличные шумы. Но вскоре убедился, что звуки — местного происхождения. Без сомнения, это трещат цемент и ящики — ведь дерево всегда имеет неприятную привычку трещать ночью.

Но почему же обычные, естественные шумы так странно действуют на него? Положительно, ему кажется, что вокруг ходят и разговаривают. Больше того, кажется, что наверху, над ним, на палубе ладьи раздаются шаги и голоса матросов, некогда составлявших ее экипаж. Вот как будто

тащат что-то тяжелое по палубе, а вот — Смит готов был поклясться, что он слышит удары весел.

Он уже начал подумывать о бегстве из этой жуткой залы, когда произошло нечто, вынудившее его остаться.

Огромная зала вдруг осветилась, но не лучами рассвета, как он было надеялся вначале. Свет был бледный, призрачный, однако же всюду проникавший. И с голубоватым оттенком, какого он никогда не видал. Прежде всего осветились дальний угол залы, ступени и два царственных колосса, восседавших наверху лестницы.

Но кто же это там стоит между ними, распространяя вокруг себя свет? Да это Осирис, сам Осирис! Или его изображение? Бог Смерти, египетский спаситель мира...

Вот он, в покровах мумии, в венце из перьев. В руках его, продетых сквозь покровы, посох и бич, эмблемы власти. Живой он или мертвый — Смит не мог сказать, так как фигура не шевельнулась, а лишь стояла, величавая и страшная, со спокойным благодетельным лицом, глядя в пустоту.

Смит заметил, что темное пространство между ним и освещенной фигурой постепенно заполняется. Голубоватый свет постепенно распространялся — выбрасывая вперед длинные языки, потом соединявшиеся — и озарял залу.

Теперь он видел ясно. Перед Осирисом стояли, выстроившись рядами, цари и царицы Египта. Словно по данному им знаку, все они преклонились перед Осирисом и — прежде чем стих звук бряцания их одежд — Осирис исчез. Но на месте его уже стояла другая фигура — Исида, Матерь Тайны, с глубокими глазами, загадочно глядевшими из-под усыпанного драгоценными камнями убора в виде головы коршуна. Снова склонились цари и царицы — и богиня исчезла. И на месте ее появилась третья фигура — прелестная, лучистая Хатхор, Богиня Любви, с Символом жизни в руках и сияющим диском на голове. Снова все преклонились перед нею, и снова она исчезла; но на месте ее уже никого больше не появилось.

Фараоны и царицы теперь двигались и разговаривали между собой, голоса их доносились до Смита тихим, сладостным шумом.

От удивления Смит забыл всякий страх. Из своего тайника, сам невидимый, он усердно наблюдал за ними. Некоторых он знал в лицо, как например, длинношеего Эхнатона, о чем-то сердито спорившего с Рамсесом II. К изумлению своему, Смит понимал их речь, хотя и не знал языка древних египтян. Эхнатон жаловался высоким тоненьким фальцетом на то, что в эту единственную ночь в году, когда им разрешено встречаться здесь, в числе богов — или волшебных образов богов, предстающих пред

ними для поклонения — не было его бога Атона, бога солнечного диска.

— Я слышал об этом боге от жрецов, — говорил Рамсес II, — но после восшествия вашего величества на небо он просуществовал не долго. Уже в мое время трудно было найти его изображение. Ваше имя неудачно выбрано. Потомки звали вас «еретиком» и истребляли ваши идолы. О, не обижайтесь. Многих из нас называли еретиками. Взять хотя бы моего сына, Сети II, — он указал на человека с кротким задумчивым лицом, — меня уверяли, будто втайне он поклонялся богу евреев — тех самых рабов, которых я заставлял строить мои города. Взгляните на эту женщину рядом с ним. Красива, не правда ли? Какие огромные фиолетовые глаза! Говорят, это все из-за нее — она сама была еврейка.

— Я поговорю с ним. У нас, наверное, найдется кое-что общее. А теперь позвольте объяснить вашему величеству...

— Нет, пожалуйста, не теперь. Разрешите познакомить вас с моей женой.

— С вашей женой? С которой? У вас их было много, и ваше величество оставили после себя многочисленное потомство, их здесь несколько сотен. А я... Вот моя супруга, Нефертити. Позвольте вам представить, это единственная моя жена.

— Да, я слышал. Ваше величество, по-видимому, были слабого здоровья. Разумеется, при таких обстоятельствах... О, пожалуйста, не обижайтесь. Нефертари, любовь моя, — ах, простите, Астнеферт — Нефертари ушла побеседовать... со своими детьми — позволь тебя представить твоей предшественнице, царице Нефертити. Она очень интересуется многоженством. Объясни ей, что для женщины это вовсе не так плохо. Ну, до свидания. Мне еще надо побеседовать со своим дедом, Рамсесом I. Когда я был маленьким мальчиком, он был очень добр ко мне.

В это мгновение Смит утратил всякий интерес к странному разговору, так как неожиданно увидел царицу своих грез — Ма-Ми. О, несомненно, это была она, только в десять раз прекраснее, чем на портрете. Высокая и сравнительно белокожая, с мечтательными темными глазами, с загадочной улыбкой, которую он так любил. На ней были простое белое платье и вышитый пурпуром передник, венец из золотых змей с бирюзовыми глазами, на груди и на руках ожерелья и браслеты — те самые, которые он вынул из ее гробницы. Она, по-видимому, была не в духе или, вернее, задумчива; стояла поодаль от других, опершись на балюстраду, и без особенного интереса прислушивалась к разговорам.

Неожиданно к ней приблизился один из фараонов, чернобородый сильный мужчина с толстыми губами.

— Приветствую ваше величество. Она вздрогнула и ответила:

— Ах! Это вы? Приветствую ваше величество. — И присела перед ним довольно смиренно, но не без оттенка насмешки.

— Вы не очень-то торопитесь найти меня, Ма-Ми. Принимая во внимание, что мы так редко видимся...

— Я заметила, что ваше величество заняты беседой с моими сестрами-царицами и с другими особами на галерее, которые, насколько мне известно, не царицы — если только вы не взяли их в жены после моей смерти...

— Надо же поздороваться с родными.

— Разумеется. Но у меня здесь нет родных, по крайней мере, близко мне знакомых. Мои родители, если припомните, рано умерли, оставив меня наследницей, и до сих пор гневаятся на меня за то, что я, послушавшись своих советчиков, вышла за вас замуж... Какая досада. Я потеряла одно из своих колец, то, на котором было изображение бога Бэса. Должно быть, оно сейчас в руках у какого-нибудь земного жителя — оттого я не могу получить его обратно.

— Гм. Почему же непременно у жителя, а не у жительницы? Однако тише: суд сейчас начнется.

— Суд? Какой суд?

— Если не ошибаюсь, суд над осквернителями могил.

— Вот как! Кому же будет польза от этого суда? Скажите мне, пожалуйста, кто это. — Ма-Ми указала на женщину, выступившую вперед, роскошно одетую и красоты необычайной.

— Это? Гречанка Клеопатра, последняя из владычиц Египта. Она из рода Птолемеев. Ее всегда можно узнать по римлянину, который ходит за ней следом.

— Какой? Их так много. Так это она — та женщина, которая втоптала в грязь могущество Египта и предала его? О, если бы не закон, повелевающий нам жить в мире, когда мы встретимся...

— Ты бы разорвала ее в клочья, Ма-Ми? Да, только благодаря этому закону все мы встречаемся мирно. Я еще ни разу не слышал, чтобы кто-нибудь из нас отзывался хорошо о своих предшественниках и последователях.

Клеопатра подняла руку и некоторое время стояла так. Поистине, она была прекрасна, и Смит, стоя на коленях и цепляясь руками за обшивку лодки, благодарил свою звезду за то, что ему одному из смертных дано узреть воочию эту красавицу, изменившую судьбу мира и, во всяком случае, сумевшую умереть достойно.

Молчание воцарилось в зале, и Клеопатра начала звонким и нежным голосом, проникающим в самые дальние уголки залы:

— Цари и царицы Египта. Я, Клеопатра, седьмая, носившая это имя и последняя монархиня, правившая Верхним и Нижним Египтом, прежде чем он стал страной рабов, желаю сказать нечто вашим величествам, которые все в свое время с честью занимали трон, некогда бывший и моим. Я не стану говорить ни о Египте и его судьбе, ни о наших грехах — мои не меньшие из всех — погубивших его. Эти грехи все мы искупаем и наслышались о них достаточно. Но в эту единственную ночь в году, в праздник того, кого мы зовем Осирисом, но кого другие народы знали и знают под иными именами, нам дано на единственный час снова стать смертными и, хотя мы лишь тени, снова воскресить в себе любовь и ненависть, владевшие нами, когда мы были облечены в плоть и кровь. Здесь на единственный час воскреснет бывшее наше величие; снова нас украшают любимые наши драгоценности; мы как прежде надеемся, как прежде боимся своих врагов, преклоняемся перед нашими богами, слышим нежные речи наших возлюбленных. Больше того, нам дана радость — видеть себя и других такими, какие мы есть, узнать все, что знают боги, и потому прощать, даже тех, кого мы презирали и ненавидели в жизни. Я кончила, я, младшая из властительниц древнего Египта, и призываю первого из наших царей сменить меня.

Она поклонилась, и слушатели поклонились ей. Затем сошла со ступенек и затерялась в толпе. Место ее занял старик, просто одетый, с длинной бородой и мудрым лицом, без венца, но лишь с простой повязкой на седых волосах, посреди которой возвышался ободок со змеиной головой — урей, знак царского достоинства.

— Я Менес, — сказал он, — первый фараон Египта, первый, объединивший Верхний и Нижний Египет и принявший царское звание и титулы. Я правил как умел, и теперь, в эту торжественную ночь, когда нам снова дано увидеть друг друга лицом к лицу, я предлагаю вам: прежде всего секретно и во мраке побеседовать о тайне богов и значении ее. Затем, также во мраке и секретно, обсудить тайну наших жизней: откуда они взялись и к чему пришли... И, наконец, при свете и открыто, как мы это делали, когда были людьми, обсудить все прочие наши дела. А затем — в Фивы: отпраздновать наш ежегодный праздник. Согласны вы?

— Согласны! — был ответ.

Зала вдруг окуталась мраком и безмолвием, тяжким и жутким. Сколько времени Смит пребывал в этом безмолвии и мраке — минуты или годы — он не смог бы сказать.

Наконец снова сверкнула искорка, затем снопы лучей, и зала осветилась. Менес по-прежнему стоял на ступеньках, а перед ним толпою — фараоны.

— Мистерии окончены, — молвил старый фараон. — Теперь, если кто имеет что сказать, пусть говорит открыто.

Вперед выступил молодой человек в одеждах царей одной из первых династий и остановился на ступеньках, между царем Менесом и всеми, царствовавшими после него. Лицо его показалось Смицу знакомым, как и локон, ниспадавший на щеку, — знак его юности. Где он видел это лицо? Ага, вспомнил: всего несколько часов тому назад, в одном из саркофагов.

— Ваши величества! — начал юноша. — Я — царь Метесуфиз. Я хочу поставить на обсуждение вопрос об осквернении наших могил людьми, ныне живущими на земле. Смертные тела многих, собравшихся здесь, выставлены в этом самом здании на потеху любопытным. Я сам один из них — без нижней челюсти, весь изломанный и изуродованный, отвратительный. День за днем мой Ка вынужден созерцать зрелище моего унижения, мою оскверненную плоть, вытащенную из пирамиды, которую я с великим трудом и затратами годами воздвигал для того, чтобы она была местом моего успокоения — до того часа, когда все мертвые восстанут из могил. И сколько нас, таких оскверненных, здесь и в других местах! Так мой предшественник, Менкаура, построивший третью из великих Пирамид, спит или, вернее, бодрствует в темном городе, который зовется Лондоном, далеко за морем, в городе, всегда окутанном туманом и не видящем солнца. Иные сожжены, иные рассыпались в прах. Наши украшения украдены и проданы алчным ювелирам, наши священные письма и наши символы стали игрушками. Скоро в Египте не останется ни одной неоскверненной могилы.

— Это верно, — подтвердил чей-то голос. — Всего четыре месяца назад была раскрыта глубокая-глубокая могила, вырытая мною для себя в тени пирамиды Хефрена, где я покоился двумя пригоршнями белых костей — ибо в то время, как я скончался, еще не было обычая сохранять тела при помощи пеленания и благовонных трав. А теперь эти мои кости, вместе с

моим двойником, сопровождавшим их в течении пяти тысяч лет, везут на темном дне большого корабля по морю, усеянному льдами.

— Это верно! — подхватили сотни голосов.

Юный фараон повернулся к Менесу. — Я обращаюсь к вашему величеству с вопросом: не можем ли мы отомстить тем, кто так жестоко обижает нас?

— Пусть имеющий мудрость скажет, — молвил фараон.

Человек средних лет, приземистый и с вдумчивым лицом, с жезлом в руке и головным убором из перьев, показывающими, что он наследник трона и верховный жрец Амона, взошел на ступени. Смит сразу узнал его. Это был Кхемуас, сын Рамсеса Великого, могущественный волшебник, кто добровольно, при помощи волшебства, вознесся с земли, прежде чем настало время ему взойти на трон.

— Я имею мудрость и хочу ответить: близится время, когда в стране Смерти, которая есть Жизнь, в стране, которую мы зовем Аментет, нам дано будет принести все наши жалобы и обиды Тем, Которые судят. О, тогда все мы будем отомщены. В эту ночь, когда нам дано принять свой прежний образ, мы также имеем власть отомстить или, вернее, творить правый суд. Но время наше кратко, а нам многое предстоит сказать и сделать, прежде чем встанет Ра и мы разойдемся по своим местам. А потому, не лучше ли оставить грешников погрязать в грехах их до того часа, когда мы встретимся с ними лицом к лицу в день суда?

Смит, с величайшим вниманием и понятным волнением слушавший каждое слово Кхемуаса, вздохнул свободнее, возблагодарив небо за то, что у воскресших фараонов в эту ночь так много дел. Однако, из предосторожности, вынул из кармана ящичек, в котором хранилась высохшая рука Ма-Ми, и отодвинул его от себя как можно дальше. Это было чрезвычайно неблагоразумно с его стороны. Стукнул ли ящичек о стенку тайника или же само прикосновение к этой реликвии вовлекло его в психическое соприкосновение с духами — как бы то ни было, он заметил, что взор грозного волшебника устремился на него и что ему не скрыться от этого всепроникающего взора, как не скрыться кости в нашем теле от рентгеновских лучей.

— Однако, — холодно продолжал Кхемуас, — я заметил, что в этой зале прячется и подслушивает нас один из гнуснейших воров и осквернителей могил. Я вижу, как он сидит под одной из погребальных лодок и возле него — рука одной из наших цариц, похищенная им из ее гробницы в Фивах.

Все царицы взволновались (Смит видел, как Ма-Ми подняла вверх обе

руки), а фараоны, указывая на него пальцами, воскликнули грозно:

— Пусть предстанет на суд!

Кхемуас поднял руку и, указывая на ладью, в которой спрятался Смит, молвил:

— Приблизься, негодный, и принеси с собой украденное!

Смит всегда был робок и застенчив. В детстве он не знал страшнее сна, чем когда его тащат в суд и судят за какое-то неведомое преступление. А тут его будут судить все цари и царицы древнего Египта, с Менесом в роли главного Судьи и волшебником Кхемуасом в роли прокурора. Не мудрено, что он был бы рад провалиться сквозь землю. Он прилагал все усилия, чтобы усидеть на месте. Но, увы! Неведомая сила сперва заставила его протянуть руку и поднять портсигар, затем выбраться из укромного убежища и погнала к ступенькам, на которых стоял Менес.

Привидения расступились, чтобы пропустить его, глядя на него враждебными и изумленными глазами. Все они были очень величественны; тысячелетия, пронесшиеся над их головами, нисколько не умалили их величия! Ни в чьем взоре он не прочел участия, кроме взгляда маленькой принцессы, державшейся за руку матери. Когда Смит проходил мимо нее, она шепнула:

— Негодный боится. Мужайся, негодный!

Смит понял, и гордость пришла к нему на помощь. Неужели же он, человек двадцатого века и джентльмен, спасует перед этими призраками древнего Египта? Повернувшись к девочке, он улыбнулся ей, затем выпрямился во весь рост и спокойно пошел дальше. Здесь будет уместно заметить, что Смит был высок ростом, сравнительно молод и очень красив собой: стройный и тонкий, с темными ласковыми глазами и небольшой черной бородкой.

— Какой красивый этот вор! — шепнула одна царица другой.

— Да, даже странно, что человек с таким благородным лицом находит удовольствие в осквернении могил и похищении даров умерших.

Слова эти невольно заставили Смита призадуматься. Этот вопрос никогда не представлялся ему в таком свете.

Он дошел до места, где стояла Ма-Ми рядом со своим чернобородым супругом. На левой руке Смита было золотое кольцо с изображением бога Бэса, на груди — ящичек с рукой мумии.

Он повернул голову, и глаза его встретились с глазами Ма-Ми. Она вздрогнула всем телом — увидела свое кольцо на его руке.

— Вам нездоровится, ваше величество? — осведомился фараон.

— Нет, ничего. Но скажите, этот житель земли вам никого не

напоминает?

— Да, напоминает. Он похож, и даже очень сильно, на того проклятого скульптора, из-за которого мы с вами поссорились.

— Вы говорите о придворном художнике Гору, творце изображения, похороненного вместе со мной, о том, которого вы послали высечь вашу статую в пустыню Куш, где он умер от лихорадки... или, может быть, от яда?

— Да, да, Гору, именно Гору. Да возьмет его Сет и никогда не отпустит!

Смит прошел мимо и не услышал продолжения. Он стоял теперь перед почтенным старцем Менесом. Инстинкт подсказал ему, что нужно поклониться фараону, — тот ответил поклоном. Затем Смит повернулся и отдал поклон всей царственной компании, и они также ответили ему поклоном, холодным, но учтивым.

— Житель земли, где некогда жили и мы, и следовательно, брат наш, — начал Менес, — вот этот божественный жрец и чародей, — он указал на Кхемуаса, — заявляет, что ты один из тех, кто гнусно нарушает покой наших могил и оскверняет наш прах. Далее он утверждает, что и в данный момент при тебе находится частица смертного тела одной из цариц, дух которой присутствует здесь. Отвечай, правда ли это?

К своему изумлению, Смит безо всякого труда ответил на том же благозвучном языке:

— О царь, это правда и в то же время неправда. Выслушайте меня, владыки Египта. Правда, что я разыскивал ваши могилы, потому что меня тянуло к вам и я изучал все, что касалось вас. И только теперь я понимаю почему: я уверен, что некогда был одним из вас — не царем, как вы, но, может быть, царской крови. И еще — я ничего не утаю от вас — я искал главным образом одну могилу.

— Почему, о человек?

— Потому что меня влекло лицо, женское лицо, которое я увидел изваянным на камне.

Слушатели теперь внимательно смотрели на обвиняемого и как будто сочувствовали ему.

— И что же, нашел ты эту священную могилу? И если нашел, что обнаружил ты в ней?

— Да, Царь, я нашел ее, и в ней я обнаружил вот что.

Он вынул из ящичка руку мумии, достал из кармана отломанную головку статуэтки и снял с руки кольцо.

— И еще нашел разные другие предметы, которые передал

заведующему этим зданием — драгоценные украшения, которые я вижу и сейчас на одной из присутствующих здесь цариц.

— Это то самое лицо, которое ты искал? — спросил Менес.

— То самое.

Менес взял из его рук обломки статуэтки и прочел надпись, выгравированную на них.

— Если есть среди нас царица Египта, владычествовавшая много веков спустя после меня, известная под именем Ма-Ми, пусть она приблизится.

Ма-Ми неслышно скользнула вперед и стала напротив Смита.

— Скажи, о Царица, — спросил Менес, — известно тебе что-нибудь об этом похищении?

— Эта рука знакома мне — это была моя рука, — ответила она. — И кольцо знакомо — это было мое кольцо. Знакома и бронзовая головка — это мое изображение. Взгляните на меня и судите сами. Его изваял скульптор Гору, сын царского сына, лучший из скульпторов и художников при моем дворе. Вот он стоит перед вами, в этой странной одежде. Гору — тот самый, что вырезал мое изображение, он же и нашел его, — он стоит здесь перед вами. Или, может быть, это его двойник.

Фараон Менес повернулся к чародею Кхемуасу и спросил его:

— Так ли это, о Всевидящий?

— Так, — отвечал Кхемуас. — Этот житель земли в давние времена был скульптором Гору. Но что из этого? Теперь, когда ему дозволено было вернуться на землю, снова став смертным человеком, он осквернил могилу и повинен смерти. Да исполнится над ним приговор, дабы, прежде чем забрезжит свет, он уже вновь вернулся в царство мертвых.

Менес задумался, поникнув головой. Смит молчал. Для него все это было интересным зрелищем, которого ему вовсе не хотелось прерывать. Если призраки хотят принять его в свою среду — пусть! К земле его ничего не привязывало, и теперь, когда он убедился, что за гробом есть иная жизнь, он готов был изведать ее тайны. Скрестив руки на груди, Смит ждал, что будет.

Но Ма-Ми не стала ждать. Она подняла руки так стремительно, что браслеты на ее запястьях зазвенели, и смело произнесла:

— Царственный Кхемуас, великий владыка и чародей, внемли той, которая, подобно тебе, владычествовала над Верхним и Нижним Египтом, правила задолго до твоего рождения и была лучшей правительницей, чем ты, великий Царь. Отвечай. Разве ты один ведаешь тайны жизни и смерти? Отвечай. Разве твой бог Амон учил тебя, что месть выше милосердия?

Отвечай. Разве он учил тебя, что людей надо судить, не выслушав их? Что их надо насильно угонять к Осирису, раньше, чем наступил их срок, и там разлучать с мертвыми, которые им дороги, и вынуждать их жить снова на этой грешной Земле?

Внемлите: когда последняя луна была уже близка к полнолуннию, мой дух сидел в гробнице цариц. Мой дух видел, как этот человек вошел в мою гробницу. Но что же он там делал? С поникшей головой он смотрел на мои кости, которые негодный жрец Амона ограбил и сжег двадцать лет спустя после того, как они были похоронены. Что же сделал с костями этот человек, который некогда был Гору? Он зарыл их снова в таком месте, где надеялся, что их уже не найдут. Кто же вор и осквернитель? Тот ли, кто ограбил и сжег мои кости, или тот, кто благоговейно предал их земле? Он нашел драгоценности, оброненные вором во время его бегства, когда удушливый дым и запах горячей плоти и благовоний прогнал его из гробницы, и с ними руку, отломанную гнусным вором от тела моего величества. Что же он сделал с ними? Взял их с собой. Разве вы предпочли бы, чтобы он оставил их там, где они лежали, чтобы их подобрал какой-нибудь феллах? А руку? Я сама видела, как он поцеловал эту бедную мертвую руку, которую теперь хранит, как священную реликвию. Мой дух был свидетелем всего этого. Я спрашиваю тебя, царь, спрашиваю всех вас, владыки Египта, разве за такие дела человек этот должен быть предан смерти?

Кхемуас, поборник мести, пожал плечами и многозначительно усмехнулся, но остальные цари и царицы громко, в один голос, ответили:

— Нет!

Ма-Ми взглянула на Менеса, ожидая приговора. Но прежде чем старик

успел ответить, вперед выступил чернобородый фараон и обратился к царям и царицам:

— Ее величество, Наследница Египта, Царственная Супруга, владычица Двух Стран, сказала все, — выкрикнул он. — Теперь дайте слово мне, бывшему супругом ее величества. Был ли этот человек скульптором Гору, я не знаю. Если был, то и тогда это был злодей, по моему приказу сосланный в пустыню Куш, где и умер. Он сам признался, что проник в гробницу ее величества и украл то, что осталось от прежних воров. Ее величество говорит также — и он не отрицает этого, — что он осмелился поцеловать ее руку, а мужчина, Дерзнувший поцеловать руку замужней царицы Египта, у нас карается смертью. Я требую, чтобы он был казнен и до срока вырван из жизни для того, чтобы со временем снова жил на земле и снова страдал. Суди, о Менес!

Менес поднял руку и заговорил:

— Укажи мне, где такой закон, по которому бы живой человек был приговорен к смерти за то, что поцеловал мертвую руку. В мое время и до меня такого закона в Египте не было. Если бы живой человек, не будучи супругом или родственником, поцеловал руку живой царицы Египта, возможно он и был бы казнен. Может быть, за такой проступок ты и казнил скульптора Гору. Но в могилах браки расторгаются и даже если бы этот человек нашел ее живой в могиле и поцеловал не только руку ее, но и губы — за что же его карать смертью? Ведь он это сделал из любви.

Слушайте все! Вот как я рассудил: да будет дух жреца, впервые осквернившего могилу царственной жены, предан в когти Истребителя, дабы познал он последние глубины Смерти. Но этот человек пусть выйдет от нас невредимым, ибо содеянное им он совершил по неведению и потому, что им издревле руководила Хатхор, богиня Любви. Любовь правит тем миром, где мы нынче встретились, как и всеми мирами, в которых мы жили или еще будем жить. Кто смеет отрицать ее могущество? Кто осмелится восстать против ее закона?... А теперь — в Фивы!

Словно множество крыльев прошумело — и все исчезли.

Нет, не все, ибо Смит еще стоял на ступеньках перед двумя задрапированными колоссами, а рядом с ним — дивно прекрасная, неземная, светившаяся призрачным светом, фигура Ма-Ми.

— Я тоже должна уйти, — шепнула она, — но прежде хочу сказать два слова тебе, который был скульптором в Египте. Ты любил меня тогда, и за эту любовь заплатил жизнью, ибо ты и тогда поцеловал мне руку, как поцеловал мою мертвую руку, взятую из могилы. Я была женой Фараона лишь по имени, — пойми меня: только по имени, — и титул Царственной

Матери в моей надгробной надписи — изваянная ложь. Гору, я никогда не была по настоящему его женой, и, когда ты умер, скоро последовала за тобой. Ты забыл, но я — я помню. Ты думаешь, это вор сломал мою фигурку, которую положили со мной в могилу? Нет. Я сама сломала ее, потому что ты осмелился написать на ней: *возлюбленная — не бога Горуса*, как следовало бы, но *человека Гору*. И когда меня хоронили, фараон, узнавший все, вынул эту статуэтку из-под моих одежд и отшвырнул ее прочь. Помню, отливая ее, ты бросил в огонь вместе с бронзой и золотую цепь, подаренную мной тебе, говоря, что я достойна быть отлитой только из золота. И кольцо с печатью на моей руке — тоже твоей работы. Возьми его, Гору, возьми и вместо него дай мне то, что на твоей руке, кольцо Бэса. Возьми его и не снимай до самой смерти, и пусть оно ляжет с тобой в могилу, как это легло со мной...

А теперь слушай! Когда взойдет солнце и ты проснешься, то будешь думать, что все это тебе приснилось. Но знай, о человек, которого некогда звали Гору, что такие сны — тень истины. Боги меняют свои царства и свои имена; люди живут и умирают, и оживают, чтобы снова умереть; царства могут пасть и правители их превратятся в забытый прах. Но истинная любовь бессмертна, как бессмертна душа, в которой она зародилась. И для нас с тобой кончится когда-нибудь ночь скорби и разлуки и настанет ясный день славы, мира и полного единения. А до того не ищи меня более. Я всегда буду рядом с тобой, как всегда и была. До этого благословенного часа, Гору, — прощай!

Ма-Ми склонилась к нему. Он вдохнул аромат ее дыхания и волос, свет дивных глаз проник в самую глубь его души, и он прочел в них ответ, начертанный там...

Он простер руки, чтобы обнять ее... но она уже исчезла.

Смит проснулся, весь застывший и окоченевший, — проснулся на том же месте, где уснул впервые, то есть на каменном полу, возле погребальной ладьи, в центральной зале Каирского музея. Дрожа от холода, он выбрался из своего убежища и выглянул: зала была так же пуста, как и накануне вечером. Ни тени, ни следа царя Менеса и всех этих фараонов и цариц, которых он видел во сне так ярко, так реально.

Раздумывая о странных фантазиях, которые может навеять сон, когда человек устал и взвинчен, Смит дошел до входных дверей и стал ждать в тени, молясь в душе, чтобы, хотя это была пятница — магометанский праздник, кто-нибудь заглянул в музей убедиться, все ли там благополучно.

Молитва его была услышана. Вошедший сторож не глядя отпер дверь, заглядевшись в окно на коршуна, борющегося с двумя воронами. Смит

мгновенно проскользнул мимо него и бросился вниз по лестнице, прячась между статуями, и так добрался до ворот.

Сторож при виде его вскрикнул от испуга, но, так как нехорошо смотреть на африта, поспешил отвернуться. Смит воспользовался этим и поспешил выбежать через ворота и смешаться с толпой.

Приятно было погреться на солнышке после ночи, проведенной на холодном каменном полу. Дойдя до своей гостиницы, Смит объяснил, что ездил обедать в Мена-Хауз, возле Пирамид, опоздал на последний трамвай и вынужден был там заночевать.

Говоря это, он нечаянно ударился пальцами об острый выступ портсигара в кармане, заключавшего в себе реликвию Ма-Ми. Боль была так сильна, что он невольно посмотрел на руку и увидел кольцо на мизинце. Боже мой! Да ведь это не то кольцо, что дал ему заведующий. То было с надписью, посвященной богу Бэсу, и с его изображением. А это — с королевской печатью и именем Ма-Ми. Так, значит, это был не сон?...

* * *

И до сего дня Смит спрашивает себя, не перепутал ли он тогда впопыхах, не взял ли из рук заведующего другого кольца — или не спутал ли колец сам заведующий. Он даже писал заведующему, справляясь, но тот уже забыл и помнил только, что дал Смитю одно из двух колец, а которое — не помнил; что кольцо с надписью *Бэс-Анк*. *Анк-Бэс* лежит вместе с прочими драгоценностями Ма-Ми в Золотой Комнате музея.

Не может Смит ответить себе и на другой вопрос: во многих ли бронзовых изображениях египетских цариц содержится такой высокий процент золота, как в изображении Ма-Ми, которая рассказывала ему (во сне?), что к бронзе, из которой была отлита статуэтка, влюбленный скульптор примешал золото.

Был ли это только сон или нечто большее? Вот о чем он спрашивает себя день и ночь.

Но ответа нет, и Смит, как все мы, вынужден терпеливо ждать того дня, когда откроется истина. А как бы ему хотелось знать наверняка, которое из двух колец дал ему заведующий!

Такой, казалось бы, пустяк — а для него это важнее всего на свете...

* * *

К изумлению своих коллег, Смит с тех пор больше не ездил в Египет. Он уверяет, что бронхиты его совсем прошли и ему больше нет надобности ежегодно проводить по несколько месяцев в теплом климате.

* * *

А вы как думаете, которое из двух колец Ма-Ми дал Смит заведующий музея

Владычица Зари

История одной любви из времен
Древнего Египта

ВЛАДЫЧИЦА ЗАРИ

Глава I Сон Рима

В Египте шла война, Египет разделился надвое. На севере, в Мемфисе, в Танисе, в плодородном краю Дельты, где Нил изливается в море великим множеством рукавов, бесчинно властвовало племя, чьи предки много поколений тому назад, подобно наводнению, хлынули на Египет, разрушили его храмы, низвергли богов и завладели всеми богатствами страны. На юге, в Фивах, наследники древних царей едва удерживали власть, вновь и вновь пытаясь изгнать жестоких азиатских или бедуинских властителей, прозванных гиксосами, чьи флаги развевались над стенами северных городов Египта.

В этом потомки фараонов Древнего Египта потерпели неудачу, потому что еще не обрели силу, час их решительной победы еще не наступил и не о том наше повествование.

Царевна Нефрет, — а имя это означает Прекрасная, — впоследствии известная как Объединительница страны, была единственным дитя фиванского властителя Антефа Хеперра и его супруги, царицы Рима, дочери царя вавилонского Дитаны, который выдал ее за Хеперра, дабы придать ему новые силы в давней борьбе с гиксосами, коих звали также аати, или носители бед. Нефрет суждено было стать первым и, увы, последним плодом этого союза, ибо вскоре после ее рождения фараон Хеперра, отец ее, со всем войском, что удалось собрать, двинулся вниз по Нилу, желая сразиться с *аати*, направившимися навстречу ему из Таниса и Мемфиса. Они сошлись в жестокой битве, в которой Хеперра пал, а войско его потерпело поражение, но и враг понес в том сражении столь великие потери, что замысел двинуться на Фивы был оставлен и военачальники гиксосов с остатками своих войск вернулись обратно в Мемфис. И все же эта победа принесла царю гиксосов Апепи власть над Египтом. Хеперра погиб, после него остался лишь младенец женского пола, а вельможи уже спешили покориться правителю Севера.

Гиксосы, так же как и египтяне Юга, устали от войны и не желали больше сражаться. Хотя войско Хеперра и было разбито, над сторонниками его, как в северных, так и в южных землях Египта, расправы не учинили; их обложили умеренной данью и дозволили мирно поклоняться своим

древним богам.

Богом гиксосов был Ваал, которого они называли теперь Сетом, ибо такое имя издавна знали в Нильской долине; цари гиксосов заново воздвигали храмы Ра и Амона, Пта, Исиды и Хатор, которые их предки, вторгшись в Египет, обратили в руины, теперь же они приносили в этих храмах жертвы, чтя чужих богов.

Лишь одного потребовал Апепи от покоренных фивийцев: вдова Хеппера, царица Рима, и малолетняя Нефрет, дочь ее и законная наследница престола Верхнего Египта, должны быть выданы ему; получив весть об этом, Рима вместе с дочерью скрылась, о чем и пойдет далее наш рассказ.

О рождении царевны Нефрет ходили диковинные толки. Сразу после того, как эта прелестная белокожая девочка с серыми глазами и темными волосами явилась на свет, ее, исполнив положенный при рождении обряд, положили к груди матери. Рима взглянула на малютку, затем ее показали отцу, и царица слабым голосом, — ибо измучилась, роды истомили ее, — попросила оставить ее одну; лекари и служанки исполнили ее волю, удалились за полог, отделявший постель роженицы от другой части покоев, где и пребывали в безмолвии.

Спустилась ночь, комната погрузилась во тьму. Неожиданно одна из бодрствующих женщин, — жрица богини Хатор по имени Кемма, которая с рождения взрастила царя Хеперра и теперь готовилась исполнить сей долг в отношении его дитя, заметила свет, проникавший сквозь занавес. Встревожившись, она заглянула в щель между его полотнищами. И что же она увидела?

Возле постели царицы, которая, как видно, спала, стояли две прекрасные женщины, от одежд и от них исходило сияние, а глаза светились, подобно звездам. Царицы, не иначе, подумала Кемма, ибо короны на их головах сверкали такими драгоценностями, какие впору носить только особам царского достоинства. Одна из них держала в руке золотой крест жизни, другая — систр, инструмент в виде округлой рамки с золотыми проволочками, на которые нанизаны были драгоценные камни; на систрах играли в храмах, когда жрицы проходили перед изваяниями богов.

Вид этих двух величавых женщин привел Кемму в трепет и лишил дара речи, она слова не могла вымолвить, чтобы разбудить остальных; тем временем женщина с крестом жизни склонилась над спящей царицей, за ней вторая, державшая систр; они что-то прошептали на ухо Риме. Затем

женщина со знаком жизни бережно подняла новорожденную от груди матери, поцеловала и приложила крест к ее губам. Совершив это, она передала девочку второй богине, — теперь уже Кемма была уверена, что видит перед собою богинь, — и та, прежде чем снова положить малютку к матери, тоже поцеловала ее и встряхнула над ее головкой систром, издавшим легкий звон.

В следующее мгновение обе фигуры исчезли, и в комнате, — озаренной только что светом, сгустилась черная ночь: Кемма же, наблюдавшая все это, от ужаса лишилась чувств и оставалась в беспамятстве до самого восхода солнца.

Утром Кемма не решилась первой заговорить о видении, ибо сочла его божественным и вещим; сомнения охватили ее: не привиделось ли ей все это во сне и не назовут ли речи ее пустословием, где божественные имена поминаются всуе? Но, пробудившись, царица сразу же призвала супруга и поведала ему о странном видении, пригрезившемся ей ночью.

— Когда, ослабев от боли, я погрузилась в сон, — начала она свой рассказ, — явились предо мной две прекрасные женщины в одеяниях и с символами египетских богинь. Одна из них, с крестом жизни в руке, так обратилась ко мне, спящей: «О дочь Вавилона, царица Египта и мать наследницы трона его, внемли нам. Мы, как ведомо тебе, Исида и Хатор, древние богини Египта; с недавних пор, поселившись на земле этой, ты чтишь нас в храмах и возлагаешь жертвы на алтари наши. Не страшись нас; хотя возрастили тебя в поклонении иным богам, мы явились, чтобы благословить дитя, рожденное тобою. Знай, царица, великие беды ожидают тебя, жестокая утрата оставит тебя одинокой, и даже мы, столь могущественные, не в силах избавить тебя от того, что написано в Книге судеб и суждено тебе. Не можем мы сейчас даже на короткое время, хотя смертным оно покажется нескончаемо долгим, освободить Египет от пут, которыми гиксосы связали его, подобно тому как они перед закляньем вяжут ноги своим овцам; но час придет, Египет сбросит с себя узы, подобно быку, что рвет опутывающую его сеть, и станет еще более могучим, чем прежде. Как всякое живое существо страдает за грехи свои, так и Египту надлежит пройти через тяжкие испытания за то, что не хранил себя в чистоте веры, не внял предостережениям богов. Но всему на свете приходит конец, беды пронесутся над Египтом, подобно облакам, и яркая звезда его славы воссияет на чистом небосклоне».

И отвечала я этому видению или богине:

— О небесное Божество, сколь горькие слова ты обращаешь ко мне! Я и впрямь чужая в Египте, я — всего лишь жена одного из царей, царевна

иной страны. Египет должен снести судьбу, которую он уготовил себе, однако же я, смертная женщина, хотела бы узнать судьбу своего господина, которого люблю, и дочери, нам дарованной.

— Господину твоему выпала достойная судьба, его ждут слава и честь, — сказала богиня, державшая символ жизни, — судьба твоей дочери со временем повернется к счастью и радости.

После этих слов она нагнулась, подняла девочку и поцеловала ее, произнеся такие слова: «Да прибудет с тобой благословение Матери Исида. Сила Исида да будет твоей силой, мудрость Исида — твоей путеводной звездой. Не страшись! О царственное дитя, не будь малодушной, ибо Исида всегда рядом с тобою, и сколь ни велики опасности, подстерегающие тебя, горе обойдет тебя стороной. Долгой будет жизнь твоя, а под конец и безмятежной; суждено тебе увидеть внуков, играющих у ног твоих. Пусть и не надолго соединишь ты то, что разрознено, имя тебе будет — Объединительница Земель. Вот дары, что Исида подносит тебе, о владычица Египта».

Так рекла богиня, держа младенца в своих излучающих сияние руках, а затем передала нашу дочь сестре своей, что стояла подле нее. Та приняла девочку, поцеловала ее в лобик и сказала: «Внемли! Я, Хатор, богиня Любви и Красоты, дарую тебе, царица Египта, все, что положено тебе. Прекраснейшей будешь ты душой и телом. Будешь ты любима беспредельно, а своей любовью облегчишь участь миллионов людей. Не сворачивая ни вправо, ни влево, не прибегая к коварству и уловкам, следуй звезде Хатор и зову собственного сердца, радостно принимая дары Хатор, остальное же вверяй Небесам, которые зрят то, что не зришь ты, и доведут до конца то, что не осилишь ты. О царское дитя, ты посеешь счастье, на земле египетской, а урожай душа твоя соберет в Небесах».

Так, грезились мне, говорили богини; а затем, увы, они удалились.

Выслушав рассказ, царь Хеперра попытался истолковать его.

— Несомненно, то был сон, — произнес он, улыбнувшись, — но сон счастливый, ибо предвещает счастье дочери нашей; как видно, она вырастет прекрасной и мудрой, расцветет цветком истинной любви и станет объединительницей Египта. Что больше можем мы желать ей?

— Это так, господин мой, — с печалью ответили Римма, — ребенку сон предвещает благо, но боюсь, что всем другим — горе.

— Даже если и так, что из того, жена моя? Колос должен пасть прежде, чем взойдет новый росток, и в каждом посеве есть и пшеница, и плевелы. Такой закон, которому все живое должно покориться. Не печалься над тем, что пригрезилось тебе, ибо это возникло из боли и тьмы. Однако я

должен идти, меня призывают, войско вскоре выступит против гиксосов, чтобы победить их.

Хеперра предпочел не сказать супруге, что подумал об услышанном; он отправился к верховным жрецам Исиды и Хатор и повторил им рассказ ее слово в слово. Жрецы опросили множество людей, желая понять, видел ли еще кто-нибудь чудесное явление в покоях царицы; так им удалось узнать о видении, бывшем Кемме, ибо той полагалось ничего не скрывать от них.

Священнослужители были и удивлены и обрадованы происшедшим, ибо подобного чуда, как говорили, в Египте не случалось уже много поколений. Более того, жрецы приказали подробно записать на трех свитках сон царицы и видение Кеммы; подобно свидетельницам в суде, им надлежало скрепить изложенное своими подписями; один свиток передали царице, чтоб она хранила его для царевны Нефрет, а другие поместили в хранилища храмов Исиды и Хатор. Но часть сна, которая предрекала горькие потери и беды, что, к несчастью, должны пасть на царицу, внушили ужас обеим женщинам и прорицателям, у которых они испрашивали совета.

— Что за утраты могут постигнуть царицу, — размышляли они, — если ее дитя обещано счастье и процветание и лишь царю, супругу Рима, они не обещаны? Может быть, царица произведет на свет других детей, которых небеса отберут у нее?

О своих страхах жрецы не поведали ничего, лишь оповестили о том, что Исида и Хатор явились и благословили новорожденную царевну Египта. Однако зловещие предсказания вскоре сбылись — царь Хеперра начал войну, а два месяца спустя пришла ужасная весть о его гибели; хоть и храбро сражался царь впереди своих воинов, но погибло их слишком много: не побежденное, но обессиленное и лишенное полководца войско не могло возобновить битву, а потому начало отходить к Фивам.

Казалось, сердце сказало об этом царице Рима прежде, чем дошла весть. Выслушав гонца, она объявила:

— Случилось то, что предрекали мне великие богини Египта; придет время, неизбежно сбудутся и другие их пророчества.

Следуя вавилонским обычаям, царица с младенцем удалилась в свои покои и много дней оплакивала супруга, никто, кроме Кеммы, которая ухаживала за девочкой, не смел ее беспокоить.

Но вот армия вошла в Фивы; воины несли поспешно набальзамированное прямо на поле битвы тело фараона Хеперра. Царица повелела сдвинуть погребальные пелены и последний раз взглянула в лицо

своего повелителя, почти неузнаваемое из-за покрывавших его ран.

— Боги призвали его, он умер достойно. Сердце говорит мне: он пролил кровь свою, но в грядущем свою кровь прольет и тот, от чьей руки пал мой супруг!

Слова эти дошли до Апепи, а потому всю дальнейшую жизнь свою он провел в страхе, ибо дух его, равно как и прорицатели, у которых он искал совета, ответил ему, что то было внушение бога мести. Когда Апепи вспомнил, что царица Рима происходит из царского дома Вавилона, его обуял еще больший страх — предки его некогда подчинялись вавилонянам и они считали их самыми мудрыми людьми на свете. Оттого не удивился и поверил он рассказу о видении Римы в ночь, когда у нее родился младенец, хотя и было ему странно, что богини Египта появились перед вавилонянкой.

— Если объединятся Вавилон с Египтом, что ожидает нас, царей кочевых племен, которые оседлали протоки низовья Нила? Похоже, мы, точно зерно, окажемся между жерновами: нас смелят в муку, — с такими словами обратился Апепи к своим советникам.

— Жернова те мелют неспешно, да и мука — это ведь хлеб всех народов, о царь, — отвечал старший из них. — Разве видение супруги покойного Хеперра, если нам не лгут, не вещает о том, что пройдет много лет, прежде чем египтяне сокрушат нашу власть; разве не явлено в том видении, что лишь царица Египта, рожденная от фараона Хеперра и вавилонянки, станет Объединительницей Земель? О царь, привези сюда овдовевшую вавилонянку и дочь ее, наследницу престола царского; все надо делать вовремя.

— К чему мне теперь пребывание в собственном доме той, кто по внушению вавилонских демонов предрекла мою гибель? Не убить ли и ее, и младенца вместе с ней, чтоб кончить все разом? — спросил Апепи.

— О царь, — возразил старейший из мудрецов, — не делай этого, ибо мертвые могущественнее живых, и дух сей царской особы может оказаться сильнее, нежели она сама живая. Более того, если предсказание египетских богинь истинно, дитя убить невозможно. Сделай их своими пленниками, о царь; не спускай с них глаз, дабы они не побудили вдруг грозный Вавилон и другие государства пойти против тебя.

— Ты рек истину, — промолвил Апепи. — Так и следует поступить. Пусть Риму, вдову царя Хеперра, и дочь ее Нефрет, царицу Верхнего Египта, доставят к моему двору, если даже понадобится большое войско, чтобы захватить их. Но сначала миром и посулами постарайтесь склонить ее прибыть сюда по доброй воле, приложите все усердие, а если ничего из

этого не получится, подкупите фивейцев, чтоб царицу и младенца выдали мне.

Глава II Посланник

Вскоре царица Рима узнала от своих лазутчиков, что царь гиксосов Апепи вознамерился ее с дочерью сделать своими пленницами. Удостоверившись в том, что все это правда, царица созвала сановников, оставшихся еще в Верхнем Египте, и высших жрецов, желая испросить совета, как следует ей поступить.

— Подумайте, — обратилась она к ним, — я вдова. Мой и ваш повелитель погиб, храбро сражаясь против рати Севера, и оставил наследницей трона это царственное дитя. Когда стало известно, что царя нет более в живых, войско повернуло назад, на Фивы, потому гиксосы и провозгласили свою победу. Ныне донесли мне, что они замыслили: меня, супругу вашего покойного повелителя царя Хеперра, и дочь — законную наследницу престола Древнего Египта, Апепи требует выдать ему, в противном случае он грозит послать войско, дабы силой завладеть нами. Что думаете об этом вы, мои приближенные? Намерены ли вы защищать нас от Апепи?

Ответы последовали разные. Из них следовало, что народ более воевать не станет, ибо царь гиксосов пообещал больше, чем можно было надеяться добыть в битве, а после стольких кровопролитных сражений все мечтали о мире, пусть при этом назовет себя фараоном Египта не самый достойный.

— Вижу, что ни мне, ни царевне нечего ждать от вас, господа, хотя ради вашего блага супруг мой и отец ее отдал жизнь, — тихо промолвила Рима, — а что скажут жрецы богов, которых чтит царь Хеперра?

Жрецы отвечали уклончиво: кто-то из них призвал положиться на волю Небес; другой высказал предположение, что царица с царевной будут в большей безопасности при дворе Апепи, который поклялся оказывать им должное почтение; третий — что следует искать убежище у могучего царя вавилонского, отца царицы.

Когда все смолкли, Рима произнесла с горькой усмешкой:

— Наверное, золото, что метнул царь гиксосов, пролетев много миль, без промаха попадет в сокровищницы ваших храмов. Спрошу вас прямо: поможете вы мне с царевной избежать рабства или нет? Если не выдадите меня, я до конца пребуду с вами; клянусь, подобным образом поступит и дочь моя, когда войдет в разум. Но если вы отрекаетесь от нас, мы тоже порываем всякую связь с вами; ступайте своим путем, а мы пойдет своим

— в Вавилон или еще куда-нибудь, но только не в покои царя гиксосов, которые станут нашей тюрьмой, царевну же там, несомненно, лишат жизни, чтобы престол Египта остался без законного наследника. Прошу вас обдумать все это. Я удалюсь, — говорите откровенно. Но через час, в полдень, вернусь чтоб выслушать ваше решение.

Она поклонилась жрецам и вельможам, в ответ все согнулись в глубоком поклоне, и царица вышла.

В назначенный час, сопровождаемая Кеммой, которая несла на руках маленькую царевну, Рима через боковой проход, по которому она недавно удалилась, снова вошла в зал Совета.

Но зал был пуст. Сановники и жрецы покинули его, все до одного.

— Похоже, мне предстоит одиночество, — сказала царица Рима. — Что ж, такая судьба часто выпадает на долю тех, кого преследуют беды.

— Не говори так, царица, — отвечала Кемма, — царственное дитя, наследница трона, мы — по-прежнему с тобой. На спинках этих пустых кресел я вижу изображение богов Египта; в свой час они станут нам лучшими советниками, чем те, кто бросил нас в горестный миг. Обратим сердца свои к ним и положимся на их мудрость.

Обе женщины присели, тревожно вглядываясь в изображения божеств, видневшиеся на стенах и мебели каждая молилась на свой лад, прося помощи и наставления.

Наконец, подняв голову, Кемма спросила:

— Снизошло ли на тебя, царица, озарение:

— Нет, — отозвалась Рима, — тьма вокруг. Одно лишь внушили мне боги: если мы останемся тут, лживые сановники и жрецы непременно схватят нас и выдадут Апепи; я думаю, их подкупили. А что сказали боги тебе, Кемма?

— Госпожа, мне почудилось, будто царицы Неба, покровительницы этого царственного дитя, — Исида и Хатор, которым я служу, — прошептали мне: «Бегите, бегите скорее, и подальше!»

— Ах, Кемма, куда нам бежать? Где царице Юга и маленькой дочери ее, царевне Египта, скрыться от соглядатаев Апепи? Не в этих же местах; здесь всякий, будучи в страхе или подкуплен, предаст нас.

— Нет, госпожа, не на Юге, — на Севере, где никто не подумает нас искать, ибо лев не ждет антилопу близ собственного логовища. Слушай же, царица. Есть один благочестивый старец по имени Рои, брат моего деда; он происходит от древней ветви рода фиванских царей. Девочкой я часто навещала его; по милости богов он сделался пророком тайного Братства,

названного Общиной Зари, а обосновалось оно близ пирамид Мемфиса. Он сам и собратья его обладают большой властью, живя там уж лет тридцать или более; никто не дерзает теперь приблизиться к пирамидам, и менее всего — гиксосы: им известно, что там являются призраки.

— Призраки? — встrepенулась Рима.

— Идет молва, будто там иногда появляется прекрасная женщина с обнаженной грудью; быть может, это Ка одной из тех, кто погребен в тех местах, где живет мой родич, либо это призрак из мира мертвых, либо дух самого Египта, принявшего женский облик, — неизвестно. Но когда опускается ночь, ни один храбрец не отважится подойти к тем древним пирамидам.

— Почему же? С каких пор мужчины стали страшиться красивой женщины, обнажившей грудь?

— Потому, царица, что, увидя ее красоту, они лишаются разума и бродят в пустыне, пока не погибнут. А если кто-нибудь последует за ней на вершину самой большой пирамиды, то падает и разбивается насмерть.

— Ах, пустые это сказки, Кемма. К чему ты все это мне говоришь?

— Госпожа, мы могли бы добраться до тех усыпальниц и жить в безопасности у моего родича, пророка Рои. Никто не смеет даже приблизиться к гробницам, лишь изредка забредает какой-нибудь юный глупец, жаждущий увидеть прекрасную тень, но встречает смерть или, взглянув на красавицу, теряет разум. Даже жители пустыни, дикие бедуины, ставят свои шатры не ближе чем в миле, а то и дальше от пирамид; цари гиксосов и подданные их считают это место проклятым: там нашли смерть двое их царевичей; за все золото Сирии никто не решится отправиться к тем пирамидам. Страшатся они и колдовских чар, какими владеют члены Братства, ибо оно под защитой духов и поклялось не наносить никакого урона гробницам и пирамидам. Такова легенда, и рассказываю я тебе лишь то, о чем сама слыхала, хотя, наверное, очень многого и не знаю.

— Похоже, там мы сможем хоть немного передохнуть, — оживилась Рима, — во всяком случае, до поры, пока мы не устроим побег в Вавилон, где мой отец, конечно же, с радостью примет нас. Но как попасть туда, с младенцем на руках, когда вдоль границ идут сражения, а воспользоваться путем через Аравийскую пустыню мы не в силах? Однако можем ли мы быть уверенными, Кемма, что твой родич окажет нам милость и оставит у себя? А если и оставит, как нам добраться туда?

— Первый вопрос твой, царица, разрешить просто. Как ни покажется это странным, но как раз сегодня я получила послание от благочестивого

Рои. Шкипер судна, что везло зерно из Мемфиса в Фивы, доставил мне его. Этот шкипер сказал, что зовут его Тау.

— Где ты встретила его и что он сказал, Кемма?

— Прошлой ночью, царица, мучимая страхом за тебя и девочку, не могла я заснуть; еще до рассвета я поднялась и вышла в дворцовый сад, чтобы встретить восход солнца и вознести молитвы богу Ра, когда он явит свой лик в небесах. Туман стал редеть, и увидела я, что не одна там, ибо неподалеку стоял рослый человек, похожий на матроса, — так он был одет; прислонясь к стволу пальмы, он глядел на Нил, там неподалеку от берега виднелось торговое судно. Человек этот обратился ко мне и сказал, что ждет, покуда рассеется туман и подыметесь ветер, тогда корабль двинется к гавани, куда должен доставить свой груз.

На мой вопрос, откуда он, матрос тот отвечал, что с разрешения правителя белостенного Мемфиса и градоначальника Фив ведет он торговлю между двумя этими городами. Пожелав ему благой судьбы, я собралась уже уйти, чтоб сотворить свою молитву где-нибудь в другом месте, но он сказал: «Прошу тебя, помолимся вместе; мое имя Тау, я тоже поклоняюсь богу Ра; вон, гляди, и сам он явился». И он подал мне знак, который я, будучи жрицей, поняла.

Когда мы кончили молиться и я снова собралась уходить, Тау спросил у меня, что нового в Фивах и правда ли, будто царица Рима скончалась от горя, потеряв супруга, погибшего в битве, или даже, как говорят некоторые, убита вместе с младенцем. Я уверила его, что все это ложь, чем, как мне показалось, он был несказанно обрадован; вознес благодарение богам, он добавил, что законной наследницей трона Египта — и Нижнего, и Верхнего, — несомненно, стала царевна Нефрет. Я удивилась, откуда знает он это имя. «Один ученый человек, — отвечал он, — открыл мне его, тот благочестивый отшельник, кому признаюсь я в своих прегрешениях — которых, увы, не счесть; отшельник этот живет в пустыне близ великих пирамид, среди гробниц. За царственным младенцем, сказал он мне, ходит его родственница, по имени Кемма, — она также из знатной семьи. Если удастся мне разыскать ее в Фивах, должен я передать ей то, что не решился бы доверить письму».

Тут шкипер Тау смолк и пристально посмотрел на меня; я спокойно встретила его взгляд, размышляя, не расставляет ли он ловушку для меня.

— «Тау, — сказала я, — если это послание передашь ты другой женщине, беды не миновать. В Фивах многие носят имя Кемма. Как узнаешь ты, что нашел ту, кто нужен тебе, и действительно ли женщина, на которую тебе указали, ухаживает за царевной?»

«Не так это трудно, как кажется, госпожа. Благочестивый старец вручил мне половину лазуритового амулета, на котором вырезаны слова заклинания или молитвы. Он пояснил мне, что там написано: «Пусть вечно живущий Ра защитит обладателя сей святыни в последнюю ночь его. Пусть тот, кого она хранит, ступит в ладью Ра, и...» — тут надпись обрывается, — продолжал шкипер, — но госпожа Кемма, добавил старец, знает ее до конца». — И Тау вновь взглянул на меня.

«А не так ли продолжается надпись на амулете, — спросила я, — «и пусть бог тот благополучно доставит тебя к Осирису, а он усадит того, кто находится под защитой богов, за свой стол и пребудет он с ним на пиру вечно»?»

«Да, — отвечал Тау, — мне кажется, все это так или почти так, как говорил благочестивый отшельник. Память у меня слаба, — я не доверяю ей, особенно если речь идет о молитвах или божественных писаниях. Но если и тебе, незнакомка, магические слова известны до конца, похоже, вещица эта ничего не значит, ибо такую носят тысячи людей от Фив до моря. Та, кого я должен найти, не только знает заклинанье, у нее вторая половина талисмана; да как сыскать ту женщину, ума не приложу. Не возьмешься ли ты помочь?»

«Может быть, и возьмусь, — отвечала я. — Покажи-ка мне амулет, Тау». Шкипер оглянулся, чтобы удостовериться, одни ли мы. Затем сунул руку под одежды и вытащил половинку старинной пекторали, покрытой резной надписью; прикрепленная к шнурку, сплетенному из женских волос, она висела у него на шее. Каменная плитка была сломана или распилена посередине, край ее получился неровным, с выступами и впадинами. Едва взглянув на нее, я сразу поняла, что именно ее вторую половину много лет назад отшельник Рои и еще один родственник дали мне, велев прислать ее, как только мне понадобится их помощь. Вынув вторую часть пекторали, висевшую у меня на груди, я приложила ее к той, что держал Тау. И — о, боги! — они слились воедино; твердый камень совсем не стерся за это время.

Тау глянул на талисман и кивнул. «Странно, что я так случайно повстречал тебя, Кемма. Удивительно! Однако боги знают свое дело, нам ли пещься о таких чудесных совпадениях? Но, как знать, быть может, существует еще одна половинка, что подойдет к первой, данной мне? Прежде чем мы поведем разговор дальше, расскажи мне о том, кто дал тебе часть талисмана; где он обретается и все прочее, что тебе известно.

«Его зовут Рои, — отвечала я, — а прежде звали Рои, сын царя, хотя царь тот скончался много лет тому назад; теперь он, как и ты сказал, близ

пирамид в большой Общине. Он священнослужитель, пророк, облик его прекрасен, а речь мягка; у него длинная борода и седые волосы. В темноте он видит, подобно кошке, ибо долгие годы провел в подземном храме; колени его сделались тверже подошв странника, оттого что вечно, коленапоклоненный, творит он молитвы. Оставшись же один, он подолгу совещается со своим двойником Ка, пребывающим неотступно рядом; порой вопрошает он и других духов, сообщающих ему обо всем, что происходит в Египте.

Таков был он много лет тому назад; таким был и нрав его в ту пору, когда передал он мне эту половину амулета; что же сейчас делается там, мне неизвестно».

«Да, госпожа, слова твои звучат правдиво. Довольно правдиво, хотя ныне уж немного волос сохранилось на голове благочестивого Рои; худ стал он чрезмерно, теперь не назовешь его красивым, обличьем своим напоминает он теперь старого ястреба, едва живого от голода. Но сомнений нет: мы с тобой говорим об одном человеке, и амулет, части которого мы соединили воедино, служит тому подтверждением. Так вот кого, госпожа, я встретил случайно, — совсем случайно! — ожидая на том самом месте, что указал мне благочестивый Рои. Слушай же его посланье».

И тут, царица, весь облик шкипера преобразился: предо мною стоял уже не простой, беззаботный человек, а тот, чьи слова скрывали горечь; движения его стали резкими и стремительными. Улыбка и мягкое выражение сошли с его лица, внезапно властность и нетерпение отразились на нем; теперь это было лицо человека, которому предстояло исполнить нелегкое дело, от коего зависела его честь.

«Слушай меня, воспитательница царского дитя, — начал он. — Царь, кого ты некогда держала на коленях, лежит в могиле, сраженный копьями гиксосов. Хотела бы ты увидеть, как девочка, которой он даровал жизнь, и женщина, родившая ее, последуют той же дорогой?»

«Вопрос звучит нелепо, Тау, — ответила я, — в какую бы сторону ни направили они свои стопы, туда я и буду сопровождать их».

«Я знал, что даже ради собственного спасения ты не оставишь их. Но опасность велика. Вас сговорились схватить, всех трех; благочестивому Рои было сообщено об этом. Предатели, участники заговора — здесь, в городе. Быть может, завтра или через день они объявят царице, что ей грозит беда и что они хотят укрыть ее в надежном месте. Поверит она им, так скоро убедится, — коли доживет, — что у Апепи нет места надежнее тюрьмы в Танисе; ну а потом, поняла ты?... Не поверит, ее с младенцем силой доставят к гиксосам».

Я кивнула согласно: «По всему видно, время не ждет. Что же ты посоветуешь сделать, о посланец Рои?»

«Сейчас я отправлюсь в город и передам груз купцам, что ожидают его. На барке есть беглецы из Сиута, крестьяне, спасающиеся от гиксосов. Их трое: женщина средних лет. Лицом и фигурой напоминая тебя, Кемма, — я выдаю ее за сестру; а красивая молодая женщина с девочкой месяцев трех от роду именуется моей женой. Так я скажу о них чиновникам по прибытии к причалу. Женщины эти не станут задавать вопросов. Легко найдут они здесь новых друзей, покинув барку, их места освободятся. Ты понимаешь меня, Кемма?»

«Если я правильно тебя поняла, ты предлагаешь царице с малюткой и мне занять места этих женщин? Но когда и как?»

«Мне сказали, Кемма, что сегодня вечером в городе начнется праздник бога Нила; чувствуя его, сотни людей выплывут в лодках на середину реки, держа факелы и распевая благодарственные гимны. Чтобы не столкнуться с ними, я намерен привести барку назад, в эту гавань, — мне ведь еще до восхода предстоит отправиться вниз по реке, как только подует южный ветер. Быть может, я случайно увижу двух крестьянок вместе с малюткой тут, среди пальм, за час до явления бога Ра?»

«Возможно, господин. Только скажи, где окончится путешествие, если все произойдет так?»

«Под сенью Великих Пирамид, госпожа, где благочестивый человек, имя которого нам известно, ожидает вас; хотя, как он говорит, жилище его бедно, но там вы будете в безопасности».

«И я думала о том же, Тау. Но побег таит в себе большую опасность; да и не ловушка ли это? Как мне удостовериться, не подкуплен ли ты гиксосами либо фиванскими изменниками, не послан ли, чтобы обречь нас на гибель?»

«Мудрый вопрос, — отвечал он. — Но тебе передано послание, амулет служит порукой верности его, и вот моя клятва священным именем, что я приношу; нарушив ее, я обреку себя на вечные муки. Все же вопрос твой мудр, ибо опасность очень велика, и, клянусь богами, я не знаю, как ответить иначе!»

Мы постояли так некоторое время, глядя друг на друга; сердце мое наполнилось сомнением и страхом. Если мы окажемся во власти этого человека, что приключится с нами? Или, скорее, с тобой, царица, и царственным младенцем, так как о себе я всегда заботилась мало.

— Я знаю, милая Кемма, — отвечала Рима. — Но вернемся к твоему рассказу. Что же последовало далее?

— Так вот, царица. Вдруг мне показалось, что Тау чем-то встревожен.

«Тут пустынно и покойно, — сказал он, — и все же мне кажется, что за нами следят».

От берега, царица, нас отделяла единственная пальма, и стоит она на открытом месте, за ней мы укрылись, когда завели разговор, ибо так нас было не видно с реки и я знала, что никто не сможет подслушать наш разговор. Слева, неподалеку, находится старая часовня, на крыше которой высится полуразрушенное изваяние какого-то бога; говорят, что часовня эта некогда служила входом в ныне исчезнувший храм; ты не раз бывала в этой часовне, царица.

— Я знаю ее, Кемма.

— Утренний туман наполовину застилал часовню; но Тау, хотя она все же стоит в отдалении, почему-то пристально вглядывался в нее; и вдруг туман исчез, будто подняли тонкое покрывало: взглянув туда же, куда смотрел шкипер, я заметила, что часовня отнюдь не пуста. Там, царица, будто погрузившись в молитву, стоял на коленях старец. Он поднял голову, и свет упал на его лицо. Боги! Это был сам благочестивый Рои, мой родич; он несколько изменился с тех пор, как я видела его, когда он отдал мне обломок амулета, но я не сомневалась — сам Рои оказался в часовне.

«Похоже, госпожа Кемма, здесь тоже есть отшельник, как и в краю пирамид, — сказал Тау, — и, мне кажется, я его узнаю. Да не благочестивый ли это Рои, госпожа Кемма?»

«Он и никто другой, — сказала я. — Почему ты не открыл мне, что привез Рои на своем корабле? Мне не пришлось бы мучиться сомнениями. Я поговорю с ним немедля».

«Да, побеседуй с ним, госпожа Кемма, успокой свое сердце, и тебе станет ясно, верный я человек или нет».

Я быстрым шагом пошла к часовне. Она была пуста! Благочестивый Рои исчез, хотя, кажется, там не было уголка, где он смог бы укрыться.

«Деяния отшельников и святых непостижимы для нас, госпожа Кемма, — промолвил Тау. — И разве ты не знаешь, что из всех людей только они, вернее, некоторые из них, могут пребывать одновременно в разных местах. А теперь скажи мне, встречу ли я вас сегодня вечером у этой часовни?»

«Да, — отвечала я, — думаю, ты найдешь нас здесь. Конечно, если царица даст согласие и ничто нас не задержит — ни смерть, ни пути. Но постой! Где взять нам одеяния селянок? Во дворце ничего подобного нет; а послать кого-то, чтобы купить, — это может вызвать подозренье: ведь с царицы не спускают глаз».

«Благочестивый Рои предусмотрителен, — отвечал Тау, улыбнувшись,

— а может быть, и я тоже; не важно, кто из нас».

Он шагнул на то место, где я поначалу заметила его, и вытащил из-за камня какой-то сверток.

«Возьми вот это, — сказал он. Здесь все, что надо; одежды чистые, хотя и простые, обрядить в них безопасно даже царское дитя. Прощай, госпожа, туман рассеялся, я должен идти. Дух благочестивого Рои да будет рядом не только со мной: умея находиться одновременно в разных местах, он поведет и охранит и вас также, можешь в этом не сомневаться. Завтра за час, нет, за два часа до рассвета я вернусь сюда, чтобы встретить свою сестру и жену с младенцем».

Затем он исчез, а я в глубоком раздумье вернулась во дворец. Я решила ничего не говорить тебе, царица, пока не узнаю, что боги ответили на твои молитвы сегодня.

— Ты посмотрела, что в свертке? — спросила царица.

— Да, — отвечала Кемма, — в нем все, о чем говорил Тау: два плаща и другие одежды, что обычно носят крестьянки, отправляясь в дорогу. Они будут впору тебе и мне, а для крошки припасена теплая одежда.

— Дай взглянуть, — промолвила царица.

Глава III Побег

Они расположились в личных покоях дворца. Воины охраняли внешние врата; им полагалось стоять на страже, ибо признанные знаки царской власти еще окружали царицу Риму; около дверей, ведущих в ее покои, стоял великан-нубиец Ру, который прежде служил телохранителем царя Хеперра; это он, зарубив боевым топором шестерых гиксосов, вынес тело своего владыки с поля сражения, перекинув через плечо, подобно тому как гиксосы носят зарезанного барашка.

Царица и Кемма осмотрели одежду, которую доставил им посланец Тау, и надежно спрятали. У люльки, где спала маленькая царевна, женщины принялись обсуждать свое положение.

— Твоя затея очень опасна, — сказала царица. Она в беспокойстве ходила взад-вперед, бросая то и дело тревожные взгляды на спящую дочь. — Ты умоляешь меня бежать в Мемфис, а это все равно что броситься в пасть гиене. Ты склонна поступить так потому лишь, что прибыл посланец твоего родича — отшельника, верховного жреца или пророка какой-то тайной Общины, но, может быть, он давным-давно умер, а его именем пользуются как приманкой на крючке, чтобы изловить нас.

— Но амулет, царица! Взгляни, как плотно прилегает один его скол к другому, как сливаются концы белой прожилки на камне, проходя от одного края до другого.

— Сомнения нет, половинки твоего амулета соединились. Сомнений нет и в том, что они составляют единое целое. Но подобные священные предметы — не тайна, о них много кому известно. Возможно, кто-то прознал, что Рои отдал тебе половинку талисмана и выкрал вторую часть его, чтобы обмануть тебя, предложив тайное убежище среди гробниц. Кто этот Тау, о котором прежде ты и слыхом не слыхивала? Как удалось ему так легко разыскать тебя? Отчего вправе он появляться здесь и покидать Фивы без допроса — он, кто прибыл из Мемфиса, а значит, держит все нити заговора в своих руках, если таковой существует?

— Не знаю, кто он, — отвечала Кемма. — Я знаю лишь одно: когда те же сомнения мелькнули у меня, Тау явил мне самого Рои, чтоб доказать истинность своих слов; и тогда только я поверила ему.

— Ах, Кемма, разве сама ты, подобно своему родичу, не жрица, с детства посвященная во все тайны и волшебства Египта? Разве не привиделись тебе богини Исида и Хатор, благословившие мое дитя? Ведь о

таких чудесах мы знаем лишь из старинных преданий, что рассказывают об особах царского рода. Почему никто более не видел этих богинь?

— Почему же они привиделись и тебе? — сдержанно спросила Кемма.

— Сон есть сон. Зачем придавать смысл тому, что спокон веков прилетает и исчезает, когда мы спим, роясь вокруг, подобно мошкаре, готовой исчезнуть во тьме, откуда явилась? Не надо искать в нем знамений; то же, что видело недремлющее око, — совсем другое дело: это либо нечто, возникающее от безумия, либо — сама явь. Теперь же тебя посетило еще одно видение — ты узрела старца, который, — если даже он жив, — находится далеко; и на этом зыбком облаке ты склоняешь меня найти надежное пристанище. Как поверить, что ты не потеряла разум, когда мудрецы моей страны полагают, что большинство из нас утратило его. Ты зришь богов, но существуют ли они? А если да, то чем египетские боги отличны от вавилонских, а те — от богов Тира? Если боги существуют, почему они все разные?

— Оттого, что все люди разные, царица, и каждый народ облачает богов в свои одеяния; ведь даже мужчины и женщины одеты по-разному.

— Может быть, может быть! Но слова незнакомца и видение — не слишком ли этого мало, когда сама жизнь брошена на чашу весов, да и корона Египта. Не могу я с ребенком ввериться этому человеку, иначе мы обе вскоре ляжем на дно реки или окажемся в одной из темниц гиксосов. Лучше остаться нам здесь, ваши боги защитят нас. Здесь не менее надежно, чем подле пирамид Мемфиса, да еще хорошо, если мы доберемся туда живыми. А если нам велено отправиться в путь, да пошлют боги какой-то знак; у них еще есть время спуститься с Небес.

Так говорила царица Рима, терзаемая сомнениями и отчаянием. Кемма, не решаясь возражать, согласно кивала головой.

— Пусть будет так, как угодно царице, — наконец сказала она. — Когда боги пожелают, они укажут нам путь к спасению. Если же они безучастны к нашей судьбе, стоит ли нам куда-то стремиться — все равно будет так, как захотят боги. А теперь госпожа, не время ли нам подкрепиться и отдохнуть, однако спать мы не станем, покуда не минует тот час, когда нам указано подняться на корабль Тау.

Они отужинали, затем взяв светильник, Кемма обошла весь дворец: странная тишина поселилась здесь. Казалось, все покинули его, один лишь старый немощный раб повстречался Кемме, он объяснил ей, что люди ушли на праздник бога Нила, кататься на лодках.

— Да нешто в прежние годы могло случиться такое? — проворчал он. — Кто это слыхивал, чтобы те, кому положено охранять Ее Величество,

покинули дворец и знай себе веселятся где-то? Но с той поры, как благой бог Хеперра убит в сражении собаками гиксосами, похоже, все переменялось. Никто не помышляет о службе; все думают только о себе и о том, чтобы урвать побольше. А деньги уплывают, госпожа Кемма, деньги-то уплывают! Большие деньги передают из рук в руки, я тут в своем углу все вижу. Откуда они — я не знаю. Даже и мне предлагали, за что — не ведаю, но я отказался; к чему они старику, которому вот уже пятьдесят лет все довольствие идет из казны, да к тому же я всегда получал и зимнюю и летнюю одежду!

Кемма молча смотрела на него, словно о чем-то раздумывая, затем сказала:

— Конечно, мой старый друг, тебе деньги ни к чему; я ведь знаю, ты уж приготовил себе гробницу. Скажи, ты, наверно, знаешь все дворцовые двери, да и ворота тоже?

— Каждую знаю, госпожа Кемма, все входы и выходы. Когда я был покрепче, мне-то и полагалось закрывать их, и у меня даже сохранились вторые ключи; никто не отобрал их у меня, и до сих пор я помню, какой нрав у каждого замка.

— Тогда, друг, наберись-ка снова сил, даже если это будет твое последнее деяние; пойдешь, закрой все двери и ворота, задвинь засовы, а ключи принеси мне в царские покои. Мы хорошенько проучим тех, кто ушел без разрешения: двери окажутся запертыми, и до восхода солнца им негде будет проспать свой хмель.

— И то верно, госпожа Кемма, стоит проучить их хорошенько. А я достану ключи, обойду дворец, как когда-то, и задвину засовы; каждый из них я нарекаю в честь одного из владык потустороннего мира, чтобы не забыть, какой из них идет за каким. Да, сейчас же засвечу свою лампаду и пойду, будто я снова молод, а жена с малышами ждут, когда я вернусь домой.

Спустя полчаса старик появился в царских покоях и доложил, что все входы во дворец заперты. С удивлением он добавил, что все ворота и двери были настежь, и он не увидел ни одного ключа.

— Они позабыли, что у меня вторая связка, — усмехнулся старик, — да к тому же я знаю, как закрывать внутренние засовы; они думают, будто я, старый глупец, только и гожусь, чтобы приготовить ванну бальзамиривщику. А вот и ключи, госпожа Кемма; отдаю их тебе с радостью, уж очень они тяжелы для меня. Обещай только не проговориться, что это я закрыл двери и оставил этих бездельников

ночевать на холоде. Если тайна откроется, они избьют меня завтра. Вот если бы у вас нашлась чашечка вина для меня!

Кемма налила старику вина, смешав с водой, чтобы напиток был не слишком крепким. Затем Кемма попросила его пройти в домик у ворот царских покоев и внимательно следить, не идет ли кто; ему следовало тогда сообщить об этом Ру, который нес стражу перед лестницей, что вела в прихожую царских покоев.

Ободренный вином и радуясь, что жизнь его вновь нужна кому-то (хотя толком и не понимая, что происходит), старик пообещал все исполнить.

Затем Кемма открыла свои подозрения великану Ру; тот выслушал ее, кивая головой и поправляя на своем могучем теле панцирь из бычьей шкуры. Он проверил, легко ли дротики вынимаются из колчана, остро ли лезвие боевого топора. В нишах стены он затем расставил лампы, чтобы они осветили тех, кто вздумал бы подняться по лестнице, сам же Ру, стоя наверху, оставался в тени.

Когда приготовления были завершены, Кемма вернулась к царице, но не сказала ей о них ни слова; Рима, задумавшись, сидела у постели малютки.

— Зачем тебе копье? — удивилась царица, увидев Кемму.

— На него очень удобно опираться, а при случае стодится и для другого. Будто вокруг все и тихо, но эта зловещая тишина и тревожит меня. Кто знает, может быть, еще до рассвета в этом безмолвии мы услышим голоса богов, которые укажут нам, пойти ли на барку Тау или остаться здесь.

— Странная ты женщина, Кемма, — отвечала царица, вновь погружаясь в раздумья; затем она уснула.

Но Кемма не спала; в тревоге она то и дело бросала взгляд на занавес, который отделял ее от лестницы, где нес стражу Ру. Наконец в тревожной тишине ночи, которая изредка прерывалась лишь тоскливым воем собаки, ибо чуть не все население города отправилось на праздник, Кемме послышался шум: кто-то тряс двери или ворота дворца, пытаясь войти. Неслышно поднявшись, она подошла к занавесам, за которыми на верхней ступени лестницы сидел Ру.

— Ты заметил что-нибудь? — шепотом спросила она.

— Да, госпожа, — ответил нубиец. — Какие-то люди хотят войти в ворота, а они заперты. Старый раб доложил, что они идут, а потом убежал, чтобы где-то спрятаться. Подымись-ка на башенку, что над этой дверью, и скажи, видишь ли ты что-нибудь.

Кемма по узкой темной лестнице поднялась на кровлю пилона, находившуюся в тридцати локтях от земли; на то место, где полагалось быть стражнику. Площадку окружала зубчатая стена с бойницами, сквозь которые можно было метать копья или стрелять из лука. Луна ярко сияла, озаряя дворцовые сады и весь город серебристым светом; реки не было видно из-за крыш, хотя отдаленные возгласы веселившихся горожан доносились до Кеммы — она знала, что люди эти вернутся лишь с восходом солнца.

В тени у ворот Кемма заметила группу людей, видимо совещавшихся о чем-то. Когда они вышли на свет. Кемме удалось пересчитать их. Их оказалось восемь, и все были вооружены — лунный свет играл на копьях. Они, видимо, приняли какое-то решение и теперь двинулись через пустой двор к дверям царских покоев.

Кемма сбежала по лестнице вниз.

— Если б я стоял там, — сказал Ру, — я проткнул бы кого-то из этих ночных птиц еще до того, как они подойдут к дверям.

— Не надо, — отвечала Кемма, — быть может, они пришли с добрыми вестями; или это воины, которые станут охранять царицу. Пусть они обнаружат чем-то свои намерения.

Ру кивнул:

— Та старая дверь не из самых крепких. В ней легко пробить брешь, и стычки не избежать, — один против восьмерых, госпожа Кемма. А если со мной что случится? Есть ли еще здесь выход, через который царица с девочкой могли бы спастись?

— Нет, двери, что ведут в зал Совета, заперты; я уже пыталась открыть их. Остается только прыгнуть с задней стены дворца, но как спрыгнуть с девочкой на руках? Поэтому, Ру, с тобой ничего не должно случиться: молись, боги придадут тебе сил и ума.

— Сил у меня хоть отбавляй, а вот ума, боюсь не хватает. Я сделаю, что могу, и пусть Осирис будет милостив к тем, кого поразит мой топор.

— Слушай меня, Ру. После того как ты перебеешь этих змиев или обратишь в бегство, приготовься следовать за нами и не выражай удивления, если вместо царицы и придворной ты увидишь двух крестьянок с ребенком на руках.

— Меня нелегко удивить, госпожа, а фиванцев я видеть не могу с тех пор, как пал благой бог, господин мой Хеперра и все эти гордецы вступили в сговор с Апепи. Но куда вы собрались бежать?

— У царского причала нас должен ждать корабль; Тау, кормчий его, встретит нас в часовне за два часа до восхода солнца, так что осталось уж

немного времени. Ты знаешь это место.

— Знаю. Ш-ш-ш! Я слышу шаги...

— Говори с ними как можно дольше, Ру; нам надо еще кое-что сделать.

— Дел еще много, — согласился Ру, и Кемма скрылась за пологом.

Приход Кеммы разбудил царицу.

— Твои боги не явились, — сказала она, — и не подали знака. Видно, судьба предназначила нам остаться здесь.

— Царица, похоже, боги или демоны уже направляются сюда. Смени свои одежды. Молчи, не надо слов; молю тебя, делай, как я скажу.

Рима, глянув в лицо Кеммы, повиновалась. В мгновение ока все было готово; обе женщины облачились в крестьянский наряд и сменили одежду девочки. Затем Кемма побросала в суму старинные драгоценности, регалии древних царей Египта, и немного золота.

— Все эти знаки царского достоинства, короны и скипетры, жемчуг и золото, что ты так бережно собрала, будет тяжело нести, Кемма; ведь у нас с тобой есть еще драгоценность, которую необходимо оберегать прежде всего! — И царица бросила взгляд на малютку.

— Есть человек, который понесет ее, царица, — тот, кто вынес с поля сражения нашего государя Хеперра. А если и он не сможет, какая разница, у кого окажутся сокровища царей Юга.

— Ты полагаешь, что наша жизнь в опасности, Кемма?

— Да, так оно и есть.

Огонь вспыхнул в глазах Римы и, казалось осветил ее прекрасное, горестное лицо.

— Лучше нам умереть, — проговорила она. — А ты, друг мой, думала ли когда-нибудь о том прекрасном мире, что лежит за воротами смерти; блаженство, покой, вечность; если этого и нет — глубокая темень бесконечного сна? Жизнь! Я устала от нее и бросилась бы навстречу опасности. Но ведь есть еще дитя, мною рожденное, наследница престола Египта, и вот ради нее...

— Да, — спокойно отвечала Кемма, — ради нее!

За дверью, скрытой занавесом, послышались громкие возгласы:

— Откройте!

— Попробуйте открыть сами. Но смерть ждет тех, кто вздумает оскорбить Ее Величество, царицу Египта, — глубоким гортанным голосом отвечал Ру.

— Мы пришли, чтобы проводить царицу с царевной к тем, кто станет надежно охранять их! — выкрикнул кто-то из-за двери.

— Не смерть ли станет охранять их? — отозвался нубиец.

На мгновение наступила тишина. Затем раздался грохот, послышались гулкие удары топоров, но дверь не подавалась. Тогда в дверь принялись бить чем-то тяжелым, возможно большим бревном, и скоро створки ее, сорванные с петель, рухнули на пол.

Рима, подхватив малютку, бросилась в темный угол покоев. Кемма тоже мгновенно скрылась за пологом, держа в руке копье. Вот что представилось ее взору.

Великан-нубиец стоял на верхней ступени лестницы в тени, так как свет лампад, помещавшихся в нишах, устремлялся вниз. В правой руке Ру держал копье, левая сжимала рукоять боевого топора и небольшой щит из кожи бегемота. Грозно высился он у входа в покои царицы.

Но вот какой-то высокий человек с мечом в руке прыгнул на поваленную дверь, и лунный свет засверкал на его оружии. Мелькнуло копье, человек этот рухнул бесформенной грудой, и доспехи его проскрежетали по бронзовым петлям двери. Его оттащили в сторону. В пролом бросилось несколько человек. Ру перекинул топор в правую руку, наклонился вперед и, прикрыв голову щитом, застыл в ожидании. На щит посыпались удары. Снова обрушился на кого-то топор нубийца, и еще один из нападающих, обмякнув, упал. Ру громко запел боевую песнь своего народа, разя нападавших ударами безжалостного топора. Но пришельцы с безрассудством отчаяния продолжали наступать. Впереди их, возможно, ожидала смерть, но и в случае отступления, они наверное, не избежали бы смерти от рук соучастников заговора. Одному Ру было трудно оборонять широкую лестницу. Кто-то проскользнул под его рукой и спрятался в складках занавеса, наблюдая за происходящим. Кемма увидела его лицо. То был фиванский сановник, который прежде сражался вместе с Хеперра, а теперь, подкупленный, предался гиксосам. Гнев охватил Кемму. Бросившись вперед, она что было сил вонзила копье ему в горло. Тот упал, Кемма наступила на тело ногой и воскликнула: «Умри, пес! Умри, предатель!»

На лестнице схватка стихла. Вскоре показался улыбающийся Ру; он был весь в крови.

— Все мертвы! — крикнул он. — Только один бежал. Где этот негодяй, что проскользнул мимо меня?

— Здесь, — отвечала Кемма, указав на бездыханное тело.

— Хорошо, очень хорошо! — воскликнул Ру. — Теперь я стану думать о женщинах лучше, чем прежде. Но поторопимся! Одна собака спаслась, — она созовет всю свору. Это что — вино? Позволь мне глотнуть. И разыщи какой-нибудь плащ. В таком наряде я не смею явиться перед царицей.

— Ты ранен? — спросила Кемма, подавая ему чашу с вином.

— Нет, ни одной царапины! И все же мне не подобает быть в таком виде, хотя на мне кровь предателей. То месть богов! Пью за преисподнюю, куда они попали! Одевание это мне не по росту, да ладно, оно еще послужит. Что за мешок ты даешь мне?

— Не спрашивай. Понесешь его ты, Ру. Теперь из воина ты обратился в носильщика. Держи его, славный Ру, да не потеряй: в нем короны Египта. Идем, царица, топор Ру освободил нам путь.

Рима, державшая ребенка на руках, отшатнулась, увидев залитую кровью лестницу. Дрогнувшим от ужаса голосом она произнесла:

— Вот знамение ваших богов, Кемма, — она показала на кровь, залившую пол и стены, — а вот посланцы их. Взгляни на них. Я знаю их в лицо. Они были друзьями и воинами покойного Хеперра, моего господина. Зачем ты, Ру, убил друзей фараона; они ведь пришли, чтоб отправить меня и мое дитя в безопасное место.

— Да, царица, — вмешалась Кемма, — под сень смерти или тюрьмы Апепи.

— Не верю, женщина, и не желаю идти за тобой, — проговорила разгневанная Рима. — Спасайся, если хочешь, делай, что пожелаешь, запятнанными кровью руками; я же с моим дитя остаюсь здесь.

Кемма глянула на царицу и в раздумье опустила глаза.

— Прикажи, и я понесу ее на руках, — шепнул ей нубиец.

В этот миг взгляд Кеммы упал на тело сановника, которого она поразила собственной рукой; на глаза ей попался свиток папируса, наполовину торчавший из-под панциря. Кемма наклонилась и подняла папирус. Она принялась быстро читать, — этому ее выучили хорошо. Послание предназначалось убитому сановнику и его сотоварищам. Скреплен папирус был печатями верховного жреца и других лиц.

Послание гласило:

Во имя всех богов и ради блага Египта приказываем тебе задержать Риму — вавилонянку, супругу благого бога, царя, коего нет более, а равно и дитя ее, наследную царевну Нефрет, и доставить их к нам живыми, если удастся, дабы затем переправить оных царю Апепи, как мы поклялись в том. Прочти и повинуйся.

— Знаешь ли ты египетское письмо, царица? — спросила Кемма. — Здесь кое-то имеет отношение к тебе.

— Прочти, — отвечала Рима безучастно.

Кемма внятно прочла приказ, чтобы смысл слов проник в сознание царицы.

Выслушав, охваченная трепетом Рима прижалась к Кемме.

— О, зачем явилась я в эту землю предателей? — простонала Рима. — Лучше б мне умереть!

— Это и случится, если ты удержишься здесь, хотя бы ненадолго, царица, — с горечью сказала Кемма, — пока что мертвы предатели или некоторые из них; о проделках их расскажи Хеперра, нашему господину. Идем. Поспешим, в Фивах еще есть негодяи.

Но Рима без чувств опустилась на пол. Кемма успела подхватить малютку и взглянула на Ру.

— Так-то лучше, — сказал великан, — царица теперь слова не скажет, и я просто понесу ее. Но что делать с мешком? Не лучше ли бросить его? Жизнь-то подороже всех корон.

— Нет, Ру, клади его мне на голову — так крестьянки таскают свою ношу. Я буду придерживать его левой рукой, а правой понесу ребенка.

Нубиец помог Кемме, а затем легко поднял царицу — силы ему было не занимать. Так они спустились по лестнице, переступая через тела, и вышли из дворца. Их окутала ночь.

К пальмам надо было идти по открытому пространству. Девочка тихо плакала; Кемма, кутая ее в свой плащ, старалась заглушить слабый голосок. Ноша тяжело давила голову, острые края драгоценностей, украшавших короны и скипетры, впились в лоб, но Кемма шла вперед. Оказавшись в тени пальм, на мгновение она задержала шаг, чтобы перевести дух, и оглянулась. Какие-то люди — их было много — бежали к дверям царских покоев.

— Не следовало нам медлить, — прошептал Ру. — Скорее вперед!

Они двинулись дальше, но вот перед ними возникла разрушенная часовня. Кемма, шатаясь, подошла к ней и опустилась на колени: силы покинули ее.

— Пока не придет помощь, останемся здесь, — сказал Ру. — Двух полуживых женщин я еще смог бы унести, и даже мешок на голове. Но девочка... Ведь это царевна Египта. Даже ценой чьей-то смерти ее надо спасти.

— Да, — еле выговорила Кемма. — Брось меня, спасай девочку. Возьми ее и мать и ступай к реке. Быть может, лодка уже там.

— А может, и нет, — проворчал Ру, оглядываясь.

Послышались шаги, из-за пальмы появилась фигура Тау.

— Вы пришли чуть раньше, госпожа Кемма, — сказал он. — Но, к

счастью, я тоже, и даже попутный ветер с верховьев не задержался. По крайней мере вы трое тут. Но кто это с вами? — Тау пристально посмотрел на великана-нубийца.

— Тот, на кого можно положиться, — отвечал Ру, а если сомневаешься, проберись ко дворцу и взгляни на лестницу царских покоев. Если понадобится, человек этот сломает кости и тебе, как раб ломает прутья.

— Этому я верю вполне, — согласился Тау, — но ломать кости или нет, решим после. Теперь же следуй за мною, и поскорей!

Тау перебросил мешок через плечо и, поддерживая Кемму, направился к реке.

У ступеней причала качалась лодка, а в некотором отдалении виднелась барка с припущенным парусом, стоявшая на якоре.

Тау взялся за весла и стал грести в сторону барки. Оттуда ему бросили веревку; поймав ее, Тау закрепил конец и начал подтягивать лодку к борту. Несколько рук протянулись навстречу, и вскоре все были уже на палубе.

— Поднять якорь, — приказал Тау. — Поставить паруса!

— Слушаюсь, господин, — отозвался чей-то голос.

Еще немного, и судно заскользило вниз по реке, подгоняемое сильным южным ветром. С корабля, тихо удалявшегося под покровом ночи, беглецы увидели людей с факелами, обыскивавших пальмовую рощу, которую они только что покинули. Обеих женщин и девочку поместили в каюте. Тогда лишь Тау обратился к нубийцу:

— Ну, Костолом, скажи что-нибудь; быть может, чаша вина и немного пищи развяжут тебе язык.

Так царица Рима, наследница престола египетского Нефрет, воспитательница ее Кемма и эфиоп Ру совершили побег из Фив, ускользнув из рук предателей.

Глава IV Храм Сфинкса

День за днем барка плыла вниз по Нилу. По ночам или если ветер не был попутным, ее подводили к берегу, обычно в каком-нибудь пустынном месте, подальше от городов. Дважды останавливались вблизи больших храмов, разрушенных гиксосами при завоевании этих земель и не отстроенных еще заново. С наступлением темноты из руин или из гробниц вокруг них появлялись люди, которые приносили что-то на продажу; Кемма, посвященная во многое, что касалось отправления культа, по некоторым жестам угадывала в них жрецов, хотя она не знала, каким богам они служат. Пришедшие, выказывая глубокое почтение Тау, беседовали с ним наедине, и потом под разными предложениями Тау приводил их в каюту, где находилась маленькая царевна; те с благоговением глядели на нее, а порой простирались ниц, словно перед божеством; затем они покидали барку, призывая к ней благословение богов, которым поклонялись. Похоже было даже, что люди эти никогда не брали вознаграждение за принесенную ими пищу.

Кемма примечала все это, да и Ру также, хоть и казался простаком; лишь царица Рима почти что не обращала внимания на происходящее. С той поры, как в сражении был убит ее господин, царь Хеперра, силы оставили царицу; измена ее советников и военачальников, казалось, целиком сломила ее волю; теперь ее не тревожило ничто, кроме судьбы малютки.

Очнувшись, Рима обнаружила, что она на корабле; царица задала несколько вопросов, а увидав Ру, которого очень любила, она отшатнулась — ей казалось, что от него пахнет кровью. С Тау она почти что не говорила; после всего, что она пережила, мужчины внушали ей опасения. Откровенна она была лишь с Кеммой, и главное в этих беседах было: как спастись из ненавистного Египта, вернуться к отцу, царю Вавилона?

— Пока что боги Египта обошлись с тобой не слишком жестоко, царица, — убеждала ее Кемма. — Они вызволили тебя с дочерью из предательских сетей; и совершили боги все это уж после того, как ты объявила, что не веришь в них.

— Может быть, Кемма. Но твои боги распорядились так, что царственный супруг мой убит, а те, кому он и я верили, оказались подлыми предателями; они искали случай, чтоб отдать супругу царя и его малютку-дочь в руки врагов. Лишь твой ум да сила и храбрость эфиопа спасли нас.

И не обо мне, чужеземке, пекутся боги, а о роде фараонов Египта, продолженном мною. Пусть тебя не удивляет, что это не мои боги, хотя я, жена фараона, не раз возлагала приношения на алтари их. Помяни слова мои: я еще вернусь в Вавилон и перед смертью преклоню колена в храмах моих предков. Доставь меня назад в Вавилон, Кемма, где люди не изменяют тому, чей хлеб насыщает их, где их не обуревают жажда продать в рабство или предать смерти наследницу тех, кто погиб, сражаясь за них.

— Я исполню это, если смогу, — проговорила Кемма, — но увы, Вавилон далек, а земли между ним и нами в огне войны. Мужайся, царица, и наберись терпенья.

— Не осталось во мне мужества, — отозвалась Рима, — одно желание у меня: найти своего господина, восседает ли он за столом вашего Осириса, плывет ли в облаках вместе с Белом или спит в глубокой тьме. Где б он ни был, я хочу быть рядом и нигде больше, а менее всего — в этом ненавистном Египте. Дай мне малютку, я покормлю ее, подержу на руках, пока еще могу. Мы сильнее любим тех, кого вскоре должны оставить, Кемма.

Жрица передала девочку и отвернулась, чтобы скрыть слезы, ибо горе, как полагала Кемма, сокращало жизнь обездоленной вдовы, дочери царя Вавилона.

Проплывая Мемфис, который Тау хотел миновать на ранней заре, прежде чем люди выйдут из жилищ, беглецы подверглись большой опасности. К барке приблизилась лодка с воинами, которые потребовали, чтобы барка остановилась. Тау счел за благо подчиниться.

— Помните, что надо говорить, — шепнул он Кемме. — Ты моя сестра, царица — больная жена. Ступай, вели ей позабыть на время свое горе и коварством уподобиться змее. Ты же, Ру, прячь подальше свой боевой топор, да так, чтоб его можно было легко достать при надобности. Ты мой раб, за которого я дорого заплатил в Фивах; я собираюсь зарабатывать деньги, показывая твою силу на рынках; и ты очень плохо или даже совсем не говоришь по-египетски.

Лодка причалила к борту. У двух воинов, сидевших в ней, вид был сонный, похоже, глаз не сомкнули всю ночь; на веслах сидел какой-то простолюдин. Стражники поднялись на палубу и спросили кормчего. Появился Тау, на ходу поправляя одежду, и недовольно спросил, что им надо.

— Наше дело узнать, что тебе надо здесь? — сказал один из них.

— Ответ прост, господин. Я вожу зерно вверх по реке, а спускаясь вниз, везу скот. Есть у меня несколько породистых бычков, вы их, часом, не

купите? Если так, можно бы глянуть на них. У одного даже есть метка Аписа или что-то в этом роде.

— Похожи мы на торговцев, скупающих скот? — спросил высокомерно один. — Показывай разрешение.

— Вот, пожалуйста, господин. — И Тау протянул папирус, скрепленный печатями торговцев Мемфиса и других городов.

— Жена, ребенок и сестра — небось старшую жену за сестру выдаешь? — и большая команда. Мы ищем двух женщин с ребенком, надо нам взглянуть на них.

— Зачем? — усомнился второй воин. — Барка не похожа на царский военный корабль, что нам велено задержать; к тому же зловоние от этих быков ужасное, я не выдержу — вчера ведь был праздник.

— Военный корабль, господин? Вы его дожидаетесь? За нами шел какой-то. Мы его видели, но вода стоит низко, и корабль тот сел на мель; уж не знаю, когда достигнет он Мемфиса. Очень ладный корабль, много воинов на борту. Они собирались пристать в Сиуте, что был пограничным городом Юга, пока мы не разбили этих заносчивых южан. Но взгляните на женщин, если угодно.

Сообщение в военном корабле заинтересовало стражников настолько, что они двинулись вслед, мало думая о спутницах Тау. Один взял лампаду и сунул ее за полог, прикрывавший вход в каюту, пробормотав:

— Чтоб злые духи ее забрали! Совсем не светит.

— Ее погасят злые запахи, — отозвался другой, зажимая нос и глядя внутрь. Тусклый язычок пламени едва светил, и воины увидели не слишком опрятно одетую Кемму, сидевшую на мешке (знали б они, что в нем хранятся сокровища царей Верхнего Египта!). Она мешала молоко с водой в тыквенном сосуде, другая женщина с неубранными волосами лежала, прижав к груди какой-то сверток.

В этот миг лампада совсем потухла, и Тау принялся вспоминать, где найти масло, чтоб вновь засветить ее.

— Ни к чему, друг, — сказал старший, — мы уже поглядели. Плыви с миром и продай своих бычков как можно удачнее.

Воин вернулся на палубу, где — словно по велению злого рока — взгляд его упал на Ру, который присел, стараясь скрыть свой рост.

— Какой рослый негр! — удивился стражник. — Не о нем ли донес наш соглядатай: будто какой-то негр поубивал там много наших сторонников. Встань-ка, малый!

Тау сделал вид, что перевел его слова; Ру поднялся, растерянно улыбаясь и тараща свои глазищи так, что засверкали белки.

— О, — воскликнул воин, — вот так громадина! Клянусь богом! Какая грудь, что за руки! Послушай, кормчий, что это за великан? Зачем он понадобился на торговом судне?

— Господа, — отвечал Тау, — я решился купить его, вложив в это дело большую часть того, что имел. Он очень силен, прямо-таки чудеса выделывает, потому я надеюсь заработать на нем в Танисе.

— Вот как? — недоверчиво произнес один из воинов. — Ну-ка, — обратился он к Ру, — покажи свою силу.

Ру нерешительно покачал головой.

— Не понимает он вас, господа, он ведь эфиоп. Постойте, я ему скажу.

И Тау обратился к Ру на непонятном языке. Ру словно пробудился и кивнул, ухмыляясь. В следующее мгновение он подскочил к стражникам, ухватил каждого за одежду и, словно детей, поднял над палубой. Затем с громким хохотом нубиец подошел к борту и, будто желая кинуть обоих в реку, вытянул руки над водой. Стражники кричали, Тау с бранью пытался оттащить Ру от борта. Ру обернулся, продолжая держать воинов в воздухе и задумчиво рассматривая люк, словно собирался швырнуть туда своих пленников. Наконец слова Тау дошли до него, и он плашмя кинул обоих на палубу.

— Это его любимая шутка, — пояснил Тау, помогая воинам подняться на ноги, — он так силен, что мог бы еще и третьего удержать в зубах.

— Ладно, с нас довольно трюков твоего дикаря, — сказал воин. — Смотри, как бы не угодить тебе из-за него в тюрьму. Придержи-ка его, пока мы сядем в лодку.

Стража отплыла, и барка, незаметная в тумане, что с восходом солнца таял над рекой, продолжила свой путь мимо набережных Мемфиса.

Тогда нубиец, подойдя к рулевому веслу, что держал Тау, тихо проговорил:

— Сдается мне, Тау, что ты — большой господин или даже князь, хоть и желаешь сойти за владельца торгового суденышка. А было б хорошо, если б ты приказал мне бросить тех молодцов в реку. Она-то уж молчит о том, кого хоронит. Скоро узнают, что нет никакого военного корабля, о котором ты так хорошо рассказывал, и тогда...

— И тогда, Костолом, тем стражам, что щебетали, как зяблики в траве, несдобровать; ведь настоящая добыча тем временем ускользнула из их рук. Жаль, по-своему, они не такие уж скверные люди. А бросить их в реку, быть может, и неплохо бы, хотя и жестоко, да оставался свидетель. Что сказал бы лодочник, что привез их, обнаружив, что воины его не вернулись?

— Ты мудр, — сказал Ру восхищенно, — мне это в голову не пришло.

— Да, Ру. Если б к твоей неразумной силе и природной доброте добавить мой разум, ты смог бы править этим жестоким миром, но мой разум остается при мне, и оттого смирись с тем, что на тебе ярмо, как на буйволе, и ярмо это удерживает не только тебя, но и более сильных, чем ты...

— Если дело в разуме, отчего же ты не властитель, господин? Ведь ты вроде всем взял, хоть и не такого роста, как я? Почему везешь ты беглецов на грязном торговом суденышке, а не восседаешь на царском троне? Объясни это мне, простому чернокожему, кого учили только сражаться да быть честным.

Тау искусно вел корабль среди множества барок, подымавшихся по Нилу с грузом. Затем кормчий подозвал матроса, чтоб тот сменил его, — теперь на реке не видно было ни одного судна, — а сам присел на ограждение борта и заговорил:

— Потому, друг мой Ру, что я избрал путь служения. Если человек не привык предаваться размышлениям и задумывается также мало, как большинство простосердечных людей, — особенно если он молод и простого звания, — ему известны лишь любовь, коей жив род человеческий, да война, что уносит множество людей; и ты, наверно, не поверишь, если я скажу, что истинная радость жизни — в служении. Разное бывает служение. Многие служат фараонам, отчего те слепы и самодовольны: ветер, отравленный дыханьем толпы, влечет их, преисполненных тщеславия, словно пузыри по воде, хоть сами они не ведают того; они — рабы рабов — несут зла более, нежели добра. Кто служит истинно — живет иначе: отринув своекорыстие и тщеславие, он смиренно трудится во имя добра и находит в том себе награду.

Ру потер лоб и спросил:

— Но кому же подобный человек служит, господин?

— Он служит богу, Ру.

— Богу? О каких только богах не слышал я в Эфиопии, Египте и других землях. Какому богу он служит, где находит его?

— В сердце своем, Ру; но имя его я не смогу назвать тебе. Одни нарекли его Справедливостью, другие — Свободой, некоторые — Надеждой, а кое-кто — Духом.

— А как те, кто служат только себе, своему желанью, кому безразлично все прекрасное, — как они называют его, господин?

— Не знаю, Ру. Хотя все ж, пожалуй, знаю — Смерть.

— Но живут те люди так же долго, как и другие, и нередко пожинаят

богатый урожай.

— Да, Ру, но все же дни их сочтены, и если они не раскаялись, души их умирают.

— Ты веришь, как тому учат жрецы, что души продолжают жить?

— Верю, что они живут дольше самого Ра, бога солнца, дольше звезд, и из века в век пожинают плоды честного служения. Но не спрашивай меня; лучше тебе об этом расскажет тот, кого вскоре ты увидишь; я лишь ученик его.

— Не стану я спрашивать, господин, мысли мои и так уж путаются, — но вот только объясни мне, если пожелаешь, что тебе даст в конце концов служение, которое велит тебе с большой опасностью плыть вверх по реке, дабы спасти двух женщин и ребенка?

— Быть может, награда за истинное служение заключается в самом служении. И не мне доискиваться до цели его, я ведь дал клятву повиноваться, не задавая вопросов и не выражая сомнений.

— Так у тебя есть наставник, господин мой, кто он?

— Это ты вскоре узнаешь. Не жди, что пред тобою окажется царь на троне или жрец, окруженный почестями и великолепием. Я расскажу тебе кое-что, Ру, ты ведь многого не знаешь. Ты уверен, будто фараон, войско, богатство составляют силу, что правит Египтом, да и всем миром. Не так это. Есть сила, тебе не явленная, она-то и правит миром; имя ей — Дух. Священнослужители учат, будто у всякого человека есть свое Ка, свой двойник, — нечто невидимое глазу, но более сильное, чистое, мудрое и долговечное, чем сам человек. Нечто такое, что время от времени, возможно, зрит лик божества и нашептывает человеку о воле его. Пусть это притча, но в ней есть доля истины, ибо каждому живущему сопутствует приданный ему дух. Или даже два: один — дух добра, другой — зла; один ведет вверх, другой же тянет вниз.

— Еще раз скажу, господин: ум мой мутится от таких слов. Но куда и к чему ведет тебя твой собственный дух?

— К вратам мира, мира для меня самого и для всего Египта, Ру; в край, где для тебя мало дел, ибо там нет войны. Посмотри, там, вдали, Великие пирамиды; то — дома мертвых, а возможно — и обители душ, что не умирают. А теперь помоги мне убрать парус — мы должны проплыть мимо них медленно. Ночью мы вернемся и высадим здесь кой-кого из наших спутников. Там, быть может, тебе станет яснее смысл того, о чем я говорил.

Спустилась ночь. Тау привел свое судно назад, к пристани. Во время

половодья причал оказывался недалеко от Великих пирамид и Сфинкса, что лежал рядом с ними, вперив свой вечный взор в пустоту. Тут под покровом темноты беглецы сошли к корабля и сразу же укрылись в зарослях тростника.

Едва они спрятались на берегу, как над рекой забрезжил свет: показались барки, полные вооруженных людей, с большими факелами, укрепленными и на носу, и на корме. Они шли вниз по течению. Тау проводил их взглядом и обернулся к спутникам.

— Похоже, кто-то донес мемфисским стражникам, что никакой военный корабль из Фив за нами не шел, — сказал он, — теперь они ищут торговое судно, на борту которого две женщины с младенцем. Ладно, пусть ищут; птицы упорхнули, а туда, где они вьют гнезда, гиксосам не подступиться.

Отдав распоряжения матросу, — лицо которого было столь же непроницаемым, как и у других матросов на судне, — Тау подал руку царице Рима и двинулся в темноту, за ним следовала Кемма с девочкой на руках, а замыкал шествие Ру, который нес сокровища царей Верхнего Египта.

Долго брели они вперед, сначала через пальмовую рощу, затем по пустынным пескам, пока в тусклом свете восшедшей луны им не открылось вдруг удивительное зрелище. Перед ними появилась огромная, высеченная из целой скалы фигура льва с человеческим лицом, в головном уборе царя или бога; внушающий ужас недвижный взор изваяния обращен был к востоку.

— Что это? — дрогнувшим голосом спросила Рима. — Мы в подземном мире и перед нами бог его? Это лицо со страшной улыбкой, конечно, принадлежит богу.

— Нет, госпожа, — отвечал Тау, — то лишь образ бога, Сфинкс, который возлежит здесь с незапамятных времен. Смотри! На фоне неба видны очертания пирамид позади него; в их подземельях — защита и покой для тебя и твоего ребенка.

— Спасенье для ребенка — может быть, — согласилась Рима, — для меня же, думаю, самый долгий из всех покой. Ибо знай, о Тау, — из суровых улыбающихся глаз Сфинкса на меня глядит сама смерть.

Тау промолчал; даже его мужественная душа, казалось, содрогнулась от столь зловещего предсказания. Кемма, как и он охваченная страхом, прошептала:

— Мы поселимся среди гробниц, и это к лучшему, ибо, может быть,

нам вскоре придется искать укрытия.

Ру тоже почувствовал ужас, хотя скорее при виде величественной фигуры Сфинкса чем от слов царицы, которые он не очень-то уразумел.

— Здесь так страшно, что сердце мое дрожит, да и ноги подкашиваются, — чистосердечно признался он. — Я не из пугливых, а сейчас вот испугался — с тем, что я тут вижу, не сразишься, я тут бессилён. Сама судьба предстала перед нами, а что человек может перед лицом судьбы?

— Внять ее велению, как должны внимать все смертные, — внушительно произнес Тау. — А теперь вперед; храм этого бога открыт, другие оставим судьбе.

Отойдя примерно на пятьдесят шагов от вытянутых лап могучего изваяния, путники приблизились к лестнице, уводившей куда-то вниз, спустились по ее ступеням, и оказались перед стеной, в которой выделялся большой гранитный блок. Подняв с земли камень, Тау условным стуком постучал по стене. Трижды повторял он свой стук, звучащий каждый раз несколько иначе. Вскоре огромный камень слегка сдвинулся с места, приоткрыв узкий проход. Тау подал знак следовать за ним. Путники очутились в непроглядной тьме; послышались слова пароля. Потом из темноты выплыл свет лампад; их держали люди в белых одеждах жрецов, но носившие, подобно воинам, мечи и кинжалы. Их было семеро, один, видимо, старший, — шел впереди. К нему и обратился Тау:

— Я доставил сюда тех, за кем отправился на поиски. — И он указал на царственного младенца, покоившегося на руках Кеммы, царицу и великана Ру, которого жрецы разглядывали с недоумением.

Тау принялся было объяснять, кто такой Ру, но старший перебил его:

— Не продолжай. Благочестивый пророк говорил о нем. Пусть этот человек знает: того, кто раскроет тайны сего места, ждет страшная смерть.

— Только еще ждет? — отозвался Ру. — А мне казалось, будто я уже мертв и погребен.

Жрецы один за другим почтительно поклонились младенцу и, завершив церемонию, знаком велели всем следовать за ними.

Они двинулись по длинному проходу, выложенному алебастровыми плитами, и скоро очутились в просторном зале, потолок которого поддерживали массивные гранитные колонны, а вдоль стен возвышались величественные изваяния богов и царей. Миновав зал, процессия прошла в галерею, куда выходили двери жилых помещений, имевших окна. Покои эти предназначались, видимо, для вновь прибывших: там виднелись лежа и прочая мебель, не были забыты и женские одеяния. В одной из комнат

стоял стол, уставленный всевозможными яствами.

— Подкрепитесь и отдыхайте, — обратился к беглецам Тау. — Я доложу обо всем пророку. Завтра же сам он будет говорить с вами.

Глава V Принесение клятвы

На следующее утро солнечный луч, пробившись через окно, рано разбудил Кемму.

Значит, мы не в гробнице, — с облегчением подумала она, — мертвым окна не нужны.

Она повернула голову и увидела, что царица сидит на своем ложе и глаза ее восторженно сияют.

— Ты проснулась, Кемма, — проговорила Рима. — Солнце светит тебе прямо в глаза; благодарение за это богам — значит, мы живы. А мне приснилось, что господин мой добрый Хеперра — кого, увы, нет в живых — явился ко мне и сказал:

«Супруга моя, ты завершила все труды: наша дочь в безопасности, ты принесла ее в священное место, где обитают души тех, кем прежде славен был Египет, — они защитят ее. Возлюбленная моя, готовься теперь вернуться к супругу твоему».

«Этого я желаю более всего! Но укажи, господин мой, как найти тебя?» — проговорила я.

И тут, Кемма, дух царя Хаперра отвечал:

«Ты найдешь меня там, где нет ни войн, ни страха, ни горя, и долгие годы мы пребудем с тобой в счастье, что же случится потом, мне неведомо».

«Но наше дитя? — вопрошала я. — Неужели нам суждено потерять дочь?»

«Нет, любимая, — ответил он, — она вскоре будет с нами».

«О господин мой, — испугалась я, — неужели она покинет сей мир, так и не узнав его?»

«Нет, возлюбленная моя, но в этом мире нет времени, а срок ее жизни на земле вскоре завершится, и она присоединится к нам».

«Но она не узнает нас, господин, — ведь мы покинули ее, когда она была еще младенцем».

«Усопшие знают все; но что кажется утраченным, они обретают вновь; в смерти все прощается, даже те жрецы и сановники, что предали вас гиксосам, будут прощены; те, кого боевой топор Ру послал сюда, стоят подле меня и испрашивают твоего прощения. В смерти приходит прозрение. Поэтому иди сюда скорее и не страшись».

И тут я пробудилась, в первый раз чувствуя себя счастливой с тех пор,

как Ру вынес тело царя Хеперра с поля битвы.

— Станный сон. Очень странный сон, царица. Но разве можно верить видениям ночи? — воскликнула Кемма. В растерянности, не зная, как отвлечь царицу, она продолжала: — Поднимись, госпожа моя, если то угодно тебе, позволь облачить тебя в одеянья, что припасены тут. Мы позовем господина Тау, я убеждена, что он знатный господин, а не простой корабельный кормчий, мы осмотрим место, куда попали и которое могло оказаться куда хуже: тут нас ожидали и тонкие яства, и удобные покои, и друзья, и глубокие подземелья, где можно укрыться, если нападут враги.

— Ах, Кемма, я поднимусь, но в последний раз: я хотела бы взглянуть в лицо этому Рои, пророку, благодаря которому мы оказались здесь; я передам под его покровительство свою дочь, прежде чем отправлюсь туда, куда ему идти еще не пришел срок.

— Значит, ты, царица, уйдешь действительно далеко, если правда все то, что я слышала о Рои, — отозвалась Кемма.

Некоторое время спустя, когда женщины сидели за утренней трапезой, вошел Тау и пригласил их следовать за ним к его наставнику, прорицателю Рои.

Женщины повиновались. Рима двинулась к двери, опираясь на руку Тау, Кемма несла девочку, замыкал процессию Ру. Вскоре послышалось тихое пение; войдя в большой зал, куда свет проникал через маленькие окна, располагавшиеся под самым потолком, они увидели людей в белых одеяниях: мужчины стояли справа, женщины — слева. В глубине зала помещался алтарь, позади него — часовня из алебаstra с большой статуей бога мертвых Осириса в погребальных пеленах. Пред алтарем на троне из черного камня сидел старец, облаченный в светлые одеяния жреца; необычной формы амулеты поблескивали на нем золотом и драгоценными камнями.

Ру возрился на старца в крайнем удивлении: длинная белая борода, тонкие, как у мумии, руки, нос с горбинкой, живые, казалось, всепроникающие глаза горели огнем. Хотя Кемме уже много лет не доводилось видеть Рои, она сразу признала в нем потомка царей, своего двоюродного деда; под именем пророка Рои он был известен всему Египту своей святостью, тайным могуществом и волшебной силой. Кемма вспомнила, как образ прорицателя явился ей в полуразрушенной фиванской часовне, когда она пыталась понять, кто же такой Тау: правда ли, что он посланец друзей или враг, который пытается заманить ее в ловушку.

Беглецы приблизились; присутствовавшие в зале молча наблюдали за

ними. Внезапно Рои поднял голову и, устремив на них пристальный взгляд, громко обратился к Тау:

— Кто те, кого ты ввел в собрание тайной Общины Зари, куда вход без должного разрешения карается смертью? Ответствуй же, сын мой по духу.

Тау отвечал после троекратного поклона:

— О источник мудрости, благороднейший из царей, глас небес, выслушай меня! В прошлое полнолуние ты повелел мне:

«Жрец Общины нашей, ты обратишься в торговца. Отправься в Фивы и, прибыв туда, проникни в дворцовый сад и спрячься за пальмой, что растет у забытой часовни. Там ты найдешь царскую няньку Кемму, в жилах коей течет и моя кровь. Покажи ей этот обломок талисмана и, если она покажет тебе второй, откройся ей, объявив, что послан мною. Если же она усомнится, вознеси молитвы и призови меня, я услышу твой зов и приду на помощь. Когда же она доверится тебе, исполни порученное, как сочтешь нужным».

Я внял твоему повелению. Перед тобой Рима, дочь Дитаны, царя вавилонского, вдова фараона Верхнего Египта Хеперра, а также и Кемма, воспитательница царской дочери Нефрет, царицы Египта.

— Вижу, сын мой, но кто же четвертый, вот этот сильный негр, о ком я ничего не говорил?

— Отец, без его помощи, поистине ниспосланной богами, никто из нас не стоял бы здесь сегодня: это он не впустил предателей в дверь, секирой своей убив всех восьмерых.

— Не совсем верно, сын мой, или мой дух ввел меня в заблуждение: ведь одного сразила госпожа Кемма.

Ру, слушавший обоих со все большим удивлением, не смог сдержаться:

— Истинная правда, о пророк, а может, и бог! — воскликнул он. — Это она убила негодяя, что проскользнул мимо меня. И то был сильнейший удар, который когда-либо наносила женская рука. О пророк, твои глаза и впрямь очень зорки, если ты видел все это.

Слабая улыбка скользнула по лицу Рои.

— Подойди сюда, Ру, — так, кажется, тебя зовут, — промолвил он.

Великан повинился и по собственной воле пал на колени перед ним.

— Слушай же меня, эфиоп Ру, — продолжал пророк. — Ты человек бесстрашный и верный. Ты сразил тех, кто убил господина твоего, царя Хеперра, и вынес тело его с поля битвы. Сейчас же дарованные тебе свыше сила и доблесть спасли наследницу трона Египта и царицу от заточения и гибели. Потому я принимаю тебя в нашу Общину, в которой никогда доселе не было негров. Тебя обучат простым ритуалам и некоторым молитвам. Но

знай, Ру, стоит тебе выдать самую малую тайну или учинить зло кому-нибудь из своих собратьев, ты умрешь, и вот как. — И, наклонившись, Рои прошептал что-то эфиопу.

— Не надо, молю тебя, прорицатель! — воскликнул в ужасе Ру, поднимаясь с колен. — Ни о чем подобном не слышал я ни в Эфиопии, ни в Египте, ни на войне, ни в дни мира. Но твои угрозы излишни: я в жизни никого не предал, уж тем более не предаю тех, чей хлеб ем и кого люблю. — И Ру обратил взор на царицу и младенца.

— Слушай же! — продолжал пророк. — Отныне ты — телохранитель и страж наследницы престола Египта. Куда бы она ни двинулась, следуй за нею. Если она почивает, твое ложе — у ее двери. Если ей придется воевать, будь рядом, прикрывая ее, словно щитом, своей жизнью. Когда бы она ни отправилась в путь, — днем ли, ночью ли, — ты пойдешь рядом, а если она умрет, умрешь и ты и проводишь ее в царство мертвых. Это будет наградой тебе, ибо те благословения и сила, коими наделена она, осенят и тебя, и ты станешь служить ей вечно. А теперь отойди назад.

— Лучшей участи мне и не надо, — прошептал Ру, повинувшись.

— Воспитательница, поднеси мне дитя, — молвил затем пророк.

Кемма вышла вперед, неся спящую девочку; по приказанию Рои она подняла ее, чтоб та была видна всем, и каждый, кто находился в зале, преклонил колена и поклонился ей.

— Братья и сестры Общины Зари, взгляните в облик сего младенца: пред вами наследница престола, будущая царица Египта! — воскликнул Рои, и снова все преклонили колена и поклонились. Затем жрец, наклонившись к ребенку, тихо произнес несколько слов и благословил Нефрет, ритуальными жестами призывая богов и духов вечно хранить ее. Свершив этот обряд и поцеловав царевну, Рои передал ее Кемме и сказал:

— Будь благословенна и ты, верная женщина. Пусть и на тебя сойдет благословение; позже тебя посвятят в наши тайны и введут в Общину. Иди с миром.

Все это время царица Рима сидела на поставленном для нее кресле, устремив на Рои невидящий взор и слушая его так, словно речи не имели к ней никакого отношения. Когда же Рои кончил, она подняла голову и произнесла:

— Привет и благословение рабу. Привет и благословение воспитательнице. Приветствие малютке и преклонение перед ней, в коей течет царская кровь Египта и Вавилона. Каково же будет приветствие царице и матери, о прорицатель, по велению коего мы попали сюда, в это мрачное место, обиталище заговорщиков, чьи намерения неизвестны?

Рои поднялся со своего трона, стоявшего пред алтарем и, приблизившись к убитой горем царице, взял ее руку и поцеловал.

— Для Вашего Величества я не нахожу приветствия, — произнес старец, склонив свою убеленную сединами голову, — ибо я вижу ваше приобщение у тому, кто сильнее меня. — И Рои поклонился в сторону величавого изваяния Осириса, глядевшего на них из-за алтаря.

— Я знаю, — отвечала царица со слабой улыбкой.

— Но мне доложили, что прошлой ночью Вашему Величеству было видение. Так ли это? — продолжил Рои.

— Да, прорицатель, хотя мне непонятно, кто мог донести тебе об этом?

— Не все ли равно, как я узнал? Куда важнее то, что мне надлежит поведать Вашему Величеству: сон ваш — не греза, взлелеянная человеческими надеждами и ожиданиями, но истина. О царица, сей мир и его страдания — лишь тень и жалкое зрелище; над ними, подобно пирамидам, высящимся над песками и пальмами, — над всем земным возносится вечная истина по имени Любовь. Пески сметает ветер, пальмы порой бури вырывают с корнем, либо, принеся плоды, они стареют и гибнут, одни лишь пирамиды вечны.

— Я поняла и благодарна тебе, прорицатель. А теперь выведи меня отсюда, я очень утомлена.

На третью ночь после этой беседы Рима, чувствуя, что терзавшая ее лихорадка сделала свое дело и пришло время прощаться с земным миром, послала за прорицателем. Рои пришел немедленно, и Рима обратилась к нему с такими словами:

— Не знаю, кто ты, не знаю, что это за Община Зари, о которой ты говоришь, и какие у нее цели; не знаю, зачем повелел ты доставить сюда наследницу престола Египта, не ведомо мне, каким богам ты служишь, ибо мне еще немного открылось в вашей вере, хотя это истинная правда — две египетские богини явились мне в видении в ночь рождения моего дитя. Но вот что добавлю: сердце говорит, что ты человек праведный, и сама судьба предназначила тебе быть прорицателем, чтоб исполнять ее волю; думаю, что и ты, и люди вокруг тебя, — вы затеваете что-то во благо царевне, которой, если есть справедливость на земле, суждено в будущем стать царицей Египта. Полагаюсь на волю Небес; сама же я, совершив все, что могла, умираю несчастная и бессильная. Случится то, что должно, и слова здесь излишни. Но от тебя я требую клятву, Рои, и от Тау, а также от всех братьев и сестер, что подвластны тебе. Вы набальзамируете мое тело так, как это умеют делать в Египте, а когда представится на то случай,

отправьте его Дитане, царю Вавилона, моему отцу, или тому, кто сменил его: на груди моей должен лежать свиток, куда я записала мою предсмертную волю; и если то будет возможно, пусть моя дочь, наследная царица престола Египта, сопроводит мои останки к родительскому дому. Я жду клятвы и в том, что царю Вавилона передадут: я заклинаю во имя наших богов и нашей общей кровью отмстить за беды, что претерпела в Египте, за смерть моего возлюбленного господина, супруга моего, царя Хеперра. Я взываю к отцу своему, чтобы он, — под страхом мести моего духа, — обрушился со всем своим войском на Египет, дабы истребить псов гиксосов, а дочь мою, царевну Нефрет, посадить на трон Египта; изменников же схватить и покарать. Вот клятва, что я требую от тебя.

— Царица, — возражал ей Рои, — клятва эта мне не по душе; исполнение ее приведет к войне, а мы, сыновья и дочери Общины Зари, — ибо Гармахис, который в образе Сфинкса сторожит наши врата, есть бог Зари, — мы жаждем мира, а не войны. Прощение, а не месть — вот закон, которому мы следуем. Правда, мы желаем, если удастся, свергнуть царей-гиксосов и восстановить Египет в тех пределах, что существовали при законных его правителях, чьей наследницей явилась к нам царица Нефрет. А если откажут нам боги в большем, объединить Север и Юг, дабы Египет усилил свою мощь и величие и залечил раны.

— Объединения ищут и гиксосы, — тихо отозвалась Рима.

— Да, но они желают впрячь Египет в ярмо; мы же хотим сбросить это ярмо не мечом. Гиксосов множество, но народа Египта еще больше, и если оба народа сольются, добрая египетская пшеница заглушит сорняк гиксосов. Кое-что сделано, уже цари-гиксосы поклоняются египетским богам, чьи алтари они некогда разрушили, они перенимают уже законы и обычаи Египта.

— Может быть и так, пророк, и в конце концов все придет к тому, чего ты желаешь. Но в моих жилах течет иная кровь, чем у вас, кротких египтян. Тяжкие страдания выпали на мою долю: супруга моего убили; те, кому я верила, хотели продать меня и дочь мою в рабство. Вот почему я ищу возмездия, хоть и не придется самой мне увидеть, как свершится оно. Не мягкими речами и не дальними расчетами хочу я восстановить справедливость, а копьями и стрелами. Тело мое немощно и конец близок, но душа моя в огне. Я знаю, что все ваши надежды, так же как и мои собственные, связаны с моей дочерью, и дух мой говорит мне, как лучше всего их осуществить. Принесете ли вы клятву? Отвечайте и не медлите. Если нет, я, возможно, найду другого защитника. Что, если я возьму малютку с собой, пророк, чтобы искать защиты у небесного судьи?

Кажется, я могу еще это сделать.

На этот раз Рои вник в мысли Римы и понял, что она в отчаянии.

— Я должен испросить совета у того, кому служу, — отвечал он. — Быть может, он ниспошлет мне прозрение.

— А если и я и она умрем прежде, чем ты испросишь совет, пророк? Ты полагаешь, что сможешь завладеть моим дитя, но ты не знаешь что в последней воле матери заключается огромная сила. Ведь у нас, вавилонян, тоже есть тайны: в свой смертный час мы можем взять с собою тех, кто рожден нами.

— Не страшись, царица, у меня тоже есть тайны; Осирис не сейчас еще призовет тебя.

— Верю, прорицатель, в таких делах ты не стал бы лгать. Испроси совета у своего бога и скорей возвращайся.

Незадолго до рассвета Рои вернулся вместе с Тау в опочивальню, где витала смерть; с ними была и первая жрица Общины Зари. Рима, полулежа на подушках, ожидала его.

— Ты сказал правду, прорицатель, — промолвила она, — я чувствую себя крепче, нежели вчера. Но поспеши, ибо сила моя подобно вспышке угасающего светильника. Говори и будь краток.

— Царица, — обратился к ней прорицатель, — я получил совет от властелина, коему служу, кто направляет мои шаги здесь, на земле. Он милостиво соблаговолил отозваться на мои молитвы.

— Каков же ответ, прорицатель? — спросила Рима с нетерпением.

— Вот он, царица: от имени Общины Зари, где я властвую, в присутствии моих приближенных, — тут Рои указал на Тау и жрицу, — я приношу клятву, которую ты пожелала, ибо так мы лучше всего достигнем цели. Клянусь во имя Духа, что превыше всех богов, твоего и моего *Ка*, во имя младенца, кого уже теперь мы почитаем здесь царицей, — я клянусь, что при первой возможности, — которой, надеюсь, не придется долго ждать, — тело твое будет доставлено в Вавилон, а послание твое — его царю, и возможно, он услышит его из уст твоей дочери. Твоя воля и полученное мною предсказание внесены в эту грамоту, которую сейчас прочтут тебе; скрепленная тобою, она будет послана царю Вавилона, равно как и запись клятвы, опечатанная мною и Тау, преемником моим.

— Читай, — сказала царица. — Нет, пусть прочтет Кемма, которая тоже обучена чтению.

Кемма начала читать с помощью Тау.

— Все это верно, — промолвила Рима. — Но добавьте еще вот что: если отец мой, царственный Дитана, или тот, кто взойдет на трон за ним,

откажутся исполнить последнее моление мое, я призову проклятья всех богов Вавилона на его народ; я, Рима, стану преследовать его всю его жизнь и призову к ответу, когда мы встретимся в царстве мертвых.

— Пусть так, — отозвался Рои, — хотя слова твои не добры. Все же, Тау, запиши их: умирающим должно повиноваться.

Тау присел на пол и начал писать, держа свиток на колене. Потом принесли воск, смешанный с глиной. Рима сбросила с похудевшего пальца кольцо с вырезанной на нем фигурой вавилонского бога и прижала его к воску, а Кемма как свидетельница запечатала свиток скарабеем, висевшим у нее на груди.

— Положите это послание вместе с кольцом среди пелен, когда будете обертывать мое тело, чтобы царь вавилонский нашел его в моей мумии, и второе такое же спрячьте в надежное место, — сказала Рима.

— Так и будет сделано, — согласился Рои.

Он ждал. Но вот, точно сияющие стрелы, ударили в окно первые лучи восходящего солнца, а с ними вдруг сила влилась в Риму — она взяла на руки дочь и подняла вверх, в золотистое солнечное сияние.

— Царевна Зари! — вскричала она. — Пусть же заря осияет и коронует тебя! И да будут исполнены величия дни твоего царствования, о Владычица Зари, и прославишься ты в веках, а наступит ночь, и снова припадешь ты к груди моей.

Глава VI Нефрет покоряет пирамиды

Удивительно, поистине удивительно открывалась Книга жизни юной Нефрет, наследницы древней династии фараонов Египта. Оглядываясь потом на свои детские годы, Нефрет вспоминала только высокие колонны в огромных залах, взирающие на нее каменные изваяния и причудливые фигуры на стенах, высеченные или нарисованные, которые, казалось, обречены вечно следовать друг за другом из тьмы в тьму. Далее возникало видение мужчин и женщин в белых одеяниях, время от времени они собирались в этих залах и пели печальные мелодичные песни; отзвуки этих песен потом еще долгие годы слышались ей во сне. Появлялась в этих воспоминаниях и высокая, статная госпожа Кемма, ее воспитательница, которую она очень любила, хотя и побаивалась немного, и великан-эфиоп, по имени Ру, с большим бронзовым топором в руке, который, похоже, не отходил от нее ни днем, ни ночью и которого она тоже очень любила, но ничуть не боялась.

И еще одно видение вставало перед глазами — и первые два почтительно отступали перед ним: седобородый старец с черными, пронцательными глазами, Пророк — так все вокруг его называли и поклонялись ему, точно божеству. Она вспоминала, как иной раз вдруг просыпалась ночью и видела его, склонившегося над ее кроватью, с лампадой в руке, или как в дневное время, повстречав ее в темных проходах храма, он благословлял ее. Маленькой девочке казалось, что он — привидение и надо скрыться поскорее от него, хотя и доброе привидение, потому что иной раз он давал ей вкусные сладкие фрукты и даже цветы, которые нес в корзине служитель.

Миновало младенчество, наступила пора детства. Все те же залы были вокруг, все те же люди заполняли их, но теперь иногда вместе с ее воспитательницей Кеммой, в сопровождении великана Ру и других служителей, ей позволялось побродить около пирамид, чаще всего ночью, когда в небе светила полная луна. Так, в лунном свете, она впервые увидела наводящего ужас льва-сфинкса, возвышающегося над пустыней. Поначалу она испугалась каменного зверя с человеческим лицом, разрисованным в красный цвет, в царском головном уборе и с бородой. Но позднее, привыкнув к этому зрелищу, она даже полюбила величественное изваяние, ей казалось, что в улыбке Сфинкса светится дружелюбие, а огромные спокойные глаза так внимательно смотрят в небо, словно разгадывают

какие-то тайны. Иной раз она отсылала Кемму и Ру на некоторое расстояние, а сама садилась на песок и поверяла Сфинксу свои детские заботы, советовалась с ним, задавала ему вопросы, на которые сама же и отвечала, потому что с громадных каменных уст не слетало ни единого слова.

Позади Сфинкса высились величественные пирамиды — три главных, которые вонзались своими вершинами в самое небо, с храмами у подножия — в них когда-то поклонялись мертвым царям — и другие пирамиды, поменьше, как представлялось Нефрет, пирамиды царских детей. Она восхищалась пирамидами, считая, что их сотворили боги, но потом ее наставник Тау сказал, что их построили люди, чтобы хоронить в них царей.

— Должно быть, то были великие цари, если у них такие могилы. Как бы мне хотелось поглядеть на них! — сказала Нефрет.

— Когда-нибудь ты, быть может, и увидишь их, — ответил ей Тау, который был очень мудр и многому обучал ее.

Кроме Нефрет жили здесь и другие дети, рожденные в семьях членов Общины. Все они посещали школу, с ними вместе училась и Нефрет; рели уроки в этой школе посвященные. Вообще-то, за малым исключением, все члены Братства равно владели знаниями, хотя слуги Общины и те, кто возделывали поля неподалеку от Сфинкса и жили в поселениях вдоль границ больших некрополей, казалось бы, ничем не отличались от самых обыкновенных землепашцев. По их виду никто бы и не догадался, что они принимают участие в таинствах, про которые они дали торжественную клятву ничего не рассказывать и оставались верны этой клятве даже под угрозой смерти и пыток.

Скоро Нефрет стала лучшей ученицей в школе, и не потому, что она была выше других по рождению, а по той причине, что была куда сообразительнее, ее восприимчивый ум впитывал знания, как сухое руно впитывает росу. При всем том, случись кому-то посетить школу и понаблюдать, как дети слушают учителя или, сидя на табуретках, копируют египетские письмена, переписывая их на глиняные черепки или клочки папируса, отличить ее от других девочек было трудно, может, лишь бросалось в глаза то, что Нефрет всегда сидела впереди и было что-то особенное в ее лице. На ней было такое же простое белое одеяние, что и на ее сверстницах, такие же простые сандалии, защищавшие ноги от камней и скорпионов, в такой же пучок были стянуты ее волосы. Ибо так было установлено в Общине: ни одеждой, ни украшениями она не должна была выделяться среди других детей.

Обучение Нефрет не ограничивалось школьными уроками, в

послеполуденные часы и в дни отдыха она постигала более глубокую науку. В небольшой комнате, которая когда-то служила спальней жрецу храма, Тау, в присутствии Кеммы, учил ее тому, чему не учили других детей, и посвящал в таинства их веры.

Так, он научил ее вавилонскому языку и письму, рассказал о движении звезд и планет, открыл таинства религии, объяснив, что все боги священнослужители — лишь символы незримой Силы, символы Духа, который правит всем и присутствует всюду, даже в ее собственном сердце. Он открыл ей, что плоть — это земная оболочка души и что между плотью и душой идет вечная борьба, что на земле она живет, дабы исполнить то предназначение, что определил ей всемогущий Дух, который создал ее; к нему когда-то в будущем, в назначенный день, она должна будет возвратиться, чтобы снова быть посланной в этот или другие миры, но предугадать его намерения не дано никому, даже мудрейшему из смертных. В те часы, когда Тау занимался с Нефрет, а она внимательно слушала его, случалось, в комнату заглядывал пророк Рои и тоже слушал, вставляя слово то тут, то там, а затем, подняв руку, благословлял Нефрет и уходил.

Так, хотя внешне Нефрет почти что ничем не отличалась от остальных детей и так же играла и веселилась, она все же была другой, и душа ее раскрывалась, точно цветок лотоса навстречу солнечным лучам.

Шли годы, и из ребенка Нефрет превратилась в высокую, ласковую и очень красивую девушку. Только в эту пору ее жизни Рои и Тау, в присутствии одной лишь Кеммы, открыли ей, кто она такая: наследная царица Египта по крови и предначертанию Небес. Они поведали ей, кто были ее отец и мать, а также рассказали о поколениях фараонов, что правили Египтом до них, и про разделение египетских земель.

Услышав все это, Нефрет задрожала, и из глаз ее полились слезы.

— Увы, зачем так должно было случиться! — воскликнула она. — Теперь я уже не могу быть счастливой. Скажи мне, святой отец, кого люди называют вместилищем духов и кто, как они говорят, может общаться с ними во сне, — скажи, как может несчастная девушка исправить столько бед и установить мир там, где безумствуют жестокость и кровопролитие?

— Царица, — сказал Рои, впервые обращаясь к ней как к царского рода особе. — Это не ведомо мне и никому другому. Все же нам дано знать, что каким-то неведомым образом ты совершишь все это. То же было явлено в видении и твоей матери, царице Риме, при твоём рождении, ибо в этом видении та ипостась Вселенского Духа, которую мы в Египте знаем как Мать Исиду, явилась к ней и в числе прочих даров нарекла тебя, царское дитя, высоким именем Объединительницы Земель.

Тут Кемма подумала про себя, что вместе с Исидой явилась и другая богиня и дала малютке другие дары, и хотя вслух Кемма ничего не сказала, Рои, казалось, прочел ее мысли, потому продолжал так:

— Про тот сон и чудеса, которые свершились при твоём рождении, расскажет воспитательница Кемма — таково веление свыше. Она же покажет тебе и запись всех этих событий, сделанную в то время и скрепленную печатью, и еще одну запись — клятву, которую я и члены нашей Общины дали твоей матери, царице Рима, пред ее смертным одром, в том, что в должное время ты совершишь путешествие. Но довольно об этом. Теперь, по велению свыше, я должен сообщить тебе, что в один из грядущих дней, о котором я объявлю особо, когда мне будет дана о нем весть, на пороге своей зрелости ты будешь коронована и станешь царицей Египта.

— Может ли это быть? — спросила Нефрет. — Царей и цариц коронуют в храмах, так мне рассказывали, в присутствии множества придворных, торжественно и шумно. Здесь же... — И Нефрет огляделась вокруг.

— Разве это не храм, Нефрет, и притом один из самых древних и священных в Египте? — спросил Рои. — Что же до остального, то слушай. С виду мы всего лишь скромное Братство, избравшее жилищем гробницы и пирамиды, к которым мало кто осмеливается приблизиться, ибо считают, что здесь обитают призраки и чужестранец, осквернивший их святость, лишится не только жизни, но погибнет и его душа. Но я должен открыть тебе, что наша Община Зари могущественнее царя гиксосов и всех, кто покорился и стал поддерживать его, о чем ты и узнаешь вскоре, когда примешь посвящение. Братья наши находятся повсюду, во всех землях — от нильских порогов до самого моря, да и за морем живут наши почитатели и ученики и, мы верим, на Небесах — тоже; и каждый из них в отдельности и все они вместе повинуются велениям, которые исходят из этих катакомб, и принимают их как глас божий.

— Если так, всеумудрый пророк, почему же ты скрываешься среди этих гробниц, а не пребываешь открыто в Танисе?

— Потому, царевна, что видимая власть во всем ее великолепии и пышности может быть завоевана лишь в войне; мы же, чье царство есть царство духа, дали обет никогда не вести войн. Может быть, в конце концов нам суждено будет повести войну и тем все и завершится. Но не наше Братство поднимет боевые знамена, мы, если только не будем вынуждены защищаться, не пошлем людей на смерть, ибо наша вера — мир и добро.

— Твои слова полнят мое сердце радостью, — сказала Нефрет, — но

теперь позволь мне, о благочестивый пророк, уйти к себе, я так взволнована, что мне нужно отдохнуть.

Год или чуть более спустя после того дня, как Нефрет была открыта тайна ее рождения, но еще до того как состоялись торжества, о которых ей было возвещено, жизнь ее подверглась страшной опасности.

С недавних пор у Нефрет вошло в привычку бродить неподалеку от пирамид, меж гробниц, где покоились знатные люди и царевицы Египта. За тысячу лет, а может быть, и больше, до ее рождения ушли они из жизни земной, так давно это было, что теперь уже никто и не помнил имен тех, кто спал под этими надгробьями. Нефрет любила совершать эти прогулки в одиночестве, если не считать ее телохранителя Ру, ну а Кемма постарела за эти годы, и ей трудно было перешагивать через камни и брести по сыпучему песку.

К тому же Нефрет теперь полюбила одиночество, ей нужно было обдумать то, о чем поведал ей пророк Рои, привыкнуть к неожиданному величию, что обрушилось на нее.

Да и сильное юное тело ее жаждало движения, ей наскучили тесные пределы храма и ближних его окрестностей. Нефрет любила высоту, ей хотелось подняться высоко-высоко и сверху озирая раскинувшиеся вокруг пространства. Когда же она попробовала взобраться на самую вершину огромных монументов и даже на небольшие пирамиды, то обнаружила, что делает это с легкостью, ноги у нее не дрожали и голова не кружилась, и это стало ее любимым занятием.

О странной причуде Нефрет Ру и те, кто видел эти ее восхождения, доложили Кемме, а она, поняв, что юная царица вовсе не склонна прислушиваться к ее увещаниям, сообщила Рои и Тау. Тут впервые Нефрет рассердилась на свою воспитательницу и напомнила ей, что она уже не ребенок, которого надо водить за ручку.

Рои и Тау посоветовались между собой, а затем, как было у них установлено, обратились за советом к Духу, который, как они объявили, направлял их во всех делах.

Кончилось все тем, что пророк Рои приказал своей внучатой племяннице Кемме не выговаривать больше царице, а позволить гулять, где ей заблагорассудится, и взбираться, куда она захочет, ибо Дух открыл Рои, что, может, кто и пострадает от этого, но только не Нефрет.

— Коль скоро царице ничто не грозит, не надо ей препятствовать в таких малостях, племянница, — заключил Рои. — Ни один гиксос и никакой другой враг не осмелятся даже приблизиться к обителицу

призраков. К тому же ее сопровождает Ру, и беседует она не с каким-то мужчиной, а лишь со своей собственной душой.

— Всегда находится смельчак, которому неведом страх других, и неизвестно, кого Нефрет может повстречать, с кем она станет говорить, а когда мы узнаем, будет уже поздно, — возражала ему Кемма.

— Тебе сказано, племянница: не препятствуй, — повторил Рои.

Одержав победу, юная Нефрет, характер которой отличался упорством, продолжала свои прогулки по некрополю и достигла даже большего, чем ожидала.

Среди тех, кто служил Общине Зари, была семья бедуина, в которой из поколения в поколение мужчины владели искусством восхождения на пирамиды. Эти смельчаки, пользуясь трещинами в мраморных плитах пирамид, цеплялись за выступы и приныкая к выемкам, что выдолбили за тысячелетия несущие песок ветры, искусно взбирались на самую вершину пирамиды. Так, начав с малых пирамид, они повторяли свои попытки до тех пор, пока не одолевали самые высокие, и лишь тогда им разрешалось жениться и обзавестись семьей. С главой этого рода Нефрет не раз беседовала, и, к ее удовольствию, время от времени он с сыновьями поднимался у нее на глазах на три самые большие пирамиды и они благополучно возвращались из своего головокружительного путешествия.

— Почему бы и мне не подняться, если вы можете? — в конце концов спросила она его. — Я легкая, и нога моя ступает твердо, голова не кружится от высоты, и руки у меня не короче ваших.

Хранитель пирамид — ибо таково было звание главы рода — с удивлением взглянул на нее и покачал головой.

— Это невозможно, — сказал он. — Никогда еще женщина не поднималась на эти каменные горы, если не считать Духа пирамид — только она может это делать.

— Кто это — Дух пирамид? — спросила Нефрет.

— Мы не знаем госпожа, — отвечал Хранитель. — Мы никогда ни о чем ее не спрашиваем, а если видим в полнолуние, как она скользит по пирамиде, то закрываем лицо покрывалом.

— Отчего же вы закрываете лица, Хранитель?

— Оттого, что если мы не сделаем этого, нами овладеет безумие. Так случилось с теми, кто взглянул ей в глаза.

— Но отчего же они стали безумными?

— Несказанная красота порождает безумие, и придет время, может, ты в этом удостоверись, госпожа, — ответил он, а у Нефрет от этих слов краска прилила к щекам.

— Кто же она — этот Дух? — поспешно продолжала она свои расспросы. — И что она тут делает?

— Никто не знает этого наверняка, но существует предание, что в давние времена правила этой землей незамужняя царица, а замуж она не хотела выходить потому, что любила простолюдина. Случилось так, что на земли наши хлынули чужестранцы и захватили Египет, — он тогда разделился на части и от этого совсем потерял силу. Чужестранный царь, увидев, какая красавица царица Египта, и желая упрочить свою мощь и власть, решил во что бы то ни стало жениться на ней, пусть даже насильно. Но царица убежала от него и в отчаянии поднялась на самую высокую пирамиду. Он последовал за ней. Достигнув вершины, она бросилась оттуда вниз и разбилась, а царя, когда он увидел это, охватили страх и слабость, и он тоже упал на землю и умер. Обоих их похоронили в тайной усыпальнице в одной из этих пирамид — никто не знает, в какой точно, но мне кажется, во второй, потому что на ней чаще всего появляется Дух.

— Красивая легенда, — сказала Нефрет. — И это все?

— Не совсем, госпожа, потому что с ней связано пророчество. Вот слушай: когда другой царь станет подниматься по пирамиде вслед за другой царицей Египта и упадет, но не разобьется, он завоюет ее любовь, — и тогда Дух мести, который обуял когда-то древнюю царицу, отчего она бросилась вниз, успокоится и не будет больше губить мужчин.

— Я хочу увидеть этого Духа, — сказала Нефрет. — Я женщина, и она не сможет навести на меня безумие.

— Думаю, она не покажется тебе, госпожа. Хотя, быть может, она захочет завладеть твоей душой для каких-то своих целей, — задумчиво прибавил он.

— Моя душа принадлежит мне одной, и никто не сможет овладеть ею, — ответила Нефрет, рассердившись. — Но я и не верю, что есть такой Дух, а ты и прочие глупцы видели всего лишь лунный отсвет, скользящий среди гробниц. Не рассказывай мне больше пустых историй!

— Тут, в некрополе, живут два безумца, которые лучше, чем я, рассказали бы тебе, госпожа моя, об этой лунной тени. А может быть, оно и так, как ты говоришь, — сказал Хранитель, — и низко поклонился, как кланялись в древности на Востоке своим повелителям. — Может быть, ты права. Принимай это как хочешь. — Он хотел было удалиться.

— Погоди, — остановила его Нефрет. — Я хочу, чтобы ты научил меня подниматься на пирамиды, потому что ты самый искусный и изучил их лучше, чем твои сыновья. Начнем с третьей — она поменьше других, и начнем сейчас же. А потом, когда я немного освоюсь, поднимемся и на

другие.

Хранитель в удивлении воззрелся на нее, а затем сказал, что не может выполнить это ее желание.

— Разве ты не получил наказа благочестивого пророка Рои и Совета Общины во всем мне повиноваться? — спросила его Нефрет.

— Это так, госпожа, я получал такое приказание, хотя и не понимаю, почему я должен повиноваться тебе.

— Я и сама не совсем понимаю — почему, ведь ты можешь взбираться на пирамиды, а я не могу, и значит, ты превосходишь меня. Но приказание есть приказание, и ты знаешь, что случается с теми, кто не выполняет распоряжений Совета. Начнем же.

Хранитель уговаривал ее, умолял и чуть не плакал, но добился лишь того, что Нефрет сказала:

— Если ты боишься подняться на эту пирамиду, я поднимусь одна. Но ты знаешь — я могу упасть.

В конце концов огорченный Хранитель позвал своего сына, сильного, гибкого юношу, который, точно горный козел, легко взбегал на пирамиды, и велел ему принести длинную веревку, свитую из пальмовых волокон, и этой веревкой обвязал он тонкую талию Нефрет. Но теперь возникло новое препятствие: Ру, который до тех пор с удивлением слушал их разговор, спросил, что он делает и почему он обвязывает госпожу веревкой, точно какую-то рабыню.

Хранитель стал ему объяснять, а Нефрет согласно кивала.

— Но это невозможно, — сказал Ру. — Мой долг — повсюду сопровождать знатную госпожу.

— В таком случае, друг мой Ру, — сказала Нефрет, — поднимись вместе со мной на пирамиду.

— На пирамиду? — Ру обиженно насупился. — Взгляни на меня, прошу тебя, госпожа, и ответь: что я — кот или обезьяна, чтобы по гладкому камню взобраться с земли на небо? Да я не поднимусь и на длину этой веревки, как упаду вниз и сломаю шею. Лучше я одной рукой сражусь с десятком вражеских воинов, чем поддамся такому безумию.

— Что верно, то верно. Пожалуй, никогда не побывать тебе на пирамиде, друг мой Ру, — сказала Нефрет, окидывая взглядом исполина-эфиопа, который с годами ничуть не изменился. — А потому оставь пустые разговоры, и не будем зря тратить время. Если ты не можешь подняться на пирамиду, стой внизу, вдруг я поскользнусь и упаду, тогда лови меня.

— Ловить тебя, госпожа?! Если ты упадешь?! — У Ру даже дыхание перехватило.

Не сказав больше ни слова, Нефрет направилась к подножию третьей пирамиды, на которую Хранитель, также не говоря ни слова, начал уже подниматься по знакомому пути, укрепив на себе второй конец веревки, которой он обвязал Нефрет. Скинув сандалии и подобрав тунику до колен, как велел Хранитель, она начала подниматься вслед за ним, а чуть ниже Нефрет поднимался сын Хранителя, следивший за каждым ее движением.

— Слушайте мои слова, вы, отец и сын! — простонал Ру. — Если вы допустите, чтобы моя госпожа поскользнулась и упала, лучше вам не спускаться вниз, потому что я убью вас обоих. Оставайтесь тогда наверху до конца вашей жизни!

— Если она упадет, упадем и мы. Но боги свидетели — моей вины в том не будет, — отвечал Хранитель, прильнув к склону пирамиды.

Тут сразу же следует сказать, что Нефрет показала себя способной ученицей. Глаза у нее были зоркие, как у ястреба, смелостью она не уступала льву, а ловкостью — обезьяне.

Она поднималась все выше и выше, ухватываясь за те щели, за которые ухватывался ее проводник, и ставя ноги точно в те места, куда ставил он; так они поднялись до середины пирамиды.

— Достаточно на сегодня, — сказал Хранитель пирамид. — Ни один новичок из нашего рода не идет в первый раз дальше — это правило. Отдохнем здесь немного, а потом начнем спуск. Мой сын будет ставить тебе ноги, куда надо.

— Повинуюсь тебе, — отвечала Нефрет и так же, как ее проводник, обернулась назад — под ней простиралась пустота, только где-то далеко-далеко внизу стоял на песке казавшийся совсем маленьким Ру. И тут впервые она почувствовала головокружение.

— У меня кружится голова, — тихо сказала она.

— Обернись назад, к пирамиде, — сказал Хранитель размеренно-спокойным голосом, стараясь скрыть охвативший его страх.

Нефрет повиновалась, и сила и воля вновь вернулись к ней.

— Все в порядке, — сказала она.

— Тогда, госпожа, повернись еще раз, потому что, не сделав этого теперь, ты не сделаешь никогда.

Она снова повиновалась, и — о, радость! — она уже не испугалась высоты, душа ее победила страх. Спуск после этого прошел легко, потому что она могла бросить взгляд, куда ставить ногу, в какую расщелину или излом горячего блестящего мрамора, да и юноша, спускавшийся впереди нее, знал все эти расселины наизусть и говорил ей, куда ступать. Так они благополучно спустились на землю; Нефрет немного посидела, чтобы

отдышаться; она с улыбкой смотрела на Ру: у того глаза вылезли из орбит — так он напугался, и он все отирал пот со лба краем своего одеяния.

— Может, довольно с тебя пирамид, госпожа? — спросил Хранитель, освобождая ее от веревки.

— Ну уж нет, — отвечала Нефрет, вскочив с песка и потирая саднящие руки. — Мне понравилось, и я не успокоюсь, пока не научусь подниматься на них одна, в свете луны, как, говорят, можешь делать ты.

— Исида! Мать Небес! — воскликнул Хранитель, простирая вверх руки. — Нет, ты не смертная дева, ты, наверное, богиня; может быть, ты и есть Дух пирамид, обретшая облик смертной?

— Ты угадал, — отвечала ему Нефрет. — И я так думаю: я — Дух пирамид. А потому не соблаговолишь ли ты встретить меня завтра здесь, в то же время? Надеюсь, завтра мы поднимемся на самую вершину малой пирамиды.

И пока растерявшийся Хранитель собирался с ответом, Нефрет надела сандалии и удалилась в сопровождении Ру, который от волнения утратил дар речи.

Так все началось, а затем Нефрет исполнила свой зарок. На время все ее помыслы, сила, воля сосредоточились на одном: покорении пирамид. Пусть это была скромная цель, на заре девичьей зрелости, но она поглотила Нефрет целиком. Ей сообщили, что по рождению она — царица Египта. Это не так уж глубоко взволновало ее; здесь, среди покинутых храмов и гробниц, царствование над Египтом казалось ей несбыточной мечтой, во всяком случае, если это и было предопределено ей судьбой, то в далеком будущем. Пирамиды же были здесь, перед ней, и пока что ей хотелось стать Владычицей пирамид, которые, как ей тоже было сказано, ее далекие предки воздвигли для своего погребения.

К тому же рассказ о царственной красавице, появляющейся на пирамиде в лунные ночи, возбудил в ней любопытство. Неужели это дух ее бродит по ночам? Молодые люди склонны быть доверчивыми, когда речь идет о любви, и Нефрет была просто зачарована этой печальной историей. Воображение рисовало ей, как молодая дева, которая так же, как и она, научилась подниматься на пирамиды и так же суждено ей было стать царицей, стремительно всходит на вершину самой высокой из них и бросается оттуда вниз, лишь бы избежать страшной участи и не стать женой человека, которого она ненавидит и который поверг в прах ее родную страну; и так она, побежденная, обрекает на смерть победителя. Особенно же волновал Нефрет конец легенды: настанет день, и другая прекрасная молодая царица, преследуемая другим влюбленным в нее

чужестранцем, взбежит на вершину пирамиды, и там, на краю бездны, любовь победит вражду, и на страну, за власть над которой они сражались, снизойдет благословение.

Нефрет еще ничего не знала о любви, и все же природа берет свое, пробуждаясь даже в малом ребенке. Нефрет догадывалась, о чем повествует эта красивая сказка, и душа ее просыпалась навстречу будущему. Но пока что ею владело лишь одно желание — достичь того, что считалось невозможным для женщины: покорить пирамиды; в ту пору она не отдавала себе отчета в том, что для нее это было еще и символом: взойдет она на вершину пирамиды, и тогда ей, сильной духом и телом, не страшны еще более трудные дела и куда более страшные опасности, которые, быть может, ожидают ее в будущем.

В тот же год Нефрет овладело желание молиться, потребность проникнуть в тайну общения с тем, кто поставлен над родом людским, с тем, кого жители земные зовут Богом, и не Рои с Тау внушили ей это желание — то было веление души. Более всего на свете жаждала теперь Нефрет общения с Богом; странная мечта овладела ею — быть может, иные сочли бы это за безумие, но такие мечтания довольно часто овладевают юношами и девушками на пороге зрелости — или зрелыми людьми на пороге старости, в те сумеречные годы, что предшествуют приходу смертной тьмы. Точно мираж являлся ей, точно видение Истины — ей все время чудилось, что Высший Дух, который витает над ней и над всем миром, лучше услышит ее молитвы и станет внимать ей, если она в полном одиночестве обратит к нему свои молитвы с вершин пирамид. Быть может, то была причуда, но вело к ней чистое и достойное побуждение. И в конце концов Нефрет осуществила свою мечту: спустя год она могла подниматься на все пирамиды в полном одиночестве.

Хранитель пирамид и его сыновья, чье искусство и ловкость передавались из поколения в поколение, дабы они побеждали в состязаниях и получали награды, лишь удивлялись этому и чувствовали себя несколько уязвленными: эта девушка не только сровнялась с ними, но, пожалуй, даже превзошла их в столь трудном искусстве.

В самом начале обучения Совет Общины, встревоженный сообщениями Ру и Кеммы о странном капризе, который овладел их подопечной, чью драгоценную жизнь они были обязаны денно и ночью охранять, призвал Хранителя и его сыновей и спросил, велика ли опасность. Для тех, кому дан этот дар, — никакой, отвечали они, и подтверждением тому шесть поколений их рода: ни один человек в их роду не умер от падения с пирамиды. Иное дело с теми, кто не принадлежал их

роду, продолжал Хранитель, для всех других, кто хотел проникнуть в секрет их искусства, это окончилось печально. Ответ Хранителя испугал Совет. Однако Рои открыл ему, что Нефрет не дано препятствовать в ее увлечении, сама же она упорно совершенствовалась в этом искусстве, и никакой беды с ней не случилось. Наконец настало время, когда Нефрет, при свете ли дня или при свете луны, могла взойти на вершину любой из пирамид так же быстро, как сам Хранитель и его сыновья.

Тогда Хранитель и его сыновья преклонились перед Нефрет и обратились к ней с просьбой стать их предводителем, ибо она превзошла их всех. Однако Нефрет лишь засмеялась в ответ и сказала, что это вовсе ничего не значит и она не станет их предводителем, а прикажет, чтобы им дали награды, которые она сама назначит. После этого ей была предоставлена полная свобода, теперь она могла одна, без сопровождения Хранителя и его сыновей, подниматься, когда она захочет, на любую из пирамид.

Но вот тогда-то и случилось тревожное происшествие.

Глава VII Замысел везира

Как уже было сказано, Нефрет, когда ей овладевало желание помолиться, поднималась на одну из пирамид на восходе или перед закатом солнца и, стоя в полнейшем одиночестве на маленькой площадке на самом верху, обращалась к богам. Иной раз она не молилась, а лишь, блуждая взором по раскинувшемуся вокруг пространствам, раздумывала над уготованной ей судьбой или предавалась девичьим мечтаниям.

Об этой ее привычке стало известно не только членам Общины и ее служителям, но и жителям окрестных земель и странникам, путешествовавшим неподалеку от границ Святой Земли — так называли местность, где расположилась Община Зари и чьи границы не осмеливался переступить ни один чужестранец. Да и как было не пойти молве: стройная фигура Нефрет словно парила между небом и землей, ясно вырисовываясь на голубом небосклоне ранним утром и на закате; при разливах ее было видно даже с самого Нила. Люди говорили, что это сам Дух пирамид предвещает Египту тревожные времена, ибо никто не верил, что земная женщина может решиться подняться так высоко на пирамиду, что ей хватит силы и ловкости, точно ящерице, скользить вверх по гладкому мрамору.

Скоро весть об этом чудесном явлении дошла до Таниса.

Как-то под вечер Нефрет поднялась на вершину второй пирамиды и начала было уже спускаться своим обычным путем, однако, заметив, что смеркается, выбрала более короткий спуск — не по южной стороне, где ее ожидал Ру, а повернула на западный склон, который все еще освещался солнцем. Легко спрыгнув на песок, она поискала взглядом Ру, но вместо него увидела четверых приближающихся к ней мужчин, на которых она поначалу не обратила внимания, в сумерках приняв их за Хранителя пирамид и его сыновей; она подумала, что они хотят расспросить ее о новом спуске, который она отыскивала на западном склоне пирамиды. Потому она спокойно стояла, а они подходили все ближе, затем приостановились, словно чего-то опасаясь, и тут чей-то голос выкрикнул:

— Женщина то иди дух — хватайте ее! Только бы она не убежала от нас! Помните о большой награде — хватайте ее!

Ободренные таким образом, неизвестные бросились к ней. Осознав опасность, Нефрет резко повернулась и начала снова взбираться на пирамиду, она уже поднялась на несколько локтей, но тут один из чужестранцев ухватил ее за лодыжку и стянул вниз.

— Ру! — тревожно крикнула Нефрет. — Ко мне, на помощь, Ру! Я в ловушке, Ру!

Случилось так, что Ру находился почти тут же, за углом пирамиды. Потеряв из виду Нефрет и забеспокоившись, он направился к западному склону пирамиды, который был лучше освещен, поглядеть, не там ли Нефрет. Он услышал ее крик о помощи и бросился вперед; повернув за угол, он увидел Нефрет, лежащую на песке: вокруг нее теснилось четверо мужчин — трое обматывали ее веревками, а четвертый повязывал на лицо полотняный лоскут.

Ру яростно взревел и, подняв топор, прыгнул на них. Тот, который обвязывал Нефрет лицо, первым заметил гигантскую черную фигуру, которую он, конечно же, принял за страшного духа-хранителя здешних мест; он отпрыгнул в сторону и кинулся бежать. Но сверкнул топор, и, разрубленный надвое, он свалился замертво. Затем второй разбойник, который сначала подумал, что это ревет лев, тоже увидел Ру и на миг застыл от изумления. Но Ру, бросив топор, схватил за горло сразу двоих и, с силой стукнув их головами, отбросил злодеев в разные стороны, оба упали на песок и больше не шевельнулись. Четвертый же успел выхватить нож — то ли чтобы защититься от Ру, то ли чтобы заколоть им Нефрет; однако когда он увидел, что случилось с другими, смелость оставила его, и, завизжав от страха, он выронил из руки нож и пустился наутек. Ру подхватил нож с песка и швырнул его вслед беглецу. Страдальческий вскрик боли подтвердил, что Ру достиг цели, хотя в сгустившейся темноте он уже не мог разглядеть самого беглеца. Ру хотел было броситься за ним в погоню, но Нефрет, приподнявшись с песка, крикнула ему:

— Не уходи! Останься здесь, может быть, их тут много!

— Ты права, — сказал Ру, — а этот пес свое получил.

Не говоря больше ни слова, он схватил Нефрет, прижал ее, словно малое дитя, к своей груди, придерживая левой рукой, правой подобрал топор и без промедления, даже не взглянув лишний раз на поверженных врагов, побежал вдоль западного подножия пирамиды; он не сбавил шага до тех пор, пока они не оказались среди надгробий, где уже их никто не мог увидеть.

— Вот и пришел конец твоим забавам, госпожа, — решительно сказал Ру; он весь дрожал, но, конечно же, не от страха — он думал о том, какой опасности только что избегла царевна.

— Если б не ты, все могло бы кончиться плохо, — отозвалась Нефрет. — Это для меня хороший урок, теперь я буду знать, чего мне опасаться. Опusti меня на землю, мой дорогой Ру, я уже успокоилась.

Страх и тревога охватили Кемму и общинный Совет, когда эта история была им поведена; встревожился даже мудрый Тау. Один только пророк Рои оставался спокойным.

— Никто не причинит Нефрет зла, — сказал он. — Я знаю это от тех, кто не может лгать, — вот почему я позволил ей следовать ее причуде — научиться всходить на пирамиды, ибо не следует держать ее взаперти и препятствовать ее желаниям; Нефрет должна уметь смотреть в лицо опасности и преодолевать любые препятствия. Нам же отныне надо неусыпно охранять царевну, ибо опасности еще только начинаются.

Затем Рои послал людей, чтобы они принесли трупы тех, с кем расправился Ру, по возможности отыскали раненого и захватили его живым. Этого они, однако же, сделать не смогли, потому что когда рассвело, от чужестранного злодея остались лишь кровавые пятна на песке, которые вскоре потерялись, а это значило, что раненый, превозмогая боль, стал пробираться дальше по камням, чтобы не оставлять за собой следов.

Мертвые же кое-что поведали о себе: двое были из племени гиксосов и, судя по одежде, служили при дворе царя Апепи. Третий, как видно, был у них проводником, однако, какому народу он принадлежал, определить было невозможно, ибо это на его голову обрушился топор Ру.

Тела презренных похитителей были брошены шакалам и стервятникам, дабы в них больше не могли вернуться их Ка, а души их со всеми полагающимися обрядами, в присутствии членов Общины Рои проклял, дабы из века в век не находили они упокоения. Ведь они не только нарушили соглашение, которое соблюдали многие поколения, и ступили на Священную землю Общины Зари, но и пытались похитить, а возможно, и умертвить деву, чье имя еще не было никому ведомо за пределами этой земли.

Тем история и закончилась, только теперь ни на восходе, ни на закате солнца никто не видел Нефрет на вершине пирамиды.

Немного погодя выбившийся из сил, изможденный гиксос с перевязанной спиной, то и дело харкавший кровью, как бывает, когда ранено легкое, добрался до царского дворца в Танисе; здесь его признали и отвели к большому военачальнику, который выслушал его с гневным выражением на лице, приказав записать его рассказ слово в слово. Когда писец закончил запись, начальник выбранил пришедшего за то, что тот не справился с порученным ему делом.

— Разве это моя вина? — спросил пришедший. — Разве это правильно — посылать тех, кто рожден женщиной, чтобы захватить в плен дух или колдунью? Ибо ни одна дева, если в ней течет теплая кровь, не может

бегать вверх и вниз по пирамиде, выложенной гладкими блестящими плитами, так, словно это муха летает вверх-вниз по стене, а мы это видели своими глазами. Разве это справедливо — ожидать от простых людей, что они одолеют черного дьявола из преисподней, страшного великана, какого и не видел никто из живущих на этом свете, чудище, которое рычит, точно лев, а руки его крушат человеческие черепа, точно это плоды граната? Разве справедливо — приказывать простым смертным людям ступить на Священную землю, где поселились боги, волшебники и призраки умерших? Зачем только я, глупец, слушал тебя и польстился на твои щедрые посулы; глупцами были и мои товарищи, и, верно, так сейчас себя и называют в преисподней, ибо есть ли хоть один человек в Египте, кто бы не знал, что вторгнуться в Священную землю Общины Зари — значит навлечь на себя проклятие и смерть! А теперь дай мне вознаграждение, чтобы я мог поделить деньги между моими детьми.

— Вознаграждение! — зловеще прошептал начальник. — Не будь ты ранен, не миновать бы тебе порки. Убирайся отсюда, собака!

— Куда же мне, преданному проклятью, идти? — спросил несчастный.

— Туда, куда уходят все, кто проиграл, — в преисподнюю, — отвечал начальник и подал знак слугам.

И они вышвырнули его, в ад или куда-то еще он отправился в очень скором времени. Ибо его же собственный нож, который Ру подхватил и метнул в него, был отравлен, а удар пришелся ниже плеча, и нож пронзил легкое.

Военачальник прошел в покои царя Апепи, где находились также его советники и молодой царевич Хиан, единственный наследник престола. Большой, грузный, с горбатым, как у всех гиксосов, носом и злыми черными глазками, царь гиксосов отличался бешеным нравом и был очень жесток и мстителен, как и все его соплеменники, и в то же время беспокоен и труслив.

Не таким был сын его Хиан, рожденный египтянкой, в чьих жилах текла царская кровь. Апепи взял египтянку в жены, преследуя свои государственные соображения, он по-своему любил ее и, когда она умерла, дав жизнь своему единственному дитя — Хиану, Апепи не заменил ее другой царицей, хотя в гареме его было много женщин. Хиан вырос и возмужал. Кровь отца-гиксосо не сказалась на внешности, не наложила отпечатка на его характер; это был добрый по натуре, красивый юноша с приветливым взглядом мягких черных глаз, однако сильный телом и быстрый умом, из тех, кто любит учиться и склонен к размышлениям, воин

и охотник и в то же время человек, приверженный всей душой мирной жизни, правитель, мечтающий о том, чтобы залечить раны Египта и возродить его величие.

Перед отцом и сыном и предстал старый везир Анат, он рассказал о случившемся, а затем прочитал то, что было записано со слов раненого воина.

Апепи выслушал его внимательно.

— Знаешь ли ты, везир, кто эта безумная дева, которая восходит на вершины Великих пирамид? — спросил он, когда тот закончил чтение.

— Нет, не знаю, Ваше Величество, хотя, быть может, и могу высказать одну догадку, — неуверенно отвечал везир.

— Тогда я скажу тебе, везир. Это единственная дочь фараона Юга Хеперра, который пал в битве много лет тому назад. У меня сомнений нет. Известно, что эта дочь была рождена, и ты должен помнить: мы подкупили тогда многих фиванских вельмож, приближенных Хеперра, чтобы захватить ее и ее мать, царицу Риму, дочь царя Вавилона. Но, как видно, боги вступились за младенца, потому что обе исчезли, а из тех, кому поручено было их схватить, лишь один остался в живых. Всех остальных сразил черный великан, охранявший царицу Риму и ее дочь. Такой же точно черный великан сражался рядом с Хеперра и вынес его тело с поля битвы. Видели его и на торговом судне, плывущем вниз по Нилу, и с ним двух женщин и ребенка, конечно же, в простой одежде, и лица они прятали. Хитростью и обманом эти трое сумели проскользнуть мимо моих дозорных в Мемфисе, — я прогнал потом их всех! — а поплыло то судно в сторону Вавилона, — так мне было доложено. Но вот что странно: наши лазутчики донесли нам, что в Вавилон они не прибыли. Значит, либо их нет в живых, либо они прячутся где-то в Египте.

— Похоже, так оно и есть, фараон, — сказал везир, и все советники кивнули в знак согласия.

— А в последнее время, — продолжал Апепи, — от Порогов до самого моря разносятся слухи, и в городах и селениях вдоль всего Нила люди нашептывают друг другу, будто египетская царевна жива и вскоре объявится, чтобы занять престол. Более того, говорят, нашла она убежище в Братстве мудрецов, что расположилось среди гробниц и пирамид неподалеку от Мемфиса, а называют они себя Общиной Зари. И еще известно мне, что ты, везир Анат, чтобы узнать, правдивы ли эти слухи, без совета со мной, пообещав щедрую награду, послал туда нескольких смельчаков, чтобы они вызнали правду об этой общине, где своих предателей не водится, и поглядели на эту чудесную деву, которая может

взбираться на пирамиды и которая, если верить слухам, и есть сама царица Египта. Но я-то утверждаю другое: обманщица она, и больше никто.

— Или дух, — предположил везир, — потому что не может быть женщина такой ловкой и смелой, и все это, конечно, выдумка.

— Пусть дух, хотя я и не очень-то верю в духов. Так, значит, отправляются они туда, пробираются на Священную землю — так называют те места, как эта дева спускается с пирамиды, и, хоть я и не давал им такого приказа, хватают ее, а это говорит о том, что она из плоти и крови; она громко кричит, и черный великан — заметьте, опять этот черный великан! — с ревом бросается к ней на помощь. Он убивает троих из этих людей с такой легкостью, словно они малые дети, и бросает нож в четвертого, тяжело ранит его, и дева исчезает, а Община Зари увеличивает свою стражу. И вот теперь я скажу, что дева эта не кто иная, как Нефрет, египетская царица, а охраняет ее все тот же эфиоп, который вынес с поля боя тело ее отца.

Когда стих шепот согласия, Апеви продолжал:

— Скажу также, что все это очень опасно. Давайте взглянем правде в глаза. Кто мы такие — гиксосы? Много лет тому назад мы вторглись в Египет, захватили самые богатые его земли, прогнали царя Египта обратно в Фивы и присвоили весь Север. Им я владею и по сию пору, да и Югом тоже, поскольку мы подкупили его знать и верховных жрецов, оплели их золотыми цепями. Но теперь мы в опасности: непрерывные войны с Вавилоном очень ослабили нас; к тому же многие наши мужчины женились на египтянках, как сделал и я сам, так гиксосы испортили свою кровь и цветом кожи стали походить на жителей Нильской долины. Египтяне — упрямый и коварный народ, к тому же они блюдают верность старым обычаям, им по крови ближе цари, которые правили на этих землях много веков. И если они узнают наверняка, что жива прямая наследница древней династии, они поднимутся, подобно Нилу в сезон дождей, и сметут нас с этих земель. Потому я говорю: царица эта, а вместе с ней и Община Зари должны быть уничтожены.

Наступило молчание. И тогда со своего кресла, которое стояло у подножия трона, поднялся царевич Хиан и, отвесив почтительный поклон отцу, впервые вступил в разговор.

— О царь, мой отец, выслушай меня, — так начал Хиан. — Как тебе известно, я глубоко изучил обычаи и тайные обряды Древнего Египта и помимо всего прочего от сведущих людей и из старинных рукописей многое узнал об Общине Зари. Это старинная, очень могущественная Община, а члены ее — мирные люди, которые побеждают духом, а не

мечом, и хотя вроде бы никто не знает о ее существовании, учение ее исповедуют тысячи людей по всему Египту, оно насчитывает тысячи сторонников, и я не поручусь, что нет таких и при твоём дворе, отец. Известно мне, что много ее сторонников живут и в дальних странах, в особенности в Вавилонии. Еще следует сказать, что возглавляет эту Общину всеведущий пророк, которого зовут Рои, очень старый человек — если он и вправду человек; это он общается с богами, и боги покровительствуют ему, как и всем, кем он правит. И вот что еще я скажу: по договору, заключенному с нашими праотцами, первыми царями гиксосов, и подтверждаемому каждым последующим царем, — и тобой, мой отец, он тоже был подтвержден, — земля, где находятся захоронения египетских предков и где, под сенью пирамид, нашла себе приют эта Община, — считается священной и неприкосновенной. Страшное проклятье падет на того, кто нарушит этот договор, и, как видно, оно и поразило тех четверых, кто, без твоего на то согласия и, конечно же, против моей воли, нарушили договор и ступили на Священную землю, вознамерившись не только вызнать там что-то, но и силой захватить то ли деву, то ли духа. На землю эту нельзя ступать — таков обычай и договор, и нельзя причинять вред обитателям Города мертвых. Потому, о фараон, отец мой, прошу тебя, не помышляй больше о том, как принести вред этой Общине или деве, которую ты считаешь дочерью Хеперра, ибо, если ты посягаешь на них, ты навлечешь гибель на себя самого и на всех, кто служит тебе.

Слушая Хиана, Апеги гневался все больше и больше.

— Можно подумать, царевич, — сказал он с ухмылкой, — что ты и сам служишь этой Общине Зари. Что значат клятвы и договоры, когда мое царство в опасности! Во владениях наших неспокойно. Вавилон то и дело нападает на нас. А почему? Потому, говорят они, что мы нехорошо обошлись с их царевной, которая стала супругой царя Хеперра, что из-за нас она умерла. Ты не знаешь об этом, но мне сообщили лазутчики. Хочешь ты того или нет, гнездо заговорщиков должно быть разрушено — так говорю я, фараон Апеги.

Царевич Хиан ничего на это не ответил, но везир Анат сказал:

— О фараон, вот о чем я подумал: не пойти ли нам более осторожным путем и достичь цели, не отступаясь от нашего договора с Общиной Зари, ибо это могущественная Община, и ее нельзя не опасаться, и я, как и царевич Хиан, верю, что само Небо покровительствует ей. Ты полагаешь, что эта дева пирамид — законная дочь фараона Хеперра, и, может, ты прав. Но вот что я задумал: направь посольство к пророку Рою и объяви, что

хочешь взять эту деву себе в жены — ведь у тебя сейчас нет жены. Так ты скрепишь весь Египет узами любви и не запятнаешь своих рук кровью.

Выслушав речь Аната, Хиан громко рассмеялся, а советники заулыбались. Апепи же сначала не сводил с Аната гневного взгляда, а затем опустил глаза, помолчал, размышляя о чем-то. Но вот он поднял голову и сказал:

— Тебе, Анат, не откажешь в мудрости. Львиного детеныша можно убить, а можно приручить, да только, если приручишь, не забывать, что со временем детеныш вырастет и станет большим львом, и тогда его потянет бродить по пустыне и насыщаться сырым мясом, как спокон веков делали его прародители. Отчего бы мне и вправду не жениться на этой деве — если это дочь фараона Хеперра? Значит, как я предполагал, она осталась в живых, и так я объединю царский род гиксосов с древней династией фараонов Египта. Это положит конец многим распрям, Египет соединится и будет жить в мире; тогда можно будет не опасаться Вавилона. Но что скажет царевич Хиан? Я ведь еще не стар, и от такого союза могут родиться дети; тогда старший наследник, рожденный в этом браке, как все фараоны древних династий, должен будет унаследовать двойную корону Севера и Юга, ибо по египетским законам право на престол переходит от матери из рода фараонов — таким путем изначально объединялись династии.

Везир и советники повернулись к Хиану: слово было за ним, от его ответа зависело, быть ему в будущем правителем Севера или не быть.

Он молчал минуту-другую, потом улыбнулся и сказал:

— Видно, так я должен понять твой вопрос, о фараон, отец мой: *если* живет на свете некая дева — законная дочь Хеперра, покойного фараона Юга, и, следовательно, продолжательница древнего царского рода, что правил Египтом долгие тысячелетия, до той поры, когда гиксосы отняли часть их наследных земель; *если* согласится она выйти замуж за моего царственного отца; *если*, вступив с ним в брак, она родит ему ребенка, тогда я, теперешний законный наследник, по условиям такого союза могу лишиться права наследования престола. Но когда столько «*если*» и никому не дано знать наперед, свершатся ли эти «*если*» и когда свершатся, разве это важно — принимать сейчас какое-то решение? Столь ли сильно желаю я стать правителем Севера и тем самым унаследовать войны и беды; желаю ли я занять трон и тем самым помешать Египту залечить раны и слить воедино два мощных престола? Жизнь человеческая коротка, и фараон ли, простой ли землепашец — и тот, и другой скоро будут забыты, и, быть может, лучше содействовать наступлению мира, чем принять на себя

верховную власть, которой не жаждешь.

— Воистину, я был прав, когда сказал, что и сам ты, как видно, член этой Общины, ибо будь я на твоём месте, Хиан, не такой ответ дал бы я своему царственному отцу, — сказал пораженный Апепи. — Но пусть каждый лелеет свои мечты и тешит свои причуды. А потому ловлю тебя на слове: значит, как законный наследник царского престола, ты не имеешь ничего против этого моего плана — как я считаю, смелого и дерзкого — который, если выйдёт все, как задумано, многое может изменить в нашей жизни, — ты не возразил против него, хотя и отдаёшь себе отчет, что если он исполнится, это нанесет тебе большой ущерб. А теперь слушай мое решение, Хиан: я посылаю тебя, царевича Севера, послом в Общину Зари, к пророку Рои. Возьмешься ли ты, кто оказался столь разумным и пекущимся о благе страны, за такое дело?

— Прежде чем я отвечу тебе, о фараон, скажи: какие слова будут вложены в уста посла? Будут это слова мира или войны?

— И те и другие, Хиан. Посол скажет людям Общины Зари: фараон Севера опечален тем, что против его воли договор между Общиной и его царством нарушен безумцами, которые состояли у него на службе; все они жестоко поплатились за свое преступление, и во искупление его он привез дары, которые возложит на алтари богов, которым они поклоняются. Затем он спросит, правда ли, что среди них живет Нефрет, дочь фараона Хеперра и супруги его Римы, дочери правителя Вавилона. Они могут прятать ее где-то в тайном месте и отрицать, что им известно о ней, но если ты поймешь, что она там, ты должен объявить в присутствии Совета и самой девы, если то будет возможно, что Апепи, царь Северного Египта, еще не старый мужчина, лишившись супруги, своей законной царицы, хочет взять царевну Нефрет себе в жены, соблюдая все подобающие церемонии. Далее ты сообщишь, что, заимев на то твое согласие, Апепи принесет клятву: рожденный ею от него сын, если он будет дарован им богами, после смерти Апепи будет коронован как фараон всего Египта, и Верхнего, и Нижнего. Все это посол сможет удостоверить письменно и скрепить моей печатью, которая будет ему дана.

— То, что я услышал, — слова мира, о фараон. А теперь поведай мне о войне.

— Тут все будет короче и проще, царевич. Если Нефрет живет среди них и она сама или Совет от ее имени отвергнет мое предложение, тогда ты скажешь, что я, царь Апепи, отныне отказываюсь соблюдать все соглашения между мной и Общиной Зари и покараю их как заговорщиков против моей власти и мира в Египте.

— А если я удостоверюсь, что они не укрывают царевны, тогда что?

— Тогда ты не выскажешь им никаких угроз, а возвратишься и сообщишь обо всем мне.

— С тех пор, как я вернулся с Сирийских войн, о фараон, придворная жизнь наводит на меня скуку. Сам не знаю почему, но мне по душе твое поручение. Поэтому, если хочешь, назначай меня твоим посланцем, я берусь за это дело, — помедлив немного, сказал Хиан. — Только вот о чем хочу тебя спросить: хорошо ли это, что я: царевич Хиан, прибуду к ним под своим именем? Хоть и в твоей власти решить, кому ты передашь наследование престола, все же до сего времени твоим наследником считался я, и потому Община Зари может проявить недоверие к такому послу и поступить с ним, как сочтет нужным. Они могут оставить меня заложником.

— С чем я и попрошу тебя смириться, Хиан. Пусть ты станешь живым доказательством моего честного намерения, пока не свершится свадебная церемония. Пойми одно, Хиан: если царевна Нефрет в самом деле жива и скрывается в Общине, мое самое большое желание — жениться на ней, ибо теперь я понял: она, и только одна она принесет нам спасение. Тот же, кто захочет помешать мне, станет моим смертельным врагом, кто бы он ни был — пророк Рои или кто другой, — его ожидает смерть!

— Однако ты скор на решения, отец. Еще час назад тебе и в голову не приходила мысль о женитьбе, теперь же ты одержим ею.

— Это так, сын мой, ибо теперь — и я благодарю за это Аната — я увидел корабль, который вывезет меня и Египет из разлива бед, которые грозят в скором времени захлестнуть всех нас, и, следуя примеру своих великих предшественников, я вхожу на него, пока его не увлекло течением прочь. Везир, ты издали разглядел этот корабль, ты сослужил мне добрую службу, вот тебе золотая цепь в награду, и обещаю тебе еще многие награды впереди. Нет, побереги свою благодарность до того дня, когда корабль благополучно доставит нас в гавань. А тебе, Хиан, я скажу вот что: если ты считаешь, что посольство это слишком опасно — а оно таит много опасностей, — я поищу другого посла, хотя и предпочел бы тебя. К тому же я сомневаюсь, что, назвавшись другим именем и притворившись, что ты — не царевич Хиан, а придворный сановник или кто-то еще, ты проведешь этих востроглазых хитрецов. Но, впрочем, поступай как знаешь.

— А почему бы мне не стать простым человеком, коль скоро ты и сам того хочешь, о фараон? — с улыбкой спросил Хиан. — Ведь если все пойдет хорошо, тогда я, кто еще этим утром был законным наследником престола — так тебе было угодно меня называть, о фараон, — стану просто

одним из царских сыновей. Если судьбе угодно будет распорядиться так, я попросил бы тебя оставить мне, кто лишится столь многого, поместья и доходы, которые перешли мне от матери или дарованы Твоим Величеством. Ибо, хоть царский трон и не слишком влечет меня, я все же хотел бы остаться богатым человеком и жить спокойно, отдавшись своим любимым занятиям.

— Клянусь исполнить твоё желание, Хиан. И пусть это будет записано здесь и сейчас и скреплено моей царской печатью.

— Благодарю тебя, о фараон. А теперь позволь мне удалиться — я хочу побеседовать с тем раненым беднягой до того, как он умрет, быть может, он даст мне полезные советы.

С этими словами царевич склонился перед фараоном в глубоком поклоне, а затем вышел.

«Сколь же велик душой этот молодой человек, — думал про себя Апепи, провожая взглядом сына. — Мало кто не дрогнул бы от такого удара, если только он не замыслил предательства. Но Хиан не способен на предательство. Мне даже горько сознавать, что я лишил его престола. Все же так должно поступить. Если царица Нефрет живет на свете, я женюсь на ней и принесу клятву передать престол ее детям, ибо только тогда покой снизойдет на меня и на Египет».

А вслух он произнес:

— Совет окончен, и проклятие тому, кто выдаст, о чем тут шла речь. Предатель будет брошен на растерзание львам.

Глава VIII Писец по имени Раса

Через тридцать дней после этого совета на границе Священной земли, в том месте, где Нил в разливе поднимался выше всего, появился чужестранец и крикнул землепашцу, работавшему в поле, что принес письмо, которое просит доставить пророку Общины Зари.

Землепашец подошел поближе и, тупо уставившись на пришельца, спросил:

— Что это за община такая и кто ее пророк?

— А ты поспрашивай об этом у людей, друг, — сказал чужестранец, протягивая ему свиток и вместе с ним дорогой подарок. — Я же тем временем подожду ответа; на рассвете или на закате, когда я возношу молитвы, ты непременно найдешь меня вон под теми пальмами.

Крестьянин поскреб в затылке и, приняв свиток и подарок, отвечал, что постарается оказать услугу столь щедрому господину, хотя и не знает, о какой общине и о каком пророке тот ведет речь.

На следующий день, на закате, он появился снова и вручил посланцу другой свиток, который, как он объявил, дал ему незнакомый человек, и сказал, что это письмо царю Апепи, что находится со своим двором в Танисе. На что посланец лукаво ответил, что сроду не слыхивал ни о каком царе Апепи и не знает, в какой стороне Танис. Все же по доброте сердечной он постарается разыскать этого Апепи и передать ему свиток; после этого оба, улыбнувшись, разошлись в разные стороны.

Несколько дней спустя послание это было прочитано Апепи его личным писцом. Оно гласило:

Именем Всевышнего духа, что правит миром, и его слуги Осириса, бога умерших, мы приветствуем Апепи, царя гиксосов, расположившегося теперь в городе Танисе, в Нижнем Египте.

Знай, о царь Апепи, что мы, пророк Рои и Совет Общины Зари, которая нашла себе приют под сенью древних пирамид, в давние времена возведенных царями Египта, бывшими когда-то членами нашей Общины, для того чтобы они служили усыпальницами телам и памятниками их величию, на которых до скончания мира будут останавливаться взоры всех смертных; мы, кто из века в век черпает мудрость у Сфинкса, устрашающего Владыки Пустыни, получили твое послание и пришли к такому решению. Знай, о царь, что, несмотря на то, что недавно твои люди

нанесли нам тяжкое оскорбление, за что несчастные и поплатились жизнью, как поплатятся все, кто попытается хитростью и обманом проникнуть на нашу Священную землю и выведать наши тайны, мы, следуя заповедям нашей Общины, прощаем это зло и не станем придавать значения столь мелкому происшествию; мы примем посла, которого ты желаешь к нам направить, дабы обсудить с ним дело, суть которого ты нам не открыл. Знай далее, о царь, что посол этот, кем бы он ни был, должен явиться один, ибо против наших правил допускать более чем одного чужестранца на нашу Священную землю. Если, узнав все это, ты все же захочешь направить к нам своего посла, пусть придет он перед следующим полнолунием в ту же пальмовую рощу, где был вручен твоему посыльному этот свиток. Наш человек отыщет его и проводит к нам в обитель; мы также обещаем не причинить ему никакого зла.

Выслушав это послание, Апепи призвал царевича Хиана и, оставшись с ним наедине, спросил, не изменил ли он своего решения и отважится ли он один, без охраны, отправиться в эту Общину, которую, по слухам, часто посещают призраки.

— Отчего же нет, отец? — спросил Хиан. — Если против меня замыслено злодейство, меня не спасет никакая охрана, да и призраков воплями не устроишь. Уж если идти туда, то лучше одному. К тому же в послании ясно сказано, что Братство не примет больше чем одного человека, значит, у нас нет выбора.

— Решай как знаешь, сын, — ответил Апепи. — А теперь иди и готовься в дорогу. Завтра везир вручит тебе наше послание, а заодно передаст и мои наставления; небольшой отряд проводит тебя до назначенного места. Иди и возвращайся целым и невредимым, и помни, о чем мы с тобой договорились: привези мне царевну со всей ее челядью, наградой же будет мое тебе благословение.

— Я отправляюсь, — сказал Хиан, — а вернусь или нет — на то воля богов.

Когда все было готово, Хиану вручили свиток, в котором были изложены предложения и угрозы Апепи, а также золото для подношения богам детей Зари и драгоценности для царевны Нефрет, которые надлежало преподнести лишь в том случае, если будет доказано, что она и есть та чудесная дева, что живет среди братьев Общины. Хиан, однако, пустился в путешествие не как царевич, а под видом придворного писца по имени Раса, которого Апепи якобы заблагорассудилось выбрать своим доверенным лицом. Тайно покинув Танис, так что лишь немногие знали о

его отъезде, он отплыл вверх по Нилу, и хотя команде корабля было приказано во всем ему подчиняться, никто из матросов не увидел его воочию и у них не возникло никаких подозрений: они считали, что он и есть тот, за кого выдает себя — писец Раса, который едет куда-то по высочайшему повелению. Даже сопровождавшая его стража, шестеро воинов, — все были из дальнего поселения и не знали царевича в лицо.

В назначенный день корабль причалил к пристани, и Хиан, сопровождаемый воинами, которые несли золото и другие дары, а также его дорожные вещи, отправился к пальмовой роще, о которой упоминалось в послании. Ошибиться он не мог — никакой другой рощи в окрестностях не было видно. Здесь он отпустил воинов, которые с большими опасениями оставили его одного, хотя и рады были вернуться на корабль до наступления темноты; как все, живущие в Египте, они верили, что в этом месте блуждают призраки великих фараонов прошлого и Дух пирамид, чей взгляд сводит мужчин с ума.

— Как нам было приказано везиром Анатом, — сказал начальник стражи, — корабль, на котором вы, господин Раса, прибыли сюда, мы отведем теперь в Мемфис, где нас можно будет найти, если мы вам понадобится, хотя мы и не уверены, что еще понадобится вам.

— Почему же не понадобится? — спросил Хиан, он же писец Раса.

— А потому, что у этого места дурная слава, мой господин. Говорят, ни один чужестранец, что ушел вон в те пески, не вернулся назад.

— Что же с ними случается?

— Этого никто в точности не знает, только рассказывают, что их заживо замуровывают в гробницы — так они умирают. А если кто и избегнет подобной участи и сам он молодой и красивый, как вот вы, господин, может так случиться, что он повстречает ту чудную красавицу, что бродит при луне по пирамидам, и станет ее возлюбленным.

— Может, это и не так уж плохо, мой друг, если она такая чудная красавица?

— Хуже некуда, господин Раса, потому что, когда он поцелует ее в губы, а она взглянет ему в глаза, им овладеет безумие и он погонится за ней по пирамиде, покуда совсем не помешается и не свалится вниз, а если и выживет, то все равно останется безумным до конца своих дней.

— Но почему он не может ее догнать?

— Да потому, что она непременно заманит его на ту высокую пирамиду с гладкими плитами и заскользит по ней, как лунный луч, она то ведь дух, и ему за ней никак не угнаться. И когда он видит, что теряет ее, мозг у него вскипает — и он уже не человек.

— Ты навел на меня страх, друг. Какая печальная участь! Неужели она ожидает и меня, ученого писца, — ибо таково мое ремесло, — и именно сейчас, когда я снискал расположение при царском дворе! Но мне дано поручение, а тебе, я думаю, известно, что ожидает того, кто проявил неповиновение и не выполнил приказа Его Величества царя Апеги.

— О да, господин Раса, об этом мне хорошо известно; Апеги жесток, и если задумал что-то, лучше ему не перечить. А уж если кто осмелится ему возразить, пусть считает себя счастливецом, если его всего лишь укоротят на голову, а если он невезучий, то заперют плетьюми до смерти.

— Если так, друг, пожалуй, я предпочту призраков, а быть может, и ужасный взгляд этой красавицы, Духа пирамид, и не стану возвращаться назад, хотя, признаться, хотел бы этого. На груди у меня амулет, который, как мне сказали, защитит меня от обитателей могил и прочих призраков, вверяю себя ему и силе молитв. Я все же не теряю надежды, что скоро снова встречу с тобой и мы отправимся на твоём корабле в обратный путь, но если дойдет до тебя слух, что меня уже нет в живых, прошу тебя, в память о моей душе возложи подношения на первый же алтарь Осириса, который повстречается на твоём пути.

— Я не забуду об этом, господин Раса, потому что ты мне нравишься и от всего сердца я пожелал бы тебе более счастливой судьбы, — отвечал начальник стражи, который был добрым человеком, а потом добавил: — Возможно, ты чем-то обидел фараона или везира и кто-то из них хочет таким образом избавиться от тебя, — и ушел со своим отрядом.

«Вот весельчак! Квакает, точно лягушка в ночь перед грозой, — думал про себя Хиан. — Но даже если он и прав, что значит моя жизнь перед лицом вечных пирамид?»

И он сел под пальму. Прислонясь спиной к стволу, он разглядывал величественные очертания пирамид, которые прежде видел лишь издали, и, подобно Нефрет, размышлял о могуществе царей, которые их построили. Думал он и о том — и не без удовольствия, потому что любил путешествия и приключения, — какая странная миссия выпала на его долю и как удивительно повернулась его судьба.

«Если вправду царственная дева жива и скрывается в этой Общине и я успешно выполню свою миссию, я лишусь короны; если же ничего не получится, я все равно ее потеряю, ибо мой отец не прощает тех, кто не выполнил его поручения. По правде говоря, для меня будет всего лучше, если такая царевна вовсе не существует и я не обнаружу никаких ее следов. Но ведь какая-то дева всходит на пирамиды — тот воин, который хотел ее похитить, умирая, поклялся мне, что видел ее собственными глазами. И

покаялся также, что она прекрасна, а это доказывает другое: она не царица, ибо боги не одаривают всех сразу, и царицы не бывают красавицами. И уж конечно, не бегут царицы по пирамидам, а возлежат на своих ложах и обедают лакомствами. Или, может быть, та, которую видел наш похититель, или ему показалось, что видел, — дух, и если это так, мне уготовано судьбой увидеть ее и потерять рассудок? Однако же эти дети Зари — странный народ, если верить всему, что я о них узнал, да к тому же говорят, они очень добрые, — может, они не убьют меня, даже если догадаются или узнают, что я — царевич Хиан. Зачем им убивать меня, если царевичей так много, их можно делать указом или мановением скипетра».

День выдался очень жаркий, на корабле было слишком много народу, отдохнуть Хиану не пришлось, и теперь, сидя под пальмой и размышляя о превратностях судьбы, он заснул.

А тем временем благочестивый пророк Рои, достойный Тау и царица Нефрет держали совет в храме.

— Посланец сошел на берег, о пророк, — сказал Тау. — Мне сообщили, что он уже в пальмовой роще.

— А что тебе еще стало известно, Тау? — спросил Рои. — Если ты что-то знаешь, говори, ибо мне сообщено, что настало время, когда наследница престола Египта, — он показал на Нефрет, — должна принимать участие в наших советах.

— Я понял тебя, о пророк. Так вот, слушайте: один из наших братьев, который служит при дворе царя Апеги — не смотри на меня с таким удивлением, царица, ибо наши братья находятся повсюду — так вот, наш брат сообщил мне тем способом, о котором ты, пророк, знаешь, что дело это очень близко касается той, которую мы почитаем. Скажу коротко: когда четверо гиксосов пытались похитить нашу госпожу, эфиоп Ру допустил оплошность, ибо он убил троих, а четвертому дал убежать, хотя и смертельно ранил его. Этот шакал добрался до Таниса и, прежде чем отправился в преисподнюю, успел сообщить о случившемся. Из его рассказа и разных историй, которых не счесть, царь Апеги заключил, что дитя, которое ускользнуло из его рук в Фивах много лет назад, живет здесь, среди нас, и что это не кто иная, как царица из древнего рода фараонов Египта.

— Однако Апеги не откажешь в проникательности, — заметил Рои.

— Да, он сразу все понял, ему хватило лишь намека, данного везиром Анатом, а тому тоже не откажешь в хитроумии, к тому же он скор на решения, — сказал Тау, — и без отлагательств принял такое решение: не

убивать ту деву, как замыслил поначалу, а сделать ее своей супругой, пообещав оставить рожденному ею наследнику все царство, и таким образом, без войн и кровопролития, объединить Верхний и Нижний Египет.

Нефрет хотела что-то сказать, но Рои ее опередил.

— В этом намерении таится большое благо, — сказал он, — ибо объединятся наши земли и многие наши горести и опасности растают, точно утренний туман. Однако, — закончил он со вздохом, — послушаем, что скажет царица Нефрет, которая после церемонии, что свершится сегодня ночью, станет нашей царицей.

— Я скажу, что меня нельзя продать ни за одну, ни за сотню корон, — холодно отвечала Нефрет. — Этот бешеный гиксос Апепи — захватчик, враг нашего народа. Он — вор, укравший половину Египта, который правит силой и обманом. Он, кто по возрасту годится мне в отцы, убил моего отца, фараона Хаперра, и хотел убить меня и мою мать, царицу Риму, дочь царя Вавилона. Ему это не удалось, и теперь он хочет купить меня, хотя даже не видел меня ни разу в жизни, купить, как бедуины покупают кобылу редких кровей, и посадить на трон рядом с собой, лишь бы достичь того, что замыслил. О пророк, я не хочу даже думать о нем! Лучше я брошусь вниз с самой высокой пирамиды и найду себе убежище у Осириса, чем вступлю невестой в его дворец.

— Мы получили ответ, который я предвидел, — сказал Рои, и его старые, совсем истончившиеся губы растянулись в улыбке. — Ответ этот не огорчает меня, ибо будь такой союз заключен, он стал бы нечестивым союзом. Но да будет неведом тебе страх, царица! Пока наша Община могущественна и сильна, ты в безопасности, мы не отдадим тебя на растерзание волку Апепи. Скажи мне, Тау, это все, о чем тебе стало известно, или царь Севера предлагает нам что-то еще?

— Нет, больше ничего, пророк. Однако думаю, когда его посланец доставит сюда письмо, развернув его, мы прочтем вот что: если египетская царица не будет отдана ему в жены, он возьмет ее силой, а если это ему не удастся, то убьет, а заодно, нарушив все наши договоры, уничтожит и весь народ Общины Зари — от древних старцев до грудных младенцев.

— Так вот что он замыслил, — сказал Рои. — Что ж, если глупец вытянет спящую змею из ее норы, змея проснется и ужалит его, получит свое и Апепи, пусть только начнет. Когда царская рука потянется в нору и попробует схватить укрывшуюся там смертоносную змею, тогда и решим, что делать дальше. А пока что посол Апепи должен быть принят с тем радушием, которое было ему обещано, и сопровожден из пальмовой рощи в храм. Не хочешь ли ты, царица, накинуть поверх своих одежд мужской

плащ и привести его сюда? Ру и Кемма будут сопровождать тебя, только незаметно. Если ты согласна, отправляйся; ты умна и, быть может, сумеешь еще что-то узнать от него: увидев проводника-юношу, он не станет опасаться ловушки и наверняка разговорится с тобой.

— Охотно исполню твое веление, — отвечала Нефрет, — но только если ты уверен, что они не устроили засаду или какую-нибудь ловушку. Последнее время меня точно в клетку заперли, приятно будет прогуляться до пальмовой рощи.

— Засады быть не может, — заверил ее Рои. — После того, что случилось недавно у пирамид, мы усилили охрану наших границ; стража проследит каждый твой шаг, хотя ты никого и не заметишь. А потому ничего не бойся. Вызнай все, что сможешь, у этого посланца и доведи его до Сфинкса, там же на глаза ему следует надеть повязку, и пусть его проводят сюда.

— Иду, — засмеявшись, сказала Нефрет. — Завтра меня уже будут называть царицей, и, кто знает, позволят ли мне тогда ходить одной.

В сопровождении Тау, который велел также позвать Ру и Кемму, она прошла в один из покоев, где Тау дал им и ожидавшим там людям наставления. Сделав это, Тау возвратился к Рои и тихо сказал ему следующее:

— Знаешь ли ты, о пророк, кому известно столь многое, как зовут этого посланца и кто он такой?

Обратив на него взгляд, Рои ответил:

— Не важно, как и когда эта мысль посетила меня, но я знаю, что хотя этот человек прибыл к нам под видом придворного писца, имя которого мне не известно, на самом деле он не кто иной, как царевич Хиан, наследник Апеги.

— Так же думаю и я, — сказал Тау, — и у меня есть на то основания. Скажи мне, благочестивый пророк, ведомо ли тебе что-то об этом Хиане?

— Многое, Тау. Наши друзья при дворе Апеги наблюдали за Хианом с самого его детства и говорят о нем много хорошего. Конечно, есть в его характере и какие-то слабости, но это свойственно молодости. Иной раз он излишне горяч и неосторожен, иначе разве взялся бы он за это дело при таких странных условиях? Говорят также, что и лицом и нравом он больше похож на египтянина, чем на гиксосу; как видно, в нем возобладала кровь матери, и если он и чтит каких-то богов, — в чем я не уверен, ибо он любитель размышлять, — то это египетские боги. Он образован, умен, смел, красив и великодушен; быть может, отчасти мечтатель, ибо ищет того, что невозможно найти в мире, однако главная его дума о том, как

помочь Египту залечить раны. Похоже, в нем много достоинств, и скажу тебе прямо: имей я дочь, такого человека я и избрал бы ей в мужья, будь это возможно. Вот что известно мне о царевиче Хиане. Столь ли хороши отзывы и у тебя, Тау?

— Они во всем совпадают с твоими, благочестивый пророк. Одно непонятно мне: почему принял он на себя такое поручение — ведь если он выполнит его успешно, он лишится престола. Я опасаясь ловушки.

— Думаю, ему хочется повидать как можно больше в мире; к тому же его привлекает наше учение, вот он и захотел увидеть все собственными глазами и услышать собственными ушами. Однако ему еще неизвестно, что найдет он, быть может, больше, чем ищет.

— Потому, пророк, ты и предложил царевне Нефрет повстречать его в пальмовой роще?

— Ты угадал, Тау. Когда я сказал, что брак, который предлагает Апепи, имеет много достоинств, я вовсе не имел в виду, что она должна быть брошена в пасть гиксосскому льву, я хотел дать ей понять, что брак с царевичем Хианом принес бы все эти блага. Можно ли представить лучший путь для объединения Египта? Пусть мы достаточно сильны, чтобы победить врага, но мы ненавидим войны и даже во имя объединения наших земель не пошли бы на войну, мы не хотим кровопролития и убийств. Но как же нам этого избежать, если та, которую мы чтим, объявила нам, что она не из тех, кого можно продать или принудить? Лишь ее сердце ведет и повелевает ею, и откликнется она лишь на его зов.

— Девичье сердце скорее потянется к царевичу, нежели к скромному посланнику. Что, если тот, кто ждет под пальмами, не понравится ей?

— Тогда это будет означать, Тау, что нашему замыслу не суждено исполниться и мы должны искать другой путь. Пусть решит Судьба, а пред ней все равны, что царевич, что простой человек. Мы тут бессильны. Слушай же дальше. Этот посланец, кем бы он ни был, явился к нам, чтобы удостовериться в том, о чем знает уже множество людей: он хочет узнать, живет ли здесь, среди нас, дочь и наследница фараона Хеперра. Мы можем открыть ему правду, а можем и отрицать все. Как, ты думаешь, нам поступить?

— Если мы будем отрицать, о благочестивый пророк, он все равно узнает правду, а нас сочтет за обманщиков и трусов. Если же признаем, что царевна Нефрет с нами, он и все, живущие в Египте, будут уважать нас как честных и смелых людей и скажут, что клятва, которую мы принесли богине Истине, — не пустые слова. Чем бы нам это ни грозило, мы сохраним честь и заслужим уважение даже наших врагов. А потому мое

слово: признаемся и мужественно встретим испытания, если они нам уготованы.

— Так говорю и я, и Совет Общины, Тау. Сегодня вечером перед посланцами, которые придут со всего Египта и из других стран, в большом храмовом зале Нефрет будет коронована, она станет царицей Египта, и торжество это невозможно скрыть — даже летучие мыши разболтают об этом по всему свету. Мы поступим умно, если пригласим его на это торжество, а он, если захочет, сообщит об этом Апеги. И еще об одном должен он будет сообщить, Тау: возьмет ли коронованная царица себе в мужья Апеги.

— Ответ нам уже известен, о пророк, но тогда... что будет потом?

— Потом — Вавилон. Слушай меня, Тау. Апеги пошлет свое войско, чтобы разгромить нас и пленить царицу, но ему не с кем будет сразиться, некого будет громить, ибо нашей Общине есть где укрыться, — в Египте много гробниц и катакомб, куда не осмелятся ступить воины, царица же в это время будет уже далеко. Если Апеги ищет проклятия, пусть оно падет на него — несметное вавилонское воинство хлынет на Танис, чтобы исполнить волю покойной царицы Римы и исправить зло, причиненное ее дочери.

— Да свершится воля богов, — сказал Тау, — и пусть тот, кто ищет войны, в ней и погибнет, ибо таков закон Бога и людей.

В длинном плаще с капюшоном Нефрет приближалась к пальмовой роще в сопровождении Ру и Кеммы, которая была очень недовольна.

— В такой-то жаркий день тащиться по солнцепеку — кому только это в голову пришло! — негодовала она. — Вечером у нас большое торжество, и ты, царица, играешь в нем главную роль. Надо еще приготовить твои одеяния и драгоценности, а мы тут время тратим, какая еще фантазия пришла тебе в голову? Кого ты ищешь?

— Того, кого ищут все женщины, — так ты наставляла меня, Кемма, — мужчину, — смеясь отвечала Нефрет. — Мне кажется, вон в той пальмовой роще прячется мужчина, и я иду, чтобы найти его.

— Мужчина! Мало ли мужчин, что живут поближе к дому, если только гробницы можно назвать домом. Хотя, уж если говорить правду, почти все наши мужчины либо седобородые старцы, жрецы да отшельники, которые думают только о своих душах, либо семейные люди, которые трудятся день напролет, а по ночам им снится, что Нил намоет, нанесет на их поля целую гору ила. Ну вот мы и дошли до рощи, а я не вижу никакого мужчины. Не могу я больше брести по этому проклятому песку, вот стоит статуя бога,

а может, и какого-то царя, чье имя уже тысячу лет никто не слышит. Но кто бы он ни был — бог или царь, он дарует нам тень, здесь я посижу, и ты сделаешь то же самое, если у тебя есть голова на плечах, а Ру пойдет поищет этого твоего мужчину, хотя когда тот увидит гиганта с огромным топором в руке, боюсь, он пустится наутек.

— Я бы тоже пустилась, — сказала Нефрет, — но все же, Ру, пойдем со мной, ты должен меня охранять.

Войдя в рощу с правой стороны, Нефрет, неслышно ступая, стала переходить от дерева к дереву, приказав Ру незаметно следовать за ней. Вскоре она увидела молодого человека в одежде гиксоса, сидящего под пальмой, рядом с ним лежало несколько свертков, а сам он — вот неожиданность! — крепко спал. Тут Нефрет пришло что-то на ум, и она сказала Ру, чтобы он тихо приблизился, взял свертки и спрятался за статую, где сидела Кемма. А потом, когда она поведет этого молодого человека к Сфинксу, они с Кеммой и с этими свертками должны постараться следовать за ними таким образом, чтобы тот их не заметил.

Захватив свертки, Ру бесшумно удалился; великан, как все эфиопы, умел двигаться совсем бесшумно, этому искусству их обучают с детства, чтобы они могли неслышно выслеживать зверя или преследовать врага. Он исчез со своей ношей за статуей, однако Нефрет знала, что глаз он с нее не спускает и в случае опасности немедленно придет на помощь. Стоя под пальмой напротив, она с интересом разглядывала спящего. Никогда еще она не видела молодого мужчину с таким красивым и одухотворенным лицом — это Нефрет поняла с первого взгляда.

«Если глаза его, которые я сейчас не могу увидеть, столь же красивы, как и остальные черты, он прекрасен. К тому же по его виду можно сказать, что дух владеет его плотью, а не плоть духом», — так размышляла она и вдруг почувствовала какое-то неведомое ей ранее волнение, что-то смутило ее спокойствие и немного испугало, хотя она не могла дать себе отчет, что же произошло.

Нефрет не отводила глаз от Хиана, а он по-прежнему спал. Но вот наконец он встрепенулся, протянул руки, точно ловя уходящий сон, зевнул и открыл глаза.

«Они так же прекрасны, как и все в нем» — сказала себе Нефрет и скользнула за дерево. Глаза Хиана и вправду были прекрасны — большие, карие, чуть грустные глаза.

Хиан вспомнил о свертках с подарками и золотом и стал их искать.

— О, боги, они исчезли! — воскликнул он хоть и встревоженным, но приятным и мягким голосом. — Как это могло случиться, если они лежали

у меня под рукой? Видно, правду говорят люди: здесь бродят призраки.

Плотнее запахнувшись в свой длинный плащ, Нефрет выступила из-за пальмы и спросила:

— Ты что-то потерял, господин? И если так, быть может, я помогу тебе?

— Ты поможешь мне, юноша, если вернешь мои вещи, которые, как я думаю, ты и украл. Но юноша ли ты? — добавил он с сомнением. — Голос у тебя...

— Ломается, господин, — поспешила ответить Нефрет, стараясь говорить хрипло.

— Однако ломается странным образом. Он должен бы становиться грубым, а не девичьим. Но пусть будет так. Возврати мне мои вещи, юноша, иначе, как это ни печально, мне придется убить тебя...

— И тем самым потерять свои вещи, и, быть может, безвозвратно, господин мой.

— Похоже, ты не слишком-то испугался моей угрозы. Скажи мне, кто ты?

— Я твой проводник, господин, и должен сопроводить тебя — если ты и есть посланник Апепи, — туда, где ты должен находиться до того часа, как ты предстанешь перед Советом Общины Зари. Зная, что ты здесь один, и опасаясь, как бы вооруженная стража не напугала тебя, Совет поручил тебя мне, совсем молодому человеку, которого ты не можешь испугаться. Мне велено было найти и проводить тебя.

— Совет принял доброе решение. Однако, молодой человек, где же все-таки те свертки, что мои слуги сложили рядом со мной, прежде чем отправиться в обратный путь?

— Они уже в пути, господин. Как ты только что изволил сказать, место это — обитель призраков, а призраки поспешают быстрее нас.

— Значит, они могли унести и меня, хоть я и доволен, что они этого не сделали, — мне так весело разговаривать с тобой, юноша. Что же касается моих вещей, надеюсь, ты сказал правду, а если солгал, тогда я убью тебя позже. А если не я, то это сделает сама Община, ибо она лишится дорогих подарков. Что же дальше?

— Изволь следовать за мной, господин.

— Тогда в путь. Веди меня, юноша.

Глава IX Коронация Нефрет

Они пустились в долгий путь, ибо Нефрет повела Хиана в обход древней статуи, за которой прятались Кемма и Ру.

— Ты живешь здесь? — вскоре спросил ее Хиан.

— Да, господин, здесь, неподалеку, — туманно отвечала Нефрет.

— А могу ли я спросить, чем ты занимаешься, когда не сопровождаешь путешественников, которые столь редки в здешних краях, и не устраиваешь доставку вещей столь необычным образом?

— Да чем угодно, — еще более неопределенно отвечала Нефрет, — но чаще всего меня посылают с разными поручениями.

— С поручениями? И куда же?

— Повсюду. Однако скажи мне, господин, знаком ли ты с пирамидами?

— Совсем нет, друг, я видел их только издалека. Пирамиды, как известно, теперь принадлежат Общине, о которой ты говорил и которой я, такой же посыльный, как и ты, должен передать письмо и подарки. Никто не может приблизиться к пирамидам. Я слышал рассказ о том, какая ужасная смерть настигла здесь недавно несчастных, которые хотели разглядеть пирамиды поближе и увидеть всякие чудеса. Говорят, черный лев прыгнул из-за пирамиды, убил троих и тяжело ранил четвертого, так что он вскоре скончался. Только, может, это был не лев, а один из ваших призраков. Но как бы то ни было, человек этот умер.

— Странная история, господин! Удивительно, что ни о чем подобном мы даже не слышали; правда, живем мы в уединении, и слухи до нас доходят редко. Посмотри сам, как прекрасны пирамиды, как величественно высятся они на фоне неба! Их ясные контуры словно врезаны в небо. И чудится, будто великие мертвые, что покоятся в них, говорят с нами через бездну времен.

— Должен признать, мой юный друг, у тебя очень живое воображение, не часто встретишь такого проводника. И все же не могу с тобой согласиться. Да, эти каменные громады красивы той красотой, которая сокрушает рассудок, хотя горы, изваянные самой природой и увенчанные снежными шапками, какие я видел в Сирии, еще красивее. Но мне эти пирамиды вещают не о могущественных мертвых, чью память они прославляют, а о тысячах преданных забвению несчастных, сгинувших в тяжком труде в те годы, когда возводились эти громады, дабы нашли в них

вечное упокоение останки царей и имена их сохранились в людской памяти. Надо ли ценой страданий и гибели множества людей воздвигать такие памятники ради восхищения грядущих поколений?

— Не знаю, господин, такие мысли не приходили мне в голову. Одно я знаю: роду человеческому суждено страдать — так мне было сказано, хотя я и совсем неученый...

— ...юноша, — подсказал Хиан.

— Нет конца этим страданиям, — продолжала Нефрет, словно не расслышала его подсказки, — и никаких воспоминаний, никаких записей не остается от них. Здесь же по крайней мере хоть что-то осталось — прошла уже вечность с тех пор, как те, кто причинял страдания и кто страдал, канули во мрак, а люди все еще восхищаются этими пирамидами и будут восхищаться еще не одно тысячелетие. Страдание во имя высокой цели, страдание, которое принесет плоды, даже если мы не знаем, что это за цель, и никогда не увидим плодов, можно принять с радостью, но пустое, бесплодное страдание — это безводная пустыня, это мука без надежды.

Хиан взглянул на говорившего, вернее, на капюшон его плаща, потому что лица не было видно.

— Как ясно и точно выражена мысль, — заметил он. — Как видно, посыльным тут сообщают глубокие знания.

— Братья нашей Общины — люди ученые, и даже молодым достаются крохи знаний с их пиршественного стола, — конечно, если молодые ищут их, господин... Однако я не знаю твоего имени...

— Моего имени? Ах да — меня зовут писец Раса.

— Вот как? Я потому, наверно, не догадался, что писцы носят при себе свитки папируса и перья, а не копье, и руки у них совсем другие. Я бы скорее принял тебя за воина или за охотника, а может, и за путешественника, что любит подниматься высоко в горы, ты ведь говорил о них, но уж никак не за того, кто сидит в жаркой дворцовой комнатке и переписывает древние папирусы.

— Но я к тому же и воин и охотник, — поспешно пояснил Хиан, — а горы я очень люблю, в Сирии я поднимался на высочайшие вершины. Скажу к слову, что слышал я удивительные истории про ваши пирамиды. В Танисе, да и в других местах люди рассказывают, что по ночам, а иной раз и при свете дня по склонам пирамид скользит какой-то дух в женском облике, потому что это не может быть обыкновенная женщина.

— Почему же, писец Раса?

— Потому что, если верить слухам, дух этот — женщина такой чудесной красоты, что от одного взгляда на нее мужчины теряют разум. Да

и может ли обыкновенная женщина, подобно ящерице, взбежать на такой высокий и гладкий склон?

— Если ты, господин, и сам умеешь подниматься на горы, ты должен знать, что зачастую не такое уж трудное это дело, как кажется. В здешних местах живет одно семейство, где мужчины из поколения в поколение овладевают этим искусством, днем ли, ночью ли, они могут подняться на самую вершину, — рассказывала Нефрет, уходя от прямого ответа на его вопрос.

— Если я пробуду здесь долго, я попрошу их обучить меня этому искусству, тогда, быть может, и мне посчастливится встретить на вершине эту необыкновенную красавицу и испить из чаши Красоты, пусть я и стану потом безумным. Но ты не ответил мне. Правда ли, бродит по пирамидам женщина-дух, и если это так, что мне сделать, чтобы увидеть ее? Чего бы я только не отдал, лишь бы увидеть...

— Смотри, писец Раса, — вон там, впереди, Сфинкс, и когда мы подойдем к нему поближе, ты сам поймешь, какой он замечательный. Задай ему свой вопрос; говорят, иной раз, если ему понравится тот, кто спрашивает, он разгадывает всякие загадки, хотя сам я и не сумел исторгнуть ни одного ответа из этих каменных уст.

— Вот как? Огорчительно мне это слышать, ибо я хотел бы разгадать немало загадок, и одна из них — кто мой проводник, скрывающийся под длинным плащом, — столь юный и столь ученый?

— Тогда, писец Раса, ты должен отложить разгадки до другого часа — пред тем, как задавать Сфинксу загадки, надо совершить положенные молитвы и обряды. А теперь, с твоего позволения, я должен завязать тебе глаза, — так мне было приказано сделать, ибо мы вступаем в святую обитель Общины Зари, тайны которой не дано узнать ни одному чужестранцу. Прошу тебя, стань на колени, потому что ты очень высокий, писец Раса, и я не дотянусь до твоей головы.

— Что ж, стану и на колени, — отвечал Хиан. — Сначала у меня похитили вещи, затем задали столько загадок, что у меня голова закружилась от любопытства, теперь же еще и завязывают глаза, и быть может, мой юный проводник, — из-за которого я, между прочим, совсем потерял голову, словно она-то и есть тот самый Дух пирамид, — сейчас отрубит мне голову; но все же я преклоняю колени. Завязывай.

— Почему ты, обращаясь к бедному юноше, который зарабатывает себе на хлеб нелегкой работой, говоришь «она», а также склонен видеть в нем вора или даже убийцу и сравниваешь его с Духом пирамид, писец Раса? Будь так добр, не поворачивай головы и не пытайся больше заглянуть

через плечо, как ты уже делал, потому что я могу повредить тебе глаза. Устрями взгляд на Сфинкса, что прямо перед тобой, и припомни все загадки, что ты хотел задать этому божеству. Вот так, я начинаю.

И Нефрет проворными мягкими движениями обвязала ему голову душистым шелковым платком, который был еще теплым, потому что хранился у нее на груди.

— Готово. Ты можешь встать, — сказала она.

— Сначала я осмелюсь ответить на твой вопрос, потому, что не можешь ведь ты гневаться на ослепленного. Я казал «она», потому что, когда мы шли, я на минуту забыл твой запрет и случайно взглянул вниз, вместо того чтобы смотреть вверх, и увидел твои руки — руки женщины; к тому же ты носишь на пальце старинный перстень с печатью, а когда ты склонилась надо мной, из-под капюшона выскользнул длинный локон...

— Кемма! — прервала его Нефрет. — Все, что мне было приказано сделать, исполнено, а теперь я пойду за тем, что мне причитается. Прошу тебя, проводи этого писца или посланца к благочестивому пророку Рои, и пусть человек, что стоит возле тебя, отдаст ему вещи, чтобы он пересчитал их, потому что всю дорогу он обвинял меня в том, что я украл их.

Тот, кто назвался писцом Расой, сидел перед пророком Рои, жрецом Тау и другими старейшинами Общины Зари, одетыми в белые одеяния.

Речь держал Рои.

— Мы прочли послание, которое доставил ты нам, о писец Раса, от Апепи, царя гиксосов, что правит в Танисе, на земле Египта. Если сказать коротко, в нем изложены два вопроса и одна угроза. Вопрос первый: правда ли, что Нефрет, египетская царевна, дочь и наследница фараона Хеперра, который пребывает сейчас в царстве Осириса, куда отпустило его копье Апепи, и Римы, дочери царя Вавилона, живет среди нас? Ответом на этот вопрос будет тебе та церемония, которая состоится сегодня вечером. Вопрос второй: станет ли дочь царя Хеперра, если она еще видит Солнце, супругой Апепи, царя гиксосов, как он того требует. На этот вопрос Ее Величество Нефрет, если она жива и находится среди нас, даст ответ сама, обдумав его, ибо то будет ответ царицы Египта, а царица Египта выбирает себе в супруги, кого захочет.

Затем следует угроза: если та, которую мы почитаем, отвергнет это предложение, Апепи, царь гиксосов, нарушив все договоры, которые были заключены его предками и им самим с нашим древним Братством детей Зари, отомстит нам, стерев нас с лица земли. На это мы ответим сразу же, а затем повторим письменно, что мы не боимся Апепи, и если он пойдет на

нас войной, камни Великих пирамид — всего лишь пушинки по сравнению с проклятием Небес, что обрушится на предателя.

Передай Апепи, о посол, что мы, живущие здесь в уединении и отправляющие свои скромные ритуалы, мы, кто не имеет войска и ни разу ни на кого не поднял меча, если только не требовалось защитить свою жизнь, все же сильнее, чем он и любой из царей, живущих на земле. Мы не бьемся в битвах, как бьются друг с другом цари, воинство наше невидимо глазу, — ибо это сила божия. Пусть нападает на нас Апепи — одни лишь могилы, населенные мертвыми, найдет он здесь. Тогда пусть приложит он ухо к земле и прислушается к тяжелой поступи бесчисленного воинства, которое сотрет его с лица земли. Таков наш ответ Апепи, царю гиксосов.

— Я выслушал все, — почтительно поклонившись, сказал Хиан, — и рад был узнать, о пророк, что вы напишете все это в послании, иначе царь Апепи, что отличается крутым нравом и не любит, когда ему говорят суровые слова, может лишить головы того, кто произнесет их перед ним. А также прошу помнить, о благочестивый пророк и советники, что я, писец Раса, всего лишь человек, которому приказано вручить вам послание и доставить затем ваш ответ, а также по возможности кое-что узнать. Что же касается договоров между царями гиксосов и вашей Общиной, то о них я ничего не знаю, и мне не велено было обсуждать эти договоры. Об угрозах вам и о том, чем эти угрозы могут обернуться, я также не был извещен, хотя догадывался, что может случиться. И потому прошу вас уделить этому время и изложить в послании все подробно. Для себя же прошу: обеспечьте мне безопасность на то время, что я буду находиться в вашей Общине, и разрешите свободно ходить по вашей земле; скажу откровенно, ваши величественные гробницы напоминают мне тюрьмы, и мне странно, когда вы завязываете мне глаза, ибо я посол, а не лазутчик, которому поручено вызнать ваши тайны.

Рои бросил на него пыливый взгляд, затем сказал:

— Если ты поклянешься перед нами, что никому не станешь рассказывать о том, что увидишь здесь, и не откроешь никому наши нехитрые тайны, которые не касаются твоего посольства, а также в том, что не попытаешься скрыться от нас, пока не придет должное время и мы не напишем ответ царю Апепи, мы, со своей стороны, предоставим тебе полную свободу, и ты будешь жить среди нас и ходить, куда захочешь, о посланец, который сообщил нам, что имя его Раса и что он — царский писец. Мы жалуем тебе такое право, ибо наделены проницательностью, и потому знаем, что ты человек честный, хотя, быть может, и получил приказание путешествовать под иным именем, чем то, под которым ты

известен при дворе царя Апепи; ведомо нам и то, что ты не таишь против нас, ни в чем не повинных людей, никакого зла.

— Благодарю тебя, пророк, — ответил с поклоном Хиан, — и с полной охотой даю клятву выполнить все твои требования. Теперь же позволь мне, как мне было поручено, принести дары вашим богам во искупление зла, что было нанесено вам недавно четырьмя злодеями.

— Наш бог, писец Раса, царит над всеми богами, что правят землей, мы зрим его меж звезд небесных, но не подносим ему никаких даров, лишь души наши отданы ему. И сами мы тоже не принимаем дары, ибо служим друг другу в нашем Братстве и не нуждаемся в золоте. А потому, посол, сделай милость, унеси эти дары обратно и проси царя гиксосов отдать их вдовам и детям тех, кто, как мы полагаем, выполняя приказ царя, тайно проникли на нашу землю и хотели совершить насилие над нашей сестрой, а также выведать наши секреты, что и навлекло на них смерть.

— Хотел бы я узнать, кто этот ваш бог, что царит над всеми богами. Если то не воспрещают ваши установления, прошу тебя, о святейший пророк, наставить меня в знаниях о нем и рассказать про обряды и моления, ему возносимые, поскольку я жажду познать Истину.

— Если будет на то время, мы поведаем тебе о нашей вере, — ответил Рои.

— Что же касается даров, — продолжал Хиан, отвесив низкий поклон в знак благодарности за обещание, — мне нечего сказать в ответ, прошу лишь не поручать мне это дело, а самому возвратить их, сопроводив особым посланием. Ты, о пророк, прожив на свете немало лет и преисполнившись мудрости, конечно же, заметил, что великие цари не любят, когда их дары возвращают им, говоря при этом слова, которые сказал ты; когда же такое случается, они склонны винить во всем того, кому велено было поднести их.

Улыбка тронула уста Рои; ничего не ответив на просьбу Хиана, он продолжал:

— Мы приглашаем тебя сегодня ночью на церемонию, писец Раса. А теперь ты можешь удалиться в отведенные покои, где тебе будет подана еда и где ты сможешь отдохнуть до назначенного часа, если, конечно, ты изъявишь желание присутствовать на нашем торжестве.

— Можно ли в этом сомневаться? — отвечал Хиан, и служитель вывел его из зала Совета.

Близилась полночь. Хиан, облачившись в праздничные одеяния, какие в подобных случаях надевают писцы, лежал на постели в своем покое,

раздумывая над тем, в какое странное место забросила его судьба и какие странные люди его населяют. Мысли его обращались к величавому старцу с орлиным взором и его почтенным советникам, собравшимся в подземном храме; раздумывал он и о том, в честь чего назначена церемония, на которую его пригласили, — если только о нем не позабыли и он дождетя, когда за ним придут. Думал о том, как его отец, Апепи, примет гордый ответ этих отшельников; об улыбке могучего Сфинкса, которого он увидел сегодня впервые, и о многом другом.

Однако более всего мысли его занимал проводник, что вывел его из пальмовой рощи, а потом завязал ему глаза. Без сомнения, то была женщина, вернее, юная девушка — у нее такие прекрасные волосы и красивые маленькие руки, а на пальце — царский перстень. Вот и все, что он о ней знал; на самом деле она могла оказаться уродкой, а перстень, быть может, нашла или украла. Но одно было неоспоримо: пусть она простая женщина с ничем не примечательным лицом, ум ее никак не назовешь заурядным. Ни одна крестьянская девушка, сколько бы ее не обучали, не выскажет таких высоких мыслей, облачив их к тому же в столь ученые слова. Как хотелось ему увидеть своего проводника без длинного плаща и капюшона и открыть тайну той, у кого был такой приятный голос.

Тут раздумья его были прерваны: кто-то густым басом спрашивал его разрешения войти, которое он и дал. Хиан поднялся с постели: в тусклом свете светильника перед ним возник чернокожий великан с огромным топором в руке — таких великанов Хиан еще не встречал.

— Прощу, скажи мне, кто ты и что ты хочешь со мной сделать? — спросил Хиан, протирая глаза, потому что ему показалось, что все это ему снится.

— Я твой проводник, — сказал гигант, — и пришел, чтобы отвести тебя на церемонию.

— Великий Сет, еще один проводник! Но до чего непохож на первого! — воскликнул Хиан, подумав при этом: «Уж не казнь ли моя — эта церемония? Этот гигант с топором куда как подходит для такого дела. Или он — еще один призрак, что рыщет по пирамидам?»

Хиан снова обратился к Ру, потому что это был он.

— Достопочтимый господин Великан, живущий на земле, или дух, обитающий в подземном мире, ибо мне неизвестно, кто ты, — сказал он, — я не испытываю ни малейшего желания отправиться куда-то вместе с тобой. Я очень устал и предпочитаю остаться там, где нахожусь. Доброй ночи тебе, господин.

— Почтенный посол, или писец, или переодетый царевич, или воин,

— вот уж в этом-то меня не обманешь: у тебя вид воина, и шрамы тебе не стило писца нанесло, — как бы ты ни устал, не можешь ты остаться в постели. Мне повелели доставить тебя в другое место. Пойдешь ты сам или мне отнести тебя, как я нес твою поклажу?

— Ах, так, значит, это ты украл мои свертки, а вести меня через пески предоставил сладкоречивой девчонке.

— Девчонке! — взревел Ру. — Девчонке... — И он взмахнул топором.

— Что ты, что ты, друг! Но кто же она? Не мужчина — в этом я могу поклясться, а ничего среднего между мужчиной и женщиной нет. Прошу тебя, скажи, кто она, — я сгораю от любопытства. Садись, друг, а то с твоим ростом тут не выпрямишься, выпьем с тобой вина. Однако ваши братья неплохие виноделы. Такого вина я не пробовал даже... на царских пиршествах. Выпей же!

Ру взял кубок, который ему протянул Хиан, и осушил его.

— Благодарю тебя, — сказал он. — Вот почему плохо жить с этими отшельниками — они одну воду пьют, хотя у них и такого питья немало припрятано в какой-нибудь гробнице. А теперь пойдём — я тебе уже сказал: мне велено...

— Да, ты сказал, что велено, дружище великан. Но кто велел тебе?

— Она ве... — начал было Ру и умолк.

— Она? Кто — она? Ты говоришь о девушке, которая вела меня сюда и завязала мне глаза? Не спеши, друг. Выпей еще кубок этого прекрасного вина.

Ру выпил и снова сел.

— Ты почти отгадал, но мой рот на замке, — сказал он. — Пойдем, царевич.

— Царевич? — удивленно вскричал Хиан, всплеснув руками. — Мой друг великан, похоже, вино уже ударило тебе в голову. Что ты хочешь сказать?

— То, что сказал, хотя и не должен был говорить. Разве тебе не известно, царевич, что жители этих гробниц — чародеи и волшебники, они знают все на свете, хотя и делают вид, что не знают ничего? Думают небось: вот глупый эфиоп, только и умеет, что махать своей секирой. Может, так оно и есть, только уши-то у меня на месте, и слышу я хорошо — вот так я узнал, что ты царевич, а также воин, как и я сам, хотя тебе почему-то захотелось притворяться, что ты писец. Но я никому про эту свою догадку даже и словом не обмолвился, даже самой... а-а, это я про то. Будь уверен — она ничего не знает. Думает, все ты сидишь да переписываешь всякие там папирусы. И хватит об этом, теперь молчок.

Пойдем же, а то опоздаем. А потом ты расскажешь мне, какие войны идут сейчас в Египте, потому что, живя тут, я совсем ничего не слышу ни про какие войны, я стал нянькой, а ведь был воином.

И, схватив Хиана за руку, Ру потащил его по темным галереям. Но вот в конце одной из них замерцал свет, и они вошли в огромный дворцовый зал. Под самым потолком его протянулся ряд окон, через них внутрь вливался лунный свет. Тут собралось множество людей; мужчины то или женщины, Хиан не мог разглядеть, потому что все они были в длинных белых одеяниях и лица их были закрыты. Точно белые призраки. В глубине зала, на возвышении, освещенном светом лампад, также в белых одеяниях, но с открытыми лицами, сидели члены Совета Общины Зари. В центре этого полукруга помещался наполовину скрытый занавесом алебастровый алтарь, перед ним стояло кресло с подлокотниками, украшенными головами сфинксов. Когда Хиан вошел, в зале царила тишина — казалось, его прихода ожидали.

— Мы опоздали, — прошептал Ру и повлек Хиана к боковому нефу; собравшиеся поворачивали головы, когда Хиан проходил мимо, — сквозь прорези покрывал на лицах он видел обращенные к нему глаза.

Они подошли к креслу, помещавшемуся перед возвышением, но на некотором расстоянии от него, так что Хиан мог хорошо видеть все, что происходит на возвышении. Ру усадил своего подопечного, шепнув ему, чтобы он не вздумал куда-нибудь уйти. Затем он поспешно удалился и вскоре появился на возвышении, где встал по левую сторону от алтаря, по правую сторону которого уже стояла седовласая статная Кемма.

— Закройте вход и выставите стражу, — произнес Рои, и по движению в глубине зала Хиан понял, что приказание верховного жреца исполнено. Затем Рои поднялся со своего кресла и начал говорить: — Братья и старейшины священной, древней и могущественной Общины Зари, Совет которой нашел теперь пристанище среди гробниц и пирамид, охраняемых великим Сфинксом, образом восходящего солнца, слушайте меня, пророка Рои. Вы пришли отовсюду, из всех номов и городов Египта, из Тира и Вавилона, из Ниневии, из Сирии и с Кипра и многих других заморских стран; вы были избраны в этих городах и странах теми, кто зажигает в сердцах людей свет и наставляет их в истине и добре, дабы сбросить притеснителей наших всеми праведными действиями и объединить мир воедино в служении Всевышнему Духу, которому мы поклоняемся и кому служат все боги.

Отчего были призваны вы из дальних мест? Я скажу вам: чтобы принять участие в коронации царицы Египта, законной наследницы

древних царей, которые не одно тысячелетие правили Египтом, введенной недавно в нашу Общину Зари, давшей обет служить ей верой и правдой и исполнять ее обряды, дочери царя Хеперра и царицы Римы из рода царей Вавилонских, призванных теперь Осирисом. Мы, Совет Общины Зари, где царевна нашла убежище с младенческих лет, клятвенно утверждаем, что та, что сейчас появится перед вами, не кто иная, как Нефрет, египетская царевна, дочь и единственная наследница Хеперра и Римы. Почтенная Кемма, ее воспитательница, что стоит сейчас перед вами, может это удостоверить, ибо она присутствовала при ее рождении и была с ней рядом вплоть до этого часа. Верите ли вы нам, советники и старейшины Общины, или требуете дальнейших доказательств?

— Верим, — в один голос отвечали присутствующие.

— Тогда пусть Нефрет, египетская царевна и законная наследница египетских царей, правивших Верхним и Нижним Египтом, явится пред вами.

При этих словах занавес перед алебастровым алтарем раздвинулся, и собравшимся предстала Нефрет. Так прекрасна была она в царственном одеянии, на котором сверкали и переливались инситнии и драгоценности древних царей, так величава и стройна, что зал ахнул от восхищения; Хиан замер, не сводя с нее изумленного взгляда, и сердце горячо забилося у него в груди.

Нефрет стояла у алтаря совершенно неподвижно, так что он вдруг усомнился, земная ли она женщина? Быть может, это сама богиня любви Хатор или статуя, которую кто-то искусно нарядил в роскошные одежды? Но тут его сомнения рассеялись: о чудо, — она улыбнулась! — затем отошла от алтаря и была проведена к резному трону. Она опустилась на него, и все присутствовавшие в храме, а вместе со всеми и Хиан, трижды поклонились ей, и она трижды поклонилась в ответ. Затем к трону подошел Рои и обратился к ней с такими словами:

— Царевна Египта, — сказал он, — здесь собрались честные и чистые сердцем люди из многих стран и земель, чтобы в их присутствии ты была помазана и провозглашена царицей Египта. Не так и не в таком месте следовало бы совершать этот святой обряд, но мы переживаем трудные и опасные времена: чужестранный царь захватил половину наших земель и выставил на границах вооруженную стражу. Вот почему тайно, в полночный час, на этой земле, где одни лишь гробницы и призраки, а не под ярким солнцем в присутствии множества людей в Мемфисе или Фивах примет твоя рука скипетр и корона Египта увенчает твою голову. Но знай, что вскоре от нильских порогов до моря и за морем, да и при дворе самого

царя гиксосов, разнесется новость, что в Египте снова есть царица. Принимаешь ли ты верховную власть, как бы ни тяжела была эта ноша и какие бы она ни несла с собой опасности?

— Принимаю, — произнесла Нефрет приятным ясным голосом, и Хиану показалось, что он уже слышал где-то этот голос. — Недостойная, я принимаю то, чего не домогалась и не желала, но что досталось мне по праву крови. Опасностей я не боюсь, не страшусь и тяжести этой ноши, ибо сила, что привела меня к этому трону, охранит меня.

По залу пробежал ропот одобрения, — Хиан тоже безотчетно произнес восторженные слова, — и когда шум стих, Рои поднял алебастровую чашу, наполненную маслом и, окунув в нее палец, прочертил на лбу Нефрет какой-то знак. Вперед выступила Кемма и подала Рои золотой венец с царским уреем и скипетр из слоновой кости, украшенный драгоценными камнями. Венец Рои надел Нефрет на голову, а скипетр вложил в ее правую руку. Затем он опустился перед ней на одно колено и сказал:

— Именем духа, что правит миром, я, убеленный сединами Рои, сын твоего почтенного предка, всемогущим духом определенный быть вашим пророком, пред этим собранием братьев и слуг Общины Зари совершаю помазание и объявляю тебя, Нефрет, царевну Египта, лучшую из сестер Общины Зари, достигшую совершеннолетия, по священному праву рождения царицей Верхних и Нижних земель, и да снизойдет на тебя благословение святого духа. Пусть не имеешь ты пока что царского двора и войска и твои права незаконно присвоены другим, однако знай, о царица, что в сердцах своих бесчисленное множество людей признают тебя своей повелительницей, и если увидишь ты где-то, что сошлись поговорить пятеро, знай, что трое из них — твои верные слуги, хотя и держат это в тайне. Будущее нам неведомо, ибо скрыто от людей, но мы верим, что впереди тебя ожидает много радостей и что придет время — и корона, которой мы увенчали тебя сейчас тайно, засияет открыто пред взорами великого множества людей, населяющих этот мир. От имени Египта и Общины Зари клянемся служить тебе верой и правдой.

Он преклонил колени и коснулся губами руки коронованной царицы, а все присутствующие простерлись ниц.

Нефрет подняла скипетр в знак того, что Рои и все остальные должны подняться. Затем сама она сошла с трона.

— Что мне сказать достойнейшим и почтенным моим соотечественникам, собравшимся здесь для того, чтобы оказать мне великую честь и ради блага Египта возложить на меня, столь молодую и неумудренную, корону царицы Египта? — начала она. — Только одно могу

я сказать: что клянусь жить и умереть ради Египта. Мне открыли, что, когда я родилась, египетские богини явились во сне моей матери и сообщили ей, что мне будет даровано звание Объединительницы земель. Да сбудется этот сон! Пусть я воистину стану объединительницей Верхних и Нижних земель, и когда настанет мне время отправляться к своим праотцам, оставлю Египет единым и великим. Об этом я молюсь. Благодарю вас всех и отпускаю.

— Еще не время, о царица, — сказал Рои. — Ответь сначала на один вопрос. К нам прибыл посланник от царя гиксосов, что держит свой двор в Танисе, с посланиями, которые завтра должны быть рассмотрены тобой в Совете. Но есть среди них одно послание, на которое, как мы решили, ответ должен быть дан сейчас и здесь, перед всеми собравшимися и перед посланником — вот он сидит перед тобой. Царь Апеги, будучи вдов, просит руки Твоего Величества, он хочет взять тебя в жены и дает обещание, что дети и внуки твои станут царями всего Египта. Что ответит на это Твое Величество?

Не сразу заговорила Нефрет — она молчала, плотно сжав губы, точно удерживала готовые сорваться с уст опрометчивые слова. Затем ответила:

— Благодарю царя Апеги, но дело это столь важное для всего Египта и царицы египетской, что мне надлежит рассмотреть его вместе с моими советниками, а потому прошу посла царя Апеги, — тут Нефрет бросила быстрый взгляд на Хиана, — милостиво принять гостеприимство в нашем тайном убежище до следующей полной луны, что поднимется над пирамидами; я же тем временем обдумаю все сама и спрошу совета у тех, кто теперь пребывает в дольном мире. К царю Апеги отправят гонцов, чтобы объяснить, почему задерживается с возвращением его посол. Если же посол царя Апеги захочет сам без промедления сообщить об этом моем решении своему повелителю, пусть поступит так.

Поднявшись с места, Хиан низко поклонился царице и отвечал:

— Нет, госпожа и Совет Общины Зари, этого делать я не хочу. Мне, писцу Расе, было велено самолично доставить ответ на все те вопросы, что изложены в посланиях, а потому я останусь здесь, пока ответы эти не будут мне даны. Если же вы сейчас хотите направить сообщение царю Апеги, не в моей власти указывать вам, как поступить. Делайте, как считаете нужным.

— Пусть будет так, — сказала Нефрет.

Она поклонилась всем и, сопровождаемая Кеммой и членами Совета, скрылась за занавесом.

Так закончилась полночная коронация Нефрет, которая стала царицей

Египта.

Глава X Послание

Наутро Хиан проснулся поздно — слишком он устал накануне, да и всю ночь сновидения сменяли одно другое. Сны были такие диковинные, что он не мог их ясно припомнить; ему грезились пирамиды, люди с закрытыми легкой белой тканью лицами, черный великан с огромным топором в руке и пальмы, где веял ласковый ветерок, который вдруг зазвучал женским голосом, очень похожим на голос проводника, что вел его по пальмовой роще; а потом тот же голос оказался у царственной особы, восседавшей на троне в храмовом зале. Но — увы! — он не мог понять о чем вещал этот голос, и, сердясь, повернулся к черному великану с топором в руке и спросил, что все это значит. Черный же великан вдруг чудесным образом обратился в Сфинкса, возлежащего над песками, а он, Хиан, стоял перед грозным изваянием, устремив пристальный взгляд на его недвижный лик. Сфинкс же глядел на него. И вдруг каменные губы раздвинулись, и Сфинкс заговорил. Голос его был подобен дальнему раскату грома.

— Что ты хочешь узнать у меня, древнейшего из древних? — прокатился над пустыней рокочущий голос.

Хиан совсем перепугался и в смятении отвечал:

— Я хотел узнать, как давно ты был изваян и что видел на своем веку, о Сфинкс.

— Миллионы лет тому назад во чреве огня обрел я форму и в муках рождения был исторгнут в сей мир, — был ответ каменных уст. — Миллионы и миллионы лет лежал я в глуби вод и ширился и рос во мраке. Потом воды отступили, и вот я стал горой, вершина которой поднялась над лесом. Громадные твари лазали по моим бокам и рычали в тумане, одни твари сменяли других и так продолжалось тысячелетия. Туман рассеялся, и я увидел солнце, огромный пылающий красный шар, — день за днем он поднимался надо мной. От страшного жара, что исходил от него, леса иссохли и сгорели в огне. На их месте появились пески, задули сильные ветры — они обтесали меня, они-то и изваяли из меня льва. У ног моих потекла река Нил. Вместо тварей ползающих, которых уже не стало, в моей тени прятались теперь иные звери; они рыскали вокруг в поисках добычи, дрались, соединялись и рождали потомство.

Миновали еще миллионы лет, и явились другие животные, покрытые шерстью; они бегали на двух ногах и болтали без умолку. Но и они исчезли, и тогда стали появляться люди, кожа на которых была то одного

цвета, то другого. Мужчины все время сражались из-за пищи и из-за женщин, убивали друг друга камнями и пожирали один другого, жаря мясо сначала в жарких лучах солнца, потом на огне, который они научились высекать.

И это прошло, и появились другие люди, они носили на себе звериные шкуры и убивали свои жертвы стрелами с кремневыми наконечниками и копьями. Ты можешь найти их могилы, покрытые плоскими камнями, вон на той скале. Те люди боготворили солнце и меня, потому что на меня падали солнечные лучи на закате. Так я впервые стал богом. И снова разразилась война, и все мои почитатели погибли; мужчины и женщины и их светловолосые дети — все были убиты. Но их смуглокожие победители тоже поклонялись солнцу и мне. К тому же они были ваятелями; острыми резцами они придали моему лицу и туловищу такой вид, какой они имеют сейчас. А потом они возвели пирамиды и соорудили гробницы и положили туда своих царей и цариц на вечный покой. Я наблюдал, как они приходили и уходили — одно поколение за другим, но вот и они исчезли; остались лишь их жрецы в белых одеяниях, что и до сих пор обитают среди руин их храмов. Вот моя история, о человек, которая еще только началась, ибо когда уйдут в прошлое все боги и не будет ни мне, ни им никаких приношений, я, забытый, но существовавший с начала начал, пребуду до самого конца. Об этом хотел ты спросить меня?

— Нет, о Сфинкс, не об этом. Скажи, как зовется то дуновение среди пальм, что звучит подобно голосу женщины? Откуда оно является и куда уходит?

— Этот ветер, о Человек, веет с рождения мира и будет веять до самой его гибели. Его насылает бог, и к богу он возвращается; и на небесах и на земле имя ему — Любовь.

Хиан хотел спросить еще о многом, но не смог, потому что сон вдруг исчез; он открыл глаза, и перед ним предстал не величественный и суровый лик Сфинкса, а эбеновое лицо великана Ру.

— Что такое любовь, Ру? — зевая, спросил он.

— Любовь? — с удивлением переспросил Ру. — Что я могу знать о любви? У любви столько ликов: любовь мужчины к женщине и женщины к мужчине — это проклятие и безумие, ее насылает Сет, чтобы мучить все живое; есть любовь царей к власти — от этой любви рождаются войны; любовь торговцев к богатству — от нее происходят жадность и бедность; ученых — к мудрости, а эту птицу не ухватишь за хвост; матери к своему ребенку — это святая любовь; и наконец любовь раба к своему господину или госпоже — ее-то я только и знаю. Спросил бы ты лучше пророка Рои;

но про ту любовь он, наверно, позабыл; ему осталась одна лишь любовь — к богам да к смерти.

— Про самую первую любовь, что ты назвал, хотел бы я узнать, Ру, а о ней, наверно, Рои ничего не скажет, потому что он, — ты верно догадался, — забыл про нее. Кого же спросить мне?

— Спроси первую девушку, что ты повстречаешь, когда луна поднимется над водами Нила. Может быть, она скажет, господин. А если тебе, такому благородному господину, ответ ее покажется нелепым, попробуй спросить ту, кого ты видел этой ночью сидящей на троне, — она так мудра, что, может быть, знает и про ту любовь. А теперь поднимись, пожалуйста, с ложа, потому что тебя ждет Совет; только, думаю, речь там пойдет не о любви.

Часом позже Хиан стоял перед Рои и Советом.

— Писец Раса, — обратился к нему пророк, ибо хоть Ру, сам того не желая, своими обмолвками открыл Хиану, что его истинное имя известно Общине, Рои не называл его царевичем Хианом, — вот письмо, в котором изложены наши ответы на послание царя Апепи; они таковы, как мы уже сообщили тебе. Что до предложения царя наследной царевне, которая прошедшей ночью, как ты сам видел, была коронована и стала царицей Египта, мы, кроме уже сказанного, можем сообщить тебе, посланцу царя Апепи, лишь одно: ответ ты услышишь из уст самой царицы в ночь, когда поднимется полная луна, следующая, если вести счет с ночи коронации; чтобы обдумать такое важное дело, необходимо время. Мы предлагаем тебе вместе с нашим письмом отправить и твое собственное, где ты можешь сообщить обо всем, что слышал и видел здесь; наш гонец доставит его твоему повелителю, царю, что сидит в Танисе.

— Пусть так и будет, — отвечал Хиан, — хотя я не могу предсказать, что случится, когда послание мое дойдет до царя Апепи. Хочу еще удостовериться: по-прежнему желаете вы, чтобы я прожил среди вас до полнолуния, и можно ли мне свободно передвигаться в пределах вашей земли?

— Таково желание царицы Нефрет и наше, ее советников, писец Раса. Если только ты сам не желаешь покинуть нас тотчас же.

— Этого я не желаю, пророк.

— Тогда оставайся с нами, писец Раса, но помни о клятве, которую ты дал: ты не выдашь наших тайн, не расскажешь никому о наших убежищах, а также о нашем учении и наших людях и обо всем прочем, исключая лишь то, что касается дела, тебе порученного.

— Я буду помнить об этом, — с поклоном ответил Хиан.

Хиан помедлил немного, затеяв разговор с досточтимым Тау и другими членами Совета, ибо надеялся, что явится Нефрет и примет участие в их беседе. Но она так и не появилась, и в конце концов ему пришлось уйти; Ру проводил его до отведенного ему покоя.

— Сейчас я должен составить письмо, мой друг великан, — сказал Хиан, — письмо, которое может навлечь на меня гибель. Но об этом я узнаю еще не скоро, не раньше чем через месяц, а пока что, когда закончу его, я хотел бы осмотреть пирамиды и другие здешние чудеса. Моим проводником вчера был юноша, который показался мне очень сведущим. Прошу тебя, отыщи его, я щедро заплачу ему, чтобы он и впредь сопровождал меня.

Ру покачал своей огромной головой.

— Это невозможно, мой господин, — сказал он. — Юноша этот слоняется повсюду, может, стоит сейчас у каких-нибудь ворот и ждет, когда ему повезет и он добудет себе пропитание; не дождетя никого у одних ворот, уйдет к другим — ищи его свищи. Сегодня я нигде его не видал, да и имени его не знаю, а то спросил бы, куда он делся.

— Ну что же, пусть так, — ответил Хиан. — Надеюсь, ты простишь меня, дружище Ру, если я похвалю тебя за честность — лжешь ты не очень-то складно. А теперь дай, пожалуйста, совет, как мне найти другого проводника?

— Очень просто, мой господин. Когда ты кончишь свое письмо, выгляни за дверь и хлопни в ладоши. Здесь всегда кто-то слушает и наблюдает, и он тут же позовет меня.

— А вот этому я верю. У меня такое чувство, что здесь сами стены слушают и наблюдают.

— Они и слушают, — простодушно ответил Ру и удалился.

Хиан написал письмо. Хоть оно и было коротким, а писцом он был искусным, оно отняло у него много времени, так как он не был уверен, о чем надо сказать, а о чем умолчать. В конце концов он написал следующее:

От писца Расы Его Величеству царю Апепи, благому богу.

Как мне было велено, я, писец Раса, пришел туда, где среди руин храмов и гробниц, под сенью Великих пирамид обитает Община Зари, и принят был пророком Рои и Советом Общины той. Я передал послание Твоего Величества Совету, а также дары, которые Твое Величество соблаговолил послать, но дары они отклонили, ибо вера их не позволяет принимать ценные дары. Нефрет, дочь Хеперра, царя, некогда правившего

Югом, как я узнал, живет здесь, во владениях Общины Зари. Прошлой ночью при большом стечении людей, собравшихся, как мне сказано было, из многих стран, царевну эту торжественно короновали, назвавши царицей всего Египта; я был на торжестве том и видел все собственными глазами. Совет Общины Зари вместе с моим шлет тебе собственное послание, которое мне не показали. Что же касается предложения Твоего Величества о браке, то Нефрет, сидя на троне и говоря со мной как царица, объявила, что должна все обдумать и ответ твоему Величеству даст, когда наступит следующее полнолуние; до той поры я должен оставаться у них и терпеливо ждать. А посему, не имея выбора, я пребываю тут, дабы исполнить повеление твоего Величества, в назначенный же день я получу ответ госпожи Нефрет и затем доставлю его тебе, хотя еще не знаю, в письме или на словах.

Скреплено печатью посла Твоего Величества, писец Раса.

Переписав и свернув письмо, Хиан предался раздумьям, пытаюсь предугадать, что Апепи скажет и сделает, прочитав его послание и то, что отправят вместе с ним; затем он отведал всех кушаний, которые принесли ему, а окончив трапезу, подошел к двери и, как ему было сказано, хлопнул в ладоши. Тут же из темной ниши галереи выступил Ру, сопровождаемый человеком, одетым в белое, в котором Хиан признал одного из членов Совета. Ему он и отдал свое письмо, чтобы его доставили в Танис царю Апепи, вместе с посланцем Совета. Когда советник удалился, Ру провел Хиана через большой зал, где совершалась коронация Нефрет, а сейчас не было ни души, и через потайную дверь вывел в пустыню.

— Куда же исчезли все те, кого я видел прошлой ночью? — обратился с вопросом Хиан.

— Куда исчезают летучие мыши, господин, когда всходит солнце? Их нет, хоть они и не умерли, а лишь скрылись. Так-то вот. Ищи их среди рыбаков на Ниле, среди бедуинов пустыни, при дворах царей, ищи где хочешь — ни ты, ни один лазутчик гиксосский не найдут наших людей.

— Воистину, край ваш — край призраков, — сказал Хиан. — И я готов поверить, что все те, кто, скрыв свои лица, собрались здесь вчера во множестве, — не люди, а призраки.

— Кто знает, кто знает, — загадочно молвил Ру. — А теперь скажи, куда тебе хотелось бы сейчас отправиться?

— К пирамидам, — отвечал Хиан.

Они обошли вокруг каждой из пирамид, и Хиан не уставал восхищаться их величием.

— Неужели возможно подняться на эти каменные горы? — спросил он.

Ру провел Хиана за вторую пирамиду — там сидели на песке, наигрывая на дудках какую-то странную музыку, Хранитель пирамид и двое сыновей его.

— Вот кто может ответить на твой вопрос, господин, — сказал Ру и, обратившись к Хранителю, добавил: — Этот господин, наш гость, посол царя Апеги, хочет узнать, возможно ли взобраться на пирамиды?

— Мы ожидали тебя, как нам повелели, — почтительно отозвался Хранитель. — Желаешь ли ты, господин, чтобы мы показали тебе наше искусство?

— Да, — ответил Хиан. — И добавлю еще, что смельчака ожидает вознаграждение, хотя мне, человеку, который взбирался на высокие горы, кажется, что на пирамиды подняться невозможно.

— Пожалуйста, господин, отойди немного назад и смотри, — сказал Хранитель.

Затем он и сыновья его скинули длинные одежды, оставшись лишь в полотняных набедренных повязках, взбежали на основание пирамиды, что возвышалась перед ними, и разошлись в разные стороны. Один из юношей устремился на южную сторону, другой на северную, в то время как отец стал подниматься по восточной стороне, прыгая, словно козел, по круче. Он взбирался все выше и выше, и вот уже изумленный Хиан увидел, что он достиг самой вершины. Едва он ступил туда, как рядом с ним оказались и его сыновья, поднявшиеся по другим сторонам. Появилась и четвертая фигура, одетая в белое.

— Кто же четвертый? — воскликнул Хиан. — Начали взбираться трое, и вот смотри — там четверо!

Ру поднял взгляд на вершину пирамиды и невозмутимо ответил:

— Это тебе кажется, господин, — плиты отсвечивают под солнцем.

Хиан опять устремил взгляд вверх.

— Да, правда, теперь и я вижу только троих. Но все-таки их было четверо, — упорствовал он.

Хранитель и сыновья его начали спускаться, следуя один за другим по восточной стороне. Они благополучно достигли земли, оделись и подошли к Хиану. Поклонившись, они спросили его, уверился ли он теперь, что на пирамиды можно подняться.

— Да, на эту пирамиду взобраться можно, хотя я не знаю, можно ли на другие, — ответил Хиан. — Однако прежде, чем вознаградить вас, — чего вы вполне заслужили, — ответь мне, Хранитель, как получилось, что ты с

сыновьями начал подниматься втроем, а на вершине вас оказалось четверо?

— Поясни, о чем ты говоришь, господин? — почтительно переспросил Хранитель.

— О чем уже сказал, Хранитель. Когда вы стояли на самой вершине, с вами был еще кто-то четвертый: стройная фигура в белом. Клянусь всеми богами!

— Такое возможно, — невозмутимо отвечал Хранитель, — но тогда, господин, тебе дано было узреть ее самое — Дух пирамид; иногда она сопровождает нас, только наши глаза ее не видят. Случись такое, когда светит луна, это было б не столь удивительно — она часто является тут в полнолуние, так многие говорят, но ты увидел ее при свете дня — это очень странно, и мы не можем сказать, что это предвещает.

Услышав такое пояснение, Хиан засыпал Хранителя и его сыновей вопросами о женщине — Духе пирамид: увидит ли он ее, если придет сюда в полнолуние, и в какой час надо прийти, и на каком расстоянии от пирамиды он должен стоять, однако ничего не добился, на каждый его вопрос они отвечали, что ничего не знают. Тогда Хиан стал просить их обучить его искусству восхождения на пирамиды, пообещав хорошо вознаградить за труды. Они ответили, что на то должно быть повеление Совета; только тогда они возьмутся его обучать, ибо дело это очень опасное и, случись что, кровь его падет на них. Кончилось все тем, что Хиан богато одарил их, за что они поблагодарили его, сопровождая слова глубокими поклонами, а поскольку солнце стало клониться к закату, Хиан и Ру отправились обратно в храм.

Хиан шагал, погрузившись в раздумья, и не сразу обратил внимание на причитания Ру:

— Вот и еще одного поразили безумием боги — еще одному захотелось карабкаться на пирамиды! Скажи кому — не поверят, что нашлись сразу двое таких безумцев в мире. И что бы это значило? Уж конечно, такая блажь неспроста находит; мои собратья эфиопы говорят: чаще всего вдохновение нисходит на безумцев.

Ру никак не мог успокоиться и повторял свои сетования на разные лады, пока наконец Хиан, вслушавшись в его тирады, не спросил:

— А кто же тот второй глупец, кому боги внушили желание подниматься на пирамиды? Быть может, та самая женщина, которую я видел на вершине рядом с Хранителем и его сыновьями?

— Нет, нет, — отозвался смущенный Ру. — Правда не она, потому что сегодня она занята другими делами. Да и я знал бы... — тут он остановился, как видно поняв, что говорит лишнее.

— Ах, значит, все-таки есть женщина, которая любит это занятие! Я и прежде об этом слышал. Друг мой Ру, похоже, ты знаешь ее, и если сможешь устроить так, чтобы она обучила и меня подниматься на пирамиды, ты сильно разбогатеешь.

— Вот мы и подошли к двери, что ведет в храм, — с усмешкой ответил Ру. — К тому же Тау, второй пророк, велел передать, что приглашает тебя разделить трапезу с ним и другими жрецами сегодня вечером.

— Я принимаю приглашение, — ответил Хиан, надеясь в глубине души, что среди других будет и та красавица, на чьей коронации он присутствовал. Однако надежда его не сбылась — за трапезой собрались лишь Тау и три почтенных члена Совета, которые, умеренно поев, удалились, оставив гостя наедине с хозяином. Началась беседа, в которой каждый старался получше узнать другого.

Хиану открылось, что Тау, второй пророк Общины, хотя и не египтянин по крови, принадлежит к знатному роду, его ожидало высокое положение и богатство. Он был воином и государственным мужем и мог стать даже царем то ли Кипра, то ли Сирии, — пояснять это он не стал. Он много путешествовал по разным странам, изучил языки многих народов, овладел и другими знаниями, глубоко вникая в разные религии и учения мудрецов. В конце концов он оставил все и сделался одним из жрецов Общины Зари.

Царевич спросил, почему он, кто — как понял Хиан — мог бы воссесть на троне, находиться среди великих мира сего и радоваться своим детям, предпочел вступить в тайную общину, ютящуюся среди гробниц.

— Ты желаешь узнать об этом? Что ж, скажу тебе, — отвечал Тау. — Я сделал такой выбор, потому что хочу мира. Мира для Египта и всех живущих на земле, мира для моей собственной души; среди богатства же и при царских дворах каждый думает лишь о том, как бы захватить побольше власти, а кончается это чаще всего войной за еще большую власть и богатство; но ни то, ни другое не приносит счастья, не это нужно человеку. Писец Раса, — продолжал Тау, внимательно глядя в лицо собеседника, — даже если ты и не писец, а кто-то другой, быть может, и царевич, — если бы постиг ты наше учение, в конце концов и ты стал бы совсем другим, как случилось со мной, обрел бы такую же веру, как я или даже как сам пророк Рои, и, не стремясь к тому, что мир называет величием, последовал бы той же тропой мира и служения ближнему.

— Будь я не писцом, а кем-то другим, жрец Тау, такое могло бы случиться; хотя есть иные пути к миру, и каждый из нас должен следовать

тем путем, что лежит у него под ногами.

— Это истинно, и ты хорошо сказал, писец Раса.

— Однако, всегда стремясь к знаниям, — продолжал Хиан, — я хотел бы не только постичь ваши таинства, но и понять, какие пути находят ваши братья для достижения мира на земле и как помогают восторжествовать добру. Возможно ли, чтобы кто-то, пока я нахожусь у вас, посвятил меня в ваше учение?

— Мне кажется, возможно, и мы еще вернемся к этому разговору. Желаю тебе спокойного сна, писец Раса; обратись за ответом к своей душе, прежде чем ступишь на этот нелегкий путь.

С этими словами Тау поднялся, и тут же в дверях появился Ру, который проводил Хиана в отведенный ему покой.

Глава XI Падение

На следующее утро Ру известил Хиана, что Хранителю пирамид велено учить его искусству восхождения на пирамиды, если он сам еще не отказался от своего намерения. Вскоре Хиан в сопровождении Ру отправился к усыпальницам, где его ожидали Хранитель с сыновьями. Скинув почти всю одежду и сандалии, Хиан приступил к делу; как на первых уроках Нефрет, Хранитель обвязал его вокруг пояса веревкой. Хиан был молод, энергичен и очень смел, как и Нефрет, только, в отличие от нее, он уже умел восходить на горы и оказался еще более способным учеником, чем она. Поднявшись на две трети высоты пирамиды, — насколько ему позволил Хранитель, — и глянув вниз, как это сделала и Нефрет, он начал спускаться почти без помощи своих наставников. И все-таки случилось несчастье. Хиан допустил оплошность: когда до земли оставалось локтей сорок, а Хранитель, уже стоя внизу, говорил что-то Ру, он крикнул одному из сыновей его, находившемуся выше и державшему веревку, чтобы тот отвязался и бросил ее вниз, — поскольку, мол, нужды в ней больше нет.

Веревка скользнула мимо, Хиан и не заметил, что чуть ниже она зацепилась за небольшой выступ. Ничего не подозревая, Хиан спускался дальше, он нащупал ногой этот самый выступ, веревка подалась под его ступней, и он потерял опору. В следующее мгновение Хиан уже катился по склону пирамиды, причем головой вниз. Хранитель и Ру тут же заметили, что случилось. Оба бросились вперед, чтобы подхватить царевича. Еще мгновенье, и он рухнул вниз, однако тело его своей тяжестью разъединило их, и хотя им удалось немного смягчить падение, Хиан все же ударился головой о песок как раз в том месте, где скрывался камень. Хиан даже не почувствовал боли от удара, сразу лишившись чувств.

Очнувшись, Хиан смутно, будто издалека услышал чей-то голос, но посмотреть, кто говорит, не мог: глаза его залила кровь, и он не в силах был разлепить веки.

— Думаю, он жив, — говорил голос, который, как оказалось, принадлежал лекарю. — Шея как будто цела, руки и ноги тоже. Если только не треснул череп, а это я не могу определить — из раны натекло много крови и прощупать трудно. Наверное, он просто оглушен и скоро придет в себя.

— Пусть твоими устами вещают боги, лекарь, — ответил другой голос — женский, полный смятения и страха. — Вот уж три часа, как он лежит

без чувств у этой гробницы и так неподвижно, что я начала думать... ах, смотри! Он пошевелил рукой. Он жив! Жив! Послушай еще раз его сердце.

Лекарь склонился к груди Хиана.

— Теперь сердце бьется сильнее. Не тревожься, госпожа, он поправится, — заключил он.

— Вознесем же молитву богам! — продолжал женский голос, в котором теперь зазвучала надежда; но вот в нем послышались гневные нотки: — Плохо же ты берег его, Хранитель, если кто-то подsunул ему под ноги веревку! А ты, Ру, этакий великан — и не мог удержать его, такого легкого!

— Не мог, госпожа, — зазвучал густой бас эфиопа, — этот легкий повалил и Хранителя и меня и чуть было не оторвал мне руку. Летел с высоты в сорок локтей, точно камень, пущенный из пращи...

В этот момент Хиан разжал наконец губы и едва слышно попросил пить. Вода была немедленно принесена. Чья-то мягкая, нежная рука приподняла его голову, поднесла чашу к губам. Он выпил, вздохнул и снова впал в беспамятство.

Позже он очнулся от острой боли, которая полоснула его, точно ножом, от виска к виску. Хиан открыл глаза и узнал свою комнату; рядом на табурете лежала его одежда. У изножья постели был задернут занавес, из-за него слышались женские голоса.

— Что, Кемма, он очнулся? — спросил певучий голос, который он снова узнал: голос той, на чьей коронации он присутствовал.

Хиан попытался приподнять голову, чтобы заглянуть за край занавеса, и не смог — шея его точно окостенела и не поворачивалась; он лежал и слушал, и сердце его горячо билось от радости, что прекрасная царица тревожится о нем и пришла узнать, как он себя чувствует.

— Еще нет, дитя мое, хотя давно бы пора, — отвечала Кемма. — Один из наших братьев, ученый лекарь, сказал, что не нашел больших повреждений и он очнется не позднее, чем через двенадцать часов, но вот прошло уже двадцать, а он все спит... или без чувств.

— Ах, Кемма, ты думаешь, он умрет? — в страхе спросила Нефрет.

— Что ты, что ты! Я этого совсем не думаю; но только если повреждена голова, никто не может быть уверен... Уж до чего будет жаль, такой достойный молодой господин, и лицом хорош, и статен, даром что кровь в нем наполовину гиксосская.

— Кто сказал тебе это, Кемма? Когда ты успела все разузнать?

— Птичка на хвосте принесла, а может, ветер нашептал на ухо. Да у нас уж всем до последнего человека известно, только, видно, ты еще не

знаешь, — наш гость никакой не писец, а сам царевич Хиан, и если ты пойдешь замуж за Апепи, он станет твоим пасынком.

— Не говори мне про Апепи, пусть будет проклят он всеми богами Египта, да и своими тоже! Но правда, я ничего не знала, хотя и догадывалась, что этот Раса не простой писец. Спаси его, Кемма! Если он умрет... ах, что я говорю! Позволь мне взглянуть на него. Если он спит, то ни о чем не узнает, а я хочу начертать знак здоровья у него на лбу и вознести молитву духу, которого мы почитаем, о его выздоровлении.

— Ладно, ступай к нему, да не медли, потому что скоро должен прийти лекарь или Тау; им покажется странным, что царица Египта находится в покое больного. И все же поступай как знаешь, только спеши. А я постерегу за дверью.

Хиан, лежавший с закрытыми глазами, услышал, как занавес отодвинулся и кто-то легкой поступью приблизился к его постели. Нежные пальцы вычертили на его лбу какой-то знак: что-то похожее на петлю, перечеркнутую линией, быть может, это крест жизни, — подумал Хиан, а потом та, что прочертила знак, склонилась над ним и стала шептать что-то похожее на молитву, хотя Хиан не мог ничего разобрать. Она шептала, и губы ее приближались к его лицу все больше и больше и вдруг на какое-то мгновение коснулись его губ. Послышался глубокий вздох, и наступила тишина.

Хиан разомкнул веки — на него смотрели глаза, полные слез.

— Где я? Что со мной? — слабым голосом спросил он. — Мне снилось, что я умер и дочь богов вдохнула в меня новую жизнь. Ах, вспомнил: я ступил на проклятую веревку и упал. Поделом мне — я был так самоуверен и небрежен. Ничего, скоро я поправлюсь и тогда, клянусь, буду взбегать на все эти пирамиды быстрее Духа, что блуждает по ним.

— Тише, тише! — прошептала Нефрет. — Иди сюда, няня! Наш больной очнулся и говорит, хоть и всякие глупости.

— Скоро он опять заснет и тогда уж навсегда, если ты станешь беседовать с ним про пирамиды, — отозвалась Кемма, которая незаметно вошла в комнату. — Уж вы вдоволь нагулялись по ним, и ты, и он, может, хватит с вас? И надо же было тщеславным глупцам воздвигать их, чтобы еще большие глупцы потом с них падали!

— Но все же я поднимусь на них, — пробормотал Хиан.

— Удались отсюда, дитя мое, и попроси Ру привести лекаря, да поскорее, — распорядилась Кемма.

Бросив последний взгляд на Хиана, Нефрет выскользнула из комнаты.

— До чего же странное чувство — любовь: одних она посылает на

смерть, других возвращает к жизни. Хотелось бы мне знать наперед, что принесет любовь этим двоим? — приговаривала Кемма, хлопоча возле Хиана.

Она дала Хиану выпить молока и сказала ему, чтобы он лежал спокойно и не разговаривал. Однако он и не подумал ее послушаться и, выпив молоко, мечтательно спросил:

— А Дух пирамид, о котором все только и говорят, в этом святом месте, — она так же красива, как девушка, что сейчас была здесь, как ты думаешь, добрая Кемма?

— Дух пирамид? Не слышать бы мне больше никогда в жизни про эти пирамиды! Что за дух такой?

— Вот о том как раз я и должен узнать, добрая Кемма, даже если это будет стоить мне жизни, и уже чуть не стоило. Я только и думаю, как бы увидеть этого Духа своими глазами; сердце подсказывает мне: не сыскать мне счастья, пока я не увижу его.

— А здесь у нас другое говорят, — сказала Кемма. — Здесь говорят, что тем, кто взглянет на него, овладевает безумие.

— Разве это не одно и то же, добрая Кемма? Разве счастье — не безумие? Разумные и мудрые — могут ли они испытать счастье? Разве счастлив благочестивый пророк Рои, пусть он благоразумнейший из благоразумных и мудрейший из мудрейших? Счастливы ли те белобородые старцы, что окружают его и думают лишь о смерти? Была ли ты сама когда-нибудь счастлива, добрая Кемма, если только и на тебя не находило когда-то это безумие?

— Отвечу тебе: не находило, — сказала Кемма, но что-то дрогнуло в ее душе — она вспомнила давно забытое. — Впрочем, может быть, ты прав, молодой господин. Мы и правда счастливы тогда только, когда на нас находит безумие, — так и пьяницы говорят. Но если ты хочешь, чтобы я дала тебе совет, послушай: перестань гоняться за духом в небесах или в поднебесье, спустись на землю. Разве ты не видишь достойной здесь, на земле?

— Кто знает, Кемма, может, гоняясь за духом, я обрету женщину, которую ищу, а погонись я за женщиной, найду духа, — сосредоточенно проговорил Хиан, старательно выговаривая слова, как бывает с человеком, у которого все плывет в голове. — Кто скажет мне, что это не одна и та же женщина? Быть может, я сам узнаю, когда взойду на пирамиду при свете полной луны.

— Которая уже светит, — сердито прервала его Кемма.

— Но взойдет еще много полных лун, Кемма. В небе столько

нерожденных лун, сколько раковин в море; и пирамиды будут стоять еще много-много лет, чтобы на них поднимались отважные... — Голос Хиана звучал все тише и тише.

— Да согнуть бы этим пирамидам, а ты перестань болтать! — Кемма в сердцах топнула ногой, но тут же спохватилась: Хиан снова впал в забытие.

«Вот глупец! — бормотала себе под нос Кемма, торопясь на поиски лекаря. — Пойди найди еще такого безумца — гоняется за каким-то призраком, а перед ним красавица из плоти и крови! Да только будь я лет на тридцать моложе, я, наверно, тоже потеряла бы голову из-за такого вот глупца, как, похоже, теряет ее моя воспитанница. Что это он сказал сейчас? Что, гоняясь за духом, может найти женщину? А ведь, похоже, и вправду найдет; может, этот безумный царевич вовсе не такой уж и безумный, как мне показалось? Может, те, что поднимаются на пирамиды, находят там, на вершине, радость, а радость лучше мудрости. Когда приходит старость и вся жизнь позади, начинаешь понемногу что-то понимать».

Молодой, сильный Хиан, хотя и получил жестокий удар при падении, но голова его и кости, как определил лекарь, не пострадали, поэтому вскоре он вполне оправился и встал с постели. А спустя пять дней в сопровождении Хранителя и его сыновей он снова поднялся на пирамиду; казалось, страсть эта еще больше завладела им, пока он лежал в забытии. Сознание вернулось к Хиану, но не память — с той минуты, когда он ступил на веревку и полетел вниз, до самого дня, когда поднялся с постели, он не помнил ничего; не помнил даже, как к нему приходила Нефрет, не помнил и о своем разговоре с Кеммой, — все это всплыло у него в памяти лишь спустя много дней. Так что жизнь его возобновилась на том месте, где чуть было не остановилась навсегда, — на стене пирамиды, на которую он вскоре и поднялся, а за ней поднялся и на все другие пирамиды, как и Нефрет в свое время.

Изо дня в день, с рассвета и до того часа, когда солнце становилось слишком жарким, Хиан упражнялся в восхождении на пирамиды, не зная устали, так что Хранитель и его сыновья совсем выбились из сил; это не человек, а дьявол, говорили они. Однако, как и другие обитатели Общины, они и хвалили Хиана: только самый отважный мог не испугаться после такого падения и вернуться на пирамиды, говорили они. Они не знали, что он ничего не помнил про падение.

Между тем, хотя Хиан и не подозревал об этом, во дворце его отца, царя Апеги, считалось, что он умер. Весть о его падении с пирамиды и, как было прибавлено, его смерти, — ибо сначала все поверили, что он умер, — настигла брата Тему, который должен был доставить послание Совета

Общины и письмо Хиана, когда он уже был на берегу Нила и сидел на корабль; от него все это стало известно на корабле, а потом и при дворе в Танисе. Апеги погоревал немного, услышав о том, — он все же на свой манер любил сына, во всяком случае, когда тот был маленьким, но не истинной любовью отца к сыну, жестокое сердце Апеги заполняла любовь к самому себе.

Тут же его горе отступило перед злобой — он прочел послание Совета Общины Зари и поклялся стереть эту Общину с лица земли, если Нефрет, которую они осмелились провозгласить царицей Египта и короновать, не будет отдана ему в жены. К тому же он не поверил, что Хиан погиб, упав с пирамиды, а решил, что его умертвили по приказу Общины, дабы убрать законного наследника царя Севера с дороги той, что была провозглашена царицей всего Египта. Совету Общины Зари Апеги о своих подозрениях ничего не сообщил. Он только приказал схватить их посланника, брата Тему, и держать его в надежном месте, откуда тот не мог бы ни с кем снестись, а сам тем временем составил план действий и сделал соответствующие приготовления.

В те дни, что последовали за выздоровлением Хиана, он не только поднимался на пирамиды, но и получал наставления о вере и обрядах Общины Зари, как то и было ему обещано. По вечерам в маленьком освещенном лампадой зальце его наставлял Тау либо сам пророк Рои, либо и тот и другой вместе. Он был не единственным учеником — вместе с ним получала наставления и Нефрет.

Он сидел за одним концом стола, где были разложены папирусы и стояли чернила, а напротив сидела юная царица в простой белой одежде, как и полагалось новообращенной; располагались они так, что видели при свете лампы друг друга, переговариваться же на таком расстоянии не могли. Позади Нефрет сидела Кемма, а подальше, в темном углу, точно страж и хранитель, великан Ру. Посередине, за столом, в резных креслах сидели Рои и Тау или один из них и обстоятельно излагали тайны обрядов Общины, время от времени обращаясь к своим ученикам или отвечая им.

Так чиста и прекрасна была вера, которой они учили, что вскоре она завладела сердцем Хиана. В основе своей вера эта была проста: существует Великий Дух, и все боги, о которых они слышали ранее, служат ему; Дух этот послал их в мир, чтобы они исполнили те дела, что он им предназначил, в должное же время он призовет их обратно. Рои и Тау, святые мудрецы, объяснили своим ученикам, что велит и препоручает богам Великий Дух: первое из всего — установить мир на всей земле и нести добро всему живому. Но были и другие части учения, не столь

простые и ясные, — они относились к способам, коими Дух сообщается с теми, кто обитает на земле, а также касались молитв и тайных обрядов, которые позволяют приблизиться к Духу. Рои и Тау пояснили также своим подопечным, как следует вести себя в жизни, и преподали главные законы правления страной и подданными.

Хиан выказал большое усердие, сочтя это учение благим; в нем он находил ответы на многие сомнения, которые тревожили его жаждущую познания душу. В тот день, когда подошла к концу последняя беседа, он поднялся и сказал:

— О великие священнослужители, Рои и Тау, я принимаю ваше учение и готов стать смиреннейшим из братьев Общины Зари. Однако по определенной причине, которую я не могу вам открыть, я не смею сказать ни единого слова — хорошего ли, дурного ли — о ваших мирских делах, так же как и не могу участвовать в них. Душа моя принадлежит вам, плоть же и дела мирские — другим. Достаточно ли этого?

Рои и Тау стали совещаться друг с другом; Нефрет пытливо наблюдала за ними, Хиан же, склонив голову, погрузился в раздумия. Наконец старый пророк заговорил.

— Сын мой, — начал он свою речь, — времени, чтобы обучить и наставить тебя, отпущено немного, но сердце твое устремилось к правде — этого достаточно. Здесь, среди этих усыпальниц, мы проникли в смысл многих вещей; мы поняли также, что люди зачастую становятся не такими, какими, казалось бы, должны быть. Так случается, что узами крови, рождением своим и долгом они связаны, словно путами, которые не могут порвать, даже если душа их призывает к тому. Может оказаться даже, что кому-то не суждено принять обет безбрачия и воздержания или дать клятву не поднимать меча и не принимать участия в войне, что ему определена в мире другая участь, и он должен следовать своим путем. То, что мы говорим сейчас тебе, мы говорим и нашей сестре, которая вместе с тобой слушала Слова Жизни. Так же как и тебе, ей предопределен возвышенный и трудный путь. А потому, освобождая вас обоих от многого, пред чем должны склонять головы другие, завтра мы отпустим вам грехи; вы же присягнете на верность нашим заповедям, а если нарушите эту присягу, проклятие поразит ваши души. После посвящения мы будем числить вас среди членов нашей Общины, будь то на земле или на небесах.

Так произошло, что на следующий день, во время торжественной церемонии в храме, принц Хиан и царица Нефрет получили от мудрого старца Рои отпущение всех грехов, которые они совершили или о которых помыслили, а затем были посвящены в члены Общины Зари, дав обет

принять ее учение как свою путеводную звезду и всю свою жизнь посвятить достижению его святых целей. Сначала Нефрет, потом Хиан преклонили колени пред верховным жрецом, облаченным в белые одежды, а в отдалении, в глубине храма, их братья и сестры по вере, хотя до них и не долетали слова посвящаемых, свидетельствовали отпущение грехов и благословение. Затем, когда Нефрет и Хиан отошли в сторону и сели рядом, все запели старинный гимн, приветствующий возрождение их душ. Постепенно торжественное песнопение стало стихать и совсем смолкло, когда, ведомые Рои, поющие удалились из храма; наступила тишина. Нефрет и Хиан остались одни.

Хиан огляделся вокруг и заметил, что ушли даже Ру с Кеммой; они с Нефрет и вправду остались совершенно одни в огромном храмовом зале; лишь холодные статуи богов и древних царей взирали на них.

— О чем ты сейчас думаешь, сестра? — обратился Хиан к Нефрет.

— Я думаю о том, брат, что выслушала прекрасные слова и получила святейшее благословение, после чего должна бы из грешной девы превратиться в святую и стать подобной Рои, а между тем я чувствую, что осталась такой же, как прежде.

— Но уверена ли ты, сестра, что Рои так уж свят? Раз-другой я наблюдал, что он впадал в гнев, как самый обыкновенный человек. Да и разве святой — это тот, кто не подвержен соблазнам? Какие уж соблазны в девяносто лет! Что до второго твоего утверждения, то ты, конечно, чувствуешь себя такой же, как была прежде, ибо не может снег стать белее снега.

— Или огонь горячей огня. Но довольно, брат. Не время и не место тут для таких разговоров. Теперь, когда мы с тобой связаны узами единой веры, мы можем, не боясь предательства, открыть друг другу наши мысли. Приняв посвящение, я если и изменилась, то очень мало, ибо все заповеди Общины внушались мне исподволь с самого детства, хотя до определенного возраста, по законам Общины, я не могла стать ее полноправным членом. Взгляни на меня — я не обратилась в дух, я по-прежнему всего лишь женщина с самыми земными помыслами. Знаешь ли ты, — помедлив, продолжала Нефрет, не сводя с Хиана своих огромных прекрасных глаз, — знаешь ли, что отец мой был лишен жизни тем, кого я считаю узурпатором, захватившим его владения; тем, кто, думаю, умертвил бы и меня, если б смог; за эти страшные деяния я хочу отомстить ему. К тому же он нанес мне смертельное оскорбление, ибо этот убийца моего отца, лишь случайно не ставший и моим убийцей, захотел теперь взять меня, сироту, себе в жены; за это я тоже отомщу ему.

— Плохо, очень плохо, сестра, — печально отозвался Хиан, стремясь скрыть, как горько подергиваются у него уголки губ. — Но если позволено спросить, скажи, призналась ли ты в своих черных мыслях святому пророку Рои, и если призналась, что он тебе на это сказал, сестра?

— Да, призналась, брат, и мне не в чем было больше признаваться, разве что в каких-то малостях, ответ же Рои наводит меня на мысль, что ты прав, говоря, будто он — не такой благочестивый человек, каким должен быть. Он ответил, брат, что во мне говорит голос крови и такие мои мысли вполне понятны и что справедливо, чтобы те, кто, преследуя низкие цели, совершил страшные преступления, получили воздаяние за них, а если кару несущему я, — значит, так назначили Небеса. Как видишь, он не осудил меня. Однако довольно мне говорить. Скажи теперь ты, брат, если хочешь открыться мне: а ты переменялся душой?

— Мне кажется, что ноги мои ступили на правильный и более возвышенный путь, сестра, потому что теперь я, кто не почитал никого и не верил ни во что, знаю, какого бога и как надо почитать и во что верить. Что же до греховных помыслов, скажу тебе так: отца моего никто не убил и никто не замышлял убить меня, и потому у меня нет желания кому-то мстить... во всяком случае, пока нет. И все же, сестра... — Он смолк.

— Я слушаю тебя, брат, и уверена, что ты не можешь быть столь добрым, как хочешь себя представить мне.

— Я — добрый? Нет, я лишь надеюсь стать им, если смогу найти кого-то, кто поможет мне; нет, не Рои, и не Тау, и не Кемму, и не весь Совет Общины Зари — кого-то другого...

— Богиню небесную? — предположила Нефрет.

— Верно сказано — богиню небесную, и мы сейчас о ней поговорим. Но сначала я хочу сказать вот о чем: случилось так, что, стремясь к добродетели, я угодил в глубокую яму.

— Какую яму? — спросила Нефрет, устремя взор под своды храма.

— Яму, из которой ты одна можешь помочь мне выбраться. Но я должен все объяснить. Прежде всего ты должна узнать, что я лжец. Я не писец Раса. Писец Раса, замечательный человек и искусный переписчик, умер много лет тому назад, когда я был еще мальчиком. Я... — Он заколебался.

— ...царевич Хиан, сын Апепи и его законный престолонаследник, — продолжила Нефрет.

— Да, ты сказала все правильно, Нефрет, кроме того лишь, что я уже больше не наследник престола, так мне кажется, или, во всяком случае, скоро перестану быть таковым. Но скажи, сестра, как ты узнала о моем

настоящем имени и титуле?

— Здесь мы знаем все, брат. К тому же ты сам сказал мне, когда был в забытьи... или, возможно, сказал Кемме...

— Но зачем же ты слушала, сестра? Как это нехорошо, и я надеюсь, ты исповедалась в этом своем грехе? Что ж, тогда ты, наверно, и сама зришь эту яму. Царевич Хиан, единственный законный сын Апепи, принят теперь в Общину Зари, которую царь вознамерился истребить. Ничего удивительного — цари есть цари, и Апепи узнал, что наследница Хаперра, царя, которого он убил, коронована и провозглашена царицею всего Египта; значит, война против него, завладевшего престолом силою, можно сказать, уже объявлена. Скажи, сестра, что мне делать — ведь я и царевич Хиан, и человек более высокий в помыслах и более праведный — брат Общины Зари.

— Ответ прост. Установи мир между Апепи и Общиной Зари.

— Ты так считаешь? Но как это сделать? Просить свою сестру стать женой царя Апепи? Ведь только так можно достигнуть мира, и ты это хорошо понимаешь.

— Я не говорила, что хочу стать его женой, — вспыхнув, отвечала Нефрет. — И мне неприятно выслушивать такой совет — даже от своего брата.

— Неприятно и брату давать его, ибо, если он будет принят, брат этот скоро очутится среди тех, кто предается молитвам и взывает к богам в небесной обители — так объяснили нам наши наставники.

— Почему же? — с удивлением спросила Нефрет. — Вот если он не даст такого совета, тогда понятно — царь разгневается. Но если он дает его...

— Тогда может разгневаться царица, та, что, как ты, сестра, сказала мне, жаждет отмщения. А то и потому, что и самому ему опостылеет этот мир и он не захочет более ступать по земле.

Они смолкли и, склонив головы в белых капюшонах, опустили глаза.

— Сестра, — прервал наконец молчание Хиан, но Нефрет не отозвалась, и тогда он повторил громче: — Сестра!

— Я так устала от ночных церемоний, что чуть было не заснула, прости меня, брат, — откликнулась наконец Нефрет. — Ты что-то хотел сказать?

— Лишь вот что: не откажи мне, сестра, помоги попавшему в беду царевичу выбраться из ямы, вытяни меня оттуда на шелковом поводе... любви. Ведь все члены нашей Общины должны любить друг друга. И тогда я стану царем; сделай меня царем!

— Царем чего? Этих гробниц и мертвецов, которые лежат в них?

— Нет, не таким царем, — царем твоего сердца. Выслушай меня, Нефрет! Вместе мы выстоим против моего отца Апеви, а порознь погибнем, ибо когда он узнает правду, он убьет меня и, если сможет добраться до тебя, захватит тебя и увезет туда, куда ты совсем не жаждешь попасть. Но и не это главное. Я люблю тебя, Нефрет! С той самой минуты, как я услышал твой голос там, под пальмами, и понял, что передо мной женщина, пусть ты и была закутана в плащ, я полюбил тебя, хотя тогда думал, что ты просто обыкновенная девушка. Что мне еще сказать тебе? Будущее наше сокрыто во мраке, нас ожидают большие опасности. Кто знает, быть может, нам придется бежать и укрыться где-то в далекой стране, отрешившись от царственного величия. Но мы будем вместе — разве это не стоит жертв?

— А как же Египет, царевич Хиан? Что станется с Египтом? На меня возложена особая обязанность; ты слышал клятву, которую я дала в этом зале.

— Это мне неизвестно, — смущенно ответил Хиан. — Говорю тебе снова: будущее сокрыто во мраке. Но любовь осветит нам путь. Скажи, что ты любишь меня, и все будет хорошо.

— Сказать, что люблю тебя, сына того, кто лишил жизни моего отца? Убийцы, что хочет принудить меня стать его женой? Могу ли я сказать это, царевич?

— Если любишь, Нефрет, можешь, потому что это будет правдой, а разве мы оба не слышали, что скрывать правду — величайший грех? Любишь ли ты меня, Нефрет?

— Я не могу тебе ответить. И не отвечу. Спроси об этом у Сфинкса. Нет, лучше не у Сфинкса — спроси Духа пирамид; его слово будет моим словом, ибо этот дух — мой дух. Всего лишь один день остался нам. Если завтра ты отважишься найти этого духа при свете луны, спроси его.

С этими словами Нефрет исчезла, оставив Хиана в одиночестве.

Глава XII Дух пирамид

В ту ночь сон не шел к Хиану, его одолевали тревожные мысли. Одно за другим вставали перед ним неразрешимые затруднения, и, словно в зеркале, он видел, как западни разверзаются у его ног. Он, царевич Хиан, принял посвящение в братья Общины Зари, которую его отец, царь Апеги, грозитя уничтожить — как это совместить? Может ли он разить одной рукой и защищать другой? Нет, это невозможно. Значит, он должен сделать выбор: либо он царевич, либо — один из братьев Общины. Тогда его дорога ясна, тогда следует отказаться от царского титула. И разве он по собственной воле уже не лишился его? Но что тогда раздумывать? Отныне он всего лишь брат Хиан из Общины Зари. Впрочем, нет, он кто-то еще — он посол, который ожидает ответа, и должен доставить этот ответ царю, пославшему его. А посольство это касается брака: либо царственная дева станет супругой царя, либо обратит на себя его гнев.

Но тут дело не так уж сложно. Он должен доставить ответ, каков бы он ни был, после чего данное ему поручение будет выполнено, он же сложит с себя посольское звание и станет только братом Общины Зари и, быть может, останется еще и царевичем. Если ответ окажется таким, какого ожидает царь, тогда, без сомнения, послу будет дозволено мирно следовать избранным им путем, хотя он уже не будет наследником престола Северного Египта. Но если ответ будет другим, если царственная дева пренебрежет царем Апеги, а выберет посла, сына Апеги, — что тогда? Сомнений быть не может — тогда смерть или побег!

Однако от этой мысли Хиан не пришел в отчаяние, а даже улыбнулся, когда она мелькнула у него в голове, припомнив, что говорит новое учение, в которое его только что посвятили: все в воле Небес, и случается лишь то, что должно случиться. Он, кому сейчас жизнь сулила счастье, вовсе не хотел умирать, но если смерть придет, она не испугает его, ибо он принял новую веру. Он не предатель — он честно исполнил свое посольство, а Нефрет все равно отказалась бы от этого чудовищного брака; она ведь сказала, что своим предложением Апеги нанес ей страшное оскорбление. Но думает ли она о нем, Хиане? Он предложил ей свою любовь, она же не приняла его дар. Сказала, что не может ему ответить, что он должен спросить у Духа пирамид, любит ли его, царевича Хиана, царица Нефрет. Что означают эти слова? Духа пирамид не существует — кого только царевич не расспрашивал об этом призраке, пока наконец не понял, что все

это пустая фантазия. Кому же задать вопрос, на который отказалась ответить живая женщина, где найти этого оракула?

Ему велено искать Дух среди древних усыпальниц, при свете полной луны. Ну что же, он все исполнит, поищет, как последний глупец, и если не найдет, — значит, ответа не будет. Тогда, не добиваясь более никаких встреч, он попросит Рои вручить ему послание которое должен доставить царю Апепи, и покинет обитель, оставив здесь свое сердце. Он снесет гнев Апепи, а затем, если удастся, найдет убежище в дальних краях, где назначат ему быть Рои или Совет, и, отрешившись от любви и радостей жизни, станет проповедовать учение Общины и исполнять то, что ему повелят.

Скоро он все узнает, скоро все так или иначе разрешится; завтра — ночь полнолуния, и юная царица должна дать ответ Апепи, а он, посол, должен затем доставить ответ в Танис. Но кое-что известно уже сейчас: он, царевич Хиан, кого никогда прежде не посещала любовь, боготворит Нефрет и мечтает лишь о том, чтобы она стала его женой; мечтает так страстно, что если он ее потеряет, ему будет безразлично, какие еще потери его ожидают, пусть даже потеря самой жизни.

В назначенное время Хиан одиноко бродил меж гробниц, окружавших большие пирамиды, ибо теперь, приняв посвящение, он мог беспрепятственно ходить где вздумается. Им овладела печаль — не иначе как над ним зло подшутили; тяжкие мысли теснились в голове его, да и само это место с бесконечными рядами усыпальниц, над которыми возвышались величественные пирамиды, подавляло своей мрачной торжественностью. Не странно ли, что здесь он ждет ответа на свою любовь — близ этих монументов, что свидетельствует о скоротечности страстей человеческих? Столетия назад навсегда оборвались земная любовь и ненависть тех, кто покоится под этими могильными плитами; быть может, оборвутся они и у него еще прежде, чем новая полная луна появится на небосклоне. Взирают ли духи пирамид сейчас на него спокойными, невидимыми глазами, — не один дух, а десятки тысяч духов!

Он опустил на каменную плиту; вокруг стояла глубокая тишина, которую нарушал время от времени лишь тоскливый вой шакалов, искавших добычу, и стал наблюдать, как ползут по песку тени. Утомившись, Хиан спрятал лицо в ладони и принялся размышлять о тайне всего сущего, о тайне жизни, о том, откуда явились в мир люди и куда уйдут — такие мысли неизбежно овладевают человеком в подобном месте, и даже Рои не может дать ответа на эти вопросы.

Ни один звук не коснулся его ушей. Вдруг, непонятно от чего, он отнял

руки от лица и оглянулся вокруг. Что-то шевельнулось в тени большой гробницы. Быть может, ночной зверь? Нет, для зверя он слишком высок. Но вот легкая тень скользнула от одной гробницы к другой и исчезла. Женщина в белом или призрак...

Хиана охватил страх, даже волосы на голове встали дыбом. И все же он вскочил с камня и последовал за тенью. У гробницы, возле которой она исчезла из виду, никого не было. Призрак исчез! Нет, вот он белеет вдали скользит ко второй пирамиде — усыпальнице фараона Хафра. Хиан устремился вслед, но чем больше он ускорял шаг, тем быстрее скользила фигура в белом, то появляясь, то скрываясь из виду; наконец она достигла северной стороны второй пирамиды, которую называли Ур Хафра или Хафра Великий.

«Здесь призрак остановится», — подумал Хиан. Но фигура в белом начала скользить вверх по склону пирамиды и на высоте пальмы исчезла из виду.

Хиан не раз поднимался на эту пирамиду и хорошо знал, что в северной стене нет ни входа, ни расщелины. Значит, перед ним и вправду призрак? Ведь только призраки, как говорят, могут растворяться в воздухе. Все же, чтобы удостовериться самолично, Хиан, хотя и не без страха, стал взбираться по крутому склону и, когда достиг высоты локтей в пятьдесят, замер от удивления: в стене темнело отверстие, точно отворилась дверь, а дальше виднелся ведущий вниз ход. В конце хода мерцал свет — два светильника стояли на некотором расстоянии один против другого. Хиан заколебался — ему было очень страшно, но, решив, что призраки не нуждаются в светильниках и кто-то, мужчина или женщина, прошел перед ним по этому ходу, он набрался храбрости и последовал дальше.

Поначалу ход круто спускался шагов на пятьдесят меж гранитных стен, потом шагов тридцать пошел ровно и закончился большим залом, высеченным в сплошном камне и крытым большими разрисованными каменными плитами, находящими одна на другую, чтобы лучше выдерживать огромную тяжесть. Здесь, во тьме, стояли лишь гранитные саркофаги, больше ничего не было видно.

Хиан, пригнувшись, осторожно прошел по тесному проходу, тускло освещенному зыбкими отблесками светильников, слыша, как эхо его шагов отдается от каменных стен, и, остановившись перед полуоткрытой массивной гранитной дверью, заглянул в усыпальницу. Освещалась она всего одним светильником, стоявшим на саркофаге; словно от звезды, протягивались во мрак сводчатого зала бледные лучи. Хиан напряженно вглядывался в сумрак. Никого! Фигура в белом, за которой он следовал,

исчезла! Быть может, она вошла в какую-то другую дверь?

Шепча молитву, чтобы дух фараона, чей покой он нарушил, не покарал его, и обнажив бронзовый меч, чтобы защититься, если сюда завлекли его какие-то злодеи, Хиан осторожно двинулся вперед, опасаясь провалов в каменном полу. Подойдя к саркофагу, он в нерешительности остановился — страх овладевал им все больше и больше.

Что, если и вправду он следовал за призраком и призрак этот сейчас кинется на него? Нет, мужайся! Разве призраки зажигают в нишах светильники? По их форме видно, что это очень древние светильники; быть может, такими светильниками пользовались тысячелетия тому назад строители пирамид или те, кто вносил сюда тело царя на вечный покой. Но все же они не могут светить вечно; если только и сами они не видения, масло в них надо подливать, и делать это должны живые люди. Такая мысль ободрила Хиана, и он немного успокоился. Но вот в дальнем конце усыпальницы послышался шорох, и сердце замерло у Хиана в груди. Во мраке возникло белое облако и поплыло по направлению к нему. Призрак! Сейчас он нападет на него!

Хиан не двинулся с места — может быть, оттого, что не мог пошевелиться. Белая фигура приблизилась и остановилась. Теперь их разделял лишь саркофаг; Хиан вглядывался в белое видение, но лицо призрака покрывал белый плат, — так закрывают лица умерших. Охваченный ужасом, Хиан занес меч, точно хотел пронзить неземное видение. И тут призрак заговорил.

— О тот, кто ищет Духа пирамид, почему ты встречаешь его с мечом в руке? — прозвучал нежный голос.

— Потому что мне страшно, — ответил Хиан. — Тот, кто прячется под покровами, всегда вызывает страх, особенно в таком месте, как это.

При этих словах белое покрывало опустилось, и в зыбком свете светильника Хиану открылось прекрасное лицо Нефрет. Щеки ее рдели румянцем.

— О царица, что означает эта игра? — смущенно произнес он.

— И это Хиан, наследник царя Севера, величает меня царицей? — насмешливо спросила Нефрет, уклонившись от ответа. — Хотя, быть может, он и прав, ибо возле этого саркофага, где покоятся кости того, кто, как свидетельствует предание, был моим праотцем и чей трон я наследую, меня должно называть царицей. Царевич Хиан, ты искал Духа пирамид, который существует лишь в легендах, а нашел царицу, в ком плоть и дух соединены воедино. Если тебе есть что сказать ей, говори, ибо время бежит быстро и она вскоре может исчезнуть навсегда.

— Мне нечего сказать более того, что и уже сказал тебе, Нефрет. Я люблю тебя всем сердцем и хотел бы узнать, любишь ли меня и ты? Молю тебя, не играй больше, а скажи мне правду.

— Она проста и ясна, — отвечала Нефрет, вскинув голову и глядя в глаза Хиану. — Ты сказал, что любишь меня всем сердцем, Хиан, я же люблю тебя больше жизни! Мужчина не может превзойти женщину в любви.

От этих слов все поплыло у Хиана перед глазами, он покачнулся, так что пришлось ему опереться о саркофаг, чтобы не упасть. И все же первой на ум пришла гневная мысль, и с уст сорвались слова, полные горечи:

— Если так, Нефрет, зачем ты привела меня в столь страшное место, чтобы сказать мне об этом? Зачем заставила следовать за призраком? Какую злую шутку ты сыграла со мной!

— Не такую злую, как тебе кажется, Хиан, — мягко отвечала Нефрет. — Вчера я не могла сказать тебе то, что жаждала сказать, ибо теперь, став царицей, не принадлежу себе; я слуга общего дела и должна сообщать обо всех своих желаниях. Вот почему и ждала часа, когда буду знать, одобряют ли меня те, кто поставлен надо мной, и сами Небеса, которые, как они говорят, правят ими. Реши они иначе, ты не увидел бы этой ночью Духа пирамид и ушел бы от нас завтра, не встретив больше царицы Нефрет, ибо меня избавили бы от муки высказать тебе отказ самой.

— Значит, Рои и все одобряют твой ответ?

— Да, одобряют; мне даже кажется, они с самого начала надеялись, что мы полюбим друг друга, и потому сводили нас вместе, когда только возможно. Они верят, что наша любовь принесет объединение Египту и их старания увенчаются успехом.

— Но сколько нас ожидает испытаний, прежде чем это свершится, — печально произнес Хиан.

— Знаю, Хиан. Большие опасности грозят нам, и они не замедлят явиться. Потому я, изображая призрака, и привела тебя в этот древний склеп, населенный мертвыми. Я хотела, чтобы ты узнал одну тайну и воспользовался этим, если тебе понадобится убежище. Сейчас я покажу тебе, как открывается дверь в плите пирамиды — тайна эта открыта мне по праву наследия, как продолжательнице древнего рода египетских фараонов; известна она также и некоторым членам нашей Общины. Из поколения в поколение передается она и семье Хранителя пирамид; люди эти присягают даже под пытками не выдать ее врагам. Смотри, Хиан!

Взяв светильник, Нефрет подняла его над головой и указала на заднюю стену склепа, где Хиан увидел много больших кувшинов.

— Эти кувшины, — продолжала Нефрет, — полны вином, маслом, зерном, сушеным мясом и другой пищей; ближе к выходу — я покажу тебе — стоят кувшины с водой; ее в положенные сроки меняют, так что если один или даже несколько человек окажутся здесь, они смогут прожить много дней и не умереть с голоду.

— Да избавят меня боги от такой судьбы! — в смятении воскликнул Хиан.

— Кто знает наперед свою судьбу, Хиан? Тот шакал спасется, когда за ним гонятся охотники, у кого есть нора, чтобы укрыться.

— Лучше мне быть убитым под ясным небом, чем потерять рассудок в этой тьме, общаясь с мертвецами, — с сомнением ответил Хиан.

— Нет, Хиан, ты не смеешь умереть! Ты должен жить — ради меня и Египта.

Нефрет поставила светильник на место и двинулась к изножью гробницы. Хиан последовал за ней; они остановились друг перед другом. Тишина стояла такая, что оба слышали биение своих сердец. Казалось, они забыли вдруг все слова, но глаза их говорили на своем языке. Словно раскачиваемые ветром пальмы, они клонились все ближе и ближе друг к другу, и вот она уже в его объятиях, уста их слились.

— Любимая, — прошептал Хиан, — поклянись, что, пока я жив, ты не пойдешь замуж ни за кого другого, только за меня!

Нефрет подняла голову с его плеча; в ее прекрасных глазах блестели слезы.

— И ты просишь меня в этом поклясться, Хиан? — промолвила она глубоким, звучным голосом, совсем не похожим на ее прежний голос. — Значит, ты не веришь мне, Хиан? Я не прошу у тебя такой клятвы!

— Это было бы смешно, Нефрет. Станет ли кто искать другую любовь, если любит тебя? Зато найдется немало мужчин, что будут домогаться прекраснейшей из женщин, да к тому же египетской царицы. Разве и нет уже таких? Потому я и прошу: поклянись, что не изменишь нашей любви.

— Пусть будет по-твоему. Клянусь Духом, которому поклоняемся и ты, и я; клянусь Египтом, которым — если Рои предсказывает верно — мы с тобой в будущем станем править; клянусь прахом моего праотца, что спит в этой гробнице, что я пойду замуж только за тебя, Хиан. Пока ты жив, я буду верна тебе, а если умрешь, я тут же последую за тобой, чтобы в подземном мире обрести то, что мы потеряли на земле. И если нарушу эту клятву, да обращусь я в прах, как тот, что спит здесь, под моею рукой! — С этими словами Нефрет коснулась саркофага. — И пусть тогда имя мое будет стерто из череды имен египетских царей, и дух мой пойдет в

услужение к Сету. Довольно ли тебе этого, о недоверчивый Хиан?

— Довольно, более чем довольно. О, как мне благодарить ту, что вдохнула жизнь в мое сердце? Как мне служить той, кого я боготворю?

Нефрет, ничего не ответив, покачала головой, Хиан же, выпустив ее из объятий, распростерся перед ней ниц, точно раб, и взяв подол ее одеяния, коснулся его губами.

— Владычица сердца моего и законная царица Египта, я, Хиан, поклоняюсь тебе и повинуюсь. Все, что я имею или буду когда-то иметь, кладу я к твоим ногам, признавая твою верховную власть. Знай же, что я, твой возлюбленный, который надеется стать твоим супругом, — смиреннейший из твоих подданных, и более никто.

Нефрет наклонилась и подняла его.

— Нет, — сказала она с улыбкой, — ты более велик, чем я, и женщина должна служить мужчине, а не мужчина женщине. Мы будем служить друг другу и, значит, будем равны. Но, Хиан, что скажет твой отец Апепи?

— Не знаю, — ответил Хиан. — Молю богов лишь об одном: чтобы он не стал между нами.

— И я молю о том же, Хиан. Эта ночь — ночь счастья, такой еще не дарила мне жизнь; но завтра... ах, что ожидает нас завтра?

— Все в руках божьих, Нефрет. Не будем же ничего бояться.

— Да, Хиан, только часто путь, на который направляет нас бог, крут и тяжел; такой путь выпал моему отцу и матери. Как и мы, они любили друг друга, но Апепи лишил их жизни... Пора, Хиан, нам нужно идти; увы, счастливые мгновенья коротки!

Еще раз они обняли друг друга, и уста их слились в долгом поцелуе, а затем, взявшись за руки, направились по темному ходу из этой обители смерти к залитому лунным светом земному миру.

Когда они подошли к выходу из пирамиды, Нефрет остановилась и при свете последнего светильника, ибо, пока они шли по переходам, остальные потухли, научила Хиана, как, надавив на нужный камень, который установлен так, что может вращаться, вход по желанию — или при необходимости — может быть накрепко закрыт; сделать это можно быстро, при помощи гранитного бруса — как видно, строители спасались так от любопытных, когда сооружали тайные усыпальницы внутри пирамиды. Показала также Нефрет и тяжелый гранитный заслон, который, вероятно, забыли опустить, а может, те, кто нес фараона к его вечному ложу тысячелетие тому назад, просто не позаботились об этом.

— Посмотри, — сказала Нефрет, — если выбить каменный клин, огромный заслон упадет, а потому не трогай его, иначе мы навечно

останемся запертыми в пирамиде Ур, и наши кости будут тлеть рядом с костями Великого Хафра — ее создателя. Погляди, вон там, в нише, где, быть может, когда-то стоял жрец или воин, стороживший вход, сейчас помещаются сосуды с водой, о которых я говорила, а возле них масло и светильники, а также тростниковые фитили, кремни, чтобы высечь огонь, и другие необходимые вещи.

Показав все и убедившись, что Хиан все понял и запомнил, Нефрет загасила светильник и поставила его в нишу. Затем они осторожно выбрались на поверхность, и Нефрет заставила Хиана трижды сдвинуть и снова поставить на место вращающийся камень, пока не убедилась, что он совершенно овладел этим фокусом. Затем с помощью мраморного клина, спрятанного в специально выдолбленной впадине так, что его можно было мгновенно извлечь, Нефрет закрепила вращающийся камень; теперь непосвященный не смог бы отличить его от остальных плит, покрывающих пирамиду. Когда все было сделано, они спустились вниз как раз возле лежащего на песке блока, метившего, где следует начинать подъем к входу. Миновав мощеную полосу, которая окружала пирамиду, они приблизились к храму почитателей Хафра и, держась в его тени, чтобы кто-нибудь из ночных путников не увидел их, попрощались, прошептав друг другу нежные слова, и разными тропинками направились к храму Общины.

Хиан медленно шел по залитому лунным светом некрополю. Сердце его наполнилось радостью, ибо свершилось то, о чем он мечтал. И все же к радости примешивался страх: что принесет завтрашний день? Завтра ему, послу Апепи, вручат письмо, в котором Нефрет ответит его отцу на предложение сочетаться браком. Теперь Хиан твердо знал, каков будет ответ, но вот как поступит Апепи, когда он вручит ему этот ответ, Хиан не знал. Одна лишь была надежда — быть может, в интересах династии Апепи удовлетворится тем, что на этой царице без трона женится если не он сам, так хотя бы его наследник Хиан. Увидь Апепи Нефрет воочию, наверняка все обернулось бы иначе; Хиан хорошо знал отца: он сам пожелал бы завладеть такой красавицей. К счастью, отец не видел ее, и поэтому ему, быть может, безразлично, за кого из них двоих она выйдет, лишь бы завладеть таким образом всем Египтом.

Однако Хиан сомневался, что события сложатся столь благополучно. Если отец через своих лазутчиков или как-то иначе узнает, что его сын обручился с той, кого он домогается сам, он решит, что сын — он же его посланник — предал его, что в каком-то смысле правда. Повернись дело так, Апепи придет в страшную ярость. Человек жестокосердный и злобный, он будет жаждать мести. Скорее всего, он решит предать смерти

изменника, а если и после этого Нефрет откажется выйти за него, постарается лишить жизни и ее тоже. Ибо она — законная царица Египта; может ли он, пока она жива, спокойно восседать на похищенном троне?

Идя при свете луны меж гробниц, Хиан чувствовал: смерть подкралась к нему совсем близко. Мрачные видения маячили у него перед глазами. Он почти отчетливо видел серую фигуру, закутанную в длинный плащ с капюшоном, медленно двигавшуюся впереди; вот ее тень, отбрасываемая в лунном свете на песок, приобрела очертания Осириса в его ниспадающих покрывалах — да, это Осирис, бог смерти! Но Осирис — он же и бог воскресения, он и властитель вечной жизни! Если они с Нефрет и вправду обречены смерти, так пусть хоть за роковой чертой ждут их радость и мир на тысячелетия!

Так учит Рои, и в это верит он сам, Хиан. И все же, ведь только что он целовал губы своей возлюбленной, теплые человеческие губы, и ее нежные слова еще звучат в его ушах! Хиан содрогнулся от овладевших им печальных, мрачных мыслей. Кто может предсказать с уверенностью, что лежит по ту сторону земной жизни? О, кто это знает, кто это испытал?

Хиан приблизился к потайному ходу, ведущему в храм Сфинкса. Неожиданно из-под сводов показалась гигантская фигура Ру, который с любопытством воззрелся на него.

— Ты так поздно гулял, господин! Уж не гонялся ли ты за Духом пирамид?

— За кем же мне еще гоняться, Ру?

— И ты нашел ее, господин, и увидел ее лицо, которое, как говорят, прекрасно?

— Да, Ру, я нашел ее и видел ее лицо. Это правда — она прекрасна.

— И ты потерял разум, господин? Ведь говорят, все, кому она улыбнется, впадают в безумие.

— Да, Ру, я сошел с ума от любви!

— И готов жизнью заплатить за ее поцелуй и последовать за ней в преисподнюю?

— Если понадобится, готов, Ру.

Глядя на песок под ногами, великан о чем-то размышлял. Наконец он поднял голову и произнес:

— Я всего лишь простой воин, господин, но на тех, в ком течет кровь эфиопа, временами находит прозрение. Говорю тебе, потому что ты мне нравишься. Я вижу, на песке написано: ради собственного спасения и спасения той, о ком ты говоришь, вам нужно бежать сейчас же, вот этой ночью, за море, в Сирию, или на Кипр, или на юг, к верховьям Нила, и

укрыться там до лучших времен.

— Благодарю тебя, Ру. Скажи мне, в конце этого предначертания видишь ли ты знак Осириса?

— Нет, господин, ни тебе, ни ей нет этого знака. Но я вижу кровь и много страданий, и они подступили совсем близко.

— Кровь высохнет, страдания минуют, Ру, — сказал Хиан и, оставив эфиопа вглядываться в песок, направился в храм.

Глава XIII Гонец из Таниса

В день, следовавший после полнолуния, когда царевич Хиан, пустившись на поиски Духа пирамид, нашел вместо того земную женщину и возлюбленную, собрался Совет Общины. На рассвете пришло донесение с границы Священной земли: стража сообщала, что по Нилу на корабле прибыл гонец царя Апеги; он ждет в пальмовой роще, чтобы его под охраной проводили в храм, желая предстать перед Советом Общины. Когда стражники спросили, что случилось с жрецом Тему, который был послан с письмом от Совета к царю в Танисе, гонец ответил: Тему-де умер от болезни, доставив письмо ко двору царя, и потому никогда уж не возвратится в Общину Зари, — так слышал гонец. Гонца велели принять и представить Совету, чтобы он передал послание или письмо, которое принес.

В назначенный час пророк Рои и члены Совета Общины Зари собрались в большом храмовом зале, куда сошлись и члены Общины, чтобы выслушать ответ царицы Нефрет царю Апеги; здесь же был и Хиан под именем и в звании писца Расы, личный посол царя Севера. Последней, в царских одеждах, впервые увенчанная короной Верхнего и Нижнего Египта, появилась Нефрет в сопровождении телохранителя, эфиопа Ру, и Кеммы, своей воспитательницы. Она села на трон, — тот самый, на котором она восседала и в ночь коронации; Совет и все присутствующие почтительно склонились перед ней.

Объявили, что прибыл гонец с письмами от царя Апеги. Пророк Рои велел впустить его, и, сопровождаемый двумя жрецами, тот вошел в зал.

Хиан не сводил глаз с шедшего по проходу гонца, надеясь узнать в нем одного из приближенных Апеги. Это был плотный приземистый человек, слегка хромавший; он так укутался в покрывала, что даже рот его был закрыт, будто стояла зима и он опасался холода. Вот взгляд его упал на Хиана, следившего за ним, и он, как будто чего-то испугавшись, поспешно отвернулся. И тут он увидел Нефрет. Освещенная лучом света, который падал через верхнее окно, во всем сиянии юной красоты, в роскошном царском одеянии она сидела на троне. Снова гонец на мгновение приостановился, словно в изумлении, а затем приблизился к возвышению. Он склонился в почтительном поклоне, достал папирус, который сначала приложил ко лбу, а затем передал одному из жрецов; тот поднялся на возвышение и вручил его Нефрет. Она приняла свиток и передала пророку

Рои, сидевшему по правую руку от нее.

Развернув папирус и проглядев его, Рои прочел его собравшимся. Вот что там было написано:

От царя Апепи Совету Общины Зари. Я, царь, получил письмо ваше, а также письмо моего посла, писца Расы. Ваш посланник, назвавшийся именем Тему, прибыл к нам недужным и, проболев немало дней, скончался. Перед смертью сообщил он моим приближенным, что посол, которого я отправил к вам, писец Раса, упал с пирамиды и умер. Надлежит вам сообщить мне обстоятельства гибели писца того, моего слуги, ибо виню я вас в том, что вы убили его.

Что до того, о чем речь в письме вашем, то не скажу я ничего, пока не получу ответа госпожи Нефрет на предложение выйти за меня, царя, какое я сделал ей, и поступлю далее в зависимости от такового ответа. Свиток, этот посылаю я с верным мне человеком скромного звания; не ведает он, что изложено в писании, ибо не доверяю я вам более и не стану посылать к вам никого из моих знатных приближенных. Вручите ответ этому человеку, и пусть возвращается он без промедления; если же и с ним случится неладное, я, царь, смету вас с лица земли.

Скреплено печатью Апепи, бога, царя Верхнего и Нижнего Египта, а равно печатью везира Аната.

Дочитав до конца, Рои в гневе швырнул письмо под ноги и сделал знак гонцу отойти, что тот поспешно исполнил; точно испугавшись, отступил он в глубь зала и устало прислонился к колонне.

Заговорил Рои:

— Царь Апепи прислал нам не ответ на то, о чем писали мы, а обвиняет нас в убийстве его посла, писца Расы. Он сообщает также, что наш посланник Тему умер от болезни, чему мы, — а нам дано знать, когда болезнь вдруг поразит кого-то из наших братьев, — не верим. Прошу тебя, писец Раса, выйди вперед, чтобы гонец царя Апепи и все, кто тут собрались, увидели, что ты жив. Подойди сюда, писец Раса, и стань рядом с тронном, чтобы все тебя увидели.

Хиан поднялся на возвышение и стал рядом с тронном; когда он подходил, Нефрет улыбнулась ему, и он улыбнулся ей в ответ.

Рои продолжал:

— Царица Нефрет, настал час, когда тебе надлежит дать ответ царю Апепи. Скажи, царица Нефрет, согласна ли ты стать его супругой?

— Всемудрый пророк и Совет Общины Зари, — отвечала Нефрет

ясным и спокойным голосом, — я благодарю царя Апепи, но отвечаю, что никогда не соглашусь я стать женой человека, который убил моего отца и хотел подкупом и предательством захватить мою мать и меня, чтобы умертвить и нас также. Более мне сказать нечего.

— Пусть слова Ее Величества будут записаны, чтобы она скрепила их своей печатью, а члены Совета удостоверили их как свидетели и также поставили печать. Да будет исполнено это без промедления, и ответ вручен писцу Расе. Пусть также копия будет дана второму посланнику, чтобы мы были уверены, что ответ дойдет до царя Апепи.

Так и было сделано: Тау написал оба письма собственноручно, после чего они были скреплены печатями и скатаны в свитки. Рои приказал, чтобы гонец царя Апепи подошел и взял копию.

Но когда стали искать гонца, оказалось, что его уже нет в зале. Пока писали и скрепляли печатями письма, он незаметно скользнул в дверь, сказав страже, что уже получил ответ на послание. Кто-то хотел отправить за ним погоню, но Тау сказал:

— Не станем ловить его. Этот человек испугался и бежал, подумав, что если останется, его может настигнуть здесь смерть, как, по его словам, в Танисе смерть настигла нашего брата Тему. Он оставил свиток, но это ничего не значит, ибо он слышал ответ и передаст его на словах.

Так исчез гонец, и никто, кроме Рои, не вспомнил больше о нем.

Хиана пригласили в личные покои пророка. Возле Рои сидели жрец Тау и несколько старейшин Совета; тут же находились и Нефрет с Кеммой. Когда Хиан сел на указанное ему место, Рои сказал:

— Царица наша поведала нам о том, что произошло минувшей ночью, царевич Хиан, — ибо ты не кто иной, как царевич Хиан, о чем мы знали с самого начала. Она рассказала нам, что прошлой ночью, гуляя среди усыпальниц, — а она любит совершать такие прогулки, — она случайно повстречала тебя, царевич Хиан, — тобой тоже овладело желание побродить по граду мертвых, — и что вы говорили о чем-то наедине. Если это так, о чем ты сказал царице и что она сказала тебе, царевич Хиан?

— Всемудрый пророк, я сказал, что люблю ее и желаю стать ее супругом, и клянусь, никогда еще с уст моих не слетали более истинные слова, — бесстрашно ответил Хиан. — Что же ответила мне царица, пусть она скажет сама, если того пожелает.

— Я ответила царевичу Хиану, что отдаю ему дар за дар и любовь за любовь; пусть он и никто другой станет моим повелителем. Тебя же, наставник моей души, прошу благословить мой выбор и вместе с Советом

Общины дать согласие на наше обручение.

— Благословляю тебя с радостью, сестра наша и царица, и полагаю, что согласие на ваше обручение последует незамедлительно. Знайте же, мы надеялись и молились, чтобы так произошло; мы даже старались помочь вам найти друг друга, веря, что тогда без войны и кровопролития разделенный надвое Египет, признав единый трон, воссоединится. Мы внимательно следили за вами обоими и решили, что вы созданы друг для друга, а потому верим: вам предназначено идти вместе. Вот наш ответ.

— Благодарю тебя, отец, — отозвался Хиан; Нефрет тихо вторила ему.

— Мы не сомневаемся, — продолжал Рои, — что сердца ваши полны счастья и благодарности, однако, царевич и царица, должны мы сказать и другое. Всех нас в скором времени ожидают тяжкие испытания, и не быть вам вместе, покуда они не минуют; Аепи угрожает нам. Когда он узнает об отказе, им овладеет ярость, а когда поймет, почему и ради кого отвергнут — такие вести доходят быстро, — представляете ли вы, что случится тогда? По-прежнему ли намереваешься ты, царевич Хиан, самолично доставить наш письменный ответ, который не взял посланец, твоему отцу, царю Аепи, или ты предпочтешь остаться с нами или скроешься на время в каком-нибудь дальнем краю?

Хиан, подумав немного, отвечал:

— Я принял на себя это посольство, прежде чем мне открылось предназначение судьбы, и, согласно обычаю, принес клятву верности — я поклялся доставить послание, а затем и ответ, и если останусь в живых, сам доложу все в подробностях тому, кто послал меня. Эту клятву я должен исполнить, иначе позор падет на мою голову, и потому не могу я скрыться здесь или где-то еще, пусть мое возвращение и таит теперь в себе большую опасность. То, что я принял учение Общины Зари и обручился с той, имя которой мы чтим, касается меня одного; во всяком случае, так я это понимаю; но долг подданного царя Аепи — доставить ответ на его послание, и корабль, вызванный из Мемфиса, будет ожидать меня на Ниле. Если зло и коварство уготованы мне, что ж, значит, такова моя судьба, но честь превыше всего. Я доставлю письма и, если царь Аепи потребует, скажу ему всю правду, а дальше пусть будет что будет или, скорее, как определит тот, кому мы повинемся.

Нефрет смотрела на него с гордостью, а члены Совета одобрительно закивали.

— Благородные и мужественные слова, — сказал Рои. — Мне понравился твой ответ, царевич Хиан; он еще раз подтвердил, что наша царица отдала свою любовь достойному человеку. Опасность велика, и,

покуда ты не преодолеешь ее, ты не должен жениться, иначе невеста твоя овдовеет, не успев стать женой. Однако я верю, что ты преодолеешь все препятствия и в конце концов дух, которому мы служим, выведет тебя на дорогу радости и мирной жизни.

— Пусть будет так, — отозвался Хиан.

— А теперь слушайте меня оба, — продолжал Рои. — Я очень стар, и мне известно, что скоро я должен покинуть этот мир, хотя, как это произойдет, еще не знаю. Да, я, кто всю жизнь стремился к свету, должен уйти в царство тьмы, где, я верую, обрету свет. Царевич Хиан, знай, ты видишь меня в последний раз. Всю жизнь я старался способствовать мирному, без кровопролития, объединению Египта. Теперь, быть может, ты, царевич, и ты, царица, своим союзом объедините страну, и она снова станет единой, хотя и не навсегда. Я не доживу до того дня, чтобы своими глазами увидеть это объединение, но верую, придет время и в иных местах я услышу о том из ваших уст. Верно и то, что дух мой поведет вас обоих по земле, хотя видеть меня вы уже не будете. Подойдите ко мне, царевич Севера Хиан и помазанница божья, царица Египта Нефрет, и примите мое благословение.

Они подошли и опустились на колени перед старым жрецом Рои, который и теперь уже больше походил на духа, чем на человека. Он возложил свои иссохшие руки на их головы и благословил во имя Небес и от своего имени, прося даровать им радость и потомство, а также призвав их служить Египту, Общине Зари и Вселенскому Духу. Затем он быстро поднялся и покинул зал.

Следом, один за другим, соблюдая очередность соответственно сану, покинули зал члены Совета; последними ушли Кемма и Ру. Хиан и Нефрет остались одни.

— Близок час расставания, — печально молвил Хиан.

— Да, возлюбленный мой, — отвечала Нефрет. — Хотела бы я знать, когда и где наступит час встречи?

— Этого и я не знаю, Нефрет. И никому не дано знать, даже Рои, но пусть надежда не покидает тебя, потому что он непременно придет. Мне пора в путь; по глазам твоим вижу, что ты, как и я сам, считаешь, что я должен идти.

— Да, Хиан, так я думала и думаю. А потому уходи, и скорее, иначе сердце мое не выдержит муки. Помни все, Хиан, каждое слово, которое мы сказали друг другу! И еще об одном помни: заклинаю тебя нашей любовью, не верь ничему, что тебе будут рассказывать обо мне; не верь, если тебе скажут, что я вышла замуж где-то в далеких краях или изменила тебе. Верь

лишь одному: живу ли я на земле или обитаю в подземном мире, я — твоя, и только твоя; лучше я умру, чем отдам себя кому-то другому. Поклянись мне, что не забудешь об этом, Хиан!

— Клянусь, Нефрет, но и ты поклянись мне в том же.

Они обнялись, и губы их слились в долгом поцелуе. Но вот по знаку Нефрет — говорить она была не в силах — Хиан выпустил ее из своих объятий. Он низко поклонился ей, и она поклонилась ему в ответ. Хиан повернулся и пошел к выходу. У двери он оглянулся. Одета в белые девичьи одежды сестер Зари, без украшений или какого-то знака, указывающего на ее царский сан, и все же исполненная царственной величавости, она стояла неподвижно, точно статуя, глядя на него, и слезы катились из ее прекрасных глаз. Еще миг, и, словно врата судьбы, дверь затворилась, Нефрет осталась за ней.

В келье Хиана ожидал Тау, второй прорицатель Общины.

— Я пришел сказать тебе, царевич, что твой корабль ждет тебя у берега и на него отнесены все дары, которые прислал с тобой Апепи, Ру проводит тебя, — обратился он к Хиану.

— Да, Тау, только вот кто проводит меня обратно, хотел бы я знать? — тяжело вздохнув, молвил Хиан. — Кажется, мне снился чудесный сон, а теперь я спустился на землю и понял, что это всего лишь сон, который никогда не станет явью.

— Мужайся, царевич, ибо, я знаю, сон сбудется. Однако не скрою от тебя, нам грозит большая опасность. До нас дошло, что Апепи собирает войско, объявляя всем, что хочет защищаться от вавилонян, которые будто бы угрожают ему; но так ли это? Я хотел расспросить об этом его гонца. Мы думали, что он ждет нашего ответа, а он бежал.

— Я тоже хотел говорить с ним, Тау, но что толку теперь вести об этом речь.

— Царевич, — продолжал Тау приглушенным голосом, — может случиться, что на какое-то время Община Зари, а с ней и та, кого мы почитаем, вынуждены будут исчезнуть из Египта. Если ты узнаешь об этом, не верь, что мы пропали навсегда или погибли, хотя кто-то и очень хочет этого; знай, мы отправились за помощью, а куда, я еще не могу открыть даже тебе, хотя, быть может, ты и сам догадаешься. Война и кровопролитие ненавистны нам, царевич, но если кто-то принудит нас, мы станем сражаться; в молодости я, как и ты, был воином и полководцем, и место мое среди нашей рати. Помни, царевич, пока я или хоть один брат или сестра Общины будут живы, где бы мы ни находились, — а как ты видел в

ночь коронации, нас много в разных землях и странах, — царственная особа не останется без убежища и защиты. А теперь прощай до того дня, когда — я верю в это! — ты и госпожа станете мужем и женой и будете коронованы как царь и царица государства, простирающегося от нильских порогов до самого моря. Прощай, брат!

И снова Хиан шагал через полосу песков, что пролегла между Сфинксом и пальмовой рощей на берегу Нила; только на сей раз вел его не юноша, закутанный в плащ, с нежным голосом и маленькими женскими руками, а эфиоп Ру, который не смолкал ни на минуту.

— Значит, ты и вправду царевич Хиан, господин, как и ходили слухи, — рассуждал он. — Мы-то с госпожой Кеммой первыми разгадали, кто ты, с самого начала, а теперь вот ты обручился с моей царицей, и очень мне это не нравится, потому что как только ты явился сюда, она на меня уже и не взглянет, и слова не скажет. Но коли так заведено в жизни, если говорить честно, пусть лучше будешь ты, чем кто другой, потому что ты — воин, как и я; ты смелый человек, ты свою смелость показал, когда лазал на пирамиды, у меня-то никогда не хватит духу даже немного на них взобраться. Так что я с охотой буду служить вам, когда вы поженитесь; только если ты вздумаешь плохо обращаться с моей царицей, вспомни об этом топоре: тогда я разрублю тебя надвое, хотя бы пятьдесят фараонов или сто богов воплотились в тебе. Ты, верно, думаешь, что завоевал ее любовь, потому что так умен, но ты ошибаешься. Не ты ее завоевал, и не она тебя. Это все старые жрецы Общины устроили, напустили на обоих чары, потому что им это нужно. Да только как свели они вас, так могут и развести, это уже ты поверь мне; понадобится им, наговорят всяких заклинаний, и вы возненавидите друг друга. Правда, не думаю, чтобы они так сделали, вы ведь оба в Общине, а потому вся Община поможет, чтобы исполнились ваши желания.

— Рад это слышать, — вставил Хиан, когда Ру наконец остановился, чтобы перевести дух.

— Да, господин, и это очень хорошо — быть в Общине, пусть даже слугой, как я, потому что везде у тебя друзья. Теперь можешь не бояться, в какую беду ни попадешь; даже если палач накинёт петлю на шею — Рои или кто еще, пусть и находится от тебя далеко, а скажет слова заклятия или даст повеление, и кто-нибудь явится и спасет тебя. Уж я это знаю, потому и уверен, что ты обязательно женишься на моей царице, — если вы, конечно, не разлюбите друг друга; пройдет немного времени — и женишься, и все мы тоже не попадем в пасть этого бешеного льва, царя Апеги, хоть он и

думает, что уже схватил нас.

— Как же вы спасетесь, Ру?

— А так, господин. Найдем себе друзей, которые посильнее Апепи. Есть, к примеру, вавилонский царь, нашей царице он дедом приходится; так вот, он может выставить двух копьеносцев против одного у Апепи, я уж не говорю, какое у него множество колесниц, а у Апепи-то их вовсе нет. Там, при дворе царя вавилонского, очень много братьев нашей Общины; кое-кто из них был тут в ночь коронации, и, я знаю, чуть ли не каждый день туда отправляют послания. Какими путями — это тайна. Не удивлюсь, если и мы туда скоро отправимся, и тогда, быть может, мне еще доведется помахать своей секирой, пока я не состарился да не растолстел. Ты ведь обручен с нашей царицей, потому я и не боюсь рассказывать тебе про такие вещи.

— И правильно делаешь, Ру, — поддержал его Хиан.

— Я вот заговорил о посланиях и вспомнил о разных гонцах, — продолжал Ру, — или, скорее, об одном. О том закутанном, от Апепи, который бежал; только если бы я его сторожил, а не эти глупые жрецы, он бы не сбежал.

— И что же ты хочешь сказать?

— Да ничего такого, только странным он мне показался. Ты глаза его видел, господин? Как у ястреба и гордые очень, такие глаза у знатных господ бывают; а когда услышал, что ответила наша царица, он так разъярился, что дрожь бить его стала, хоть и был весь закутан. И еще того удивительнее — когда вошел он к нам в зал, то сильно на одну ногу припадал, прямо совсем хромой, а потом люди, что работали в поле, видели — он бежал к Нилу, как шакал, когда за ним собаки гонятся. Да разве хромой может бежать, как шакал? А еще я слышал, что когда он добежал до корабля, который его ожидал, все, кто были на нем, на берегу, пали перед ним ниц, как будто он превыше всех, а он прыгнул на борт и давай их всех честить да кричать, что они, мол, рабы и всякое такое, ну как большие господа кричат. Вот я и подумал: наверно, он не тот, за кого себя выдавал, как и ты, господин; ты ведь назвался писцом Расой, а на самом деле — царевич Хиан. Ну вот и дошли мы с тобой до пальмовой рощи, где я стащил у тебя всю поклажу, пока ты спал. А ведь это меня царица — тогда-то она еще только царевной была — надоумила, она с детства такие шутки любит. Э-э, смотри-ка, вон и твой корабль приплыл — тот самый, что тебя сюда доставил, а вон и жрецы с твоим грузом.

— Да, Ру, все собрались, только лучше бы они не приплывали. А тебе, Ру, я хочу сделать подарок: вот, возьми эту цепь из чистого золота, которую

я носил на груди. Храни ее в память обо мне и надевай, когда прислуживаешь царице, — быть может, она будет напоминать ей о том, кого нет с ней рядом.

— Благодарю тебя, господин, хотя, похоже, ты хочешь убить сразу двух птиц одним камнем: я, выходит, могу этот подарок показывать, а продать не могу. Но это мне известно: любящие, они сначала про себя думают, и надеюсь, когда-нибудь, коль придется нам стать плечом к плечу в сражении... Э-э, смотри-ка, к нам идет госпожа Кемма, да как быстро! Я уж сколько лет не видел, чтобы она так резво шагала. Видно, хочет тебе что-то сообщить.

Не успел Ру договорить, как Кемма подошла к ним.

— Пospела я, царевич, — проговорила она, едва переводя дыхание. — Нелегкое это дело для старой женщины — брести по песку в такую жару, точно корова за пропавшим теленком; и все-то по девичьей прихоти.

— Что за прихоть, Кемма? — с беспокойством спросил Хиан.

— Да ничего важного. Велела передать тебе вот это, — могла ведь подумать раньше и отдать сама! — да просила, чтобы ты носил его, не снимая, потому что по нему она признает тебя как своего повелителя и возлюбленного, чего, конечно, она не должна бы делать, так же как и посылать тебе этот перстень, а она вот послала. Я ей сказала, а она разгневалась и говорит: если ты не отнесешь ему перстень, я сама отнесу, потому что никому больше довериться не могу. Ничего себе приятное зрелище: царица стремглав несется по пустыне вдогонку за каким-то писцом; ведь люди-то все еще тебя писцом считают. Вот и пришлось мне бежать за тобой.

— Я все понял, госпожа Кемма, но что ты принесла? Пока ты только говоришь и ничего не передала мне.

— Да неужели? Вот, возьми. — И она достала из складок одеяния маленький сверток папируса, на котором было написано: *«Дар царицы ее царственному супругу и возлюбленному»*.

Хиан развернул его — внутри оказался перстень Нефрет, тот самый, который Рои надел ей на палец в ночь коронации.

— Перстень царицы! — воскликнул изумленный Хиан.

— Да, царевич, а до того — перстень царя Хеперра, — тот самый, который после битвы сняли с его пальца бальзамировщики; а еще раньше — перстень его отца и так далее. Погляди, на нем вырезано имя Хафра, чью гробницу ты, наверно, видел во время своих ночных прогулок; только вот не скажу, носил он когда-то этот перстень или нет. Одно скажу — перстень этот переходил от одного фараона к другому, от потомка к

потомку, а теперь, похоже, передается как любовный дар тому, кто не родня царям, а будет носить его словно родня.

— А может, и течет в нем кровь фараонов, госпожа моя Кемма, хотя это и не больно заботит его, — с улыбкой отвечал Хиан.

С этими словами он взял священный перстень и, коснувшись его губами, надел на палец правой руки, сняв другое кольцо, на котором был выгравирован лев в короне — эмблема его рода.

— Дар за дар, — сказал он. — Передай это кольцо царице Нефрет и скажи, что я прошу носить его, так же как и я буду носить перстень, что она прислала мне. Пусть кольцо напомнит Нефрет, что все, что я имею, принадлежит ей. Скажи также, что в тот день, когда мы станем мужем и женой, мы вернем друг другу кольца, а вместе с тем и все, что они означают.

Кемма взяла кольцо и едва успела его спрятать, как появился начальник стражи, который сопровождал Хиана из Таниса.

— Приветствую тебя, господин Раса, и очень рад, что тебя не поймал в свои сети Дух пирамид, о котором мы с тобой толковали, когда расставались вот на этом самом месте тридцать пять дней тому назад; хотя, быть может, прошло и больше, потому что время летит быстро в веселом городе Мемфисе. А ты, похоже, завел себе странных друзей в этой святой обители призраков. — И начальник стражи с опаской покосился на чернокожего великана, который стоял, опираясь на свою огромную секиру, и величавую Кемму, лицо которой было закрыто белым покрывалом. — Да и сам ты вроде на себя не похож, исхудал, не иначе как водил дружбу с призраками. Ну, да ладно, кормчий говорит, если ты готов, господин Раса, он хотел бы отплыть, куда не переменится ветер; а может, потому он спешит, что гребцы наши опасаются здешних мест, или и по той и по другой причине сразу. Если ты не возражаешь, отправимся поскорее в путь.

— Я готов, — отвечал Хиан.

Кемма низко поклонилась ему, Ру поднял в знак прощания свою секиру, Хиан повернулся и пошел к берегу, гребцы перенесли его по мелкой воде к судну. Вскоре Хиан уже плыл по Нилу и все глядел на пальмовую рощу, где впервые повстречал Нефрет. Силуэты пальм блекли и расплывались в сгущающихся сумерках, но вот взошла полная луна, осветив пирамиды, и Хиан погрузился в воспоминания о чудесных событиях, которые случились с ним под их сенью; потом и пирамиды заволокло дымкой, и они исчезли из виду, и тогда Хианом овладело странное чувство — а не приснилось ли ему все это во сне, подумал он.

Глава XIV Приговор фараона

Спустя несколько дней, на рассвете, Хиан благополучно прибыл в Танис. Придя во дворец, он прежде всего направился в свои покои и, сняв одежды писца, облачился в подходящее его сану одеяние. Но вот дворец начал пробуждаться от сна, Хиан послал к везиру начальника стражи с сообщением о своем прибытии и стал ждать ответа.

Из окна своей спальни он видел, что по равнине внизу движутся войска, а от причалов отходят корабли и под развевающимися флагами уплывают вверх по Нилу. Пока он гадал и раздумывал, что это все означает, явился старый лис везир Анат.

— Приветствую тебя, царевич, — промолвил он, низко кланяясь. — Я рад, что ты благополучно завершил свое дело, ибо до нас дошел слух, будто ты упал с пирамиды и разбился насмерть, почему мы заключили, что тебя умертвили эти одержимые — братья Общины Зари.

— Мне это известно, Анат, все это было написано в письме, которое доставил гонец моего отца, и я тогда выступил вперед, чтобы показать, что жив, хотя и вправду упал с пирамиды и какое-то время пребывал без чувств. Но воротился ли этот гонец? Он исчез так внезапно, что я не успел ничего ему сказать.

— Про то мне неизвестно, царевич, — отвечал Анат. — Мне ничего не сообщили об этом гонце, но ведь я только что пробудился ото сна, а он, быть может, вернулся ночью.

— Надеюсь, что так, Анат, — сказал Хиан, улыбнувшись. — Он не дождался послания, которое доставил я. Боюсь, его донесение не понравится отцу, и предпочел бы, чтобы он узнал новости от него, а не от меня.

— Ты так полагаешь, царевич? — сказал Анат, с любопытством глядя на него. — Однако от братьев Общины Зари уже получены вести, от которых Его Величество очень разгневался. Если и твои будут подобны прежним, боюсь, он разгневется еще больше. Не сообщишь ли мне, что в этом послании?

— Нет, Анат. Хотя ты его везир и хранитель всех тайн, ты и сам знаешь, какой крутой нрав у моего отца; если я открою то, что мне поручено сообщить, ему это может не понравиться.

Анат почтительно поклонился Хиану и сказал:

— Что касается нрава Его Величества, ты прав, царевич; с того самого

дня, как ты отправился в свое посольство, он стал гневаться все больше и больше. Не иначе как злое божество надоумило меня тогда подать ему мысль о женитьбе; лучше б нам не знать и слыхом не слыхивать ни о какой Общине Зари. Из-за женитьбы и этой Общины он грозит отрешить от должности даже меня, хотя прекрасно знает: на себя же и навлечет зло, если прогонит меня. Сколько лет я служил ему щитом, отводящим стрелы от его головы, а мое предвидение спасало его от заговоров.

— Та говоришь правду, Анат, — согласился Хиан.

Анат подумал немного, затем, понизив голос, продолжал:

— Даже фараоны рано или поздно теряют власть или умирают, царевич. В прах обращаются их короны, а величие поглощает гробница. С самого твоего детства я наблюдаю за тобой, царевич; я старался проникнуть в твои помыслы и знаю, что ты честный и благородный человек. Хочу спросить тебя и, поверь, приму твой ответ, как если б то отвечал сам бог. Благосклонен ли ты ко мне и, если придет время тебе сесть на трон, который сегодня занимает другой, оставишь ли меня на моей почетной должности, сохранишь ли мне звание везира Севера? Обдумай свой ответ и скажи, царевич.

Всего лишь на мгновенье задумался Хиан, затем произнес:

— Думаю, что сделаю это, Анат; я даже уверен, что так и будет.

— Везиром Юга тоже, если произойдет так, что великая страна присоединится к твоим владениям?

— Да, Анат, хотя есть еще одна... — я хочу сказать, есть и другие, которые должны будут сказать свое слово. Почему бы тебе и не стать им? Знай, покуда ты наблюдал за мною, я приглядывался к тебе, и не держи на меня зла, если скажу, что знаю твои слабости. Назову их: ты очень коварен и слишком стремишься к богатству и власти. Но я также знаю, что ты верен тому, кому служишь, предан друзьям, а что касается государственных дел, ты умнейший человек в Египте. К слову сказать, ты очень прозорлив, ты доказал это, предложив фараону взять в жены царевну Южных земель, хотя твой замысел принес больше беспокойств, чем ты предполагал. Вот я и ответил тебе, а, как ты и сам сказал, я не из тех, кто нарушает слово.

Анат низко поклонился и поцеловал царевичу руку.

— Благодарю, царевич, — сказал он, а затем, помедлив, добавил: — В тот день, когда ты станешь царем Севера и Юга, я напому тебе эти слова, которые в твоих устах приобретут силу нерушимого указа.

— Что все это значит, Анат? — нетерпеливо спросил Хиан. — Ты ведь не пытаешься втянуть меня в заговор против моего отца?

— Нет, царевич, клянусь всеми богами гиксосов и египтян. Но все же

выслушай меня. Я заметил, что, если что-то мешает исполнению желаний Его Величества, он совсем теряет рассудок; а тот, кто теряет рассудок, жаждет уничтожить своих врагов, в особенности если это тоже цари. Более того, он слишком нетерпелив, а нетерпеливые проваливаются в ямы, которые другие обходят стороной. К тому же у него не такое крепкое здоровье, как он полагает, а ярость, случается, останавливает сердце. Если у фараона остановится сердце, что станет с ним?

— Великие боги, что ты говоришь, Анат! — засмеялся Хиан.

— То и говорю: больше его уже не будут занимать дела земные. Примерно месяц тому назад отец твой испросил твоего согласия лишить тебя права наследования престола, и ты без раздумий согласился на это. Однако за время, миновавшее с тех пор, царевич, быть может, что-то изменилось?

Везир бросил пронизательный взгляд на Хиана и продолжал:

— Переменил ты свое мнение или нет, знай: нельзя так просто лишить законных наследников их прав.

— Но тогда ты, кажется, одобрил мое решение, Анат; более того, ты сам и подал отцу мысль о женитьбе.

— Тростник гнется под ветром, царевич, что же до этой жениться, то как бы объяснить тебе: может, была у меня мысль спасти людей Общины Зари, чье ученье я уважаю, а может, я хотел избавить Египет еще от одной войны или и то и другое вместе. Одного я никак не желал — повредить тебе, царевич. И все же так случилось; теперь же пора развязать этот узел.

— Да, Анат, так случилось, или нам только кажется, что случилось, на самом же деле надо принести за все благодарность богам. Ибо иначе меня не отправили бы с посольством и со мной не произошло бы того, что произошло и что сделало меня счастливейшим человеком на свете. Может быть, позднее я расскажу тебе обо всем — если решусь... Однако когда же отец примет меня? И скажи мне заодно, почему перед дворцом собирается войско и куда держат путь корабли, отплывающие вверх по Нилу? Уж не начинается ли новая война с Югом?

— Его Величество и сам недавно вернулся из путешествия, царевич. Он сказал, что, по обычаю предков, гиксосов давних времен, совершал жертвоприношение в пустыне. Возвратился он лишь вчера поздним вечером, усталый и рассерженный, и не пожелал принять меня. Наверно, он еще спит, но в полдень соберется Совет, на который ты должен явиться. А воины и барки...

В эту минуту по галерее разнеслись громкие выкрики:

— Посыльный фараона! Посыльный фараона к царевичу Хиану.

Дорогу посыльному фараона!

Двери распахнулись настежь, занавесы раздвинулись и в комнату ступил один из глашатаев Апепи, в подобающем случае наряде и с овечьей шкурой на спине, как в старину носили гиксосы. Он прыжком двинулся вперед и пал ниц перед царевичем, а затем произнес:

— Узнав, что Твое Высочество возвратилось в Танис, фараон Апепи приказывает тебе без промедления явиться к нему в Зал собраний, о царевич Хиан. И тебя он тоже призывает, о везир Анат. Скорее, скорее, о царевич и великий везир!

— Похоже, отец спешит.

— Да, — отозвался Анат, — и настолько, что не хочет ждать ни минуты. Потом мы продолжим разговор, царевич. Теперь же, глашатай, веди нас.

Вслед за глашатаем они прошли по коридорам, пересекли внутренний двор, по которому торопливо шагали советники и приближенные царя; как видно, их также срочно призвал Апепи в Зал собраний. Там в окружении жрецов, писцов и стражи сидел на троне Апепи. Приглядевшись к отцу, Хиан заметил, что вид у него очень усталый и одет он небрежно: на голове нет короны, а вместо царского плаща и парадного фартука на нем узорчатое покрывало, смутно напоминавшее о чем-то Хиану; ему показалось, что он совсем недавно видел что-то похожее. Апепи словно похудел, лицо его осунулось, а глаза горели злобой.

Хиан приблизился к возвышению и, произнеся полагающиеся приветствия, простерся ниц перед своим царственным отцом; Анат же, отвесив церемонный поклон, стал по левую сторону от трона.

— Поднимись, царевич Хиан, и объясни мне, — начал Апепи, — как получилось, что ты, кому я доверил столь важное посольство, не сообщил мне о своем возвращении?

— Фараон и отец мой, — отвечал Хиан, — я сошел на берег на рассвете и тут же, как положено, известил везира Аната о своем прибытии. Везир Анат, встав ото сна, посетил меня. Он сообщил мне, что Твое Величество, вернувшись из далекого паломничества, изволит отдохнуть.

— Не важно, что он сказал тебе! Разве везиру, а не мне должен ты сообщать о своем возвращении; разве от начальника стражи, которого я посылаю с тобой, должен я узнавать о твоём прибытии? Ты непочтителен, Хиан, а везир слишком своеволен! Так что ты скажешь нам? Как выполнил ты поручение? Может, ты и об этом уведомил везира? Знай, я полагал, что ты умер, тебе, наверно, сказал об этом мой гонец там, у пирамид. Разве не долг твой был как можно скорее сообщить мне, что ты жив? Так ли должен

относиться сын к отцу, а подданный к царю?

Хиан снова пустился в объяснения, но Апепи прервал его:

— Я получил письма от Совета Общины Зари — предерзкое письмо, они отвечают угрозой на угрозу, — и вместе с ним твое письмо, Хиан, где ты сообщаешь, что видел Нефрет собственными глазами на церемонии, когда она, неизвестно по какому праву, была коронована как царица Египта. Ответа же, согласна ли она стать женой мне, я не получил. Доставил ты ответ, Хиан?

— Доставил, — ответил Хиан и, вынув свиток, вручил везиру, который, опустившись на колени, подал его царю.

Апепи развернул свиток и небрежно пробежал его глазами, словно уже знал, что там написано. Он дочитал до конца, и лицо его потемнело от гнева, глаза яростно засверкали.

— Слушайте все! — произнес он. — Эта самозванная царица отказывается стать мне женой, потому что ее отец, царь Хеперра, был убит в битве с моим войском. Вот что она говорит! Ты, Хиан, прожил в их Общине целый месяц; скажи, в чем истинная причина ее отказа?

— В таком сложном деле трудно понять резоны женщины, государь.

— Отчего же не выведать их окольными путями, Хиан? Зачем я посылал тебя? Подумай, поищи эти резоны, Хиан. Но сначала протяни вперед свою правую руку.

Решив, что сейчас Апепи потребует, чтобы он принес клятву, Хиан повиновался. Апепи уставился на его руку, потом перевел взгляд на послание и негромким спокойным голосом спросил:

— Как же случилось, Хиан, что на пальце, где ты носил перстень со знаком нашей династии и твоим титулом египетского царевича, теперь надет другой перстень — старинный перстень, на котором выгравировано имя Хафра, божественного сына Солнца, бывшего тысячелетие тому назад фараоном Египта? И как случилось, что письмо с отказом запечатано Нефрет, которая выдает себя за царицу Египта, тем же самым перстнем?

Все присутствующие обратили взгляды на Хиана, а по морщинистому лицу везира Аната скользнула едва заметная улыбка.

— Перстень этот — ее прощальный дар мне, — сказал Хиан, опустив глаза.

— Вот как? Самозванная царица делает прощальный подарок моему посланнику! А ты, быть может, подарил ей на прощанье перстень законного наследника короны Северного Египта?

Апепи, устремив на Хиана пристальный взгляд, помедлил, но тот не отвечал. Тогда Апепи заговорил снова — низким хриплым голосом, словно

взревел разъяренный лев.

— Теперь я понял все! Знай же, сын: тем гонцом, что посетил несколько дней назад обитель братьев Зари, был я. Не мог я, царь, довериться никому, даже собственному сыну, и сам явился за ответом. Гляди, узнаешь ты этого гонца теперь? — Поднявшись с трона, Апепи быстрым движением закутался в цветное покрывало бедуина так, что лишь глаза остались открытыми, и, прихрамывая, сделал несколько шагов.

— Узнаю, — отозвался Хиан. — Ты удачно изменил внешность, отец, и замысел твой был смел, но, узнай тебя братья Зари, ты оказался бы в большей опасности, ибо правда для этих людей — священна и они ждут ее от других.

Апепи вернулся на трон, и снова послышался его львиный рык:

— Да, я пошел на риск, потому что тоже люблю правду и хотел доподлинно узнать, что происходит там, у пирамид, да и увидеть дочь царя Хеперра собственными глазами. Она прекрасна и величава и больше всех женщин достойна быть мне женой и царицей. Заметил я и многое другое; к примеру, какие нежные взгляды слала она одному из братьев Общины Зари, облаченному в белые одежды; в нем я вскоре признал не кого иного, как тебя, моего посла, которого не надеялся увидеть среди живых. Чего только люди не болтают в тех краях! Слышал я от одного рыбака, что, мол, Дочь Зари обещала себя Сыну Солнца и будто какой-то храбрец узнал, кто это — Дух пирамид, хотя рыбак и клялся мне, что не знает, кто этот храбрец, но все теперь ясно. Так ответь, Хиан, прибывший к нам из обители правды, — муж ты уже или только жених царевны Нефрет, дочери Хеперра, чей перстень ты носишь на пальце? И еще на один вопрос ответь: принял ты посвящение в Братство Зари?

Хиан уже овладел собой и, глядя прямо в глаза отцу, спокойно произнес:

— Зачем скрывать от Твоего Величества, что я обручился с царственной Нефрет, которую люблю и которая любит меня, а также что после изучения и глубоких раздумий я принял учение Общины Зари и затем посвящен был в их Братство?

— И правда, зачем скрывать, — с горькой усмешкой произнес Апепи, — если все и так открылось, до того, как ты оказал нам честь и уведомил об этом? Итак, сын мой Хиан, ты, кого я отправил послом, чтобы сосватать мне жену, украл эту жену для себя; ты, кого я послал разведать, что затевают мои враги, принял их учение и стал членом их тайной Общины. Почему ты поступил так? Я скажу тебе. Ты изменил своему долгу и нарушил наш уговор — ты украл у меня женщину потому, что, женись на

ней я, сын ее лишил бы тебя права наследования престола; если же ты сам женишься на ней, ты сохранишь это право, — так ты рассудил, — да еще вместе с ней предъявишь притязания на весь Египет. Умно, Хиан, очень умно!

— Я обручился с Нефрет, потому что мы любим друг друга, и не имел никаких иных намерений, — твердо отвечал царевич Хиан.

— Если и так, Хиан, значит, любовь и расчет идут тут рука об руку, точно так же, как и ее любовь и расчет, а все это подстроил хитрый старец Рои. Ты принял посвящение в Общину потому, что считаешь ее весьма могущественной, тебя уверили, что у нее много приверженцев в других странах и ты найдешь у них поддержку, когда примешь царствование или силой отнимешь трон у меня. Ты вор, лжец и предатель, Хиан, и не жди от меня пощады.

— Твое Величество хорошо знает, что я — ни тот, ни другой, ни третий. Пожелав вступить в брачный союз, Твое Величество изволил лишить меня права наследования престола, сделать простым подданным, потому не царевичем, а писцом явился я в Общину. Как посол Твоего Величества я исполнил свой долг; но та, к кому я был послан, не захотела даже выслушать предложение Твоего Величества. Что же мог я сделать? Лишь потом как простой писец полюбил я ту, имени которой не называю; и даже если бы меня вообще не было на свете, она, я думаю, никогда не приняла бы предложение Твоего Величества, ибо есть у нее на то свои причины. Вот и все.

— Мы узнаем, так ли это, когда тебя и вправду не будет в живых, Хиан. А теперь слушай, как я поступлю с этими могильными крысами, которые отвергли и оскорбили меня. Я пошлю с ним свое войско — оно уже выступило — и смету их с лица земли. Всех, кроме одной: Нефрет я пощажу, но не потому, что она царского рода, а потому, что я посмотрел на нее и увидел, как она прекрасна, ибо, Хиан, ты не единственный мужчина, кому нравятся красавицы. Так вот, я привезу ее сюда, а свадебным подарком ей будет твоя голова, Хиан; ты, предатель, умрешь у нее на глазах!

Услыхав это, военачальники, носившие звание друзей царя, в смятении переглянулись — никогда еще не слышали они, чтобы случалось такое: фараон Египта убьет своего собственного сына из-за того, что оба они полюбили одну и ту же женщину. Вздрогнул и побледнел даже везир Анат, и все же с уст его слетели слова древнего приветствия:

— Жизнь! Здоровье! Сила! Слово фараона сказано, да будет исполнено слово фараона!

Едва этот чудовищный приговор коснулся слуха Хиана, сердце его на мгновение остановилось, колени дрогнули. Перед глазами возникла страшная картина: он увидел своих братьев по Общине убитых, лежащих в лужах крови. Увидел великана-нубийца Ру, которого наконец-то одолели враги и он упал мертвым поверх убитых им гиксосов. Увидел зарезанную Кемму и Нефрет, которую схватили и тащат в Танис, где ее насильно выдадут замуж за ненавистного ей человека. Увидел, как на глазах у Нефрет убивают его самого и кладут к ее ногам окровавленную голову. Все эти сцены промелькнули перед его глазами, и его сковал страх.

Но вдруг страх прошел. словно дух обратился к его душе, дух Рои, как подумал Хиан, потому что на мгновение он как будто явился перед ним на троне, там, где только что сидел Апепи, — глубокий старец, спокойный, излучающий святость. Видение тут же исчезло, а вместе с ним исчез и страх. Хиан теперь знал, что ответить Апепи, слова лились с его уст, как льется вода родника.

— Фараон и отец мой, — произнес он твердым, ясным голосом, — не говори столь безрассудно, ибо ты не сможешь совершить того, о чем объявил. Разве верховный жрец Общины, прорицатель Рои, не ответил тебе еще раз на твои угрозы? Разве не сказал он, что не боится тебя, а если ты замыслишь зло против Братства, проклятие Небес обрушится на тебя, убийцу и нарушителя клятвы? Пади на твою голову все камни пирамид — это ничто по сравнению с этим проклятием! Не сказал ли он, что несметное воинство поднимется вместе с братьями Общины и воинство это есть сила божья? Если ты этого не знаешь, я, твой сын, брат Общины Зари и ее жрец, передаю тебе его послание. Только попытайся сотворить зло, о котором ты объявил, о фараон, и ты навлечешь на себя бедствие и смерть на земле, а когда покинешь землю, страшные мученья в подземном мире — так поведал мне голос Общины Зари, с которым, следуя учению Духа — покровителя Общины, я сейчас беседовал. А потому знай — не я сам говорю это тебе, а Дух, который вошел в меня.

Услышав грозные слова, Апепи поник головой и трясущимися руками плотнее закутался в цветастое покрывало, как делает человек, когда среди жаркого дня на него вдруг повеет ледяным ветром. Но вот гнев снова обуял его, и он ответил:

— В подземный мир, о котором ты сказал, отправишься ты, Хиан-отступник, предавший своего властителя и отца, свою кровь и плоть; там ты и узнаешь, кто этот колдун Рои — пророк или лжец. Намерение мое было отправить тебя туда немедленно и отрубить тебе голову сейчас же, в присутствии всех моих советников и приближенных. Но я переменяю

решение. Пусть казнь твоя будет такой же ужасной, как ужасно твое преступление, — ты будешь жить до того дня, как отправятся на тот свет все твои подлые друзья, все до единого, и ты увидишь собственными глазами, как дева, которую ты увлек ложью, станет моей, а не твоей женой. Только тогда ты умрешь, Хиан, и ни днем раньше.

— Фараон сказал свое слово, и я, принявший посвящение брат и жрец Общины Зари, сказал свое, — отозвался Хиан все тем же ясным, спокойным голосом. — Теперь пусть Дух рассудит нас и покажет всем, кто слышал наши слова, и всему свету, в ком из нас двоих светит Истина.

Так молвил Хиан, затем поклонился Апеги и смолк.

Фараон долго не отводил от него пристального взгляда, ибо был поражен: он не мог понять, откуда приходит к его сыну та сила, что дает ему отвагу на краю гибели произносить такие слова. Затем Апеги обратился к Анату.

— Везир, — сказал он, — отведи этого презренного отступника, который уже больше не царевич Севера и не мой сын, в подземную темницу. И пусть его хорошо кормят, чтобы жизнь сохранялась в нем до тех пор, пока я не покончу с этим делом.

Анат распростерся перед ним, затем поднялся на ноги и хлопнул в ладоши. Немедленно появился отряд стражников, они окружили Хиана и под предводительством Аната вывели из зала.

Глава XV Брат Тему

По длинным коридорам и лестницам, где на каждом повороте стояла стража, печальная процессия спустилась в подвальные помещения огромного здания дворца. Пока они шли, Хиан вспомнил, как однажды, когда он был еще ребенком, начальник дворцовой стражи провел его этим путем к темницам и сквозь решетку он увидел троих людей, приговоренных к смерти за то, что они замыслили убить фараона. Казнь должна была состояться назавтра. Он ожидал увидеть несчастных в рыданиях и столах, а они, как он теперь припомнил, весело переговаривались друг с другом, потому что, как утверждали они, — он услышал это сквозь решетку, — их мучения скоро кончатся, и либо они будут оправданы в подземном мире, либо заснут крепким сном навсегда.

Каждый из них судил по-своему: один верил в подземный мир и в то, что Осирис дарует ему возрождение; другой считал, что никаких богов нет, все это только сказки, и ждал лишь, что заснет вечным сном и больше ничего с ним никогда не случится; третий был уверен, что снова возродится в надземном мире и за все, что пережил, будет вознагражден новой и счастливой жизнью.

На следующий день все трое были повешены, а немного погодя Хиан узнал от начальника стражи, своего друга, что обвинение против них оказалось ложным. Как выяснилось, один из тех троих отверг любовь жены фараона, и в отместку она возвела на него ложное обвинение, а заодно и на двух других, которых по каким-то причинам терпеть не могла, объявив их соучастниками в заговоре против фараона. Спустя какое-то время женщину эту поразила вдруг тяжкая болезнь, и на смертном одре она во всем призналась, хотя это уже ничем не могло помочь ее жертвам.

Те несчастные и их печальная история, вспомнил сейчас Хиан, спускаясь по мрачным каменным ступеням, посеяли тогда в его уме сомнение: а справедливы ли боги, которым поклоняются гиксосы, и их цари и правители, вершащие суд? Кончились его раздумья тем, что он отвернулся от веры своего народа и стал одним из тех, кто ставит своей целью преобразить мир, заменив древние законы и обычаи на новые, но хорошие. От твердо, хоть и в одиночку, следовал этим своим убеждениям, покуда судьба не забросила его в Храм Зари, где он обрел все, что искал: чистую веру, которую принял всей душой, и учение о мире, милосердии и справедливости, чего он столь жаждал.

И вот теперь, не более виновный, чем те трое, уже всеми забытые, он — гордый царевич Севера, опозоренный и обреченный на казнь, будет брошен в ту же темницу, которая скрыла в своих стенах страдания тех троих и тысяч других осужденных до них и после них. Забытая картина отчетливо встала перед его глазами: каменный мешок, свет в который проникал через решетку, вделанную в высокий купол свода, куда не смог бы добраться никто, потому что стены темницы наклонены внутрь, выложенный плитами пол пропитан сыростью, — когда щедро разливался Нил, вода подступала к стенам дворца и проникала в подземелье; табуреты и стол тоже каменные; в стену вделаны бронзовые кольца, к которым, как рассказал ему начальник стражи, приковывали узников, если они начинали буйствовать или сходили с ума; в углу куча мокрой соломы, на которой они спали, и истертые шкуры, которыми они укрывались от холода. Хиан вспомнил даже, где лежал или стоял каждый из тех троих узников, и выражение их лиц, особенно отчетливо припомнил он красивого молодого человека, которому так страшно отомстила отвергнутая им женщина. До этого часа Хиана никогда не посещало это воспоминание, и все же воображение воспроизвело то страшное место во всех подробностях.

Они ступили на последнюю лестницу. Вот и тяжелая дверь, сквозь зарешеченное окошечко которой он смотрел на приговоренных и слушал их рассуждения. Тюремщик отодвинул засовы, и дверь приотворилась. Внутри виднелись каменные стол и стулья, бронзовые кольца, грубая глиняная посуда. Все было на месте, не было только людей — от них не осталось ничего.

Хиан ступил в страшную обитель. По знаку Аната стражники, сделав приветственный жест, удалились, с жалостью бросив прощальный взгляд на молодого царевича, под предводительством которого они воевали и кого все любили. Анат дал указания тюремщику, а затем, когда и стража и тюремщик покинули темницу, приблизился к царевичу и спросил его, какую ему прислать одежду.

— Потеплее и поплотнее, везир, — ответил Хиан, которого уже пробирала дрожь.

— Она будет прислана, Твое Высочество... — уверил его Анат. — Как прискорбно, что я обязан был выполнить столь жестокий приказ. Простишь ли ты меня?

— Прощаю тебя, везир, как и всех остальных. Когда умерла надежда, прощать легко.

Анат оглянулся и увидел, что тюремщик стоит далеко от двери, спиной к ним. Тогда он склонился в низком поклоне, будто бы прощаясь с Хианом,

сам же, приблизив губу к уху Хиана, прошептал:

— Надежда не умерла, царевич! Верь мне, и я спасу тебя, если только все случится, как я задумал.

В следующее мгновение ушел и он, и тяжелая дверь темницы закрылась. Хиан остался один. Он сел на табурет, повернувшись так, чтобы на него падал слабый свет, проникавший сверху через решетку. Некоторое время спустя — он не знал, долго ли просидел в задумчивости, — дверь снова отворилась, появился тюремщик в сопровождении незнакомого Хиану человека, который принес ему одежду, и среди прочего темный плащ с капюшоном, подбитый черной овечьей шкурой; принес он также еду и вино. Хиан поблагодарил его и поспешил накинуть на себя плащ, ибо холод сковывал его все больше и больше, и тут только заметил, что плащ этот не из его гардероба, и это его удивило; заодно он отметил, что в таком плаще можно отправиться куда угодно без опасений быть узнанным.

Тюремщик поставил на стол еду и почтительно обратился к узнику с просьбой отведать ее, называя Хиана царевичем.

— Этот высокий титул больше мне не принадлежит, друг, — сказал Хиан.

— Несчастья время от времени посещают каждого человека, но от этого кровь в его жилах не становится другой, — с теплотой в голосе ответил тюремщик.

— Однако, друг, ее могут выпустить из меня совсем.

— Боги не допустят такого злодейства! — воскликнул тюремщик, содрогнувшись, отчего Хиан заключил, что не ошибся, называя его другом, и снова поблагодарил его.

— Это я должен благодарить Твое Высочество. Царевич, наверно, забыл, как три года тому назад, в сезон лихорадки, когда моя жена и ребенок заболели, сам пришел в наше бедное жилище и принес лекарство и много чего другого.

— Мне кажется, я помню, друг, — сказал Хиан, — хотя и не уверен, больных было так много, что, не будь я царевичем, вернее сказать, если бы тогда я не был царевичем, — я стал бы лекарем.

— Ты им и стал, царевич, и больные этого не забыли, как и те, кому они дороги. Мне поручено сообщить, что ты будешь не один в этом страшном месте, иначе рассудок твой не выдержит и ты впадешь в безумие, как случалось со многими до тебя.

— Что? Неужели сюда пришлют еще одного несчастного?

— Да, но чье общество, как считают, будет тебе приятно. А теперь мне пора идти.

Тюремщик поспешно удалился, и Хиан не успел спросить, когда приведут нового узника. Дверь темницы затворилась, а Хиан, не медля, принялся за еду — со вчерашнего вечера, когда он поужинал на барке перед приходом в Танис, во рту у него не было ни крошки.

Насытившись, Хиан погрузился в печальные раздумия. Ему было ясно, что отец твердо решил уничтожить Братство Зари, похитить Нефрет и против ее желания сделать своей женой. Теперь, после того, как волею коварной судьбы он увидел, сколь она прекрасна, ничто не сможет отвратить его от задуманного. И все же Хиан знал: этому не бывать, ибо Нефрет предпочтет смерть. Ах, если бы он мог предупредить всех, если бы дух его перенесся в их обитель и поведал о грозящей опасности! Если бы он обладал этой таинственной силой, коей обладают Рои и избранные члены Общины. Разве сегодня утром, когда он стоял перед фараоном в зале Совета, он не почувствовал, как Рои вдохнул в него веру? Но ведь и его, Хиана, обучали таинству общения душ — так это называли его братья, хотя сам он никогда еще не пробовал установить такое общение.

Хиан приступил к таинству, соблюдая весь положенный ритуал и припомнив все положенные молитвы.

— Слушай меня, святой отец! — горячо зашептал он. — Страшная опасность грозит царице и всем вам! Скройтесь или уходите, ибо я в западне и не могу помочь вам.

Снова и снова вызывал он в своем воображении образы Рои и Нефрет, всем сердцем повторяя эти слова, покуда вовсе не обессилел от борения души и, несмотря на пронизывающий холод темницы, не покрылся испариной. И тогда на него вдруг сошел странный покой, и ему показалось, что посланные им стрелы предупреждения достигли цели, что весть услышана и понята.

В полном изнеможении Хиан заснул.

Как видно, проспал он долго, потому что, когда проснулся, свет за решетчатым оконцем в куполе уже померк, и Хиан понял, что наступила ночь.

Дверь отворилась, вошел тюремщик, неся полные снеди корзины, следом за ним в темницу шагнул какой-то человек, одетый, как и Хиан, в темный плащ с капюшоном. Незнакомец склонился в поклоне и, не произнеся ни слова, стал в углу.

— Прими, царевич, слугу, который послан тебе в помощь. Ты увидишь, что это хороший и верный человек, — сказал тюремщик.

Затем он собрал остатки трапезы Хиана, зажег светильники и, оставив их гореть, вышел из темницы.

Хиан бросил взгляд на кушанья и вино, затем на закутанную в плащ фигуру в углу и сказал:

— Не хочешь ли подкрепиться, мой брат по несчастью?

Новый узник откинул капюшон.

— Уверен, что я где-то встречал тебя раньше! — воскликнул Хиан.

Узник подал знак, на который Хиан ответил положенным знаком.

Тогда пришедший сделал еще несколько знаков, а Хиан произвел ответные и затем произнес начало заветной фразы, которую человек в плаще, впервые заговорив, завершил еще более тайным речением.

— Разве ты не хочешь есть, жрец Зари? — четко выговаривая слова, еще раз спросил его Хиан.

— Дабы вкусить пищу земную, я ем хлеб. Дабы наполниться соками жизни, пью вино, — ответил незнакомец.

Теперь Хиан окончательно уверился, что перед ним его собрат по Общине, ибо он произнес привычные слова освящения пищи.

— Кто ты, брат? — спросил Хиан.

— Я — Тему, жрец Общины Зари, которого ты, писец Раса, видел в Храме Сфинкса всего лишь раз, в тот день, когда ты прибыл с посланием от Апепи. Тогда я не знал, что ты принял посвящение в наше Братство, писец Раса, если это твоё настоящее имя.

— Это не настоящее мое имя, и тогда я еще не был посвящен в Братство, жрец Тему, кто, как я думаю, и есть тот посланник, которого всемудрый Рои отправил с письмами к Апепи, царю Севера. До нас дошли слухи, что ты умер от болезни, жрец Тему.

— Нет, брат мой, просто Апепи захотел держать меня заложником. Умри я, мой дух, отлетая от тела, оповестил бы Рои о моей смерти.

— Теперь я припоминаю, что великий пророк так и сказал. Но как и почему ты очутился в моей темнице?

— Ко мне в темницу приходил важный человек и сказал, что я должен помочь в беде своему брату. Себя он не назвал, но даже если и назвал, я забыл его имя, как мы, братья Общины, забываем многое. Не сказал он мне и кому я должен помочь, но я догадался — мы, братья Общины, о многом догадываемся. Я вижу на твоей руке царский перстень, писец Раса. И этого достаточно.

— Вполне достаточно, жрец Тему. Но скажи, с чем ты послан ко мне? В таком месте, как это, даже самому фараону вряд ли понадобился бы слуга.

— Не слуга, брат, но товарищ и... спаситель.

— О да, они бы очень пригодились, в особенности последний. Только,

мне кажется, даже сам Рои не сумел бы отворить эту дверь или пробить эти стены.

— Сумел бы, и без особого труда, писец Раса, только теми путями, которые нам неведомы. Вера должна владеть нами, и тогда даже я сумею сделать то же самое, хотя мне это будет куда труднее, и я выберу другой путь. Выслушай же меня. В течение многих дней, что я провел в темнице, укрепляя свою душу молитвами и размышлениями, я время от времени наставлял моего тюремщика, скромнейшего человека, направляя его на путь истины. Так, в конце концов умом и сердцем он обратился к нашей вере, и я пообещал ему приобщить его к ней, как только настанет благоприятное время. В благодарность он открыл мне один секрет, и поскольку ни он и ни кто другой не войдут сегодня в нашу темницу, я кое-что покажу тебе сейчас, брат Раса. Прошу тебя, помоги мне сдвинуть с места этот стол.

С большим трудом они отодвинули в сторону тяжелый, вытесанный из цельной каменной глыбы стол. Затем Тему достал из складок плаща кусочек папируса, на котором были начертаны какие-то знаки и линии. С помощью этих знаков брат Тему сделал несколько замеров и наконец отыскал на неровном, грубо вымощенном полу нужный камень. Уперев ладонь в его шероховатую поверхность, он стал раскачивать его вправо и влево, как видно чтобы освободить какую-то пружину или болт. И вдруг камень наклонился, открыв прорубленный в скале лаз; на стенках его через равные промежутки были выбиты уступы, по которым ловкий и сильный человек вполне мог бы спуститься; лаз уходил далеко вниз, так что дна даже не было видно.

— Это колодец? — спросил Хиан.

— Да, брат, колодец смерти или что-то вроде, — это мы узнаем позднее. Одно могу сказать: все оказалось так, как описал мне тот важный господин, чье лицо было скрыто покрывалом, ибо это он дал мне план, сказав, чтобы я доверился тюремщику и поступил так, как он велит мне.

— А как же наставлял тебя тюремщик, Тему?

— Он сказал, что надо спуститься по этим зарубкам, брат, до самого дна лаза, а оттуда в сторону ответвится дренажный туннель; дальше надо идти по этому туннелю до самого выхода в каменной дамбе, ограждающей Нил. Под этим выходом или, скорее, устьем дренажного туннеля будет ждать нас лодка и в ней рыбак — ведь ночью ловится самая крупная рыба. Мы должны спуститься в эту лодку и уплыть поскорее и как можно дальше, прежде чем откроется, что темница пуста.

— Мы отправимся в путь сейчас же? — спросил Хиан.

— Нет, брат, подожди еще час, так мне было сказано, хотя я и не знаю, почему. Поэтому помоги мне прикрыть лаз, только не очень дави на камень, а то сломается пружина; и давай поставим на место стол в точности так, как стоял он прежде. Как бы какой-нибудь начальник стражи или надзиратель не нанесли нам визит, хотя тюремщик и заверил меня, что никто не придет.

— Так и сделаем, Тему. Кто знает, что кому взбредет в голову.

Они поставили камень на место, выдернув из корзины с провизией кусочек тростника и воткнув его в оставленную щель между плитами, чтобы камень не лег слишком плотно, а затем подвинули на прежнее место стол. И возобновили прерванную трапезу. Едва они принялись за еду, как Тему наступил под столом Хиану на ногу и глазами показал на дверь.

Хиан бросил взгляд на дверь, и хотя не услышал ни звука, ему показалось, что он видит прильнувшее к решетке бескровное, бледное лицо с горящими глазами, уставившимися на них. Кровь заледенела у Хиана в жилах. Мгновение спустя лицо исчезло.

— Это был человек? — шепотом спросил Хиан.

— Быть может, человек, а может, и призрак, брат, потому что я не слышал шагов, а где еще призракам жить, как не тут?

Затем он встал и, взяв полотняную салфетку, которой была накрыта корзина, заткнул ею решетку.

— А это не опасно, брат? — спросил Хиан.

— Опасно-то опасно, да только еще опаснее, если кто-то будет за нами подглядывать.

Хиану казалось, что час этот никогда не кончится. Каждое мгновение он ждал, что дверь откроется, кто-то войдет и обнаружит щель между камнями. Однако никто не вошел, и они так не поняли, померещилось ли им, или и вправду кто-то смотрел на них сквозь решетку.

— Куда ты направишься, брат? — спросил Тему.

— Вверх по Нилу, — прошептал Хиан. — Братья наши в страшной опасности, и я должен их предупредить.

— Я так и думал, — сказал Тему.

Он поднялся из-за стола, сложил оставшуюся еду — а было ее куда больше, чем они могли съесть — в две корзины, в которых все и принесли; корзины были сплетены из тростника и имели ручки, поэтому их можно было повесить на руку.

— Пора, брат, — сказал Тему. — И да не покинет нас вера!

С минуту они стояли молча, мысленно вознося молитву Духу, которого почитали, прося его о помощи и указании; таков был обычай у членов

Братства: возносить молитву Духу, прежде чем приняться за какое-то дело.

— Я начну спускаться первым, брат Раса, а светильник зажму в зубах — второй нам надо оставить здесь горящим, — в руке же понесу корзину. А ты возьми другую корзину и следуй за мной.

Тему шагнул к двери, вытянул салфетку из решетки, послушал, потом возвратился к столу и, взяв светильник поменьше, зажал в зубах его плоскую ручку. Затем он подлез под стол, толкнул камень так, что край его поднялся кверху, нащупал ногой ступеньку и, протиснувшись в отверстие, начал спускаться вниз. Хиан последовал за ним.

Едва он спустился на три ступеньки, как сделал неосторожное движение и задел угол нависшего над его головой камня, нарушив тем его равновесие. Камень качнулся, сдвинувшись с защелки и освободив пружину, и плотно лег в свой паз. Теперь, даже если бы они захотели, вернуться назад невозможно — снизу камень нельзя было сдвинуть с места. Только тогда Хиану открылось страшное назначение ловушки. Если какого-то несчастного пленника хотели уничтожить, пружина или защелка незаметно для него смещались с упора, а стол сдвигался в сторону. И тогда обреченный узник, в мрачных раздумьях мера шагами темницу, рано или поздно ступал на роковой камень и летел в бездну. Если же несчастного хотели уничтожить поскорее, тюремщики сами сталкивали его в шахту. Хиан содрогнулся при мысли, что так могли бы поступить и с ним.

Все ниже и ниже спускался Хиан по каменному лазу, еле освещаемому маленьким светильником, который брат Тему держал в зубах. Нелегкое это было путешествие; шахте, казалось, нет конца, но вот Тему крикнул, что ступил на дно. Минутой позже рядом с ним на белой колышущейся гряде, которая захрустела у них под ногами, был и Хиан. Он поглядел вниз и понял, что они стоят на пирамиде из костей несчастных, которые упали сами или были сброшены в страшную шахту. Более того, некоторых, судя по всему, сбросили сюда не так давно — свидетельством тому был тяжелый тлетворный дух, наполнявший каменный колодец. В памяти Хиана всплыли лица его прежних друзей, которые навлекли на себя гнев фараона и, как было сказано ему, Апеги изгнал их из своих владений. Теперь Хиан понял, в какую страну они были изгнаны.

— Уведи меня поскорее отсюда, Тему, — взмолился Хиан, — иначе я задохнусь либо лишусь чувств.

Тему поспешно повернул направо, следуя данным ему указаниям, и, опустив светильник пониже, чтобы не угодить в какую-нибудь яму, стал пробираться по такому узкому и низкому проходу, что приходилось идти, согнувшись вдвое, а плечи скребли стены. Они прошли по извилистому

ходу шагов пятьдесят, и Тему сообщил шепотом, что видит впереди свет; Хиан посоветовал ему загасить светильник, чтобы никто их не заметил. Тему потушил светильник, и они с еще большей осторожностью стали пробираться дальше, пока наконец не очутились у небольшого круглого отверстия, пробитого в стене, выложенной из массивных плит, выходявшей на Нил; наверху, на площади, мощенной такими же плитами, стоял дворец; внизу, на расстоянии в два человеческих роста, поблескивали в звездном свете темные нильские воды.

Высунув головы в отверстие, они посмотрели вниз, направо и налево.

— Реку я вижу, но не вижу лодки, — сказал Хиан.

— Если вся эта сказка оказалась правдой, появится и лодка, можешь в том не сомневаться, брат. Да не покинет нас вера! — отозвался Тему, кого боги наделили доверчивой душой, и повторил эти слова, когда они прождали еще полчаса.

— Всей душой надеюсь, что так и будет, — сказал Хиан, — иначе нам, пока не рассвело, придется пуститься вплавь, а крокодилов в этом месте видимо-невидимо, они кормятся тут отбросами из дворца.

Только он это сказал, как до их слуха донесся плеск весел, и в густой тени, падающей на воду от стены, они увидели небольшую парусную лодку, направлявшуюся в их сторону. Под устьем дренажного стока лодка остановилась. Человек, сидевший в ней, забросил леску, потом глянул вверх и тихонько свистнул. Тему ответил ему таким же тихим свистом, после чего человек в лодке стал тихонько напевать какую-то песенку, как напевают всегда рыбаки, а под конец негромко вывел:

— Прыгай, рыба, в мою лодку!

Хиан выбрался из отверстия и, нащупывая ногами и руками неровности стены, — уж это он умел! — вскоре благополучно спустился в лодку. Тему сначала бросил в Нил светильник, чтобы никто не обнаружил его, затем тоже начал спускаться по стене, но не очень-то ловко и, не подхвати его Хиан, свалился бы в воду.

— Помогите поднять парус, — обратился к ним рыбак. — С севера дует сильный ветер, значит, придется плыть на юг. Выбора у нас нет.

Хиан стал помогать рыбаку натягивать парус и тогда яснее разглядел его лицо. Это был его тюремщик.

— Скорее! — воскликнул рыбак-тюремщик. — Я вижу огни, они движутся к Нилу! Быть может, уже обнаружили, что темница пуста, вокруг столько соглядатаев.

Хиан припомнил бледное лицо с горящими глазами, прильнувшее к решетке.

Хозяин лодки оттолкнулся веслом от стены, ветер надул парус, еще немного, и лодка быстро заскользила посередине Нила.

— Ты поплывешь с нами, друг? — спросил Хиан их спасителя.

— Нет, царевич, у меня жена и ребенок, как же я брошу их?

— Боги вознаградят тебя!

— Я уже вознагражден, царевич. Знай же, что за эту одну ночь я заработал больше, чем за десять долгих лет, а кто заплатил — пусть останется в тайне. И не опасайся за меня — у меня есть надежное убежище, только вот для тебя оно не годится.

С этими словами он направил лодку поближе к противоположному берегу, на котором виднелось большое скопление убогих лачуг.

— Плывите своим путем, и пусть ведет вас дух-хранитель, — сказал тюремщик. — Вот тут смотаны лесы и все, что нужно для рыбной ловли, есть в лодке и одежда, какую носят рыбаки. Оденьтесь в нее прежде, чем рассветет, к этому времени вы уже будете далеко от Таниса, — лодка плывет быстро. Прощайте и помолитесь за меня вашим богам, так же как и я помолюсь за вас. Сядь за руль, царевич, и держись середины реки, там в ветреную ночь вас никто не разглядит.

Дав все наставления, тюремщик прыгнул за корму. С минуту голова его темным пятном выделялась над водой, затем исчезла.

— Это добрый, хороший человек, хотя и выполняет злую работу, и я рад, что он встретился на моем пути, — проговорил Хиан.

Глава XVI Смерть Рои

Напористый северный ветер дул всю ночь, не утихая, и на рассвете лодка, в которой плыли Хиан и Тему, была уже далеко от Таниса. Однажды они заметили позади огни на воде и решили, что это погоня, но огни вскоре исчезли. Еще до того как рассвело, они отыскиали в лодке рыбацкую одежду, о которой сказал им тюремщик, и переоделись, так что весь оставшийся путь их принимали за рыбаков, которые то ли везли свой улов на рынок, то ли продали всю рыбу и возвращались домой в дальние деревни. Хиан хорошо умел и грести и править, и путешествие их прошло благополучно, хотя на следующую ночь их обогнало несколько больших барок.

Издали заметив эти суда, они спустили парус, подгрести к берегу и, укрывшись в прибрежном тростнике, переждали, пока все барки не уплыли вдаль. В темноте они не смогли разглядеть, что это за барки, однако до них долетели слова команды и пение, и Хиан подумал, что, должно быть, это военные суда, полные солдат, но откуда и куда они плывут, он не знал. Он только вспомнил о том, что слышал во дворце Апепи, когда вернулся в Танис, и почувствовал страх.

— Скажи, чего ты опасаясь, брат Раса? — будто читая его мысли, спросил Тему.

— Я опасаясь, что они опередят нас и мы не успеем предупредить наших братьев. Довольно нам играть в загадки, Тему. Я, кого ты называешь писцом Расой, не кто иной, как Хиан, и еще совсем недавно носил титул царевича Севера; я обручен с царицей Нефрет, которую мой отец Апепи хочет захватить и насильно сделать своей женой. Поняв, что я, отправившись в Общину послом, стал его соперником, он бросил меня в темницу и убил бы меня. Вот почему мы с тобой встретились в том страшном подземелье.

— Все это я разгадал, царевич и брат мой, но что же ты намерен делать теперь?

— Теперь, Тему, я намерен предупредить царицу и наших братьев об опасностях, что грозят им; я хочу сказать им, Апепи задумал похитить ее и уничтожить всю Общину до последнего человека, будь то мужчина или женщина — он поклялся в этом.

— Думаю, нет нужды спешить к ним с этой вестью, царевич, — спокойно ответил Тему. — Рои узнает о таких угрозах скорее, чем может прибыть к нему самый быстрый гонец. Но все же пора в путь, ибо бог с

нами. Да не покинет нас вера, царевич!

Они снова пустились в плавание и вскоре после рассвета увидели вдали пирамиды, а еще немного погодя причалили к берегу неподалеку от пальмовой рощи, где Хиан впервые повстречал Нефрет, облаченную в одежду посыльного.

Здесь они тщательно укрыли лодку. Затем, накинув на себя длинные плащи, которыми неизвестный покровитель снабдил их в тюрьме, и вооружившись мечами, которые нашли на дне лодки, они направились к Сфинксу, а от него — к храму. Вокруг царила тишина, ни один человек не повстречался им на пути. Не видно было и крестьян, обычно трудившихся на плодородных прибрежных землях, посевы же были вытоптаны людьми и бродячими животными. В страхе они вошли через потайной ход в храм и, соблюдая осторожность, добрались до большого зала, где была коронована Нефрет. Здесь стояла тишина, и зал, как им сначала показалось, был пуст, но вот в дальнем его конце Хиан разглядел в тронном кресле на возвышении чью-то фигуру в белых одеяниях, за ней высилась древняя статуя Осириса, бога мертвых. Они поспешно приблизились: Теперь Хиан увидел, что на троне Рои — или призрак его. Он сидел, облаченный в мантию верховного жреца, голова склонена на грудь, длинная белая борода струится по мантии. Казалось, он спит.

— Проснись, благочестивый пророк! — обратился к нему Хиан, но Рои не пошевелился и не ответил.

Тогда они, дрожа, поднялись на помост и заглянули в его лицо.

Рои был мертв. Они не заметили никакой раны, но сомнений быть не могло — тело его застыло, он был мертв.

— Всемогущий Осирис призвал святого пророка к себе, — стараясь сдержать слезы, с трудом выговорил Хиан, — но я верю, что дух его остался с нами. Отправимся же скорее на поиски остальных.

Они обошли весь храм — он был пуст. Пусты были и покои Нефрет. Все здесь стояло на месте, ничего не было потревожено, но Нефрет исчезла, так же как исчезли Кемма и Ру, исчезла и одежда Нефрет.

— Поспешим в город мертвых, — сказал Хиан, — быть может, они укрылись в гробницах.

Они покинули храм и обошли весь некрополь, но не увидели никого, всюду царило безмолвие. Тогда они стали искать следы, но, даже если они и были, стремительный северный ветер замел их песком. Отчаявшись, они присели отдохнуть под сенью второй пирамиды. Рои умер, а все их братья и сестры ушли из этих мест, и Хиан понимал, почему они это сделали. Но куда ушли? Быть может, это они ночью проплыли мимо них на барках? Или

их всех перебили воины Апепи? Если свершилось такое злодейство, почему не осталось на поле брани ни трупов, ни следов крови? Так спрашивали Хиан и Тему себя и друг друга и не находили ответов.

— Что же нам делать, царевич? — спросил Тему. — Кончится все благополучно, в этом не может быть сомнений. Но пища и вода у нас на исходе, и надо нам найти убежище.

— Укроемся в храме, Тему, хотя бы до наступления темноты, — ответил Хиан. — Послушай меня, я уверен, что кто-то предупредил братьев Общины, что Апепи решил напасть на них, потому они и исчезли.

— И я так считаю, но куда они направились?

— За помощью к вавилонскому царю. Почтенный Тау намекал мне, — да и великан Ру тоже, — что если они узнают об опасности, то отправятся в Вавилон. Теперь я не сомневаюсь, что так они и сделали. А значит, мы должны последовать за ними, хотя без проводников и вьючных животных, чтобы было на чем везти провизию и воду, мы погибнем.

— Отбрось страхи, царевич! — бодрым голосом отвечал Тему. — Да не покинет нас вера! Мы, братья Общины Зари, никогда не останемся без помощи. Разве не вызволили нас из подземелья дворца Апепи? Разве не прислали лодку, чтобы мы спаслись от погони? Так оставят ли нас одних после того, как мы приплыли сюда с другого конца света? Не оставят, говорю тебе. Верь мне, мы найдем друзей, потому что братья нашей Общины живут во всех землях, среди всех народов, они признают нас по условным знакам и поделятся с нами всем, что имеют сами: едой, вьючными животными — всем, в чем мы нуждаемся, а затем переправят к братьям в другом племени. Скажу тебе больше: у меня имеется много золота, его дал мне тот важный вельможа, чье лицо было скрыто под покрывалом, тот наш покровитель, который посетил меня в темнице в Танисе, а затем послал к тебе. Когда он давал мне это золото и драгоценные камни, — да, и драгоценные камни у меня тоже есть, — он намекнул мне, что, быть может, мне и моему товарищу придется пуститься в дальний путь и, если это случится, золото и камни пригодятся нам, покуда мы, спасаясь от гнева некоего царя, не найдем себе надежную защиту в далекой стране.

Хиан слушал, и в сердце его вливалась храбрость; не иначе как неунывающий Тему послан ему самими Небесами, думал он.

— Та настоящий друг, — сказал Хиан, — с тобой не страшно и в беде. Скажи, как ты обретаешь спокойствие и что дает тебе душевную силу, брат?

— Вера, царевич, — отвечал ему Тему, — со временем и ты обретешь и силу и спокойствие в нашем Братстве. С того самого дня, когда в Танисе

Апепи повелел схватить меня и бросить в подземелье, ни дня, ни часа я не предался страху. Не боюсь я и сейчас. Не случилось на моей памяти, чтобы с братом Общины Зари произошло что-то нехорошее, когда он исполняет поручение. Всемудрый прорицатель Рои умер, — увы, это так, — но произошло это потому, что пришло ему время умереть, или же он по собственной воле ушел из земной жизни, ибо сделался слишком стар и ему трудно было пуститься в дальний поход. Но священная мантия его теперь на плечах Тау и других, дух его с нами; нет таких преград, которые остановили бы свободный дух благочестивого пророка Рои, кто шествует теперь рядом с богом.

В конце концов они порешили, что не станут продолжать поиски, — они устали и должны отдохнуть, а также подкрепиться пищей; Тему было известно о тайниках, где спрятана провизия на случай осады или другой опасности. Они отправились обратно в храм Сфинкса, где мертвый Рои правил так же, как правил он, когда был жив. У края большой, вымощенной камнем площади, на которой возвышалась пирамида Хафра, Хиан вдруг остановился — ему показалось, что в царящей здесь глубокой тишине он услышал чьи-то голоса. Покуда он гадал, откуда они могут доноситься, из-за небольшой пирамиды, стоящей по соседству — усыпальницы царского сына или дочери, — выбежал негр. Он бежал, опустив голову, не отводя глаз от песка, — так чернокожие идут по следу.

— Оба прошли в эту сторону, господин, — крикнул он кому-то позади него, — с час назад, не больше!

Только тут Хиан понял, что негр высматривает его с Тему следы, а они и вправду недавно обошли вокруг маленькой пирамиды. Кровь похолодела у него в жилах, и он застыл на месте, не зная, что предпринять, а в это время из-за угла малой пирамиды вышел целый отряд в сорок или пятьдесят человек — стражники фараона. Хиан узнал их по одежде и оружию.

— Это они плыли по Нилу, они охотятся за нами, царевич, — спокойным голосом произнес Тему. — Надобно скрываться, иначе они убьют нас.

В эту самую минуту негр заметил их и указал копьем в их сторону, после чего стражники с громкими криками точно наконец выследили зверя, кинулись к ним.

Но Хиан уже понял, что надо делать.

— Следуй за мной, Тему, — сказал он и, круто повернувшись, бросился бежать обратно к пирамиде Хафра, хотя на этом пути им предстояло пробежать на близком расстоянии от преследователей.

Тему осознал всю опасность положения, но, пробормотав: «Вера! Только вера!» — устремился за ним.

Солдаты в удивлении остановились, подумав, что те, кого они ловят, решили сами сдаться; но когда Хиан с Тему, не останавливаясь, пробежали мимо них, они снова пустились в погоню. Хиан и за ним длинноногий Тему пробежали вдоль южного основания пирамиды и повернули к восточной ее грани, а преследователи в это время подбежали к западной. Так быстро неслись Хиан и Тему, что, когда стражники достигли восточной стороны, они потеряли преследуемых из виду, а те уже в это время мчались вдоль северной стороны. Солдаты остановились, ожидая негра, чтобы он указал им, куда бросаться.

А Хиан на бегу искал глазами ту упавшую с пирамиды плиту, от которой надо было начинать подъем. Камней тут было много, но наконец он заметил плиту, узнал ее. Крикнув Тему, чтобы он не отставал, Хиан начал подниматься на пирамиду, что для него не составляло труда.

— О, боги! Что я — козел? — задыхаясь, пробормотал Тему. — Да не покинет нас вера! — воскликнул он и с отчаянной решимостью полез наверх. Один раз он чуть было не сорвался, но как раз в этот миг Хиан оглянулся и успел схватить его за волосы.

Но верное ли он взял направление? Хиан не успел отсчитать плиты, пока поднимался, а все они похожи одна на другую. Хиан решил, что проскочил нужное место, и остановился, стараясь припомнить, что говорила ему и показывала Нефрет. Он стоял, не двигаясь, и тут вдруг, словно по какому-то волшебству, большая каменная глыба дрогнула и повернулась, открыв перед ним вход в туннель, в глубине которого горел светильник. Хиан прыгнул в раскрывшийся ход, даже не успев удивиться происшедшему чуду, и поспешно втащил туда же Тему, потому что из-за угла выбежал охотник-негр и, хотя был еще далеко, заметил их на стене пирамиды, пусть потом стражники ему и не поверили. Потому-то Хиан и устремился так поспешно в открывшийся ход — он услышал крики негра и понял, что они обнаружены. Но почему камень открылся сам собой, не западня ли это?

Едва беглецы миновали ребро каменной глыбы, как она быстро и бесшумно, так же как и открылась, стала на место; Хиан услышал лишь лязг задвинувшегося засова. Тяжело дыша, он огляделся и в нише, где, как объясняла ему Нефрет, должна была храниться пища, различил в слабом свете светильника очертания человеческой фигуры. Человек выступил вперед и поклонился.

— Приветствую тебя, господин, — сказал он. — Поистине

удивительна мудрость жрецов Общины, ибо они предупредили меня, что ты можешь вернуться в наши края и прийти сюда как раз в это время; вот почему я зорко следил за тем, что происходит внизу.

Теперь, когда глаза Хиана привыкли к полутьме, он узнал говорившего, это был не кто иной, как Хранитель пирамид, учивший его подниматься на них.

— Но как же ты мог следить сквозь каменную стену, друг? — с изумлением спросил Хиан.

— Очень просто, господин. Подойди сюда, и я покажу тебе. Ляг на пол и погляди в эту дырочку, а если хочешь увидеть что-то подальше, погляди вот в эту.

Хиан лег и обнаружил, что дырочки эти — отверстия узких каналов, которые были так искусно выведены на поверхности пирамиды, что наблюдатель изнутри мог видеть, что происходит у ее основания, а если использовал другое отверстие — и то, что делается вдали. Так Хиан увидел, как подбежали запыхавшиеся стражники и охотник, размахивая руками, стал им показывать, что беглецы поднялись на пирамиду. Начальник стражи, похоже, очень разгневался — видно, он решил, что все это выдумки черного охотника, — так разгневался, что ударил негра древком копья. После чего негр помрачнел, как всегда случается с негром, когда кто-то ударит его, и, распростершись на песке, не произнес больше ни слова. Стражники сами пустились на розыски. Некоторые даже пытались подняться на склон, но один солдат покатился вниз и, как видно, больно ушибся, потому что когда его относили от пирамиды, он громко стонал. После этого солдаты не иначе как решили искать беглецов среди гробниц. Начальник же и его помощники сели в кружок и стали держать совет. Совещались они до самой темноты, а затем разожгли костер и расположились вокруг него на ночлег.

Наглядевшись на все это, Хиан обратился к Хранителю с просьбой рассказать, что случилось с Братством Зари и почему только один он оказался внутри пирамиды.

— Слушай мой рассказ, господин, — начал Хранитель. — Спустя несколько часов после того, как ты уплыл вниз по Нилу с письмами для царя Севера, общинный Совет получил какие-то вести. Откуда и каким способом они были получены, мне знать не дано, ибо я не из тех, кто посвящен в тайны Общины; быть может, лазутчик доставил их или было знамение Небес, сказать не могу. Но вот что затем произошло: вся Община собралась вместе, и тогда было решено, чтобы женщины, дети и старики, которым трудно пускаться в долгий путь, отправлялись через пустыню на

юг, к месту погребения священных быков Аписов; только вот должны они там остаться или уйдут дальше, того я не знаю. Отправились они в путь той же ночью, а наутро их и след простыл; видно, укрылись на дневные часы у друзей Общины в назначенных местах, где их никто не выдаст.

— Но что случилось с госпожой Нефрет и ее приближенными, друг?

— Всю ту ночь они готовились к походу, господин, а на рассвете выступили, держа путь на восток; они взяли с собой палатки и нагрузили провизией множество ослов. Они также извлекли из склепа саркофаг, в котором, как я понимаю, покоится набальзамированное тело царицы, матери нашей теперешней царицы Нефрет. Один лишь член Общины остался здесь, кроме меня, и этот человек — благочестивый пророк Рои.

— Почему же и ты не ушел вместе со всеми, Хранитель?

— По двум причинам, господин. Первая та, что Хранитель пирамид дал клятву никогда, что бы ни произошло, не покидать пирамид. Из рода в род здесь жили и умирали мои предки, здесь будут жить и умирать мои потомки, покуда восходит в небо солнце и не рассыпались в пыль пирамиды. И еще одно было нам сказано: покуда мы храним пирамиды и верны нашей клятве, роду нашему обещана жизнь, но если мы нарушим клятву, наш род оборвется.

— Ты дал хорошее объяснение, почему ты остаешься здесь, Хранитель, несмотря на опасность и одиночество.

— Да, господин, и есть еще одна причина, не менее важная. Прежде чем покинуть эти места, госпожа Нефрет призвала меня и, говоря со мной как царица, дала поручения. Она сказала, чтобы я тотчас же позаботился о том, чтобы ниша в пирамиде Ур Хафра, тайну которой я знаю так же, как и они, была заполнена провизией, свежей водой, маслом, вином, чтобы были там кремни и запас дров для костра, а также другие необходимые вещи. Что, позаботившись обо всем, я должен постоянно находиться в этой пирамиде и наблюдать, что происходит внизу, и если придешь ты, — она, мне кажется, не сомневалась, что ты придешь сюда, я должен спрятать тебя здесь и заботиться о тебе, защищая от врага. Еще она приказала, — и это повторил господин Тау, — сообщить тебе, что она вместе со всей Общиной бежала в Вавилон к своему прародителю, славному царю Дитана, который еще жив и прислал своих послов, чтобы приветствовать ее как царицу Египта. И еще она сказала, что я должен уговорить тебя, едва ты появишься здесь, не медля бежать в Вавилон, где ты найдешь убежище и спасешься от гнева Апеги.

— Благодарю царицу за заботу и наставления, — сказал Хиан. — Одно для меня загадка: как узнала она, что судьбой предначертано мне оказаться

в этом месте?

— Думаю, всевидящий пророк Рои знал обо всем и сказал ей, господин, ибо для него равно было открыто как настоящее, так и будущее, разница лишь в том, что одно он видел глазами своей плоти, а другое — глазами души.

— Может быть, Хранитель. Но как могло случиться, что Рои сидит в храме на троне мертвый? Знаешь ли ты о его кончине?

— Господин, я знаю все. После того как старики, женщины и дети отправились в путь, Рои собрал в большом зале храма Общину, там же были царица Нефрет и святейший Тау. Я тоже был в зале. Удивительные слова сказал нам благочестивый пророк: что должны мы отправиться в Вавилон без него, потому что он уже слишком стар для таких путешествий. Люди сказали ему, что понесут его весь долгий путь в носилках, но он покачал головой и ответил так: «Будет иначе, ибо настало для меня время умереть в этом мире и перейти в другой, где я буду охранять вас и ждать, когда истекут ваши земные часы. Но покуда Осирис не призвал меня к себе, я останусь здесь». Люди заплакали, а Рои дал знак Тау приблизиться, и когда тот опустился перед ним на колени, произнес тайные мистические слова, посвящая его в сан пророка Общины Зари и передавая ему власть над телами и душами людей, а затем оваял его своим дыханием и поцеловал. После этого он позвал к себе нашу царицу Нефрет и велел ей не печалиться, ибо ему дано знать, сказал он, что все окончится как она того желает и, несмотря на все опасности, тот, кого она любит, в конце концов вернется к ней, ибо боги охраняют его. После чего он поцеловал ее и благословил, а затем благословил всю Общину и каждого в отдельности члена Совета, завещая им свято хранить тайны Общины и блюсти ее учение в чистоте и строгости. Если же придется им, защищая свою царицу и сестру по вере, во имя праведных целей пролить кровь, он отпускает им этот грех, ибо иной раз только война может принести мир; когда же война окончится, они должны являть милосердие и жить в скромности и умеренности, как жили прежде. Дав такие наказы, он отпустил всех и никому больше не сказал ни слова, только вручил Тау письмо для вавилонского царя и еще одно послание ко всем членам Общины, живущим в других землях.

— А что случилось потом, Хранитель?

— Один за другим члены Общины стали подходить к благочестивому Рои и, преклонив колени, прощаться с ним, а попрощавшись, покидали зал, — на заре они выступали в долгий путь. Когда все ушли, Рои огляделся и, заметив меня, спросил, почему я не ушел вместе со всеми. Я сказал ему о

наказе Нефрет, он же ответил, что она хорошо распорядилась и что я должен ухаживать за ним до самой его смерти. После чего он сошел с трона и в первой же келье поблизости лег на ложе. Там я навещал его днем и вечером, а носил сюда еду, воду и другие припасы из храмовых кладовых ночью, чтобы никто не заметил меня. На четвертый день под вечер я закончил свою работу и пошел к всеумудрому пророку, чтобы дать ему воды, потому что еду он больше не принимал. Он выпил, а потом приказал мне помочь ему облачиться в его одеяние верховного жреца. Затем по его просьбе я проводил всеумудрого в зал и помог сесть на трон; в руке он держал священный жезл.

«Выслушай меня, — сказал он мне, — к нам пришел враг. Апепи приказал своим воинам стереть нас с лица земли. Я вижу, как они высаживаются на берег, вижу, как сверкают на солнце острия копий. Брат мой, спрячься здесь поблизости и наблюдай. Знай, что ты никак не пострадаешь, и после всего, что произойдет здесь, уходи и выполняй то, что тебе поручено».

Надо тебе сказать, господин, если ты еще не знаешь — брат же Тему знает наверняка, — что в храме нашем есть множество тайников, где лишь огонь или молот могут обнаружить человека; мы же, члены Общины, знаем об этих тайниках и можем в них укрыться, если нас к тому вынуждают. В один такой тайник я и спрятался, неподалеку от возвышения, где сидел Рои; кому придет в голову, что внутри недвижимой статуи древнего бога стоит живой человек и зорко смотрит сквозь пустые каменные глазницы?

Истек, быть может, час, потому что, когда я пришел в храм, солнце еще стояло высоко в небе, а теперь лучи его, проникнув сквозь западное окно, падали на Рои и трон, на котором он сидел, и словно окутали его багряной мантией. Тишину вдруг нарушили какие-то звуки, шум все нарастал, и вот уже явственно слышал я топот бегущих, хриплые, грубые голоса.

— Сюда, сюда! — слышались крики. — Вот оно — гнездо белых крыс, которые скоро станут красными! А ну, посмотрим, отвратят ли они своим колдовством копья фараона!

Множество воинов, сверкая доспехами и вскинутыми копьями, ворвалось через большой проход в зал. Тишина древнего храма, по-видимому, поразила их, потому что они вдруг остановились и смолкли, а потом начали продвигаться вперед медленно, теснясь друг к дружке, точно рой пчел. И тут как раз багряные лучи солнца осветили Рои, сидящего на троне, — в белой мантии, с золотым жезлом в руке. Воины замерли.

— Призрак! — вскричал какой-то воин.

— Нет, это сам Осирис с жезлом власти, — отозвался другой.

Начальники в нерешительности совещались, пока наконец один, как видно, похрабрее других, не сказал:

— Неужто испугаемся мы колдовства? Это все их хитрости! Ну-ка, глянем на него поближе.

И он, а за ним и другие подошли к возвышению.

— Этот старый бог мертв! — крикнул он. — Неужто воины испугаются мертвеца?

И тут вдруг Рои заговорил глухим загробным голосом, который эхом разносился по залу.

— Что есть жизнь и что есть смерть? — спросил он. — И как узнаешь ты, осквернитель святынь, мертв бог или жив?

Воин в страхе отпрянул назад и ничего не ответил.

— Что ищешь ты в этом святом месте, о человек, жаждущий крови, и кто послал тебя сюда? — продолжал Рои.

Воин набрался храбрости и отвечал:

— Фараон Апепи, наш правитель, послал нас, он приказал нам захватить в плен Нефрет, дочь Хеперра, который был когда-то царем Юга, и предать мечу всех жрецов Общины Зари.

— Схватите Нефрет, помазанницу божью, царицу обеих земель, если сумеете отыскать; истребите жрецов Общины Зари, если найдете их. Обыщите гробницы, обыщите пустыню, и когда найдете их, отрубите им головы и принесите их Апепи, гиксосскому псу, которого вы называете царем, а вместе с ними приведите и красавицу Нефрет, Ее Величество царицу Египта.

Военачальник не произнес ни слова, и Рои продолжал:

— Ищите, ищите, вы найдете лишь песок и ветер. Ищите до тех пор, покуда не падет на вас меч божий.

И тут, словно набравшись храбрости из глубин своего ужаса, военачальник закричал в ответ:

— Ну а ты-то, старый пророк, ты ведь не бог и не меч карающий, и тебя не надо искать. Вот тебя мы и доставим фараону Апепи, и еще живого. Пусть он вздернет тебя на воротах Таниса, обманщик и колдун!

И тогда залитый багряными лучами заходящего солнца, величественный и устрашающий Рои поднялся с трона. Медленно протянул он свой жезл, указывая на того воина.

— Пророком ты назвал меня, — начал он холодным, ясным голосом, — пророк я и есть. Слушай меня, человек, и передай эти слова своему хозяину, гиксосскому вору Апепи. Слушай и ничего не забудь! Это ты, а не я будешь висеть на пилоне ворот Таниса. Так будет. Это ты мертвый будешь

качаться на ветру, ты, из-за кого покинул эти места достойный народ; это твой труп растерзают гиксосские псы; ты испытаешь на себе ярость Апепи, так же как на Апепи падет гнев божий. Передай ему то, что говорю я, Рои, пророк Общины Зари: смерть уже приближается к нему, нарушителю клятв, к тому, кто жаждет крови невинных, и не в Танисе будет он разговаривать с Рои, а в преисподней, пред троном Осириса. Скажи ему, что воинство его скосит меч Мстителя, как косят жнецы колосья, и тот, кого он хочет умертвить, сядет на его трон и обнимет ту, кого он сам домогается. Скажи ему, что, когда он стоял здесь, в этом зале, закрыв лицо и выдавая себя за гонца, я узнал его сразу, но пощадил, ибо тогда еще не пробил его час и потому, что мы, достойные братья Общины Зари, не в пример гиксосским ордам, помним о долге гостеприимства и никогда не станем пятнать руки кровью гонцов и посланцев. Скажи ему, нарушителю клятв и предателю, что и сам он отопьет из чаши предательства, а от зла, что посеял он, другие пожнут жатву справедливости и мира.

Так сказал Рои и снова опустился на трон.

— Хватайте его! — крикнул военачальник. — Хлещите его плетьюми, терзайте его, пока он не скажет нам, куда он спрятал Нефрет. Ужасным будет наше возвращение в Танис, если мы придем без той, к кому обратил свое сердце наш властитель.

Тогда, господин, очень медленно — сделают шаг и остановятся, — кое-кто из воинов двинулся вперед, уж очень они были напуганы. Наконец они подступили к возвышению и взобрались на него. Самый первый, не коснувшись Рои, взглянул в его лицо и отпрянул назад.

— Он мертв! — закричал он. — Пророк мертв, у него отвисла челюсть!

— Он умер, — откликнулся кто-то из зала, — но проклятье его пало на нас. Горе нам! Горе Апепи, которому мы служим! Горе! Горе!

Крик этот отдавался от стен, а в это время солнце вдруг село, и храм погрузился в темноту. И тут, господин, раздался другой крик: «Скорее вон отсюда! Скорее, скорее, а то проклятье поразит нас в этом страшном месте!»

И они бросились бежать, господин. Они заполнили узкие проходы. Одни падали, другие топтали их, я слышал страшные стоны, но они выволокли и тех, кто упал, не знаю уж, мертвых или живых. В храме никого не осталось. Я выбрался из моего тайника, поднялся на помост и взял руку благочестивого Рои. Она была холодна и, когда я отпустил ее, безжизненно упала; я послушал его сердце — оно не билось. Тогда я последовал за воинами, не показываясь им, потому что знал, как пройти

незамеченным; я видел, как они в страшной спешке, теснясь и ругаясь, погрузились на барки и отплыли, хотя дул сильный ветер. Когда на рассвете я снова пришел на берег, их уже не было, только, я думаю, какая-то барка перевернулась, потому что к берегу прибило трех утопленников, которых я столкнул подальше в воду.

Так, господин, отошел в мир иной наш всемудрый пророк Рои, который покоится сейчас на груди Осириса.

— Странную ты поведал историю и страшную, — промолвил Хиан.

— Поистине, — вставил свое слово Тему, — однако в ней я усматриваю волю Небес. И если таково начало, каким же будет конец, царевич? Горе Апепи, горе тем, кто служит ему! Да не оставит нас вера!

Глава XVII Судьба беглецов

В ту же ночь Хиан, Тему и Хранитель пирамид, утолив жажду и голод, устроились на ночлег в склепе фараона Хафра; Хиан лег по одну сторону саркофага, Тему — по другую, а Хранитель, сказав, что ему, простому человеку, не позволено осквернять своим присутствием священное место, — за порогом. Только одно дело — лечь, а другое — заснуть. Заснуть Хиан не мог. То ли от непомерной усталости — столько ночей он провел почти совсем без отдыха, в лодке все время греб и боялся глаза сомкнуть. Или опасности, которых он избежал, все, что он выстрадал, увидел и выслушал, не давали успокоиться, и Хиан снова и снова возвращался мыслями к пережитому. А может, давила жара и духота склепа — в самой сердцевине каменной горы нечем было дышать.

Возможно, были и другие причины. В огромном саркофаге, возле которого лежал без сна, в глубоких раздумьях Хиан, покоились останки великого фараона, возведшего эту пирамиду; бесчисленное множество лет назад был он велик и всемогущ теперь же ничего не осталось от него — ни в истории, ни на земле, только кости в этом саркофаге, пирамида да несколько статуй в храме, изображающих его во всем царском величии.

И вот он, Хиан, кто носит сегодня на пальце тот самый перстень, которым тысячелетия назад этот покинувший земной мир правитель скреплял государственные акты, — он делит с великим фараоном его смертное ложе! Но дозволено ли это ему и не грозит ли за то страшная кара?

Все еще бодрствующий Хиан гадал, видит ли сейчас *Ка* или двойник фараона, который, как известно, — во всяком случае, так утверждают жрецы и ученые мужи, — обитает в его теле в гробнице до самого часа воскрешения, — видит ли *Ка* этот перстень и задается ли вопросом, как он попал в руки чужеземца? Этот перстень уже навлек на него беду, припомнил Хиан; ревность удваивает подозрительность, и именно перстень навел Апепи на догадку о том, что Хиан и Нефрет полюбили друг друга; потому он и бросил сына в подземелье. Он спасся из одной темницы, чтобы оказаться в другой, думал Хиан, но если ему суждено разделить ее с *Ка* могущественного Хафра, она может оказаться не менее опасной, чем первая, ибо разве возможно обмануть *Ка*? Подумай он об этом раньше, — а ему это по неосторожности и в голову не пришло, — он бы спрятал перстень от Апепи; но куда его спрячешь от *Ка*? Но, может, сам Хафра

отдал ему, кто явился на землю столько лет спустя, этот перстень, переходивший от поколения к поколению и вот теперь перешедший к нему, Хиану, вполне законным путем? Если так, тогда *Ка* простит его.

Тут мысли Хиана спутались и потекли в другую сторону, несерьезные, безрассудные мысли. Больше он не думал ни о *Ка*, ни о перстнях, он думал о той красавице, с которой они в этом самом склепе обменялись клятвой верности. Где она сейчас и когда он найдет ее? Хранитель пирамид поведал ему предсмертное пророчество *Рои*: они с *Нефрет* снова встретятся! Как утешительны эти слова! Хотя, быть может, *Рои* хотел сказать, что встретятся они в другом мире, — похоже, старый пророк, в особенности в последнее время, не отделял жизнь от смерти. Но он, Хиан, мечтает о живой женщине, а не о призраке, ведь неизвестно, как любят призраки и умеют ли они вообще любить. Как удивителен этот рассказ о смерти *Рои*, из последних сил обрушившего проклятия на *Апепи* и тех, кто посмел вторгнуться в святилище Братства *Зари*, кто хотел истребить всех членов Общины и похитить их сестру и царицу! Хиан поблагодарил богов, что *Рои* не проклял и его вместе со всеми гиксосами. Нет, напротив, он благословил его так же, как и *Нефрет*. А значит, благословение пребудет с ними, ибо *Рои* — посланец Небес, которому ведома их воля.

Да, *Рои* благословил их, и светлый дух благочестивого пророка, вознесшийся в вечность, охраняет сейчас его, Хиана; дух этот могущественнее *Ка Хафра*, могущественнее всех злых духов и демонов, обитающих в склепах. Подумав так, хотя и страшна была ему эта гробница, хотя стерегли его враги, Хиан успокоился, отвел взор от качающейся тени, отбрасываемой на сводчатый потолок светильником, и заснул.

Тяжкий воздух склепа нагонял дурные сны, но все же Хиан спал, пока его не разбудил *Тему*, который завозился по другую сторону саркофага и громко зевнул.

— Поднимайся, царевич, — сказал *Тему*, — верно, уже наступил день, хотя разве отсюда разглядишь, что там на воле?

— Что значит день для тех, кто поселился в вечной тьме пирамиды, как будто они уже умерли? — хмуро отозвался Хиан.

— Очень много значит, — весело ответил *Тему*, — потому что днем ты знаешь, что снаружи светит солнце. А тьма имеет свои удобства: так, во тьме, поскольку больше делать нечего, ты можешь всецело отдаться долгой молитве.

— Но от солнца, что светит другим, мне мало радости в этом душном мраке, *Тему*, а молюсь я проникновеннее всего, когда вижу небо у себя над головой.

— Можешь не сомневаться, скоро ты снова увидишь его, потому что воины, потеряв нас, конечно же, поплыли к своему правителю — сообщить ему, что мы улетучились словно духи.

— Вот тут-то Его Величество и обратит в духов их самих — пусть, мол, тогда отыщут нас в мире ином. Можешь не сомневаться, если и отправилось куда-то его войско, то только не в Танис, поскольку нас они с собой не прихватили. Призадумайся, брат. Мы совершили побег из самой страшной, самой неприступной темницы фараона. Царица Нефрет и все Братство, кроме Рои, который по собственной воле остался здесь умирать, ушли от его войска. Подумай, как он отнесется к тем, кто сообщит ему, что они напали на наш след и пустились в погоню, да только вдруг мы куда-то исчезли? Нет, Тему, нас они не схватили, а значит, им нельзя возвращаться в Танис.

В эту минуту со светильником в руке появился Хранитель.

— Ушли воины? — спросил его Тему.

— Пойдемте, сами увидите, — ответил Хранитель и, повернувшись, повел их по проходам. — Смотрите, — сказал он, указывая на глазки в кладке стены.

Хиан приник к отверстию, и сначала его ослепил яркий свет, льющийся снаружи, но вот глаза его привыкли к нему, и тогда он различил воинов — пятьдесят, а то и больше, — занятых постройкой хижин и укрытий из камней, во множестве лежавших вокруг пирамиды. Хиан приник к отверстию ухом и услышал, как кто-то — как видно, из главных — окликнул воина, — его Хиану не было видно, — и стал спрашивать, какие вести получены от отрядов, которые ведут наблюдение за другими сторонами пирамиды. Поняв, что гиксосская стража уверена в том, что дичь, за которой они охотятся, укрылась в пирамиде, и приготовилась сторожить день и ночь до тех пор, пока голод и жажда не выгонят беглецов наружу, Хиан знаком подозвал Тему, чтобы он тоже взглянул, а сам сел на каменный пол и тяжело вздохнул.

— Ясно, они собираются здесь осесть надолго, — немного погодя сказал Тему, — иначе они не стали бы строить себе дома из камня. Только мы их перехитрим. Да не покинет нас вера!

— Пусть не покинет, — сказал Хиан. — Но даже и веру надо чем-то питать, так что давайте-ка подкрепимся хлебом насущным.

Так для троих затворников началось тяжкое испытание. День следовал за днем, а гиксосские стражники не уходили, выжидая, как кот выжидает добычу; прибыли новые отряды, в них нашлись умельцы лазать по скалам

и горам; с помощью бронзовых копий и веревок они поднимались на пирамиду, пытаясь обнаружить убежище царевича. Напрасные старанья. Случалось, они карабкались над самым тайником, и все равно не могли его обнаружить, а даже если бы и обнаружили, то не сумели бы повернуть камень — тяжелый засов накрепко запирает его изнутри. И все же гиксосы не уходили: они знали, что рано или поздно беглецам, если они еще живы, придется выйти наружу.

Хиан и его товарищи спали теперь не в самом склепе — там было трудно дышать и мерещились всякие ужасы. Так что на вторую ночь все трое устроились возле поворотного камня, где сквозь глазки просачивался хоть какой-то свежий воздух и проникали слабые лучики света. Прикинув глазом к пробитой в скале скважине, которая уходила кверху и открывала обзор южной стороны соседней пирамиды. Хиан увидел и звезду над ней. Теперь по ночам он не сводил с нее глаз, пока она не гасла в небе; непонятно почему, но звезда эта приносила ему покой. Все остальное время им приходилось лежать в темноте или загораживать глазки, чтобы свет изнутри не выдал их; по этой же причине и есть приходилось в глубине прохода. Еды у них было вдоволь, но день шел за днем, и она словно потеряла вкус, потому что они сидели в духоте и совсем не двигались. И вода тоже стала отдавать затхлостью, а пить много вина они не решались.

И вот отвага и спокойствие духа начали покидать Хиана. Погрузившись в мрачные, как само чрево пирамид, раздумия, он сидел час за часом, не произнося ни единого слова. Даже Тему, хотя и призывал по-прежнему не терять веру, то и дело напоминая своим товарищам о Рои и его пророчестве, хотя и молился усердно и подолгу, но и он порядком утратил былую жизнерадостность и заявил, что тюремное подземелье в Танисе — просто дворец в сравнении с этим проклятым склепом. Хранитель же стал вести себя настолько странно, что Хиан решил, что тот тронулся умом. Особенно бесило Хранителя, что гиксосы осмеливаются карабкаться на пирамиду, которая доверена его надзору, он только об этом и говорил. Хиан попытался было хоть немного утешить его, высказав предположение, что высоко гиксосы все равно не поднимутся даже с помощью всех своих приспособлений, поскольку они не знают, где можно найти опору, и никогда не обнаружат это место.

Как видно, слова эти запали Хранителю в голову, потому что, выслушав их, он стал молчалив и, похоже, о чем-то упорно размышлял. На следующую ночь, перед самым рассветом, он разбудил Хиана.

— Я кое-что задумал, царевич, — сказал он. — Не спрашивай меня ни о чем, но завтра на закате освободи поворотный камень и жди. Если я не

вернусь на рассвете, снова задвинь засов и тогда уж не числи меня среди живых.

Больше он не сказал ни слова, а Хиан даже не попытался остановить Хранителя, потому что знал: тогда он совсем потеряет рассудок. Они приоткрыли немного ход, а затем, поев и выпив вина, Хранитель скользнул в щель и исчез во тьме.

Звук задвигаемого засова разбудил Тему, который в тревоге вскочил.

— Мне приснилось, что камень открылся — и мы вышли на свободу. Но что это — где же Хранитель? Ведь он лежал рядом со мной...

— Камень и вправду приоткрывался, Тему, хотя на свободу мы не вышли. Но Хранитель что-то задумал и отправился выполнять свое намерение. Только вот что он задумал, он мне не сказал. По-моему, он просто не мог больше оставаться в этом склепе и предпочел смерть на воле, а может, и просто волю.

— Если так, царевич, значит, наш запас воды увеличился и, уж конечно, все это к лучшему, что бы там ни произошло. Да не покинет нас вера! — Так ответил Тему, а затем лег и снова погрузился в сон.

Тот день прошел как и все другие. О Хранителе они больше не говорили: оба считали, что побег его удался или же он спрятался где-то в расщелине, чтобы дышать свежим воздухом. Да и было им не до разговоров, страдания их настолько усилились, что они молча сидели, как совы в клетке, уставившись в темноту широко раскрытыми глазами. Под вечер Хиан, посмотрев в глазок, заметил, что к лагерю верхом на прекрасных лошадях подъехало несколько бедуинов, гиксосы тут же окружили их и стали покупать молоко и зерно, а потом некоторые бедуины спешили, и поставив на голову кувшин или корзину, понесли их к жилищам воинов. Когда торги закончились, гиксосы, как показалось Хиану, принялись рассказывать жителям пустыни, по какой причине они разбили тут лагерь, потому что те обратили взоры на пирамиду и, как видно, о чем-то спрашивали гиксосов; судя по взволнованным лицам и нетерпеливым жестам, история эта их заинтересовала. Рассказы и расспросы все еще продолжались, когда солнце стало быстро уходить за горизонт, как это всегда бывает в ясном небе Египта, и тут вдруг один из бедуинов, протянув руку в сторону пирамиды, закричал:

— Смотрите, смотрите — Дух пирамид! Вон он во всем белом стоит на самом верху!

— Нет, он во всем черном! — воскликнул другой.

— Их два! — отозвался третий. — Один в белом, другой в черном. И не духи это, а царевич Хиан и жрец — не в пирамиде они прятались все это

время, а на ее вершине.

— Вот глупец, — слышался чей-то голос, — да разве возможно, чтобы люди столько времени прожили в таком месте? Призраки это, и сомневаться нечего. Нам ведь говорили, что по пирамидам этим бродят призраки. Смотрите! Он смеется над нами и делает какие-то знаки!

— Призраки или живые люди, — раздался голос военачальника, — но завтра мы схватим их. Сегодня уже темно и ничего не получится.

Тут все воины заговорили разом, и Хиан не мог разобраться, что они говорят. Он заметил лишь, что бедуины хранят молчание. Они сидели на своих конях и держались на некотором расстоянии от гиксосских воинов, а тот, кто, судя по всему, был у них за жоака, делал какие-то непонятные знаки руками: то широко раскидывал их в стороны, то сводил над головой, так что соприкасались кончики пальцев. Быстро спустилась ночь, вокруг стало темным-темно, громкие выкрики стихли, лишь какой-то гул несся от костров, вокруг которых сидели гиксосы, — похоже, они что-то горячо обсуждали.

— Тему, — сказал Хиан, — что означает вот такой знак для братьев нашей Общины? — И он сначала широко раскинул руки, а затем, образовав петлю над головой, свел кончики пальцев.

— Это крест жизни, наши братья подают такой сигнал, когда разговаривают на дальнем расстоянии и хотят узнать, кто вдали: друг, враг или просто незнакомый человек.

— Так я и подумал, — произнес Хиан и замолчал. Затем он стал пробираться к поворотному камню и отодвинул засов, который служил надежным запором.

Спустя примерно час с небольшим слышался легкий скрежет, и в то же мгновение лицо Хиана овеяла приятная ночная прохлада, хотя в темноте он ничего не мог разглядеть. Затем он услышал стул легшего в паз засова и голос Хранителя, окликнувшего его по имени. Хиан отозвался, и они начали двигаться навстречу друг другу по проходу; в том месте, где горел светильник и помещались еда и вода, они встретились.

Хранитель припал к воде, а когда вдоволь напился, Хиан спросил его, где он был, хотя уже и сам обо всем догадался.

— На вершине пирамиды, господин. Сегодня я поднялся туда до рассвета, в полной темноте. Опасное это дело, настолько опасное, что я не решился просить тебя пойти вместе со мной, хотя ты не менее искусен в лазании, чем я. И все же, хотя я и ослаб от неподвижности, пока мы сидели тут, я не испытывал страха — путь на вершину знаком мне до мельчайшей зазубрины, к тому же, куда Хранитель пирамид выполняет свои

обязанности, с ним не может случиться ничего другого.

— Для чего ты пошел туда, Хранитель?

— Я скажу тебе, господин. Прежде всего я хотел, чтобы эти псы гиксосы поверили, что мы находимся не внутри пирамиды, а на самой ее вершине или в какой-то расщелине возле нее; а даже если они этому не поверят, просто пугнуть их, может, от страха они и уберутся восвояси. Они, уж конечно, слышали рассказы о Духе пирамид и о том, что тех, кто взглянет на него, ждет смерть или безумие, и значит, увидев его однажды, они не захотят подвергнуться этой опасности снова. Есть и еще одна причина моего поступка, которая касается меня одного и, может быть, не найдет у тебя одобрения. Гиксосы доставили сюда хорошо обученных подъему на горы своих воинов с тем, чтобы они одолели эту пирамиду, мою пирамиду, на которую из века в век ступала нога лишь тех, в ком текла кровь моих предков, если не считать ту, имя которой нам известно, и тебя самого; вас же двоих допустил к пирамидам Совет Общины. Сколько бы их там не обучали, этих колченогих псов, до вершины им не добраться, в этом я уверен. Но завтра они попытаются сделать это — их заставят, и, надеюсь, то, что случится с ними, послужит примером последующим поколениям варваров: они оставят пирамиды в покое, только мы — я и мои потомки — будем подниматься на них.

— Но это месть, Рои не одобрил бы твои помыслы, — покачав головой, сказал Хиан. Затем, вспомнив, что пирамиды для этого человека — такая же святыня, как храм для жреца, и любой, посягнувший на эту святыню, по его глубокому убеждению, заслуживает смерти точно так же, как человек, осквернивший храм, Хиан не стал больше говорить о пирамидах, а попросил Хранителя продолжить рассказ.

— К рассвету, господин, я благополучно добрался до вершины и распластался в небольшой выемке, которую ты знаешь, — в том месте, где откололся кусок верхнего камня. Солнце пекло нещадно, но я не осмеливался даже пошевелиться, боялся, как бы меня не заметили снизу. Как я выдержал, и сам не знаю, но я дождался заката. Тогда я поднялся во весь рост и встал на вершине во всем белом. Снизу меня увидели. Стражники прямо застыли от удивления, а я опять скользнул в выемку, набросил поверх белых одежд мой черный плащ их верблюжьей шерсти и снова появился на вершине, только чуть согнул колени, чтобы гиксосам показалось, что теперь стоит кто-то другой, ниже ростом. Так я проделал не один раз, господин, чтобы гиксосы уверились: если не призраки, то это ты и жрец Тему стоите на вершине пирамиды.

— Умно придумано, — сказал Хиан и впервые за все долгие гнетущие

дни рассмеялся, — однако я не совсем понимаю, чем это может помочь нам?

— А вот чем, господин. Если гиксосы уверились, что вы с Тему находитесь на вершине пирамиды, они прекратят следить за склонами и обыскивать их, и по ночам глаза часовых будут также прикованы к вершине. Но могу сказать тебе и кое-что еще. Стоя на вершине, я заметил у подножья пирамиды группу всадников, мне показалось, что это жители пустыни — бедуины, и я подумал, что они, как видно, продают или продавали гиксосам молоко и зерно. Это удивило меня, поскольку ведь хорошо известно, что бедуины не осмеливаются переходить границы нашей Священной земли, дабы не постигла их кара небесная и не пало на них проклятие жрецов Общины Зари. И тогда пришла мне в голову одна мысль, посланная, как я думаю, свыше, и я сделал вот что: один из бедуинов, как видно, их вожак, подняв лицо кверху, смотрел на меня, и я сделал ему руками знаки, которые известны членам нашей Общины, а также, наверно, и тебе, господин, потому что ты теперь принадлежишь нашему Братству.

Хиан утвердительно кивнул, а Хранитель продолжал:

— Этот бедуин ответил на мои знаки, господин, и другой, что стоял рядом с ним, повторил ответ, я думаю, чтобы показать мне, что это не случайно. Так я узнал, что они — наши друзья и посланы сюда нам на помощь, а также понял, почему мой дух повел меня на вершину пирамиды.

— Если это так, что же будет дальше, Хранитель? — спросил Хиан охрипшим от волнения резким голосом; сердце у него горячо забилося от надежды и перехватило дыхание.

— А вот что, господин. Завтра, на закате, я снова появлюсь на вершине, и если бедуины, как я предполагаю, все еще будут внизу, я подам им другие знаки и укажу им место, где они должны будут в полночь ожидать нас, с лошадьми наготове. Затем я вернусь сюда и провожу вас к ним, ибо, я уверен, они знают, куда вам скакать.

— Это рискованно, — отозвался Хиан, — но пусть будет так, потому что, если мы еще останемся в этом склепе, я умру. Лучше встретить судьбу лицом к лицу, и как можно скорее, чем медленно погибать в этой дыре.

Затем они позвали Тему и держали совет втроем. Хранитель и Тему долго говорили о тайных знаках Общины и не один раз проделали их при слабом свете светильника.

Той ночью, незадолго до рассвета, Хранитель опять ушел на вершину. Хиан и Тему, едва рассвело, припали к глазкам. Гиксосы были явно чем-то обеспокоены, а семь человек с веревками и скальными крюками собрались

вместе и что-то обсуждали с начальниками.

В конце концов, с большой неохотой, как показалось Хиану, эти семеро направились к подножью пирамиды, и, приложив ухо к глазку, Хиан различил скрежет крюков по стене пирамиды. Затем довольно долгое время он не слышал ничего, только видел, что гиксосы внизу не отводят от пирамиды глаз, переговариваются и показывают на что-то.

Вдруг раздался полный ужаса крик. Одни словно замороженные не отводили глаз от пирамиды, другие закрыли глаза, третьи бросились бежать прочь. Глазок на мгновение потемнел, словно что-то загородило свет. Тут гиксосы бегом кинулись к пирамиде, и вскоре Хиан и Тему увидели, как они понесли к хижинам три каких-то бесформенных предмета, которые только что были людьми. Немного погодя они увидели оставшихся в живых четверых, что спустились с пирамиды. Они шли, спотыкаясь, а подойдя к хижинам, бросили свои веревки с таким видом, точно навсегда с ними распрощались, и ушли куда-то в сторону.

— Пирамиды жестоко карают тех, кто воображает, что может одолеть их, и пусть возрадуется их Хранитель, — печально произнес Хиан, подумав про себя, что, не возьми его под защиту какая-то высшая сила, они отомстили бы и ему, и это чуть было не случилось.

Снова стало клониться к горизонту солнце, и в лагерь на своих красавцах конях приехали бедуины. Снова раздались обеспокоенные выкрики воинов, и они в страхе стали показывать на вершину пирамиды, а посреди этой суматохи тот, кто, по всей видимости, был у бедуинов главным, отъехал чуть в сторону и назад, так, чтобы гиксосы его не видели, и время от времени стал вскидывать вверх руки и двигать ими то в ту, то в другую сторону, как делают на восходе и на закате солнца почитатели небесного светила. Спустилась ночь, гиксосы расположились вокруг пылающих костров.

Но вот они вскочили и, приставив ладони к ушам, стали прислушиваться к какому-то звуку и тут же по двое, по трое поспешили к хижинам и другим укрытиям, как будто чего-то вдруг испугались. Немного погодя скрипнул поворотный камень, и в проход скользнул Хранитель. На этот раз он попросил себе не воды, а вина.

— Я чуть было не попал в царство Осириса, — сказал Хранитель. — Поскользнулся на кровавом следе одного из этих глупцов, которые решили, что могут добраться до вершины. И все же я не сорвался, ибо храним высшими силами, а дальше все прошло благополучно.

— Только не для тех троих, что уже мертвы, — с тяжелым вздохом

сказал Хиан.

— Мертвы не по моей вине, господин. Безумцы! Не зная пути, они поднялись на две трети высоты, а там начинается мраморная гладь, где не за что зацепиться ни руками, ни ногами. Один заскользил вниз и увлек за собой других, потому что они обвязались одной веревкой, остальные же, увидев, какая участь постигла их товарищей, отказались от своей безумной затеи и спустились на землю.

— Что же произошло потом? — спросил Хиан.

— То, что и накануне: когда солнце уже скатывалось за горизонт, я появился на вершине и, делая вид, что просто размахиваю руками, как, считается, размахивают призрак или дьявол, стал подавать сигналы бедуину, который, судя по всему, у них главный. Он отвечал мне. Мы поняли друг друга. А когда стало совсем темно, я начал выкрикивать проклятия гиксосам. Я сообщил им, что я — дух пророка Рои и что близок их страшный конец. По-моему, они поверили, что это дух Рои говорит с ними с Небес, и в страхе, ползком убрались в свои хижины, откуда теперь и не выйдут, пока солнце не поднимется высоко в небо, уж можете мне поверить! А теперь выпейте-ка по кубку вина и следуйте за мной.

Глава XVIII Нефрет прибывает в Вавилон

Тот, кто был известен под именем писца Расы, посланец царя Севера Апепи, получив обручальный перстень от своей невесты, царицы Нефрет, плыл на корабле в Танис, навстречу тяжким испытаниям, а тем временем в храме Общины Зари случились события, которые Хранитель пирамид описал впоследствии Хиану и жрецу Тему.

Едва Раса, который на самом деле был царевичем Хианом, покинул те места, как в храм Общины Зари прибыло переодетое бедуинами посольство Дитаны, старого царя Вавилона. Эти знатные люди были тайно приняты Советом Братства; поклонившись прорицателю Рои, они поднесли ему глиняные таблички, покрытые незнакомыми письменами.

— Прочти, Тау, — сказал Рои, — зрение мое слабеет да к тому же забываю язык, родной тебе.

Тау взял табличку и начал читать:

От Дитаны, царя Вавилона, царя царей, чья слава подобна сиянию Всемогущего Солнца, посланье Рои, пророку благочестивому, другу небес, прорицателю Общины Зари; а тому, кто ближе всех к Рои, первому из братьев Общины Зари, кого в Египте называют Тау но кого, как я, Дитана, слышал, прежде в Вавилоне величали наследным царевичем Абешу, законному сыну плоти моей, с коим рассорился я, ибо упрекал он Мое Величество за возмездие, что я учинил своим подданным, и кто бежал вслед за тем и, как полагал я, давно мертв, — мой поклон. Знайте, о Рои и Тау, или Абешу, что я получил сообщения ваши обо всем, что происходит в Египте, и о том, что ты, Абешу, жив. Известно также мне желание дочери моей, Римы, которую выдал я за Хеперра, фараона Юга и по праву наследования царя всего Египта, чтобы останки ее возвращены были в Вавилон и там похоронены. Прочел я и о том, что дочь ее Нефрет тайно коронована как царица Египта и теперь ищет помощи моей, чтоб отобрать трон у врага моего, Апепи, захватчика, что правит в Танисе.

Вот что я, Дитана, отвечаю тебе, благочестивый Рои, и тебе, царица Нефрет, внучка моя: ступайте ко мне, в Вавилон, вместе с сотоварищами. В этой стороне, клянусь именем бога моего Мардука, повелителя Небес и Земли, а также богами Набу и Бела и всеми другими богами, коим я поклоняюсь, вы будете в безопасности. Силой моих рук вы будете ограждены от всяких зол, и мы поразмыслим обо всем, что следует сделать.

А тебе, кого называют Тау, говорю я: приезжай тоже, и если сможешь воистину доказать, что ты сын мой, царевич Абешу, я, кто оплакивал тебя много лет, дам тебе все, что ты пожелаешь, кроме одного — права наследовать трон мой, который обещан другому. Если же солгал ты, не приходи, ибо ты непременно умрешь.

Останки же дочери моей Римы, чей супруг погиб от рук волка Апепи, я похороню торжественно в усыпальнице царей, где она высказала желание лежать. Не откажу я ей и в посмертной молитве, если Нефрет, внучка моя и царица, исполнит одно мое желание.

Скреплено печатью Дитаны, великого царя, и печатями советников его.

Окончив чтение, Тау поднес письмо ко лбу, а затем отдал его Нефрет, сидевшей на троне, в окружении членов Совета. Она также приложила письмо ко лбу и, обернувшись к Тау, спросила:

— Как случилось, почитаемый мной Тау, что долгие годы ты хранил эту тайну от меня; ведь если все, что написано здесь, верно, ты — брат моей матери и мой дядя?

При этих словах Нефрет посланники в изумлении поглядели на Тау.

Тот улыбнулся и отвечал:

— О царица и племянница моя, все сказанное здесь — правда, и если нам доведется живыми попасть в Вавилон, я предоставлю доказательства того царственному отцу моему Дитане и его советникам. Я — Абешу, сводный брат царицы Римы. Когда я покинул Вавилон, она была еще младенцем; матери ее я почти не знал, ибо она всегда находилась в окружении царской свиты. Не открылся я Риме и когда мы встретились вновь и я, спасая вас от заговора Апепи, увез ее из Фив; не открылся и тебе, когда достигла ты зрелости, — клятва, которую я принес, став членом Общины Зари, обязала меня сложить все мои прежние титулы и забыть, что я был царевичем. Но клятва эта допускала одно исключение: я мог открыть свое имя, поведать о своей жизни, если это шло на пользу Общине Зари. И наш отец пророк может быть тому свидетелем.

— Да, — сказал Рои, — все это правда. Слушай же, царица и сестра наша, и вы, послы Дитаны. Много лет тому назад один из братьев нашей Общины, теперь давно уже покойный, привел ко мне человека, который сказал, что желает вступить в наш круг; то был благородного облика воин, человек крепкого телосложения, который, как я угадал, пил воду Евфрата. Я спросил его имя, откуда он родом и почему он ищет убежища в нашем Братстве. Он поведал мне, что он — Абешу, царевич Вавилона, и представил доказательство истинности своих слов. Между ним и отцом его,

у которого он был военачальником, произошла ссора из-за подданных, которых царевичу надлежало покарать смертью. Из сострадания царевич отказался выполнить приказ, за что был изгнан из своей страны. Затем он служил другим царям, — на Кипре и в Сирии, — но в конце концов устал от сражений, честолюбие стало претить ему, возлюбленные предавали его, а потому он распрощался с тщеславием, царящим в мире, и в одиночестве решил очистить и насытить душу свою.

Услыхав об Общине Зари, он постучался в наши врата. На просьбу его я отвечал, что нет среди нас места тому, кто лишь для себя ищет спасения и покоя от забот земных. Те, кто принадлежат нашему Братству, должны служить всем людям, и в особенности обездоленным, а также тем, кто опутан цепями греха; люди нашей Общины призваны нести покой в мир, пусть это будет стоить им собственной жизни. Клятва эта налагает на них обязательство жить в бедности; за исключением особых случаев, они также дают обет безбрачия и отрекаются от всех земных почестей. Ибо только так, по нашему разумению, может душа человека вступить в союз со своим богом. А потому, если он станет одним из нас, то превратится в раба самых покорных и должен забыть, что был вавилонским царевичем и предводителем войска; отныне он становится слугой Небес, и уделом его будут занятия, от которых, возможно, отказался бы самый ничтожный идолопоклонник.

И вот, царица, проситель этот надел наше ярмо на свою шею, сложил с себя все титулы и стал известен под смиренным именем Тау. Но из Тау-служителя он превратился в Тау — духовного отца, и после меня, состарившегося пророка, Тау стал одним из самых известных людей в нашем Братстве, признанным во всех землях, но до того дня, когда возникла необходимость открыть это великому царю Дитане, никто не знал, что он — Абешу, вавилонский царевич.

Услыхав этот необыкновенный рассказ, члены Совета встали и поклонились Тау, а за ними поклонились и посланники Вавилона. Нефрет же, которая тоже поднялась, поцеловала Тау в лоб, назвав его любимым дядей, и сказала, что только теперь поняла, отчего была так привязана к нему с самого детства.

Тогда заговорил сам Тау:

— Все, что здесь сказано — правда, и потому я не ищу и не заслуживаю вашей хвалы. Все было сделано мною по зову души, которая извела, что истинная радость — в служении другим и только тем душа приближается к богу. Теперь на какое-то время мне вновь придется вспомнить, что я царевич, и, возможно, стать военачальником. Если так,

пусть мой царственный отец не страшится, что я потребую своей доли от тех, кого он назначил своими наследниками, ибо единственная моя цель и надежда — жить и умереть в Братстве Зари.

В эту минуту человек, который стоял на страже у двери, подошел к Рои и что-то шепнул ему.

— Впусти, — приказал Рои.

В зал Совета вошли трое усталых путников в запыленной одежде; когда они распахнули плащи и жестами приветствовали собравшихся, стало очевидно, что они принадлежат к Общине.

— Всемудрый пророк, — обратился один из них к Рои, — мы прибыли из Таниса, из стана войска Апепи. Нам известно от надежных, тайных друзей нашей Общины, что Апепи готовится напасть на вас, если вы отклоните одно притязание его; тогда всех ваших людей он предаст мечу, а царственную особу похитит, чтобы сделать своей женой. Войско его уже собрано и через несколько дней выступит против вас.

— Мне все это известно, — отозвался Рои. — Пусть придут безумные прислужники Апепи. Я знаю, что сказать им.

Потом он приказал Тау собрать весь народ Общины Зари, чтобы держать совет.

Когда все были в сборе, Рои объявил, что слагает с себя верховное руководство и назначает своим преемником Тау, о чем и рассказал впоследствии Хранитель пирамид Хиану и Тему. Затем он попрощался со всеми членами Общины и благословил их, и те, утирая слезы, удалились, после чего произошло все так, как рассказывал Хранитель пирамид. Некоторые из членов Совета — и среди них Нефрет — хотели насильно унести Рои вместе с собой, но он разгадал их замысел и запретил. Наконец удалились и они, оставив Рои одного, как он пожелал. Печальное это было прощание, и много было пролито слез. Горько плакала и Нефрет, она с младенчества любила Рои, который заботился о ней, как отец родной. Он заметил, что она в горе, и подозвал к себе.

— Владычица Египта, — заговорил он, — сегодня ты лишь зовешься так, но, если провидение меня не обманывает, вскоре станешь ею; знай, тебя и старого отшельника, пророка тайной веры, чье имя исчезнет и которого забудут на земле, — разделяет широкая пропасть. Нас разделяют долгие годы жизни, ибо я очень стар, а к тебе лишь вчера пришла женская зрелость. Да и судьба твоя отлична от той, что была уготована мне; и потому кажется, что нас почти ничто не соединяет. Но это не так, ибо узы любви связывают нас, а любовь, знай же, — единственное, что вечно и совершенно как в Небесах, так и на земле. Время — ничто; кажется, что

оно есть, но оно не существует, ибо в вечности есть ли место времени? Величие и слава, красота и желание, богатство и нужда, все, что мы обретаем и чего лишаемся, даже рождение и смерть — только пузырьки в потоке жизни, что появляются и исчезают. Лишь любовь истинна, лишь любовь вечна. Ибо любовь — бог и, будучи богом, властвует над миром; это владыка с тысячью лиц, который победит всех и сотворит из ненависти мир, а из зла — масло для своей лампы. А потому, дитя, следуй стезей любви, не только той, что известна тебе сегодня, но любви ко всем, даже к тем, кто причиняет зло тебе; в этом и есть истинная жертва, и только так удовлетворится твоя душа. Теперь же прощай — час пробил!

Рои поцеловал Нефрет в лоб и попросил оставить его одного.

Молодая царица на всю жизнь запомнила его последний завет, хотя, быть может, разум ее постиг таинственный смысл сказанного не ранее, чем и она приготовилась последовать в мир теней. Навсегда удержала в памяти Нефрет и облик пророка; в белом одеянии он сидел на почетном месте среди мрачного зала, пронизательным взором глядя во мглу, словно ждал, что кто-то поманит его, подаст знак следовать за собою.

Еще до рассвета процессия человек в пятьдесят или более, не считая тех, кто нес гроб с мумией царицы Римы, тронулась в путь. Двигалась она быстро, тайными тропами; все больные, дети и немощные старцы отправлены были ранее в назначенное потаенное место. Когда взошло солнце, пирамиды остались далеко позади. Тут Нефрет и попрощалась с Хранителем пирамид, который провожал их до этого места, и дала ему все наказы, которые он в точности исполнил.

Нефрет верила, что Хиан вернется к пирамидам и именно у пирамид станет искать ее, как искали Братство Зари Тау и другие, быть может, по зову сердца или восприняв какое-то тайное наставление; она глубоко страдала от того, что нельзя ей дожидаться Хиана, чтобы бежать вместе с ним. Хранитель пирамид поклялся, что исполнит все наставления, низко поклонился Нефрет и ушел назад; скоро пирамиды, которые были ее единственным домом, и вовсе скрылись из виду. И тут впервые за время пути на глаза Нефрет навернулись слезы, ибо она любила пирамиды, которые покорила и где счастье отыскало ее. Кто знает, увидит ли она их когда-нибудь снова!

Путники приблизились к границе Египта, не встретив никаких препятствий; оставив к югу от себя большой залив Красного моря, они благополучно вступили в пределы Аравийской пустыни. По пути через страну они почти что не видели людей, так как местность вокруг была

разорена войной, а заходить в города и деревни они избегали. Даже немногие встречные либо тут же скрывались, либо делали вид, будто ничего не заметили. Как будто действовал чей-то тайный приказ не попадаться им на глаза, хотя, откуда он исходил, Нефрет не знала. Лишь когда путешествие окончилось, ей стало известно, как велика тайная сила скромной Общины Зари.

Наконец беглецы покинули пределы Египта и расположились на ночь в пустыне у колодца. На рассвете Нефрет выглянула из шатра и, заметив верблюжий караван и всадников, направлявшихся к ним, замерла в испуге.

— Похоже, Апеги поймал нас в сеть, — сказала она Кемме, которая тоже глянула вдаль и молча вышла из палатки. Вскоре она вернулась вместе с двумя посланниками из Вавилона; с ними был и Тау.

— Не бойся, царица, — обратился к ней Тау. — Все обошлось. Те, кого ты заметила, — не гиксосы, а войско твоего дела, великого царя Дитаны, посланное, чтобы сопровождать тебя в Вавилон. Взгляни на стяг великого царя, украшенный изображениями богов.

— Да будут благословенны Небеса! — отвечала Нефрет. Но тут ее обожгла мысль, которую она, отведя Тау в сторону, сообщила ему.

— Я не сомневаюсь, так же как и ты, наверно, что царевич Хиан вернется к пирамидам, чтобы предупредить нас об опасности, — сказала она. — Если за ним будет погоня, его спрячут в укромном месте, и тогда ему понадобится помощь. Сможет ли кто-нибудь помочь ему в бедственном положении?

— Я подумаю об этом и посоветуюсь с другими, — сказал Тау, — хотя кое-то я уже предпринял.

Вскоре несколько человек, известных среди жителей пустыни, переодетые бедуинами, — братья друг другу, а так же братья Общины Зари, принесшие клятву служить ей до самой смерти, — оседлав быстрых коней, отправились к пирамидам, чтобы следить за тем, что там происходит.

Затем к Нефрет приблизились военачальник Дитаны и его воины; они поцеловали землю перед ней, приветствуя ее не как царицу Египта, а как вавилонскую царевну. Их допустили в шатер, где покоилось тело царицы Римы; вошедшие опустились на колени, а жрец прочел молитвы и совершил жертвоприношение. После этого подвели много верблюдов, на которые погрузились все члены Общины Зари; для Нефрет и Кеммы была приготовлена колесница. Так все двинулись в путь под охраной вавилонской кавалерии; впереди на быстроногих верблюдах ехали проводники.

Большая военная дорога пролежала через раскаленную Аравийскую

пустыню. В оазисах путников ожидали свежие верблюды и кони; оттого они, хотя и везли с собой мумию царицы Рима, двигались стремительно, почти со скоростью царского гонца; в пути все помогали им и никто не чинил им никакого вреда; по прошествии тридцати пяти дней они увидели перед собой мощные стены Вавилона.

Огромный город, считавшийся одним из чудес света, построен был на обоих берегах великой реки Евфрат, повсюду высились храмы и сверкающие дворцы; город оказался таким большим, что путники ехали весь день через окраины, пока не добрались до его внутренних стен. Тут медные ворота откатились, и с наступлением вечера путников повели по прямым широким улицам, заполненным тысячами людей, с любопытством взиравших на них, пока наконец вся процессия не остановилась у дворца.

Рабы помогли Нефрет подняться к дверям, охраняемым статуями в виде фигур крылатых быков с человеческими головами; Нефрет вступила в удивительные по красоте залы, какие ей никогда не доводилось видеть прежде. Распорядители дворца двинулись ей навстречу, царевичи склонились в поклоне, евнухи и служанки, окружив ее и Кемму, ввели их в покой, стены которого были затянуты узорчатыми тканями и повсюду стояли золотые и серебряные сосуды. После церемонии встречи путниц отвели в комнату для омовений, что было особенно приятно после столь долгих странствий. Никогда еще Нефрет не видела такого прекрасного мраморного бассейна, где вода была подогрета, а когда омовение было закончено и тела уставших путниц умастили маслами и благовониями, их проводили в отведенные им покои, где их ждала изысканная еда и напитки. Обе женщины наконец могли отдохнуть в постелях, застланных вышитыми шелковыми покрывалами; сон их оберегали рабыни и вооруженные евнухи, стоявшие за дверями.

На рассвете Нефрет разбудили женские голоса, певшие гимн богу солнца Шамшу. Она еще немного полежала, размышляя о том великолепии, которым ее окружили, в глубине сердца уже ненавидя его. Царица по положению, по воспитанию своему Нефрет была простой девушкой, она привыкла к вольному воздуху пустыни, к тесным кельям, возможно служившим некогда гробницами, к грубой пище, которую она делила со всем людом Общины. Шелка и украшения, роскошные хоромы, душистая вода для омовений, толпы подбострастных рабов, чуждая изысканная пища, — все это великолепие тяготило ее, вызывая чувство отвращения.

— Няня, — обратилась она к Кемме, чье ложе находилось рядом, — я с радостью очутилась бы сейчас на берегах Нила и встретила первые лучи, посылаемые Ра, которые золотят чело Сфинкса.

— Если б ты вернулась на берега Нила, дитя мое, — отозвалась Кемма, — то первые лучи, посылаемые Ра, золотили бы ворота дворца в Танисе, ставшего твоей тюрьмой, а до твоего слуха доносились бы ненавистные слова любви, обращенные к тебе Апепи. А потому благодари богов, что ты здесь.

— Я видела сон, — продолжала Нефрет. — Мне пригрезилось, будто Хиан, обрученный со мной, в опасности и зовет меня на помощь.

— Сомнения нет, дитя мое, он зовет тебя, где бы он ни находился; сомнения нет и в том, что жизнь его в опасности, — как и у всех нас, хотя, быть может, и не в такой мере. Но что из того? Разве не обещал нам пророк, дед мой, что с ним не случится никакой беды? Выслушай меня. Я тоже видела сон.

Сам Рои, которого, без сомнения, уж много дней нет в живых, окруженный сиянием, явился мне. «Убеди Нефрет, — повелел он, как показалось мне, — смирить сердце свое; ей грозит множество опасностей, но, подобно грозovým тучам, они будут развеяны порывами ветра пустыни, небо над главою ее снова прояснится, и звезды воссияют на нем».

— Прекрасные слова, няня, если только ты и впрямь слыхала их; они дают мне успокоение в этом чуждом, хоть и таком красивом месте. Но смотри, вон идут те толстые большеглазые женщины; они, кажется, несут что-то. Няня, я не хочу, чтобы они касались меня. Я оденусь сама, или ты одень меня.

Женщины приблизились, падая ниц, чуть не на каждом шагу, и сложили дары на столик из яшмы. Перед Нефрет оказались невиданные роскошные одежды, царская мантия, ожерелья и пояса из драгоценных камней; поверх всех этих подношений лежала золотая корона, украшенная крупными жемчужинами.

— Это подарки Дитаны, великого царя, своей внучке, вавилонской царевне и царице Египта, — произнесла по-египетски старшая, снова кланяясь, — соблаговоли надеть все, о царевна Вавилона и царица Египта. Пусть Дитана, царь царей, узрит красоту твою в подобающем виде. Мы, рабыни твои, пришли услужить тебе.

— Тогда потрудитесь передать благодарность могущественному Дитане, моему деду; мне же вы услужите тем, что оставите меня одну, — отвечала Нефрет, набрасывая на лицо покрывало, чтоб более не видеть их.

Когда женщины вышли, — недовольные, некоторые даже в слезах, — Нефрет с помощью Кеммы принялась наряжаться в сверкающие одеяния. Вскоре пришлось позвать назад старшую прислужницу, чтоб та показала, как их следует носить.

Наконец Нефрет была одета, как обычай требует того от вавилонянки, принадлежащей к царскому дому; подали зеркало, чтобы она могла все осмотреть. Глянув на себя, Нефрет в раздражении бросила его на ложе.

— Кто я — египетская девушка или наложница какого-то восточного владыки? — воскликнула она. — Посмотрите на мои распущенные волосы, усыпанные драгоценными камнями! А эти одежды, в которых я с трудом передвигаюсь! Няня, освободи меня от этих ненужных вещей и верни мой белый наряд сестры Общины Зари.

— Дитя мое, — терпеливо отвечала Кемма, — одежды твои запылились дорогой. Ты и так очень хороша, — добавила она удовлетворенно, — хотя и загорела несколько больше, чем надо бы; но корона тебе очень к лицу. Оставь жалобы; ты можешь считать себя сестрой Общины, но тут ты — вавилонская царица. Разве не боишься ты разгневать великого царя, у кого просишь столь многое? Слышишь, они приглашают нас к трапезе. Идем, тебе надо подкрепиться.

— Может, ты и права, няня. Но что потребует великий царь от меня! Об этом никто не скажет, даже Тау, хотя, полагаю, он-то знает.

Тяжело вздохнув и насупившись, Нефрет присела к столу, а Кемма так и не ответила на ее вопрос — то ли не знала, что ответить, то ли по другой причине.

Немного погодя в покой вошел глава евнухов, за ним, низко кланяясь, следовали распорядители двора, причудливо одетые музыканты, придворные дамы, военачальники и стража, состоявшая из темнокожих воинов. Каждый занял назначенное ему место, Нефрет и Кемму они поставили посередине, и процессия, впереди которой выступали музыканты, двинулась куда-то. Миновав коридоры, украшенные статуями, они прошли через обширные залы, пересекли сады и дворы, где струились фонтаны, и, наконец, достигли высокой лестницы; ступени ее вели к дверям просторного внутреннего двора, охраняемым изваяниями быков.

Двор этот не был ничем затенен, и лишь в глубине его — примерно на треть длины — был натянут полог. Здесь было множество людей — такого многолюдного собрания Нефрет никогда не видела, — и все они смотрели на нее. Нефрет и свита прошли вперед меж расступившимися людьми.

Под пологом сгустилась глубокая тень, и поначалу Нефрет ничего не могла разглядеть. Но через несколько мгновений царица увидела, что перед ней собрался весь цвет двора царя Вавилона. Здесь были знатные вельможи и придворные дамы, сидевшие все в одном месте, военачальники при оружии, советники с квадратно подстриженными бородами, церемониймейстеры с жезлами; были здесь и рабы, белые и черные, и кого тут только не было! В центре этого великолепного собрания на изукрашенном драгоценностями троне сидел морщинистый старик с совершенно седой бородой, в диковинном венце на голове; Нефрет догадалась, что это и есть ее дед, царь царей, могущественный Дитана.

Когда процессия ступила под тент, раздался звук трубы, и все придворные, а также сопровождавшие Нефрет люди пали ниц перед царем; даже Кемма распростерлась на земле вместе со всеми. Нефрет же осталась стоять, подобно единственному воину, оставшемуся в живых среди мертвого войска, — словно некий дух повелел ей сделать так. Она глядела на маленького ссохшегося человечка, а он смотрел на нее.

Вновь заиграла труба, и все поднялись; процессия, сопровождавшая Нефрет, двинулась вперед и остановилась у трона. На мгновение воцарилась тишина, затем царь заговорил высоким, резким колосом, а толмач слово в слово переводил его речь на египетский язык.

— Видит ли Мое Величество перед собой Нефрет, дочь моей дочери Римы, царицы, супруги Хеперра, некогда бывшего фараоном Египта? — спросил он, оглядывая ее своими пронзительными, похожими на птичьи, глазками.

— Да, меня зовут так, о великий царь Вавилона, — отвечала Нефрет.

— Так почему же ты не пала ниц пред Моим Величеством, как все эти знатные люди?

Наступило молчание, взоры всех были обращены к Нефрет. И снова будто внутренний голос подсказал ей, что ответить.

— Дед мой, — молвила она гордо, — если ты — царь Вавилона, то я — царица Египта, а Ее Величество не целует прах перед Его Величеством.

— Сказано хорошо и уместно, — согласился Дитана, — но, внучка моя, я полагаю, что ты царица без трона.

— Да, это так, и потому я пришла к тебе, о отец моей матери, могучий царь царей, источник справедливости, — я уповаю на твою помощь. Гиксос Апепи захватил мой трон, а теперь желает сделать меня своей женой, меня, царицу Египта, и так овладеть моим наследством. С большим трудом я избежала плена и вот стою здесь и возношу мольбу к тебе, царю царей, от чьей плоти я выросла.

— Снова хорошо сказано, — одобрительно отозвался старый царь. — Но, дочь Египта, ты просишь многого. Я знаю Апепи и ненавижу его; долгие годы я вел войну с ним, но попытаться теперь пересечь безводную пустыню, даже с могучим войском, не безопасно; это могло бы обернуться бедой для Вавилона. Что в случае удачи обещаешь ты нам, владычица Египта?

— Ничего, о царь, лишь любовь и почтение.

— Ах, вот как; ты лишь просишь, но тебе нечем платить. Я должен созвать совет. А пока, внук мой Мир-бел, будущий царь Вавилона, подведи госпожу и усади ее там, где ей, как царице, надлежит быть, — рядом с моим тронном.

Вперед вышел высокий человек средних лет, в богатых одеждах, в венце; его лицо с черными горящими глазами лучилось силой. Он поклонился Нефрет, пристально разглядывая ее ястребиным взором, вызвав тем ее неудовольствие, а затем произнес вкрадчиво басистым голосом:

— Приветствую тебя, царица Нефрет, сестра моя. Счастлив, что дожид до мгновения, когда увидел тебя, столь царственно прекрасную.

Он взял ее за руку и повел вверх по ступеням помоста к креслу, которое было поставлено для нее по правую сторону от трона. Нефрет села, а Мир-бел, отвесив поклоны ей и царю, возвратился на свое место. На некоторое время воцарилась тишина.

Наконец старый царь заговорил:

— Та сказала, дочь моя, что тебе нечем отплатить нам. Но кажется мне, что ты владеешь многим, ибо владеешь собою: ведь, как я слышал, ты не состоишь в браке. Возьми, царица Египта, — продолжал он неспешно и уверенно, так что Нефрет поняла, что речь эта приготовлена им заранее, — повелителем себе наследника престола Вавилона, чтобы впоследствии объединить обе великие страны в одну. Тогда, быть может, Вавилон будет готов послать войско, чтобы победить Апепи и посадить царицу на трон ее предков. Что ты ответишь на это, дочь моя?

Теперь, когда Нефрет поняла наконец, чего от нее ждали, кровь отхлынула от лица ее. Лишь мгновение она колебалась, вознося в сердце своем молитву о наставлении, как Рои учил ее делать в тяжкую минуту, а затем спокойно ответила:

— Это невозможно, о царь и дед мой, ибо тогда Египет окажется под властью Вавилона; при короновании же я поклялась сохранить стране свободу.

— Затруднение сие преодолимо, дочь моя, и мы поступим так, чтобы обе наши страны были удовлетворены; об этом мы поговорим позднее.

Есть ли у тебя другие доводы против такого союза? Человек, которого мы предлагаем тебе, не только наследник самого большого царства в мире; как ты увидела, он также в расцвете лет, воин и, как я знаю, мудр и добр сердцем; словом, поистине — человек.

— У меня есть и иная причина, царь. Я уже дала обещание.

— Кому же, дочь моя?

— Царевичу Хиану, государь.

— Как же так? Ведь он наследник Апепи, а ты сказала, что Апепи сам желал сделать тебя своей женой?

— Да, господин мой, и потому Апепи и Хиан ненавидят друг друга, — тут она потупила взгляд, — нас же с Хианом соединяет любовь.

При этих словах ее шепот пронесся по собранию, а старый Дитана слегка улыбнулся, как, впрочем, и некоторые другие. Лишь на лице Мирбела отразилось не веселье, а гнев.

— Ах, вот что! — произнес царь. — Где же теперь царевич Хиан? Он прибыл сюда с тобою?

— Нет, государь. Когда последний раз я получила весть о нем, он находился при дворе, в Танисе, и, как говорили, Апепи бросил его в темницу.

— Думаю, там он и останется, если рассказ твой правдив, дитя мое, в чем я не сомневаюсь, — отвечал Дитана.

Нефрет подумала, что все кончено, просьба ее о помощи отвергнута, и в эту минуту вдруг услышала знакомые торжественные звуки одного из похоронных гимнов Общины Зари. Она поглядела по сторонам, чтобы понять, откуда они доносятся, и увидела Тау, за которым шли все члены Братства, провожавшие ее из Египта, а также незнакомые ей люди; все они были одеты в простые белые одежды. В середине процессии Нефрет увидела гроб, который несли восемь человек; Нефрет знала, что под крышкой его покоится мумия матери ее, царицы Римы. Гроб внесли под навес и поставили перед тронном. Жрецы подняли крышку, которая была уже освобождена от скреп, — под ней открылся второй гроб. Те же жрецы сняли вторую крышку, осторожно вынули набальзамированное и спеленутое тело царицы и поставили перед царем; при виде этого все в ужасе отпрянули, ибо вавилоняне не любили смотреть на усопших.

— Чье это тело и почему внесли его туда, где нахожусь я? — негромко спросил царь.

— Твоему Величеству следовало бы, разумеется, знать, — отвечал Тау, — что ныне мертвое тело это некогда явилось на свет от твоей плоти. Здесь, перед тобой, в пеленах, останки Римы, дочери твоей, бывшей

прежде царевной вавилонской и царицей Египта.

Дитана пристально глянул на мумию и, отвернувшись, спросил:

— Что находится на груди этой царственной спутницы богов, каковой она, несомненно, стала теперь?

— Письмо к тебе, о царь, скрепленное ее собственной печатью в ту пору; когда она оставалась еще спутницей живых.

— Прочтите, — приказал Дитана.

Тау перерезал шнурок и развернул свиток, из которого выпало кольцо. Он подал его царю; при виде перстня тот не смог подавить вздоха, ибо хорошо помнил, что сам надел его на палец дочери, когда она уезжала в Египет; царь тогда поклялся, что не отвергнет никакой ее просьбы, изложенной в письме, скрепленном этой печатью.

Тау стал читать на языке вавилонян:

От Рима, бывшей некогда вавилонской царевной и супругой Хеперра, фараона Египта, отцу ее Дитане, царю Вавилона, либо тому, кто воссел на трон после него. Знай, о царь, что я взываю к тебе во имя наших богов, а также будучи одной крови с тобою: отомсти за те беды, что я претерпела в Египте, за убийство моего возлюбленного господина, царя Хеперра. Заклинаю тебя обрушиться всей мощью на Египет и покарать собак гиксосов, погубивших моего супруга и захвативших его наследство; возведи на престол Египта дочь мою Нефрет и убей тех, кто хотел обречь ее и меня на гибель. Знай также, что если ты, отец мой, царь Дитана — либо человек одной со мной крови, кто сменит Дитану на троне, — откажешься исполнить мою волю, я призову проклятье всех богов Вавилона и Египта на тебя и твой народ, и я, Рима, стану преследовать тебя, пока ты жив, и сведу с тобой счеты, когда мы встретимся в преисподней.

Собственной печатью скреплено мною, Римой, на смертном одре.

Эти торжественные слова, казалось произнесенные самой царственной особой, чье мертвое тело явилось теперь перед тронном, заставили сжаться сердца всех, кто слышал их. На некоторое время воцарилась тишина. Потом царь Дитана, чьи глаза до этого мгновенья были устремлены в землю, поднял голову и все увидели, что увядшее лицо его бледно, а губы дрожат.

— Страшные слова! — произнес он. — И что за тяжкое проклятие обрушится на нас, если мы не внемлем этой просьбе? Та, кто произнесла эти слова и скрепила их печатью, некогда данной ей мною вместе с

торжественной клятвой, кто, мертвая, стоит здесь предо мною, была моей любимой дочерью, которую я выдал за фараона Египта. Могу ли я отказать в последней мольбе моей дочери, столь жестоко пострадавшей от руки проклятого Апепи и теперь, несомненно, ждущей от нас ответа?

Он умолк; со всех сторон раздались приглушенные голоса: «О царь, не должен ты поступить так!»

— Верно, не должен. Я, кто вскоре станет тем же, что и царственная Рима, не могу отказать ей, какую бы ни пришлось платить цену. Слушайте все — жрецы, советники, царевичи, правители областей, воины и весь народ: от имени царства вавилонского я объявляю войну гиксосу Апепи, который ныне правит захваченным им Египтом, — войну не на жизнь, а на смерть! Пусть мой указ, который не может быть изменен, запишут и объявят в Вавилоне и во всех наших землях.

Послышался ропот одобрения. Когда все смолкло, царь обернулся к Нефрет.

— Прекрасная царица, внучка моя, просьба твоя и твоей матери услышана, — сказал он. — Посему пребывай здесь в мире и чести, пока приготовления к войне не окончатся; а затем поведи наше войско.

Нефрет сошла с кресла, упала на колени перед царем и, схватив его руку, прижала к губам, — говорить она была не в силах.

Подняв Нефрет, Дитана коснулся ее своим скипетром и поцеловал в лоб.

— И добавлю еще вот что: зная цель, с какой ты прибыла сюда, дитя мое, я вознамерился было выдать тебя за Мир-бела, наследника моего, и взять такую плату за помощь Вавилона. Теперь же я отказываюсь от своего плана; так велит мне сердце, — то ли оттого, что ты просишь об этом, или по другой причине. Ты говоришь, что обещала стать женой царевича Хиана; мне хорошо говорили о нем, хотя по отцу он происходит из дурного рода. Быть может, царевич уже погиб от руки Апепи или умрет вскоре. Если подобное случится, ты, возможно, обратишь свой взор на Мир-бела; это и мое и его желание, но тут я не ставлю тебе никаких условий. Если же Хиан останется жив и ты дождешься встречи с ним, тогда вступайте в брак и примите оба мое благословение. Не гневись, Мир-бел; кто может знать наперед, как распорядятся нами боги? Твое желание сейчас не исполнилось, так извлеки из этого урок: не все подвластно человеку, который сделал для тебя так много. Если царица не достанется тебе, наследник престола Вавилона сыщет другую, кто разделит с ним трон. Исполни мою волю Мир-бел: когда войско выйдет против Апепи, останься здесь охранять меня, дабы какой-нибудь злой бог не подвигнул тебя на

дурное дело.

Зная, что царский приказ, согласно древнему вавилонскому закону, изменен быть не может, Мир-бел тут же удалился, поклонившись сначала царю, потом Нефрет. Прошло много лет, прежде чем царица Египта снова увидела его, потому что, выйдя из дворца, он вскочил на коня и умчался в свой ном, где и оставался до того дня, когда окончилась распря.

Когда Мир-бел ушел, царь в раздумье остановил свой взгляд на Тау:

— Кто ты, жрец?

— Я прорицатель Общины Зари, государь, и зовут меня Тау.

— Я слышал об этой Общине и думаю, что братья ваши живут и в Вавилоне; есть они даже и при моем дворе. Слышал я также, что ты дал приют покойной царице Риме и ее дочери, за что я благодарен тебе. Но скажи, прорицатель, нет ли у тебя другого имени?

— Есть, государь. Некогда меня звали Абешу, я старший законный сын Его Величества царя Вавилона. Много лет назад я вступил в спор с Его Величеством, за что подвергся изгнанию.

— Так я и подумал! И теперь, принц Абешу, ты вернулся, чтоб предъявить права старшего царского сына на трон Вавилона?

— Нет, повелитель, я не прошу ничего, как, возможно, послы уже сообщили Твоему Величеству, кроме, быть может, одного — прощения. Я всего только брат Общины Зари и, будучи им, чужд мирским почестям.

Дитана протянул Тау свой скипетр в знак мира и прощения, Тау коснулся его, как то было в обычае Вавилона.

— Мне хотелось бы узнать больше о твоей вере, которая может убить гордость в сердце человека. Ожидай меня, прорицатель, в моих личных покоях, мы побеседуем с тобой, — сказал Дитана.

Тау отошел в сторону, а Дитана обратился к жрецам:

— Пусть останки моей дочери, царицы, будут снова положены в гроб; отнесите его в нашу усыпальницу, завтра мы устроим царские похороны.

Повеление это было немедленно исполнено; когда процессия проходила мимо Дитаны, тот встал и поклонился, и все присутствующие последовали его примеру. Потом царь взмахнул скипетром, раздался звук трубы, бывший знаком того, что собрание совета окончено. Царь сошел с трона и, подав руку Нефрет, повел ее с собой, сделав Тау знак следовать за ними.

Глава XIX Четверо братьев

Отодвинув засов и повернув камень, Хранитель пирамид с великой осторожностью выбрался наружу; за ним последовали Хиан и Тему. Все трое были закутаны в черные плащи. Они установили камень на место и замерли, озираясь. У едва тлевшего костра сидел одинокий стражник, прочие воины, напуганные тем, что они видели на вершине пирамиды, спрятались по хижинам. Пока стражник оставался на месте, Хранитель пирамид и его спутники не решались спуститься, боясь, что он призовет остальных. Все трое пробирались по каменистому склону, глубоко вдыхая свежий воздух и широко раскрытыми глазами глядя на звезды.

— Ждите меня здесь, — сказал Хранитель пирамид, — я скоро вернусь.

Он уполз в темноту, и вскоре где-то вверху послышался леденящий душу вой, который, казалось, мог исторгнуть лишь злой дух или демон. Среди усыпальниц позади воина откликнулось эхо. Тот встал в нерешительности, а затем бросился бежать и скрылся в одной из хижин.

Появился Хранитель.

— Следуйте за мной, — прошептал он. — Не шумите и поторопитесь.

Полуослепший Тему всегда плохо лазал по камням, а от длительного пребывания в подземелье сделался еще более неловок. Наконец все благополучно спустились на землю. Страж пирамид свернул направо и побежал вдоль основания пирамиды, где тень была особенно густой. Оказавшись в безопасности, спутники бросились через открытое пространство к гробницам. Когда они достигли их, раздался чей-то крик: их заметили. Хранитель бежал, петляя, и Хиан с Тему старались не отстать от него. Но вот они достигли небольшой разрушенной гробницы, за которой, в песчаной ложбине, стояли четыре бедуина, держа под уздцы шестерых коней. Хиана одним рывком подняли в седло; оглянувшись, он увидел, что и Тему уже в седле. Кони словно по команде поскакали вперед. Страж пирамид бежал рядом с лошадей Хиана.

— А ты? — спросил царевич.

— Я остаюсь здесь; не опасайся за меня, я знаю много мест, где укрыться. Передай госпоже Нефрет, что я исполнил ее приказ. Скачи быстро, нас заметили; твои спутники знают дорогу. Они наши братья, им можно довериться. Прощай, царевич! — быстро проговорил Хранитель и исчез во тьме.

Всю ночь они мчались, почти не задерживаясь, а на рассвете остановились среди небольшой пальмовой рощи, где был колодец, скрытый под камнями, и корм для лошадей. Хиан с радостью спешил, ибо после многих дней, проведенных в тесном каменном лазу, скакать ему было тяжело; Тему же вообще не был привычен к верховой езде и чувствовал себя еще хуже.

— Спасибо Небесам и нашим духам-покровителям за эти блага, — сказал Тему, осушая четвертую чашу воды. — Как прекрасно восходящее солнце! Как сладок свежий воздух после духоты и темени проклятой гробницы! О, молю бога, чтоб никогда более не довелось мне даже увидеть эти пирамиды, не говоря уж о погребальных камерах. Молитвы мои помогли нам — больше мы не будем томиться в склепе, и все будет хорошо.

Хиан подумал, что еще больше, чем молитвам Тему, они обязаны уму и мужеству Хранителя пирамид и тех, кто послал им на помощь наездников-бедуинов, если они и вправду бедуины, в чем Хиан не был уверен.

— Будем надеяться на лучшее, брат мой, — отозвался Хиан. — Но нас заметили, когда мы спустились с пирамиды, и если нам удастся ускользнуть вторично, начальник стражи поплатится за это. Поэтому нас, несомненно, будут преследовать хоть до края земли.

— Надейся, брат, надейся! — воскликнул Тему, стараясь найти себе место поудобнее.

В эту минуту взгляд Хиана упал на того, кто, видимо, был старшим над четырьмя арабами; то был высокий человек благородного вида, он стоял неподалеку, один, и, казалось, ждал возможности обратиться к Хиану.

Царевич поднялся и подошел к нему; бедуин смиренно поклонился, приветствуя его жестом, уже известным Хиану.

— Я вижу, вы все — братья Общины. Назови же свое имя и имена твоих товарищей; кто послал тебя на помощь в этот счастливый для нас час и куда мы направляется?

— Господин, мы — четверо братьев. Меня, старшего, зовут Огонь; тот, что стоит поодаль, зовется Земля, рядом с ним стоит Воздух, а четвертого, последнего, называют Водой. У нас нет других имен; если они и были когда-то, то мы не помним их с тех пор, как стали братьями Общины Зари, а сейчас, когда нам доверили исполнить особое поручение, и вовсе их забыли.

Хиан понял, что по собственным побуждениям, а возможно, и по чьему-то приказу эти люди предпочитают остаться неизвестными.

— Так ли это, Огонь? — с улыбкой сказал Хиан. — А каков будет

ответ на мой другой вопрос?

— Господин, нам приказали нагрузить шесть добрых коней и отправиться к Великим пирамидам с молоком и зерном, чтобы продать их воинам, если они там окажутся, по тем ценам, что продают арабы. Мы должны были также тайным образом дать о себе знать Хранителю пирамид и оказать помощь некоему писцу Раса, — быть может, это ты и есть, господин, — и жрецу, кого ты зовешь Тему, если это он.

— А дальше, Огонь?

— Дальше мы должны сказать писцу Раса, что некая госпожа, имени которой мы не знаем и не будем дознаваться впредь, со всем своим окружением благополучно покинула Египет и что Раса со своим спутником должен следовать по той же дороге. Мы дали клятву доставить вас в Вавилон или погибнуть и эту клятву исполним. А теперь, господин, пора в путь. Кони наши — самые быстрые в пустыне, но придется долго ехать, прежде чем мы найдем других; и нас наверняка будут преследовать. К тому же, мне кажется, — добавил он, с сомнением разглядывая Тему, — твой спутник больше привык путешествовать пешком, и пока он выучится верховой езде, нам следует двигаться осторожно, а то он свалится с лошади или потеряет сознание. Да и слабы вы оба — слишком много дней провели в тягостной неволе.

— Ты прав, Огонь, — сказал Хиан и направился к своему коню.

Они ехали днем, отдыхая, пока солнце стояло высоко; по ночам спали среди скал, где каждый раз находили пищу и воду для себя и лошадей. Слабость и оцепенение, овладевшие ими после длительного пребывания в гробнице, рассеялись под резким, словно напоенным вином, ветром пустыни.

Однажды путники на ночлег устроились у холма, неподалеку от источника, где некогда располагалось какое-то селение; колючие кусты и деревья, буйно разросшиеся на тучной земле, надежно скрывали и лошадей и людей. Когда солнце село за деревья, проводник, назвавшийся Огнем, приблизился к Хиану и попросил его взглянуть на восток. Хиан увидел справа, на расстоянии мили, то ли широкий канал, то ли начало озера; на другой стороне, как видно, против брода высились развалины крепости, сложенной из высушенного на солнце кирпича. Дальше простиралась плоская равнина, а на горизонте виднелась гряда холмов.

— Послушай, господин, — сказал Огонь, — это озеро лежит на границе Египта. На тех холмах — застава войска вавилонского царя. Если удастся достигнуть ее, мы спасены. Но, господин, нам грозит большая

опасность. Старая крепость в руках всадников царя Апепи — я видел их следы, может быть, их тут человек пятьдесят; они стерегут нас, считая, что мы покинем Египет, пойдя через этот брод.

— Почему? — спросил Хиан. — Разве мы не можем найти другого пути?

— Другого нет, господин, тогда нам пришлось бы ехать по населенной местности, которую охраняет пограничная стража.

— Похоже, мы в ловушке, и нам остается лишь бежать назад, в Египет.

— ...где нас непременно схватят; ведь сейчас нас ищут по всей стране.

— Что же делать, Огонь? Я предпочту смотреть в лицо смерти, чем в лицо Апепи.

— Так я и думал. Послушай, господин, не все потеряно. Наши быстროногие кони возвращены в Аравии, среди вон тех гор — ты видишь их — и они уже почуяли близость дома и стада кобылиц, что пасутся в долинах. Вода, что перед нами, широка и глубока, а течение здесь очень быстрое, и потому ратники Апепи не ждут нас в этом месте. Но я надеюсь, что кони не испугаются воды; а если мы сумеем переплыть залив, то прежде, чем нас заметят, мы будем уже далеко; возможно, мы даже благополучно достигнем прохода между холмами. Там узкое ущелье, где один человек может сдержать натиск многих, и, значит, хоть кто-то из нас доберется до заставы под защиту вавилонских воинов, — добавил Огонь.

Затем он объяснил Хиану и Тему все подробности плана, который составил вместе с братьями. К берегу они все подъедут затемно и, едва рассветет, начнут переправу; когда дно уйдет из-под копыт лошадей, люди соскользнут с седел и поплывут рядом, держась за гриву коней.

Тут Тему объявил, что не умеет плавать, и Огонь посоветовал ему держаться за лошадь изо всех сил или идти ко дну. Тот, кто достигнет противоположного берега, тут же садится в седло и скачет к ущелью — его можно будет разглядеть, потому что уже рассветет. Далее следовало подняться по ущелью до перевала, пусть спешившись, если выбьются из сил лошади, и спуститься в укрепленный лагерь вавилонян, которым дан приказ помогать всем беглецам из Египта.

Объяснив все и дав другие советы, Огонь попросил спутников утолить жажду и получше выспаться, ибо никто не знает, что им сулит завтрашний день.

Хиан послушался совета, нужно было набраться сил. Последнее, что он видел перед тем, как смежил веки, были фигуры четырех удивительных братьев, которые чистили и поили лошадей, шепотом переговариваясь друг с другом; ближе к нему, стоя на коленях, усердно молился Тему. Исто

веря и надеясь, Тему все же помнил, что ему предстояло переплыть широкую и глубокую реку, а плавать он не умел.

Хиану показалось, что миновало всего несколько минут, когда один из братьев разбудил его. В небе еще светили звезды, но коней уже покормили, и они ждали седоков; Хиан и Тему, каждый на своем коне, направились к видневшейся полосе воды. Первые проблески рассвета застали их у берега, и тут Хиан увидел, что водный простор действительно широк — едва ли стрела даже самого сильного лучника долетела бы до другого берега. Течение стремительно несло вниз, к броду, узкому, как горло бурдюка.

— А не безопаснее ли пойти вброд? — спросил Хиан с сомнением.

— Нет, господин, — там уж нас непременно увидят и убьют еще на берегу; а здесь, где не переправляется ни один человек, они могут не заметить нас. Следуйте за мной, пока совсем не рассвело.

Похлопав коня и шепнув ему что-то на ухо, по арабскому обычаю, Огонь въехал в поток. За ним последовал Хиан, затем один из братьев и Тему. Замыкали переправу братья по имени Воздух и Вода.

Лошади довольно смело вошли в воду, и вскоре Хиан увидел, что Огонь, соскользнув с коня, плывет рядом, крепко держась то ли за гриву, то ли за седло. Когда дно ушло из-под копыт коня Хиана, он поступил так же. Плыли долго, борясь с быстрым течением, которое сносило их вниз; холодная, остывшая за ночь вода, случалось, заливала их с головой. Хорошо обученные лошади не сдавались, они храбро плыли вперед, чуя близость родных пастбищ, стремясь поскорее добраться до них.

Наконец они достигли противоположного берега, и Хиана, еще державшегося за гриву, лошадь потащила через тростники. Ступив на твердую землю, он услышал крик: «Помогите!» — и, оглянувшись, увидел, что лошадь Тему выбирается на берег, сам же он барахтается в воде, и течение относит его все дальше от берега. Двое братьев молча прыгнули в воду и поплыли к Тему, чьи крики становились все громче и громче. Даже когда они с трудом подтащили его к берегу, Тему, невредимый, но перепуганный насмерть, все еще взывал к богам и людям о спасении.

Тут один из братьев выхватил нож и пригрозил:

— Ты замолчишь, или я заставлю замолчать тебя — ты накличешь смерть на всех нас!

— Простите меня, — молвил Тему, когда до него дошла угроза, — но мать всегда учила меня: тот, кто тонет молча, потонет быстрее всех; и прошу вас также заметить, что мои молитвы и теперь помогли мне.

Бормоча что-то весьма нелестное для Тему, Огонь помог водрузить его на лошадь и подал знак сесть на лошадей всем остальным.

— Выслушай меня, господин Раса, — обратился он к царевичу, пока кони продирались сквозь колючий кустарник, росший на берегу, — неудача все же догнала нас. Крики этого безрассудного жреца наверняка услышаны. Зря мы его не придушили, прежде чем эти крики вырвались. Да и задержались мы из-за него, а утренний ветер рассеял туман, который, как я надеялся, на некоторое время укроет нас. Теперь нам осталось одно — скакать прямо к ущелью и по нему к перевалу. Наши кони лучше тех, что у гиксосов, хотя у них они и более отдохнувшие, и мы, или кто-то из нас — сумеем уйти от них. Запомни, господин Раса, — если и впрямь тебя зовут так, — мы, четверо братьев, сделаем все, что только могут люди, лишь бы спасти тебя; и мы молим тебя, — если больше не суждено будет нам встретиться, — расскажи обо всем госпоже, которой мы служили, а также прорицателю и Совету Братства Зари; пусть люди почтят нас памятью.

Не дожидаясь ответа, он шепнул что-то своему коню и помчался вперед; за ним поспешил и Хиан и все остальные.

Проскакав так некоторое время, Огонь обернулся и указал на место, где находился брод. Взошло солнце, и Хиан увидел яркие отблески на копьях всадников — их было много; одни преодолевали брод, другие уже мчались вслед за беглецами, они были не более чем в полумиле от них.

Погоня началась, теперь дело шло о жизни и смерти.

Они скакали час за часом в сторону холмов, которые, казалось, не становились ближе. Кони были выносливы и привычны к песчаным равнинам, по которым они летели теперь стремительным галопом. Но путь еще был далек, а миновало уже много дней, как они ехали через пустыню, к тому же в то утро переправились через широкий бурный поток; гиксосы же лишь недавно вывели своих коней из стойл. И все же, несмотря на палящий дневной зной, арабские скакуны не сдавались, и когда день стал клониться к вечеру и ущелье было уже совсем близко, они все еще шли быстрым ходом. Мучимые жаждой, тяжело дыша, с запавшими боками, скакали они все дальше и дальше. Уже давно многие преследователи отстали и исчезли из виду; когда беглецы достигли ущелья, гиксосов осталось не более двух десятков. Они изо всех сил стремились настигнуть беглецов; теперь они были уже на расстоянии полета стрелы от них.

Хиан и его спутники с трудом ехали по ущелью; их кони и кони преследователей начали спотыкаться и могли идти только медленной рысью. Мало-помалу расстояние между группами всадников сокращалось. Ущелье было настолько узким, что лошади могли двигаться по нему лишь цепочкой, одна за другой.

На повороте дороги, когда первый из гиксосов был едва ли дальше чем в пятидесяти шагах, Огонь обернулся и что-то скомандовал. Один из четырех братьев, тот, кого звали Вода, тут же спешился и, выхватив меч, остался на месте; его измученная лошадь, послушная окрику хозяина, тяжело поскакала дальше. Вскоре те, кто вместе с Хианом продолжали путь, услышали лязг оружия, а затем воцарилась тишина. Немного погодя преследователи показались вновь, только вместо четырнадцати их осталось одиннадцать.

Снова гиксосы начали настигать беглецов, и снова тот, кто звался Огнем, отдал приказ: в узком месте спешился брат по имени Воздух, послав вслед товарищам одинокого коня. Снова послышался лязг оружия, и когда преследователи опять появились позади, их было девять. Они устремились за уходившей вперед четверкой, и в узком проходе по приказу Огня остался третий брат, кого звали Земля. Последовали крики и звон мечей, и когда гиксосы появились опять, их было всего шестеро. Расстояние все сокращалось, и тут, выбрав удобное место, Огонь сам соскочил с коня, отдав ему тот же приказ, что и братья.

— Поезжай дальше, господин! — крикнул он Хиану. — Если бог даст мне сил и ловкости, ты можешь спастись. Скачи вперед и не забудь о моей просьбе!

— Нет, — с трудом отозвался Хиан, у которого кружилась голова, и он едва понимал, что происходит. — Нет, я останусь с тобой! Пусть Тему передаст твою просьбу.

— Вперед, господин! — закричал Огонь. — Или ты хочешь, чтобы я нарушил клятву, хочешь обречь меня на позор? Уезжай, не то я брошусь на свой меч у тебя на глазах!

Хиан все еще не трогался с места, тогда его доблестный спутник выкрикнул несколько непонятных слов, и конь Хиана тронулся рысью; Хиан не мог удержать его.

Снова царевич услышал лязг оружия, крики, и когда Хиан обернулся, он насчитал лишь троих преследователей. Хиан стал понукать коня, но на гребне перевала его конь заржал и остановился.

Гиксосы, бросившие своих изнуренных коней, шли на Хиана. То были крепкие воины, пусть тела их потемнели от пыли и пота; один, по-видимому глава отряда, был ранен: кровь стекала с его лица.

— Нам приказано взять тебя живым или мертвым, царевич Хиан, — это ведь ты? Убить тебя или ты сдашься? — резким голосом спросил он.

При этих словах к Хиану вернулась утраченная сила и отвага.

— Ни живым, ни мертвым, — негромко отозвался он.

Переложив меч в левую руку, он вырвал из-за пояса короткое копьё и что было сил метнул его. Старший отпрянул, и копьё вонзилось в воина, шедшего позади, проткнув его насквозь; тот упал замертво. Старший кинулся на Хиана, и, оба порядком измученные, но равные в силе, они начали бой; третий гиксос, который не мог подобраться к Хиану, стал вытаскивать копьё из груди убитого. Старший дрался, беспорядочно нанося удары, — видимо, кровь заливала ему глаза. Хиан некоторое время отбивался, а затем, нагнувшись, бросился вперед, — это был прием, которому он выучился в войнах с сирийцами. Бронзовое лезвие пронзило горло гиксоса, и тот, как оглушенный бык, упал, увлекая за собой меч Хиана, выскользнувший из его потной руки.

В этот миг третий воин, извлекший наконец копьё, почти не целясь, швырнул его, и острый наконечник пронзил левое бедро царевича.

Стараясь не упасть, лишившийся оружия Хиан прислонился к скалистому склону. Увидев это, гиксос бросился вперед. Он, как видно, хотел взять царевича живым или, может быть, тоже лишился оружия. Воин схватил Хиана, но тот, падая, увлек его за собой. Руки гиксоса сжимали горло Хиана все сильнее.

«Все кончено», — пронеслось в голове Хиана.

И тут, когда силы уже покидали его, он услышал чей-то топот и крик:

— Да не покинет нас вера!

Раздался звук тяжелого удара, и Хиан почувствовал, что руки, сдавившие его горло, разжались. Царевич лежал недвижно, но дыхание постепенно возвращалось к нему; потом он сел и оглянулся. Рядом валялся мертвый ратник, с разбитой, подобно яйцу, головой, а над ним возвышался Тему, державший в руках увесистый гладкий камень.

— Никто из них не шевельнется больше, — произнес Тему голосом, полным изумления. — Кто бы подумал, что я таким способом убью человека, я, один из братьев Общины Зари, поклявшийся не проливать крови? Мозг мой расплавился на солнце, разум покинул меня, а этот проклятый конь — пусть я больше никогда не увижу ни одного коня! — рванулся вперед. Когда я вдруг услышал шум, я не мог остановить его, но я ухватился за хвост и сполз на землю, а потом бросился назад, к тебе. У меня не нашлось оружия; видно, я потерял меч в воде, одни ножны остались. Но я бежал, молясь в душе, и тут мой взгляд упал на этот камень. Наверно, благочестивый Рои послал его с небес. Я схватил его и ударил по голове этого кровопийцу, как, бывало, бил цепом по снопу колосьев; руки мои еще крепки, а потому, брат мой, удар оказался сильным и метким.

— Еще каким метким, превосходнейший Тему, — отвечал Хиан

слабым голосом. — А теперь, если сможешь, вытащи этот наконечник из моей ноги, мне очень больно.

Тему с готовностью выполнил просьбу, но царевич при этом снова лишился чувств.

Когда он пришел в себя, его окружали высокие бородатые воины в одежде вавилонян; один из них, положив на колено голову Хиана, лил ему в рот воду из тыквенной бутылки.

— Не бойся, господин, — произнес воин. — Мы — друзья; нас предупредили, что из Египта сюда могут добраться какие-то беглецы, и мы поспешили на шум сражения. Мы отнесем тебя за холмы, в лагерь; там ты оправивишься от своих ран.

Но Хиан снова впал в беспамятство — слишком много крови он потерял. Вавилоняне унесли его к себе в лагерь; тут он вынужден был пролежать много дней: рана гноилась, нечего было и думать, чтобы двинуться дальше; боялись, как бы он не лишился ноги. Да и выбраться отсюда оказалось невозможно: наемники Апепи, рыскавшие по пустыне, окружили укрепление.

Глава XX Поход из Вавилона

Долго пришлось ждать Нефрет в благоуханном дворце Вавилона, прежде чем огромное войско, собранное, чтобы посадить ее на трон, было готово к походу.

Со всех краев обширной империи следовало собрать их: людей гор и пустыни, обитателей приморья — копьеносцев, лучников, колесничих, пеших воинов и наездников на верблюдах. Стекались они медленно; их следовало обучить и сплотить воедино; необходимо было запастись провизией и воду для такого огромного полчища, выслать вперед тех, кто смог бы проложить дороги. Прошло целых три месяца, прежде чем головной отряд выступил из медных ворот Вавилона.

Нефрет скоро невзлюбила этот город. Великолепие его, частые церемонии и глазеющие толпы вызывали у нее отвращение. Здесь была чуждая ей религия, ибо, в отличие от своей матери, она не молилась здешним богам; с трудом заставляла она себя отбивать поклоны, когда царь при тех или иных ритуалах шествовал вместе с нею по огромным террасам дворцов; ученица Рои, сестра Общины Зари, принесшая клятву верности более чистой вере, она тяготилась всем, что окружало ее.

Нескончаемые обряды, раболепие перед царем и перед ней, его внучкой, ибо не было секретом, что она царица, люди, падающие ниц, возгласы «Пусть вовеки живет наш царь!», обращенные к человеку, который вскоре должен был окончить свой путь, все это утомляло и раздражало ее. Свобода Нефрет была тут крайне стеснена; жаркая духота дворцов и садов, где она только и могла гулять, сказала на здоровье этой вольной дочери пустыни, и Кемма, которая наблюдала за Нефрет, заметила, что та перестала есть, изменилась в лице и похудела.

К тому же душа ее была в смятении и страхе. Благодаря тем сведениям, которые тайно собирало Братство Зари, в Вавилон дошла весть, что царевич Хиан и Тему бежали из Таниса, направились сначала к пирамидам, а затем в Аравию, сопровождаемые людьми, посланные им на помощь.

Спустя некоторое время стало известно, что они, вместе со своими проводниками, уже перейдя границу с Египтом, были окружены ратниками сторожевой заставы гиксосов и то ли убиты, то ли взяты в плен; полагали скорее первое, ибо найдены были мертвые тела нескольких спутников их. Затем донесения прекратились, наступило затишье, которое не показалось

бы странным Нефрет, знай она, что случилось.

Начальнику пограничной крепости гиксосов донесли, что те, кого ему надлежало выследить и схватить, ускользнули, убив многих его людей, и, скорее всего добрались до поста вавилонян на холмах. Он не решался напасть на этот хорошо укрепленный пост, расположенный в удобном месте; во-первых, у него не оказалось достаточного количества воинов, во-вторых, такое нападение сочли бы нарушением перемирия с Вавилоном, а на это у него дозволения не было. Тогда он окружил пост своими стрелками, приказав убивать всякого, кто только появился в пустыне. Так и получилось, что, когда нарочные попытались передать вести от раненого Хиана, лежавшего в лагере, их тут же схватили. Это повторялось трижды; наконец была объявлена война. Стрелков отозвали, и письмо попало в Вавилон, но войско — а с ним Нефрет и братья Общины Зари — к тому времени уже двинулось на Египет другим путем.

Когда слухи о смерти или пленении Хиана достигли Нефрет, ей показалось, что сердце ее не вынесет боли. Некоторое время она сидела оцепенев, с каменным лицом. Потом Нефрет через Кемму призвала к себе Тау и обратилась к нему:

— Ты слышал, дядя, Хиан мертв...

— Нет, племянница, мне донесли только, что так может быть: он либо в плену, либо убит.

— Будь жив Рои, он открыл бы нам всю правду, его душе дано было видеть далеко, — горько молвила Нефрет, — но он ушел, и остались люди, чьи глаза устремлены в землю, а сердца полны лишь земными заботами.

— Похоже, как и твое, племянница. Но Рои оставил вместо себя меня, недостойного; и мы еще слышим его. Разве не уверил он тебя, что, какие беды ни случились бы, ты и Хиан в конце концов соединитесь? Ты знаешь, благочестивый Рои не изрекал пустые предсказания!

— Да, но тот, для кого душа и тело значили одно и то же, полагал, быть может, при этом, что мы вместе сойдем в иной мир. Ах, отчего ты позволил царевичу вернуться в Танис, ко двору? Я не могла сказать, но хотела, чтобы он выждал благоприятный день вместе с нами среди пирамид. Тогда он смог бы, как и мы, укрыться в Вавилоне, и теперь, возможно, мы бы уже соединились в браке.

— Но могло случиться и другое, племянница. Если кто и знал веления Небес, так это Рои, а он полагал, что раз речь шла о чести царевича, тот, исполнив поручение, обязан был доложить обо всем отцу, Апепи, и получить дозволение исполнить собственную волю. Поэтому он отправился со своим посольством закончить свою миссию, и с тех пор дела

пошли не столь уж скверно для тебя.

— А я полагаю, что все обернулось куда как худо, — стояла она на своем.

— Как понять тебя? Мы знаем, что царевич и Тему скрылись из Таниса и прибыли к пирамидам. Мы знаем также, что с помощью братьев нашей Общины, людей знатного рода, они вышли из своего убежища и благополучно покинули Египет. Правда, за ними началась погоня, произошла битва, и, возможно, все наши братья или некоторые из них погибли. Если так, мир их отважным душам. Но ничего определенного о смерти царевича или Тему неизвестно и, — добавил он внушительно, — никакой сон, никакой голос не дал мне знать, что их нет в живых.

— Как дал бы знать Рои, — прервала его Нефрет.

— Как, быть может, знал бы то Рои и как, будь он в живых, Рои сообщил бы мне, тому, кто теперь занят его делом. Племянница, оставь злые и неблагодарные речи. Разве все сложилось не так, как желала ты? Разве царственный Дитана, мой отец, не собрал большое войско, чтобы посадить тебя на трон? Разве не внял он твоей тайной молитве и — откроюсь тебе — моей тоже, — не отказался от намерения соединить с тобой узами брака своего наследника Мир-бела и не отослал царевича подальше от Вавилона, откуда он, если б и захотел, не сможет досаждать тебе? Разве он — от тебя скрыли это — не поставил меня во главе войска, которое будет послушно твоей и моей воле? Он поверил, что, когда все свершится, я сложу с себя власть военачальника и из могущественного воина, царевича, вновь превращусь в жреца; а ведь, возникни у меня злой умысел, я мог бы возложить на свою голову царскую корону.

— Да, похоже, он сделал так; но к чему все это, если Хиан мертв? Тогда мне нужен не трон, а лишь могила. Нет, сначала я отомщу. Вот тебе мое слово: ни сам Апеви, ни кто из гиксосов не уйдет живым, а в городах их не останется камня на камне.

— Добрые же слова слышу я от сестры Общины Зари, от той, чье прозвище — Объединительница Страны, а не разрушительница! — воскликнул Тау, пожав плечами. — Дитя, ты не знаешь, что вся наша жизнь — испытание, и будем ли мы вознаграждены или прокляты, зависит от того, как мы пройдем это испытание. Ты потеряла разум от страха за любимого, а потому я не сужу тебя слишком строго, но думаю, у тебя еще будет случай раскаяться в столь жестоких угрозах.

— Та прав. Я потеряла разум и оттого хочу заставить остальных пить из моей чаши страха и горя. Пришли ко мне Ру, дядя; хоть я и женщина, пусть он научит меня сражаться. И вели кузнецам выковать самые лучшие

доспехи для меня.

Тау с улыбкой удалился. И все же он послал к племяннице Ру, а с ним и царских оружейников.

Если бы вскоре кто-нибудь заглянул через стены, окружающие один из царских садов, ему представилось бы удивительное зрелище: стройная девушка в серебряных доспехах билась с темнокожим великаном, который нередко вскрикивал от боли при ее ловких выпадах, а однажды, не стерпев, стукнул плашмя своим деревянным мечом по ее шлему, так что царевна рухнула наземь, головой вперед; правда, через мгновение она снова была на ногах, а великан в ужасе застыл перед нею. И тут воительница нанесла своему сопернику такой удар, что он тоже оказался поверженным. Переведя дыхание, он проговорил:

— Боги, помогите Апепи, если он окажется в когтях этого львенка!

Но Нефрет велела нубийцу молчать, потому что по всем законам битвы он считался мертвым.

В другое время она училась стрелять из лука, в чем достигла большого искусства, или, утомленная стрельбой, принималась править колесницей, делая круг за кругом по одному из дворцовых садов; рядом с нею в роли седока всегда оказывалась какая-нибудь служанка, смелая дочь пустыни, ибо Ру был слишком грузен, а Кемма отказалась участвовать в подобных затеях, назвав Нефрет безумной.

— Ты сочла меня ею и тогда, няня, когда я принялась карабкаться по пирамидам, но видишь, это пошло мне на пользу, — возражала Нефрет и неслась вперед столь стремительно, как едва ли делала это когда-нибудь иная женщина.

Прослышав о воинских затеях внучки, старый Дитана безмерно удивился и решил посмотреть на это из укромного места. Увидев все собственными глазами и выслушав рассказ о том, как царевна восходила на пирамиды, старый царь послал за Тау. Увядшее лицо царя осветила лукавая улыбка.

— Полагаю, сын мой Абешу, — сказал он, — не тебе, некогда храброму воину, ставшему жрецом, стоило поручить войско, а внучке моей, бывшей прежде жрицей, ныне же сделавшейся воистину богиней войны.

— Нет, господин мой, — отвечал Тау, — если б ты доверил ей рать, ты никогда бы не увидел ее вновь. Всех воинов обуяла бы любовь к ней, и тогда ей покорился бы весь свет.

— Ты думаешь? А разве это худо? — отозвался Дитана и двинулся прочь, раздумывая над тем, что если богам стало угодно призвать царевича Хиана к себе и Мир-бела он снова призовет ко двору, то ему, Дитане, едва

ли придется проливать слезы. Ибо с такой красивейшей царственной женщиной во главе двора и Египта Вавилон, без сомнения, заполонит землю и небеса. И впрямь, может, еще не поздно! Но тут он вспомнил, что уже передал свое царское приказание, вздохнул и заковылял прочь.

Воинские упражнения сослужили Нефрет двойную службу: вернули здоровье, которое она стала терять, ведя праздную жизнь среди роскоши вавилонского дворца, и немного отвлекли от страхов, тревоживших ее душу. По ночам же они возвращались, а по правде говоря, никогда не покидали ее.

Нефрет постоянно докучала своими мольбами о помощи и Тау, и даже великому деду, царю, который в конце концов приказал обыскать все земли вдоль границ с Египтом. Отовсюду сообщали, что беглецов пропал и след. Лишь одна местность считалась недоступной из-за конной стражи Апепи, окружившей ее. И все же лазутчикам удалось проведать, что там среди холмов ютится лагерь, где расположился отряд вавилонских воинов; от них в последнее время не было никаких вестей; как то часто бывает в обширном государстве, об укреплении этом одни забыли, другие же сочли, что его захватили воинственные племена пустыни.

Узнав об этом, Тау испросил у царя разрешения послать туда сотню отборных всадников, кому надлежало рассеять ратников Апепи и обыскать все холмы; в помощь им Тау отрядил и лазутчиков. Нефрет он об этом не сказал ни слова, боясь поселить в ее душе ложные надежды.

Наконец огромное войско, собранное в лагерях за стенами Вавилона, на берегах Евфрата, приготовилось выступить: две тысячи пеших воинов и всадников, тысяча или более колесничих, несчетное число прислужников, множество верблюдов и ослов с грузом провианта, и все это не считая тех, кто уже собрался у источников воды по пути их движения.

Нефрет также готовилась покинуть Вавилон. В пышных одеяниях, увенчанная короной Египта, она посетила усыпальницу царей и совершила жертвоприношения на могиле матери. Исполнив этот долг, она в большом дворцовом зале совета простилась и с великим царем Дитаной, который благословил ее, пожелал удачи и даже пролил немного слез, ибо не надеялся увидеть ее больше; печалился он и потому, что был уже слишком стар, чтобы вместе с сыном идти на эту войну. Попрощался он и с Тау, который был теперь в наряде военачальника и царевича вавилонского, словно никогда и не носил монашеское одеяние; царь отвел его в сторону и молвил печально:

— Странная судьба у нас с тобою, сын мой любимый. Когда-то были

мы дороги друг другу, затем пришел раздор, больше по моей вине, ибо в те дни мое сердце ожесточилось; ты же избрал свой путь, сделался жрецом чистой, благородной веры, а твои права наследника отданы были другому. Теперь, не надолго, ты снова — царевич и под началом твоим огромная рать, но все-таки желаешь ты одного: сложить с себя все титулы и, окончив дело, вновь удалиться в пустынную обитель и посвятить свою жизнь молитвам. А я, царь царей, отец твой, остаюсь здесь, ожидая смерти, которая не замедлит явиться за мною; и, право, не знаю, сын мой Абешу, кто из нас избрал лучшую судьбу, поступил добродетельнее в глазах бога. Да, много думаю я об этом теперь, когда все это великолепие и слава ускользают от меня, подобно теням.

— Существует некто великий, господин мой, — отвечал Тау, — кто наделяет каждого его долей забот, указывает его место, человек не выбирает судьбу, ему уже уготован круг добрых или злых дел. Таково, по крайней мере, учение моей веры; исповедуя ее, я не ищу ни трона, ни власти, но согласен все возводить на ее основании, так преданно, как только могу. Потому пусть мое учение пребудет с тобой, мой царственный отец.

— Да, сын мой, пусть будет так, как должно быть.

Затем они тепло простились и разошлись, чтоб уж более не встретиться, ибо когда войско возвратилось в Вавилон, на троне его восседал уже другой царь.

Итак, Вавилон объявил войну гиксосам, которые еще задолго до этого провели, что на них вот-вот обрушится буря, и готовились встретить ее, собрав все силы.

Много дней огромное войско пересекало пустынные равнины; такое множество людей двигалось, разумеется, медленно, пока наконец не достигло пределов Египта. Вот тут и узнал Тау от своих лазутчиков, что Апепи, собрав могучую силу, выстроил ряд крепостей по границе, намереваясь перед ними дать бой вавилонянам. Тау сообщил об этом Нефрет, когда она подъехала на колеснице, в своей сверкающей броне, подобная юной богине войны, окруженная телохранителями, возглавляемыми Ру.

— Это хорошо, — отвечала она спокойно. — Чем скорее начнется битва, тем скорее она кончится, тем скорее отомщу я гиксосам за кровь того, кого утратила.

Ибо, ничего не зная о Хиане, она теперь была почти уверена, что его уж нет в живых.

— Не стремись навстречу опасности, племянница, — печально

отозвался Тау. — Разве мало бед, чтобы искать новых? Не сказал ли я, что верю: царевич Хиан жив?

— Тогда где же он? Почему ты, под чьим началом все могущество Вавилона, не можешь послать несколько тысяч человек, чтоб разыскать его?

— А может быть, я ищу его, племянница, — мягко отвечал Тау.

В эту минуту один из рабов подбежал к нему:

— Письма от царя царей! — воскликнул он. — Письма из Вавилона! — И коснувшись свитком лба, он передал его Тау, который тут же принялся читать. Внутри первого свитка оказался еще один, слегка помятый, словно его прятали то ли в головном уборе, то ли в обуви.

Тау пробежал его взглядом и передал Нефрет.

— Это тебе, племянница, — сказал он тихо.

Схватив свиток, Нефрет углубилась в чтение. Письмо было коротко и гласило:

О госпожа, некто, о чьем имени ты догадываешься, — пишет тебе, дабы сообщить, что он в добром здравии, если не считать раненой ноги, из-за чего он хромает. Пишет он вновь, ибо знает, что враги, окружившие место, где он скрывается, могли перехватить прежние послания. Если тот, кто несет это письмо, достигнет благополучно Вавилона или какое-либо другое место, он расскажет тебе обо всем. Я не смею писать о большем.

Подписано знаком Братства Зари, начертанию коего ты сама выучила меня.

Кончив читать, Нефрет бросилась с колесницы в объятия Тау.

— Он жив! — прошептала она. — Или был жив. Где гонец?

В этот миг появился стражник, который сопровождал едва двигавшегося воина, одежды которого выдавали, что он проделал немалый путь.

— Этот человек умоляет, чтобы ты выслушал его, принц Абешу, и немедленно, — обратился начальник стражи.

Тау взглянул на воина и тут же узнал его. Это был тот, кого царь Вавилона послал на розыски пропавшего отряда.

— Говори, — приказал Тау, со страхом ожидая ответа.

— Царевич, — начал воин после приветствия, — мы пробились к отряду, там все благополучно; они хорошо укрепились, и стрелки гиксосов не решаются нападать на них. Там же и те, кого искали.

Нефрет, побледнев, прислонилась к колеснице, не в силах произнести

ни слова.

— А как они? — спросил Тау.

— Жрец чувствует себя хорошо. Четверо братьев, что сопровождали их, были убиты на одном из перевалов. Они погибли достойно, защищая тех, кого им доверили. Господин, чье имя мы не произносим вслух, — он спасся, как и жрец, но ранен в левое колено. Он еще не может ходить, но, хотя теперь и появилась надежда, что ногу удастся спасти, на всю жизнь он останется хромым — колено у него не сгибается.

— Ты видел его? — спросил Тау.

— Да, царевич. Я и мой товарищ видели его. Прочие из нашего отряда, чтобы отвлечь гиксосов, сделали вид, будто отступают; мы двое сумели пробраться в лагерь, что разбит между холмами; есть два прохода туда — один с запада, другой с востока. Люди утомлены, и жрец, и его раненый спутник тоже; в остальном же все благополучно: еды у них хватает. Жрец и другой господин рассказали нам все: и про свой побег, и про гибель четверых проводников — это необычайная история.

— Расскажешь об этом позднее, — сказал Тау. — Похоже, вам удалось уйти незамеченными. Отчего вы не взяли с собой этих людей?

— Царевич, как сумели бы мы вдвоем снести вниз по горной тропе человека, который не в силах ходить, даже если б жрец помогал нам? К тому же мы спустились бы на равнину, где полно врагов, и все на добрых конях; неизвестно, как бы все обернулось. Потому мы и решили: пока не пришлют подмогу, ему следует остаться, вряд ли там грозит ему опасность.

Воин еще долго рассказывал Тау, как он и его спутник соединились ночью со своим отрядом, проложили себе путь, сражаясь со всадниками Аепи; как узнали они от кочевников, бродивших по пустыне, что от войска великого царя, которое идет на Египет, их отделяет теперь всего каких-нибудь тридцать миль; как решили прорваться к своим, а не возвращаться с вестями в Вавилон.

— Ты поступил мудро, — сказал Тау. — Если б ты попытался взять с собой раненого господина, его, конечно, убили бы или взяли в плен.

Тау отправился отдать приказания, а когда час спустя вернулся, Нефрет все еще расспрашивала ратника.

— Послушай, друг, когда ты спал в последний раз? — поглядев на воина, спросил Тау.

— Четыре ночи назад, царевич, — отвечал воин.

— А как давно ты и твои люди ели?

— Сорок восемь часов назад, господин. И, верно, если б мы могли попросить чашку воды и ломоть хлеба — ведь путь был тяжелый, да и без

сражения не обошлось...

— Вы все это получите, как только ее величество царица Нефрет соизволит отпустить вас.

Нефрет залилась краской смущения и отвернулась. Только когда воины ушли, она решила спросить Тау о дальнейших его намерениях.

— Они таковы, племянница: послать вперед пять тысяч верховых — хотя, быть может, мы плохо распорядимся ими, — чтобы они разогнали врагов и доставили сюда человека, зовущегося писцом Расой: видишь, он лишь ранен, а не погиб, чего ты так страшилась. Дней за шесть он одолеет этот путь на колеснице либо в носилках; заберем мы и брата нашего Тему, и всех оставшихся людей — они присоединятся к нашему войску.

— Великолепно, — произнесла Нефрет, хлопая в ладоши. — Этих всадников возглавлю я, Кемма может последовать за мною.

— Нет, ты не сделаешь этого. Ты останешься здесь, с войском.

— Не сделаю? — как всегда в минуту гнева закусив губу, вскричала Нефрет. — Почему же?

— На то есть множество причин, и первая — это слишком опасно. Мы не знаем, какое войско держит Апепи между лагерем и местом, где мы находимся, но теперь, когда началась большая война, он пойдет на все, лишь бы схватить своего сына; да и госпоже Кемме такое путешествие не под силу.

— Если это небезопасно для меня, хотя я здорова, то для раненого Хиана опасность еще больше. Тогда пусть все войско направится туда.

— Невозможно, племянница. Войско это — вся наша надежда, и оно отдано в мои руки; нам следует двигаться вперед, дать сражение Апепи, а не блуждать по пустыне, чтоб в конце концов нас одолела жажда или какие-нибудь другие напасти.

— Невозможно? А я говорю: так должно быть, мой дядя! Я, царица Египта, желаю этого; это мое повеление.

Тау со свойственным ему спокойствием посмотрел на Нефрет и отвечал:

— Войско повинуется мне, а не тебе, племянница; надев этот наряд, ты, царица Египта, стала лишь одним из воинов среди тысяч других. — Тау коснулся ее сверкающих доспехов. — Поэтому я вознесу молитву, чтобы царица Египта подчинилась мне. А нет, — я должен буду помолиться, чтобы Нефрет, сестра Общины Зари, беспрекословно смирилась с повелением прорицателя Общины Зари, о чем она клятвенно обещала когда-то. Безопасность царицы Египта столь же важна, как и безопасность царевича Хиана. Но безопасность и победа великого войска царя царей

значат еще больше.

Слыша это, Нефрет готова была яростно воспротивиться, ибо душа ее пылала в огне. Но в спокойных глазах Тау, в выражении его властного лица было нечто такое, что заставило ее промолчать. Некоторое время она выдерживала его взгляд, а затем, разразившись слезами, бросилась в свой шатер.

На рассвете следующего дня пять тысяч всадников, в распоряжении которых было несколько колесниц, во главе с теми, кто принес известие о Хиане, отправились на его спасение.

Глава XXI Изменник или герой?

Вавилонское войско продолжило свой путь и благополучно достигло границ Египта; возможно, никогда еще в страну на Ниле не вступала такая несметная рать. Тут воины разбили лагерь, защищенный спереди рекой; им следовало отдохнуть и подготовиться к сражению с Апепи, громадное войско которого стояло милях в трех, среди крепостей, выстроенных для битвы. Гиксосы теперь собственными глазами видели, сколь устрашающе войско царя царей, как хорошо оно слажено; его всадники, колесницы, верблюды, пешие воины и лучники, казалось, заполняли местность на много миль. Это было не скопище людей с востока, а прекрасно обученная, умеющая повиноваться сила, готовая к битве.

Устрашившись этого зрелища, военачальники обратились к Апепи и его совету.

— Пусть фараон выслушает нас! — сказали они. — На каждого нашего воина у вавилонян двое; их ведет царевич Абецу, великий военачальник, что был, по слухам, некогда жрецом и заклинателем. С ними царевна Нефрет, дочь Хеперра, спасаемая некогда от рук фараона и обрученная с его сыном, который также ускользнул от него и, быть может, теперь заодно с вавилонянами. Невозможно, чтобы фараон сумел противостоять такому войску; оно заполнит землю, подобно саранче, и пожрет нас, как зерно.

Апепи слушал, и гнев все больше овладевал им, так что он даже стал дергать себя за бороду. Потом резко повернулся к Анату, старому своему везиру:

— Слышал, что говорят эти трусы? Подай же мне совет, ты, одаренный хитростью шакала, что не раз избегал ловушки. Как быть?

Анат отошел в сторону и некоторое время совещался с приближенными. Возвратившись, он поклонился Апепи и промолвил:

— Жизнь! Кровь! Сила! О фараон, мудрость, какую боги ниспослали нам, заставляет нас — а также и предсказателей, что держали совет с духами, — умолять фараона не вступать в битву и, пока не поздно, примириться с Вавилоном.

— Вот как? — отозвался Апепи. — Что же могу я предложить царю Вавилона, который вознамерился захватить Египет и присоединить его к своему государству?

— Мы полагаем, царь, — продолжал Анат, — у Дитаны нет такого

намерения. От тех, кто тебе тайно служит в Вавилоне, нам известно, что Дитана околдован прекрасной Нефрет. Когда чародеям из Общины Зари удалось, благодаря своему волшебству, бежать в Вавилон, они, как говорят, унесли с собою тело царицы Римы, вдовы Хеперра. Рассказывают, гроб ее открыли перед царем царей; внемля заклятию царицы Нефрет и главы чародеев Общины Зари, дух ее обратился к Дитане, побуждая царя напасть на Египет или, в противном случае, нести на себе бремя проклятия усопших. Дух Римы предостерег царя, дабы тот не настаивал на браке Нефрет с внуком его и наследником Мир-белом, но отдал ее в жены сыну Твоего Величества, царевичу Хиану, с кем Нефрет обручилась, еще скрываясь среди пирамид; дух Римы повелел также отомстить за смерть Хеперра и за невзгоды, причиненные самой царице, сбросить Твое Величество с трона и возвести на престол царицу Нефрет и царевича Хиана. Более того, царственная Рима — или дух ее — предупредила царя царей Дитану не пренебрегать ее просьбой, ибо в противном случае он сам и страна его будут прокляты навечно; если же Дитана исполнит волю ее, то благо снизойдет на него и его страну. Веления покойной Римы и чары, которыми царица Нефрет и другие волшебники Общины Зари опутали Дитану, побудили его послать войско против Твоего Величества, дабы исполнить волю ее.

— Что же мне делать, чтобы унять ярость вавилонян? — произнес Апепи, гневно глянув на везира.

— То, что требует царь царей: сочетать в браке царственную Нефрет и царевича Хиана, если он еще жив и его можно отыскать, и отдать им корону Верхнего и Нижнего Египта.

— Это и есть твой совет, везир?

— Кто я и все мы, чтоб осмелиться указать путь, на который следует ступить фараону? — проговорил Анат, раболепно склоняясь перед своим повелителем. — Если же царь предпочтет иной путь, а военачальники его окажутся правы, возможно, вскоре появится новый фараон; но если царевич Хиан мертв, гиксосы будут выброшены из долины Нила в пустыню, откуда они пришли несколько веков назад; тогда царь царей — или царица Нефрет по его велению — станет править Египтом.

В тот же миг охваченный яростью Апепи вскочил с трона и обрушил свой скипетр на голову Аната; хлынула кровь, и везир упал на колени.

— Собака! — заорал Апепи. — Посмей еще раз сказать так, и ты умрешь смертью предателя под ударами розог. Давно подозревал я, что ты служишь Вавилону, а теперь и вовсе уверился в том. По-твоему, я должен оставить трон, покориться Дитане, а женщину, что выбрал в жены себе,

отдать сыну, который предал меня? Но сначала я увижу, как огонь и меч разрушат Египет, и пусть я сам погибну вместе с ним. Прочь с глаз моих, презренные псы!

Анат не стал медлить более. Когда у порога он обернулся, чтоб, по обычаю, отдать почтительный поклон, взгляд его горел зловещим огнем, хотя Апепи ничего не заметил, ибо Аната скрывала тень.

— Ударить меня, — прошептал Анат, — прославленного военачальника, везира, растоптать в присутствии совета и слуг! Что ж, если у Апепи — скипетр, у меня — меч. Гряди же, Вавилон! А теперь — за дело. О Хиан, где ты?

Отпустив советников и полководцев, Апепи, царь Севера, оставшись один в палате выстроенной им крепости, принялся размышлять о случившемся. Демон ярости и гнева, что так чутко дремлет в груди тиранов, нередко овладевал им; однако при этом Апепи был прозорливым государем и недюжинным военачальником, унаследовав от предков эти качества, которые и помогли им завладеть Египтом. Он понимал, что Анат, старый везир, прав, сказав, что он, Апепи, не сумеет противостоять силе вавилонского войска, как никогда прежде обученного и готового к войне, которое двигалось под предводительством тех самых колдунов из Общины Зари, что ускользнули от него, предоставив своему старейшему жрецу наложить перед своей смертью проклятье на Апепи, нарушившего клятву и жаждавшего крови невинного. Однако за ту правду, что Анат высказал в глаза Апепи, царь при людях нанес ему оскорбление, словно тот был последним рабом, а этого старый военачальник, потомок древнего рода, в чьих жилах текла кровь истинного египтянина, никогда не забудет. Быть может, ударив по голове, лучше уж пронзить и сердце и разделаться с Анатом навсегда? Нет, это небезопасно; Анат имеет большую власть, и у него много преданных людей. Они могут восстать, особенно теперь, когда все ввергнуты в эту ненавистную войну; они могут погубить его, Апепи, ибо считают, что он погубил сына, которого все любили. Надо послать за Анатом, высказать раскаяние в том, что он, царь, поддался гневу и сомнениям, обещать щедро искупить свое прегрешение, наградить его и в этот благоприятный миг примириться с ним.

И все же, может ли он принять совет Аната — спасти жизнь, но лишиться власти гиксосов, склонить голову под ярмо Вавилона? Он отдает свой трон Хиану — если тот жив; Хиану, похитившему у него красавицу, которой он мечтал завладеть; Хиану, который послал ее поднять вавилонские полчища против него, Апепи, его царя и отца. Или же — если

Хиан мертв — эта самая Нефрет, царица Юга, — а по праву наследования и всего Египта, — займет престол, по милости царя Вавилона и, без сомнения, вступит в брак с наследником Вавилона. Что обретет он сам, если сдастся? Лишь одно — возможность жить незаметно где-то в глухом углу, терзая себя воспоминаниями о былой славе и видя, как египтяне и их великий союзник топчут племя гиксосов.

Такого допустить невозможно. Если уж суждено пасть, так в битве, как предпочли бы предки его. Но нельзя ли все же одолеть могучего врага? Не в сражении, конечно, — тут преимущество будет на другой стороне; вот если он вздумает отсидеться за стенами своих крепостей, враги окружают их и ринутся затем далее, чтоб захватить Египет. Лишь доблесть и искусство полководца могут принести победу. И он обладает этими качествами; он пошлет своих лучших всадников, двадцать тысяч или еще больше — тех, в ком течет древняя кровь воинственных гиксосов; они пройдут в обход по пустыне и сзади ударят по вавилонянам, когда те остановятся, чтобы начать сражение, по их обычаю, при неверном свете утренней зари. Вот так неожиданным ударом можно проломить, разметать строй их войска, и тут он, Апепи, будет иметь пред собой не рать, а толпу. Что ж, если ничего другого никто не придумал, следует попытаться сделать так.

Пять тысяч всадников благополучно достигли сторожевого поста, куда их послал Тау, и предводитель их сообщил о своем поручении начальнику поста и гостю, о котором известно было, что это царевич Хиан, хотя имя его вслух не произносилось.

Хиан едва не лишился чувств при известии, что неподалеку находятся несметные рати вавилонян и среди них, живая и невредимая, его возлюбленная Нефрет. Об этом поведало послание, писанное ею собственноручно. Долгое уединение, в котором пребывал здесь Хиан, было печальным и нелегким, но теперь наконец мрак ожидания и страха рассеялся и впереди забрезжила заря радости.

Всадники и кони получили отдых, и следующим утром, забрав стражников, которые были куда как рады распрощаться с этими местами, все двинулись назад, чтобы соединиться с основным войском в заранее условленном месте у границ Египта. В середине отряда катилась колесница Хиана, ибо ехать верхом он еще не мог; за ним следовала повозка Тему, который поклялся — если сама судьба не принудит — никогда более не садиться на коня.

Они беспрепятственно углубились в пустыню, ибо дозорные Апепи, кружившие в этом месте, теперь куда-то исчезли. Воины спасенного

гарнизона шли пешим строем, поэтому продвижение отряда казалось столь медленным, что Хиан, жаждавший поскорее соединиться с Нефрет, вознамерился немедля двинуться на колеснице, под охраной считанных верховых, в сторону вавилонского войска. Этому воспротивился военачальник, возглавлявший отряд; предвидя, что подобное намерение может возникнуть у человека, именовавшегося писцом Расой, Тау наказал ему держать царевича посреди своего войска. Все просьбы Хиана оказались тщетны. Глава отряда отвечал, что ему так приказали и он вынужден повиноваться.

На третий день от кочевников, бродивших по пустыне, стало известно, что отряд находится уже недалеко от вавилонского войска, которое стало лагерем у крепостей, возведенных Апепи. В эту ночь отряд не смог бы преодолеть расстояние, отделявшее его от своих; пешие воины выбились из сил, посему начальник оставил людей поесть и отдохнуть там, где нашлась вода, распорядившись выступить в полночь, при свете луны; если ничто им не помешает, отряд рано утром соединиться с остальным войском.

Так и поступили. В полночь лагерь свернули и при свете месяца двинулись дальше сквозь жаркий воздух пустыни. Часа через два Тему попросил, чтоб его подвезли к колеснице Хиана; хотя царевич хранил молчание, Тему, как всегда, обратился к нему с пространной речью, ибо никто не подозревал, что с той стороны, где виднелась небольшая возвышенность, к ним тихонько приближались два отряда: один в пять, другой — в двадцать тысяч всадников, которым Апепи велел при первых проблесках рассвета напасть сбоку на лагерь огромного войска. И как можно было догадаться о том, если впереди скакал сторожевой отряд, чтобы подать знак при первой опасности? Откуда остальным воинам было знать, что сторожевой отряд окружили, схватили, возможно, перебили, когда, как казалось, отряд уже въезжал в один из флангов вавилонского войска? Так гиксосы получили предупреждение о том, что приближается враг.

— Брат мой, — вещал Тему, — прежде ты в нетерпении все жаловался на рану (а она когда-нибудь заживет, хотя ногой, вероятно, ты сможешь пока что владеть не вполне, а то и вовсе останешься хромым); так вот, ты сетовал еще, что тебя силой удерживают на этих холмах. Вместо того чтобы возблагодарить богов, ибо с помощью не стесняющихся в словах, но храбрых братьев наших, бедуинов, носивших столь причудливые имена, ты благополучно туда добрался; как старейшина нашего Братства, я нередко упрекаю тебя в слабости, побуждая верить подобно мне. Теперь конец всем страданиям, и ты видишь сам, вера, как всегда, торжествует. Через час или

два мы присоединимся к могучему вавилонскому войску и выразим почтение Тау, пророку Братства Зари. Все наши беды кончились — или, скорее, твои беды, ибо я, крепкий в вере, никогда не сомневался, что все горести пройдут бесследно...

В тот же миг бесследно исчез сам Тему, ибо копьё или стрела пронзило сердце его возницы; тот замертво рухнул на крупы коней, которые, врезавшись в ряды воинов, бешеным галопом помчались по пустыне; Тему, отброшенный к ограждению, мертвой хваткой вцепился в вожжи. То была та самая пара добрых коней, что прежде вынесла путников на переправе и доставила в укрепленный лагерь. Упряжка помчалась вверх по склону и очутилась скоро посреди войска гиксосов; их было тут немного, и в этот тусклый рассветный час они едва заметили коней, как те уже скрылись из виду. Кони скакали, почуяв впереди других коней; а может, они почуяли воду. Тему, прижатый к днищу колесницы, тщетно дергал поводья. Наконец он бросил их.

— Да не покинет меня вера! — пробормотал он. — Эти проклятые твари окажутся там, куда приведет их судьба. Ратников же я больше не вижу.

Но вскоре он увидел великое множество их; лошади, не слушая окриков караульных, мчались теперь по главному проходу вавилонского лагеря. Наконец одна из них запуталась в веревках, тянущихся от какого-то шатра, и рухнула, увлекая за собой повозку. Тему покатила по земле и очутился около некоего военачальника, отдававшего приказание подчиненным.

— Кто это? — невозмутимо спросил тот. — И как оказалась здесь повозка? Уберите ее.

Тут Тему, узнав голос, сел и произнес:

— О благочестивый пророк, ибо, как я понимаю, им ты стал, заменив усопшего Рои; о премудрый отец Тау, если пророк и глава Общины Зари может — что против ее правил — облачиться в доспехи, я — Тему, жрец Братства; если помнишь, я был послан тобой по некоему делу ко двору Апепи; с того дня я испытал много страданий.

— Я узнаю тебя, брат, — отозвался Тау. — Но откуда явился ты и почему?

— Не знаю, пророк. В тот миг я говорил с тем, кого называли писцом Расой, хотя, думаю, у него другое имя; много невзгод претерпели мы с ним; вдруг мой возница, пронзенный в грудь стрелой, падает, а взбесившиеся кони несут меня неведь куда. Заметил я только, как мы проскакали сквозь войско гиксосов; свет луны падал на доспехи и на стяги Апепи, а их-то я

хорошо знаю. Потом эти самые кони, что готовы были, кажется, взлететь в небо, притащили меня сюда. Вот и все.

— Писец Раса! — произнес женский голос; то была Нефрет, которая вышла в сопровождении Ру из своего шатра, желая узнать, что случилось. — Где ты оставил писца Расу, жрец?

— Нет времени спрашивать его, племянница, — вмешался Тау. — Разве ты не понимаешь, что воины, посланные несколько дней тому назад на спасение других, сами попали в беду; лишь случайно брат наш не погиб и принес эту весть. Может быть, — осенило его вдруг, — войско Апепи вышло уже из засады, чтобы напасть на нас с юга, сейчас, на восходе.

И Тау принялся отдавать приказания. Затрубили трубы; военачальники, едва проснувшись, бросились к своим отрядам, весь лагерь мгновенно ожил, готовясь к походу.

Тем временем неподалеку шла отчаянная битва. Двадцать пять тысяч гиксосов, которые готовились к нападению, а теперь решили, что сами ему подверглись, кинулись на пятитысячный вавилонский отряд, расстроивший их ряды. Вавилоняне собрали все силы, чтоб пробить путь среди войска гиксосов, — им это удалось: потеряв, правда, многих людей, они с трудом прорвались вперед. В тусклом свете луны отряды врагов устремились на них, но были отброшены.

Битва шла в предрассветных сумерках, когда трудно отличить, где свой, где враг. Но едва начало светать, предводитель вавилонского отряда обнаружил, что путь вперед перерезан. Дороги назад тоже не было: конница гиксосов окружила их. Поэтому всех способных еще биться — тысячи две или больше, пусть среди них было множество раненых — он построил в каре и приказал во славу Вавилона сражаться насмерть.

Теперь гиксосы увидели, с каким малочисленным отрядом бьются, а они-то полагали, что в темноте наткнулись на какой-то край расположения вавилонского войска. Они сделали что-то не то, как теперь оправдаться перед Апепи? Во время битвы они захватили пленных, среди которых были и раненые. Людей этих допросили. Под пыткой, в смертельном страхе, некоторые из них открыли, что они — всего лишь малочисленное войско, посланное освободить сторожевой отряд; что они и двигались теперь назад, к основному войску.

— А что это за человек, вон тот, в колеснице, окруженный всадниками? — спросил их начальник гиксосов.

Пленные отвечали, будто не знают его; тогда он распорядился высечь их и повторил вопрос. Тут и обнаружилось, что в колеснице не кто иной, как царевич Хиан, которого этому самому военачальнику и было велено

изловить, когда царевич скрылся из Египта; пленные называли его писцом Расой, но гиксос-то знал, что Раса и Хиан — один и тот же человек.

Тут предводитель отряда гиксосов увидел, что уже рассвело. Он не исполнил приказания Апепи, теперь это было ясно. Вместо того чтобы напасть в предрассветной мгле на вавилонское войско, сея в нем ужас и смятение, он бьется всего лишь с одним отрядом, победа над которым ничего не даст Апепи. Но теперь-то он знает, что среди противников его оказался тот, за кем их послал царь, и он значит для царя едва ли не больше, чем даже победа над вавилонянами. Решение принято было в тот же миг: нападать на войско великого царя поздно; следует перебить вот этих верховых и захватить — лучше живым, а нет — так и мертвым — царевича Хиана; пусть он станет жертвой, что умиротворит гнев повелителя.

Он немедленно отдал приказ к наступлению. Обе стороны были на конях, луков поэтому не оказалось ни у кого, а копий — мало. В дело пошли мечи. Спешившиеся вавилоняне образовали каре; в центр его, под присмотр раненых, поставили лошадей, а затем, по приказу военачальников, всем, что годилось — руками, камнями, кухонной утварью, — начали нагребать песок, образуя вал; гребли песок сразу две тысячи человек, спасая свою жизнь, песок был мягкий и сыпучий, и вал этот поднялся точно по волшебству. Гиксосы полезли на него отовсюду. Но каре вавилонян было небольшое; разбившись по трое, вавилонские воины выстроились друг за другом. Разом на это маленькое укрепление могли напасть лишь немногие из полчища всадников Апепи; вавилоняне кололи их мечами, исторгая предсмертные вопли и обращая вспять.

Вскоре полководец гиксосов понял, что до победы еще далеко, а это расстраивало все его намерения. Сторожевые отряды огромной вавилонской армии могли вот-вот обнаружить, что происходит совсем неподалеку, а тогда подойдет сильная подмога. К тому же царевич Хиан мог погибнуть в сражении, лучше привезти его к Апепи живым. Наконец, даже если наступление вавилонян и не последует сейчас же, все равно гиксосы вскоре будут отрезаны от своих и отброшены в пустыню, где им грозит гибель от голода и жажды. Поэтому, распорядившись прекратить нападение, гиксосский военачальник послал своих людей предложить перемирие; им надлежало передать осажденным следующие слова: «Вы обречены, силой мы превосходим вас: на каждого вашего ратника у нас десять. Сложите оружие, и я именем царя Апепи клянусь сохранить вам жизнь. Иначе я перебью вас всех».

Начальник вавилонян выслушал гиксосов, но, будучи предусмотрительным человеком, воздержался от немедленного ответа,

надеясь, что вести о его беде дойдут до основного войска через гонцов, которых он выслал, либо еще каким-нибудь образом. Стремясь выиграть время, он велел передать, что будет держать совет со своими и лишь затем даст знать, к чему они придут. Он двинулся в середину каре и, приблизившись к Хиану, поведал ему о случившемся.

— Что делать? — проговорил он. — Если мы продолжим бой, они вскоре сомнут нас. Сдаться, тем самым уронив честь Вавилона, мы не можем; тут уж скорее я сам заколюсь собственным мечом.

— Похоже, ты ответил себе, — сказал Хиан, — но вот что задумал я, послушай: предложите гиксосам взять меня одного — вы ведь знаете, кто я; меня-то они и разыскивают. Думаю, тогда они отпустят всех вас с миром.

Несмотря на отчаянное положение, глава отряда лишь рассмеялся в ответ.

— А подумал ты, царевич, — если уж ты открылся мне, буду величать тебя, как подобает, — подумал ты, что ждет меня при встрече с царевичем Абещу или, как его называют, господином Тау, полководцем войска великого царя, да и с одной особой, которая находится там же, — если я принесу им такую весть? — спросил он. — Я предпочту достойную смерть в бою, царевич, и не покрою себя позором пред всем вавилонским войском. Нет, мой замысел иной. Я потребую, чтобы свое обещание сохранить нам жизнь они написали; а тем временем все должны незаметно подобраться к лошадям, захватив, кого можно, из раненых и предоставив милости судьбы остальных. Потом мы неожиданно ринемся на гиксосов — не как они, а при свете дня — и прорвем их строй или погибнем.

— Пусть так, — промолвил Хиан, хотя на уме у него было совсем другое, что он теперь не решался высказать. Он понимал: битва, где сражаться станут измученные воины на загнанных конях, проиграна, и все вавилоняне — всадники и пешие — погибнут, а вместе с ними и те, кто укрыл его в горах, раненых же безжалостно предадут мучительной смерти прямо на месте. Хиан был уверен, что полководцу гиксосов нужен он, царевич, а не этот отряд, — смерть или бегство не столь многочисленных воинов не окажут никакого влияния на исход войны — и если он захватит такую крупную добычу, то повернет назад, в Египет. Все теперь зависело от него, Хиана, от того, принесет он себя в жертву или нет. Он содрогнулся — ведь это значило смерть, возможно, смерть мучительную: Апепи его не пощадит. И что еще страшнее — после всех страданий, через которые он прошел, не увидать ему никогда больше прекрасного лица Нефрет при свете солнца! Надо было делать выбор, и немедленно.

Ища исхода своих страданий, Хиан опустил глаза и всем сердцем

взмолился тому духу, которого научился почитать. И прозрение пришло. Среди топота и ржания лошадей, стонов раненых, криков воинов, готовившихся к отчаянному удару, он услышал спокойный, ясно запомнившийся ему голос Рои.

— Сын мой, — молвил пророк, — следуй своему долгу, даже если он ведет дорогой жертвы, а в остальном доверься богу.

Сомнения покинули Хиана. В это время возничий его сошел с колесницы, чтоб напоить лошадей, последний раз задать им корма; он стоял поодаль, глядя на животных. Хиан был в колеснице один. Он схватил поводья, хлестнул кнутом лошадей, и они понеслись прочь. Через мгновение легкая боевая колесница оказалась у нижней кромки песчаной насыпи; шагах в пятидесяти отсюда и примерно в таком же удалении от передовых всадников Апепи, вавилонский военачальник переговаривался с полководцем гиксосов, которого Хиан хорошо знал со времен Сирийских войн. Никто из них не заметил приближавшегося Хиана, не услышал шуршания колес, катившихся по сыпучему песку.

Военачальник царя Апепи громко воскликнул в гневе:

— Слушай мое последнее слово! Выдайте царевича Хиана, — я знаю, он с вами, — и тогда вы свободны. Если нет, я перебью вас всех до единого и живым или мертвым доставлю Хиана к отцу его, царю Апепи. Отвечай. Я кончил.

— Я отвечу, — проговорил Хиан, сидя в колеснице, а оба военачальника в изумлении обернулись. — Я — царевич Хиан, и ты, друг, хорошо знаешь меня, — обратился он к полководцу. — Ты известен мне, как человек благородный. Прошу тебя, отпустите этих вавилонян невредимыми и раненых тоже отпустите, я же за то сдаюсь вам. Клянешься ли в том, что исполнишь это условие?

— Клянусь, — отвечал полководец, жестом приветствуя его. — Но вспомни, царевич, Апепи очень гневается на Твое Высочество, — размеренно проговорил он, словно предупреждая Хиана.

— Я помню о том, — отвечал Хиан и, обернувшись к предводителю вавилонян, недвижно стоявшему в течение всего этого разговора, продолжал: — Передай господину Тау и владычице Египта: я отправился туда, куда зовет меня долг, и если свыше предписано нам не свидеться более, верю, они не станут дурно думать обо мне, ибо то, что кажется заблуждением, зачастую есть истина, и порой во имя благополучного исхода совершают злые дела. В остальном же пусть они судят обо мне, как им будет угодно, я же следую своему разумению.

— Господин! — воскликнул, словно очнувшись, вавилонянин. — Не

уходишь ли ты от нас к гиксосам?

— Разве сам я не гиксос? — загадочно улыбнувшись, спросил Хиан.
— Прощай, друг. Пусть судьба будет добра к тебе и твоим сотоварищам, и да не прольется из-за меня ни капли их крови.

Он крикнул на лошадей, они двинулись, а вавилонянин все еще стоял, сжимая кулаки и произнося имена своих богов.

— Не понимаю Твое Высочество, — произнес гиксос, направляясь рядом с колесницей к своим всадникам, — да это и не удивительно: ты всегда не походил на других людей; одно занимает меня: кем сочтут тебя вавилоняне — изменником или героем? Меж тем, зная твою честность, прошу: обещай не пытаться бежать, даже если представится возможность; иначе я вынужден буду убить тебя.

— Обещаю, друг мой. С этого часа мной, как и Тему, движет вера; только вот куда привела его сегодня вера, не знаю, хотя и был последним, кто видел, как он исчез среди вражеского войска.

— Безумец! — прошептал полководец. — Но даже если он и утратил разум, слово свое он сдержит, а это сохранит мне голову.

Глава XXII Хиан возвращается в Танис

Гиксосы стремительно поскакали назад, к крепостям царя Апепи по ту сторону границы Египта, предоставив своим раненым, если есть на то силы, следовать за ними или погибнуть; в середине отряда, окруженный стражей, ехал в колеснице Хиан. Полководец гиксосов знал, что нельзя терять ни мгновенья; вскоре вавилоняне, которым он сохранил жизнь, достигнут лагеря великого царя, и тогда... Не ведал он только того, что в лагерь вавилонян двумя часами ранее уже прибыл Тему и полчище всадников уже неслось наперерез им.

Вдалеке среди пустыни появилась туча пыли. Она все приближалась, и вот сквозь пыльную завесу уже заблестели шлемы и копья, засверкали медью колесницы. Гиксосы поняли: произошло самое ужасное. Путь им отрезан, Вавилон наступает! Отход стал невозможен. Они оказались в таком же положении, как те пять тысяч вавилонян, которых они застали врасплох менее чем двенадцать часов тому назад; им предстояло сражаться, как это сделали те, но почти без всякой надежды на победу.

Гиксосы сгрудились плотнее, выстроив отряды клином (достаточно искусно, как отметил про себя Хиан), и понеслись вперед, отклоняясь слегка вправо, чтобы ударить туда, где вавилонян было поменьше. Два войска сблизилась — тысяч двадцать гиксосов против пятидесяти тысяч противников, которые скакали, сблизив отряды, разделенные рядами колесниц. Победные возгласы раздались среди вавилонян, гиксосы же обреченно молчали.

Полководец гиксосов подъехал к колеснице Хиана.

— Царевич! — воскликнул он, скача рядом. — Боги против меня, и, думаю, наш конец близок. Но ты, надеюсь, помнишь клятву, поверив которой я пощадил твоих сотоварищей, — ты не попытаешься бежать. Если тебя схватят, значит, так предопределено; если же нет, то мчись к границе, она рядом, и сдайся Апепи или его отрядам. Я верю тебе. Неужели же я ошибусь?

— Еще никто не подвергал сомнению мою честность, — отозвался Хиан.

Полководец взмахнул мечом, приветствуя его, и, пришпорив коня, исчез из виду. Точно гром разнесся над полчищами всадников, когда они сшиблись в битве. Глубоко врезался клин гиксосов в ряды вавилонян, разбрасывая в стороны их воинов и коней, подобно кораблю, который

рассекает волны, влекомый сильным шквалом. Но мало-помалу отряды Апепи стали терять напор, в то время как все больше вавилонян теснило их с обеих сторон. Клин гиксосов, пройдя первые ряды, столкнулся со свежими силами, прикрывавшими быстрые колесницы, цепь которых должна была вырваться вперед и отрезать вклинившиеся войска.

Битва приближалась к ужасному концу. Воины, сражавшиеся впереди Хиана, полегли, растоптанные тела их валялись вокруг, царевич вдруг заметил, что повозка его откатилась на передний план. На некотором расстоянии от себя Хиан увидел множество гиксосов, — частью пеших, — которые дрались с горсткой вавилонян, окруживших вырвавшуюся вперед великолепную колесницу; раненые кони ее бились в судорогах на земле. На колеснице возвышался воин в панцире, выкованном, похоже, из серебра и золота, с мечом в руке: этот красивый юноша, подумал Хиан, по-видимому, отпрыск царского дома Вавилона, посланный взглянуть, что такое война; у колесницы, на которую пытались напасть шесть или восемь гиксосов, стоял темноликий великан в бронзовых доспехах, скрежетавших всякий раз, когда он вскидывал огромный боевой топор, стараясь поразить тех, до кого мог дотянуться. Хиан сразу понял, что перед ним сам могучий эфиоп Ру. И тут пострадавшим сердцем своим он почувствовал, что воин в колеснице — не молодой благородный вавилонянин, а Нефрет, нареченная его!

Но, боги, она была окружена! Верховые спешили ей на помощь, но и ближайший из них был еще на расстоянии полета стрелы — в яростном исступлении Нефрет опередила всех. Ру крушил врагов изо всех сил, но не мог поспеть всюду, и когда его оттеснили от колесницы, на которую стремились влезть гиксосы, пятеро или шестеро их подскочили сбоку, пытаясь убить или схватить ту, что стояла в ней. Все, казалось, знали, какая добыча ожидает их, и готовы были рисковать жизнью, лишь бы захватить ее; приблизившись, Хиан понял, почему гиксосы впали в такой раж: теперь он и сам увидел на серебряном шлеме венец со змеиной головой, — царский урей со сверкающими глазами, возвещавший, что перед ними царица Египта. Толпившиеся кругом гиксосы видели, как Ру с воинственными криками рубил одного врага за другим; они ждали мгновения, когда можно будет ринуться к добыче.

Хиан размышлял лишь мгновение.

«Я поклялся не бежать, но я волен биться, если то уготовили мне боги», сказал он себе и, рванув поводья, повернул коней прямо на скопище гиксосов. Когда Хиан был уже рядом, один из них метнулся к Нефрет. Она взмахнула мечом, но удар пришелся на крепкий шлем воина.

Высокий, длиннорукий гиксос обхватил Нефрет за талию и сильно

рванул на себя. Остальные, когда царица упала, старались улучшить мгновенье, чтобы схватить ее, унести, если возможно, или убить, когда бы то не удалось. Все были так поглощены происходящим, что ни один не заметил, как запряженная белыми лошадьми боевая колесница молниеносно обрушилась на них, оттуда, где, как они считали, врагов не было. Хиан гикнул, и послушные выучке кони, не сворачивая ни влево, ни вправо, ринулись на гиксосов. Кони крушили людей, валившихся под копыта и колеса повозки. На ногах остался лишь тот, кто сдернул Нефрет с колесницы. Хиан держал наготове копье. Он с силой всадил его во врага, промчавшись мимо, затем еще раз, и тот, не отпуская Нефрет, рухнул замертво на землю.

Теперь и Ру увидел, что произошло, и метнулся к своей госпоже. Высвободившись их рук поверженного гиксосо, Нефрет обратила взгляд на своего избавителя и узнала его.

— Хиан! — воскликнула царица. — Хиан, скорее ко мне!

Ру тоже узнал его и крикнул:

— Постой, господин Раса!

Но Хиан лишь покачал головой и ускакал прочь.

Вскоре, подобно реке, заполнившей высохшее русло, войско вавилонян затопило все вокруг. Но Хиан был уже далеко.

Битва стихла. Из двадцатитысячного войска гиксосов осталось в живых всего лишь несколько сотен ратников, остальные полегли на поле брани, или же их настигли вавилоняне, которые гнали врага до самой границы. Среди тех, кто живым добрался до войска Апепи, был царевич Хиан; то ли бог охранял его в гуще битвы, то ли спасли кони, что везли колесницу. Увидев знамена Апепи, Хиан остановил взмыленных коней и громко крикнул:

— Я царевич Хиан! Подойдите ко мне, — я ранен и не могу двигаться.

Военачальники и воины приветствовали его — они решили, что царевич Хиан, с которым они вместе воевали против Сирии, бежал от вавилонян и будет теперь сражаться на стороне своего народа. Бережно сняв Хиана с колесницы, они накормили его всем самым лучшим из того, что у них было, дали выпить вина, а затем уложили на носилки и понесли к царскому лагерю, окруженному недавно построенными фортами. Над ними реяли стяги, но когда они подошли ближе, то увидели, что ворота стоят раскрытыми, а в лагере царит смятение. Глашатаи объявили, что фараон отправился в Танис и отрядам своим приказал следовать за ним, дабы пополнить их свежими силами и приготовиться к защите великого города и всего Египта.

Услышав такое повеление, военачальники начали роптать. Но Хиан, поглядев вдаль, понял, отчего Апепи отдал такой приказ. Там, вдали, песок стал черным — по нему двигалось несметное воинство вавилонское. Пешим ходом, на конях и в колесницах, наступала на врага могучая рать, точно хлынул неудержимый поток. Оттого и бежал в Танис Апепи, бросив на произвол судьбы свое войско.

Поняв наконец, что происходит, полководцы пришли к Хиану и стали просить его принять на себя командование гиксосской армией, ибо положение его и военные заслуги давали ему на это право. Но он лишь улыбнулся, ни словом не ответив на это их предложение, и они решили, что отказывается он потому, что болен и не может держаться на ногах. Они снова принялись уговаривать его, но тут подошел тот полководец, которому Хиан дал клятву; как и сам Хиан, он избегнул страшной участи всадников Апепи. Полководец отозвал военачальников в сторону и рассказал им, как вместе с другими вавилонянами он захватил в плен царевича и про все остальное. Тогда гиксосские военачальники отступились от Хиана, хотя, изложив события так, как понимал их сам, они, скорее всего, прислушались бы к нему. Или же, вызовись он пойти к вавилонянам просить египетскую царицу или предводителя войска вавилонского царевича Абешу пощадить гиксосов, они, наверно, отнеслись бы к его предложению со вниманием. Однако он не сказал ни того, ни другого, в колесницу его впрягли свежих лошадей и, усадив его, повезли в Танис.

Так случилось, что, когда вавилоняне подступили к лагерю гиксосов, готовые вступить с ними в битву, они не нашли там никого, кроме больных и раненых. Тау отдал команду пощадить несчастных и оказать им помощь; от них стало известно о бегстве Апепи, а также о том, что царевич Хиан благополучно добрался до лагеря, был встречен с почетом и теперь будто бы командует отступающим войском, в погоню за которым и устремилась немедля вавилонская рать. На первом привале Тау вместе с главными военачальниками явились к Нефрет; тут же присутствовали Ру, жрец Тему и госпожа Кемма. Нефрет и Ру рассказали, по просьбе Тау, как в разгаре битвы они столкнулись с Хианом, который помчался на своей колеснице на тех, кто напал на Нефрет, как пронзил копьем гиксосу, стянувшего ее с колесницы, а затем, хотя они просили его остаться с ними, покачал головой и умчался прочь, даже не попытавшись остановить лошадей — сделай он это, он избавился бы от гиксосов, если был захвачен ими в плен.

Услышав эту странную историю, Тау попросил присутствующих истолковать ее. Вавилонские военачальники все, как один, заявили, что либо царевич впал в безумие, либо он предатель. Иначе, сказали они, он

воспользовался бы случаем и избавился от гиксосов; бежал, продолжали они; может, случилось и такое: заговорила в нем гиксосская кровь и, последовав зову сердца, он вернулся к своему отцу. Кемма, которая высказалась следующей, полагала, что он и вправду потерял рассудок; мыслимо ли, рассуждала она, чтобы мужчина в здравом рассудке умчался прочь от прекраснейшей из женщин, с которой он обручен и которая к тому же царица Египта? Но тут в голову ей пришла другая мысль, и она добавила: разве что за время разлуки он встретил девушку еще краше. Нефрет гневно оборвала ее.

Затем обратились к брату Тему, кто еще недавно делил с царевичем все тяготы и опасности. Пробормотав: «Да не покинет нас вера!», Тему сказал, что тут ему легко сохранить веру, ибо ни один человек, отведавший подземелья в Танисе, а также темени и духоты погребальной камеры, уж конечно, никогда не захочет вернуться в те места. Он начал было красочно описывать их зловония и муки, какие он претерпел верхом на лошади, но Тау прервал его и отправил на место.

Настала очередь Нефрет сказать свое слово. В гневе обратилась она к вавилонским военачальникам.

— Слышали вы когда-нибудь, чтобы предатель начал свое черное дело с убийства тех, кому продался? — спросила она. — И трудно ли понять, что, захоти царевич Хиан избавиться от меня, дабы со временем завладеть египетским престолом, ему нужно было лишь проехать мимо и предоставить гиксосским собакам убить меня, что они, без сомнения, и сделали бы, поскольку Ру, как раз когда был нужен более всего, оказался неведомо где. Однако же царевич Хиан четверых убийц задавил своей колесницей и пронзил копьем пятого. И вот зачем — одни боги знают почему, — хоть я и не сомневаюсь, что из иных побуждений, чем предположила госпожа Кемма, — холодно бросила Нефрет, — он уносится прочь, да с такой скоростью, что мы не могли остановить его, — уносится, как сказал жрец Тему, чтобы снова оказаться в каменном подземелье, а может быть, и навстречу еще более ужасной участи.

Выслушав Нефрет, Тау заключил:

— Все, кто знает царевича Хиана, наверное, поняли, что есть в его характере такие черты, каких не встретишь в других людях; может быть, в этом его отличии и кроется правда. Мне кажется, я понял, почему он поступил так, однако, пока не уверюсь, справедлива ли моя догадка, не сообщу ее вам, — достаточно уже высказано догадок. Пока что призываю вас внять призыву нашего брата Тему: веруйте, только вера спасет нас! Ибо что, как не вера, спасла от гибели Ее Величество царицу Египта, когда она,

не подчинившись приказаниям тех, кто поставлен над ней, выехала на колеснице вперед; и не вера ли явила себя в том, кто спас ее от смерти?

С этими словами он поднялся и удалился из-под навеса, оставив Нефрет в немалом смущении.

Те, кто уцелел из войска гиксосов, что стояло на границе, в конце концов дошли до Таниса, где приготовилось к обороне оставшееся войско Апеги. Но уцелели немногие, вавилоняне стремительно настигали врагов и тысячами захватывали в плен. К тому же, какими-то путями до гиксосов дошло, что никто из сдавшихся не будет предан смерти или продан в рабство; все, что от них потребуется, это присягнуть на верность Нефрет, признав ее царицей Египта, и перейти служить под ее знамена; тысячи гиксосов, выбившись из сил, отстали в пути, разбрелись по сторонам и были захвачены сторожевыми отрядами вавилонян.

Среди тех, кто проявил верность и в конце концов вступил в ворота Мемфиса, были царевич Хиан и полководец, кому сдался Хиан и с кем теперь его связывали узы дружбы. Их отвели во дворец и, к удивлению Хиана, поместили в те самые покои, которые когда-то занимал он, царевич и престолонаследник Нижнего Египта. Там ожидали его слуги — прежние слуги, к нему явились лекари, чтобы лечить колено, сильно воспалившееся и распухшее в пути, который был столь долог и труден. Приметил Хиан и доносчиков и стражей и понял, что за ним установлена зоркая слежка: соглядатаи будут ловить каждое его слово, примечать каждый жест, и любая попытка побега будет пресечена. Значит, он теперь такой же узник, как когда-то в подземелье, откуда они с Тему совершили побег.

Явившись во дворец на заре, измученный долгим путем Хиан, совершив омовение и насытившись, проспал на своем прежнем ложе до третьего часа пополудни. Но вот появились начальник стражи и воины с носилками, чтобы отнести Хиана в зал, где ждал его Апеги. Процессию возглавлял сильно похудевший и поседевший везир Анат, который то и дело бросал настороженные взгляды по сторонам, точно опасался, что где-то прячется убийца; вплотную за ним следовал один из дворцовых писцов, неприятного вида человек, которого Хиан давно уже считал доносчиком.

Анат отвесил тщательно отмеренный поклон — не то чтобы небрежный, но и не слишком почтительный.

— Приветствуем тебя, царевич, с возвращением домой после столь долгих странствий и невзгод, — сказал он. — Царь призывает тебя пред очи свои. Прошу тебя следовать за нами.

Хиана усадили на носилки, которые понесли восемь воинов; по одну

сторону носилок шел Анат; шествие замыкал начальник стражи. На одном из поворотов галереи носилки наклонились, и Анат ухватился за них руками, желая то ли выровнять, то ли отстранить от себя, чтобы они не прижали его к стене; доносчик же в эту минуту оказался еще за углом, так что не мог ни видеть происходящего, ни слышать разговора. Анат поспешно шепнул на ухо Хиану:

— Опасность велика. И все же сохраняй спокойствие и мужество, — у тебя есть верные друзья, готовые отдать за тебя жизнь, и я первый из них.

Тут из-за угла появился доносчик. Анат выпрямился и смолк.

Процессия вступила в зал, где в низком кресле, в кольчуге и с мечом в руке, сидел Апеги. Носилки опустили на пол, стражники помогли Хиану сесть в кресло, стоявшее напротив царского.

— Я вижу, ты ранен, сын, — ледяным голосом произнес Апеги. — Кто поразил тебя?

— Один из воинов Твоего Величества: он догнал меня и пронзил копьем, когда я бежал из Египта.

— Слышал я эту историю. Но почему ты бежал из Египта?

— Чтобы спастись и найти ту, что ждет меня, Твое Величество.

— А-а, и это припоминаю. Первое тебе удалось, хоть и не до конца, да и ущерб ты понес немалый; второе же не удалось и не удастся никогда, — с расстановкой проговорил Апеги. Затем он обратил взгляд на полководца, пленившего Хиана.

— Это ты — начальник, кого я послал во главе двадцатипяти тысячной конницы, чтобы напасть на вавилонян с фланга? — спросил он. — Если так, ответь мне, почему ты не выполнил моего повеления?

Коротко, как и положено воину, полководец рассказал, как ночью им повстречался конный отряд вавилонян, и они вступили в сражение и как царевич Хиан добровольно сдался в плен, чтобы сохранить жизнь тем, кто еще остался в живых; как затем столкнулись они лицом к лицу с несметным войском вавилонским, ехавшим верхом и на колесницах, и в страшном сражении погибли почти все гиксосские воины, как царевич Хиан, хоть и мог спастись, сдержал клятву, и вот теперь он доставил его в Танис.

Апеги едва дослушал его до конца.

— Довольно с меня рассказней, — резко бросил он. — Ты проиграл сражение и тем привел меня на край гибели. Армия моя разбита, и вавилоняне под предводительством проклятого колдуна из этой Общины Зари движутся на Танис, чтобы захватить его, после чего они захватят весь Египет и посадят на престол самозванку Нефрет, чтобы, прикрываясь ею,

править Египтом. Все это случилось потому, что ты не выполнил моего приказа. Вместо того чтобы напасть на вавилонское войско с фланга, ты попался на их приманку и вступил в бой с малым отрядом, растратив на то силы и время. Для таких, как ты, нет больше места на земле! Отправляйся в преисподнюю, может, там тебя научат, как выигрывать сражения.

Апепи подал знак, и несколько вооруженных рабов выступили вперед. Полководец же, ничего не ответив Апепи, повернулся к Хиану.

— Я сожалею, царевич, — с поклоном сказал он, — что не освободил тебя от клятвы и не упробил скрыться, пока то было возможно. Если так обошлись со мной, какая участь ожидает тебя? Что ж, я отправляюсь, чтобы рассказать обо всем Осирису, а он, как говорят, справедливый бог и карает тех, кто губит невинных. Прощай, царевич!

Хиан не успел ответить — рабы схватили полководца и уволокли за занавес, откуда вскоре один из них появился снова, с отрубленной головой, показывая фараону, что его воля исполнена. Увидев это, Хиан впервые почувствовал ненависть к отцу и понадеялся в душе, что боги не пощадят Апепи, и он умрет такой же страшной смертью, на какую обрек своего верного слугу.

Отец и сын остались вдвоем; они в молчании смотрели друг на друга. Первым заговорил Хиан:

— Если такова воля Твоего Величества и мне уготована та же участь, прошу не медлить — я устал, пусть же скорее приходит сон.

Апепи грубо захохотал.

— Всему свое время, и оно еще не пришло, — отвечал он. — Разве ты не понимаешь, сын, что теперь ты — единственная стрела, оставшаяся в моем колчане? Похоже, черные маги Общины Зари помогли тебе околдовать царственную египтянку и от любви к тебе она совсем потеряла голову. Избранница твоего отца, у кого ты похитил ее! Как ты полагаешь, приятно будет ей, когда она появится у стен Таниса вместе с войском вавилонским, — а так, без сомнения, и случится завтра на заре, — приятно будет ей, когда она увидит тебя, своего ненаглядного, на площадке ворот, а над тобой — палача с секирой?

— Не знаю, приятно ли будет ей, — отвечал Хиан, — но, думаю, если такое случится, Танис затем будет предан огню и все, кто живет в нем, погибнут, а среди них и тот, кому вовсе не хочется умирать.

— Ты прав, мой сын, — зло усмехнулся Апепи. — Разъяренная женщина с несметным войском за спиной может пойти на такое преступление и уничтожить беззащитных. Вот почему я намерен пока что оставить твою голову на плечах. Сделаю же я вот как — и скажи мне, если

тебе не понравится мой замысел: ты появишься на воротах, и глашатаи объявят, что за совершенное предательство ты тотчас же будешь казнен в присутствии фараона и его приближенных — тех, кто поместится на площадке. Так они возвестят, хотя — будет добавлено — фараон милосерден и любит своего сына, а потому готов пощадить предателя, если будут выполнены его условия. Догадываешься, какие?

— Нет, — глухо ответил Хиан.

— Лжешь, прекрасно ты знаешь! Но все же, сын мой, я повторяю, чтобы ты не обвинял меня в том, что я действовал нечестно. Условия простые, и их немного. Первое: отдав все ценности, а также оружие, лошадей и колесницы, и заключив с нами, гиксосами, вечный мир, вавилонское войско отойдет туда, откуда пришло. Второе: царица Нефрет ответит согласием на мое предложение, и в присутствии наших воинств, гиксосского и вавилонского, жрецы провозгласят ее моей супругой и царицей, а в дар мне она принесет наследные права продолжательницы древнего рода египетских царей.

— Никогда в жизни не даст она на то согласие, — сказал Хиан.

— Ты прав, сын, опасность тут есть, но скажет ли кто наперед, чего захочет или не захочет женщина? Если же выберет она другое решение и пожертвует тобой, дабы исполнить — как полагает она — свой долг перед Египтом, не переменит ли она его, услышав твои стоны и увидев, как пытаются тебя? По этим делам есть у меня большие искусники, а колено твое все еще болит и распухло, не так ли? С него-то они и начнут. Понравится тебе раскаленное железо, а? Докрасна раскаленное железо?

Хиан пристально посмотрел на Апепи.

— Делай что хочешь, дьявол, породивший меня, если я и вправду твой сын, во что трудно поверить, — сказал он. — Ты толковал о колдунах — жрецах Общины Зари. Знай же, что я один из них и владею их искусством, а также постиг их мудрость, и я предупреждаю тебя: не сбудется то, что ты замыслил, злоба же твоя обернется против тебя самого.

— А, вот как ты заговорил! Понял я, что ты придумал. Хочешь сам лишиться себя жизни? Только не удастся тебе это — я поставлю надежную стражу. И второй раз ты уже не убежишь. Спокойной ночи, сын. Отдыхай, пока еще есть время; боюсь, разбудят тебя рано.

Глава XXIII Владычица Зари

На рассвете Хиана вынесли на площадку восточных ворот Таниса, на которой свободно помещалось человек пятьдесят, если не больше; стоять Хиан не мог, и его посадили в кресло, установленное на самом краю площадки. Взошло солнце — Великий Ра — и осветило все вокруг. Под тем местом, где сидел Хиан, разверзся широкий ров, наполненный водой из Нила; вчера еще его перекрывал мост, но теперь он был поднят и накрепко привязан к пилонам ворот.

За рвом, почти у самой воды, точно не обращая больше внимания на разгромленного врага, расположились главные силы несметного войска вавилонского, а от этого его ядра могучими крыльями раскинулись в обе стороны отряды, замкнувшие город в свое кольцо и тем самым отрезавшие все пути отступления тем, кто находился в его стенах. Немного поодаль от рва, так, чтоб не долетели туда стрелы, в ряд встали шатры, над которыми реяли царские стяги Египта и Вавилона, указывая Хиану, где отдыхает Нефрет и царевич Абешу. На стенах города, по обе стороны от ворот в тревоге и беспокойстве теснились гиксосские воины, а в центре площадки, в окружении своих советников, среди которых находился и Анат, сидел в кресле фараон Апеги, в роскошных одеяниях и с двойной короной Верхнего и Нижнего Египта на голове.

Затрубили трубы, и у царских шатров встала стража, после чего наступила тишина. По ту сторону рва, за сторожевыми отрядами, в строгом боевом порядке стояли вавилонские воины, не сводя глаз с верхней площадки ворот — одна за другой белели полосы лиц, ряд за рядом, и каждое, казалось Хиану, обращено к нему. Вскоре появился гонец с белым флагом, он переплыл в лодке через ров, в сопровождении стражи прошел сквозь ряды воинов к шатрам, над которыми развевались вавилонский и египетский стяги, и отдал послание начальнику стражи, который затем вошел в шатер и вручил его Тау. Прочитав послание, Тау сказал сидевшей подле него Нефрет:

— Вот какие условия ставит нам Апеги: отдать ему все, что мы имеем, и подписать согласие о мире, после чего вавилонское войско должно уйти обратно в Вавилон.

— Что еще, дядя?

— Чтобы ты дала согласие выйти за него замуж, тог-де пред народом гиксосским и войском вавилонским состоится торжественная церемония, и

ты и Аепеи будете объявлены мужем и женой.

— Что еще, дядя?

— Если эти условия будут отвергнуты, царевича на глазах у нас предадут пытке и будут истязать до тех пор, пока не примем их или жизнь покинет его.

Страшная бледность покрыла осунувшееся, измученное лицо Нефрет. Голова ее клонилась все ниже и ниже, пока не коснулась колен, и она начала раскачиваться вперед и назад; но вот она выпрямилась.

— Как отгадать мне, чего бы хотел Хиан? — сказала она. — Какой ответ ждет он от меня?... — И вдруг она воскликнула: — Знаю! Знаю! Он хотел бы, чтобы я отвергла Аепеи, судьбой же Хиана пусть распорядятся боги.

— Да не покинет нас вера! — проговорил Тему, который сидел с папирусом на колене позади Нефрет.

— Истинные слова говоришь ты, брат мой, — продолжала Нефрет. — Вера ведет меня, и если она не спасет нас, я выберу смерть и в смерти обрету Хиана. Мне ли, происходящей из древнего рода фараонов Египта, мне ли, обрученной с царевичем и принесшей ему клятву верности, явиться ему в царстве мертвых оскверненной, явиться женой этого старого пса — гиксосского правителя? Не бывать тому! Склонится ли Вавилон, мой великий союзник, пред этими трусами, которые даже не осмеливаются вступить в битву? Не бывать тому! Пусть умрет Хиан, если суждено ему умереть, и пусть позволят мне боги умереть вместе с ним. Но если случится так, не останется в живых ни единого человека, в ком течет гиксосская кровь, ни в Танисе, ни по всему Северу. Запиши это, Тему, как продикует тебе царевич Абешу, и пусть гонец отнесет наш ответ поганому вырожденку Аепеи, а наши глашатаи пусть сообщат всем, кто стоит на воротах и стенах Таниса; и вперед, на врага — атакуйте все ворота, все входы в город! Пусть предводитель наш Абешу отдаст приказание.

Тау выслушал, и неприметная улыбка скользнула по его губам. Главам отрядов, вскочившим на быстрых коней, он дал приказания, получив которые несметная вавилонская рать должна была стремительно двинуться на город, обходя его со всех сторон. Затем Тау повернулся к Тему и другим писцам и продикувал им ответ Аепеи. Он также призвал глашатаев и повелел им выучить этот ответ наизусть, а затем огласить у всех городских ворот.

Приготовления были закончены. Гонец, взяв свиток, зашагал к лодке; сопровождал его Ру, у которого нашлось что сказать гиксосам от собственного имени:

— Передай этому погонщику баранов, который называет себя царем, а также его советникам и военачальникам, которые еще остались в живых, — пусть только кто посмеет пальцем тронуть царевича Хиана! Пусть только тронет — и тогда я, эфиоп Ру, вырву у них язык изо рта и выдавлю глаза вот этими руками, а потом зашвырну в пески, пусть там подыхает от голода. И с тобой, гонец, сделаю то же самое — посмей только не возвестить это мое послание, да погромче, чтобы я услышал тебя на этом берегу.

Подняв глаза на великана-нубийца, который, скрежеща зубами, свирепо уставился на него, гонец поклялся, что выполнит его просьбу. Он прыгнул в свою лодчонку, пересек ров и через маленькую дверцу был впущен в надвратную башню; вскоре он появился на площадке ворот и вручил ответ Апепи. А затем, как и обещал, громким голосом повторил угрозу Ру, которая, как видно, не очень-то понравилась сановникам, собравшимся на площадке — они сбились в кучки и встревоженно о чем-то заговорили. Глашатаи возвестили то, что было написано в ответном послании, дабы услышали все гиксосские воины.

Услышал и Хиан, и сердце его наполнилось радостью: теперь он знал, что Нефрет не покроет себя позором ради его спасения. Он сидел, привязанный к креслу, на самом краю площадки, так чтобы его первого пронзили стрелы и копья, если начнут сражение вавилоняне. Но голову он смог повернуть и сказал через плечо Апепи, который стоял за ним, а также Анату и другим советникам:

— Фараон и приближенные его! Царевич Абешу и царственная Нефрет исполнят то, в чем клянутся, пусть не будет у вас сомнений. Пытайте меня, убейте у них на глазах, если того желаете, но знайте, это не изменит их решения; не поступят они честью ради спасения моей жизни. Я же смерти не боюсь, и спрашиваю лишь вот о чем: по доброй ли воле хотите вы последовать за мной и погубить всех жителей Таниса и весь народ гиксосский? Если вы сохраните мне жизнь и отпустите на свободу, и вы, и народ спасетесь. Поднимете на меня руку, погибнут все. Я сказал свое слово; поступайте, как знаете.

Хиан услышал какое-то движение позади, но увидеть, что происходит, не мог, так как был привязан к креслу. Он услышал, как везир Анат и другие советники упрашивают фараона отказаться от своего намерения, ибо город в безвыходном положении: несметное войско вавилонское окружило их со всех сторон; не безумие ли это — погубить всех, лишь бы отомстить своему собственному сыну? Горожане, услышав обещания вавилонян, прогнали стражу, что охраняла площадь перед воротами, и

начали кричать:

— Пощади царевича Хиана, фараон! Ты хочешь замучить и убить сына, рожденного тобой, но несешь смерть и нам. Мы не хотим умирать из-за тебя!

Затем, перекрывая всех, снова заговорил Анат, холодно и властно, скорее угрожая, чем прося:

— Ты совершаешь страшное преступление, фараон. Все в Танисе любят царевича Хиана: когда враг у стен города, негоже царям убивать того, кого любит народ.

Задыхаясь от ярости, заговорил Апепи:

— Замолчи, Анат, и все вы замолчите, иначе, разделавшись с одним предателем, я возьмусь за вас. За дело, рабы!

За спиной Хиана послышалось гортанное бормотание. Как видно, черные палачи медлили, не хотели исполнять свое страшное дело. Снова фараон в ярости крикнул им, чтобы приступали к пытке, а они все медлили. Послышался удар, вслед за тем раздались стоны и Хиан понял, что Апепи обрушился на одного из палачей; теперь другие не осмелятся и далее противиться его приказу. На противоположной стороне рва он увидел великана Ру; потрясая своим огромным топором, он метался по берегу, точно лев в клетке. Позади него теперь выстроились ряды стрелков с луками наизготове; они ждали команды; за лучниками Хиан разглядел Тау и рядом с ним Нефрет в сверкающей серебряной кольчуге — она опиралась на руку Тау.

Хиан собрал все силы и крикнул:

— Ру! Слушай меня — это Хиан! Скажи лучникам: пусть спустят тетиву! Лучше мне умереть от стрел, чем от пыток...

Продолжить Хиан не смог — Апепи шагнул вперед и с силой ударил его по лицу, а затем приказал палачам заткнуть царевичу рот кляпом, отчего по войску вавилонскому прокатился стон, так же как и по многотысячной толпе танисцев, заполнивших дворцовую площадь. Ру, взревев, точно раненый бык, разразился проклятьями и, повернувшись к лучникам, повторил просьбу Хиана; лучники вскинули луки; глядя на Тау, они ждали команды. Но Тау медлил, лишь сделал им знак рукой, чтоб они придержали стрелы; рядом с ним рухнула вдруг на колени Нефрет, — как видно, ей стало дурно.

Хиан почувствовал, как чьи-то ручищи рвут на нем одежду, в ноздри ударил запах раскаленного железа, и его пронзила нестерпимая боль. Медленная пытка началась! Хиан закрыл глаза, готовясь предстать перед судом Осириса.

Но тут слуха его коснулся странный шум: слышались удары, какая-то возня. Хиан открыл глаза — мимо него, спотыкаясь, пятилась массивная фигура фараона, в груди у него торчал кинжал. На краю площадки Апеги остановился, уцепившись за кресло, к которому был привязан Хиан.

— Паршивый пес! — через силу прохрипел Апеги. — Проклятый везир! Слишком долго я щадил тебя, надо было покончить с тобой еще ночью. А я ждал...

— Да, фараон, — прозвучал голос Аната, — ты промедлил, и пес цапнул тебя первым. Отправляйся же поскорее к Сету, убийца единокровного сына!

Старческая иссохшая фигура Аната метнулась вперед, черные глаза блеснули на морщинистом желтом лице, тонкая рука взметнулась и раскаленным прутом палача с силой ударила по рукам, цепляющимся за кресло. Апеги разжал руки и, взыв от боли, полетел в ров.

Увидев это, Ру прыгнул в воду и устремился вперед. Едва голова фараона показалась над водой, он схватил его своей могучей ручищей, доплыл с ним до берега, выволок на песок, переломил, точно палку, и забросил подальше.

— Фараон Апеги мертв! — прозвучал тонкий старческий голос Аната. — Но фараон. Хиан жив! Жизнь! Кровь! Сила! Фараон! Фараон! Фараон!

Он выкрикивал эти слова, а сам тем временем развязывал веревки, опутывающие Хиана, вытащил кляп у него изо рта; толпы народа внизу подхватили древнее приветствие:

— Жизнь! Кровь! Сила! Фараон! Фараон! Фараон!

Вечером того же дня Хиан лежал на ложе в царском шатре вавилонян, куда его принесли по собственной просьбе, так как Нефрет не могла вступить в город. Кемма и лекарь обмыли его израненное лицо, перевязали распухшее колено, Нефрет же стояла рядом, содрогаясь от вида длинной красной полосы на его теле, оставленной раскаленным прутом.

Один вопрос мучил Нефрет, и вот он сорвался с ее уст.

— Скажи мне, Хиан, — заговорила она, — почему ты в разгаре битвы умчался от меня, хотя мог спастись от пленивших тебя гиксосов и избавить нас от столь ужасных страданий?

— Но разве, госпожа моя, более чем двухтысячное войско и вместе с ним множество раненых не соединилось с твоим войском в тот день? Те, что уцелели в сражении за меня, и те, кто остался в живых из сторожевого отряда в горах? — спросил Хиан.

— Они соединились с нами, и мы спрашивали их, но никто не мог нам объяснить твой поступок. Сказали только, что ты вдруг выехал на

колеснице вперед и сдался гиксосам, после чего те прекратили атаки.

— И ты не понимаешь, что иной раз события поворачиваются так, что один человек должен пожертвовать собой, чтобы спасти множество других людей?

— Понимаю, — ответила, покраснев, Нефрет. — Теперь я поняла, что ты благороднее, чем я думала. И все же, ты ведь мог остаться с нами, почему же на моих глазах ты умчался прочь?

— Спроси о том пророка Тау, — устало ответил Хиан.

— Почему Хиан умчался прочь от нас? Скажи мне, если знаешь, дядя?

— Разве те, кто вступает в нашу Общину Зари, не клянутся клятвой, которую нельзя нарушить, племянница? Быть может, брат наш обещал врагу сдать, не выйдя из пределов Египта; так и сделал он, несмотря на то что ему предоставился случай остаться с нами. Это объяснение сразу пришло мне на ум.

— Так ли это, Хиан?

— Так, Нефрет. Обещанием своим я заплатил за жизнь наших воинов. Неужели хотела бы ты, чтобы я нарушил клятву, лишь бы спасти свою собственную жизнь?

— Что мне сказать на это, Хиан? Что ты благороден. Но ты ведь знал: если погибнешь, всю жизнь будет мучить меня вопрос: почему ты пошел навстречу гибели, почему покинул меня?

— Тау знал все. Он сказал бы тебе, если б пробил тот час.

— Как мог ты знать то, дядя, что было скрыто от меня?

— Положение обязывает меня сохранять тайны, племянница. Зачем тебе подробности? Я знал, — и этого достаточно, как знал и то, что никогда не понадобится излагать тебе всю правду.

— И ты, дядя, обрек меня на такие страдания, хоть в этом не было никакой нужды! — сердито воскликнула Нефрет.

— Может, и не было, но тебе это только на пользу. Надо ли ограждать тебя от страданий, врачующих душу? Царица Египта, ты в первую очередь — и прошу тебя никогда не забывать об этом! — сестра Общины Зари и исполнительница ее установлений. Будь смиренна и скромна, сестра. Поступайся своими личными желаниями. Повелевая, учись повиноваться и ищи не славу, а свет. Ибо только так, когда закончится твой земной срок и минуют все невзгоды и испытания, обретешь ты вечный покой.

— Да не покинет нас вера! — пробормотал стоявший позади Тему.

— Да, — продолжал Тау, — вера и скромность, ибо вера возвышает нас, скромность же ведет нас в служении — ни себе, но другим, что и есть истинное служение. Сердце твое сейчас полнится радостью, но я говорю

тебе это, ибо близится час нашего расставания: я удалюсь в свое уединение, ты же взойдешь на трон, а кому позволено поучать фараона, восседающего на троне?

— Тебе позволено, дядя, и я надеюсь, ты не лишишь меня твоих советов, — решительно тряхнув головой, сказала Нефрет.

Но тут ее настроение вдруг изменилось, она крепко обняла его и поцеловала в лоб.

— Ах, мой дорогой, мой любимый дядя, — сказала она, — ведь я обязана тебе жизнью! Когда я еще была малюткой, ты спас меня и матушку мою, вызволил нас из рук этих предателей — фивейских вельмож, с которыми я вскоре надеюсь поговорить по душам, если они еще живы.

— Госпожа Кемма и Ру — вот кто твои спасители, — сказал Тау.

— Да, конечно, и все же они всего лишь выполняли свой долг, а ты поднялся ради моего спасения в верховья Нила.

— Чтобы исполнить то, что было велено мне, племянница.

— Затем ты привез нас к пирамидам и следил за моим воспитанием, обучив меня всему, что я знаю сейчас. А после ты привез меня в Вавилон, и хотя, казалось бы, великий царь сам отозвался на мои молитвы, но я знаю, это ты внушил ему отказаться от прежнего замысла выдать меня замуж за Мир-бела, а вместо того послать со мной несметное войско, которое и принесло нам победу и мир.

— Бог по собственному разумению обратил к тебе сердце Дитаны, а не я, племянница.

— А как ты заботился обо мне! — продолжала Нефрет, не обращая внимания на его слова. — Это ты удержал меня, когда я хотела вместе с пятитысячным войском ринуться к горной заставе, что погубило бы меня или покрыло позором. Ах, всего не перечислишь! Но чем я тебе отплатила? Сколько строптивости проявила я, какие сердитые слова бросала в своей гордыне и не верила, когда ты внушал мне, чтобы я набралась терпения, что все кончится хорошо и мы с Хианом встретимся. Ты просил верить и надеяться, а я убедила себя, что Хиана уже нет в живых. Впрочем, это твоя, а не моя вина, что я вела себя так, — продолжала Нефрет уже другим тоном, — не ты ли позволял мне своевольничать в детстве, вместо того чтобы учить послушанию?

— Мне кажется, это пророк Рои баловал тебя, — отвечал Тау с тихой улыбкой. — Ну и, конечно, госпожа Кемма.

Послышались выкрики стражников, занавесы раздвинулись, и Ру возгласил о приходе везира; вслед за тем вошел и сам везир в сопровождении гиксосских сановников и военачальников.

Трижды Анат и его свита простерлись ниц перед Нефрет, перед Хианом и царевичем Абешу, предводителем армии вавилонской.

— Царица, — молвил Анат, — от всего народа гиксосского пришли мы, чтобы объявить, что сдаем тебе город Танис; тебя же просим явить милосердие к тем, кто сражался против тебя, и к каждому, кто живет в стенах этого города. Даруешь ли ты нам жизнь?

— Пусть станут твои уста моими устами, — обратилась Нефрет к Тау. — Ты мыслишь так же, как и я, и все, что ты скажешь, будет мною исполнено, а также, я полагаю, и царевичем Хианом, который еще слаб и не может заниматься государственными делами.

— Да, даруем, — отвечал Тау. — Всем, кто будет верен Нефрет, царице Египта, и Хиану, царевичу Севера, с которым хочет она сочетаться браком, даруем мы прощенье. Завтра мы вступим в Танис и провозгласим мир и согласие на долгие времена.

— Мы выслушали твой ответ и благодарим тебя, царица, — молвил Анат. — Теперь же обращаю речь свою к царевичу Хиану: я, кто пришел к нему, обагрив свои руки кровью фараона, молю его о прощении. Пусть выслушает меня царевич. Когда брошен был он в подземелье, это я, везир Анат, с помощью известного вам брата Зари и некоего тюремщика спас его. Заподозренный фараоном, попал я в опалу и сам брошен был в подземелье. Вот почему не мог я помочь Хиану выбраться из другой темницы — из усыпальницы Ур Хафра; не мог я отвести от него и погоню на пути к Вавилону. Но прошло время, и я снова обрел силу, ибо знал фараон, что один только я смогу спасти его от клыков вавилонского льва. Когда великое воинство вавилонское хлынуло на Египет, я дал совет фараону сдаться и, если царевич жив, объявить о женитьбе Хиана на царственной Нефрет. Вместо ответа он ударил меня, точно пса, — вот посмотрите, какие страшные рубцы! — Анат потрогал свою голову. — Атака на вавилонян не удалась — продолжал он, — и фараон поспешно отошел к Танису, Хиан же по благородному побуждению сам отдался в его руки. Тщетно молил я Апепи сохранить царевичу жизнь; я взывал к нему и во дворце, и на площадке ворот, но, одержимый злобой и ревностью, фараон хотел замучить своего сына пытками на глазах у Нефрет и воинства вавилонского. И вот, пока еще было не поздно, я вступил с фараоном в схватку и поразил его. Царевич Хиан и весь народ гиксосский были спасены. Заслужил ли я прощенья?

Тау приблизился к тому месту, где лежал царевич, и переговорил с ним. Вернувшись, он отвечал:

— Ты совершил то, Анат, что должно было совершить. Принеси завтра

жертвы в храме богов твоих и прими от них прощение за то, что пролил царскую кровь ради спасения продолжателя царского рода и жизней десятков тысяч невинных людей. Затем явись во дворец в Танисе, где тебе будут снова вручены жезл и цепь везира Верхних и Нижних земель.

Миновало тридцать дней. На торжественной церемонии Тау передал предводительство вавилонской армией военачальнику равного с ним ранга, снял с себя кольчугу и царские знаки, облачился в белые одежды пророка Зари и, оставив Тему, ибо таково было желание Нефрет и Хиана, отправился к храму пирамид. Десять тысяч лучших воинов вавилонских были отобраны и оставлены для охраны внучки великого царя, пока не свершится то, чему предназначено было свершиться; все же остальное войско отправилось в обратный путь в Вавилон. Состоялись церемонии, на которых все, кто служил прежде его отцу, известному теперь под именем «Апепи Проклятый», принесли клятву верности Хиану, однако Нефрет на церемониях этих не присутствовала; не состоялась еще коронация, ибо никто не знал, кто будет теперь править Египтом — Хиан, царь Севера, или же Нефрет, царица Юга. Кое-кто считал, что правителем должен стать Хиан, но другие опасливо поглядывали на лагерь, где расположились десять тысяч вавилонских воинов, и умоляли говоривших замолчать.

Хиан выздоравливал, но медленно. Искусный лекарь и заботливый уход помогли залечить колено, но Хиан знал теперь, что на всю жизнь остался хромым. Страшнее, чем физические, были страдания душевные, они-то и мешали ему воспрянуть к жизни. Тяжкие испытания выпали на его долю! Сначала дворцовое подземелье, затем долгое заточение в гробнице; побег к вавилонянам, рана, которая никак не заживала, и он день за днем, неделя за неделей лежал без движения на спине, в окружении чужестранцев, на чьем языке не мог говорить, в неведении о том, где Нефрет и что с ней.

Но вот он узнал, что Нефрет жива и находится совсем рядом, — какое это было счастье! — а дальше поход вместе с пятитысячным войском, отчаянная битва среди пустыни и его добровольная сдача в плен, встреча с Нефрет во время второй битвы и его бегство, ибо не мог он нарушить клятву, хоть и знал, что она не поймет его поступка; прибытие в Египет и в Танис, встреча с Але-пи и, наконец, страшная пытка на площадке городских ворот, на глазах у Нефрет. Хиан был молод и силен, но он не выдержал: тело его было измучено, и он пал духом; он удалялся от всех и лежал дни напролет, а по ночам, когда приходил наконец сон, его мучили страшные видения, и он кричал и корчился в судорогах; по городу поползли слухи, что молодой фараон вскоре отправится к своим праотцам.

Анат являлся к нему с докладом о делах, Хиан выслушивал, почти ничего не говоря. Тему читал ему старинные манускрипты или молился и разговаривал с ним о вере. Навещал его и Ру, он все вспоминал о битве или о чудесах Вавилона и как Нефрет училась воинским приемам; слушая об этом, Хиан начинал улыбаться. Время от времени, в сопровождении Кеммы, которая останавливалась поодаль и глядела в окно, приходила и сама Нефрет и говорила с ним о любви и о том, что они поженятся, как только ему станет лучше.

Но лучше ему не становилось, тогда Нефрет отправила с посыльным письмо к Тау и последовала совету пророка. Сказав Хиану, что Танис расположен в слишком низком месте и тут очень жарко, она велела перенести царевича на корабль, и они медленно поплыли вверх по течению Нила. Но вот вдаль показались пирамиды; при первом же взгляде на них поведение Хиана изменилось: он оживился и даже повеселел, рассказывая Нефрет о том, какие истории тут происходили. Обрадовавшись этой перемене, Нефрет распорядилась, чтобы царевича перенесли на берег; они расположились посреди пальмовой рощи, где Нефрет когда-то нашла Хиана спящим под деревом и откуда, после того как Ру унес его поклажу, она, одетая проводником, повела его в тайное убежище Братства.

Здесь, в роще, Хиан, с обручальным кольцом Нефрет на руке, в ту ночь спал куда более спокойным сном, чем много месяцев тому назад, когда он покидал эту рощу, чтобы возвратиться в Танис и рассказать Апепи о своей миссии.

Наутро, пока еще было совсем темно, в палатку Хиана вошел Ру и помог царевичу одеться. Затем Хиана усадили на носилки и понесли через пески; Хиан не задавал никаких вопросов, но вот в свете звезд он увидел очертания огромного Сфинкса. Здесь Хиана сняли с носилок, и все удалились, оставив его одного.

Наступил рассвет, и Хиан увидел, что он не один — рядом с ним, в длинном сером плаще с капюшоном, стоит то ли юноша, то ли стройная девушка.

О, боги! Он вспомнил, кто это: юный проводник, который, казалось, много лет тому назад вывел его из пальмовой рощи к Сфинксу и здесь завязал ему глаза.

— Ты все еще сопровождаешь путешественников через пески, мой юный друг? — обратился к нему с вопросом Хиан.

— Да, писец Раса, — отвечал некто в плаще грубоватым голосом.

— И по-прежнему воруешь поклажу или прячешь ее? Куда делись мои носилки?

— Я отбираю все, что захочется, писец Раса, которому я желаю здоровья и счастья.

— И по-прежнему завязываешь посланцам глаза?

— Да, писец Раса, если необходимо сохранить что-то в тайне и не показывать им. А потому прошу тебя, стой спокойно, и я завяжу тебе глаза, как сделала когда-то.

— Повинуюсь, — со смехом отвечал Хиан. — Быть может, ты не знаешь о том, юноша, но со времени нашей первой встречи я перенес много страданий и понял, а также услышал это из уст некоего Тему, что главное в жизни — вера. А потому завязывай мне глаза, я подчиняюсь тем более охотно, потому что уверен: когда снова прозрею, мне явится небесное видение. Смотри, я преклоняю колени или, скорее, просто наклоняюсь, потому что согнуть колено я не могу.

Фигура в сером плаще склонилась над ним, и на глаза его снова лег шелковый платок. Ах, как хорошо он запомнил его нежный аромат! Затем, держась за плечо проводника, Хиан, прихрамывая, прошел некоторое расстояние, пока нарочито грубоватый голос не попросил его опуститься на песчаную насыпь и здесь подождать.

Вскоре голоса — мужские голоса — попросили его подняться. Чьи-то руки помогли ему сделать это, и, кем-то поддерживаемый, он пошел по гулким переходам, где эхом отдавались шаги; его ввели в какое-то помещение, где облачили в новые одежды и водрузили на его голову венец, но он не видел, что это за одежды и венец, а когда спросил, ответа не последовало.

И снова его повели куда-то, как ему показалось, они вошли в большой зал, где собралось множество народа, ибо он слышал приглушенные восклицания. Чей-то голос попросил его сесть, и он опустился на подушки кресла.

Вдалеке раздался возглас:

— Ра взошел!

И зазвучало пение. Он узнал этот гимн — в дни празднеств Братства Зари им приветствовали восходящее солнце. Поющие умолкли; теперь вокруг царила тишина; затем он услышал шелест одежд.

И тут многоголосый хор возгласил:

— Владычица Зари, приветствуем тебя! Приветствуем тебя, Владычица зари! О светозарная! Приветствуем тебя, дарующая жизнь! Приветствуем тебя, священная сестра! О, та, кому Небо предназначало объединить истерзанные земли Верхнего и Нижнего Египта!

Хиан не выдержал. Он сорвал с глаз повязку. Быть может, она была

слабо затянута — при первом же прикосновении пелена спала с его глаз. О, боги! Пред ним в сверкающем под лучами солнца царском одеянии, увенчанная двойной короной Египта, стояла Нефрет — само величие и красота.

Мгновение-другое она помедлила, пока, отдаваясь гулким эхом, под сводами храмового зала звучали приветствия, затем взмахнула скипетром, и воцарилась тишина. Отдав Кемме скипетр, а Ру — символы царской власти, Нефрет сняла с себя корону Египта и водрузила ее на голову Хиана. Затем она преклонила колена и коснулась губами его руки.

— Царица Египта приветствует царя Египта! — произнесла она.

Хиан в удивлении воззрелся на нее. Затем, словно боль и слабость снова одолели его, он с трудом поднялся с трона, предлагая ей самой занять его. Но Нефрет покачала головой. Поддерживая Хиана сильной рукой, она подвела его к тому месту, где стоял Тау в окружении советников Общины Зари. В присутствии Братства Общины Зари — всех живых и мертвых — именем Духа, которому они поклонялись, Тау соединил их руки и благословил, навечно отдавая их друг другу.

Так окончилась эта удивительная история.

Нефрет и Хиан стояли перед залитой лунным сиянием величественной пирамидой Ура.

— Отдых наш подошел к концу, супруга моя, — произнес Хиан. — С завтрашнего дня мы с тобой будем не просто братом и сестрой Общины Зари, но и правителями Египта, наконец-то объединенного от нильских порогов до самого моря. Трудный путь прошли мы с того дня, когда, стоя вот так же рядом, любовались этой пирамидой. И все же, возлюбленная моя, живет в моем сердце надежда: та сила, что охраняла нас и провела сквозь многие опасности, а затем от ворот смерти вернула меня к жизни и радости, пребудет с нами и далее.

— Так предсказал благочестивый и всемудрый Рои, в котором обитал дух Истины. Возблагодарим же, супруг мой, богов за все, что они даровали нам, и в смирении начнем новую жизнь, памятуя о том, что хоть теперь мы — царь и царица Египта, все же в первую очередь мы с тобой — брат и сестра славной Общины Зари, принявшие ее святую веру и посвятившие себя служению человечеству.

Тут царственные супруги услышали позади себя чьи-то шаги и, оглянувшись, увидели Хранителя пирамид, который похудел и состарился с тех пор, как они видели его в последний раз.

— Не желают ли святейшие властители подняться на пирамиду? — с

поклоном обратился он к ним. — Луна светит ярко, а ветра нет совсем; к тому же хотелось мне показать фараону то место, с которого в день его побега покатались вниз проклятые лазутчики-гиксосы.

— Нет, Хранитель, — отвечал Хиан, — кончились мои прогулки по пирамидам, ибо до конца моих дней суждено мне быть теперь хромым. Отныне ты один, Хранитель, будешь властителем Великих пирамид.

— И Духом также, — добавила Нефрет, — ибо не должно мне, кому судьба определила взойти на дурманящие вершины власти, появляться теперь на вершинах пирамид. Прощай же, отважный наш спаситель. Нет и не будет предела нашей благодарности — все, чего бы ты ни пожелал и что мы в силах дать тебе — твое.

Взявшись за руки, Хиан и Нефрет направились к тому месту, где стояли Ру и Кемма, а также отряд стражи, сопровождавший их на корабль, который ждал лишь попутного ветра, чтобы отплыть вниз по течению Нила.

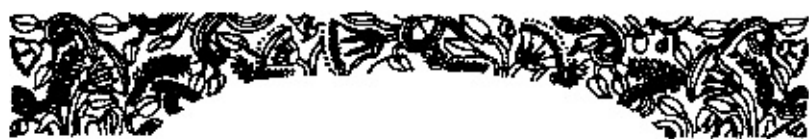
— Теперь я поняла, что означало то видение, — сказала седовласая Кемма могучему эфиопу Ру, — почему богини нарекли новорожденную царевну «Объединительницей Земель».

— Понял и я, — отозвался Ру, — зачем эфиопские боги дали мне добрый топор и силу, чтоб не дрогнула моя рука на той фиванской лестнице.

Скиталец

СКИТАЛЕЦ

I. Безмолвный остров

Шумно плещут и пенятся огромные валы безбрежного моря, омывая подошвы гор.

Легко скользит по волнам корабль, огибая острова и несясь вперед во мраке ночи. У корабля только одна мачта и широкий коричневый парус, на котором вышита золотом звезда; его корма вздымается высоко над водой и похожа на клюв птицы, нос выкрашен в ярко-красный цвет.

На веслах корабль несется так же легко, как при западном ветре.

На деке корабля стоит человек и смотрит вперед. Он невысокого роста, но крепко сложен, широкоплеч и, по-видимому, очень силен. У него синие глаза, темные вьющиеся волосы рассыпаются из-под красной матросской шапки по пурпуровому плащу, застегнутому золотой брошью. В его темных локонах мелькают серебряные нити, а борода совсем побелела. Вся душа его в глазах, он без устали следит, не покажется ли из темноты огонь маяка на приближающемся острове или дымок из-за далеких холмов, но ждет напрасно: ни огня, ни дыма, ни крика птиц — ничего. На острове царит мертвая тишина.

Вот корабль приблизился к берегу, на котором не было и признака жизни. Лицо человека омрачилось. Глаза его потухли, он, казалось, постарел от заботы, сомнений и тоски по родному дому.

Ни один человек не мог так любить свой дом, как он, Одиссей, сын Лаэрта, прозванный Улиссом, возвращавшийся теперь из своего второго странствия. Весь мир знал о его первом путешествии. Десять лет скитался он по морю после взятия Трои и добрался до дома, переодетый нищим. Дома он встретил злобу и насилие врагов, убил их в своем собственном доме и снова завоевал свою жену, однако и после того не нашел покоя и отдыха: на нем тяготело проклятие. Он должен был выполнить свою задачу, странствовать до тех пор, пока не достигнет той страны, где люди не знали вкуса соли и не слышали о существовании моря.

Тогда он должен был принести жертву богу моря и вернуться домой. Он стерпел проклятие, выполнил все должное, чтоб умилостивить разгневанное божество, относившееся раньше к нему по-дружески, и после всевозможных приключений приближался к родине. И так, побывав в

чудных странах, теперь он возвращался от Ворот Солнца и Белой скалы, из Обиталища душ, из страны народа Снов.

Но на его родном острове было тихо и сумрачно, как нигде, берега казались пустыней в лучах рассвета.

Корабль остановился в хорошо знакомой гавани, закрытой скалами от ветра. Скиталец не обернулся назад, не сказал ни одного слова на прощание своему экипажу, схватился рукой за ветку огромного оливкового дерева и прыгнул на берег, здесь встал на колени, поцеловал родную землю и, покрыв голову плащом, начал молиться, чтобы найти дома мир и покой, верную, любимую жену и достойного сына.

Но молитва его не была услышана. Поднявшись после молитвы на ноги, странник оглянулся назад, но в гавани не было и следа корабля, а в море не белело ни единого паруса. Кругом царила тишина, даже дикие птицы не приветствовали своим криком.

«Солнце только что взошло, и люди не успели проснуться», — подумал Скиталец и скрепя сердце пошел по тропинке на холм, через скалы вдоль всего острова. Взбираясь по холму, он надеялся, как прежде, найти дом своего верного слуги, свинопаса, и узнать у него о родном доме. Вот и избушка его. Дубовый крепкий частокол весь поломан. Ни признака жизни — нет даже дыма из трубы, и собаки не выбежали навстречу. Дверь в избушку была открыта настежь, но в ней совсем темно. Паутина висела с потолка, всюду пыль и запустение. Очевидно, люди давно не входили сюда.

Скиталец крикнул, но ему ответило только эхо. Тогда он вошел внутрь, надеясь найти пищу, а может быть, искру тлеющего огня под сухими листьями. Но нет. Холодный мрак, подобный смерти, царил повсюду.

Скиталец снова вышел на воздух, под теплые лучи солнца и пошел по направлению к городу Итаке. Он видел сиявшее, как прежде, безбрежное море. Но на нем не видно было парусов. На полпути ему встретились ольховая роща и бассейн, вода которого вытекала из старого фонтана Нимф. Теперь бассейн был изломан и зарос мхом, вода промыла в нем трещины и ушла в море. Путешественники не совершали здесь жертвоприношений, и огонь на алтаре Нимф давно погас. Трава покрыла остатки пепла, жертвенный камень зарос плющом.

Скиталец спешил вперед с тяжелым сердцем. Скоро он увидев высокую кровлю своего дома. Но и здесь не видел дыма из трубы, широкий двор зарос сорной травой. Там, где посередине двора когда-то стоял алтарь Зевса, находилась большая куча какой-то белой пыли, около которой росла безобразная трава, редкая, как волосы на голове прокаженного.

Скиталец вздрогнул, заметив в куче почерневшие человеческие кости,

подошел ближе, и — о, ужас! — куча оказалась останками мужчин и женщин. Очевидно, здесь хорошо поработала смерть, масса народа погибла от чумы. Трупы их были сожжены, а те, кто свалил их сюда, вероятно, убежали, так как людей не было видно нигде. Двери даже были открыты, но никто не входил и не выходил из них. Дом был мертв так же, как люди, которые когда-то жили в нем.

Скиталец помедлил минуту на месте, где старый Аргас когда-то приветствовал его. Одинокó стоял он, опираясь на свой посох. Вдруг луч солнца упал на кучу костей, и что-то ярко заблестело в ней. Скиталец тронул концом своего посоха кучу, и к его ногам упала кость руки, на которой блеснуло золотое запястье. На запястье была выгравирована характерная надпись.

При виде ее несчастный в ужасе упал на землю, узнав золотое запястье, несколько лет тому назад привезенное им в подарок жене своей Пенелопе. Он обессилел и зарыдал, собирая прах жены и посыпая им свою голову. Долго лежал он на земле, кусая руки, проклиная богов и судьбу; лучи солнца жгли его, но он даже не двинулся с места, когда уже на закате солнца ветерок зашевелил его волосы.

Солнце закатилось, и стало темно. На востоке медленно всплыл серебристый месяц. Неподалеку раздался крик ночной птицы. Черные крылья мелькнули в воздухе, и хищная птица клюнула в шею Скитальца. Он пошевелился, взмахнул рукой, схватил птицу и с силой бросил ее на землю. Страдания его были так невыносимы, что он начал искать у пояса нож, чтобы убить себя, но ножа не было. Тогда он встал, шатаясь, и стоял, озаренный сиянием месяца, словно лев у разрушенного дворца забытых королей. Ослабев от голода и тоски, он прислонился к дверям собственного дома и смотрел на высокий каменный порог, где когда-то он сидел, переодетый нищим, и где убил оскорбителей своей жены.

Теперь жена его умерла. Все было кончено, и навсегда. При свете луны дом казался ему каким-то страшным призраком... Там не было людей, не было тепла, света и любви. Столы были свалены там и здесь в большом зале, кресла из слоновой кости сломаны. Повсюду валялись остатки похоронного пира, опрокинутые кубки и блюда. Лунные блики скользили по стенам, сверкая на клинках оружия и бронзе.

Вдруг одна знакомая вещь привлекла внимание Скитальца. Это был лук Эврита, из-за которого великий Геракл убил своего гостя в собственном доме, ни один смертный не мог согнуть его. Скиталец берег драгоценный лук, не взял его с собой на корабль, а оставил дома как дорогую память об убитом друге! Теперь, когда дом его мертв, когда нет в нем ни жены, ни

ребенка, ни слуг, только этот лук, казалось, приветствовал его. Это был удивительный, волшебный лук! В нем обитал дух, который предвещал битвы. Перед всяким несчастьем лук странно звучал целую ночь. Его тонкий, пронзительный голос звенел, как струна, и гудел, как стрела. В то время, когда Скиталец стоял и смотрел на оружие, лук зазвенел. Сначала звуки были слабые, но, по мере того как он прислушивался, они становились сильнее, явственнее. Это пение звучало в его ушах и сердце.

Это была песнь смерти, и эти звуки впервые нарушили тишину заброшенного дома.

Ясно и гулко поет стрела
Вещую песнь волшебного лука, и звучит она, как
стрела.
Пронзительно раздается ее песнь:
Пустите нас, пустите насытиться телом человека!
Быстрые, жадные, летим мы издалека,
Словно хищная птица на кровавый пир после
битвы.
Мы наполним собою воздух.
Подобно каркающим стаям хищных воронов.
Словно снежные хлопья, гонимые ветром,
Мчим мы и несем с собой смерть.

Услышав эту музыку, Скиталец понял, что война близко. Он знал, что его стрелы быстро полетят в цель и насытятся человеческой кровью, протянул руку и взял лук.

Наконец страдания его разразились слезами. Слезы потекли ручьями из его глаз. Он долго и непрерывно плакал, потом встал и пошел, потому что голод заговорил в нем сильнее тоски, любви и желаний.

Через узкую дверь он прошел в потайную кладовую дома, которая была выстроена им самим. С трудом отыскал он дверь, так как и здесь все заросло травой, и нашел запас зерна. Дом был богат запасами и провизией, когда появилась чума. Странник поел и вынул из сокровищницы прекрасное золотое вооружение несчастного Париса, сына Приама. Царь Менелай после разгрома Трои подарил его своему дорогому гостю Одиссею. Скиталец надел на себя золотое вооружение и взял меч с бронзовым клинком и серебряным наконечником. Любовь к жизни вернулась к нему теперь, когда он поел, выпил воды и слышал песнь волшебного лука. Он был жив и надеялся жить, хотя дом его заброшен,

жена умерла, и сын Телемах исчез, и никто не мог ничего сказать о нем.

Одевшись, он выбрал себе два копья, почистил их, привязал за плечами колчан со стрелами, взял свой большой лук и ушел из родного дома, ушел навсегда. Никогда нога его не ступит сюда более! Пусть зарастет он травой, пусть морской ветер поет над ним погребальную песнь.

II. Мечта Мира

Ночь была светла и тиха. Только шум воды нарушал царившую кругом тишину. Скиталец вышел из своего дома и пошел к морю, поглядывая на окна домов. Но в них было темно и тихо. Многие из домов были совсем разрушены, так как за чумой последовало землетрясение. Там и здесь по дороге виднелись ямы, и лунный свет, пробиваясь в трещины домов, бросал причудливые и странные тени. Наконец Скиталец добрался до храма Афины, богини войны. Кровля храма упала, колонны пошатнулись, пол зарос диким тимьяном. Он подошел к двери другого храма, на алтарь которого когда-то приносили много жертв. То был храм Афродиты, богини любви.

В открытую дверь до него донесся нежный запах ладана и курений, что-то блеснуло в серебристом сиянии месяца... Медленно шел Скиталец, чувствуя себя усталым, словно в полусне, потом спрятался в тени длинной миртовой аллеи, опасаясь, что морские разбойники, быть может, пируют в развалинах забытого храма.

Нет, ни одного звука не доносилось до него, ни пения, ни танцев... Все было тихо и пустынно.

Вооружившись мужеством, он вошел в священное место. Высокие бронзовые жаровни не дымились куреньем, факелы не горели в руках золотых фигур, стоявших в храме Афродиты. Но что это? Грезил ли он наяву или это был отблеск лунного света? Весь храм купался в огненном сиянии, и не от пламени на алтаре, а от неугасимого, божественного огня. Стены с нарисованными на них сценами любви, резные колонны и своды — все пламенело ярким сиянием огня.

Скиталец испугался, поняв, что божество близко. Он склонил голову, закрыл лицо и сел у алтаря. Спал ли он или грезил, он сам не знал, но ему явственно слышался шелест и шепот миртовых и лавровых деревьев, и чье-то холодное дыхание повеяло ему в лицо.

Он вздрогнул, волосы на голове зашевелились. Потом наступила тишина. И раздался голос. Он знал, что это голос божества: боги часто говорили с ним прежде, он слышал музыкальный голос Афины, царицы мудрости и войны, нежный лепет Цирцеи, дочери Солнца, и дивную речь Калипсо. Теперь слова доносились до него нежнее воркования голубки, слаще сна.

— Одиссей, ты не знаешь меня, но я твоя госпожа, и ты должен быть

моим слугой! Где же твоя богиня Афина? Зачем преклоняешь ты колена перед дочерью Зевса?

Скиталец не ответил, только склонил голову в глубокой тоске. Между тем таинственный голос продолжал:

— Смотри, твой дом опустел, твой очаг холоден! Ночные птицы нашли приют под твоей кровлей. У тебя нет ни ребенка, ни жены, ни родни, твоя богиня Афина забыла тебя. Много жертв приносил ты ей, а мне принесли хоть пару голубей? Или она забыла тебя потому, что серебристые нити появились в твоих темных волосах? Разве мудрая богиня так же изменчива, как нимфы? Разве она любит человека только в расцвете юности? Я не знаю и не понимаю этого! Знаю только, Одиссей, что ты должен склониться передо мной и служить мне. Я покоряю себе все живущее: богов, людей и животных. Не думал ли ты избежать Афродиты? Ты никогда не любил так, как я внушаю людям любить. Ты никогда не слушался меня, не знал радостей и горя любви! Ты только терпел ласки Цирцеи, дочери Солнца, и скучал в объятиях Калипсо. Что касается твоей умершей жены, Пенелопы, ты любил ее законной любовью, но не пылкой страстью. Она была твоим другом, твоей хозяйкой, матерью твоего сына. С ней соединяются все воспоминания твоей родины. Но она умерла, ребенка нет, твоя родина — только груда костей и развалин. К чему послужили все твои странствования, труды и приключения? Что нашел ты? Ты жаждешь найти то, что ищет все человечество, — Мечту Мира. Никто не может найти ее, не нашел и ты, Одиссей. Твои друзья умерли, страна опустела, все погибло, осталась одна надежда. Перед тобой лежит новая жизнь, без забот и воспоминаний прошлого. Хочешь ли ты быть моим слугой?

Голос становился все нежнее, слышался все ближе, Скиталец ощутил дивное благоухание. Дыхание богини коснулось его шеи, ее волосы смешались с его темными локонами.

— Теперь, Одиссей, — продолжал голос, — пожертвуешь ли ты один час для меня? Не бойся, ты не увидишь меня. Подними голову и взгляни на Мечту Мира!

Одиссей поднял голову и увидел дивное видение. Это была девушка, не похожая на смертную женщину, в полном расцвете красоты, юности, почти дитя, прекрасная, как богиня. Сама Афродита могла бы позавидовать ее чудной красоте!

Она была тонка и стройна, как молодая пальма, в ее глазах светились спокойствие и невинность. Девушка держала на голове блестящую бронзовую урну, словно она несла воду из колодца.

Скиталец узнал ее: он видел эту девушку, когда путешествовал в

страну ее отца, царя Тиндара, встретил ее, когда она шла с реки. Но тогда он был молод, и глаза его любовались красотой Елены, сердце жаждало ее, прекраснейшую из женщин, и он просил ее руки. Но Елена была отдана другому человеку, Менелаю.

Созерцая юную Елену, Скиталец чувствовал, что помолодел, что любит красавицу страстной и юной любовью.

Видение растаяло, исчезло... Из тумана появилась новая картина. Он увидел самого себя, переодетого нищим, сидевшего в огромном зале, а женщина мыла ему ноги и умащивала его голову благовонным маслом. Лицо женщины было прекрасно, но печально.

И вспомнилось Одиссею, как прокрался он в город Трое, в дом Приама, чтобы проследить троянцев, как Елена, прекраснейшая из женщин, омыла его ноги и умастила голову маслом. Пока он смотрел, видение исчезло в тумане. Он склонил голову, упал на колени перед алтарем богини и воскликнул:

— Где под солнцем живет златокудрая Елена?

Голос богини, казалось, прошептал ему на ухо:

— Разве я не правду говорила, Одиссей? Разве ты не служил мне, разве не любовь спасла тебя в Трое в ту ночь, когда даже мудрость не могла помочь тебе?

— Ода, богиня!

— Слушай же! — продолжал голос. — Я буду милостива и добра к тебе. У тебя нет ничего — ни дома, ни родины, но я вдохну в твое сердце забвение всех печалей и любовь к той, которая была твоей первой любовью в дни твоей юности! Елена еще живет на земле. Я пошлю тебя искать ее, и ты будешь долго воевать и странствовать. Ты найдешь ее в далекой стране, среди странного народа, и храбрейший и мудрейший из мужей будет в объятиях прекраснейшей из женщин. Но помни, Одиссей: ты должен отдать свое сердце только Елене, а не другой женщине. Вот тебе знак, по которому ты узнаешь Елену в волшебной стране среди женщин, занимающихся колдовством: на груди Елены сияет драгоценный камень, большая звезда, мой дар в ночь ее свадьбы с Менелаем. С этой звезды каплют красные капли, похожие на кровь, текут на ее платье и исчезают, не запачкав его.

Ты узнаешь ее по этой звезде любви и поклянешься ей в любви и верности. Если же ты, Одиссей, нарушишь свою клятву, то никогда в жизни не увидишь златокудрую Елену. Ты умрешь тихой смертью, что придет к тебе с воды! Но раньше ты будешь в объятиях прелестной Елены!

— Богиня, как может это быть, — возразил Скиталец, — если я один

на этом острове? У меня нет ни корабля, ни спутников, чтобы переплыть море?

— Не бойся! — ответил голос. — Все в руках богов. Иди из моего храма и усни. Спи и отдыхай! Твоя сила вновь вернется к тебе, и раньше заката солнца ты будешь уже плыть на поиски Мечты Мира. Теперь же выпей эту чашу на моем алтаре! Прощай!

Голос замер, словно далекая музыка. Скиталец очнулся, поднял голову, но свет исчез, серые предрассветные сумерки смотрели в окна храма. На алтаре стояла золотая чаша, наполненная до краев красным вином. Скиталец взял чашу и выпил волшебный напиток. О чудо! Сердце его согрелось надеждой, забылись все прежние печали, горести и тоска по любимым существам, которых не было в живых.

Он встал и пошел легкой походкой молодого человека, держа в руке оба копья и неся на спине свой лук, затем, дойдя до большой скалы, лег и заснул глубоким сном.

III. Одиссей убивает сидонцев

На востоке занималась заря. Новый день начинался над спокойной гладью моря. Лучи солнца озарили вершушки холмов и скал, играя на золотом вооружении спящего Скитальца. В это время невдалеке показался черный корабль, быстро бежавший к берегу на веслах. Нетрудно было узнать в нем корабль сидонских купцов, удивительно жадного и корыстного народа. На носу корабля виднелись две фигуры богов, большеголовых карликов с огромными ртами и кривыми ногами.

Корабль возвращался из Альбиона, от ворот великого моря, и вез богатую кладь. Рядом с рулевым стоял капитан, худой, зоркий моряк, который издали заметил золотое вооружение Скитальца. Он не мог ясно разглядеть, что блестело так ярко в лучах солнца, но всякое золото привлекало его, как железо притягивает к себе руки героев. Капитан приказал направить корабль к берегу. Подойдя ближе, моряки увидели спящего человека в блестящем золотом вооружении. Пошептались купцы, рассмеялись, вышли на берег, захватив с собой канат и веревку, на которой сделали петлю и узел, лассо, чтобы удобнее захватить спящего человека, затем влезли на утес, чтобы набросить петлю и втащить человека в золотом вооружении на свой корабль, увести его к устью египетской реки и продать в рабство. Коварные и жадные сидонцы любили ловить мужчин и женщин и продавать их за золото или серебро. Они успели захватить много царских сыновей, которые умерли в неволе, тоскуя по родине.

Тихо двигаясь вперед, сидонцы ползли по траве и наконец очутились около спящего Скитальца. Но последний и во сне почувствовал их приближение, повернулся и сел, недоуменно оглядываясь кругом. Не успел он, однако, опомниться, как петля захлестнула его шею. Его повалили и потащили. Но он вскочил на ноги, издал свой воинственный клич и бросился на купцов, схватившись за меч. Те, которые стояли ближе к нему, отпустили веревку и убежали, но остальные тащили ее изо всех сил. Если бы руки Скитальца были свободны, он мог бы мечом покончить с ними, но его руки были стянуты петлей. Долго не могли купцы справиться с ним, хотя те из них, которые вначале убежали, успели вернуться и помогли тащить веревку. Наконец грабители осилили его и потащили за собой, шаг за шагом, пока он не запнулся и не упал. Тогда они кинулись на него, схватили и связали веревками, затянув их морским узлом. Но добыча обошлась им дорого, и двое не вернулись на свой корабль, так как

Скиталец раздавил одного своими коленями, а другого убил страшным ударом ноги.

Наконец он ослабел, и разбойники потащили его на корабль, где и бросили на фордек.

Корабль поплыл вперед. Ветер был попутный. С легким сердцем отправились купцы в путь. Они умели вести дело с дикими племенами, жившими на острове Альбион, закупили достаточно и олова, и золота, и стекла, а теперь в довершение всех своих приключений им удалось захватить человека, за вооружение которого можно получить царский выкуп. Прекрасное путешествие! Прекрасный попутный ветер!

Путь их был длинный, но по хорошо знакомым водам. Они прошли Кефаллению, многие другие острова и лесистую местность Закинфа, которая принадлежала Одиссею. Но он лежал молча, тяжело дыша, и поднял голову, только чтобы взглянуть на заходящее солнце, которое скрывалось за утесами родной Итаки.

Корабль шел вдоль берега, мимо многих забытых городов. Глубокой ночью добрались они до Пилоса, издали заметив огни, горевшие в домах города.

Когда они достигли южной точки, где встречаются два ветра, разразилась буря, и шторм погнал их на скалы. Долго боролся корабль с волнами и не мог войти в гавань, долго бросало его во все стороны. Люди хотели спасти корабль, выбросить за борт весь груз, но капитан защищал сокровище с мечом в руке: он решил или утонуть, или плыть на корабле вперед, добраться до Сидона, города цветов и пальм, выстроить там белый домик среди пальмовой рощи и навсегда отказаться от моря. Он дал клятву в этом и не позволил им бросить Скитальца за борт, как те хотели. «За него можно взять хорошие деньги!» — кричал капитан.

Наконец буря улеглась, люди ободрились, совершили жертвоприношения, налив вина перед фигурами богов-карликов на носу корабля, и зажгли курения на маленьком алтаре, потом, насмехаясь над пленником, повесили его меч и щит на мачту, а колчан и лук взяли себе как трофеи победы. Купцы думали, что пленник не понимает их языка, но тот хорошо понимал его, так как побывал во многих странах и знал многие языки. Потом матросы принесли пленнику пищи и вина. Он поел, и его сила вернулась к нему. Тогда он знаком пояснил им, чтобы они несколько ослабили связывавшую его веревку, так как у него затекли ноги. Они пожалели его и несколько ослабили узлы. Одиссей лег на спину и отдыхал.

Так плыли они к югу и видели много странного, на пути своем встречали корабли с невольниками, молодыми мужчинами и женщинами из

Ионии, которые были похищены работоторговцами. Сидонцы очень спешили и однажды ночью бросили якорь у маленького островка, близ устья Нила.

Скиталец начал обдумывать план бегства, хотя надежды на успех было мало. Он лежал в темноте и не мог спать. Часовой стоял поблизости, не сводя с него глаз. Тогда пленник притворился спящим. Много мыслей толпилось в его голове, и ему казалось теперь, что видение богини было только сном. Ему придется жить в рабстве, быть невольником, работать на египетских рудниках до самой смерти. Вдруг он услышал слабый голос своего лука, висевшего на мачте над ним. Песнь лука проникла ему в сердце.

О! Час близится.
Время летит,
И враги убегут
От острых стрел.
Пусть хищные птицы летят
К тем, кто спит и кого ожидает смерть!
Пронзительно и громко
Поют острые стрелы.
Песнь лука звучит, как струна.

Пение затихло, и к Скитальцу вернулись надежды: он знал теперь, что не будет рабом, что час освобождения близок. Узлы веревок не мешали ему. Давно, в дни его странствий, Калипсо, горячо любившая Одиссея, научила его завязывать узлы, которых не может развязать ни один человек, и развязывать все узлы, завязанные людьми. Он припомнил теперь ее уроки и, забыв о сне, потихоньку развязывал веревки и узлы. Он мог уйти теперь, если бы ему удалось убежать незамеченным, доплыть до острова и спрятаться в кустарнике. Но душа его жаждала отмщения не менее, чем свободы. Он решил завладеть кораблем со всеми его сокровищами и поехать к египетскому царю.

С этой мыслью он лежал, оставив веревки на руках и ногах, как будто они были крепко завязаны.

Так пролежал он до утра, когда пришли матросы и снова начали смеяться над ним. Один из них взял блюдо с чечевицей, поднес его Скитальцу и сказал на финикийском языке:

— Могуущественный господин, ты — один из сонма богов, удостой принять нашу жертву! Разве вкусный запах не ласкает обоняние господина? Почему не хочет он дотронуться до жертвы?

Сердце Одиссея закипело гневом и негодованием, но он сдержался и улыбнулся.

— Почему не подходишь ты ближе, друг мой, — произнес он, — чтобы я мог ощутить запах жертвы?

Моряки удивились, услышав, что он говорит на их языке. Человек, державший чечевицу, подошел ближе и, словно дразня собаку, то подносил к нему блюдо, то убирал. Но едва он успел подойти ближе, как Скиталец вскочил, и веревки упали к его ногам; он ударил матроса по голове кулаком. Удар был так силен, что проломил голову матросу. Тот ударился о мачту, причем крепкая мачта пошатнулась, упал и тут же умер. Тогда пленник схватил свой лук, меч, надел колчан на плечи и побежал на нос корабля. Корабль был узок, и, прежде чем матросы опомнились от изумления, Скиталец стоял уже позади алтаря богов-карликов, натянув стрелу и гневно смотря на врагов. Панический страх охватил сидонцев.

— Увы! Что мы сделали! — вскричал один из матросов. — Мы схватили и связали бога! Наверное, это бог Лука, которого зовут Аполлоном. Мы должны высадить его на остров и просить пощады, чтобы он не послал нам бури и волн!

— Нет, нет, рабы! — кричал капитан. — Это вовсе не бог, а обыкновенный человек, а его вооружение стоит больших денег!

Он приказал матросам пробраться на дальний конец корабля и оттуда бросать копья в пленника, сам также вооружился длинным копьем. Это были длинные, острые пики, и ничто не могло противостоять им. Матросам вовсе не нравилось приказание капитана: достать копья значило приблизиться к луку со стрелами. Только пять человек пошли на бак, где стоял пленник. Он пустил стрелу, потом другую. Двое матросов упали, один был убит копьем, а двое остальных убежали назад.

— Собаки! — закричал Одиссей на языке сидонцев. — Это было ваше последнее путешествие. Никогда более не продадите вы в рабство ни одного человека!

Моряки столпились в кучу, советуясь, что делать с ним. Стрелы градом летели в них, один матрос упал, остальные восемнадцать убежали вниз: на палубе им негде было спрятаться от стрел. Солнце взошло и ослепительно засияло на золотом вооружении Одиссея. Он стоял один наверху, держа лук наготове. Кругом царила тишина, корабль качался на якоре. Вдруг несколько человек показали на дальнем конце корабля со щитами в руках. Копья полетели в Скитальца. Он уклонился от них, другие отскочили от его доспехов и воткнулись в туловища богов-карликов. Глаза его зорко следили за движением врагов. Вдруг он заметил тень между ним

и палубой корабля, взглянул и увидел человека, взобравшегося на мачту сзади него и готового поразить его. Скиталец схватил копье и бросил его в этого человека. Оно воткнулось в руки матроса, и он беспомощно повис на мачте, взывая о помощи к товарищам. Теперь стрелы пленника понеслись в людей, стоявших на палубе; те побежали, крича, что он бог, а не человек, многие бросились в море и поплыли к острову.

Скиталец не стал более ждать, выхватил меч и бросился за ними с криком, похожим на крик морского орла. Меч его летал вправо и влево, поражая всех на своем пути. Многие упали, другие бросились за борт, только капитан корабля, понимая, что все потеряно, повернулся и бросил копье в лицо Скитальца. Копье воткнулось в золотой шлем и слегка задело голову. Скиталец прыгнул на капитана и ударил его рукояткой меча с такой силой, что тот упал без чувств, затем связал ему руки и ноги и привязал к железному крюку. После этого он подошел к человеку, беспомощно висевшему на мачте.

— Что поделываешь, друг? — кричал насмешливо Скиталец. — Ты желаешь остаться со мной, а не хочешь уйти с товарищами? Оставайся же там и смотри на устье реки и на рынок, где ты хотел продать меня за хорошие деньги!

Но несчастный матрос уже умер от страха и страданий. Скиталец, расстегнув свое золотое оружие, снял его, достал свежей воды, чтобы помыться, золотой гребенкой причесал свои длинные темные локоны и собрал все стрелы, воткнувшиеся в тела врагов, обратно в колчан. После этого он снова надел доспехи, но, несмотря на свою силу, не мог вытащить обломок копья из золотого шлема. Подкрепившись пищей и выпив вина, он совершил возлияние богам и избавился от огромного камня, к которому был привязан корабль, затем взялся за руль и при свежем северном ветре направился к южному рукаву Нила.

IV. Кровавое море

Теперь и Скиталец почувствовал себя усталым. Солнце стояло высоко на небе. Корабль быстро несся вперед. Но вдруг небо потемнело, и воздух наполнился шумом и шелестом бесчисленных крыльев. Казалось, что все птицы, жившие в этой стране, слетелись сюда и неслись над морем, крича и галдя на разные лады.

В темной массе птиц выделялись белоснежные лебеди. При виде их Скиталец схватил свой лук и пустил стрелу. Одна из птиц камнем упала в воду позади корабля.

Скиталец увидел, что — о ужас! — вода вокруг раненого лебедя покраснела, как кровь. Серебристые крылья и белоснежные перья птицы покрылись красными пятнами. Скиталец с удивлением заметил, что красная пена плыла с юга, от устьев Нила, что позади корабля вода приняла кроваво-красный цвет. Он подумал, что на берегах Нила была какая-то битва, что бог войны разгневался и окрасил кровью священную реку и море. Но где была война, туда рвалось его сердце, и он направился прямо к устью реки.

Было два часа пополудни, солнце ослепительно сияло на небе, как вдруг произошло что-то неожиданное. Солнце сделалось кроваво-красным и окуталось туманом, черным, как ночь. На юге стояло черное облако, похожее на гору, окаймленное огненным сиянием. Никогда во всю свою жизнь, за время всех своих странствований Одиссей не видел такого мрака. Он не мог различить ни корпуса, ни мачты своего корабля, ни мертвого человека на палубе, ни капитана, громко стонавшего внизу и призывавшего богов. Только впереди корабля, на горизонте, виднелся просвет голубого неба да маленький остров, где он убил сидонских купцов, белел вдали, словно сделанный из слоновой кости.

На севере, откуда он плыл, синело ясное небо, виднелись высокие вершины гор, белели храмы богов. А на юге, куда он направлялся, стояла мрачная туча и царила темнота. Он знал, что там будет война людей и богов, что он найдет там последние объятия любви.

Забывая о предстоящих опасностях, Скиталец рвался вперед: он не знал страха, будучи из тех людей, которые не сворачивают с намеченного пути. Он пошел к алтарю богов, где еще дымилось курение, своим мечом расколол несколько стрел и рукояток в мелкие щепки, положил их в жаровню и поджег. Огонь ярко вспыхнул и озарил лица мертвых людей,

лежавших на палубе.

Это было самое страшное путешествие в его жизни, в обществе мертвецов, среди непроглядной темноты. Ветер дул порывами. Наступила какая-то безрассветная ночь. Но на сердце его было легко, ему казалось, что он стал снова мальчиком. Забылись все печали, когда он осушил кубок с напитком богини и упился наслаждением битвы. Он схватил лиру мертвого сидонца и запел торжествующую песнь.

Хотя свет солнца погас во мраке.
Хотя народ мой исчез с лица земли.
Хотя я плыву по священному морю
Навстречу золотым лучам солнца.
Хотя я одинок и никому не известен,
Сердце мое, терпи, не страшись!...

Пока он пел, в темноте появился красноватый свет, и корабль помчался к этому свету. Скоро Скиталец увидел два столба пламени, которые вблизи оказались огромными горами, с узким промежутком между ними. Корабль прошел между горами и приблизился к видневшейся за ними гавани. Одиссей увидел огни на лодках, и моряк с одной из них заговорил с ним на египетском языке, спрашивая, нужен ли ему лоцман, чтобы провести корабль в гавань.

— Да, да! — воскликнул Одиссей.

Лодка пошла к кораблю. Лоцман поднялся на борт, держа факел в руке. Когда его взгляд упал на мертвого человека, на капитана, привязанного к железному крюку, на золотое вооружение героя, на его лицо, он в ужасе отступил назад, думая, что сам бог Осирис на корабле Смерти явился в Египет. Но Скиталец просил его не бояться, говоря, что он приехал с богатым грузом и с драгоценными дарами фараону. Лоцман скрепя сердце принялся за дело, и вскоре корабль проскользнул в тихую гавань великой египетской реки. Затем по совету лоцмана он был направлен к храму Оракула в Танисе — верному убежищу чужеземцев, где ничто не могло потревожить их. Но сначала нужно было выбросить мертвых сидонцев за борт, так как египтяне ненавидят трупы. Один за другим мертвецы полетели в воду. Отвратительное зрелище!

В воде кишели огромные, чудовищные рыбы, набросившиеся на мертвые тела. Страшно было видеть, как они бросились на добычу, хватали ее и разрывали на куски в непроглядном мраке, при отблеске далекого огня. Казалось, это была страшная река смерти, обитаемая чудовищами и всеми

ужасами Аида. В первый раз в жизни сердце Скитальца замерло от страха. Он вспомнил, что даже птицы в испуге летели прочь отсюда...

Когда мертвецы были выброшены, Одиссей, совсем измученный, заговорил с лоцманом, спрашивая его, отчего вода в море сделалась красной, была ли война в стране и везде ли царит такая темнота, как здесь. Тот ответил, что войны нет, все мирно и тихо, но страна переполнена лягушками, змеями и ящерицами, что целых три дня вода священной реки Сихор окрашена в кроваво-красный цвет, и мрак распространился над всей страной. Однако причины всех этих ужасов лоцман не знал.

Народ толковал, что боги разгневались на Кемет, но за что — никто не мог сказать. Очевидно было, что божественная Хатхор, богиня любви, разгневалась на поклонение, воздаваемое в Танисе другой богине или женщине поразительной красоты. Лоцман добавил, что она появилась в стране несколько лет тому назад неизвестно откуда, была почитаема как богиня и исчезла так же таинственно, как появилась. Теперь она видима всем людям и обитает в своем храме. Люди поклоняются ее дивной красоте и чтут ее как богиню. Была ли она богиней или смертной женщиной, лоцман не знал, но богиня любви разгневалась на нее и послала на землю мрак и гадов.

Народ, живший по берегам моря, роптал и говорил, что надо просить чужеземную Хатхор уйти из страны, если она действительно богиня, или побить камнями, если она смертная женщина. Но обитатели Таниса клялись, что лучше умрут все до одного, чем позволят оскорбить несравненную красоту своей богини. Некоторые уверяли, что колдуны, пришедшие сюда из пустыни и поселившиеся в Танисе, которых называли *апюра*, причинили все эти бедствия своим колдовством. «Кстати, — добавил лоцман, — эти варвары гораздо умнее и могущественнее всех египетских жрецов».

Рассказ лоцмана был краток. В это время темнота немного рассеялась, и туча поднялась, так что зеленые берега реки открылись взору Одиссея. Мрак исчез, и яркий полдень засиял над страной Кемет. Шум и звуки жизни донеслись из города: мычание скота, шелест листвы пальм, всплески рыбы в ручье, голоса людей, перекликавшихся на берегах, и гул толпы в храме великого бога Ра, повелителя Солнца.

Скиталец помолился своим богам и возблагодарил Аполлона, Гелиоса и Афродиту. В конце концов лоцман привел корабль к набережной. Наняли гребцов, и лодка весело понеслась при солнечном свете по каналу к Танису, убежищу чужеземцев.

Когда корабль остановился, Скиталец вышел на берег, ласково

приветствуемый бритыми жрецами храма.

V. Царица Мериамон

Новые вести летят быстро. Скоро фараон, находившийся со своим двором в Танисе, заново отстроенном городе, узнал, что в Кемет прибыл человек, похожий на бога, в золотом вооружении, один на корабле смерти. За эти годы белые варвары с моря и островов нередко приплывали в Египет, опустошали поля, захватывали женщин и исчезали на своих кораблях. Фараон удивился рассказанной ему истории и, узнав, что чужестранец нашел приют в храме Оракула, сейчас же послал за своим главным советником.

То был древний жрец по имени Реи, носивший высший титул в стране. Он служил еще в царствование фараона-отца, божественного Рамсеса II, и был любим и уважаем и Менептой, и царицей Мериамон. Фараон поручил ему посетить убежище чужеземцев и привести приезжего к нему. Реи приказал запрячь мула и отправился к храму Оракула.

Когда он прибыл туда, жрец встретил его и повел в комнату, где Одиссей ел хлеб, запивая его вином. Он встал при входе Реи во всех своих золотых доспехах. Позади него на бронзовом треножнике лежал шлем с воткнутым в него обломком копья. Глаза Реи остановились на шлеме, и он был так удивлен, что едва расслышал приветствие Скитальца. Наконец он любезно ответил ему, но глаза его продолжали блуждать по шлему.

— Это твой шлем, сын мой? — спросил он, взяв шлем в руку. Голос его дрожал.

— Да, мой собственный, — ответил Скиталец, — хотя копье воткнулось в него недавно в ответ на удар моего меча. — Он засмеялся.

Старый жрец приказал выйти всем служителям храма, и, уходя, они слышали, как он бормотал молитву.

— Мертвый сказал правду, — пробормотал он, переводя взор со шлема на лицо Скитальца, — мертвые говорят редко, но никогда не лгут!

— Сын мой, ты ел и пил, — сказал великий жрец Реи, — теперь я могу, как старый человек, спросить тебя: откуда ты родом, где твоя родина и кто твои родители?

— Я родом из Алибаса, — отвечал Скиталец, предпочитая рассказать о себе вымышленную историю, — сын Полипемона, мое имя Эперит.

— Откуда явился ты один на корабле смерти с массой сокровищ?

— Сидонские купцы владели этими сокровищами и умерли за них, — отвечал Скиталец, — они ехали издалека и погибли. Они не

довольствовались тем, что имели, а захватили меня в плен, когда я спал. Но боги даровали мне победу над ними, я взял в плен капитана, захватил весь богатый груз, много мечей, кубков и привез в дар фараону. Пойдем со мной и выбери себе, что пожелаешь!

С этими словами Одиссей повел старика в сокровищницу храма, где хранилось много даров от чужеземцев: золото, дорогие ткани, слоновая кость, чаши и ванны из серебра. Среди всего этого богатства сокровища Одиссея выделялись своей роскошью, и глаза старого жреца заблестели от жадности.

— Возьми, что тебе нравится, прошу тебя! — говорил Одиссей.

Сначала жрец отказывался, но Скиталец заметил, что он не спускал глаз с чаши из прозрачной яшмы, привезенной с берегов Северного моря, украшенной диковинными фигурами людей, богов и огромных рыб, совершенно неизвестных здесь, и подал чашу жрецу.

— Ты должен взять ее, — сказал он, — в память друга и твоего гостя.

Реи взял чашу, поблагодарил и поднес к свету, чтобы полюбоваться ее золотистым цветом.

— Мы похожи на детей, — сказал он, улыбаясь. — Я старый ребенок, которого ты порадовал новой игрушкой. Фараон просит тебя прийти к нему. Но если ты хочешь сделать мне удовольствие, сын мой, прошу тебя, выдерни обломок копья из твоего шлема, прежде чем увидишь царицу.

— Прости меня, — возразил Скиталец, — но я не хотел бы трогать моего шлема, да мне и нечем вытащить копье. И потом, это острие, отец мой, будет свидетельствовать о правдивости моего рассказа, и я должен оставить его на шлеме.

Жрец вздохнул, склонил голову, сложил руки и начал молиться:

— О Амон, в твоих руках начало и конец всякого дела! Облегчи тяготу скорби и печали! Пусть исполнится все виденное ей! Молю тебя, Амон, пусть десница твоя не ляжет всей тяжестью на твою дочь Мериамон, царицу Кемета!

Затем старый жрец приказал приготовить для Одиссея колесницу, на которой они отправились во дворец фараона. За ними последовали жрецы, которые несли дары, приготовленные для фараона, а к колеснице привязали несчастного капитана сидонцев. Мимо большой толпы прошли они в зал аудиенций, где на золотом троне восседал фараон. Около него справа находилась прекрасная царица Мериамон, глядевшая на всех рассеянным, усталым взглядом. Подойдя к трону, жрецы поклонились до земли, подведя капитана; царь ласково улыбнулся, приняв в дар невольника.

Затем принесли другие подарки: золотые чаши, дорогие мечи и

ожерелья для царицы Мериамон, несколько воротников, богато расшитых шелками и золотом, — работы сидонских женщин.

Царица Мериамон приняла все это и устало улыбнулась. Капитан сидонцев громко застонал, когда увидел свое богатство в руках другого, все свои драгоценности, ради которых он рисковал жизнью. В конце концов фараон пожелал увидеть чужеземца. Скиталец подошел к трону без шлема, во всем блеске своей мужественной и богоподобной фигуры.

Он был невысок, но очень силен и хорошо сложен и хотя не обладал уже красотой юности, но лицо его дышало мужеством, отвагой закаленного в боях воина, глаза горели огнем сильной и страстной души. Редкая женщина могла устоять против этих глаз.

Когда он вошел, ропот удивления пробежал по залу, все глаза устремились на него, кроме глубоких, темных очей безучастной ко всему Мериамон. Но когда она подняла глаза и взглянула на него, то побелела, как мертвец, и схватилась за сердце. Даже фараон заметил перемену в ее лице и спросил, что с ней.

— Ничего, это от жары и запаха благовоний! — отвечала она. — Приветствуй же чужеземца!

Между тем она держалась рукой за золотую бахрому трона, чтобы не упасть.

— Добро пожаловать, странник! — вскричал фараон. — Добро пожаловать! Как тебя зовут, где живет твой народ, где твоя родина?

Склонившись перед фараоном, Одиссей повторил свой вымышленный рассказ, что зовут его Эперит из Алибаса, поведал также и о том, как был захвачен сидонцами, как дрался с ними и плыл по морю, а в заключение показал свой шлем с воткнутым в него обломком копья.

Когда Мериамон увидела шлем, то вскочила, словно собираясь уйти, и упала назад, побледнев еще более.

— Царица... помогите царице... ей дурно! — закричал Реи, не спускавший с нее глаз.

Одна из прислужниц царицы, очень красивая женщина, подбежала к ней, встала на колени и начала согревать ей руки, пока Мериамон не очнулась.

— Оставь! — произнесла она сердито. — Пусть раб, который держит курения, будет хорошо наказан! Я останусь здесь, я не пойду к себе! Оставь!

Испуганная прислужница тотчас отошла. Фараон приказал слугам увести капитана сидонцев и убить его на рыночной площади. Но Курри, так звали того, бросился к ногам Одиссея, моля о пощаде. Скиталец был добр

теперь, когда пыл битвы миновал и кровь его текла спокойно в жилах.

— Милости, фараон Менепта! — вскричал он. — Прошу тебя, окажи милость, пощади этого человека! Он спас мою жизнь, когда матросы хотели бросить меня за борт, позволь же мне уплатить ему свой долг!

— Я пощажу его ради тебя! — отвечал фараон.

Курри отдали царице Мериамон, чтоб служить ей и делать для нее вещи из золота и серебра.

Скитальцу отвели комнату в царском дворце. Фараон был очень доволен, что чужеземец так красив и силен.

Одиссей вышел из зала аудиенций вместе с Реи; царица Мериамон снова подняла глаза и взглянула на него. Бледное лицо ее ярко вспыхнуло. Одиссей заметил страх и краску Мериамон, заметил ее красоту, но подумал, что она больна, однако, оставшись наедине со старым жрецом, спросил его об этом, попросив объяснить ему страх и смущение царицы.

— Мне показалось, — добавил он, — что царица узнала меня, как будто видела мое лицо, и испугалась меня, но я никогда в жизни не видел ее. Она очень красива, но кажется больной!

Сначала, пока Одиссей говорил это, Реи улыбался, но потом смутился и молчал. Видя его смущение и вспомнив, что он действительно просил его вытащить острие копья из шлема, Скиталец закидал его вопросами. Тогда частью от усталости, частью из уважения к нему, а может быть, потому, что тайна тяготила его сердце, старик увлек Скитальца в свою комнату во дворце и рассказал ему историю царицы Мериамон.

VI. История царицы Мериамон

Реи, жрец бога Амона, начал свой рассказ нехотя и медленно, но скоро увлекся и стал рассказывать с увлечением, присущим старым людям.

— Царица прекрасна, — сказал он, — видел ли ты кого-нибудь красивее в своих странствиях?

— Она очень хороша, — ответил Скиталец, — я желал бы, чтоб она была здорова и счастлива на троне!

— Вот об этом-то я и хочу говорить с тобой, хотя рассказ мой может стоить мне жизни! — сказал Реи. — Но легче будет на сердце, когда я скажу тебе, и, может быть, ты можешь помочь и мне и ей, когда узнаешь все! Фараон Менепта, ее супруг, — сын божественного Рамсеса, вечно живущего фараона, сына Солнца, почивающего в Осирисе.

— Он умер? — спросил Одиссей.

— Он живет вечно на лоне Осириса, — ответил жрец, — и царица Мериамон — его побочная дочь.

— Брат обвенчан с сестрой? — воскликнул с удивлением Одиссей.

— Таков обычай царственного дома со времен детей Гора. Старинный обычай! Священный обычай! — продолжал Реи. — Но женщины, которые узаконивают обычаи, часто нарушают их. Из всех женщин Мериамон выделяется своим послушанием, остается верной старым обычаям. Брат ее, фараон Менепта, имел много сестер, но Мериамон прекраснее всех. Она так хороша, что народ назвал ее «Дитя Луны», очень умна и не знает страха. Случилось так, что она изучила, что редко бывает среди наших женщин, всю тайную мудрость нашей древней страны. За исключением царицы Тэйе, никто не знает больше Мериамон, я научил ее многому...

Он помолчал немного.

— Я занимался с ней с самого детства, — продолжал он, — был ее другом и учителем, и после отца и матери она любила меня больше всех. Любит она немногих. Меньше всех привязана она была к своему царственному брату Менепте. Она бойка и жива, а он тих, и речь его медлительна. Она не знает страха, а он боится войны. С самого детства она смеялась над ним, над его речью, превосходила его во всем, даже в бегах и играх, хотя это было нетрудно, так как наш божественный фараон не отличался остроумием и догадливостью. Еще ребенком она сожалела о том, что он будет носить двойную корону Египта, станет могущественным властителем страны, тогда как она вынуждена жить в бездействии и

бедности, и завидовала ему.

— Но странно, почему из всех своих сестер он избрал именно ее? — спросил Одиссей.

— Да, странно, и произошло это удивительным образом! Божественный Рамсес пожелал женить сына. Менепта всячески противился этому, но воля отца — это воля богов. Божественный Менепта был очень искусен в одной древней египетской игре. Это игра в деревянные пешки, очень любимая в Кемете. Конечно, игра в пешки вовсе не женское дело, но Мериамон не хотела уступить своему брату и поручила мне вырезать ей из твердых корней кипариса пешки.

Я вырезал их своими собственными руками, и каждый вечер она играла со мной, а я был лучшим игроком в то время.

Однажды на закате солнца ее брат Менепта вернулся с охоты на львов в очень дурном расположении духа, так как охота была неудачна. Он велел подать вина, выпил его у ворот дворца и стал еще мрачнее.

Направляясь в свои комнаты во дворец, Менепта шел, размахивая своим хлыстом, как вдруг обернулся и заметил Мериамон. Она сидела под большими пальмовыми деревьями и играла со мной в пешки, одетая в белую с пурпуром одежду, с золотой змейкой в темных, как ночь, волосах, прекрасная, как Хатхор, богиня любви, или сама Исида.

Я — старый человек и скажу, что не было женщины прекраснее Мериамон, и нет такой на свете, хотя наш народ толкует об удивительной красоте «Чужеземной Хатхор».

Одиссей вспомнил о рассказе лощмана, но промолчал.

— Божественный князь Менепта увидел Мериамон, — продолжал Реи, — и подошел к нам. Ему надо было на чем-нибудь излить свой гнев. Я встал и низко поклонился ему, Мериамон небрежно откинулась на спинку кресла, грациозным движением своей нежной руки смешала деревяшки и приказала своей прислужнице, госпоже Натаске, собрать их и унести. Но глаза Натаски украдкой следили за князем.

— Приветствую тебя, царственная сестра! — сказал Менепта. — Что ты делаешь с этим? — он указал кончиком хлыста на деревяшки. — Это не женская игра, и эти деревяшки вовсе не сердца мужей, которыми можно играть по своему желанию. Эта игра не требует большого остроумия. Займись своим вышиванием, и это будет лучше.

— Привет тебе, царственный брат, — ответила Мериамон, — мне смешно слышать, что эта игра не требует остроумия. Твоя охота не удалась, займись же игрой, которую боги помогли тебе преодолеть!

— Это пустяки, — отвечал Менепта, бросаясь в кресло, с которого я

встал, — но я хорошо играю и сумею дать тебе «храм», «жреца», пятерых «лодочников» и обыграю тебя. («Храм», «жрец» — так называются в игре деревяшки, Скиталец, — добавил Реи).

— Я принимаю вызов! — вскричала Мериамон. — Но мы будем играть три раза! Моей ставкой будет священная змейка на моем челе против твоего царственного урея. Кто выиграет, пусть носит то и другое!

— Нет, госпожа, — осмелился я сказать, — это слишком высокая ставка!

— Высока ставка или низка, а я согласен, — ответил Менепта. — Моя сестра слишком долго смеялась надо мной. Она увидит теперь, что вся ее женская хитрость не поможет ей превзойти меня в игре, что сын моего царственного отца, будущий фараон, — выше всякой женщины. Я

принимаю твой вызов, Мериамон!

— Хорошо, князь, — вскричала она, — после солнечного заката ты найдешь меня в моей первой комнате. Возьми с собой писца, чтоб отмечать игру. Реи будет судьей. Но не пей вина сегодня вечером! Иначе я выиграю твою ставку!

Менепта ушел, а Мериамон громко засмеялась. Но я предвидел беду. Ставки были слишком высоки, игра слишком неожиданна. Мериамон не хотела слушать меня, она всегда своевольна.

Солнце зашло, и два часа спустя Менепта пришел в сопровождении писца, найдя Мериамон уже готовой к игре. Перед ней на столе лежала квадратная доска. Он молча сел и спросил, кто начнет игру.

— Погоди, — возразила Мериамон, — надо приготовить ставки!

Сняв с головы царственную змейку, она распустила свои дивные волосы и передала мне свою ставку.

— Если я проиграю, — заметила она, — то никогда не буду носить царственный урей!

— Пока я жив, ты не будешь его носить! — отвечал Менепта, снимая свой урей и подавая мне.

Между обоими уряями была значительная разница. На короне Мериамон была одна змея, а Менепты — двойная.

— Да, Менепта, — произнесла Мериамон, — быть может, Осирис, бог смерти, ожидает тебя, он ведь любит великих людей. Начинай игру!

При этих зловещих словах Менепта нахмурился, но с готовностью начал игру. Мериамон играла спокойно и небрежно. Менепта выиграл первую игру и с криком: «Фараон» умер!» — сбросил пешки с доски.

— Каково я играю! — сказал он насмешливо. — Совсем по-женски: вы умеете нападать, но не защищаться.

— Не хвались, Менепта! — перебила Мериамон. — У нас две игры впереди. Я начинаю!

Вторую игру выиграла Мериамон и, крикнув: «Фараон» умер!» — сбросила пешки с доски. Менепта нахмурился, пока я устанавливал доску и пешки, а писец отмечал игру.

Очередь была за Менептой начинать третью игру.

— Клянусь священными богами, — вскричал он, — я принесу им богатые дары в знак победы над тобой!

— Клянусь священной богиней мести, — ответила Мериамон, — которой я молюсь ежедневно, я выиграю!

— Тебе бы надо клясться головой кошки, — произнес он насмешливо.

— Да, это верно, в особенности если кошка одолжит мне свои когти.

Играй же, князь Менепта!

В конце игры после долгой борьбы, когда Мериамон потеряла большую часть своих пешек, лицо ее вдруг озарилось радостью. Казалось, она что-то решила в своем уме.

Пока Менепта велел принести вина и пил его, она полулежала в своем резном кресле, не сводя глаз с доски, потом сделала такой удачный ход, так тонко выполнила намеченный ею план игры, что Менепта стал в тупик и проиграл. Напрасно призывал он богов и клялся соорудить небывалый по роскоши храм.

— Боги не слышат тебя! — смеялась Мериамон.

Тогда он начал проклинать все и всех и пил вино.

— Глупцы ищут мудрости в вине, но только мудрецы находят ее! — продолжала она. — Смотри, царственный брат, «Фараон» умер», я выиграла и победила в твоей любимой игре. Реи, слуга мой, дай мне этот урей, не мой, нет, а двойной, тот, который он проиграл мне. Я надену его, он мой теперь, Менепта! Я победила тебя!

Мериамон встала, выпрямилась во весь рост и стояла так, освещенная светом ламп, с царственным уреем на челе, смеясь над Менептой и протягивая ему свою маленькую руку для поцелуя. Она была так прекрасна, что Менепта перестал клясть богов и судьбу свою и удивленно смотрел на нее.

— Клянусь Пта, ты очень хороша! — вскричал он. — Я прощаю отцу его мысль сделать тебя моей супругой и царицей!

— А я никогда не прощу ему этого! — возразила Мериамон.

Но Менепта выпил слишком много вина.

— Ты будешь моей царицей, — произнес он, — и поэтому я поцелую тебя! По праву сильнейшего я это сделаю! — И прежде чем Мериамон успела отскочить, он обнял ее и поцеловал прямо в губы.

Мериамон побледнела, как мертвец. Сбоку у нее висел кинжал. Она быстро схватила его и ударила им Менепту. Если бы тот не успел отступить, то, наверное, был бы убит. Вместе с этим она крикнула: «Вот тебе, князь, твой поцелуй!»

Ей удалось только проколоть его руку, и я схватил ее и удержал от вторичного удара.

— Змея! — произнес Менепта, побледнев от страха и ярости. — Я еще поцелую тебя, все равно, хочешь ли ты этого или нет! А за рану ты мне дорого заплатишь!

Она тихо рассмеялась: ее гнев прошел. Я побежал за врачом, чтоб перевязать руку Менепты.

— Царственная госпожа, что ты наделала? — сказал я Мериамон, когда вернулся к ней. — Ты знаешь, что твой божественный отец предназначил обвенчать тебя с Менептой, которого ты ранила!

— Я не хочу этого, Реи! — ответила она. — Не хочу этого тупицу, который называется сыном фараона. Кроме того, он мой сводный брат, и я не могу быть женой брата. Сама природа возмущается против этого обычая!

— Этого нельзя изменить, госпожа! Таков обычай страны и царственного дома, такова воля твоего отца. Боги, твои предки, были обвенчаны согласно этому обычаю: Исида стала супругой Осириса. Великий Аменемхет установил его, и за ним — все праотцы и весь их род. Подумай только, я говорю это тебе потому, что люблю тебя, как родную дочь, ты не можешь избежать этого, ведь ложе фараона — это ступень к царскому трону. Ты любишь власть, а это ворота могущества. Быть может, хозяин ворот умрет, и ты будешь одна сидеть на троне!

— Ах, Реи, ты говоришь, как советник царей! Как я ненавижу его! Ведь я могу руководить им, я знаю это! А наша игра сегодня ночью... Все будущее было на этой доске. Смотри: его диадема на моем челе! Быть может, так должно быть, я отдамся ему, хотя ненавижу его. Я начну новую игру, и ставкой будет жизнь, любовь и все, что мне дорого, и выиграю... Урей будет принадлежать мне, так же как двойная корона древнего Кемета, и я буду править страной, как Хатшепсут, великая царица. Я сильна, а сильному боги даруют победу!

— Да, — ответил я, — смотри, госпожа, чтоб боги не обратили силу твою в слабость. У тебя слишком страстная душа, а страсть в женском сердце — это дверь, в которую входит безумие. Сегодня ты ненавидишь, берегись, чтоб эта ненависть не обратилась в любовь!

— Любовь! — произнесла она насмешливо. — Мериамон не полюбит, пока не найдет человека, достойного своей любви! И тогда... Тогда любовь ее разрушит все, и горе тому, кто станет на ее пути! Прощай, Реи!

Вдруг она заговорила со мной на другом языке, которого никто не знал, кроме меня и ее, — на мертвом языке мертвого народа Страны Скал, откуда вышли наши отцы.

— Я иду, — произнесла она, и я задрожал при ее словах, потому что ни один человек не говорит на этом языке, когда у него добрые мысли на уме, — я иду просить совета у того... ты знаешь... — она дотронулась до царственного урея.

Я бросился к ее ногам и обнял ее колени, крича:

— Дочь моя, дочь моя! Не совершай этого страшного греха! Молю

тебя, за все блага мира не буди того, кто почивает в Осирисе, не призывай к жизни то, что мертво и холодно!

Она кивнула головой и ушла...

Старый жрец побледнел, говоря это.

— Что же она задумала? — спросил Скиталец.

Реи закрыл лицо руками и некоторое время молчал.

— Да, не буди и ты того, кто почивает в Осирисе, Скиталец! — произнес он наконец. — Язык мой запечатан. Я сказал тебе больше, чем надо было. Не спрашивай! Вот они идут! Пусть бог Ра и Амон пошлют им свое проклятие! Пусть Аменти поглотит их. Пусть зловещая рыба Себек вонзит в них свои зубы и пожрет их!

— За что ты проклинаешь их, Реи, и кто они такие? — спросил Одиссей. — Я слышу пение и шаги людей!

В самом деле, до них доносились топот ног и слова песни.

— Это проклятые богохульники, колдуны и рабы апура, — сказал Реи, когда музыка и пение замерли вдали. — Их колдовство сильнее нашей мудрости: их предводитель был одним из наших жрецов и изучил все наши тайны. Они ходят и поют только перед бедой. Еще до рассвета мы узнаем что-нибудь новое. Да истребят их боги! Хорошо было бы, если б царица Мериамон позволила им уйти отсюда навсегда в пустыню, как они желают, но она хочет закалить сердце царя!

VII. Видение царицы

Наступило молчание. Реи молчал, пока шум и пение не стихли вдали.

— Я должен сказать тебе, Эперит, — произнес он, — чем кончилась история Менепты и Мериамон. Она смирила свою гордость перед отцом и братом, согласившись исполнить желание отца, но заявила свои условия. Ее должны считать во всем равной фараону — такова цена ее руки; и во всех храмах, во всех городах Кемета Мериамон провозгласили вместе с Менептой наследницей короны Верхнего и Нижнего Египта. Торг был заключен, и цена назначена. После этого Мериамон очень изменилась. Она перестала смеяться над Менептой, стала кроткой и покорной его воле. Время шло, и в начале месяца разлития вод назначен был день свадьбы. Побочная дочь фараона с величайшей пышностью была обвенчана с его сыном. Но рука Мериамон, когда она стояла у алтаря, была холодна, как рука мертвеца. Гордо и холодно смотрела она, когда ехала в золотой колеснице через большие ворота Таниса. Только когда она услышала, что громкие крики народа «Мериамон! Мериамон!» совсем заглушили крики «Менепта!», — она тихо улыбнулась. Холодная, гордая, сидела она в своем белом одеянии на пиру фараона и ни разу не взглянула на супруга, который ласково смотрел на нее.

Наконец долгий пир закончился, началась музыка, пение, но Мериамон, извинившись, встала и ушла, сопровождаемая своими прислужницами. У меня было тяжело на сердце, я печально прошел в свою комнату и занялся делом, я ведь строю храмы и дворцы в стране! Едва я успел сесть, как в дверь постучали, вошла женщина, закутанная в тяжелый плащ. Она сбросила плащ: передо мной стояла Мериамон в своем подвенечном платье.

— Не пугайся, Реи, — произнесла она, — я освободилась на один час и пришла посмотреть, как ты работаешь. Не противоречь мне, я люблю смотреть на твое морщинистое лицо, на котором лежит отпечаток мудрости и познаний. Еще ребенком я наблюдала, как ты чертил планы великолепных храмов, которые переживут нас и, может быть, наших богов. Ах, Реи, ты мудрый человек, ты избрал себе благую участь и строишь здания из крепкого камня и украшаешь их стены по произволу твоей фантазии. Но я, я строю здание в тайниках человеческого сердца, и моя воля написана во мраке сердца. Когда я умру, воздвигни мне памятник необычайной красоты, какого не было никогда, и сделай надпись: «Здесь, в

своем храме гордости, обитает измученный строитель его — царица Мериамон».

— Не говори так, — сказал я, — разве сегодня не твоя свадебная ночь? Зачем ты пришла сюда теперь?

— Зачем? Вероятно, я снова превратилась в ребенка! Слушай, Реи, во всем обширном пространстве страны Кемет нет женщины более потерянной, опозоренной и несчастной, чем царственная Мериамон, которую ты так любишь! Я пала ниже той, которая подметает улицы своим платьем, потому что чем возвышеннее душа человека, тем глубже его падение. Я продалась постыдно, и цена моего падения — это власть. О, будь проклята судьба женщины, которая может достигнуть высоты только своей красотой! Будь проклят тот, кто посоветовал мне это, проклятие и мне самой, совершившей тяжкий грех! Оттолкни меня, Реи, ударь, плюнь мне в лицо, мне, царственной Мериамон, продавшей себя за царскую корону. О, я ненавижу его, ненавижу и заплачу ему стыдом за стыд, ему — этому клоуну в царском одеянии! Смотри сюда! — Она вытащила из складок платья белый цветок, известный только мне и ей. — Два раза сегодня покушалась я покончить с собой с помощью этого смертоносного цветка, сбросить с себя весь стыд и позор. И только одна мысль удержала меня: я, Мериамон, должна пережить его, разбить всюду его статуи, вычеркнуть его имя из писем каждого храма в стране Кемет... Я... — Она залилась вдруг горькими слезами, она, которая не умела плакать.

— Оставь! — продолжала она, когда я хотел утешить ее. — Это злые слезы. Мериамон — властительница своей судьбы, а не судьба властвует над ней. А теперь господин мой ожидает меня, и я должна уйти. Поцелуй меня, старый друг, пока я еще та Мериамон, которую ты знаешь и любишь, и больше не целуй меня никогда! В конце концов, все это хорошо для тебя, ведь если Мериамон будет царицей Кемета, то ты станешь первым сановником в стране и будешь стоять на ступеньках моего трона. Прощай!

Она бросила белый смертоносный цветок в огонь жаровни и ушла, оставив меня с тоской на сердце. Я узнал, что Мериамон не похожа на других женщин и выше их в зле и добре.

На следующую ночь я снова сидел и работал. Снова раздался стук в мою дверь, вошла женщина и сбросила свой плащ. Это опять была Мериамон, но бледная, расстроенная.

— Разве князь, твой супруг... — начал я, встав с места.

— Не говори мне о супруге, Реи, — перебила она меня. — Вчера ночью я наговорила тебе глупостей, потому что ум мой помутился... Забудь

это все... Я жена, счастливая супруга и царица!

Она улыбнулась так странно, что я отступил назад.

— Послушай, — продолжала она. — Мне снился страшный сон, ты мудр и знаешь все, объясни мне его смысл и значение. Я спала и вдруг увидела человека, которого во сне любила более всего на свете. Мое сердце билось только для него, моя душа была его душой, и я знала, что поллюбила его на всю жизнь. Фараон был моим супругом, но я не любила его. Вдруг с моря явилась женщина прекраснее меня, красота ее была изменчивее и выше красоты утренней зари, восходящей за горами. Она также любила этого богоподобного человека, и он любил ее. Мы боролись за его любовь, состязаясь в красоте, мудрости, в волшебстве. Сначала одна победила, потом другая, в конце концов победа осталась за мной. Я легла на брачное ложе и обняла холодный труп... Я проснулась, опять заснула и увидела себя в другом одеянии, говорящей на другом языке. Передо мной стояли человек, которого я любила, и та, другая женщина поразительной красоты... Потом я снова превратилась в Мериамон, и снова мы с ней начали бороться, чтоб овладеть сердцем этого мужа, но на этот раз она победила меня. Я уснула и опять проснулась в другой стране, чудесной, не похожей на Кемет, которую, мне казалось, я знала давно. Там я жила среди могил, темные лица смотрели на меня, и все гробницы были покрыты надписями на мертвом языке — языке страны, откуда пришли наши отцы. Все мы изменились, и снова я и та прекрасная женщина начали бороться, и я, казалось, победила ее, но вдруг целое море огня хлынуло на меня, и я проснулась. Во сне я громко кричала, призывая богов на помощь... Снова смежились очи мои, и ворота прошлого широко раскрылись передо мной. Мне казалось, что тысячи и тысячи лет тому назад я и этот человек возродились из ничтожества и пустоты, смотрели друг на друга и любили друг друга несказанной любовью и клялись страшной клятвой в любви и вечной верности. Мы не были простыми смертными, а обладали нечеловеческой силой и красотой, и наше счастье было счастьем богов. Оно было нарушено страшным голосом того, кого я потревожила, Реи, не послушавшись твоего совета. Поцелуй нашей любви пробудил то, что спало сном смерти. Мы не знали богов, не поклонялись им, обожая друг друга и думая, что мы будем жить вечно. И боги разгневались на нас. Страшный голос произнес: «Вы двое, живущие одной жизнью, дополняющие один другого! Ваши поцелуи разбудили того, кто спал сном смерти, пламя вашей любви согрело то, что было холодно. Вы забыли богов, даровавших вам жизнь, любовь и радость! Приготовьтесь к своей участи! Теперь вы будете не двое, а трое! Уходите из этого священного

места на землю! Облекитесь в смертную оболочку, переходите от жизни к жизни, живите, любите, ненавидьте, умирайте! В своем ослеплении вы познаете все: стыд, любовь, гибель и возрождение — до тех пор, пока наказание ваше будет окончено, покров вашей слепоты спадет с ваших глаз, и вы снова будете великими, снова будете двое, составляющие одно целое!» Мы задрожали, прижимаясь друг к другу, а голос продолжал: «Вы двое, составляющие одно целое! Пусть тот, чей голос вы слышали, различит вас... Будьте трое!» Пока голос говорил это, я была в отчаянии и совершенно обессилила, а около человека, которого я любила, очутилась та прекрасная женщина, увенчанная блеском своей красоты и лучезарной звездой. Нас стало трое. Он, которого я любила, взглянул на прекрасную женщину: та улыбнулась и протянула к нему руки. В эту минуту, Реи, я узнала всю горечь ревности и проснулась дрожа. Объясни, Реи, мое видение, растолкуй мне его!

— О, госпожа, — ответил я, — это выше моего понимания, я не могу растолковать тебе, хотя готов помочь тебе во всем!

— Я знаю, ты любишь меня, Реи. Пусть забудется этот сон: он послан не богами, а Сетом, мучителем. Пусть совершится все это, я готова, похожая на пылинку в руках судьбы. Быть может, я взлечу на вершину храма, или буду истоптана ногами рабов, или поглощена мраком... Я не люблю своего супруга, будущего фараона, и никогда не буду любить его. Когда сердце холодно, то рука сильна, и я согласилась быть царицей, которая может вести фараона за бороду, согласилась быть первой во всей древней стране Кемет потому, что я родилась не для того, чтобы служить. Да, я буду править и ждать конца. Смотри, Реи... Лучи Панды заливают ярким блеском дворы, улицы, города и раздробляются сиянием на лоне вод. Я — дитя Луны... Слеза моя затопит всю страну Кемет...

Она ушла. На лице ее играла странная и загадочная усмешка, похожая на улыбку великого сфинкса Гармахиса, очи которого таинственно глядят в глубь пустыни...

— Странная царица! — сказал Одиссей, когда Реи замолчал. — Но что я могу сделать для нее?

— Больше, чем думаешь! — отвечал Реи. — Но дай мне кончить рассказ и тогда поймешь!

VIII. В святилище смерти

Божественный фараон Рамсес умер и почил в Осирисе. Своими собственными руками я закрыл его гроб и положил его в великолепную гробницу, где он будет спать непробудным сном до дня пробуждения. Менепта и Мериамон воссели на древний престол Кемета. Мериамон относилась очень холодно к фараону, хотя тот исполнял все ее желания. Детей у них не было, и скоро красота ее наскучила царю. Но она умела властвовать над ним и правила всей страной. Что касается меня, я был ее главным советником, она беседовала со мной, удостоив меня больших почестей и сделав командиром легиона бога Амона. Однажды Мериамон устроила роскошный пир, на котором присутствовал фараон. Около него сидела Натаска. Это была женщина, приближенная к особе царицы, очень красивая, но нахальная и смелая, сумевшая завоевать на час расположение фараона. Он выпил много вина на пиру и коснулся губами руки Натаски, но царица Мериамон не обращала на них внимания. Между тем Натаска, выпившая также немало вина, становилась все смелее. Отпив вино из золотой чаши, она передала ее рабу и велела поднести царице, крикнув ей: «Выпей из моей чаши, сестра моя!» Все присутствовавшие поняли смысл ее поступка и слов: Натаска открыто называла себя женой фараона, равной царице. Конечно, Мериамон мало заботилась о любви царя, но она любила власть и могущество и потому при дерзких словах рабыни нахмурилась, в темных глазах ее загорелся мрачный огонек.

Она взяла золотую чашу и поднесла ее к своим губам, затем наполнила свою чашу вином, сделала вид, что отпила из нее и тихо сказала Натаске:

— Выпей в ответ из моей чаши, Натаска, слуга моя, потому что скоро ты будешь, может быть, выше царицы!

Глупая женщина взяла поднесенную ей евнухом золотую чашу, не поняв лживых слов Мериамон, и выпила вино, но затем со страшным криком упала мертвая на стол. Все присутствовавшие пришли в ужас, не смея сказать слова, а Мериамон насмешливо и мрачно улыбнулась, смотря на темноволосую голову Натаски, безжизненно лежавшую среди цветов на столе. Фараон стал бледный от ярости и крикнул стражу, чтобы схватить царицу. Но та движением руки приказала страже отойти.

— Не смей дотронуться до помазанной царицы Кемета! — произнесла Мериамон. — Ты, Менепта, не забывай нашей брачной клятвы! Смеют ли твои возлюбленные бросать мне вызов и называть меня сестрой?

Если мои глаза были слепы, то уши открыты! Молчи! Она получила заслуженное, ищи себе другую!

Фараон молчал, испугавшись Мериамон, которая сидела спокойно, играя ожерельем на своей груди и наблюдая, как рабы унесли с пира мертвое тело Натаски. Один за другим все испуганное общество разошлось, остались только фараон, Мериамон да я, жрец Реи.

— Отвратительная женщина! — заговорил фараон, дрожа от страха и гнева. — Будь проклят тот день, когда я заметил твою красоту! Ты победила меня, но берегись! Я — фараон еще и твой господин и клянусь тем, кто почивает в Осирисе, если ты еще раз сделаешь что-нибудь подобное, я сниму с тебя корону царицы, отдам тебя на мучения, и душа твоя последует за той, которую ты убила!

— Фараон, берегись! — ответила гордо Мериамон. — Протяни только палец ко мне, и ты осужден! Ты не можешь убить меня, а я сумею одолеть тебя, клянусь великой клятвой! Клянусь тем, кто почивает в Осирисе, осмелюсь только поднять руку против меня, осмелюсь помыслить о предательстве — и ты немедленно умрешь! Меня трудно обмануть: у меня есть слуги, которых ты не можешь видеть и слышать. Я кое-что знаю, Менепта, из волшебства царицы Тэе. Иди своей дорогой и предоставь меня моей судьбе. Я — царица, останусь царицей и во всех государственных делах имею право голоса, как ты! Мы будем жить отдельно теперь: ты ведь боишься меня, Менепта, а я не люблю тебя!

— Пусть будет так, как ты сказала! — проворчал испуганный фараон. — Проклят тот день, когда мы встретились! С сегодняшнего дня мы чужие друг другу! Я знаю твою силу, Мериамон, дарованную тебе злыми богами. Тебе нечего бояться, я не убью тебя: брошенное копье часто ранит того, кем оно брошено. Реи, слуга мой, ты был свидетелем наших брачных клятв, слушай же теперь, мы берем их назад. Мериамон, царица древнего Кемета, отныне ты не жена мне. Прощай! — И фараон ушел, подавленный страхом.

— Да, — произнесла Мериамон, смотря ему вслед, — я более не жена Менепты, но все еще царица Кемета. О старый друг, как мне надоело все! Странная участь моя! У меня есть все, кроме любви, и все мне надоело. Я тосковала по власти, эта власть в моих руках, а что такое власть? Мираж... Мне наскучила моя безрадостная жизнь... О, если б один час пламенной любви — и потом умереть! Скажи мне, Реи! Осмелишься ли ты идти к мертвецам?

Она схватила меня за рукав и прошептала мне на ухо несколько слов.

— Ах, царица, я знаю... Там все покончено...

— Да, все и навсегда. Но, знаешь, она еще не совсем застыла, эта

Натаска, которую я убила, а я обладаю искусством вызвать ее дух обратно, пока она не совсем заглодела, и узнать из ее уст будущее... Там, у Осириса, перед ней открыто все будущее...

— Нет, нет, — вскричал я, — это святотатство. Мы потревожим смерть, и боги разгневаются на нас!

— Я хочу этого, Реи! Если ты боишься, не ходи, я пойду одна, так как хочу знать все. Если я умру при этой попытке, напиши на моей гробнице: «В поисках сущности бытия она нашла смерть!»

— Нет, царица, — воскликнули, — ты не пойдешь одна! Я кое-что смыслю в этом и, может быть, сумею оградить тебя от зла. Если ты хочешь идти, я последую за тобой!

— Хорошо. Сегодня ночью тело унесут в святилище храма Осириса, близ больших ворот, чтобы по обычаю оно дожидалось там прихода бальзамировщиков. Пойдем скорее, Реи, пойдем в храм Смерти! Мериамон ушла в свои комнаты, закуталась в темную одежду. Мы поспешили к храму, где нас окликнула стража.

— Кто идет? Именем священного Осириса говорите, кто идет!

— Реи, строитель, жрец бога Амона, а с ним другой человек! — ответил я. — Откройте дверь!

— Нет, не откроем. В храме есть некто, кого нельзя беспокоить!

— Кто же там?

— Та, которую убила царица!

— Царица послала нас взглянуть на ту, которую убила!

Жрец окинул взглядом закутанную фигуру Мериамон около меня.

— Пропуск твой, благородный Реи!

Я показал ему царскую печать, и он с поклоном отворил двери. Войдя в храм, я зажег приготовленные восковые свечи. При их свете мы прошли через зал и подошли к занавесу у святилища. Здесь я потушил свечи, так как никакой другой огонь, кроме того, который горит на алтаре, не может проникать в святилище. Сквозь занавес мы видели свет.

— Открой! — сказала Мериамон. Я открыл, и мы вошли в святилище. На алтаре ярко горело священное пламя, озаряя внутренность храма. Это был один из маленьких храмов Таниса; свет не достигал до стен, и мы едва могли различить на них фигуры богов. Но большая сидячая статуя Осириса из черного камня с короной на голове была ярко освещена. В руках статуи были посох и страшный наказующий бич.

В Танисе существует обычай класть ночью внезапно умерших людей высокого происхождения на колени статуи Осириса. На его священных коленях лежала белая обнаженная фигура мертвой Натаски. Она склонила

голову на грудь Осириса, длинные волосы ее висели до полу, руки были прижаты к сердцу, мертвые глаза смотрели в темноту.

— Смотри, — тихо сказал я царице, поддаваясь впечатлению священного места, — смотри, вот она, час тому назад красивая, благодаря тебе одета теперь нетленным величием смерти! Подумай! Ужели ты хочешь вызвать назад дух той, которую освободила от уз земли? Нелегко это сделать, царица, несмотря на все твое искусство, и если она даже ответит тебе, то мы можем умереть от ужаса и страха!

— Нет, — ответила Мериамон, — я не боюсь. Я знаю, как вызвать Ах из его мрачного царства и послать его обратно туда. Я ничего не боюсь, а если ты боишься, Реи, то уйди и оставь меня одну!

— Я не уйду, — возразил я, — но повторяю тебе, это святотатство!

Мериамон замолчала, подняла руки вверх и стояла так спокойно и неподвижно. Взяв посох, я обошел вокруг нас, вокруг алтаря и статуи Осириса и произнес священные слова, могущие охранить нас от великого зла в этот час.

Мериамон бросила в огонь алтаря горсть порошка. Она сделала это три раза, и каждый раз огненный шар поднимался от алтаря кверху, в воздух. Когда три огненных шара пролетели над головой статуи Осириса, Мериамон трижды громко вскричала:

— Натаска! Натаска! Натаска! Страшным именем смерти призываю тебя! Вызываю тебя с порога обители смерти! Вызываю тебя от ворот правосудия! Вызываю тебя сюда от двери осуждения! Во имя звена, соединяющего жизнь со смертью, приказываю тебе прийти сюда и ответить мне на мой вопрос!

Мериамон умолкла, но ответа не было. Только статуя Осириса холодно улыбалась, и труп Натаски на коленях бога смотрел широко раскрытыми глазами в темноту.

— Это нелегко, — прошептал я, — но ты знаешь страшное слово. Если не боишься, произнеси его, или уйдем отсюда!

— Я скажу! — ответила она, и, подойдя к статуе, Мериамон закрыла лицо руками и ухватила за мертвую ногу Натаски. Я распростерся на полу и также закрыл лицо, так как услышать страшное слово с непокрытым лицом — значит умереть.

Тихим шепотом Мериамон произнесла ужасное слово, которое нельзя написать, отзвук которого имеет силу пролетать огромное пространство и долетать до ушей мертвецов, обитающих в Аменти. Произнесенное шепотом, страшное слово загремело, как гром, под сводами храма. Казалось, грозная буря с ветром разразилась над нами, так что крыша

здания затряслась и стены храма зашатались.

— Откройте лицо свое, смертные! — вскричал громовой голос. — И смотрите на тех, которых вы осмелились вызвать!

Я встал, сбросил плащ с лица и упал в ужасе. Около круга, который я начертил своим посохом, толпилось множество мертвецов. Бесчисленные, как песок пустыни, они смотрели на нас своими мертвыми глазами. Огонь на алтаре погас, но свет лился из глаз мертвецов, из глаз мертвой Натаски.

Я, Реи, хорошо знал, что если поддамся страху, то умру, и призвал в сердце своем Осириса, чтобы защитить нас. Едва я успел произнести его священное имя, как все тысячи мертвецов склонились перед его статуей.

— Мериамон, — произнес я, собрав все силы, — не бойся, но будь осторожна!

— Зачем я буду бояться? — ответила она. — Только потому, что на один час наши глаза видят тех, которые живут в другом мире и знают все наши тайны? Я не боюсь! — Она смело подошла к краю круга.

— Привет вам, духи смерти, среди которых и я буду находиться когда-нибудь! — закричала Мериамон.

Мертвецы отступили, и к ней из темноты вытянулись огромные черные руки, стремившиеся, казалось, схватить ее. Мериамон засмеялась.

— Нет, злой дух, — произнесла она, — ты не можешь проникнуть за пределы этого круга — это выше твоих сил! Натаска! Еще раз заклинаю тебя жизнью и смертью, приди сюда, ты, которая была слугой, а теперь стала «выше царицы»!

Пока она говорила, от мертвой женщины, лежавшей на коленях Осириса, отделилась другая фигура, совершенно подобная Натаске, и встала перед нами. Но тело продолжало лежать на коленях Осириса, так как это был *Ка*.

— Что тебе надо от меня? — заговорил устами Натаски *Ка*. — Что ты хочешь от меня, ты, погубившая мое тело? Зачем беспокоишь меня?

— Я хочу, чтобы ты поднял завесу будущего... Говори, что ожидает меня, я приказываю тебе!

— Нет, Мериамон, этого я не могу, я — *Ка*, обитатель гробницы, я должен охранять дух Натаски во все время ее смерти, вплоть до возрождения. Я ничего не знаю о будущем. Спроси того, кто знает!

Мериамон снова три раза выкрикнула имя Натаски. Вдруг на голову статуи Осириса села большая птица с золотым оперением, голова ее была головой женщины и походила на Натаску. Это был *Ба*.

— Что хочешь ты от меня, Мериамон? — заговорил он. — Зачем ты вызвала меня из другого мира, ты, погубившая мое тело?

— Я хочу, чтобы ты сказал мне, что ожидает меня в будущем. Говори, приказываю тебе!

— Нет, Мериамон, — ответил *Ба*, — я не могу и не знаю. Я — *Ба* и летаю от смерти к жизни и от жизни к смерти, пока не наступит час пробуждения. Я ничего не знаю в будущем, спроси того, кто знает!

В третий раз Мериамон начала вызывать Натаску. Раздался звук, похожий на вой ветра, и сверху прямо на чело мертвой Натаски спустился огненный язык. Глаза всех мертвецов уставились на него. И мертвая Натаска заговорила, хотя губы ее не шевелились.

— Что ты хочешь от меня, Мериамон? Как осмелилась ты беспокоить меня, ты, погубившая мое тело, зачем вызвала меня с порога обители смерти?

— О ты, *Ах*, я вызвала тебя потому, что мне надоела моя скучная жизнь и я хочу узнать будущее! — ответила царица. — Скажи мне, заклинаю тебя великим словом, имеющим власть отверзать уста мертвых, ты, всезнающий, скажи, что мне ждать в будущем?

— Любовь будет бременем твоей жизни, а смерть — бременем твоей любви! — ответил страшный *Ах*. — Смотри, с севера приближается некто, кого ты любила и будешь любить, пока не выполнится все предначертанное. Вспомни сон, который приснился тебе на ложе фараона! Мериамон, велика твоя слава, твое имя известно на земле, и в Аменти знают тебя! Высока твоя участь, но путь твой покрыт кровью и скорбью. Я все сказал, отпусти меня!

— Хорошо, — возразила царица, — но погоди уходить! Прежде всего приказываю тебе страшным словом, великим звеном, связующим жизнь и смерть, скажи мне, буду ли я здесь, на земле, обладать тем, кого люблю?

— В грехе, скорби, Мериамон, ты будешь обладать им. Стыд и ревность будут терзать тебя, когда его отнимет у тебя та, которая сильнее тебя, хотя ты очень сильна, та, которая красивее тебя, хотя ты очень хороша. Ты будешь очень страдать! Но она скроется от тебя с тем, кто принадлежит вместе и тебе, и ей. Наступит день, и ты отплатишь ей мерой за меру, злом за зло!

— Хорошо, *Ах*, подожди! Покажи мне лицо моей соперницы и лицо того, кто будет моей любовью!

— Трижды можешь ты спрашивать меня, о бесстрашная царица, — отвечал страшный *Ах*, — трижды могу я ответить тебе, а потом прощай, пока не встречу тебя на пороге вечности. Смотри же теперь в лицо Натаски, которую ты убила!

Мы стали смотреть на мертвое лицо. Вдруг оно начало изменяться и

засияло поразительной красотой, красотой несказанной. Казалось, то была чудная красота спящей женщины. Потом над головой Натаски мы увидели тень мужчины, охранявшего ее сон. Но лица его не было видно, оно было скрыто золотым шлемом, из которого торчал бронзовый конец сломанного копья. Одет он был в блестящее золотое вооружение народа, живущего у северного моря, и темные его локоны падали по плечам, подобно лепесткам гиацинта.

— Смотри на свою соперницу и на того, кого ты полюбишь! Прощай! — сказал Ах мертвыми губами Натаски, и, когда он умолк, прекрасное лицо женщины исчезло, огненный язык растаял в воздухе, и все мертвецы посмотрели друг на друга, словно прошептали что-то.

Некоторое время Мериамон стояла молча, потом, словно очнувшись, подняла руку и вскричала:

— Уходи, ты, *Ба!* Исчезни, *Ка!* — Огромная птица с золотыми перьями вспорхнула и поднялась вверх, а *Ка* приблизился к ногам мертвой Натаски и исчез.

Мериамон покрыла голову плащом и еще раз произнесла ужасное слово. Она произнесла его громко, и храм снова наполнился ревом бури. Потом она сбросила плащ. На алтаре горел яркий огонь, на коленях Осириса лежала холодная Натаска. Кругом царила мертвая тишина.

Мериамон схватила меня за руку.

— Теперь я знаю все, — произнесла она тихо, — и страшно боюсь того, что должно случиться. Уведи меня отсюда, Реи, я не могу более!

С тяжелым сердцем увел я ее из храма. Вот почему, Странник, царица смутилась, когда явился человек в золотом вооружении, шлем которого был проткнут обломком копья.

IX. Пророчество апур

— Все это произошло по воле богов! — произнес Одиссей, когда Реи закончил свой рассказ. Некоторое время он сидел молча, потом поднял глаза и взглянул на старого жреца.

— Станный рассказ, Реи! Много морей я прошел, во многих странах побывал, видел много народов и слышал голоса бессмертных богов, но никогда не слышал ничего подобного. Заметь себе, когда я увидел прекрасную царицу, я удивился тому, что она как-то странно взглянула на меня, как будто бы уже знала. Если ты сказал правду, Реи, она полагает, что видела меня в своих снах и видениях. Кто этот человек с длинными темными локонами, в золотом вооружении, с золотым шлемом на голове, в который воткнут обломок копья?

— Передо мной сидит этот человек, — сказал Реи, — или, может быть, я созерцаю бога!

— Нет, я не бог, — ответил, улыбаясь, Одиссей, — хотя сидонцы сочли меня за бога. Отгадай мне эту загадку, мудрый жрец.

Престарелый Реи смотрел в землю, бормоча молитву дрожащими губами.

— Ты человек, — произнес он, — и пришел из-за моря, чтоб внушить любовь царице Мериамон и осудить себя на смерть. Это я знаю, остальное мне неизвестно. Молю тебя, чужеземец, ты пришел к нам с севера в золотом вооружении, твое лицо сияет мужественной красотой, ты — сильнейший из людей! Прошу тебя, уйди назад, уйди за море, откуда ты пришел...

— Разве человек может уйти от своей судьбы? — спросил Одиссей. — Если смерть придет, так должно быть! Но помни, Реи, я не искал любви Мериамон!

— Все равно ты найдешь ее! Кто ищет любовь, тот теряет ее, а кто не хочет искать, тот находит!

— Я приехал завоевать любовь другой женщины, — сказал Одиссей, — и буду искать эту любовь, пока не умру!

— Пусть боги помогут тебе найти ее, и страна Кемет будет спасена от великой скорби! Но здесь, в Египте, нет женщины прекраснее Мериамон, и ты должен искать где-нибудь дальше. А теперь, Эперит, я должен идти совершать службу в храме священного Амона, так как я верховный жрец. Но тебя фараон приказал мне привести на пир во дворец!

Реи повел Одиссея боковым входом во дворец фараона, близ храма бога Пта. Но прежде указал ему на приготовленную для него прекрасную комнату, богато украшенную, уставленную креслами из слоновой кости и ложами из серебра, с роскошной постелью.

Одиссей отправился в царские бани, где темноокие девушки вымыли его, умастили душистым маслом и увенчали цветами лотоса.

Потом Реи повел его, в полном вооружении, в переднюю комнату дворца и оставил тут, говоря, что вернется, когда пир кончится.

Зазвучали трубы, загремели барабаны.

Вошли прекрасная царица Мериамон и божественный фараон Менепта в сопровождении придворных дам и мужчин. Все они были увенчаны розами и цветами лотоса. Мериамон была в царском одеянии из вышитого шелка, с плеч ее спускалась пурпурная мантия, а на шее и руках блестели золотые украшения.

Она была прекрасна своим бледным лицом и чудными гордыми очами, которые, казалось, дремали под тенью длинных шелковистых ресниц, и шла, сияя гордой и царственной красотой. Позади царицы был виден фараон, высокий, болезненный человек с мрачным лицом. Одиссею показалось, что у него тяжело на сердце, что забота и страх перед бедой вечно терзают его.

Мериамон ласково взглянула на Скитальца.

— Привет тебе, чужеземец! — произнесла она. — Ты явился на наш пир в воинственном одеянии?

— Прости, царственная госпожа, — ответил он, — но если бы я вздумал снять доспехи, мой лук запел бы мне песнь о скорой войне. И вот я пришел на пир в полном вооружении!

— Разве твой лук умеет предсказывать, Эперит? — спросила царица. — Я слышала о таком оружии от менестреля, который пришел к нам с берегов Северного моря и пел песнь о волшебном луке Одиссея!

— Ты хорошо делаешь, что не снимаешь вооружения, Странник, — сказал фараон, — если твой лук поет о войне, то мое сердце также говорит мне, что война будет!

— Следуй за мной, странник! — сказала царица.

Он последовал за ней и фараоном. Они пришли в великолепный зал, украшенный резьбой по стенам. Одиссею никогда не приходилось видеть такого богатого зала. На возвышении сел фараон, рядом с ним — царица Мериамон, а подле нее — Скиталец в золотом вооружении. Он прислонил свой лук к креслу из слоновой кости.

Пир начался. Все ели и пили вдоволь. Царица говорила мало, но глаза

ее не переставали следить за гостем из-под низко опущенных ресниц.

Вдруг, когда они пировали и веселились, двери в конце комнаты широко раскрылись. Стража в ужасе отскочила, и у дверей остановились два человека.

Лица их были смуглы, худы, истощенны, носы походили на клюв орла, а глаза — желты, как у льва. Одежда их состояла из звериных шкур, перевязанных у пояса ремнем. Они подняли свои обнаженные руки, в которых держали посохи. Оба человека были стары, один с длинной белой бородой, другой — выбрит, подобно египетскому жрецу. Когда посохи поднялись, стража отступила, и все присутствовавшие закрыли лица, за исключением Мериамон и Скитальца. Даже фараон не смел взглянуть на них, только сердито пробормотал себе в бороду: «Клянусь Осирисом, эти апура снова явились сюда! Смерть тем, кто пропустил их!»

Один из пришедших, бритый, как жрец, громко вскричал:

— Фараон! Фараон! Фараон! Слушай слово Иеговы. Отпустишь ли ты народ его?

— Не отпущу!

— Фараон! Фараон! Фараон! Слушай слово Иеговы! Если ты не отпустишь народ его, все перворожденные в Кемете, от князя до раба, от быка до осла, будут перебиты! Отпустишь ли ты народ его?

— О фараон, отпусти народ! — громко закричали все присутствовавшие.

— Великие скорби и несчастья обрушатся на Кемет! О фараон, отпусти народ!

Сердце фараона смягчилось, и он готов был отпустить народ Иеговы, как вдруг Мериамон повернулась к нему.

— Ты не должен отпускать этот народ! — произнесла она. — Поверь, что все бедствия Кемету причинили не эти рабы, не боги этих рабов, а чужеземная богиня, которая живет в Танисе. Не бойся, трус! Какое у тебя малодушное сердце! Вели богине уйти отсюда, но не отпускай этих рабов! Нам нужно строить города, и эти рабы будут работать для нас!

— Вон отсюда! — вскричал фараон. — Приказываю вам уйти. Завтра ваш народ будет послан на тяжелую работу, и спины их окрасятся от ударов ремня! Я не отпущу этот народ!

Оба человека громко вскрикнули и, подняв посохи, исчезли из комнаты. Никто не смел наложить на них руку.

Скиталец удивился, что фараон не приказал убить непрошенных гостей.

— Знаешь, Эперит, — сказала Мериамон, заметив его удивление, — великие бедствия постигли нашу страну. Царь думает, что эти колдуны

послали на нас все беды, но я знаю, что Хатхор, богиня любви, разгневалась на нас из-за той женщины, что живет в Танисе и выдает себя за богиню!

— Зачем, царица, — спросил Скиталец, — терпите вы у себя в городе эту ложную богиню?

— Зачем? Спроси об этом фараона. Вероятно, потому, что красота ее поразительна и кто увидит ее хоть раз, тот поклоняется ей и почитает, как богиню. Если ты хочешь узнать об этом подробнее, спроси фараона, он знает храм ложной богини, знает того, кто охраняет ее!

— О фараон, могу я узнать всю правду? — обратился Скиталец к царю.

Менепта взглянул на него, сомнение и тревога отразились на его лице.

— Я скажу тебе правду, странник! Такой человек, как ты, путешествовавший по многим странам, поймет мой рассказ и поможет мне. При жизни моего отца, священного Рамсеса, однажды в храме божественной Хатхор появилась женщина чудесной красоты. Когда жрецы храма смотрели на нее, то одному она казалась мрачной, другому светлой, и перед каждым человеком менялась ее чудная красота. Она улыбалась и пела, зажигая любовь во всех сердцах. Но если хоть один мужчина подходил к ней ближе и пытался обнять ее, он отступал, как ужаленный, а если повторял попытку, то умирал. Тогда люди перестали смотреть на нее как на женщину и начали поклоняться ей, приносить жертвы и молиться, как богине. Прошло три года. В конце третьего года богиня исчезла. От нее не осталось и следа, и только память ее свято чтилась людьми. Прошло двадцать лет. Отец мой умер, и я наследовал его престол. Однажды из храма прибежал вестник. «Хатхор вернулась в Кемет, — кричал он, — богиня вернулась к нам!»

Я пошел взглянуть на нее. Перед храмом собралась огромная толпа народа, а на портике храма стояла сама богиня, сияя ослепительной красотой. Она пела чудесные песни, и голос ее проникал в сердце человека. Месяц за месяцем она пела свои песни, и множество людей мечтали заслужить ее милость, но у дверей храма невидимая стража строго охраняла вход. Если смельчак пытался ворваться силой, слышался звон мечей, и он падал мертвым, хотя на нем не находили ран. Это правда, странник, я сам хотел войти туда и был оттолкнут ее стражей. Но я один из всех людей, кто, видя ее близко и слыша ее голос, не сделал вторичной попытки войти в храм и уцелел!

— Ты любишь жизнь больше других людей! — сказала царица. — Ты хотел завоевать также это чудо, но твоя жизнь тебе дороже ее красоты, и ты

не решился обнять ее. Да, Эперит, она причина всех наших бедствий. Все мужи влюбляются в нее и бесятся от любви. Когда она стоит на портике храма и поет, они плачут, молятся и рвут на себе волосы, рвутся к ней и умирают. Проклята наша страна, проклятие принесла нам эта женщина! Пока не найдется человек, который пройдет сквозь стражу, встанет перед ней лицом к лицу и убьет ее, горе и бедствие будут терзать страну Кемет! Быть может, ты, странник, окажешься этим человеком? — Мериамон загадочно взглянула на него. — Тогда прими мой совет: не ходи туда, ты будешь околдован, и мы потеряем великого человека!

— Быть может, госпожа, моя сила и милость богов помогут мне в этом деле. Но, пожалуй, эту женщину легче уговорить словами любви и поцелуями, чем убить ударом меча, если она не принадлежит к числу смертных!

Мериамон покраснела и нахмурилась.

— Зачем ты говоришь это? — сказала она. — Будь уверен, что, если бы я увидела это чудо, она была бы убита и предназначена в невесты Осирису!

Одиссей понял, что царица Мериамон завидовала красоте и славе той, которая обитала в храме Таниса, и замолчал, умея молчать, когда это было нужно.

Х. Страшная ночь

Пир был испорчен: страх омрачил лица присутствовавших. Женщины и мужчины молчали, смех лишь изредка нарушал тишину в зале. Скиталец пил мало, ожидая, что будет дальше. Царица наблюдала за ним и одна из всего общества была довольна пиром. Вдруг боковая дверь открылась, и все испуганно повернули головы. Но страх их был напрасен. Вошли слуги, внесли изображение смерти, как это полагалось на пиру, и поставили резную деревянную статуэтку перед фараоном, крича: «Пей вино, царь, веселись, скоро ты будешь взят смертью! Пей и веселись!»

Менепта, все время молчавший, взглянул на изображение смерти и горько засмеялся.

— Сегодня мы не нуждаемся в этом напоминании! — вскричал он. — Смерть близка, да, смерть близка! — С этими словами он упал в свое золоченое кресло, поставив чашу с вином на стол.

— Разве ты муж? — сказала Мериамон тихо. — Муж ли ты, чтобы так пугаться? Разве в первый раз сегодня мы слышим имя смерти? Вспомни великого Менкаура, старого фараона, построившего пирамиду Гер. Он был кроток и справедлив, боялся богов, и они показали ему смерть. Испугался ли он, дрожал ли? Нет, он обратил ночь в день, он веселился и прожил еще много лет, наслаждаясь любовью, вином и всеми утехами жизни. Будьте веселы, мои гости, хотя бы веселье наше продолжалось только один час! Пейте вино и будьте мужественны!

— Ты говоришь верно, — сказал фараон, — пейте и забудьте! Боги, посылающие смерть, дают нам вино, чтобы забыться! — Его мрачные глаза блуждали по залу, ища предлога придраться. — А ты, странник, — воскликнул он, — ты не пьешь! Я следил за тобой. Ты пришел с севера, и бледное солнце твоей страны не питает виноградных гроздьев. Ты холоден, любишь пить воду. Почему ты не ищешь забвения в вине, когда час твой близок? Пей же красное вино Кемета. Принесите кубок Пашта! — закричал он слугам. — Царь хочет пить из него!

Главный дворецкий фараона пошел в сокровищницу и принес огромный золотой кубок, сделанный в виде львиной головы и вмещавший двенадцать мер вина.

— Наполните его чистым вином! — вскричал фараон. — Ты побледнел при виде кубка, Скиталец? Я выпью за тебя, ты — за меня!

— Нет, царь, — сказал Скиталец, — я пробовал твое вино и не хочу

его больше!

— Выпей же кубок за меня! — настаивал фараон.

— Прости меня, прошу тебя, — сказал Скиталец, — но вино делает умных людей глупыми, а сильных — слабыми, а нам сегодня, может быть, понадобятся и сила, и разум!

— Дай мне кубок! — вскричал фараон. — Я пью за твою храбрость, Скиталец! — Он поднял кубок, встал и выпил его, затем повалился в кресло, и голова его упала на грудь.

— Я не могу отказать царю в его просьбе! — сказал Скиталец, побледнев от гнева. — Дайте мне кубок! — Он взял кубок, встал и, совершив возлияние богам, произнес ясным голосом: — Пью за чужеземную Хатхор!

Царица взглянула на него, побледнев от негодования. Вдруг из лука послышался слабый звук, разросшийся в воинственную песнь, похожую на шум летящих стрел. Одиссей услышал пение лука, и глаза его загорелись воинственным огнем: он знал, что стрелы скоро полетят в осужденных. Фараон и Мериамон также услышали песнь лука. Царица удивленно смотрела на Скитальца.

— Рассказ менестреля был правдив! Это лук Одиссея, — сказала Мериамон, — слушай, Эперит, твой лук громко поет!

— Да, царица, — ответил Скиталец, — скоро полетят стрелы смерти! Зови стражу, враг близко!

Ужас превозмог опьянение фараона: он приказал страже идти, собрать всех товарищей и быть настороже. Мрачная тень легла на всех присутствовавших на пиру. Мертвая тишина воцарилась в зале, подобно тому, как бывает в воздухе перед грозой. Только Одиссей думал о предстоящей битве, да Мериамон неподвижно сидела в своем кресле и смотрела вдаль. Страх все сильнее охватывал сердца мужчин.

Вдруг, казалось, сильный порыв ветра пронесся по залу. Весь дворец содрогнулся, своды его закачались и раскрылись, и над головами присутствовавших появилась какая-то фигура. Звезды ярко светили на небе. Потом своды закрылись снова, и люди с побледневшими лицами смотрели друг на друга. Даже неустрашимое сердце Одиссея замерло от ужаса.

Вдруг многие из присутствовавших в зале людей встали с мест и с криком попадали мертвыми на пол. Скиталец схватил свой лук. Те, кто остался в живых, сидели неподвижно, совершенно парализованные страхом. Только Мериамон была спокойна и холодно смотрела на все происходящее, так как не боялась ни смерти, ни жизни, ни богов, ни людей,

а Скиталец осматривал лук. В тишине они издали услышали шум, топот множества ног, все возраставший и приближавшийся к ним. Двери раскрылись, и вбежала женщина в ночном одеянии, неся на руках труп обнаженного мальчика.

— Фараон! — вскричала она. — Фараон и ты, царица! Взгляните, ваш сын умер... Ваш новорожденный сын мертв! О фараон! Царица! Он умер внезапно на моих руках!

Она положила мертвого ребенка прямо на стол, среди гирлянд цветов и золотых сосудов и чаш с вином.

Фараон встал с места, разодрал свою пурпурную одежду и громко заплакал. Мериамон также встала и прижала к груди своего мертвого первенца. На нее было страшно смотреть, хотя глаза ее остались сухи.

— Проклятие навлекла на нас эта злодейка, эта лживая Хатхор! — произнесла царица.

— Нет, нет, это не Хатхор, не наша священная Хатхор, которую мы почитаем, — закричали присутствовавшие, — это бог мрачных апура, которых ты, царица, не хочешь отпустить, послал все бедствия на голову фараона и твою!

Пока они кричали, шум извне возрастал и усиливался, так что стены дворца затряслись. Раздался страшный тысячеголосый вопль, какого никогда не раздавалось в Египте.

Двери снова отворились, стражу оттолкнули в сторону, и в зал вошла толпа сильных и рослых чужеземцев. Лица их были бледны, глаза блуждали. При виде их Скиталец пришел в себя — он боялся богов, а не людей и, натянув лук, вскричал:

— Очнись, фараон, очнись! Враги пришли. Вся ли твоя стража здесь?

— Да, все, кто остался в живых, — отвечал капитан телохранителей, — остальные умерли!

Едва он успел произнести эти слова, как в зал вбежал человек. Это был старый жрец Реи, командир легиона Амона.

— Слушай, фараон, — вскричал он, — твой народ умирает тысячами на улицах. В домах царит смерть. В храмах богов Пта и Амона большинство жрецов умерли!

— Все ли ты сказал, старик? — спросила его Мериамон.

— Не все еще, царица! Солдаты обезумели от страха и убивают начальников; я сам едва спасся от них. Они клянутся, что ты навлекла смерть на Египет, так как не хотела отпустить апура. Тысячная толпа бежит сюда, чтобы убить фараона и тебя!

Фараон громко застонал.

— Возьми свое оружие, Эперит, война близка! — сказала Мериамон Скитальцу.

— Я не боюсь битвы и раздраженных людей, царица! — ответил тот. — Муж должен бояться только гнева богов. Стража, сюда! Сомкнитесь вокруг! Не бойтесь, не пугайтесь!

Его фигура была так величественна, лицо горело такой отвагой, что испуганная стража опомнилась, выстроившись двойным рядом около него. Каждый приготовил сбой лук и стрелы.

Придворные фараона и уцелевшие гости спрятались позади солдат. Вдруг двери, вышибленные могучими ударами, распахнулись, и толпа шумно ворвалась в зал. Тут были солдаты, бальзамировщики, кузнецы, почерневшие над писанием переписчики, рыбаки, ткачи и даже прокаженные от ворот храма. Все они обезумели от страха; за ними следовали женщины с мертвыми детьми на руках. Толпа начала ломать дорогую мебель, рвать шелковые драпировки, побросала золотые пиршественные чаши прямо в лицо испуганным женщинам, громко требуя крови фараона.

— Где фараон? — вопили они. — Давайте нам фараона и царицу Мериамон, мы убьем их! Наши первенцы умерли потому, что пророки апуря послали на нас проклятие за то, что фараон задержал их народ в стране Кемет!

Наконец они увидели фараона Менепту, трусливо прятавшегося за стражей, и царицу Мериамон, которая молча стояла перед ними. Она держала на руках мертвого сына и смотрела на толпу горящими глазами, которые блестели ярче, чем ее урей.

— Назад! — воскликнула она. — Назад! Не фараон и не я причинили вам столько горя и скорби! К нам также пришла смерть! Это ваша лживая Хатхор, которую вы почитаете, это чудо, которое внушает вам любовь. Из-за нее вы терпите все эти бедствия, она навлекла на вас смерть! Разружьте ее храм, убейте ее и освободите страну свою от проклятия!

Несколько минут толпа стояла молча, как лез, готовясь прыгнуть на добычу. Потом раздались крики: «Вперед, вперед! Убейте их, убейте! Мы любим нашу Хатхор и ненавидим вас. Вы навлекли на нас несчастье, и вы должны умереть!» — заорала толпа.

Ворвавшиеся во дворец орали, бесновались, бросали камнями и палками в стражу. Высокий человек натянул тетиву и пустил стрелу прямо в грудь царицы. Мериамон сделала то, чего не сделала бы ни одна женщина. Спасаясь от смерти, она подняла перед собой тело мертвого сына и держала его, как щит. Стрела впиалась в нежное тельце ребенка. Наконец

она уронила труп на пол.

Тогда Скиталец с воинственным кличем оглянулся вокруг, облокотился на стол и пустил стрелу из своего лука. Стрела полетела прямо в того высокого человека, который целился в царицу, воткнулась в его грудь, окрасилась кровью и убила еще и другого, который упал мертвым. За первой полетела другая стрела, жужжа и гудя...

Толпа бросилась вперед. Воздух потемнел от множества стрел. Храбрость Скитальца воодушевила стражу. Солдаты дрались отчаянно. Но убийцы напирали сплошной стеной с криками и воплями. Шлем Скитальца сиял, как маяк во время бури. Свечи свалились из рук золотых фигур, стоявших у стола, драпировки загорелись, и черный дым наполнил весь зал. Но сквозь мрак, вопли и шум стрел ясно слышалась воинственная песнь волшебного лука Одиссея. Лук гудел, и стрелы, жужжа, летели на врагов.

Скоро запас стрел истощился, и Скиталец подумал, что битва проиграна, потому что прибывали новые толпы врагов. Но, опытный в войне, он не растерялся. Капитан телохранителей фараона был убит. Скиталец встал на его место, выстроил солдат кругом и старался воодушевить их. Он сунул чей-то меч в руку фараона, приказывая ему сражаться за свою жизнь и трон. Но тот, пораженный смертью сына и ослабленный вином, совсем упал духом и растерялся.

Царица Мериамон выхватила меч из его дрожащей руки и приготовилась к бою. Она считала недостойным себя сидеть, скорчившись на полу, как сделали другие женщины, а стояла прямо позади Скитальца и не пряталась от стрел, летевших со всех сторон.

Фараон закрыл лицо руками и не шевелился. Убийцы лезли вперед с криками и воем.

Скиталец бросился на них с поднятыми мечом и щитом, за ним двинулась стража фараона.

Они боролись за свою жизнь и заставили врагов отступить, разя мечами направо и налево.

Второй раз хлынула толпа и снова была отброшена назад. Однако скоро большая часть защитников фараона была убита, и силы их падали.

Однако Скиталец продолжал воодушевлять их, хотя сердце его было полно ужаса. Царица Мериамон также убеждала солдат не уступать врагам и умереть с честью, как подобает храбрецам.

Снова завязался отчаянный бой. Скоро только один Скиталец остался защитником Мериамон и фараона. Вдруг откуда-то издалека донесся громкий крик, заглушивший звон мечей, стоны людей и весь шум битвы. «Фараон! Фараон! Фараон! — кричал голос. — Отпустишь ли ты мой народ?»

Толпа остановилась. Бой прекратился, все повернулись в ту сторону, откуда раздался голос. В конце зала среди мертвых и умирающих людей стояли два старика, держа в руках посохи.

— Это колдуны, колдуны апура! — закричала толпа, отступая перед ними и забыв о битве.

Апура подошли ближе, не обращая внимания на груды мертвых тел, они шли по крови, по разлитому вину, мимо поваленных столов и остановились перед фараоном.

— Фараон! Фараон! Фараон! — прокричали они. — Все первенцы страны Кемет умерли от руки Иеговы. Отпустишь ли ты народ наш из Египта?

— Уходите, уходите вы все и весь ваш народ! — вскричал фараон. — Уходите скорее, чтобы Кемет не видел вас более!

Толпа слышала эти слова и ушла из дворца. Мертвая тишина воцарилась в городе. Смерть носилась над Кеметом. Люди умирали от ран и от появившейся чумы.

Тихо везде... Заснули люди. Сон принес им лучший дар богов — забвение.

XI. Бронзовые ванны

Настало утро после страшной ночи. Реи пришел от царя к Скитальцу, но не застал его в комнате. Евнух о; сказал ему, что гость встал, спросил о Курри, бывшем капитане сидонского корабля, и прошел к нему. Реи пошел туда и услышал стук молотка по металлу. В углу маленького двора у стены стоял Скиталец с обнаженными руками, одетый не в свои золотые доспехи, а в легкий балахон, который носят обыкновенно египетские рабочие. Он наклонился над маленькой жаровней, на которой горел огонь, держа в руке молоток. Около него стояла небольшая наковальня, где лежал один из наплечников его золотого вооружения. Курри стоял подле него с инструментами в руках.

— Привет тебе, Эперит! — вскричал Реи. — Что ты делаешь с наковальней?

— Чиню свое вооружение, — отвечал Скиталец, улыбаясь. — Оно изрядно потерпело во время вчерашнего боя. — Он указал на свой продырявленный щит. — Сидонец, раздуй огонь!

Курри присел на корточки и стал раздувать огонь кожаным мехом, в то время как Скиталец нагревал металл и бил его молотком на наковальне, не переставая разговаривать с Реи.

— Странная работа для князя! — усмехнулся Реи, опираясь на свой жезл с рукояткой в виде голубоватого яблока. — В нашей стране знатные люди не унижаются до работы!

— В каждой стране свои обычаи! — возразил Эперит. — На моей родине братья не женятся на сестрах, хотя во время своих странствований я встречал подобный же обычай на острове царя ветров. Мои руки хорошо служат мне, когда нужно, — продолжал он, — приходится ли косить весной зеленую траву, или править быками, или вспахивать начисто борозды тяжелой земли, или строить дома и корабли, или заняться работой кузнеца — мои руки умеют все!

— Каков на войне, таков и в работе! — сказал Реи. — О, я видал, как ты умеешь воевать! Слушай, Скиталец, царь Менепта и царица Мериамон посылают тебе свой приказ!

Он вытащил сверток папируса, перевязанный золотыми шнурами, прижал его к своему лбу и низко поклонился.

— Что это за сверток? — спросил Скиталец, выбивая молотками из шлема острие копья.

Реи развязал золотые шнуры, развернул свиток и подал его Одиссею.

— Боги! Что это такое? — воскликнул Скиталец. — Тут разные рисунки! Как искусно сделаны изображения змей, человеческих фигур, сидя и стоя, топоров, птиц, животных!

Он подал свиток жрецу:

— Я ничего не понимаю. Отец мой! Что это означает?

— Фараон приказал своему главному писцу написать тебе этот приказ, которым он назначает тебя командиром легиона царских телохранителей... Он удостоивает тебя высокого титула, обещает дома, земли, целый город на Юге, который будет снабжать тебя вином, еще город на Севере, из которого ты будешь получать запасы зерна, если ты согласен служить ему!

— Никогда в жизни не служил я никому, — возразил Скиталец, покраснев, — хотя был осужден на продажу в рабство. Царь делает мне слишком много чести!

— Ты хотел бы уйти из Кемета? — спросил старый жрец.

— Я хотел бы найти ту, которую ищу, где бы она ни была! — ответил Скиталец. — Здесь или в другом месте!

— Какой же ответ должен я отнести царю?

— Я подумаю! — сказал Скиталец. — Сначала надо посмотреть город, если ты согласен сопровождать меня! Во время прогулки у меня будет возможность обдумать ответ царю!

Говоря это, он успел наконец вытащить острие копья из своего шлема и, держа в руке, стал рассматривать его.

— Хороший клинок! — сказал он. — Я никогда не видел лучшего. Сидонец, — обратился он к Курри, — мне принадлежат твоя жизнь и обломок твоего копья. Я дарю тебе жизнь и возвращаю тебе кончик копья. Возьми его!

— Благодарю тебя, господин! — отвечал сидонец, засовывая копье за пояс. — Дар врага — злой дар! — пробормотал он сквозь зубы, едва слышно.

Скиталец надел свое вооружение и шлем.

— Пойдем, друг, покажи мне город! — обратился он к старому жрецу.

Реи уловил мрачную усмешку на лице сидонца и решил, что это злой и коварный человек, однако промолчал, позвал стражу и пошел вместе с Одиссеем к дворцовым воротам, чтобы выполнить его просьбу.

Странное зрелище представлял собой город. Из роскошных домов, из бедных жилищ выходили ряды женщин-плакальщиц, громко причитавших и певших заунывные, скорбные песни смерти.

В некоторых кварталах на дверях многих домов виднелись сделанные

кровью знаки, и из этих жилищ доносились веселые голоса, слышались праздничные песни. Казалось, в городе жило два народа: один — смеялся, другой — плакал.

Из отмеченных кровью домов женщины выходили с пустыми руками или входили туда, неся драгоценности, золото, серебро, кубки, пурпурные материи и отдавая все это смуглым мужчинам и женщинам с ястребиными, черными глазами и острыми носами. Эти люди уходили, входили, шумели, кричали, толкались среди плачущих женщин и мужчин Кемета.

Какой-то высокий парень ухватился за посох жреца Реи.

— Одолжи мне твой посох, старик, — сказал он, — одолжи на время моего путешествия. Когда я вернусь, ты получишь его обратно!

Скиталец повернулся к парню и так взглянул на него, что тот отступил назад.

— Я видел тебя, — бормотал парень, уходя, — видел прошлой ночью и слышал песню твоего лука. Ты не из народа Кемета, я знаю!

— Что такое происходит в твоей стране, старик? — спросил Скиталец. — Я вижу что-то странное. Никто не хочет поднять руку, чтобы спасти свое добро от воров и грабителей!

Жрец громко застонал.

— Тяжелые дни переживает Кемет, — произнес он. — Апура грабят народ, прежде чем уйти в пустыню!

Едва он успел произнести эти слова, как мимо них прошла высокая плачущая женщина. Муж ее, сын и брат умерли от чумы. Она происходила из царского дома, была богато одета и украшена золотом и дорогими камнями. За ней по направлению к храму бога Пта следовали рабы, не шее которых блестели золотые цепи.

Две женщины апура увидели ее и подбежали к ней.

— Отдай нам твои золотые украшения! — кричали они.

Без слова, молча женщина сняла с рук золотые кольца, запястья и бросила их к ногам кричавших.

Женщины апура сейчас же подобрали все.

— Где теперь твой муж, сын и брат? — кричали они насмешливо. — Ты, происходящая из дома фараонов. Ты платишь нам теперь за нашу работу, за те кирпичи, которые мы таскали для ваших домов, за палку, которая в руках зрителя колотила нас по спине! Хорошо, мы возьмем! Скажи, где твой муж, твой сын и брат теперь?

Они ушли, смеясь, а бедная осиротевшая женщина горько заплакала.

Много странного видел Одиссей, гуляя по городу со жрецом. Сначала он хотел отнять все награбленное и вернуть по принадлежности, но

жрец Реи строго запретил ему это во избежание неприятностей. Они пошли дальше.

Всюду царили смерть, скорбь и слезы. Здесь мать оплакивала своего ребенка, невеста — любимого жениха. Там апуря с мрачными лицами орали во все горло, звеня священными амулетами, снятыми с умерших людей, а на углу улицы водовоз горько плакал, причитая над своим убитым осликом, зарабатывавшим ему дневное пропитание.

Наконец Скиталец и жрец Реи подошли к храму, находившемуся неподалеку от храма бога Пта. Он был выстроен из черного сиенского камня, на котором были выгравированы изображения священной богини Хатхор. Одна из фигур ее имела голову коровы, другая — лицо женщины, но в руках всегда были цветы лотоса, а на шее — драгоценное ожерелье.

— Здесь, в этом храме, обитает чужеземная Хатхор, за которую ты пил вчера ночью! — сказал Реи. — Это было дерзким вызовом с твоей стороны — пить за нее при царице, которая ненавидит ее, считая причиной всех бедствий Кемета, хотя, в сущности, она неповинна в этом! Колдуны апуря навлекли на нас все наши несчастья!

— Показывалась ли Хатхор сегодня? — спросил Странник.

— Мы спросим об этом жрецов. Следуй за мной, Эперит!

Они прошли аллею сфинксов, стоящих вдоль кирпичной стены, и подошли к воротам башни. Жрец, стоящий здесь, при виде Реи, любимца фараона, широко распахнул ворота перед ними. Пройдя ворота, они остановились у второй башни, и Реи указал Скитальцу портик храма, на котором обыкновенно стоит и поет Хатхор, пока сердца слушателей не растают. Здесь они постучали в дверь и вошли в зал, где собрались жрецы, громко оплакивавшие своих умерших. Увидев Реи, пророка бога Амона, и Скитальца в блестящем золотом вооружении, они замолчали. Старейший из них выступил вперед и поклонился Реи.

Реи взял Скитальца за руку, познакомил его с жрецом и рассказал обо всех его подвигах, добавив, что он спас жизнь фараона, царицы и всех тех, кто уцелел на пиру.

— Скажи мне, — обратился Реи к жрецу, — когда госпожа Хатхор будет петь наверху башни? Чужеземец хочет видеть и слышать ее!

Жрец храма богини Хатхор низко поклонился Скитальцу.

— На третье утро от сегодняшнего дня священная Хатхор появится на портике храма, — ответил он, — но ты, могущественный господин, пришедший к нам с моря, послушай моего совета и, если ты не бог, не дерзай взглянуть на ее дивную красоту! Если ты хоть раз увидишь ее, ты погибнешь и участь твоя будет участью несчастных, которые видели ее,

полюбили и умерли ради нее!

— Я не бог, а человек, — ответил Скиталец, смеясь, — но, может быть, я осмелюсь взглянуть на нее поближе, несмотря на ее стражу, если сердце мое велит мне посмотреть на нее!

— Ты найдешь смерть и конец всем своим странствованиям! — возразил жрец. — Следуй за мной, я покажу тебе людей, мечтавших завоевать любовь Хатхор! — С этими словами он взял Скитальца за руку и повел через переходы в глубокую и мрачную келью, где золотое вооружение посетителя засияло и заблестело, как свет лампы. Эта келья была сделана в стене, и слабый свет едва проникал в нее. Вдоль комнаты стояли бронзовые ванны, в которых лежали темные фигуры египтян.

При слабом свете было видно, как прислужники мыли их тела и натирали благовонным маслом, но когда Реи и Эперит подошли ближе, все прислужники убежали, как собаки убегают от ночного пира, заслышав шаги прохожих.

Удивляясь странному зрелищу, Скиталец взглянул повнимательнее, и его мужественное сердце замерло от ужаса. В бронзовых ваннах были мертвецы, плававшие в дурно пахнувшем щелоке.

— Здесь лежат те, — сказал жрец, — кто осмелился проникнуть в святилище богини, где она день и ночь сидит и поет, перебирая струны золотой лютни. Один за другим пытались они обнять ее и умерли. Здесь они готовятся к могиле: мы устраиваем им богатые похороны!

— Да, — произнес Скиталец, — свет мира остался позади меня, когда я плыл на корабле по кроваво-красной воде священного моря, направляясь в мрачную бездну Фароса. Много ужасов видел я в этой несчастной стране, каких не встречал нигде и никогда за время моих странствий!

— Предупреждаю тебя, — повторил жрец, — если ты последуешь их примеру, то будешь лежать в такой ванне!

Скиталец еще раз взглянул на мертвецов и их прислужников и вздрогнул.

Конечно, он не боялся смерти на войне или на море, но здесь было совсем другое. Ему захотелось солнца и свежего воздуха, и он поспешно вышел из кельи, тогда как жрец только улыбался. Одиссей, выйдя на воздух, сейчас же успокоился и начал спрашивать о Хатхор, где она живет и кем убиты ее поклонники.

— Пойдем, я покажу тебе! — отвечал жрец и повел его по узкой дорожке во двор храма. В центре двора находилось святилище. Это была большая комната из алебаstra, свет в которую проникал через крышу. Перед огромными медными дверями висел занавес из дорогой ткани.

Небольшая лестница вела из святилища на портик храма.

— В этом алебастровом святилище обитает наша священная богиня! — произнес жрец. — По этой лестнице она взбирается на портик храма. Через занавес мы каждый день подаем ей пищу, но никто из нас не смеет войти туда, никто не видел Хатхор лицом к лицу. Когда богиня кончает петь, то спускается обратно в святилище. Тогда медные двери растворяются настежь, и толпа безумцев бросается к занавесу. Но, прежде чем они успевают ворваться в святилище, падают замертво. Мы слышим звон мечей, и смельчаки умирают молча, в то время как Хатхор поет свои дивные песни!

— Кто же убивает их?

— Мы не знаем этого, чужеземец! Никто не знает. Подойди к двери святилища и слушай, может быть, ты услышишь пение Хатхор. Не бойся!

Скиталец недоверчиво подошел ближе, а жрец Реи стоял поодаль. Вдруг из святилища раздался звук чудного пения, и нежные, чистые ноты глубоко тронули сердце Одиссея, напомнив ему родную Итаку, счастливые дни юности. Он сам не мог дать себе отчета, почему сердце его сладко забилось.

— Слушай, — сказал жрец. — Хатхор поет!

Но пение скоро окончилось.

Тогда Скиталец задал себе вопрос: должен ли он сейчас войти в святилище и решить свою участь или переждать некоторое время, — и в конце концов решил подождать, чтобы увидеть собственными глазами, что случится с теми, кто попытается подойти к Хатхор.

Простившись со старым жрецом, он вышел из храма вместе с Реи. Проходя по улицам, они опять видели апура, которые грабили народ Кемета, и вернулись во дворец. Дома Скиталец долго раздумывал, как бы увидеть эту странную женщину, живущую в храме, и избежать бронзовой ванны. В глубоком раздумье он просидел до самой ночи, когда его пришли звать на ужин к фараону. Он отправился туда и, встретив фараона и Мериамон в первой комнате, прошел с ними в зал. Пиршественная комната была прибрана, всякий след битвы исчез, кроме небольших пятен крови на полу и нескольких стрел, воткнувшихся в стены и потолок.

Мрачно было лицо фараона, да и все присутствовавшие также были печальны: смерть и скорбь царили в стране Кемет. Но царица Мериамон не плакала о своем сыне. Гнев терзал ее сердце потому, что фараон отпустил апура. Пока они сидели и пировали, до них донесся топот бесчисленных ног, мычание скота и торжествующая песнь, подхваченная тысячами голосов.

Пение было так дико и безобразно, что Скиталец схватил лук и побежал к воротам дворца, опасаясь, что апуря бросятся грабить царскую сокровищницу. Царица Мериамон также пошла к воротам. Они стояли в тени ворот и скоро увидели огонь факелов. Кучка людей, вооруженных пиками, приближалась к ним, и свет факелов отражался на их золотых шлемах, украденных у египетских солдат. За ними шла толпа женщин, которые плясали, били в тимпаны и пели торжествующие песни.

На некотором расстоянии от них шел высокий чернобородый человек, который нес на своих плечах большой вызолоченный гроб с резными изображениями на крышке.

— Это тело их пророка! — прошептала Мериамон. — Рабы! — вдруг крикнула она громко. — Вы умрете с голоду в пустыне и будете тосковать по сытной пище Кемета. Ни одна душа из всех вас не увидит страны, куда вы стремитесь! Вы будете страдать от жажды, от голода, будете призывать богов Кемета, и они не услышат вас! Вы умрете, и ваши кости превратятся в пыль пустыни! Прощайте! Прощайте! Идите!

Когда Мериамон кричала это, ее взгляд был так ужасен, а слова зловещи, что народ апуря задрожал и женщины перестали петь.

Скиталец посмотрел на царицу и изумился.

— Я не видал никогда женщины с таким жестоким сердцем! — пробормотал он. — Горе тому, кто встанет на ее дороге в любви или на войне!

— Они не будут больше петь у моих ворот! — сказала Мериамон с усмешкой. — Пойдем, Скиталец, нас ждут!

Она подала ему руку, и они прошли в пиршественный зал.

Долго прислушивались они, пока в темноте ночи шли апуря, бесчисленные, как морской песок. Наконец все ушли, и звуки шагов замерли вдали.

— Ты трус, Менепта, — заговорила раздраженно царица Мериамон, обращаясь к фараону, — труслив, как раб! Ты боишься проклятия ложной Хатхор, которую ты так почитаешь, и, к стыду своему, отпустил народ апуря. Теперь они ушли, проклиная страну Кемет, которая питала их, как мать питает дитя свое!

— Что же мне делать? — спросил фараон.

— Ничего не делать, все сделано! — ответила Мериамон. — Что ты посоветуешь, Скиталец?

— Чужеземцу трудно давать советы! — возразил Скиталец.

— Нет, говори!

— Я не знаю богов этой страны! — отвечал он. — Если народ апуря в

милости у богов, то ничего не поделаешь! Если же нет, пусть фараон последует за ними, захватит их и перебьет. Это вовсе не трудно, они идут беспорядочной толпой и обременены пожитками и грузом!

Речь эта понравилась царице. Она захлопала в ладоши и вскричала:

— Слушайте, слушайте добрый совет! Фараон, слушай!

Теперь, когда апура ушли, страх фараона исчез, он пил вино и становился все смелее. Наконец он встал и поклялся богами Амоном, Осирисом, Пта, своим отцом, великим Рамсесом, что нагонит апура и перебьет их. Сейчас же фараон послал вестников собрать всех начальников войска и известить правителей других городов, чтобы они собрали своих воинов и готовились в поход. Потом фараон обратился к Одиссею:

— Ты еще не дал мне ответа. Хочешь ли ты служить мне и быть начальником отряда моих телохранителей?

Скитальцу вовсе не хотелось поступать на службу, но он искренно любил войну и битвы. Однако, прежде чем он успел ответить, царица Мериамон быстро взглянула на него.

— Мой совет тебе, Менепта, — произнесла она, — Эперит должен остаться в Танисе и быть начальником моих телохранителей, пока ты уйдешь в поход и будешь преследовать апура. Я не могу остаться без защиты в этой стране, и, если он, этот сильный человек, будет охранять меня, я буду спать спокойно!

Скиталец вспомнил о своем желании взглянуть на прекрасную Хатхор, тем более что любил приключения и новизну, и ответил, что, если угодно фараону и царице, он останется и будет командовать стражей.

Фараон был очень доволен его согласием.

XII. Комната царицы

На другой день ровно в полдень фараон выступил с войском в поход. Они двинулись через пустыню к Красному морю, в том направлении, куда ушли апура. Скиталец проводил их в колеснице жреца Реи, который поехал отдельно от войска. Многочисленность солдат удивила Скитальца, но он промолчал и только спросил жреца, все ли войска фараона двинулись в этот поход. Реи ответил, что тут только четвертая часть всего войска, так как нет ни одного наемного солдата из Верхнего Египта.

Скиталец ехал за фараоном, пока дорога не разделилась, затем простился с ним. Фараон позвал его к себе.

— Клянись мне, Скиталец по имени Эперит, из какой бы ты ни был страны и где бы ни была твоя родина, клянись, что ты будешь честно охранять царицу Мериамон и мой дом, пока я буду в отсутствии! Ты красивее и сильнее других мужей, но мое сердце не доверяет тебе. Быть может, ты коварный человек и навлечешь несчастье на меня!

— Если ты так думаешь, фараон, — ответил Скиталец, — то не заставляй меня охранять царицу. Разве я не доказал тебе свою преданность, защищая тебя и твой дом от мечей разъяренной толпы?

Фараон посмотрел на него долгим недоверчивым взглядом, потом схватил за руку. Скиталец поклялся Афродитой, Афиной и Аполлоном, что будет верно и честно служить ему во время его отсутствия.

— Я верю тебе, Скиталец, — сказал фараон. — Знай, если ты сдержишь свою клятву, то будешь щедро награжден, будешь вторым лицом после меня в стране Кемет, если же изменишь клятве, то умрешь!

— Я не прошу награды, — возразил Одиссей, — и не боюсь смерти, так как должен умереть и знаю это. Но я сдержу свою клятву!

Он низко поклонился фараону и сел в свою колесницу.

— Не оставляй нас, Скиталец! — воскликнули солдаты, видя, что он отправляется обратно.

Он выглядел таким победоносным в своем золотом вооружении, что казался солдатам богом войны, который покидал их.

Хотя сердце его стремилось за войском, так как он любил войну, но он покорно возвратился во дворец к закату солнца.

В эту ночь он сидел на пиру рядом с царицей Мериамон. Когда пир закончился, она приказала ему следовать за собой и привела в свою комнату. Это была красивая, благоуханная комната, слабо освещенная

светом ламп. Тут стояли золоченые ложа, а на стенах были нарисованы сцены любви и войны чужеземных богов и царей.

Мериамон опустилась на вышитые подушки богатого ложа и приказала Одиссею сесть поближе, так, что ее одежда касалась его золотых лат. Он сделал это неохотно, хотя любил красивых женщин. Сердце предостерегало его против темных загадочных очей царицы.

— Скиталец, мы многим обязаны тебе, мы в долгу у тебя за спасение нашей жизни! — начала царица. — Расскажи мне что-нибудь о себе, о твоей родине, о твоей стране, о войнах, которые ты вел. Скажи, как достал ты это золотое вооружение? Несчастный Парис носил такое же, если менестрель сказал правду!

Скиталец искренно проклинал в душе и менестреля, и его песни.

— Менестрели лгут, царица, — сказал он, — и рассказывают старые сказки. Парис также мог носить мое вооружение, как и всякий другой человек. Я купил его на Крите и ничего не знаю о его первом владельце. Воевал я часто и много, но вся добыча и женщины обыкновенно доставались царю, а нам — лишь удары мечей!

Мериамон слушала молча, мрачно усмехаясь.

— Странная история, Эперит, странная история! Ну, скажи хотя бы, как достал ты этот волшебный лук? Такой лук был только у Одиссея!

Скиталец беспомощно оглянулся, как человек, попавший в ловушку.

— Этот лук, госпожа? — переспросил он. — Он достался мне чудесным образом. Я высадился с грузом железа на западный берег острова. Чума опустошила его, я нашел в развалинах одного дома этот лук и взял себе. Хороший лук?

— Чудесная история в самом деле, чудесная история! — насмешливо произнесла царица. — Случайно ты купил вооружение Париса, случайно нашел лук, которым богоподобный Одиссей убил врагов в своем доме. Знаешь ли, Эперит, когда ты стоял в своих доспехах в нашем пиршественном зале, когда лук твой звенел, а стрелы, яростно жужжа, летели на врагов, я подумала, что это лук Одиссея. Слава его облетела весь мир, дойдя до Египта!

Она загадочно взглянула на него.

Лицо Скитальца омрачилось. Да, он также слышал об Одиссее, но не особенно верил слухам. Между тем царица приподнялась со своего ложа и, извиваясь, как змея, гибким движением приблизилась к нему, устремив на него свои задумчивые очи.

— Странно, странно, что Одиссей, сын Лаэрта, не знает ничего о своих подвигах. Ты, Эперит, ведь ты — Одиссей, я знаю это!

Скиталец был приперт к стене, но нашелся.

— Люди говорят, — произнес он, — что Одиссей странствовал на севере. Я видел его, но он выше меня ростом!

— Я тоже слышала, — возразила царица, — что Одиссей двуличный человек, как лисица. Взгляни мне в глаза, Скиталец, взгляни в мои глаза — и я скажу тебе, Одиссей ты или нет!

Она перегнулась вперед так, что ее роскошные волосы распустились, и уставилась в его лицо.

Скитальцу было стыдно опустить глаза перед женщиной, а встать и уйти он не мог и вынужден был смотреть ей в глаза. Пока она смотрела, голова его закружилась, кровь закипела в жилах.

— Обернись, Скиталец, — прозвучал голос царицы, и ему показалось, что этот голос звучал откуда-то издалека, — и скажи мне, что ты видишь!

Он обернулся и посмотрел в темный конец комнаты. Там мерцал слабый свет, подобный первым лучам зари. В этом свете он увидел фигуру в виде деревянного коня, а за ней вдали виднелись огромные каменные башни, ворота, стены и дома города. В боку «коня» отворилась дверь, и из нее выглянула голова человека в шлеме. Слабый свет озарил лицо человека, это было его собственное лицо! Скиталец вспомнил, как он прятался в «коне», стоявшем внутри стен Трои. Вдруг большая белая звезда, казалось, упала с неба на осажденный город, предвещая конец его.

— Смотри еще! — произнес голос Мериамон.

Он снова взглянул в темноту и увидел устье пещеры. Под широко разросшимися пальмами сидели мужчина и женщина. Месяц выплыл на небо, над высокими деревьями, над пещерой и озарил сидящих людей. Женщина была прекрасна, с вьющимися волосами, одетая в блестящее платье, но глаза ее были полны слез. То была богиня Калипсо, дочь Атласа. Мужчина был он сам с усталым, измученным тоской по родине лицом. Скиталец вспомнил, как сидел рядом с Калипсо однажды ночью на ее острове в центре морей.

— Смотри еще! — прозвучал голос Мериамон.

Снова взглянул он в темноту и увидел развалины своего дома на Итаке, кучу праха и костей. Около этих останков лежал человек в глубокой скорби и отчаянии. Когда он поднял голову, Скиталец узнал свое собственное лицо. Вдруг мрак распространился в комнате. Снова кровь прилила к его голове, и он увидел царицу Мериамон, сидевшую около него с мрачной улыбкой.

— Странные вещи ты видел, Скиталец? — спросила она. — Не правда ли?

— Да, царица, очень странные! Скажи мне, каким образом ты вызвала все эти видения?

— Силой моего колдовства, Эперит. Я искуснее всех колдунов, живущих в Кемете, могу узнать все прошлое тех, кого люблю! — взглянула она на него. — Я могу вызвать тени прошлого и заставить их снова ожить. Разве ты не видел лицо Одиссея из Итаки, сына Лаэрта, твое собственное лицо?

Скиталец понял теперь, что увертываться больше нельзя, и поневоле должен был сказать правду.

— Да, царица, я видел свое собственное лицо — лицо Одиссея из Итаки и признаю, что я не кто другой, как Одиссей, сын Лаэрта.

Царица громко засмеялась.

— Велико же мое искусство, — произнесла она, — если я заставила сознаться хитрейшего из людей. Знай же, Одиссей, что глаза царицы Мериамон видят далеко! Скажи мне правду теперь, зачем ты приехал сюда? Кого ты ищешь?

Скиталец задумался. Он вспомнил сон Мериамон, о котором ему рассказывал Реи, вспомнил слова мертвой Натаски и испугался. Он отлично понимал, что был тем человеком, которого Мериамон видела во сне, но не мог принять ее любовь в силу своей клятвы фараону и потому еще, что должен был отдать свое сердце только Мечте Мира — золотоволосой Елене.

Положение было отчаянное. Нужно было или нарушить клятву, или оскорбить царицу! Скиталец боялся гнева богов и решил как-нибудь вывернуться.

— Царица! — произнес он. — Я скажу тебе все! Я приехал с далекого севера в родную Итаку и нашел свой дом в развалинах, а всех людей умершими. От жены моей остался только прах. Ночью я видел во сне богиню Афродиту, которую здесь называют Хатхор; она приказала мне уехать и обещала, что я найду прекрасную женщину, которая ожидает меня и которую я полюблю бессмертной любовью!

Мериамон выслушала его, вполне уверенная, что она была той женщиной, которую Афродита обещала ему и послала искать. Прежде чем Одиссей успел что-либо сказать, она скользнула к нему, как змея, обвилась вокруг него, заговорила так тихо, что он едва мог слышать ее слова.

— Правда ли это, Одиссей? Действительно ли богиня послала тебя искать меня? И не одному тебе она сказала это. Я также ждала тебя, ждала того, кого должна была полюбить. Как тяжела и скучна была моя жизнь, как пусто было сердце все эти годы, когда я тосковала по любви! Наконец

ты пришел, я вижу того, кого видела в моих снах!

Мериамон приблизила свое лицо к лицу Одиссея, и ее сердце, ее глаза, ее губы говорили ему: «Люблю, люблю!»

Одиссей обладал стойким и терпеливым сердцем и не боялся опасностей. Но ему никогда не приходилось быть в таком положении: он связан по рукам и ногам и попал в силки, из которых не мог вырваться. С одной стороны — любовь, с другой — нарушенная клятва и потеря Мечты Мира, которой он никогда не увидит.

Однако даже теперь обычное мужество и хладнокровие не покинули его.

— Царица! — сказал он. — Мы оба грезили. Если ты видела во сне, что я должен быть твоей любовью, то проснулась уже супругой фараона. Фараон — мой хозяин, я дал ему клятву беречь и охранять тебя!

— Проснулась супругой фараона! — устало повторила Мериамон его слова. Руки ее скользнули с его шеи, и она снова откинулась на ложе. — Я супруга фараона только по имени! Фараон для меня ничто, мы чужие друг другу!

— Все равно я должен сдержать свою клятву, царица, — ответил Скиталец. — Я клялся Менепте оберегать тебя от всякого зла!

— А если фараон не вернется более, тогда что, Одиссей?

— Тогда мы поговорим. А теперь, царица, ради твоей безопасности я должен осмотреть стражу!

Он молча поднялся с места и ушел.

Царица Мериамон посмотрела ему вслед.

— Станный человек! — прошептала она. — Он ставит свою клятву преградой между собой и той, которую любит и ради которой приехал издалека! И за это я уважаю его еще более! Ну, фараон Менепта, супруг мой, пей и веселись! Коротка будет твоя жизнь — я обещаю тебе это!

XIII. Храм погибели

Тревожное чувство охватило Скитальца поутру, когда он вспомнил все, что видел и слышал в покое царицы; и опять он был на распутье, опять ему предстоял выбор между этой женщиной и той клятвой, которая для него священней всего. Правда, Мериамон прекрасна и умна, но он страшился ее любви, ее чародейства и боялся мщения в минуты гнева. Оставался один выход — оттягивать время, насколько возможно, дожидаться возвращения царя и тогда как-нибудь найти предлог покинуть город Танис и продолжать искать по свету Мечту Мира.

Где-то далеко, думал он, бежит таинственная река, о которой ходит столько преданий в стране. Она вытекает из земли эфиопов, самых праведных из людей, за трапезу которых садятся сами боги. Вверх по этой священной реке, в тех местах, куда не проникли людская неправда и грех, если угодно будет судьбе, он, быть может, встретит златокудрую Елену!

«Да, если судьбе будет угодно, — мысленно повторил он, — но ведь и все случившееся со мной до сих пор было угодно судьбе, которая во сне показала меня Мериамон». И Одиссею казалось, что, как он плыл по течению во мраке через кроваво-красное море к берегам Кемета, так ему суждено брести в крови до берегов Судеб, предназначенных богами.

Но спустя немного времени он отогнал от себя эти скорбные мысли, встал, совершил омовение, натираясь благовонными маслами, расчесал свои темные кудри, опоясался мечом и надел свои золотые доспехи, так как ему вспомнилось, что сегодня тот день, когда чудесная Хатхор, стоя на портике храма, будет призывать к себе людей, — и Скиталец решил увидеть ее, а если нужно, то и сразиться с ее стражей. Помолясь Афродите о помощи и содействии, он совершил возлияние вина на ее алтарь и стал ждать, но ждал напрасно: на его мольбу ответа не было. Но в тот момент, когда он повернулся, чтобы уйти, взгляд его случайно упал на его собственное отражение в большой золотой чаше, из которой он совершал возлияние, и ему показалось, что он стал прекраснее и моложе, что черты его утратили отпечаток прожитых лет, лицо стало нежно и юно, как у Одиссея, который много лет тому назад отплыл на черном судне, оставив за собой дымящиеся развалины злополучной Трои.

В этом превращении Скиталец видел вмешательство благосклонной к нему Афродиты, которая хотя и не проявляла своего присутствия в этой стране чуждых ей богов, но неизменно пребывала с ним. При мысли об

этом на душе у него стало легко, как у мальчика, которому не знакомы ни горе, ни печали, а мысль о смерти никогда не является даже во сне.

Подкрепив свои силы яствами и вином, Одиссей поднял свой меч, дар Эвриала, и собрался выйти из дома, как к нему вошел жрец Реи.

— Куда собрался ты, Эперит? — спросил ученый жрец. — Да скажи, что сделало тебя таким красивым и юным, словно десятки лет упали с твоих плеч?

— Что? Сладкий, крепкий сон! — ответил Скиталец. — Эту ночь я отлично спал, и усталость моих долгих скитаний отлетела от меня; я стал тем, каким был, когда отправлялся в путь через кроваво-красное море во мраке ночи!

— Продай ты секрет этого сна красавицам Кемета! — не без лукавства заметил престарелый жрец. — И ты ни в чем не будешь знать недостатка всю свою жизнь!

— Я собрался в храм богини Хатхор, так как тебе, вероятно, известно, что сегодня она будет стоять на краю портика и призывать к себе людей. Пойдешь ты со мною, Реи? — спросил Скиталец.

— Нет, нет, не пойду! Хотя я стар и кровь уже медленно течет в моих жилах, но, как знать, быть может, если я посмотрю на нее, безумие овладеет и мной, и я, подобно другим, устремлюсь на свою погибель! Конечно, есть возможность слышать голос Хатхор и не погибнуть навек — это дать завязать себе глаза, как это делают многие. Но и это средство редко помогает, так как почти каждый срывает повязку с глаз и смотрит на богиню, а затем умирает. Не ходи ты туда, Эперит, прошу тебя, не ходи! Я люблю тебя, сам не знаю за что, и не хочу видеть тебя мертвым, хотя, быть может, для тех, кому я служу, было бы лучше, чтобы ты умер... — добавил задумчиво жрец как бы про себя.

— Не бойся, Реи! — успокоил его Скиталец. — Что суждено, того не миновать! Пусть никто не скажет, что тот, кто шел с оружием в руках против Сциллы, устранился чего бы то ни было или какой бы то ни было любви!

Слушая его, Реи ломал руки и чуть не плакал, так как ему казалось ужасным, чтобы хороший человек и великий герой пал такою смертью. Но Скиталец не внял его мольбам и отправился в храм. Жрец решил проводить его. Скоро они вышли на дорогу, уставленную по обеим сторонам каменными сфинксами, которая вела от кирпичной наружной городской стены до самых садов храма Хатхор. По этой дороге двигались теперь толпы мужчин всех народов и всех возрастов и сословий, начиная с принца, несомого в драгоценных носилках богато одетыми рабами, и молодого

родовитого богача в раззолоченной колеснице, кончая обрызганными грязью, изможденными рабами, несчастными калеками, слепцами. За каждым мужчиной шли плачущие женщины. То были жены, матери, сестры или невесты путников. Ласковой речью и слезной мольбой старались они удержать своих близких от путешествия к Хатхор.

— Ах, сын мой, сын мой! — воскликнула престарелая женщина. — Внемли голосу матери, не ходи туда, не смотри на нее! Ты увидишь ее и должен будешь умереть, а ты один остался у меня: два брата было у тебя, я их родила и вырастила, и оба они умерли, а теперь и ты тоже идешь на смерть! Откинь от себя это безумие! Ты мне дороже всех! Вернись со мною в город, вернись, сын мой!

Но сын не слушал матери и спешил все вперед и вперед к воротам Желания Сердца.

— О мой супруг, мой ненаглядный супруг! — с плачем молила молодая женщина знатного рода, прекрасная собой, с младенцем на руках; одной рукой она держала свое дитя, другой — ухватилась за шею мужа. — Я ли не любила тебя? Я ли не берегла тебя, не угождала тебе? Зачем же ты идешь туда смотреть на смертоносную красоту Хатхор? Ведь говорят, что она поражает красотой смерти! Разве ты совсем не любишь меня? Не любишь меня больше, чем ту, которая умерла пять лет тому назад, ту Меризу, дочь Рои, которую ты любил раньше меня? Смотри же, вот твое дитя! Ему всего еще только одна неделя... Я встала с ложа болезни, ты это знаешь, чтобы последовать за тобой, и, быть может, поплачусь за это жизнью. Вот твой ребенок! Пусть он умолит тебя! Ради него откажись от своего безумия... Пусть я умру, если так суждено, но ты не иди на смерть! То не богиня, то злое наваждение, злой дух, вырвавшийся из преисподней, и ради нее ты идешь на погибель! Если я не по душе тебе, возьми лучше другую жену, я охотно приму ее в свой дом, только не ходи туда, где тебя ждет верная смерть!

Но глаза мужа были устремлены на край портика, он не слушал голоса жены, а та продолжала молить его, истощая последние силы, пока не упала при дороге, где несчастная женщина и ребенок, наверное, были бы растоптаны несущимися к храму Хатхор колесницами, если бы Скиталец не отнес их в сторону.

И отовсюду неслись мольбы и слезы женщин, а толпы мужчин, невзирая на них, шли на смерть.

— Видишь теперь власть любви над людьми? — сказал жрец Реи. — Видишь, что женщина, если только она достаточно хороша, может привести к гибели всех мужчин?!

— Вижу странное зрелище, — отвечал ему Скиталец, — и верю, что много слез и крови на совести у этой богини Хатхор!

— А ты хочешь еще отдать ей и свою!

— Этого я не хочу, но взглянуть на нее, видеть ее лицо я должен, и ты не говори больше об этом!

Разговаривая таким образом, два друга пришли на громадную площадь перед бронзовыми воротами храма, ведущими во двор. Здесь столпилась многотысячная толпа; вскоре к воротам подошел жрец Хатхор и, взглянув сквозь их решетку, провозгласил:

— Желаящие войти во двор и видеть святую Хатхор пусть подойдут ближе! Слушайте, Хатхор будет принадлежать тому, кто сумеет добыть ее; если же он не сможет пройти к ней, то падет, будет схоронен под храмом и никогда больше не увидит лица Солнца. С того времени как Хатхор вновь вернулась в Кемет, семьсот три человека отправились добывать ее, и семьсот два трупа лежат теперь под сводами этого храма, так как из числа всех их один только фараон Менепта вернулся живым. Но места много еще для желающих — и потому, кто хочет видеть чудесную Хатхор, пусть войдет.

Тут вопли и мольбы женщин вновь огласили воздух, с плачем повисли они на близких сердцу. После долгих усилий некоторые сумели восторжествовать, но таких счастливиц было немного.

— Нет, ты, конечно, не войдешь во двор, — упрашивал Скитальца Реи, удерживая его за руку. — Образумься, молю тебя, отвори лицо от смерти и вернись к жизни!

— Не трудись удерживать меня, Реи, я решил войти и войду! — отвечал Скиталец.

Тогда жрец Реи посыпал гласу прахом и громко заплакал, потом, накрывшись плащом, побежал, не останавливаясь, ко дворцу царицы Мериамон.

Тем временем жрец у бронзовых ворот храма Хатхор отодвинул засовы, и мужчины, которыми овладело безумие страсти, один за другим стали входить в ворота. Два других жреца стали желающим завязывать глаза, чтобы они не видели красоты Хатхор, а только слышали сладкозвучный, манящий ее голос. Однако двое посетителей не пожелали идти с завязанными глазами; один из них был супруг той женщины, которая упала на дороге, другой же был слепцом от рождения. Хотя последний не мог надеяться увидеть Хатхор, но был охвачен безумием страсти от одного звука ее голоса.

Когда все уже вошли, кроме Скитальца, сквозь толпу прорвался

человек, запыленный от дальнего пути, с черной бородой и растрепанными волосами, с горящими от возбуждения черными глазами и орлиным носом, придававшим ему сходство с хищной птицей.

— Стойте! Стойте! Не запирайте ворот! — кричал он. — День и ночь я спешил сюда, оставив жену, детей и стада, забыв про обетованную землю, бежал сюда от апура, ушедших в пустыню, бежал для того только, чтобы еще раз взглянуть на красоту Хатхор!

— Ну, проходи, проходи! — проговорил насмешливо жрец. — Таким путем мы избавимся хоть от одного из тех, которых Кемет вскормил и вспоил для того, чтобы они ограбили его.

В тот момент, когда жрец уже запирает за запоздавшим безумцем ворота, в них вошел Скиталец, и ему также предложили надеть повязку на глаза, но он отказался, заявив, что пришел сюда, чтобы видеть все, что можно видеть. Ворота захлопнулись.

— Иди же, безумец, иди и умри, подобно другим! — проговорил жрец, и его и всех остальных отвели на середину двора, откуда можно было видеть верх портика. Затем жрецы и себе завязали глаза и распростерлись на земле лицом вниз. Все стихло как во дворе, так и за стеной: все ожидали явления Хатхор.

Скиталец обернулся и взглянул сквозь бронзовую решетку ворот на толпу, оставшуюся на площади перед храмом. Там все стояли неподвижно, в каком-то оцепенении, даже женщины перестали плакать. Глаза всех были устремлены вверх, на портик. Наступал полдень, яркий, знойный; красный диск солнца достиг зенита, и его сверкающие, палящие лучи ослепительным снопом падали на край портика.

Вдруг издали стали доноситься нежные звуки сладкого, чарующего голоса, звуки все росли и приближались, становясь все нежней. При первых нотах из груди каждого вырывался невольный вздох, от которого и Скиталец тоже не мог удержаться.

Наконец находившиеся вне двора, на площади, издали увидели Хатхор — и глухой не то рев, не то стон пронесся над толпой. Безумие овладело людьми; подобно бурному пенящемуся потоку, с диким бешенством устремилась толпа на бронзовую решетку ворот, на высокую каменную стену ограды. Мужчины бились грудью и головой об эту преграду, теснили, давили друг друга, взбираясь на плечи один другим, грызли решетку зубами, между тем как жены и матери, сестры и невесты этих безумцев старались образумить их, посылая проклятия чародейке, красота которой лишила этих людей рассудка, превращая их в бешеных безумцев, не помнивших себя.

Скиталец также поднял глаза. Перед ним на краю портика вся залитая солнцем, стояла женщина. При ее появлении все смолкло, точно замерло. Она была высока и стройна, в сияющей белой одежде; на груди ее сверкал громадный кроваво-красный рубин в виде звезды; и звезда эта роняла, словно капли крови, красные пятна на ее белую одежду, но пятна эти бесследно исчезали, не нарушая ее девственной белизны. Золотистые кудри чародейки разметались по плечам, ниспадая до земли, руки и плечи были обнажены. Одной рукой она прикрывала лицо, как бы желая отчасти затенить свою ослепительную красоту. Да, это была сама красота!

Те, кто еще не любил, находили в ней свою первую любовь; те же, кто уже любили, видели в ней ту первую любовь, которую каждый из них утратил. И все вокруг нее было блеск, свет и красота! Голос ее звучал дивной музыкой, ласкающей слух и томящей душу, в нем звенело что-то сулящее счастье, усладу и негу, что-то манящее душу в неизведанную даль и будившее в каждом мечты и желания.

Сердце Скитальца дрожало в ответ на ее песнь, как дрожат струны арфы под искусной рукой вдохновенного певца. А пела она странную песнь:

Та, к кому страстно манила тебя
Чистой любви мечта.
Та, о ком долго скорбела душа,
Видишь, она твоя!
Забыла обет свой, любя.
Та, что давно для земли умерла,
Воскресла вновь для тебя!

Она смолкла, и стон страстного томления прозвучал над толпой. Скиталец увидел, что стоявшие вокруг него люди срывали свои повязки судорожно дрожащими пальцами, только одни жрецы не шевелились, оставаясь распростертыми на земле, хотя и они тоже стонали, тихо и протяжно. Между тем Хатхор вновь запела, продолжая закрывать свое лицо рукой. Теперь она пела о том, что все, так страстно ищущие ее, толпящиеся у подножия портика, забывают, что она должна погибнуть от меча любви, покорившей ее, от любви, смявшей ее подвенечный наряд и цветы. Она пела еще, что любовь и красота живут только в воображении людей, что красота меркнет от первого прикосновения, что она блекнет в ночные часы, гаснет при свете зари, а с рассветом умирает любовь.

Певица смолкла, кругом царило молчание. Вдруг она подалась вперед

на самый край портика, так, что, казалось, должна была упасть, и, протянув вперед руки, как бы желая обнять всех толпившихся внизу, предстала им во всей своей ослепительной красоте, лучезарная и сияющая, торжествующая и манящая.

Скиталец взглянул на нее и тотчас же опустил глаза в землю, как человек, ослепленный ярким лучом полуденного солнца. Ум его помрачилось, весь мир перестал существовать для него, в душе был хаос, а в ушах стоял шум безумно кричавшей и волновавшейся толпы.

— Смотрите! Смотрите! — воскликнул один. — Видите вы ее волосы? Они чернее воронова крыла, а глаза ее темны, как ночь!... О несравненная!...

— Глядите! Глядите! — кричал другой. — Небо бледнеет перед бирюзой ее глаз! Какая статуя, какой мрамор сравнится с ней в белизне!

— Да, именно такой была та, которую я много лет тому назад назвал своей женой! — шептал третий. — Да, это она, такой она была, когда я в первый раз откинул ее покрывало!

— Видал ли кто такой царственный стан, такое гордое чело? — восхищался четвертый. — Видите эти темные, страстные очи, эту бурю страстей, отраженную в них, видите эти полные губы, этот вызывающий вид?... Поистине это богиня, перед которой все должно преклоняться!

— Нет, не такой вижу я ее! — кричал человек, бежавший из пустыни от апур. — Она бледна и бела, как лилия, стройна, высока и хрупка, как хрустальный сосуд. Как каштаны, темны ее шелковистые кудри, как глаза лани, широко раскрыты прекрасные карие очи ее. Печально смотрят они на меня, молят меня о любви!

— Я прозрел! — восклицает слепец. — Глаза мои раскрылись при блеске ее красоты. Я вижу высокий портик, вижу яркое солнце. Любовь коснулась моих очей, и они прозрели, но в моих глазах у нее не один облик, а множество, самых различных. Это сама красота! Язык не в силах передать ее. Дайте мне умереть. Дайте умереть, так как я прозрел и видел воплощение красоты, и теперь знаю, чего напрасно ищут все люди по свету, из-за чего мы умираем, чего жаждем и что надеемся найти в смерти, — это тот же идеал вечной красоты.

XIV. Стражи-охранители священных врат

Шум и гомон толпы то рос, то замирал, эти люди взывали к разным женщинам, умершим и живым, которых они некогда любили; некоторые хранили безмолвие, точно оцепенев при виде этой красоты. Скиталец же только раз взглянул на Хатхор, затем опустил глаза в землю и теперь стоял, закрыв лицо руками. Он один из всех старался собраться с мыслями и дать себе отчет в том, что происходило в его душе, остальные же всецело поддались безумию страсти или были поражены, как громом, чудесной красотой этой женщины.

Что же он такое видел? Неужели ту, которую он искал всю свою жизнь, искал на морях и на суше, сам не зная, чего он искал; то, чего жаждал он всю жизнь, и теперь еще томимый голодом по неизвестному, по тому идеалу красоты, которому нет воплощения. Он явился сюда — и неужели, неужели, неужели он нашел наконец?

Между ними лежала еще непреодолимая преграда — смерть! Неужели ему суждено преодолеть эту преграду и восторжествовать там, где все до него встречали гибель? Или то был обман зрения? И он видел лишь образ, созданный его воображением, видел мимолетное видение, вызванное каким-нибудь тайным колдовством страны воспоминаний?

Он снова взглянул и увидел там, на краю портика, красавицу-девушку с бронзовой урной на голове, он сразу узнал ее. Да, он видел ее такой при дворе царя Тиндара в то время, как он на своей колеснице переезжал через поток Эрота; такую же видел он и в своем сне на безмолвном острове.

Он снова вздохнул и снова взглянул на все, но теперь увидел перед собой прекраснейшую женщину с лицом той же девушки, но ставшим еще прекраснее, хотя печальнее, и вместе с тем тронутым явным сознанием стыда или позора. Такую он видел ее в башнях Трои, куда прокрался в одежде нищего странника из лагеря ахейян; такую видел ее, когда она спасла ему жизнь в Илионе. Да, это была златокудрая Елена.

Между тем чародейка стояла на краю портика, простирая вперед свои руки и устремив глаза вдаль с лучезарной, сияющей улыбкой на светлом, прекрасном лице, улыбкой, подобной бесконечной улыбке рассвета. И Скиталец понял, что это и есть воплощение самой красоты, ниспосланной на землю бессмертными богами на усладу и гибель людей.

Там стояла златокудрая, прекрасная Елена, раскрывая свои объятия миру, ослепленному красотой, и в то время, когда люди вблизи едва смели

дышать, она призывала всех прийти и взять то, что так ревниво оберегается ото всех на земле, что так недоступно смертным.

Она снова запела и постепенно стала удаляться, пока наконец не скрылась совершенно из глаз людей и от чудесного видения не осталось ничего, кроме сладких звуков ее постепенно замирающего голоса.

Вскоре все смолкло, и снова безумие овладело людьми. Те, что видели и слышали ее, не помнили себя, а люди вне двора опять устремились на решетку ворот, на каменную стену ограды; женщины же с плачем отчаяния проклинали красоту Хатхор и обвивали руками шеи своих ближних. Вскоре почти все, находившиеся во дворе, кинулись к решетчатым воротам внутреннего двора, где стояло алебастровое святилище Хатхор. Некоторые бросились на землю и впивались пальцами в прутья решетки или извивались, подобно раненым змеям, на земле в припадке бешеной страсти, другие в безумном порыве устремлялись на ворота, спотыкались о камни, падали и ползли на руках, затоптанные другими такими же безумцами. Из всех этих людей, проникших в этот внешний двор и видевших красоту Хатхор или слышавших ее голос, очень немногие возвращались назад; все были заранее обречены на смерть.

Между тем жрецы сняли повязки со своих глаз и широко распахнули ворота. Всего в нескольких шагах от безумцев заколыхалась, словно от порыва ветра, завеса святилища, так как двери за этой ней были теперь раскрыты, и сквозь тяжелую тирскую ткань снова доносились томительно сладкие, манящие звуки голоса Хатхор.

— Подходите! Подходите ближе! — зывал старый жрец. — Пусть тот, кто желает овладеть прекрасной Хатхор, подходит ближе!

В первый момент Скиталец готов был кинуться вперед, но в нем страсть еще не успела всецело поработить рассудок, и он укротил свое пылкое, бурно kloкотовавшее сердце, уступив место другим, чтобы видеть, что будет с ними.

Между тем несчастные безумцы то устремлялись вперед, то отпрядывали назад под влиянием страсти или страха смерти, пока наконец слепец не пробрался вперед.

— Чего вы боитесь, трусы? — крикнул он. — Я не боюсь ничего! Лучше еще раз взглянуть на лучезарную красоту Хатхор и умереть, чем оставаться живым и не видеть ее более! Ведите меня прямо туда, жрецы, ведите прямо к ней, в худшем случае я могу только умереть!

Жрецы подвели его к самой завесе и сами отступили назад, а он с громким криком рванулся вперед, но тотчас же завертелся, как оторванный лист при ветре в осеннюю пору и был откинут назад. Опять поднялся он на

ноги и снова устремился вперед, и опять был отброшен назад. Он еще раз повторил свою попытку, раздавая бешеные удары направо и налево своей клюкой. Вдруг послышался глухой звук как бы от расколотого щита, клюка раскололась в щепки, лязг мечей и шум ожесточенной битвы наполнил воздух. Затем все стихло, и слепец упал мертвым на землю, хотя Скиталец не мог заметить на нем ни одной раны.

— Подходите! Подходите ближе! — зывали жрецы. — Этот пал, очередь за другими. Пусть желающий овладеть несравненной Хатхор подходит ближе!

Тогда кинулся вперед беглец из пустыни, но был тотчас же отброшен, а на третий раз, когда он повторил свою попытку, вновь послышался лязг мечей — он тоже пал мертвым.

— Подходите! Подходите! — снова приглашали жрецы. — Пал и этот, очередь за другим!

И вот безумцы стали кидаться вперед и один за другим падали мертвыми под ударами невидимых стражей-охранителей святилища, пока наконец не остался один только Скиталец.

— Неужели и ты хочешь идти на верную смерть? — обратился к нему жрец. — Видишь, сколько их было тут? Пусть это послужит тебе уроком! Одумайся и откажись от роковой мысли!

— Никогда! — воскликнул Скиталец. — Никогда не отступал я ни перед человеком, ни перед призраком! — И, выхватив из ножен свой короткий меч, пошел вперед, защищая голову своим широким щитом.

Жрецы отступили, чтобы видеть, как он будет умирать.

Скиталец успел заметить, что никто из его предшественников не был сражен прежде, чем не оказался на самом пороге святилища, и, вознеся моление Афродите, стал медленно подходить к нему на расстоянии длины одного лука от порога он остановился и прислушался. Теперь он мог даже разобрать слова песни Хатхор. И так прекрасна была эта песня, что он на некоторое время позабыл о стражах-охранителях врат святилища и о том, как бы побороть их, проложив себе путь мимо них. Все внимание его поглотила песня, которую волшебница пела на его родном ахейском языке:

«Воспойте на струнах, золотых и пурпурных, все битвы и войны героев из-за меня, из-за прекрасной аргивянки Елены! Воспойте бури и разорения на море и на суше, сказанья любви и печали, что были в прошедшем и будут еще. Воспойте ее золотистые кудри, которых не коснулись седины за долгие годы минувших времен. Воспойте ее красоту, всемогущую властительницу мира и его жалких рабов. Горе мне, любимой некогда всеми героями, но никого не любившей! Горе мне, которой слышны

стоны героев, павших за меня посреди развалин их родных городов, разоренных дотла. Неужели ж нет ни богов, ни смертных, нет ни одного, чье бы сердце отозвалось на призыв моей тоски и кого бы я полюбила прежде, чем всему придет конец?»

Песня замерла.

Тогда Скиталец вдруг вспомнил о стражах-охранителях и предстоящей борьбе с ними. Он уже приготовился накинуться на невидимого врага, как вдруг снова раздалась дивная музыка и вновь приковала его к месту. Теперь Хатхор пела о том, что в груди ее проснулась жажда любви, что сердце вострепелось и просит былых радостей.

Когда певица смолкла, Скиталец, мысленно призвав на помощь богов, львиным прыжком очутился на пороге, и щит его громко сшибся с другими щитами, преграждавшими ему путь. Чьи-то сильные невидимые руки схватили его, чтобы отбросить назад. Но не слабый, бессильный юнец был Скиталец, а сильнейший из людей, оставшихся в живых после смерти Аякса, сына Теламона. Жрецы Хатхор невольно изумлялись, видя издали, как он сыпал удары меча, не отступая ни на шаг назад. Вдруг раздался лязг мечей, и со всех золоченых доспехов Скитальца, которые некогда носил богоподобный Парис, со щита, шлема, с наременников и нагрудника дождем посыпались искры, словно из железа на наковальне под ударами тяжелого молота кузнеца.

Точно град, сыпались на Скитальца удары невидимых мечей, но того, кто в своих золоченых доспехах неустрашимо стоял под ними, не коснулся ни один удар. Вдруг Скиталец понял, что невидимых врагов, преграждавших ему доступ, не стало, так как никто больше не наносил ему ударов, и его меч не встречал другого меча, а только свистал в воздухе. Тогда он рванулся вперед и очутился за завесой в самом святилище.

В тот момент, когда завеса упала за ним, там снова раздалось тихое пение. Скиталец не в силах был двинуться дальше и стоял, как прикованный, устремив взгляд в глубь святилища.

Лязг железа о железо, удар стали о сталь.

Слышишь, звуки эти опять раздаются.

То жизнь воюет со смертью, и смерть побеждает
всех смертных.

Живых убивают убитые!

Лязг железа о железо, словно музыка,
вторит песне моей.

Словно музыка, вторит он жизни моей.

Духи тех, что когда-то любили меня, любовь вашу
сразила всеильная смерть.
Но ненависть вашу и смерть победить не могла.
Неужели же нет никого, кто бы мог
овладеть мной из всех,
В ком еще сохранилось дыхание жизни?
Неужели же нет никого, кто бы зависть
коварной судьбы превозмог?

Песня замерла. Скиталец поднял глаза и увидел перед собой три тени, тени могучих людей в полных ратных доспехах. Всмотревшись в них, он узнал героев, давно уже павших в брани: Пирифоя, Тезея и Аякса. При виде его все трое воскликнули вместе:

— Приветствуем тебя, Одиссей из Итаки, сын Лаэрта!

— Приветствую тебя, Тезей, сын Эгея, — воскликнул, в свою очередь, Скиталец. — Помню, ты некогда сходил в жилище Гадеса и живым возвратился оттуда! Разве ты вновь переплыл Океан и живешь, как и я, под лучами горячего солнца? Я когда-то искал тебя в жилище Гадеса и не нашел там!

Тень Тезея отвечала ему:

— В жилище Гадеса я пребываю и теперь, а то, что ты видишь перед собой, только тень, посланная сюда царицей Персефоной стоять на страже красоты златокудрой Елены!

— Привет тебе, Пирифой, сын Иксиона! — сказал Скиталец. — Овладел ли ты наконец грозной Персефоной? Почему Гадес разрешает своему сопернику бродить под солнцем? Некогда я искал тебя в жилище Гадеса и не нашел!

Тень героя отвечала:

— В жилище Гадеса я пребываю и теперь, а то, что ты видишь, лишь тень, что следует всюду за тенью Тезея! Где он, там и я, наши тени неразлучны, мы оба охраняем здесь красоту златокудрой Елены!

— Приветствую тебя, Аякс, сын Теламона! — возгласил снова Скиталец. — Ты еще не забыл своей ненависти ко мне из-за этого проклятого оружия Ахиллеса, Пелеева сына? Я когда-то говорил с тобой в жилище Гадеса, но ты не сказал мне в ответ ни единого слова: так велик был твой гнев на меня!

И отвечала ему тень героя:

— Я ответил бы тебе ударом меча на удар меча и гулом меди, если бы был еще живым человеком и глаза мои видели солнечный свет. Но я могу

сражаться только призрачным копьем и призрачным мечом, и под ударами их могут пасть только заранее обреченные на смерть люди: я ведь только тень Аякса, пребывающего в жилище Гадеса. Царица Персефона послала меня охранять красоту златокудрой Елены!

Тогда сказал им Скиталец:

— Скажите же мне, герои, сыны героев, воспрещают ли боги мне, оставшемуся в живых, вопреки всему идти дальше и увидеть то, что вы так ревниво охраняете, несравненную красоту златокудрой Елены, или же путь свободен?

И все трое кивнули ему утвердительно в ответ на его слова, каждый из них ударил по его щиту и сказал:

— Проходи, но не оглядывайся до тех пор, пока не увидишь мечты своей, Мечты всего мира!

Тогда Скиталец, минуя их, вошел в святая святых алебастрового святилища и остановился перед туманной завесой, за которой скрывалась Мечта Мира, Хатхор, не решаясь нарушить ее уединение.

И вот голос Хатхор запел новую песню, песню солнца, и лучше всех прежних, так что щит выпал из ослабевшей руки Скитальца и ударился о мраморные плиты пола, но он едва заметил это, внимая песне Хатхор.

Духи тех, что когда-то любили меня, — любовь

Вашу сразила всесильная смерть!

Но ненависть вашу и смерть победить не могла!

Неужели же нет никого, кто бы мог овладеть

Мной из всех, в ком еще сохранилось дыхание
жизни?

Неужели же нет никого, кто бы зависть коварной
судьбы превозмог?

Никого, кто бы мог невредим от невидимых копий
пройти?

Клянусь Зевсом! Один из людей это может,

Он идет, и мой дух им смущен, как смущают

Деметру слезы!

Слезы ранней весны и горячий поцелуй жаркого
солнца!

Он идет, и зазябшее сердце мое вдруг размякло,
как снег на полях,

Вдруг растаяло и расцвело, как цветок!

Последний аккорд этой песни замер в тихом рыданье. На него отозвалось сердце Скитальца — оно дрогнуло и застонало, как струна нежной лиры, на которой только что замер аккорд. С минуту герой стоял неподвижно, весь дрожа, с бледным лицом, и вдруг кинулся вперед и порывисто сдернул дорогую завесу, которая тут же упала тяжелыми складками к его ногам.

XV. Тени в свете солнца

Разодрав драгоценную ткань завесы, Одиссей тем самым сорвал и последний покров с красоты чудной, таинственной Хатхор — в серебристом сумраке алебастровой ниши сидела златокудрая Елена, дочь и супруга Тайны, Мечта Мира!

Сложив в коленях руки и опустив голову на грудь, сидела та, чей голос был отголоском всех сладкозвучных женских голосов, та, чей образ был отражением всех видов женской красоты, чья изменчивая, таинственная прелесть, как говорят, была дочерью причудливого и изменчивого месяца. В кресле из слоновой кости сидела Елена, сияя красотой, в ослепительном ореоле распущенных золотистых кудрей. Мягкими серебристо-белыми складками ниспадали ее одежды, а на груди горела, искрясь, багрово-красная звезда из драгоценного рубина, ронявшего, словно капли крови, красные блики на белые складки одежды, оставляя их незапятнанными.

На лице красавицы читался ужас. Скиталец недоумевал, вдруг он заметил что Елена смотрит на его золотые доспехи, когда-то принадлежавшие Парису, на его золотой щит с изображением белого быка, на шлем с низко опущенным забралом, совершенно скрывавшим его лицо и глаза. Из груди ее вырвался крик:

— Парис! Парис! Парис! Видно, смерть выпустила тебя из своих рук и ты пришел сюда увлечь меня к себе, увлечь меня опять на стыд и на позор! Парис, мертвый Парис, что могло дать тебе мужество одолеть рать теней, тех людей, тех героев, с которыми ты в жизни не осмеливался стать лицом к лицу в бою?

И она с отчаянием заломила руки. Скиталец отвечал ей, но не своим голосом, а сладким, вкрадчивым, насмешливым голосом изменника Париса, который он слышал, когда тот давал свою ложную клятву перед Илионом:

— Так, значит, ты, госпожа, все еще не простила Париса? Ты прядешь еще старую пряжу, и поешь еще старые песни, и все так же сурова, как и прежде?

— Разве мало тебе, — продолжала Елена, — что ты обманул меня под видом моего престарелого господина и супруга? Для чего же ты пришел сюда? Чтобы издеваться надо мной?

— В любви все средства хороши! — отвечал Скиталец голосом Париса. — Многие любили тебя за твою красоту, и все пали за тебя, только

моя любовь к тебе была сильнее смерти. Теперь никто не может помешать нам. Троя пала давно, все герои превратились в прах, только одна любовь по-прежнему жива! Хочешь ли узнать, какова любовь тени?

Опустив голову, слушала Елена его речь и вдруг рванулась вперед с разгоревшимися глазами и ярко вспыхнувшим лицом и вскричала:

— Уходи! Уходи!... Да, герои все пали за меня и к позору моему! Но жив еще мой позор! Уходи! Никогда в жизни или в смерти уста мои не коснутся этих лживых уст твоих, обманом, ложью похитивших мою честь, и глаза мои не посмотрят на лукавое лицо твое, носившее облик супруга моего!

Тогда Скиталец продолжал сладким голосом Париса, сына Приама:

— Подходя к храму, где пребывает твоя прославленная красота, я слышал, как ты пела о пробуждении сердца, о рождении любви в твоей душе и о приходе того, кого ты любила давно и будешь любить вечно! Я услышал твою песню и пришел, я, Парис, который был любим тобою и любим тобою сейчас!

— Я пела так, как внушили лишь боги, как внушило мне сердце. Но не ты был в моих мыслях, не ты, лживый, лукавый и хитрый Парис! Моими мыслями владел тот, кого я однажды видела, будучи еще в девушках, на колеснице переезжавшим поток Эрота, к которому я приходила за водой. Одиссея, сына Лаэрта, я любила, люблю и буду любить до конца моего бессмертия, хотя боги и отдавали меня другим в праведном гневе своем на стыд и позор, вопреки моей воле!

Услышав свое имя в ее устах, Скиталец осознал, что Елена Прекрасная любила одного его и сердце его чуть не порвалось в груди, язык не повиновался ему. Он только поднял с лица забрало и взглянул ей в лицо. Она тоже смотрела теперь на него и узнала в нем Одиссея из Итаки, но, прикрыв глаза рукою, воскликнула:

— Ах, Парис, ты всегда был лжив и коварен, но последний обман хуже всех остальных: ты принял теперь вид погибшего героя и подслушал о нем такие слова, каких Елена никогда не говорила до сих пор. Стыд и проклятье тебе, недостойный Парис, я воззову к всеильному Зевсу, чтобы он поразил тебя громом, или нет, не к Зевсу, а к самому Одиссею. Одиссей! Одиссей! Приди из царства теней и порази мечом этого злого обманщика и чародея Париса!

Она смолкла и, простирая вперед руки, тихо шептала:

— Одиссей, Одиссей, приди!

Медленно стал Скиталец приближаться к златокудрой Елене, погружая упорный взгляд своих темных глаз в ее голубые глаза.

— Елена-аргивянка, — проговорил он, — я не тень и не призрак, пришедший из преисподней мучить тебя. О Парисе Троянском мне ничего не известно. Я — Одиссей. Одиссей из Итаки, живой человек среди людей, живущих в поднебесной. Я явился сюда, чтобы отыскать тебя, так как там, на далекой Итаке, богиня Афродита во сне посетила меня, приказав мне странствовать по морям, пока я не найду тебя и не увижу багрово-красной звезды на твоей груди. Наконец я нашел тебя! Я угадал, что ты сразу узнала доспехи Париса, бывшего твоим супругом, и, чтобы испытать тебя, говорил с тобою голосом Париса! Я выманил сладкую тайну твоей любви из скрытного сердца твоего!

Вся дрожа, Елена долго недоверчиво вглядывалась в него и наконец сказала:

— Помнится, когда я омывала Одиссея, то заметила большой белый шрам у него под коленом. Если ты Одиссей, а не призрак, покажи мне тот шрам!

Скиталец с улыбкой прислонил щит свой к колонне, снял золотой наколенник, и глазам Елены предстал большой белый шрам от клыка кабана на Паросском холме, когда Одиссей был еще мальчиком.

— Да, — сказала Елена, — это тот самый шрам. Теперь я верю, что ты не призрак и не обманчивый облик, а сам Одиссей, явившийся стать моим супругом! — И она ласково заглянула ему в глаза.

Теперь уже Скиталец не сомневался более и, обняв ее, прижал к своей груди.

Та с тихим вздохом прошептала:

— Ты, Одиссей, хитрейший из людей! Своею хитростью ты сумел выманить у меня тайну, тайну моей любви к тебе! Теперь я вся твоя! Знаю, любовь наша даст нам мало радости и будет кратковременна, но не смертью кончится она. Я дочь богов, и хотя облик мой постоянно меняется в глазах обреченных на смерть людей, все же я не умираю и не умру никогда. Что же касается тебя, то хотя ты и смертный, но смерть для тебя будет так же кратковременна, как весенняя ночь, отмечающая конец одной и зарождение другой зари. Ты снова оживешь, Одиссей, и будешь жить, как прежде, и жизнь за жизнью мы будем встречаться и любить друг друга до скончания веков!

Слушая ее, Скиталец снова вспомнил о сне царицы Мериамон, о котором говорил ему жрец Реи, но он ничего не сказал об этом Елене.

— Хорошо буду жить, госпожа, если в каждой жизни я буду встречать тебя и буду любим тобою.

— Да, в каждой жизни ты будешь встречать меня, Одиссей, то под тем,

то под другим видом, то в этом, то в ином образе, так как Вечная Красота, дочь богов, имеет много образов, а любовь — много имен. Ты будешь встречать меня, чтобы вновь утратить!

— Когда же мы станем супругами? — спросил Одиссей.

— Завтра, за час до полуночи, приходи к воротам моего храма, я выйду к тебе, ты узнаешь меня по этой рубиновой звезде, которая будет светиться во мраке. Тогда веди меня, куда хочешь! Ты станешь моим господином, а я твоей супругой! А там, как угодно будет богам, так и будет. Но я хочу бежать из этой страны Кемет, где месяц за месяцем в течение целого года боги заставляют людей умирать за меня. А пока прощай, Одиссей, обретенный наконец после стольких лет!

— Прощай, госпожа! Завтра я буду ждать тебя у ворот, я сам держу в мыслях, как бы покинуть эту страну тайн, колдовства и ужасов, но не могу сделать этого раньше, чем возвратится фараон, отправившийся воевать и поручивший мне охранять его дворец!

— Об этом мы поговорим после, а теперь иди, так как здесь, в святилище, нам не должно говорить о земных вещах! — сказала златокудрая Елена. Одиссей прильнул губами к ее руке и молча вышел.

XVI. Отделение духа Реи

Жрец Реи бежал от врат Смерти, охраняемых духами умерших героев, от святилища, двери которого раскрывались только перед людьми, обреченными на смерть. Тяжело было на сердце у старика: он любил Скитальца. Среди темнокожих сынов Кемета старик не знал ни одного, который равнялся бы этому ахейцу, ни одного столь красивого, столь сильного и могучего, столь ловкого и искусного в боях! Потом Реи вспомнилось, как он спас жизнь той, которую он любил больше всех женщин в мире, — Мериамон, дочери светлого месяца, прекраснейшей из цариц, когда-либо восседавших на троне Египта, красивейшей и ученейшей после Тэе. Вспомнилась Реи красота чужеземца, когда тот стоял в зале дворца, в то время как длинные копья летели в него; вспомнилось видение Мериамон. И чем больше он думал, тем сильнее смущение овладевало им. В одном только он был уверен — в том, что все сны и видения насмеялись над Мериамон и что человек, явившийся ей в этих видениях, никогда не будет ее супругом, так как он на его глазах пошел на смерть в храм Погибели.

Спотыкаясь, спешил Реи во дворец и, минуя великолепные залы, хотел пройти в свое помещение, но у дверей, ведущих в собственные покои царицы, стояла сама Мериамон во всей своей величественной красоте, точно изваянная из драгоценного мрамора, в царственном одеянии, увенчанная убором из золотых змей на черных, как смоль, волосах, ниспадавших широкой волной, точно мантия, вдоль стройной спины и горделивого стана. Как-то загадочно-странно смотрели ее большие черные глаза из-под густых ресниц и точно проведенных кистью художника бровей, оттеняющих матовую белизну ее высокого, гладкого, как слоновая кость, лба.

Низко склонившись перед ней, Реи хотел пройти мимо, но она остановила его.

— Куда ты идешь, Реи, и почему так печально лицо твое? — спросила она.

— Я иду по своему делу, царица. А лицо мое печально потому, что от фараона нет никаких вестей и никто не знает, что случилось с ним и с сонмом апур, которых он пустился преследовать!

— Быть может, ты говоришь правду, Реи, но не всю правду! Зайди ко мне, я желаю поговорить с тобой! — сказала царица, и старик послушно

последовал за нею в ее покои, где по приказанию ее сел в то самое кресло, в котором сидел Скиталец. Вдруг царица Мериамон опустилась перед ним на колени, слезы стояли у нее в глазах, грудь ее порывисто вздымалась от подавленных рыданий.

— Что с тобой, царица, приемная дочь моя? — спросил старик.

— Слушай меня, старый друг, единственный друг мой! — отвечала Мериамон. — Помнишь тот день, или, вернее, ту ночь, когда я прокралась к тебе? То было в ночь, следующую за той ужасной ночью, когда я стала женой фараона и рассказала тебе тот страшный сон, который не давал мне покоя!

— Я хорошо помню то странное видение, о котором ты говорила мне тогда, только разъяснить его не в силах мой слабый ум!

— Помнишь, что видение то было блестящим воином в золотых доспехах, которого мне суждено любить, в золотом шлеме, в который вонзился бронзовый наконечник копья?

— Да, помню!

— А знаешь, как зовут этого человека? — уже шепотом спросила она, глядя на старика широко раскрытыми глазами. — Не зовут ли его Эперитом, Скитальцем? Не он ли явился сюда с наконечником копья в шлеме? Я полюбила его в тот самый миг, когда впервые увидела во всей славе и во всей красе! Теперь я узнала его настоящее имя: это Одиссей, сын Лаэрта, Одиссей из Итаки. Я узнала это своим колдовством, вырвав истину у хитрейшего из людей. Хотя мне казалось, что он отстраняется от меня, все же мне удалось выпытать у него, что он странствовал долго и далеко, чтобы отыскать меня, богами назначенную и обещанную ему супругу!

При последних словах ее старый жрец вскочил со своего кресла.

— Госпожа! — воскликнул он. — Опомнись! Ты забываешь, что ты царица Кемета и супруга фараона! Кроме того, я должен сообщить тебе, что твой избранник навсегда потерян для тебя и для всего мира!

При этих словах Мериамон вскочила со своего ложа и, как львица, встала над старым жрецом с лицом прекрасным, но искаженным от бешенства и страха.

— Он умер... — прошипела она сквозь зубы над самым ухом Реи. — Умер... и я об этом не знала. Так ты убил его! Смотри же, как я отомщу за это! — И она выхватила из-за пояса тот кинжал, которым некогда нанесла удар Менепте, брату своему, когда тот вздумал поцеловать ее, и занесла его высоко над головой Реи.

— Нет! — воскликнула она, опуская кинжал. — Ты умрешь другой, более медленной смертью!

— Царица, — взмолился жрец, — выслушай меня. Не я убил его. Напротив, я старался удержать его, но он пошел в храм Погибели, чтобы видеть чудесную Хатхор, а ты знаешь, что всякий, кто видел ее, должен сражаться с невидимыми духами и потом отправиться в преисподнюю!

Теперь лицо Мериамон стало бледно, как лик луны, как алебастр стен ее покоя, она громко вскрикнула и упала на ложе, сжимая голову своими тонкими пальцами.

— Как мне спасти его?... Как вырвать его из когтей этой проклятой чародейки? Увы! Теперь уже слишком поздно... — стонала она. — Но я хочу знать его конец, хочу слышать о красоте той, которая виновата в его смерти. Реи! — прошептала она молящим голосом и не на языке Кемета, а на том древнем, мертвом языке мертвого народа. — Не гневайся на меня, а сжался над моей слабостью, над моим безумием. Ведь ты знаешь тайну отделения духа, ты же сам обучил меня этому. О, Реи, позволь мне послать твой дух в храм ложной Хатхор и узнать, что там делается!

— Это недоброе дело, Мериамон, и страшное дело, — отвечал жрец, — там мой дух повстречается со стражами-охранителями. Кто знает, что из этого выйдет, когда бестелесный, но имеющий еще земную жизнь, сойдется с бестелесными, уже давно не имеющими ее!

— Да, но ты все же сделаешь это из любви ко мне. Ты один можешь сделать это! — молила Мериамон.

— Никогда я ни в чем не отказывал тебе, Мериамон, — сказал старый жрец, — и теперь не откажу. Прошу только об одном: если мой дух не возвратится оттуда, прикажи схоронить меня в той гробнице, которую я приготовил себе близ Фив, и, если возможно, постарайся силой своего колдовства вырвать дух мой из власти этих страшных стражей-охранителей врат святилища. Ну, теперь я готов. Заклинание ты знаешь, произноси его!

Он откинулся на резную спинку кресла и стал смотреть вверх, а Мериамон подошла к нему близко-близко и уставилась в его глаза упорным, настойчивым взглядом, нашептывая какие-то таинственные слова на мертвом языке. По мере того как она шептала, лицо Реи становилось точно лицо умирающего, тогда она отступила назад и произнесла громко и повелительно:

— Отделился ли ты, дух Реи, от тела его?

И губы Реи медленно произнесли ей в ответ:

— Я отделился от плоти. Куда прикажешь идти?

— Во двор храма Хатхор перед святилищем ее!

— Я там, где ты приказала!

— Говори: что ты видишь?

— Вижу человека в золотых доспехах, а перед ним, преграждая ему путь, столпились тени умерших героев, хотя он не может видеть их своими телесными очами. Из святилища доносится женский голос, поющий странную, красивую песнь.

— Повтори, что ты слышишь!

И отделившийся дух Реи-жреца повторил царице Мериамон все слова песни златокудрой Елены. Из нее она узнала, что в святилище Хатхор восседает Елена-аргивянка. Сердце царицы упало, колени ее подломились, она едва не лишилась чувств, только желание узнать больше поддержало ее.

— Говори, что видишь теперь! — приказала она отделившемуся от плоти духу Реи, и тот послушно передал ей, как Скиталец сражался с невидимыми стражами-охранителями красоты Елены, и все, что с ним было дальше. Мериамон громко вскрикнула от радости, узнав, что чужестранец прошел невредимым в самое святилище. Затем дух постепенно передал ей все, о чем говорили между собой там Одиссей и Прекрасная Елена.

— Скажи мне, какое лицо у этой женщины! — приказала царица Мериамон. — Какою ты видишь ее?

— Лицо ее той красоты, какая, точно маска, легла на черты умершей Натаски, на черты *Ба* и на лицо *Ка*, когда ты беседовала с духом той, которую убила!

Мериамон громко застонала, поняв, что приговор над нею свершился.

Затем дух Реи рассказал о любви Одиссея и Елены-аргивянки, ее бессмертной соперницы, об их поцелуе, обручении и свадьбе, назначенной на следующую ночь. На все это царица Мериамон не промолвила ни слова, но, когда Скиталец покинул святилище, она принялась снова нашептывать какие-то заклинания в ухо жреца Реи, затем призвала дух его в тело, и тогда он проснулся, как человек, спавший крепким сном и ничего не знающий о том, что с ним в это время было.

Реи раскрыл глаза и увидел перед собой царицу, сидевшую на ложе с лицом бледным, как у мертвеца, черные круги легли вокруг ее больших, глубоких, темных глаз.

— Что такое ужасное слышала ты, Мериамон? — тревожно спросил старик, взглянув на нее.

— Слышала я многое, чего не следует повторять! — ответила она. — Но тебе скажу: тот, о ком мы говорили, прошел невредим мимо духов героев и увидел ложную Хатхор, эту проклятую женщину; теперь он, так же невредим, возвращается сюда. Ну, а теперь иди, Реи! Я должна быть

одна!

XVII. Пробуждение спящего

Реи удалился с тяжелым сердцем, а царица Мериамон прошла в свою опочивальню и, приказав евнухам никого не пускать, заперла дверь и, кинувшись на свое ложе, зарыла лицо в подушки. Долго лежала она неподвижно, точно мертвая: сердце в ее груди нестерпимо горело; жгучие слезы залили лицо. Теперь она знала, что смутное предчувствие, временами пугавшее, временами манившее и дразнившее ее, должно было теперь сбыться. Она знала, кто ее соперница.

Мериамон была хороша, так хороша, что равной ей по красоте не было женщины в целом Кемете, но после златокудрой Елены красота ее меркла, как меркнет яркий огонь перед солнечным светом. Скиталец искал Елену и ради нее объездил моря и земли, а она, Мериамон, думала, что он стремится к ней. Нет, думала мстительная царица, если он не может принадлежать ей, то и Елене не будет принадлежать, лучше она увидит его мертвым!

Завтра Одиссей и Елена должны встретиться за час до полуночи. Значит, завтра он должен умереть. Но как? Курри-сидонец может подать ему чашу с ядом, а после этого она убьет Курри, сказав, что он отравил Скитальца из-за ненависти к нему. Но нет, если она убьет Скитальца, то как будет жить без него? И она тоже должна тогда искать своего счастья в царстве, управляемом Осирисом, но там она не могла рассчитывать на блаженство. Что же ей делать? Ответа на этот вопрос не было.

Вдруг Мериамон вспомнилось, что есть некто, кто должен ей ответить и помочь. Она встала с постели и ощупью, впотьмах, так как уже совершенно стемнело, добрела до резного сундука с инкрустацией из слоновой кости и, достав из-за пояса ключ, раскрыла его. Здесь хранились разные драгоценности, зеркала, запястья, уборы, редкие алебастровые сосуды и смертельные яды, но их она не тронула, а, запустив руку глубоко, на самое дно сундука, достала оттуда темный ларец из Тифоновой кости (как называли египтяне сталь), считавшийся народом «нечистым». Нажав секретную пружину, Мериамон раскрыла крышку и вынула из этого ларца маленькую шкатулку, которую поднесла к своим губам и стала над нею шептать какие-то слова на языке мертвого народа. После этого крышка этой шкатулки сама собой медленно приподнялась, и луч света узкой полосой вырвался из-под крышки, тонкой змейкой заиграв во мраке комнаты.

Тогда Мериамон заглянула в шкатулку и содрогнулась, но тем не менее

запустила в нее руку и, прошептав: «Выйди, выйди, Первородное Зло!» — вынула что-то на ладонь вытянутой руки. Вдруг это нечто загорелось, точно красный уголек в серой золе очага. Потом из красного оно стало зеленым, затем белым и мертвенно синеватым, с виду предмет этот походил на свившуюся клубком змею, сделанную из опала и изумруда.

Некоторое время Мериамон смотрела на нее как бы в нерешительности.

— Спи лучше, гадина... Дважды уже я смотрела на тебя и рада бы никогда более не смотреть!... Нет, я все же решусь!... Ты — дар древней премудрости, замерзший огонь, спящий грех, живая смерть, в тебе одной обитает премудрость!

Порывисто обнажив свою белоснежную грудь, Мериамон положила сверкающую безделушку, казавшуюся змейкой из драгоценных камней, себе на грудь, но при холодном прикосновении ее невольно содрогнулась: эта крошечная змея была холоднее смерти. Обхватив обеими руками одну из колонн комнаты, царица стояла, преодолевая нестерпимую боль, которую она молча выносила некоторое время, пока то, что было холодно, как лед, не стало горячо, как огонь, и не засветилось ярко, ослепительно блеском сквозь шелковую ткань ее одежды. Так она стояла около часа, затем проворно сбросила с себя всю одежду и распустила свои шелковистые черные волосы, ниспадавшие до пола. Нагая, склонив голову на грудь, она стала дышать на Первородное Зло, так как оно может ожить только под дыханием человека. Трижды онадохнула на него и трижды прошептала: «Проснись! Проснись! Проснись!»

Когда онадохнула в первый раз, драгоценная безделушка шевельнулась и засверкала. Во второй раз она распустила свои блестящие кольца и вытянула голову почти на уровень головы Мериамон. На третий раз она скользнула на пол и, обвившись вокруг ног царицы, медленно стала расти, как под магическим взглядом факира.

Все больше и больше становилась змея, светясь подобно факелу в маленьком склепе; обвиваясь вокруг тела Мериамон, опутывая его своими кольцами, она наконец подняла свою голову на уровень ее головы, и глаза ее глянули прямо в глаза Мериамон, точно пламя сверкнуло в них, и в этот момент лицо змеи стало лицом прекрасной женщины, лицом Мериамон.

Теперь эти два лица смотрели в глаза друг другу. Царица Мериамон стояла, бледная и неподвижная, подобно каменному изваянию богини, вокруг всего ее тела и в ее густых черных волосах светились тяжелые кольца сверкающей змеи. Вдруг змея заговорила голосом Мериамон на мертвом языке мертвого народа:

— Скажи мне, как меня зовут?

— Грех — твое имя, прародительский грех и Первородное Зло! — отвечала царица.

— Откуда я происхожу?

— От зла, которое лежит во мне!

— А куда пойду?

— Туда, куда пойду я, ведь я отогрела тебя у себя на груди и ты обвилась вокруг моего сердца!

Тогда змея подняла свою человеческую голову и страшно расхохоталась.

— Ты хорошо все это знаешь! Я люблю тебя так же, как ты любишь меня! — И, склонившись к царице, она поцеловала ее в самые губы. — Да, я Первородное Зло, я — грех и преступление, я та смерть, которая живет в живой жизни! Из жизни в жизнь — ты всегда находила меня готовой к твоим услугам то в том, то в ином образе. Я научила тебя колдовству и чародейству, научила, как добыть престол. Ну, а теперь чего ты хочешь?

— Приложи твое ухо к моим губам и губы к моему уху, — сказала царица Мериамон, — и я скажу тебе, чего хочу от тебя, Первородное Зло!

И они стали шептаться друг с другом во мраке темной комнаты.

Наконец змея высоко подняла свою женскую голову и снова громко рассмеялась.

— Он ищет добра и найдет зло; ищет света и будет бродить во мраке! Хочет любви и найдет себе погибель! Желает овладеть златокудрой Еленой, но прежде найдет тебя, Мериамон, а через тебя — смерть! Далеко странствовал он, но еще дальше придется ему странствовать, так как твой грех станет и его грехом. Мрак примет образ света. Зло будет сиять подобно добродетели! Я отдам его тебе, Мериамон, и он будет твой, но вот мой уговор: я не должна более лежать холодной и мертвой во мраке, в то время когда ты ходишь под лучами яркого солнца. Нет, я должна постоянно обвиваться вокруг твоего тела, но не бойся, я буду казаться всем не более как простым украшением твоего наряда, искусной работы поясом вокруг твоего стройного и гибкого царственного стана. Отныне я всегда буду с тобой и, когда ты умрешь, умру с тобой! Согласна ли ты?

— Согласна! — отвечала царица.

— Так уже однажды отдавалась ты мне! — продолжало Зло. — То было давным-давно, под золотистым небом другой благословенной страны, где ты была счастлива с избранником твоего сердца. Но я впилась в твое сердце и обвилась своими кольцами вокруг него, и из двоих нас стало трое. Тогда были порождены все зло, скорбь и горе, какие существуют. Что ты,

женщина, посеяла, то и пожнешь! Ты — та, из которой произошли все скорби и в ком исполнилась вся любовь! Слушай! Завтра ночью ты возьмешь меня, обовьешь вокруг своего стана и на время примешь образ Елены Прекрасной; в образе Елены ты обольстишь Скитальца, и он хоть на один этот раз станет твоим мужем. Что будет дальше, я не могу сказать, я ведь только советник. Может быть, из этого произойдут несчастья, войны и смерть. Но что из этого, если желание твое исполнится, и он согрешит, поклявшись тебе змеем, он, который должен был бы клясться звездой! И тогда он будет связан с тобой неразрывными узами! Решай же, Мериамон!

— Я решила, — произнесла царица. — Я согласна принять образ Елены и быть хоть раз супругой того, кого я люблю, а там пусть все гибнет! А теперь засни, Первородное Зло, засни, я не могу больше видеть твоего лица, хотя оно мое собственное лицо!

Змея снова высоко подняла свою женскую голову и засмеялась злым, торжествующим смехом, затем, медленно распуская свои блестящие кольца, скользнула на пол и стала съеживаться, пока наконец не приняла вновь вида драгоценного украшения из опалов, изумрудов и аметистов.

Между тем Скиталец, выйдя из святилища Хатхор, не встретил более стражей-охранителей врат, так как боги отдали Одиссею красоту Елены-аргивянки, как это было предсказано заранее. А за завесой жрецы приветствовали его низкими поклонами, с удивлением смотря на этого героя, именуемого Эперитом, который стоял теперь перед ними жив и невредим, и страх объял их.

— Не бойтесь! — сказал Скиталец. — Побеждает тот, кому боги даруют победу: я сразился со стражами-хранителями и остался жив и в полном рассудке. А теперь дайте мне есть, так как я устал и силы мои нуждаются в подкреплении.

Жрецы провели его в свою трапезную, предложив все, что у них было лучшего из пищи и питья. Утолив свой голод и жажду, Скиталец простился со служителями храма Хатхор и вернулся в свое помещение во дворце фараона. Но здесь у его дверей стоял жрец Реи и, увидев его, еще издали поспешил к нему навстречу и заключил в свои объятия, так как он был рад, что Скиталец остался жив.

— Не надеялся я, Эперит, увидеть тебя живым! — произнес старик. — Если бы не это желание царицы... — и вдруг он спохватился и прервал свою речь на полуслове.

— Что ты говоришь о царице?...

— Ничего, Эперит, ничего, я хотел только сказать, что она была очень огорчена, узнав, что ты пошел в храм Хатхор. Я не знаю, бог ты или

человек, но клятва одинаково связывает и богов, и людей, а ты клялся фараону охранять царицу до его возвращения. Скажи мне, намерен ли ты сдержать эту клятву? Намерен оберегать честь царицы, жены фараона, честь, которая дороже даже самой ее жизни?

— Да, Реи, я намерен сдержать клятву, данную мной фараону! Тогда старик продолжал как-то загадочно:

— Думается мне, какой-то недуг овладел царицей Мериамон, и она страстно желает, чтобы ты утратил ее. Все, как видишь, складывается теперь так, как предсказывало видение царицы, о котором я говорил тебе, и потому я говорю, Эперит, будь ты бог или человек, если ты нарушишь клятву, будешь клятвопреступником и негодяем!

— Разве я уже не сказал тебе, что не имею даже в мыслях нарушить эту клятву. Но ты как будто не доверяешь моим словам... Выслушай же меня, Реи, я имею сказать тебе нечто! Ты, если захочешь, можешь помочь мне и тем самым — себе и фараону, которому я давал клятву, и той, чьей честью ты так дорожишь. Но если ты выдашь меня, Реи, то клянусь, ни твой преклонный возраст, ни твое высокое положение, ни даже та дружба, которую ты постоянно выказывал ко мне, не спасут тебя от моего меча.

— Говори, Одиссей, сын Лаэрта, Одиссей из Итаки, жизнью своей ручаюсь тебе, что не выдам твоей тайны, если только она не во вред тем, кому я служу и кого люблю!

— Нет, прежде скажи мне, откуда знаешь ты это имя? — воскликнул Скиталец, наступая на Реи.

— Я знаю это имя и нарочно сказал тебе его, чтобы заранее убедить тебя, что твоя хитрость со мной ни к чему не приведет и что тайна твоя сохранена будет у меня, как и это имя!

— Быть может, оно мое, быть может, не мое. Но это все равно. Знай только, что я боюсь твоей царицы и если пришел сюда искать себе по сердцу женщину, то не ее. Там, в святилище Хатхор, я нашел ту, которую искал по свету. Завтра ночью я пойду к портику храма и у его ворот встречу ее. Я приведу ее сюда, и мы повенчаемся с ней. Если ты хочешь помочь мне, Реи, то приготовь для нас судно и людей, чтобы мы с первыми же лучами рассвета могли бежать из этой страны. Правда, я клялся фараону охранять царицу в его отсутствие до самого его возвращения, но, как ты сам знаешь, мудрый Реи, я всего лучше сберегу ее моим бегством, а если фараон усомнится во мне, то, видно, уж так суждено!

Реи несколько призадумался, затем отвечал:

— Признаюсь, я страшусь увидеть эту богиню, но ради тебя решусь. Скажи мне, по какой примете я смогу узнать ее завтра у ворот храма?

— Ты узнаешь ее по багрово-красной звезде, горящей у нее на груди. Не бойся: я буду с ней. Скажи же, обещаешь ли ты приготовить нам судно и людей?

— И судно, и люди — все будет готово завтра к ночи, Эперит! Горячо любя тебя, я от души желаю, чтобы ты теперь уже мчался по волнам морей, омывающих берега Кемета, а с тобой вместе и та, которая называется Хатхор, та богиня, которой ты желаешь обладать, та, которую все люди на земле называют Мечтой Мира!

XVIII. Клятва Скитальца

В эту ночь Скиталец не видел царицы Мериамон. Но на другой день она прислала ему сказать, что зовет его к себе на пир в эту ночь. Реи также позвали на пир. Когда они пошли туда, Реи успел шепнуть Эпериту, что все готово и что он сам будет ночью на условленном месте. Вдруг дверь широко распахнулась, и перед ними появилась во всей своей красе царица Мериамон в сопровождении своих прислужниц и приближенных. Царственное одеяние ее сверкало драгоценными камнями, но лицо было бледно и надменно, а большие, темные, глубокие глаза ее отливали каким-то необычайным блеском. Скиталец низко поклонился ей, а она горделиво склонила ему в ответ свою царственную голову и подала руку, чтобы он вел ее к столу. На пиру они сидели рядом, но царица говорила мало в этот день, и когда заговорила, то только о фараоне и о сонме апура, о которых до сих пор не было известий.

По окончании пира Мериамон пригласила Скитальца в свои покои, он покорно последовал за ней, хотя и против воли. Реи же царица не позвала, и таким образом Скиталец и Мериамон остались одни, так как прислужниц своих царица отпустила. Оставшись наедине, Мериамон долго молчала, но Скиталец все время чувствовал на себе ее упорный, пронизательный взгляд, словно она пыталась прочесть самые сокровенные тайны на дне его души.

— Я утомилась, — произнесла наконец она, — Расскажи мне что-нибудь о твоих скитаниях, об осаде Ил иона, о многогрешной Елене, навлекшей на страну все эти беды и несчастья; Расскажи, как ты в одежде нищего прокрался из лагеря ахейян, чтобы повидать эту Елену, столь справедливо лишенную жизни богами.

— Да, — отвечал Скиталец, — нехорошо, что столько героев погибло из-за красоты одной неверной женщины. Я сам задумал даже убить ее, когда говорил с нею в стенах Трои, но боги удержали мою руку!

— Так ли это было, полно! — сказала царица, загадочно улыбаясь. — А если бы она была еще жива и ты увидел бы ее теперь, убил бы, Одиссей?

— Ее нет уже в живых, царица!

— Да... скажи мне теперь, Одиссей, ты вчера ходил в храм Погибели, в святилище Хатхор. Что ты видел в этом храме?

— Я видел прекрасную женщину, быть может, бессмертную богиню, которая, стоя на портике храма, пела сладкозвучную песню. Все видели и

слышали ее, теряли рассудок, а затем пытались пробить себе дорогу между духами, охраняющими врата святилища, и падали один за другим под ударами невидимых мечей!

— Но ты, Одиссей, не потерял рассудка и не старался прорваться сквозь невидимую преграду?

— Нет, Мериамон, в молодости я видел красоту Елены-аргивянки, которая была много прекраснее той, которую вы называете Хатхор; никто из людей, видевших Елену, не пожелает обладать этой Хатхор!

— Но, быть может, те, кто видел Хатхор, пожелают обладать Еленой-аргивянкой! — медленно и многозначительно промолвила царица, и Скиталец не знал, что ему ответить.

Так они беседовали некоторое время. Мериамон, зная все, невольно удивлялась хитрости и лукавству Скитальца, но ничего не дала ему заметить. Наконец он встал и с глубоким поклоном объявил царице, что должен идти осмотреть стражу, расставленную вокруг дворца и ворот его. Царица посмотрела на него странным загадочным взглядом и затем разрешила удалиться. Одиссей вышел, искренне радуясь, что избавился от ее присутствия, стеснявшего его. Но едва только тяжелая завеса пала за ним, как Мериамон вскочила со своего мягкого ложа, и страшный огонь решимости блеснул в ее глазах. Она ударила в ладоши и приказала всем сбежавшимся на ее зов прислужницам ложиться на покой, так как сама она тоже собирается отойти ко сну и ни в ком из них не нуждается. Когда женщины ушли, оставив ее одну, Мериамон проследовала в свою опочивальню, не задумываясь, подошла к резному сундуку, и достав из секретной шкатулки Первородное Зло, отогрела его на груди, вдохнув в него дыхание Жизни. И вот оно выросло и, обвинившись вокруг нее, стало нашептывать ей, чтобы она одевалась в белый венчальный наряд и обвила вокруг стана змею Зла, думая все время о красоте, которую видела на лице мертвой Натаски, Ба и Ка, и следила за своим отражением в зеркале. Вот лицо ее стало мертвенно-бледным, безжизненным, туманным. И затем стало мало-помалу оживать, но вся красота ее изменилась; темные кудри, как змеи, спадавшие с плеч, стали золотистой волной кудрей. Глубокие темные глаза ее стали небесно-голубыми глазами Елены, и вся горделивая и величественная красота сменилась ласковой, чарующей улыбкой Елены. Еще мгновение, и она стала воплощенной красотой и чуть было не лишилась чувств при виде своей несравненной прелести.

— Так вот какую должна быть Хатхор! — прошептала она, и голос ее звучал как-то непривычно для ее слуха: то был чарующий, ласковый голос Елены, и, смущенная своей собственной красотой, угнетенная сознанием

тяжкого греха, Мериамон вышла из опочивальни и, подобно звездному лучу, стала скользить по уснувшим пустынным залам дворца, мимо статуй грозных предков и богов; ей казалось, что они шептали друг другу о страшном грехе, совершенном ею, и о тех бедах и несчастьях, которые она навлекла этим на свой дом, на весь народ и всю страну. Но она не хотела их слушать и ни на минуту не замедлила шага.

Тем временем Скиталец в своих покоях готовился встретить златокудрую Елену. Странные видения прошлого теснились в его мозгу, видения какой-то бесконечной будущей любви. Сердце его горело в груди, подобно яркому факелу, освещая его прошлое. Ему казалось, что вся прежняя жизнь была сном, а действительность в жизни мужчины — это только любовь; совершенство в жизни — красота, одеяние любви, а единственное стремление и цель — это сердце любящей женщины, сердце златокудрой Елены, этой Мечты Мира; она — мир, радость и покой.

Надев золотые доспехи и взяв лук Эврита, Одиссей расчесал кудри и, помолившись богам, вышел из своего помещения в большой зал с колоннами.

Бесконечные ряды колонн тонули во мраке, только посередине сквозь прозрачный потолок свет луны, падая широким потоком, заливал белые мраморные плиты пола и ложился широкой полосой, казавшейся светлым прудом среди туманных темных берегов. По привычке Скиталец окинул залу рассеянным взглядом, и ему показалось, что вдали, в противоположном конце, между колоннами движется какая-то белая тень. Схватив свой черный лук, он наложил руку на колчан, так что стрелы в нем зазвенели.

Тень в конце залы как будто уловила этот звук или же увидела золотые доспехи, на которые случайно упал луч света, — она стала приближаться, пока не дошла до края бассейна среди залы, бассейна, и остановилась. Скиталец тоже остановился, недоумевая, что бы это значило. Но вот тень медленно вошла в освещенное пространство, и он увидел, что то была женщина в белом; вокруг ее стана обвивался змеею золотой пояс, украшенный драгоценными камнями, горевшими разноцветным изменчивым блеском, подобно глазам змеи.

Стройна и прекрасна, как статуя Афродиты, была эта женщина, но кто она — трудно было угадать, так как голова ее низко склонялась на грудь.

С минуту она стояла так, совершенно неподвижно. Скиталец приблизился к ней и, в свою очередь, очутился в полосе света. Тогда белая фигура вдруг подняла голову, так что свет упал ей прямо в лицо, и протянула к нему свои белые, точно изваянные из мрамора руки. У нее

было лицо Елены-аргивянки! Одиссей невольно залюбовался ее красотой, ее небесно-голубыми глазами и золотистой волной кудрей; медленно, беззвучно, не проронив ни слова, он стал приближаться к ней. Вдруг смутное чувство страха закралось в его душу. Однако он поборол его и произнес:

— Госпожа, ты ли это? Ты ли Елена-аргивянка, которую я вижу перед собой? Или же ты только видение, смеющееся надо мной?

— Разве я не говорила тебе вчера в святилище Хатхор, что в эту ночь мы повенчаемся с тобой? Почему же ты теперь принимаешь меня за призрак, причисляешь к бесплотным? — сказала тень.

Скиталец прислушался к звуку ее голоса: то был голос Елены. Глаза, смотревшие на него, были тоже глазами Елены, но он почему-то боялся обмана: сердце его не доверяло глазам и слуху.

— Правда, так говорила мне Елена-аргивянка, — произнес он, — но она сказала мне, что я встречу ее у портика храма и сам приведу ее оттуда, как невесту. Я и иду туда за нею теперь. Если ты Елена, то где же твоя багрово-красная звезда, роняющая кровавые слезы об убитых людях, звезда, по которой я должен узнать тебя?

— Кровавая роса уже не падает со звезды на моей груди, Одиссей, так как с той минуты, как ты овладел мною, люди не будут больше умирать за меня, за мою красоту! Звезда войны закатилась. Смотри, теперь разум и мудрость царят вокруг меня. Вот символ бессмертного Змея, означающий вечную любовь! Ты шел за мною, а я пришла к тебе. Разве ты хочешь, чтобы я оставила тебя, Одиссей, и ушла от тебя?

Тут разум хитроумного Одиссея помутился; забыв слова Афродиты, предостерегавшие его, что Елену он узнает только по красной звезде на груди, он теперь уже не сомневался, что видит перед собой златокудрую Елену.

Между тем та, которая носила образ Елены, протянула к нему свои руки и улыбнулась такой бесподобной улыбкой, что Скиталец забыл обо всем на свете.

Через мгновение она, неслышно скользя по мраморному полу, пошла перед ним, а он — за ней по длинному ряду зал и коридоров, точно во сне; она все манила его своей обольстительной улыбкой. Наконец они вошли в опочивальню царицы и встали у золотого ложа фараона. Тогда она сказала ему:

— Одиссей, ты, которого я любила от начала веков и буду любить до скончания веков, посмотри, видишь, перед тобой стоит та красота, которую боги предназначили для тебя! Прими же свою невесту в свои объятия. Но

прежде положи руку свою на эту золотую змею, что обвилась вокруг моего стана, и на этом новом свадебном подарке богов поклянись мне в любви и неизменной верности, произнеси твой супружеский обет, вовеки нерушимый. Клянись так, Одиссей: «Я люблю тебя, женщина или богиня, люблю тебя одну, каким бы именем ты ни звалась и в каком бы образе ни являлась! Тебе я буду верен, и к тебе прикипит душа моя, к тебе одной до скончания веков. Я прощаю тебе твои грехи, облегчу твои скорби и никого не допущу стать между мной и тобой». Клянись, Одиссей, сын Лаэрта, или оставь меня!

— Это великая, страшная клятва! — сказал Скиталец. Хотя теперь всякая мысль об обмане была далека от него, но эта клятва была ему по сердцу.

— Выбор свободен, — продолжала между тем царица. — Клянись так или оставь меня, чтобы никогда больше не видеть!

— Отказаться от тебя я не хочу и не могу, если бы даже хотел! Прими же мою клятву! — И он, положив руку на голову золотой змеи, произнес ту страшную клятву, позабыв слова богини и Елены, поклялся змеем — символом зла и коварства, когда должен был клясться звездой. В то время когда уста его произнесли эту клятву, глаза змеи сверкали злорадным огнем, а глаза той, которая носила образ Елены, сияли торжеством; черный же лук Эврита тихо задребезжал, предрекая смерть и войну.

Но Скиталец в это время не думал ни об обмане, ни о смерти, ни о войне: поцелуй той, которую он принимал за Елену, горел на его устах, и, опьяненный восторгом, он опустился на золотое ложе царицы, жены фараона.

XIX. Пробуждение Скитальца

Жрец Реи, как было условлено, отправился к храму Хатхор и стал ждать в тени, у ворот портика, Скитальца. Время шло, а его друга все еще не было. Наконец калитка в решетке ворот тихо скрипнула, и из нее вышла женщина под густым покрывалом; на груди у нее горела багрово-красным цветом большая звезда. Женщина эта остановилась и, посмотрев на залитую серебристым лунным светом дорогу, тоже отошла в тень портика и притаилась, так что ее не было видно, зато звезда на ее груди сияла и горела в тени. Страх объял старика, он ронял, что перед ним чудесная и смертоносная Хатхор, и подумал, что и ему суждено теперь погибнуть, подобно всем, кто только видел ее лицо. Он хотел бежать, но не мог, а глаза его продолжали смотреть на дорогу, но кругом было пустынно. Красная звезда все светилась во тьме, а Мечта Мира ждала у стены, словно какая-нибудь покинутая деревенская девица.

Вдруг, пока жрец Реи в душе молил богов о приходе того, кто не приходил, сладкозвучный голос, нежнее звуков золотой арфы, спросил его:

— Кто ты такой и зачем скрываешься здесь в тени, что побудило тебя, Одиссей, явиться ко мне в образе преклонного старца, жреца, служителя богов? Я уже видела тебя в одежде нищего и признала тебя! Почему же мне не признать тебя и в белой одежде жреца?

— О богиня! — заплетающимся и коснеющим от страха языком вымолвил наконец Реи. — Я не тот человек, за которого ты меня принимаешь! Эта белая одежда присвоена мне по праву! Я — Реи, глава строителей фараона, казначей казны Кемета и советник царицы. Если ты — богиня этого храма, молю тебя, будь милостива, не поражай меня твоим гневом, я не по своей воле пришел сюда, а по просьбе того, кого ты сейчас упоминала! Будь же милостива и пощади меня!

— Не бойся, Реи, — продолжал тот же чарующий голос, — я не намерена причинять тебе зло! Где же тот человек, которого ты ожидаешь?

Тогда Реи поднял взгляд на Елену и увидел, что в глазах ее не было гнева и они светились мягким, ласковым светом, подобно звездам в вечернем небе, и воспрянул духом.

— Я не знаю, бессмертная, где он, знаю только, что он просил меня встретить его здесь за час до полуночи, сообщив, что в эту ночь он и ты, чудесная Хатхор, повенчаются и хотите тайно покинуть страну Кемет. Он просил меня, своего друга, прийти сюда — переговорить с тобой и с ним о

вашем бегстве!

— Слушай, Реи, — отвечала Елена, — вчера Одиссей из Итаки, Одиссей, сын Лаэрта, сразившись с бесплотными стражами, охранителями врат святилища, предстал предо мной, и я говорила с ним. Я видела, что чей-то дух невидимо присутствовал при нашем свидании, и теперь узнаю в тебе лицо того духа, а в твоём облике — облик его!

При этих словах страх снова объял Реи, и сердце его замерло в груди.

— Теперь приказываю тебе, Реи, сказать мне всю правду, — продолжала Елена. — Иначе тебя постигнет беда не от моей руки, а от руки тех бесплотных, которые стоят на страже у меня. Скажи, что делал твой дух в моем святилище? Как осмелился ты войти туда — смотреть на мою красоту?

— О великая богиня, — взмолился Реи, — я скажу тебе всю правду, но прошу тебя, не обрушивайся гневом на меня. Не по своей воле нарушил я уединение твоего святилища, я сам не знаю, что мой дух видел или слышал там. Я был послан туда тою, кому я служу и которая обладает всеми чарами и колдовством тайного знания; ей мой дух передал все, что видел и слышал, я же ничего не знаю!

— А кому ты служишь, Реи, и почему послали они твой дух следить за мной?

— Я служу царице Мериамон, она послала меня разузнать, что постигло Скитальца, отправившегося сражаться с бестелесными духами.

— А он ничего не сказал мне об этой царице! Скажи мне, Реи, хороша она?

— Это прекраснейшая из всех женщин, живущих на земле, — сказал старик.

— Из всех, говоришь ты? Ну, смотри! — и Елена порывистым движением сбросила с себя покрывало, представ перед жрецом во всей своей красоте. — Скажи мне, Мериамон, которой ты служишь, неужели прекраснее Елены, которую вы здесь называете Хатхор?

Реи поднял глаза, взглянув на ту, что была воплощением красоты, и, ослепленный ею, точно ярким солнечным светом, закрыл лицо руками.

— Нет, ты прекрасней ее! — сказал жрец. — С твоей красотой не сравнится никакая красота!

— Теперь скажи мне, почему царица Мериамон, которой ты служишь, захотела узнать судьбу того, кто пошел сражаться с бесплотными?

— Если ты хочешь это знать, бессмертная, то я скажу тебе: только с твоей помощью я могу спасти от греха и позора ту, которой я служу и которую люблю! Она любит того человека, супругой которого ты хочешь

стать!

Услыхав это, златокудрая Елена прижала руку к своему сердцу.

— Я этого боялась, предчувствовала это! Она любит его, и он не приходит сюда... Если так, то отправимся, Реи, туда, во дворец твоей царицы, и там узнаем всю правду! Не бойся, я не сделаю зла ни тебе, ни той, которой ты служишь. Проводи только меня во дворец, Реи, проводи скорее!

Между тем Скиталец сладко спал в объятиях царицы Мериамон, принявшей образ Елены-аргивянки. Его золотые доспехи лежали у подножия фараонова ложа, тут же, в ногах, стоял и черный лук Эврита. Начало светать, вдруг тетива лука тихо запела:

Проснись, проснись, безумный! Дороже объятий
любви
И слаще поцелуя возлюбленной звучит шум
битвы в ушах героя и воина!
Глас бранной трубы сладкозвучнее нежной
музыки голоса женщины!

Змея, обвившаяся вокруг стана царицы, услышала песню и обвилась теперь и вокруг тела Скитальца, связав их своими кольцами в общности греха. Высоко подняв свою прекрасную женскую голову, она тоже запела:

Спи, спи, спи, наслаждайся покоем, какой
вкусить думают люди по смерти.
Под тем деревом, где спали первые супруги,
сторожила их я, как теперь сторожу и его!

Песнь черного лука и песнь змеи слились в одну, так как лук тот был смерть, а смерть — дочь греха; грех же — это змей, а лук был из древа познания добра и зла — пособника греха; поэтому их песня и слилась в одну, наконец пробудив спящего Скитальца.

Он вздрогнул, протянув свои мощные руки, раскрыл глаза и, увидев вдруг над собой лицо Мериамон на змеиной шее, вскрикнул и вскочил с ложа. Видение исчезло. Первые лучи солнца прокрались в опочивальню и упали на брачное ложе царицы, жены фараона, и на золотые доспехи и лицо спящей женщины. Теперь только Скиталец припомнил все, что с ним было, как он в эту ночь стал супругом Елены и как ему приснился под утро скверный сон — лицо Мериамон на шее змеи. Да, вот тут лежит

златокудрая Елена, супруга его, и он склонился над нею, чтобы пробудить ее поцелуем. О, как прекрасна она во сне. Но что это? Не такой казалась она ему там, в святилище храма Хатхор, не такой была она и вчера в большой зале при свете луны, когда он клялся ей той страшной клятвой. Кто же эта красавица? Да это царица Мериамон, это ее горделивая красота, слава и гордость фараона!

Скиталец продолжал смотреть на ее прекрасное лицо, и страх объял его при виде этой красоты. Как же все это случилось? Что он сделал?

Всюду кругом на стенах боги Кемета, а над ложем изображенные священными знаками — имена Менепты и Мериамон. Значит, не со златокудрой Еленой, а с женой фараона разделил он ложе! Ей и клялся страшной клятвой, она явилась ему в образе Елены, но теперь заговор снят, и перед ним Мериамон в своей гордой красоте. Герой стоял пораженный и не мог отвести глаз. Но вот силы вернулись к нему, и он, схватив свои доспехи, стал снаряжаться, но, когда он взял шлем, тот выскользнул из его рук, со звоном упал на мраморные плиты пола и пробудил спящую. С громким криком вскочила она и встала, величественная и прекрасная в своем ночном одеянии, схваченном вокруг стана золотой змеей, которую она теперь осуждена была носить всегда. Между тем Скиталец схватил свой меч и сбросил с него драгоценные, из слоновой кости ножны.

XX. Мщение Курри

Теперь Скиталец и царица, жена фараона, стояли друг против друга в полусвете царской опочивальни. Оба молчали. Горькая досада, жгучий стыд и гнев светились в глазах Одиссея. Лицо же Мериамон было холодно и мертвенно, а на губах играла загадочная улыбка, как у сфинксов, только грудь ее порывисто вздымалась с каким-то надменным торжеством.

— Зачем смотришь ты на меня такими странными глазами, мой господин и возлюбленный супруг? И к чему ты надел свои боевые доспехи, когда лучезарный Ра только что поднялся со своего ложа, где он отдыхал на груди Нут? — начала она.

Но Одиссей не произнес ни слова. Тогда она протянула к нему свои руки.

— Отойди от меня! — воскликнул наконец тот сдавленным голосом. — Отойди! Не смей касаться меня, ведьма, не то я забуду, что ты женщина, и уложу на месте своим мечом.

— Этого ты не можешь сделать, Одиссей, — спокойно произнесла Мериамон. — Ведь я твоя жена, ты навеки связан со мной своей клятвой.

— Я клялся не тебе, не царице Мериамон, а Елене-аргивянке, которую я люблю так же, как ненавижу тебя.

— Ты клялся мне, клялся словами: «Клянусь тебе, женщина или богиня, в каком бы то ни было образе и каким бы именем ты ни звалась, любить только тебя, тебя одну». И что из того, в каком образе ты видишь меня? Моя бессмертная любовь к тебе все та же, а красота не более как внешняя оболочка! И разве я не прекрасна? Все равно я твоя судьба, и, что бы ты ни делал, мы должны вместе плыть по реке жизни, до берегов смерти. Не отталкивай меня, каким бы колдовством я ни привлекала тебя в свои объятия, все же отныне они — твой дом и твой очаг! — И она снова приблизилась к нему.

Но Скиталец взял стрелу из своего колчана и, натянув лук, направил ее на Мериамон.

— Подойди теперь! — сказал он. — И я заключу тебя в свои объятия. Знай, я люблю одну только Елену и, найду ли я ее вновь или потерял навек из-за твоего колдовства, все равно буду любить ее до скончания века, а тебя ненавижу и буду ненавидеть до конца за то, что ты навлекла на меня величайший позор, сделав бесчестным человеком в глазах фараона и всего народа Кемета. Я созову стражу, вождем и начальником которой сделал

меня фараон, и расскажу ей про твой позор и мое несчастье. Я буду кричать об этом на улицах и площадях, объявлю всенародно с кровель храмов, когда фараон вернется, скажу ему, всем и каждому, пока все живущие в Кемете не будут знать, что ты такое на самом деле, и не увидят твоего позора.

С минуту царица стояла как бы в раздумье, затем спросила:

— Это твое последнее решительное слово, Скиталец?

— Да, царица! — сказал он и пошел к двери.

В одно мгновение она опередила его и, разодрав на груди свою одежду и разметав волосы, побежала с диким криком отчаяния мимо него к двери.

Завеса дрогнула. Дверь распахнулась, и в спальню вбежали стража, евнухи и прислужницы.

— Спасите! Спасите! — кричала царица, указывая на Скитальца. — Спасите мою честь от этого скверного человека, которому фараон поручил охранять меня! Вот как он охраняет меня! Он осмелился, как вор, прокрасться ко мне, к царице Кемета, когда я спала на золотом ложе фараона! — И в безумном отчаянии она бросилась на пол и стала рыдать и стонать, точно в предсмертных муках.

Стражи, увидев, что случилось, с криком бешенства со всех сторон накинулись на Одиссея, подобно стае голодных волков. Но тот успел отскочить к краю ложа и с луком в руках стал пускать в них стрелу за стрелой. Ни одна из них не пропадала даром, попадая в цель и неся смерть нападающим. Тогда враги отхлынули назад, и ни один не смел приблизиться к нему. Укрывшись за высокими колоннами или прячась в тени глубоких ниш, они стали осыпать героя копьями и стрелами, но тот стоял горд, и невредим, отражая удары своим щитом.

В числе нападающих был и Курри, негодный сидонец, жизнь которого пощадил Скиталец, подарив его царице, которая сделала его своим ювелиром. Курри, увидев, что Скиталец в беде, задумал, пользуясь этим случаем, отомстить ему за то, что из-за него он из богатого сидонского купца стал теперь не более, как рабом царицы Кемета.

Прокравшись тайком вдоль стены, Курри взобрался на золотое ложе фараона с другой стороны и своим длинным копьем мог свободно пронзить стоявшего к нему спиной Скитальца. Но нет, копье могло скользнуть по его золотым доспехам, не причинив герою вреда, и тогда Скиталец, обернувшись, заколол бы врага своим мечом: лучше дать ему умереть при пытке, а в этом деле Курри был великий мастер и надеялся получить от фараона разрешение приложить к этому свою руку. Поэтому, выждав удобный момент, лукавый сидонец своим длинным копьем с медным

наконечником перерезал тетиву у лука Скитальца в тот самый момент, когда тот натянул его, готовясь пустить стрелу.

Стрела беспомощно упала на пол, а Скиталец обернулся, чтобы увидеть, кто это сделал, но в этот момент Курри схватил пурпурную ткань покрывала с фараонова ложа и накинул ее на голову Скитальца. Этим воспользовалась стража, более двадцати человек набросились на него разом, опрокинули и повалили на пол. Один из них спросил царицу: «Смотри, царица, лев запутался в тенетах; теперь он в наших руках, что прикажешь с ним делать?»

Мериамон, следившая все время за Одиссеем сквозь пальцы своих рук, которыми она закрывала лицо, отвечала:

— Заткните его рот, снимите золотые доспехи и свяжите руки и ноги, а затем бросьте в подземелье крепостной башни дворца и прикуйте медными цепями к стене. Там пусть он останется до возвращения фараона, так как он погрешил против его чести и позорно изменил своей клятве ему. Фараону и подобает решить, какую смертью он должен умереть.

Услыхав эти слова, Курри понял приговор Скитальцу, и, видя беспомощное положение героя, подкрался к нему со спины и зашептал в ухо:

— Это я, Курри-сидонец, перерезал тетиву твоего лука, Эперит, я, людей которого ты перебил и которого сделал рабом! Я накинул тебе на голову покрывало с постели фараона, а если он вернется, я буду молить его, чтобы он поручил мне пытки и мучения, к которым ты будешь присужден. Тогда в моих руках ты проклянешь день, когда был рожден.

— Лжешь, сидонская собака! — воскликнул Одиссей. — В твоих глазах написано, что ты сам умрешь страшной смертью через какой-нибудь час!

Это были последние слова Одиссея, так как ему вложили железный шар в рот и связали, как приказала царица.

Мериамон же прошла теперь в свою уборную и поспешно накинула на себя одежды, перепоясавшись золотой змеей, волосы же свои оставив в беспорядке; она не стерла даже следов слез с лица, желая казаться в глазах всех убитой своим позором и скорбью.

Между тем Реи и златокудрая Елена спешили по пустынным улицам спящего города и вскоре прибыли к воротам дворца, но Реи, рассчитывавший вернуться со Скитальцем, бывшим начальником стражи, не знал пропуска; теперь приходилось ждать до рассвета.

— Мне нетрудно было бы заставить пропустить меня во дворец, — сказала Елена, — но лучше мы подождем, быть может, тот, кого мы

ожидаем, сам выйдет к нам навстречу!

Они вошли под портал храма Осириса, стоявшего против ворот дворца, и стали ждать, пока заалет восток. Когда же первые лучи света зазолотили кровлю храма Осириса, Елена сказала:

— Теперь пойдем во дворец. Сердце предвещает беду, хотя я немало видела горя, но такова, знать, моя судьба.

Они подошли к воротам. Стороживший их воин пропустил жреца Реи и женщину, пришедшую с ним, причем невольно подивился красоте ее.

— Где же вся стража и караул? Отчего ты здесь один? — спросил Реи.

— Не знаю, господин, — отвечал воин, — только не так давно во дворце поднялся сильный шум, и начальник этого караула со всеми людьми побежал туда, оставив меня здесь одного.

— Видел ли ты высокорожденного Эперита?

— Нет, господин, с самого ужина я не видел его, он в эту ночь даже не обходил караулов, как это у него в обычае!

Тогда Реи, а с ним и Елена вошли во дворец и увидели, как множество людей бежало к зале пиршества. Оттуда доносились шум и голоса, зала же эта была рядом с покоями царицы. Из дверей ее опочивальни выходила теперь толпа воинов, прислужниц и евнухов.

— Вот видишь, тут завеса, спрячься за нею, чтобы тебя не увидели! — шепнул Реи Елене. — Я же узнаю, что тут случилось, и приду сказать тебе!

— Что случилось? — спросил Реи у бежавшего мимо него человека.

— Скверные дела, господин, — отвечал тот. — Эперит Скиталец, которого фараон поставил начальником стражи и телохранителей царицы, недавно покушался на честь ее, но она бежала от него, и крики ее разбудили стражу; те настигли Скитальца в самой опочивальне царицы. Некоторых он убил, других ранил, но в конце концов толпа одолела его, и теперь его связали цепями и тащат в подземелье крепостной башни, где он должен будет ждать приговора фараона. Видишь, вот они тащат его!

При этой позорной вести сердце златокудрой Елены преисполнилось такой скорбью, что, будь она смертна, она, наверное, умерла бы. Боги еще раз насмеялись над ней: без любви прожила она всю жизнь, хотя и была любима всеми; а когда сердце ее наконец познало любовь, то любовь эта не дала ей ничего, кроме скорби и разочарования.

Между тем в дверях появилась толпа, десять воинов несли на носилках связанного цепями Скитальца, как охотники несут поваленного, затравленного ими оленя. Но даже и закованный и безоружный, тот казался грозным и могучим, глаза его сверкали злобным огнем, так что толпа при виде его отшатывалась в сторону.

Так-то увидела Елена-аргивянка своего избранника сердца, когда его, опозоренного и скованного, пронесли мимо нее; крик вырвался у нее из груди.

— Как низко ты пал, Одиссей, ты, бывший лучшим и доблестнейшим из людей! — воскликнула она.

Он услышал эти слова и узнал этот голос, и, хотя был скован цепями, жилы на его шее напряглись до того, что готовы были лопнуть, а движения так сильны, что он выкинулся из носилок и упал на пол. Но ни встать, ни крикнуть он не мог, воины подняли его, уложили на носилки, предварительно привязав его к ним, и понесли дальше.

Вслед за ним шла толпа разных дворцовых служителей, только старый Реи не трогался с места; он был убит горем оттого, что человек, которого он любил, мог совершить такое страшное дело; старик стонал, закрыв лицо руками, глубоко скорбя о случившемся.

— Уведи меня отсюда, — вдруг прошептал над ним голос Елены, — и проведи в мой храм, там я буду пребывать, пока боги не укажут мне своей воли!

Не проронив ни слова, старик пошел вслед за Еленой, но вдруг остановился, так как царица преградила ему путь. Платье и волосы ее были в беспорядке; лицо носило следы слез; с нею не было никого, кроме Куррисидонца, движения ее были порывисты, как движения безумной.

— Кто эта царственная женщина? — спросила Елена Реи.

— Это царица Мериамон, опозоренная Скитальцем! — ответил старик дрогнувшим голосом.

— Подожди, я хочу сказать ей нечто!

— Нет, нет, госпожа, не делай этого: она не терпит тебя и убьет!

XXI. Возвращение фараона

Но и Мериамон увидела жреца Реи и женщину под покрывалом, на груди у которой светилась кроваво-красная звезда, горевшая ярким пламенем, и царица узнала в этой женщине Елену-аргивянку.

— Скажи мне, Реи, кто эта женщина? — спросила она.

— Это богиня, пребывающая в храме Хатхор, позволь ей уйти с миром отсюда! — произнес Реи.

— Что ты говоришь, старый дурак: богиня! Нет у нас здесь богини, есть только колдунья, накликавшая все беды и несчастья на нашу страну Кемет. Из-за нее люди умирают сотнями, так что своды храма Хатхор скоро не в силах будут вмещать трупов убитых из-за нее, казнь за казнью и проклятие за проклятием обрушивались на сынов Кемета. Вода обращалась в кровь, мрак покрывал землю, невидимая рука убивала наших первенцев, в числе которых был и мой сын. Как ты осмелился привести ее сюда? А ты, — она указала рукой на Елену, — ты как осмелилась прийти сюда? Эй, раб! — обратилась она к Курри. — Возьми свой нож и вонзи его по рукоятку в грудь этой женщины, ты получишь тогда свободу и вернешь себе все свои богатства.

— Откажись от своих слов, госпожа! — проговорила Елена. — Хотя я никому из людей и не желаю зла, но меня нельзя безнаказанно оскорблять.

Курри стоял в нерешительности.

— Коли, коли! — настойчиво приказывала Мериамон. — Слушайся моего приказания, не то ты сейчас же сам погибнешь от этого самого ножа.

При этих словах сидонец, хорошо зная нрав царицы, выхватил свой громадный нож и кинулся на женщину, лицо которой было скрыто покрывалом. Но та подняла свое покрывало и глянула на сидонца. Слепленный ее красотой, он остановился, точно пораженный громом. Вдруг безумие овладело им, и он, не сказав ни слова, вонзил свой громадный нож по самую рукоятку себе в грудь и тут же упал мертвым к ногам Елены.

— Видишь, госпожа, — сказала Елена, указывая на мертвого сидонца, — ни один мужчина не может причинить мне вреда!

Царица стояла с минуту в нерешительности, затем воскликнула:

— Уходи отсюда, воплощенное проклятие, уходи! Зачем пришла ты сюда, в этот дом скорби и смерти, увеличивать число смертей и скорбей?

— Я уйду и не буду больше тревожить тебя! Я пришла сюда за тем, кто

был моим избранником, но кого боги допустили до страшного позора, за Одиссеем, сыном Лаэрта, который из всех людей был доблестнейшим и чье имя стало теперь позором и посрамлением! Ты прекрасна, царица Мериамон, но суди сама, кто из нас прекраснее! — И она, сбросив с себя покрывало, предстала во всей своей лучезарной красоте перед темной и мрачной красотой царицы Кемета.

— Да, ты прекрасна, и прекраснее тебя нет женщины! — должна была сознаться Мериамон. — Но на этот раз твоя красота не смогла удержать твоего избранника от постыдного поступка и греха. Видно, мало любил тебя этот человек, если прокрался ко мне, словно вор, чтобы похитить мою честь!

— Сдается, египтянка, что в этой стране ложь и правда странно сливаются в твоих словах! — проговорила Елена. — Трудно поверить, чтобы Одиссей из Итаки совершил такой подлый поступок, о каком ты говоришь! Кроме того, я читаю в твоих глазах, что ты любишь этого человека, которого называешь негодяем! Что же касается меня, то хотя я любила его и любовь к нему расцвела в моем сердце, но, так как он изменил мне, я с корнем вырываю эту любовь из моего сердца, а сама ухажу в святилище. Не бойся, Мериамон, я недолго останусь здесь, в этой стране, и люди не будут более умирать из-за моей красоты. А тебе говорю: обращай хорошо с тем, кого ты вовлекла в грех, и дай тебе боги больше счастья, чем Елене-аргивянке.

Закрыв лицо покрывалом, Елена повернулась, чтобы идти. Царица с минуту стояла неподвижно, пристыженная и безмолвная, но не успела Елена отойти от нее, как гнев вскипел в душе царицы: неужели она даст уйти этой женщине, которая одна из всех живущих прекраснее ее? Ведь пока эта женщина жива, она, царица Кемета, не будет знать ни сна, ни покоя! Когда же той не станет, быть может, ей удастся привязать к себе Скитальца!

— Заприте ворота, засуньте засовы! — громко приказала Мериамон своим людям, и те побежали исполнять ее приказание, так что, прежде чем Елена дошла до дверей дворца, ворота были заперты.

— Держите чародейку, ведьму! — крикнула Мериамон, и воины скрестили свои копья, преграждая путь Елене, но та подняла свое покрывало и взглянула на них. Тогда руки их выпустили копья, и они смотрели на нее, пораженные ее красотой.

— Отоприте! — ласково сказала Елена, и все разом кинулись отворять двери. Одарив их улыбкой, она прошла, а за нею стража, Реи и сама царица Мериамон. Был только один человек, который не видел ее красоты, он

старался задержать Елену в тот момент, когда она уже выходила из дверей. Теперь она уже подходила к воротам.

— Стреляйте в нее! Убейте эту ведьму! Если она пройдет в ворота, клянусь своим царским словом, каждый из вас умрет сегодня же! — кричала царица. Но только трое натянули свои луки, и то у первого из них порвалась тетива, у второго стрела сорвалась и вонзилась ему в ногу, а стрела третьего, уклоняясь от линии полета, пронзила сердце солдата, стоявшего ближе всех к царице, этот человек был тот самый, который пытался удержать Елену в дверях.

— Не приказывай страже стрелять в меня, — сказала странная женщина, — не то стрелы, предназначенные мне, вонзятся в твое сердце. Помни, что мне ни один мужчина не может нанести вреда! Эй, отойдите ворота и дайте пройти Хатхор!

И вся стража у ворот выронила свое оружие, ворота распахнулись настежь.

Она вышла, и все, кто тут был, пошли за нею, но вдруг она затерялась в толпе и исчезла.

Мериамон побелела от бешенства, поняв, что Елена-аргивянка, которая была ей ненавистнее всего на свете, ускользнула из ее рук. Обернувшись к тем, которые отворили дверь и пропустили Елену в ворота, разъяренная царица приговорила всех к немедленной смерти. Тщетно Реи, опустившись на колени, умолял ее пощадить их жизни, увещевая царицу, что от этого произойдут только горе и несчастье.

— Вспомни, — говорил он, — что постигло того сидонца, который осмелился поднять руку на богиню! Не убивай этих людей, не то недобрые вести смутят твой покой!

Но царица с бешенством взглянула на него.

— Слушай, Реи! Посмей повторить такие слова, и я, хотя раньше любила тебя, первого из слуг фараона, клянусь: ты первый умрешь! Уходи же с глаз моих, чтобы я не видела тебя! Не то я убью тебя тут же на месте. Отнимаю у тебя все твои почести и отрешаю от всех твоих должностей, отбираю все твои сокровища в мою казну! Уходи отсюда нищим и не попадайся мне больше на глаза!

Не прибавив больше ни слова, старик повернулся и бежал, бежал без оглядки, зная, что лучше было стоять перед львицей, у которой отняли ее детенышей, чем перед этой женщиной, когда она была в гневе.

За ним захлопнулись ворота, а начальника стражи, охранявшей их, потащили к тому месту, где стояла царица, и здесь, не прося пощады, так как душа его все еще была полна сознания красоты Хатхор, тот безмолвно

принял смерть.

Реи, следивший издали за всем происходившим у ворот дворца, громко застонал: царица приказала продолжать казни. Но в этот момент с улицы донеслись скорбный плач и стенания. Все с недоумением переглянулись, но вот послышались голоса: «Фараон вернулся! Фараон идет во дворец!» Вслед за тем раздался стук в ворота.

Теперь Мериамон, уже не помышляя более о казнях, приказала распахнуть ворота и двинулась навстречу фараону. Во двор вошел запыленный от дороги, истомленный и измученный человек, глаза его сверкали диким огнем безумия, волосы и борода были всклокочены, а лицо так изменилось, что с трудом можно было признать фараона Менепту, так оно было искажено выражением горя и ужаса.

Он взглянул на царицу, на убитых, лежавших у ее ног, и дико рассмеялся.

— А-а! — воскликнул он. — Еще мертвые! Разве нет конца смерти, нет предела ее жатве! Нет, здесь, как вижу, смерть поработала мало! Может быть, и ее рука наконец утомилась! Покажи мне, царица, где твои убитые? Покажи их мне, много ли их?

— Что случилось с тобой, Менепта? Что за странные речи слышу я от тебя? — сказала царица. — Та, которую называют Хатхор, сейчас прошла здесь, и это следы, оставленные ею на пути... Но говори, что такое с тобой случилось?

— О, я расскажу тебе все, царица! — продолжал фараон с горьким, надрывающим душу смехом. — Я расскажу тебе веселую повесть. Ты говоришь, что здесь прошла Хатхор, что это следы, оставленные ей на пути. Ну, а я скажу тебе, царица, что тот, кого апура называют Иегова, прошел там, по Чермному морю, и там лежит великое множество — это тоже след, оставленный им на его пути!

— Где же твои воины, весь сонм твоих воинов, Менепта? — воскликнула царица. — Отчего их не вижу я? Ведь осталось же хоть сколько-нибудь...

— Все остались, царица, все, только не в живых, а там... Только я один вернулся! Они же, как щепки, плавают теперь на волнах Чермного моря и тысячами лежат на его берегах... Коршуны клюют их очи, львы пустыни раздирают их тела, все они лежат незахороненные и шлют свои стоны морским ветрам. Слушай меня, я настиг непокорных апура на берегу Чермного моря! Время клонилось к закату, густая пелена мрака отделила меня и мое войско от сонма апура, так что мы не могли их видеть. Но всю ночь я слышал как бы топот десятков тысяч ног, скрип колес, бляение стад

и лязг оружия, голоса женщин и детей, а под утро увидел, что перед ними воды Чермного моря расступились и стояли, точно хрустальные стены, оставив между этими двумя водяными стенами сухое дно, по которому спокойно проходили апура. Тогда я поднял своих военачальников и приказал своим воинам преследовать апура; те, повинуясь моему приказанию, устремились за ними. Но наши колесницы вязли в мокром песке, так что, прежде чем все мои воины успели спуститься на дно моря, апура уже вышли на тот берег. Вдруг, когда я последним из всех спускался на дно моря, грозный ветер, бушевавший всю ночь и все это время, внезапно стих, воды моря сшиблись со страшным шумом и потопили всех сынов Кемета со всеми их колесницами и конями. Я же успел повернуть своих коней и бежать назад. На мгновение мои воины, кони и колесницы всплывали, затем шли ко дну, а люди, точно щепки на хребтах волн, ныряли, пока их не выбрасывало на берег. Только один страшный вопль вознесся к небесам, и затем разом все смолкло: от всех моих сонмищ остался только я один, чтобы рассказать людям об этом. Все слушавшие этот ужасный рассказ громко застонали от скорби.

— И все будет так, — произнесла царица, — пока эта ложная Хатхор будет пребывать в нашей родной стране Кемет!

В это время снова послышался стук у ворот, и чей-то голос прокричал: «Отворите! Отворите! Посланный к царице, жене фараона».

Мериамон приказала отворить ворота, хотя знала, что посланный принес недобрые вести. Вошел человек, в глазах которого светился ужас, а уста заикались, так что он не мог выговорить ни слова. Царица приказала подать ему кубок вина, он выпил и, упав на колени перед ней, так как не узнал фараона, произнес, запинаясь:

— Пусть царица простит меня и отвратит гнев свой от меня! Вести мои недобрые. Многочисленное войско идет на город. Оно, войско, собранное со всех стран, от народов севера из страны Тулиша, из Шакалишу и Лику и от Шаирдана. Они быстро надвигаются, грабя и разоряя все по пути: там, где они прошли, не остается ничего, кроме опустошенных полей и курящихся развалин городов и селений да тучи хищных коршунов над телами людей!

— Ну, что же, все? — спросила царица с видимым спокойствием.

— Нет, Мериамон, жена фараона, не все еще! — продолжал гонец. — С войском этим надвигается еще и многочисленный и сильный флот из восточного устья Сихора, на судах сидит двенадцать тысяч отборного войска, лучших воинов Акуаиуша, сынов тех людей, что разорили Трою.

Громкий вопль вырвался у всех слышавших эту весть. Мериамон

сказала:

— Вот и апура покинули нашу страну, по вине которых, как вы говорите, обрушились на Кемет все несчастья и беды. Они бежали, эти апура, а проклятье, тяготеющее над нашей бедной страной, осталось, и все так будет до тех пор, пока ложная Хатхор будет пребывать на земле Кемет.

XXII. На одре мучений

Вечерело. Фараон восседал за столом подле царицы Мериамон. Сердце его было переполнено скорбью: мысли останавливались то на бесчисленных воинах его, погибших в водах Чермного моря, то на сонме апура, которые теперь смеялись над ним в своей пустыне; но всего дольше останавливались они на тех вестях, мрачных и грозных, которые принес ему сегодня гонец. Весь этот день фараон провел в зале совета, посылая гонца за гонцом на восток, на север и юг с приказанием набирать наемные войска со всех городов и провинций, чтобы идти войной на врагов, так как здесь, в его белокаменной столице Танис, оставалось всего только пять тысяч воинов. Наконец истомленный и телом и душой, измученный и усталый, Менепта уселся за стол и вдруг вспомнил о том доблестном чужестранце, которому он поручил, покидая столицу, охранять и беречь дворец и царицу Мериамон.

— Где же тот великий Скиталец, что носил золотые доспехи? — спросил он. — Почему я не вижу его?

— Я должна рассказать тебе о нем страшную повесть! — ответила Мериамон. — Я не сказала тебе ничего до сих пор, видя, что ты и без того был так огорчен и озабочен! — И, склонившись к уху супруга, она долго шептала ему что-то. Лицо фараона стало страшным и мрачным, как ночь, наконец, недослушав, он вскочил и в диком бешенстве воскликнул:

— Этого-то врага мы можем одолеть и уничтожить! Я и ты, Мериамон, сестра и супруга моя, мы так далеки друг от друга, как далеко небо от кровли храма! Любви между нами никогда не было, но я жизни своей не пожалею, чтобы стереть это пятно позора с твоей чести, которая вместе с тем и моя честь!

И он ударил в ладоши, сзывая слуг, которым приказал отправиться в крепостную башню, привести оттуда Скитальца в залу пыток и созвать палачей, чтобы те немедленно приготовились приступить к пыткам, когда он, фараон, прикажет им. Отдав эти приказания, Менепта стал пить вино, пока не явился раб с докладом, что приказания его исполнены. Тогда фараон встал, спросив жену:

— Пойдешь ты со мной, Мериамон?

— Нет! — ответила та. — Я не хочу больше видеть лица этого человека, да и тебе советую не ходить туда сегодня ночью. Пусть палачи дадут ему пищи и питья вволю, чтобы смерть ему была тяжелее, затем

прикажи зажечь огонь у него в головах и в ногах и оставить его одного в месте мучений до рассвета, чтобы он претерпел сотни смертей прежде, чем настанет для него время умереть!

— Как желаешь! — сказал фараон. — Придумай сама для него наказание, а завтра, выпавшись, я пойду смотреть на его мучения! — И, подозвав слуг, фараон распорядился так, как того желала царица.

Между тем Скитальца действительно привели в комнату пыток, накормили и напоили вволю. Теперь силы его вернулись к нему, он воспрянул духом, хотя душа его была полна скорби и печали.

Он лежал на жестком каменном ложе и думал: «Вот каков конец моим скитаниям! Вместо отдыха на груди прекрасной Елены это каменное ложе!» Где же все боги, которым он поклонялся? Неужели ему не суждено уже слышать звук военной трубы богини Паллады? Ах, зачем он отвратил свое лицо от нее и стал приносить жертвы на алтарь лживой Афродиты? Так-то она сдержала свою клятву. Так она оплачивает своим поклонникам!

Так думал герой и вдруг увидел, что полумрак подземелья осветился лучезарным облаком, наполнившим все помещение мрачного подземелья; из облака раздался в тишине голос Афродиты:

— Не сетуй на меня, Одиссей! Не я ли предупреждала тебя, что только по красной звезде на груди узнаешь ты Елену-аргивянку? Да и она повторила тебе то же в святилище Хатхор! А ты, когда пред тобой предстала женщина, опоясанная змеей, забыл мои слова, страсть отуманила тебя, ослепила твои глаза, и ты не сумел отличить Мериамон от Елены. Красота изменчива и многообразна, и каждый видит ее такой, какой хочет видеть, но звезда всегда остается звездой, а змей змеем!

Она смолкла. Скиталец громко застонал, воскликнув:

— О богиня! Я согрешил! Но неужели же нет прощения моему греху?

— Прощение есть, Одиссей! — продолжал голос богини. — Но прежде следует наказание. Никогда больше в этой жизни ты не станешь супругом златокудрой Елены, никогда не достигнешь звезды, которая, однако, продолжает и будет сиять для тебя сквозь туманную дымку смерти. Но смотри, когда ты пробудишься к новой жизни, чтобы твои глаза были открыты и уловили ее сияние. А теперь скажу тебе в утешение: здесь ты не умрешь, и пытки не коснутся тебя, так как смерть придет к тебе с воды. Но перед смертью ты еще раз увидишь златокудрую Елену и услышишь от нее слова любви, узнаешь сладость ее поцелуя, хотя твоею она не будет. Знай, что громадное войско идет на Кемет и с ним большой флот ахейян. Иди им навстречу и сражайся против твоего родного народа, так предопределено судьбой. Рази мечом сынов тех, с кем ты бок о бок бился под стенами

Илиона; в этой битве ты найдешь смерть, а в смерти — то, чего ищут все люди, испытавшие объятия бессмертной Елены. Хотя люди думают, что она живет на земле, но, в сущности, они видят только ее тень: в долинах смерти она царит, в садах царицы Персефоны, где змей не может казаться звездой и грех не властен разъединить тех, кто составляет одно. Укрепи сердце свое и поступи так, как велит тебе твой рассудок. Прощай!

Так проговорила богиня из светозарного облака и скрылась, а сердце Скитальца преисполнилось радости, так как теперь он знал, что утратил Елену не безвозвратно и что позорная смерть в пытках не грозила ему.

Было за полночь. Фараон крепко спал. Но царица Мериамон не спала. Она поднялась со своего ложа и, накинув на себя темный плащ, скрывавший даже ее лицо, и взяв потайной фонарь, крадучись, прошла длинный ряд зал, отворила скрытую в стене дверь и стала быстро спускаться по узкой и темной секретной лестнице. На последней площадке стоял страж, она, толкнув ногой, разбудила его и показала большой перстень царицы Тэе с изображением Хатхор, поклоняющейся солнцу. Страж с низким поклоном пропустил ее, отворив железную калитку в стене.

Длинными ходами, уходившими глубоко в подземелье, шла царица и наконец остановилась у дверей небольшой сводчатой комнаты, где мерцал огонь. Там слышались мужские голоса: она с минуту стояла, прислушиваясь к ним. Незнакомцы говорили громко и злобно хохотали. Она толкнула дверь и вошла. Тут было шестеро безобразных черных негров, сидевших на полу вокруг восковой фигуры нагого человека, которую они резали своими ножами, рвали щипцами, давили тисками, кололи громадными железными иглами, применяя и другие отвратительные орудия пытки. Это были палачи, упражнявшиеся в своем деле накануне казни Скитальца, над которым им предстояло применить все свое искусство в присутствии самого фараона.

Мериамон прошла мимо них, держа на виду перстень, и те пали лицом вниз, не смея поднять глаз. Проходя мимо, Мериамон наступила со всей силой на восковую фигуру и растоптала ее.

В противоположном конце комнаты была небольшая дверка, ведущая в другой темный проход, а в конце этого прохода стояла полуотворенной каменная дверь. У этой двери Мериамон остановилась с сильно бьющимся сердцем, из нее доносились звуки знакомого голоса, который пел:

Мужайся, сердце мое, недолго тебе терпеть позор
и мучения!

И добро, и зло миновали, близок конец!
Подле трона Зевса стоят два сосуда.
Из них он сыплет и радость, и скорбь умирающим
людям!
Мужайся, сердце, и с честью выйди из последнего
смертного боя.
И перейди в те поля, где ждут тебя рыцарственный
Гектор
И все те, кто сражались за Троию!

Мериамон, слушая эту песню, невольно изумлялась мужеству человека, который мог петь в такую минуту перед пыткой. Она тихонько отворила дверь и вошла. Место мучений было ужасно: всюду железные крюки, цепи и всякие орудия пыток, а посреди стояло каменное ложе, к которому был прикован цепями Скиталец. На нем не было одежды, кроме узкого пояса, прикрывавшего наготу; в ногах и в голове ложа горели медные жаровни, бросавшие красные пятна света на орудия пыток, на мрачные своды и стены, украшенные изображением их.

Крадучись, пробралась Мериамон за изголовье Скитальца, где он не мог ее видеть, но ей показалось, что его чуткий слух уловил какой-то звук, так как он перестал петь свою песню и стал прислушиваться. Она стояла молча, не шевелясь, затаив дыхание и не спуская глаз с того, кого она любила, кто был для нее прекраснее всех мужчин на свете.

— Кто ты такой? — спросил наконец герой. — Если ты один из палачей, то приступай к своему делу! Ты мне не страшен, никакие твои ухищрения не вырвут у меня ни стога, ни звука. Но знай, что боги справедливы и отомстят за меня! Уже сейчас тьмы и тысячи войска надвигаются сюда, а суда ахейян, грозных в бою, подобно стаду хищных волков, налетят на эту страну, предавая все мечу и огню!

При этих словах Мериамон склонилась над ним, чтобы прочесть в его глазах то, что в них было написано, и облик ее отразился на медной поверхности жаровни у него в ногах.

Одиссей узнал, кто стоит за его изголовьем.

— Скажи, Мериамон, царица Кемета, опозоренная жена фараона, зачем ты пришла сюда? — спросил он. — Зачем ты прячешься от меня, встань так, чтобы я мог тебя видеть!

Тогда Мериамон, не проронив ни слова, обошла вокруг одра мучений и, сбросив с себя плащ, встала перед ним во всей своей величественной красоте.

— Злая женщина, зачем пришла ты сюда смотреть, как твои рабы будут раздирать мое тело на части и гасить эти огни моей кровью? Пусть так, но знай, что твои мучения превысят мои во столько крат, во сколько звезды неба превышают своей численностью землю. И здесь, и в будущей жизни, до скончания века ты будешь томиться такой неутолимой жаждой любви, что проклянешь день своего рождения. Во все века и во всех странах будешь ты под разными именами снова переживать свою пытку.

— Замолчи и не вливай еще нового яда в мою отравленную душу! — воскликнула Мериамон. — Я потеряла разум от любви, обезумела от бешенства и обиды... Ты спрашиваешь, зачем я пришла сюда? Я пришла спасти тебя! Но время летит, слушай! Правда, громадное войско варваров надвигается на Кемет, хотя я не могу понять, как тебе это стало известно; правда также и то, что фараон возвратился один и все его войско, все всадники и колесницы поглощены волнами Чермного моря. Горе, беды и скорбь обрушились на нас и на эту страну, но, несмотря на все, я хочу спасти тебя, Одиссей! Я внушу фараону мысль помиловать тебя и послать навстречу неприятелю, но ты должен поклясться мне, что останешься верен фараону и разобьешь неприятельское войско, кто бы ни был этот враг Кемета.

— Клянусь, — сказал Скиталец, — я сдержу свою клятву, хотя рука не поднимется на своих братьев! Но будь спокойна, я не изменю фараону.

— Кроме того, ты должен дать мне еще другую клятву. Та, что зовут здесь, в Кемете, Хатхор, отвергла тебя, вырвав из своего сердца любовь к тебе за то, что ты стал моим супругом в прошедшую ночь. Ты связан со мной нерушимой клятвой и, в каком бы образе я ни была и каким бы именем ни звалась, вечно будешь со мной. Поклянись же мне, что никогда не скажешь ничего о прошедшей ночи фараону!

— И в этом клянусь!

— А еще клянись, что, если бы фараон был отозван в царство Осириса и случилось бы так, что та, которая зовется Хатхор, подобно ему, переселилась бы в преисподнюю, ты, Одиссей, возьмешь меня, Мериамон, себе в жены и будешь верен мне во всю свою жизнь!

На этот раз Одиссей призадумался, поняв, что Мериамон держала в уме сжить со света и фараона, и Елену. Но судьба фараона мало тревожила его; что же касалось Елены, то он знал, что она неуязвима и хотя постоянно меняет свой образ, но не умрет до тех пор, пока не вымрет все человечество. Кроме того, он знал, что теперь ему предстоит идти на смерть, которая придет к нему с воды, и потому он ответил царице:

— И в этом я готов поклясться тебе!

Тогда Мериамон опустилась на колени подле ложа Одиссея и, глядя любовно ему в глаза, промолвила:

— Хорошо, Одиссей, быть может, вскоре я потребую от тебя исполнения твоей клятвы! Но не думай так дурно обо мне. Если я согрешила, то только потому, что любовь к тебе довела меня до безумия. Много лет тому назад тень твоя упала на мое сердце, и я отдала душу этому призраку, а теперь ты явился, и я, увидя тебя перед собой, полюбила на свою погибель... О, я поборолла в себе свою гордость, и боги дали мне другой образ, образ той, которую ты любишь, и ты сделал меня своей женой... Ах, Одиссей, когда я видела тебя во всей твоей красоте и силе и когда этот негодяй Курри перерезал тетиву твоего лука...

— Курри! — воскликнул Скиталец. — Скажи мне, царица, что с ним стало, да заставь его перенести все те пытки, к которым приговорен я!

— Ты просишь об этом слишком поздно! — сказала Мериамон. — Ложная Хатхор взглянула на него, и он пронзил себя ножом на ее глазах. А теперь мне пора, ночь проходит. Фараон должен видеть знаменательный сон до рассвета. Прощай же, Одиссей! Жестко твое ложе в эту ночь, но мягко царское ложе, ожидающее тебя! — закончила царица и, завернувшись в свой темный плащ, удалилась.

— Да, Мериамон! — прошептал Скиталец ей вслед. — Жестко мое ложе сегодня ночью, но мягко ложе царей, тех царей, что ожидают меня в царстве царицы Персефоны! Но не ты будешь делить со мной это ложе! Жестко сегодня мое ложе, но твое будет много жестче во все ночи, какие будут в жизни и смерти!

XXIII. Сон фараона

Фараон спал тяжелым сном, измученный горем и заботами, когда царица Мериамон вошла в его опочивальню и, встав в ногах его золотого ложа, воздела вверх свои руки и посредством разного колдовства стала вызывать видения, мнимые сны в мозгу спящего.

И фараону стало сниться, что гигантская фигура Пта, творца вселенной, сойдя со своего каменного пьедестала у врат храма, явилась к его постели и, стоя в ногах золотого ложа, точно громадная скала, стала смотреть на него упорным взглядом. И снилось фараону, что он проснулся и, распростершись ниц перед божеством, спросил его, что означает его приход. На это Пта ответил ему:

— Менепта, сын мой, ты, которого я возлюбил, слушай меня! Варвары с девятью луками наводняют древнюю страну Кемет, девять народов надвигаются на твою столицу и разоряют страну. Но я дарую тебе победу, и ты уничтожишь своих врагов, как поселянин срубает высохшую пальму. Они падут, и ты поживишься добычей их. Слушай меня: не сам ты должен вести войска против врагов; там глубоко в подземельях крепостной башни твоего дворца лежит могучий и искусный вождь, опытный в военном деле, посетивший многие земли и страны. Освободи его от оков и поставь во главе своих ратников, а о преступлении его забудь! Он доставит тебе победу! Проснись, Менепта, проснись! Вот тот лук, которым ты победишь врагов.

Мериамон положила на ложе фараона черный лук Скитальца и неслышно удалилась в свою опочивальню. Ложный сон фараона исчез, и тот проснулся.

Рано поутру фараон, увидев жену, спросил ее:

— Знаком ли тебе этот лук?

— Да, я узнаю его! — ответила Мериамон. — Он спас нас от разъяренной толпы в ночь смерти наших первородных. Это лук Скитальца, который теперь лежит на одре мучений в ожидании казни за содеянное им преступление.

— Но ему суждено спасти землю Кемет от варваров! — сказал фараон и пересказал царице свой сон.

— Хотя обидно, что человек, нанесший мне и тебе такое оскорбление, должен с почетом встать во главе твоих войск, но как решили боги, так должно быть! — произнесла с притворной покорностью хитрая царица.

Фараон приказал привести Скитальца к себе и надеть на него золотые доспехи, но не давать никакого оружия. А когда тот предстал перед фараоном, последний рассказал ему свой знаменательный сон, проговорив:

— Выбирай одно из двух: или идти сражаться во главе моих войск против твоих единоплеменников и доставить победу моему оружию, или вернуться в руки палачей и под пыткой окончить жизнь! Так как клятве твоей верить нельзя, то я не беру с тебя клятвы, но знай, что если ты попытаешься изменить мне, то моя рука достигнет тебя, где бы ты ни был. Тогда тебе не избежать жесточайших пыток.

На это Скиталец отвечал:

— Против того обвинения, которое возводят на меня, я мог бы многое сказать тебе, фараон, но так как ты теперь не говоришь об этом, то и я промолчу. Клятвы ты с меня не берешь, и я не даю ее тебе, но если ты дашь мне десять тысяч человек и сотню колесниц, я разобью врага и доставлю победу твоему оружию, хотя тяжело поднимать руку на своих единоплеменников.

Тогда фараон повелел посадить Скитальца в колесницу и препроводить его под сильным конвоем в город Оп, где собирались его войска, наказав своим военачальникам при первой попытке Скитальца бежать или изменить убить его на месте; в бою же повиноваться ему беспрекословно, как самому фараону.

Скиталец слышал этот наказ, но не промолвил ни слова и сел в колесницу. Тысяча всадников сопровождала его, а царица Мериамон со стен столицы следила, как избранник ее сердца отправлялся на войну и как пыль пустыни длинным облаком стлалась позади.

Оглянулся на город и Скиталец, когда белокаменный Танис остался далеко позади, и тяжело было у него на сердце: там вдали виднелось святилище храма Хатхор, где пребывала Елена, считавшая его изменником и неверным. Да, горька участь, уготованная ему богами!

Уныло тянулась дорога по бесплодной пустыне, кругом ни деревца, ни куста, ни одного живого существа. Вдруг на одном песчаном кургане показался неподвижно стоявший верблюд, на котором сидел человек, словно поджидавший здесь колесницы и всадников фараона. Когда они были уже недалеко, человек на верблюде круто повернул свое животное головой к отряду и, воздев руки к небу, громким и властным голосом крикнул:

— Остановитесь!

— Кто ты такой, что смеешь сказать всадникам фараона «остановитесь»? — надменно спросил начальник конницы.

— Я тот, который может сообщить вести о сонмищах варваров, надвигающихся на Кемет! — отвечал незнакомец, сидевший на верблюде.

Теперь и Скиталец взглянул на него. Это был очень малорослый, сморщенный старик, лицо его было темно и опалено солнцем; тело облекало нищенское рубище, хотя верблюд был накрыт пурпурным чепраком, расшитым золотом и драгоценными камнями. Скиталец стал пристально вглядываться в его лицо, и оно показалось ему знакомым.

Между тем начальник конвоя приказал задержать колесницу и сказал старику, чтобы тот подъехал ближе — сообщить те вести, о которых он говорит.

— Никому я не скажу ни слова, кроме того человека, которому фараон поручил вести войска против врагов! — проговорил старик. — Пусть он сойдет со своей колесницы и подойдет ко мне, и ему я скажу все.

— Этого я не могу разрешить! — сказал начальник конвоя, которому было приказано не позволять Скитальцу говорить на пути ни с кем из посторонних.

— Как желаешь! — отозвался таинственный старец. — Иди на свою гибель! Ты не первый отгоняешь посланников богов и не первый навлекаешь беды и несчастья на эту страну!

— Я готов приказать людям убить тебя тут же на месте! — крикнул взбешенный военачальник.

— Тогда тайна моя ляжет со мной в могилу, вытечет с кровью моей в песок пустыни и с последним вздохом моим разлетится по ветру, безумец! — отвечал бесстрастно старец.

Египтянин смутился, не зная, что ему делать, и подозрительно взглянул на Скитальца, Но тот казался совершенно безучастным. Тогда, посоветовавшись с товарищами, начальник конвоя попросил Скитальца сойти со своей колесницы и выступить на двенадцать шагов навстречу старику, а тот со своей стороны сделает то же. Так они сошлись на глазах и стражи, и всадников фараоновых, а те их не могли слышать.

— Привет тебе, Одиссей из Итаки! — сказал старик в нищенском рубище.

Теперь и Скиталец узнал своего собеседника.

— Привет тебе, жрец Реи, начальник и хранитель сокровищницы фараона!

— Я только жрец, и ничего более, так как царица Мериамон в своем гневе лишила меня всех этих званий, почестей и даже всего скопленного мной имущества из-за тебя, Скиталец, из-за бессмертной, любовь которой ты приобрел! Но слушай: я узнал путем тайной магии о сне фараона и о

том, что ты будешь послан воевать с врагом, и, переодевшись нищим, взял самого быстрого в Танисе верблюда, поспешив сюда окольным путем, чтобы встретить тебя. Мне хотелось только узнать, как это случилось, что ты обманул бессмертную в ту ночь, когда она и я ждали тебя у храма Хатхор. Оттуда я по ее настоятельной просьбе проводил ее во дворец и за то лишился всего, а воплощенная красота вернулась в свое святилище и теперь горько оплакивает твою измену!

— Скажи мне и ты, Реи, знаешь ли ты чары и колдовство Мериамон, знаешь ли, каким образом она привлекла меня к себе и овладела мной в образе златокудрой Елены-аргивянки?

И герой в нескольких словах рассказал старому Реи все случившееся с ним, как он поклялся змеем, когда должен был клясться звездой.

Когда Реи услышал, что Скиталец поклялся змеем, он невольно содрогнулся.

— Ну, теперь я знаю все! — воскликнул он. — Не бойся, Скиталец, не на тебя обрушатся все беды и несчастья и не на бессмертную, которую ты любишь. Змей, обманувший и соблаздивший тебя, отомстит за тебя!

— Реи, — произнес Скиталец, — одно я поручаю тебе! Ты знаешь, что я иду на смерть! Прошу тебя, повидай ту, которую ты зовешь Хатхор, и расскажи, как я был обманут и как я несчастлив; если она будет знать об этом, я умру спокойно. Скажи ей также, что я молю ее о прощении и люблю только ее одну!

— Это я обещаю тебе! — отвечал Реи. — Но смотри, всадники ропщут: нам пора расстаться. Знай, однако, что войско неприятельское надвигается по восточному рукаву Сихора. На расстоянии одного дня пути от Опа горы спускаются к самому краю реки; в этих горах есть скалистое ущелье, через которое должен пройти неприятель. Там ты устрой засаду и там, у Просониса, разобьешь врагов. Прощай! Я разыщу Хатхор и скажу ей все, о чем ты просил меня, но предупреждаю тебя, что руки судеб тяготеют над этой страной. Странные видения роятся в моем мозгу, предвещая недоброе. Прощай.

С этими словами старец вернулся к своему верблюду и, объехав войско, быстро скрылся в облаке пыли.

Скиталец и конвой продолжали свой путь. Первый никому ничего не сказал о том, что ему сообщил старик, заметив только, что, по всей видимости, это был посланник богов, преподавший ему наставление, как вести войну.

Вскоре они прибыли в Оп, где уже собрались войска фараона на огромном, обведенном высокой стеной пространстве перед храмом Ра.

Здесь они раскинули свой лагерь у подножия обелиска, стоявшего у ворот внутренней решетки храма, воздвигнутой строителем Реи по образцу обелиска Фив, поставленного божественным Рамсесом Мериамоном во славу Ра на все века.

XXIV. Голос мертвеца

Когда колесница, на которой уезжал Скиталец, скрылась в облаке пыли в необъятной пустыне с глаз следившей за нею царицы Мериамон, она сошла со стены и спустилась с кровли дворца в свои покои, где оставалась одна, пока не настала ночь. В окружавшем ее мраке преступные мысли одна за другой роились в ее душе. Не клялся ли Скиталец, что когда умрет фараон, а Елена-аргивянка переселится вслед за ним в царство теней, он возьмет ее себе в жены? Все равно не впервые она решается на кровавое дело! Ей суждено путем преступления достигать того, чего она желает, она пойдет и теперь этим путем.

Приложив руки к двуглавой змее, опоясывавшей ее стан, царица произнесла таинственным шепотом:

— Осирис призывает тебя, Менепта! Осирис призывает тебя! Тени тех, что погибли из любви к тебе, Елена-аргивянка, собрались у ворот. Фараон, ты умрешь в эту ночь! Завтра в ночь ты, богиня красоты, перестанешь быть тем, что есть. Мужчины не могут причинить тебе вреда, но огонь не откажется отомстить за всех... А в женских руках, готовых разжечь твой похоронный костер, недостатка не будет!

Просидев еще некоторое время в глубоком раздумье, Мериамон вдруг поднялась и ударила в ладоши. Когда явились слуги, она приказала нарядить себя в лучшие царские одежды и убрала голову свою уреем, этим кольцом двуглавой змеи, знаком могущества, затем опоясала себя змеей, знаком мудрости. Потом, достав что-то из потайной шкатулки, она скрыла это у себя на груди и, блистая красотой и царственным величием, прошла в длинную залу, служившую преддверием залы пиршеств. Здесь собрались все принцы царской крови и царедворцы. Когда фараон взглянул на нее, то поразился ее красоте, и уязвленное, скорбное сердце его позабыло на мгновение все печали; он снова полюбил ее, как много лет тому назад, когда она овладела им во время игры в фигуры. Мериамон же уловила в его глазах взгляд любви, и вся накипевшая у нее на сердце ненависть всплыла со дна души, но уста ее ласково и приветливо улыбались фараону и шептали ему добрые слова. Царица сама подливала фараону вино, глаза ее сверкали все ярче и ярче, она улыбалась все приветливее и заманчивее, пока наконец фараон ничего так не желал, как только вновь насладиться ее красотой.

Когда кончился пир и все разошлись из длинной залы, служившей

преддверием зала пиршеств, в покоях фараона остались только Менепта и царица Мериамон. Он приблизился к ней и робко взял за руку, заглядывая ей в глаза. Мериамон не отдернула своей руки и не сказала ему никакого гневного слова.

Тут же на краю золотого стола лежала лютня, а также доска для фигурной игры и сами фигуры из чистого золота художественной работы, а также и кости для игры.

— Мериамон, — сказал фараон, — за эти последние пять лет мы с тобой не знали друг друга. Я потерял твою любовь одним неудачным ходом, как при игре в фигуры, дитя наше умерло, войска погибли и рассеяны; враги обступают нас со всех сторон. Теперь одна любовь осталась нам, Мериамон.

Она взглянула на него ласково, как будто скорбь и печаль смягчили ее жестокое сердце, но не сказала ни слова, и фараон продолжал:

— Может ли умершая любовь вновь ожить и воскреснуть, может ли заснувшее чувство вновь пробудиться, а разгневанная любовь — простить?

Мериамон взяла со стола лютню, и пальцы ее стали беззвучно перебирать струны.

— Я не знаю, — отвечала она, — да и кто может знать?

— Ну так вот что! Послушай! Когда-то ты выиграла у меня в фигуры корону. Не дашь ли ты мне сегодня выиграть твою любовь?

Она призадумалась на минуту, затем отвечала:

— Хорошо! Постарайся выиграть, господин: весьма возможно, что на этот раз я проиграю. Позволь мне, государь, расставить фигуры и принести тебе чашу вина.

Расставив фигуры, она перешла в другой конец залы и, взяв там с поставца большую золотую чашу, поставила ее под руку фараона. Последний был так увлечен и так озабочен ходом игры, что ни разу не притронулся к чаше. Глаза царицы горели, щеки пылали в полумраке длинной залы, освещенной только несколькими светильниками. Кругом было тихо, во дворце все спали. Счастье попеременно склонялось то на ту, то на другую сторону, наконец Мериамон проиграла, и фараон с торжеством снял фигуры с доски и, высоко подняв чашу, залпом осушил ее. «Фараон умер!» — воскликнул он, едва поставив чашу на место.

— Фараон умер! — повторила Мериамон, глядя ему прямо в глаза. Менепта побледнел, как мертвец: он знал уже этот взгляд, с которым она убила Натаску.

— Фараон умер! Великий фараон умер! — крикнула она пронзительным, шипящим голосом. — Не успеешь ты сосчитать до ста, как

истечет твой срок. Завтра ты, Менепта, будешь восседать в объятиях смерти на коленях Осириса! Умирай, фараон, умирай! Но прежде знай, что я никогда никого не любила, кроме Скитальца! Его одного я только люблю, и любовь его я украли у него своими чарами и колдовством. Я ложно обвинила его, опозорив в глазах всех. Но он вернется победителем! Это так же верно, как то, что ты завтра будешь сидеть на коленях Осириса, а он — Скиталец — будет сидеть на твоём престоле!

Менепта, услышав эти слова, собрав последние силы, поднялся и, шатаясь, стал наступать на нее, ударяя по воздуху руками. Она медленно отступала от него шаг за шагом, а он все наступал, страшный и грозный, но вдруг остановился, вскинул вверх руки и упал мертвым на мозаичный пол. Тогда Мериамон подошла и долго смотрела на него странным, загадочным взглядом.

— И это был фараон, в руках которого были сотни тысяч человеческих жизней! — прошептала она. — Ну что ж, дело сделано, и сделано хорошо! Ах, если бы еще и Елена-аргивянка лежала так же, как теперь лежит Менепта! Теперь только выполоскать чашу и скорее спать! Да, если только сон придет ко мне. Куда он бежит от меня теперь? А завтра его найдут мертвым... Что ж, цари часто так умирают!... Какой он страшный! Никогда его глаза не были так безобразны, так страшны и так отвратительны.

Солнце начинало золотить кровли храмов и дворцов, люди просыпались, спеша к своим дневным трудам. Мериамон на своем золотом ложе прислушивалась к шуму пробуждающейся во дворце жизни. Вот захлопали двери, засуетились люди; одни бежали туда, другие сюда; и вдруг раздался крик: «Фараон умер! Проснитесь! Проснитесь все, фараон умер!»

Тогда Мериамон притворилась спящей. В комнату ее вбежала прислужница и, пав на колени, сообщила ей страшную весть. Царица вскочила с постели и, едва прикрыв свою наготу, побежала со всеми своими приближенными туда, куда бежали все царедворцы и слуги.

— Кто видел этот страшный сон? — воскликнула она. — Кто смеет давать волю своему бреду?

— О, царица, то не сон, пройди в этот покой, видишь, фараон лежит мертвый, и на нем нет ни раны, ни следов борьбы!

Громко вскрикнув, Мериамон разметала волосы свои покрывалом на лицо, слезы закапали из ее глаз, при виде холодного трупа фараона она с минуту стояла над ним, точно окаменев от горя, затем кинулась на пол и, простирая вперед руки, громко воскликнула:

— Все еще проклятие тяготеет над страной Кемет и народом ее!

Видите, фараон мертв, и нет на нем следа раны. Я знаю, что он убит злобным колдовством ложной Хатхор. О супруг мой, возлюбленный супруг мой! — воскликнула она и, положив свою руку на его грудь, продолжала: — Этим мертвым сердцем твоим клянусь отомстить убийце! Возьмите эти бренные останки того, кто был величайшим из царей, оденьте в смертные одежды и посадите на колени Осириса в его храме. Затем идите по городу и возгласите народу это приказание царицы из улицы в улицу, из дома в дом, чтобы всякая женщина в Танисе, потерявшая сына, мужа, брата, жениха или возлюбленного из-за колдовства и чародейства ложной Хатхор, или бедствий, ниспосланных ею на Кемет, или в преследовании апура, которых она побудила бежать в пустыню, — пусть все они явятся с закатом солнца в храм Осириса, где я буду ждать их, и там, перед лицом самого бога и мертвого величия фараона, мы решим, как отплатить этой лже-Хатхор!

Приказание царицы было исполнено. Менепту одели в смертные одежды и посадили на колени Осириса, где он должен был оставаться один день и одну ночь. А глашатаи стали обходить город, вызывая всех женщин к закату в храм Осириса. Кроме того, Мериамон разослала рабов по двадцать человек собирать по всему городу дрова, щепки и прутья, вообще всякий горючий материал, приказав нести все это во двор, смежный с храмом Хатхор.

Между тем измученный слишком быстрым бегом верблюд жреца Реи не выдержал и на обратном пути, не достигнув города, упал и не мог уже подняться. Тогда Реи закончил путь пешком. Когда он никем не замеченный в своем нищенском рубище тихонько пробирался по улицам Таниса, его слух был поражен плачем женщин. Осведомившись у одного прохожего, какое новое несчастье обрушилось на Кемет, и узнав, что умер фараон, Реи тотчас же угадал, кто его убийца. Возмущенный старик хотел пойти прямо во дворец упрекнуть царицу и затем принять смерть от ее руки, но, подумав, поспешил туда, где он скрывался: закусив, чтобы восстановить свои силы, и сбросив с себя рубище, оделся в чистые одежды, поверх накинул старушечьё покрывало, потом смешался с толпой женщин, спешивших теперь к храму Осириса.

Солнце уже зашло, и факелы были зажжены, чтобы осветить громадный мрачный храм Осириса. Завеса святилища была задернута, а самый храм наполнило море голов с поднятыми вверх лицами. Вот двери храма закрыли и заперли на засовы, и из-за завесы раздалось: «Слушайте!»

И все смолкли. Тогда завеса святилища отдернулась, и огонь, горевший на жертвеннике, осветил каменное изображение Осириса, на коленях которого сидел мертвый фараон Менепта. Как каменная фигура

Осириса, так и покойник были запеленаты в погребальные пелены, и в руки как у одного, так и у другого были вложены скипетр, жезл и бич. Рядом со статуей Осириса стоял черный мраморный трон, на котором восседала теперь царица Мериамон во всем своем великолепии и красоте, в полном царском одеянии и двойной золотой короне Кемета, со змейкой урея на голове, с хрустальным крестом жизни в руке и в пурпурной мантии, из-под складок которой сверкали глаза змея, обвинившего ее стан.

Некоторое время она хранила молчание, затем, возвысив голос, начала:

— Женщины Таниса, пусть каждая из вас убедится в том, что в храме нет ни одного мужчины, чтобы он, увлекаемый своим безумием, не выдал ненавистной ложной Хатхор нашей тайны! Слушайте! Бедствие за бедствием обрушились на Кемет: наши первенцы убиты невидимой рукой; наши рабы ограбили нас и бежали; наши воины и колесницы поглощены волнами Черного моря; варвары, подобно саранче, унижали наши берега. И все это из-за того, что ложная богиня водворилась в Кемете. Она отнимает у нас наших мужей, сыновей, братьев, женихов, даже жрецов, служителей других богов. Все смотрят на ее красоту и идут на смерть. Не права ли я?

— Увы, царица, ты говоришь правду! — послышалось в толпе.

— Все мы страдаем из-за нее, но больше всех потерпела я. Из-за нее мой единственный сын умер, мои рабы бежали, а теперь отнят у меня и возлюбленный, незабвенный супруг! Вспомните, ведь он был ваш царь! — И Мериамон, закрыв лицо своими руками, казалось, молилась или плакала.

— Я умоляла богов, — продолжала она после некоторого молчания, — чтобы они открыли нам через мертвые уста фараона, из-за кого мы страдаем, и боги обещали мне дать ответ, такой ответ, который убедил бы всех нас!

С этими словами Мериамон, привстав со своего трона, обратилась к мертвецу, сидевшему на коленях Осириса:

— Умерший фараон! Великий Осирис! Владыка преисподней, первейший из сонмища мертвых, услышь меня и прояви себя через уста того, кто был велик на земле! Проговори его устами языком смертных, чтобы эти женщины могли слышать и понять слово твое. Скажи, кто источник всех наших бедствий? Скажи нам, царь умерших, ты, живущий вечно!

И вот пламя на жертвеннике вдруг погасло, и воцарилось гробовое молчание; мрак окутал святилище, темную статую Осириса и белевшее во мраке мертвое лицо фараона. Затем пламя вдруг вспыхнуло, словно молния, и осветило лицо мертвеца; губы его шевельнулись, и послышался

замогильный, сиплый голос, произнесший эти слова: «Та, которая была проклятием ахейн, роком Илиона; та, что восседает теперь в храме Хатхор, которой ни один мужчина не может нанести вреда и перед которой все они бессильны, — она призывает гнев богов на страну Кемет и ее народ. Я сказал».

Последние отзвуки этих слов замерли среди мертвой тишины и безмолвия храма; суеверный страх охватил всех собравшихся здесь женщин при звуках голоса мертвеца, так что многие попадали ниц, а другие закрывали лицо руками, чтобы не видеть и не слышать.

— Слышите, сестры! — воскликнула Мериамон. — Поспешим же к храму Хатхор! Вы знаете теперь, кто источник всех ваших бедствий! Мужчины бессильны против нее, но мы не просим их помощи и не нуждаемся в ней, так как все они ее рабы. Мы сами избавим себя от нее; у нас хватит силы и Мужества забыть нашу женскую кротость и мягкость и вырвать с корнем эту тлетворную красоту из родной страны! Пойдем и сожжем храм Хатхор, тогда жрецы ее погибнут у алтарей, а красота этой ложной богини растает, как воск в горниле, от пламени нашей ненависти! Скажите, сестры, дочери Кемета, готовы ли вы идти за мной и выместить наши слезы и наш позор на этой бесстыдной, ложной Хатхор, наши бедствия и горе — на источнике всех этих бедствий и горя, наших убитых — на убийце?

Тысячи женских голосов ответили ей в один голос, слившийся в один протяжный крик ярости:

— Готовы, Мериамон! Готовы идти за тобой все до одной! Веди нас к святилищу Хатхор! Тащите огонь! Идем, идем к святилищу!

XXV. Сожжение святилища

Реи-жрец все слышал и, прокравшись сквозь обезумевшую от бешенства толпу женщин, побежал из храма, мучимый страхом и стыдом. Он хорошо знал, что фараон умер от руки не Хатхор, а самой царицы Мериамон; знал, что не бог говорил мертвыми устами Менепты, а колдовство той, которая была искуснее и опытнее всех женщин в чародействе и познании змея; знал, что Мериамон хочет уничтожить Хатхор по той же причине, по какой она отравила фараона: чтобы стать женой Скитальца!

Реи был человек богобоязненный и справедливый, и сердце его горело от боли при сознании развращенности и зла той, которую он с раннего детства любил, как родное дитя. Он поклялся в душе, если только успеет, предостеречь Елену, передать ей все, что поручил сказать ей Скиталец, и рассказать обо всем, что натворила Мериамон. Старые ноги его заплетались, до того он спешил; наконец, едва переводя дух, добежал он до храма Хатхор.

— Что тебе надо, старуха? — спросил его жрец, охранявший ворота.

— Пропусти меня к бессмертной Хатхор!

— Ни одна женщина никогда не переступала этого порога и не старалась увидеть Хатхор!

Но Реи поспешил сделать жрецу таинственный условный знак посвященных в сокровенные тайны познания истины, и тот пропустил его, немало удивленный, что женщина могла принадлежать к их числу.

Благополучно пройдя и через внутренние двери храма, Реи очутился перед дверью алебастрового святилища, освещенного изнутри. Осторожно и робко приподняв бронзовую щеколду, он вошел в святилище, шепча молитву, чтобы не быть сраженным невидимыми мечами, и вот достиг наконец самой завесы. На этот раз оттуда не доносились звуки песни Хатхор. Когда Реи, раздвинув слегка завесу, очутился в святая святых храма, то увидел богиню, сидевшую не за своей обычной пряжей, а печально опустившую руки на колени и, по-видимому, далеко уносившуюся в мечтах. Она даже не заметила его прихода, и, только когда Реи, приблизившись к ней, пал пред нею на колени и распростерся на земле, Елена очнулась и спросила его:

— Кто ты, нарушивший в такой неурочный час мое уединение? Неужели ты в самом деле женщина и пришла ко мне, смертельному врагу

всех женщин?

— Я не женщина, Бессмертная Царица! Я старый жрец Реи, которого ты, может быть, помнишь? Я осмелился нарушить твоё уединение, чтобы предупредить тебя о грозящей опасности от руки царицы Мериамон, а также передать тебе то, что мне поручил тот, кого мы здесь называли Скитальцем.

— Ты сейчас назвал меня бессмертной, Реи! Как же может грозить мне опасность, мне, против которой бессильны все люди и даже сама смерть? Увы, я не могу умереть, прежде чем не настанет конец вселенной, конец всему! Но скажи мне о том изменнике, о том неверном, которого ты называешь Скитальцем.

— Он не изменник и не неверный, как ты называешь его, госпожа, а несчастный, обойденный, замороженный человек! Послушай меня, и я расскажу тебе все, как было.

И Реи рассказал Елене все, что ему поручил сказать ей Скиталец: как Мериамон обольстила его в её образе и обманом завладела им, заставив его поклясться змеем, когда он должен был клясться звездой; что он сделал, когда узнал правду; как царица оклеветала его, как стражи и евнухи одолели его; как он лежал на одре мучений и был спасён царицей и отправлен начальствовать над войском фараона.

Елена слушала его, не прерывая.

— Воистину, — сказала она, когда Реи смолк, — ты радостный вестник, Реи! Теперь, узнав от тебя обо всём, я прощаю ему, но за то, что он поклялся змеем, никогда в этой жизни он не назовет меня своей. Но мы с тобой последуем за ним... Слышишь, Реи, что это за крики?

— Это царица Мериамон и женщины Таниса пришли жечь храм и твоё святилище. Она убила фараона, чтобы овладеть Скитальцем, и хочет уничтожить и тебя! Беги, госпожа, беги!

— Нет, Реи, мне бежать и спасаться незачем! Пусть она сделает своё преступное дело, а ты беги и скажи всем служителям моим и жрецам, чтобы они следовали за тобой. Беги, смешайся с толпой и жди меня. Я выйду, и тогда мы устремимся с тобой за Скитальцем, как я сказала тебе. Спешите же, Реи, спешите!

И Реи побежал. У входа в святилище толпились жрецы и служители Хатхор.

— Бегите! — крикнул им Реи. — Женщины Таниса осаждают храм и хотят сжечь его, умоляю вас, бегите!

— Эта старая бабка помешалась! — проговорил один из них. — Мы — хранители Хатхор, и пусть сюда ворвутся все женщины мира, мы не можем

бежать!

Между тем Реи был уже за воротами храма и притаился в тени выступа его наружных стен.

Ночь была темная, но со всех концов города, со всех сторон стекались к храму тысячи огней; все ближе и ближе становились они, словно фонарики на водах Сихора в ночь празднества фонарей. То были полчища женщин с факелами в руках, а за ними двигались кони, ослы и мулы, нагруженные сухим хворостом, тростником, дровами. Во главе их ехала на своей колеснице царица Мериамон. У ворот храма она сошла с колесницы и громко крикнула жрецам, чтобы они раскрыли их.

— Кто ты такая, что осмеливаешься идти с огнем против священного храма Хатхор? — спросил хранитель врат.

— Я — Мериамон, царица Кемета, пришла сюда с женщинами Таниса убить эту лиходейку, колдунью, которую ты охраняешь. Отопри ворота настезь или умри вместе с ней!

— Если ты в самом деле царица, — сказал жрец, — то наша царица больше тебя! Уходи назад, Мериамон, осмелившаяся восстать на святыню бессмертных богов. Уходи, говорю тебе, не то проклятие поразит тебя!

— Эй, женщины, налегайте на ворота, взломайте их! Ну, дружнее и растерзайте дерзнувшего послушаться меня! — крикнула Мериамон толпе; та с криком выломала ворота и неудержимым потоком ворвалась в храм; там женщины схватили жреца и разорвали его на части, как собаки раздирают загнанного волка.

— Не троньте этих дверей, лучше несите сюда хворост и дрова и поливайте горючим маслом! Так, выше, выше и больше! — приказывала царица.

Женщины валили солому, тростник и щепки до высоты двойного роста человека, затем стали кидать в них зажженные факелы с диким криком бешенства и торжества.

Пламя объяло все святилище со всех сторон, огненные языки его стали лизать белые стены, которые от огня становились еще белее. Вскоре все превратилось в пылающий костер; кровля святилища готова была уже обрушиться; пламя бушевало так, что никто из женщин не мог приблизиться к нему. Все они торжествовали, зная, что теперь ложной Хатхор пришел конец.

— Мы сделали то, что задумали, колдунья сгорела! — воскликнула царица Мериамон.

Но не успел еще этот ликующий ее крик замереть в воздухе, как громадное пламя вырвалось из расплавившихся золотых дверей святилища

и длинными огненными языками метнулось на толпу, охватив группу поджигательниц, которые тут же превратились в черные головни. А в дверях святилища, вся объятая пламенем, стояла спокойная и невозмутимая златокудрая Елена, даже белого одеяния ее не касался огонь, ни лица, ни золотистых распущенных кудрей. Среди пламени по-прежнему горела и искрилась на ее груди багрово-красная звезда. Все женщины при виде этого чуда в испуге отпрянули назад, кроме царицы Мериамон. Елена же, стоя среди облака пламени, тихо пела, и нежный голос ее покрывал шум и вой пожара. Она пела о любви и красоте бесподобной, которую ищут все мужчины в каждой женщине, но никогда не находят, и о бесконечных войнах из-за нее между женщиной и мужчиной.

Затем чаровница медленно, царственной поступью вышла из храма и направилась к воротам, окруженная облаком пламени. Женщины закрывали глаза, когда она проходила мимо них, ослепленные яркостью пламени и блеском ее красоты, и отступали назад, хотя и она принуждена была прикрыть глаза рукой.

Теперь Елена смолкла и дошла уже до внешних ворот храма, у которых стояла колесница царицы Мериамон. Здесь Елена воскликнула громким голосом, так, что царица, шедшая за ней следом, услышала каждое слово:

— Реи, подойди сюда ко мне и не бойся. Подойди ко мне, чтобы мы вместе с тобой понесли по стопам Скитальца. Иди сюда, нам надо спешить, так как великий герой накануне своей последней битвы, а я желаю приветствовать его прежде, чем он умрет!

Реи услышал ее голос и приблизился к ней, срывая с себя впотьмах свое женское одеяние, под которым на нем была одежда жреца. Когда он подошел к ней, пламя, окружавшее ее, взвилось кверху, точно огненный плащ, и исчезло в ночном небе, а она протянула ему свою руку со словами:

— Подсади меня на эту колесницу, Реи, и умчимся отсюда! Старик послушно исполнил ее приказание, затем сам сел подле

нее, взяв вожжи и крикнув на коней. Те рванулись вперед, помчались, как вихрь, на виду у всех и, прежде чем кто-либо мог очнуться, скрылись из глаз во мраке ночи.

XXVI. Последний бой Одиссея

Полчища фараона выступили из города Оп. Перед выступлением все военачальники собрались к Скитальцу и согласно приказанию фараона принесли ему присягу в том, что беспрекословно пойдут за ним всюду, куда он их поведет, и будут во всем повиноваться ему на поле битвы. Затем ему принесли большой черный лук, несколько колчанов со стрелами и его чудный меч, дар Эвриала. Сердце Скитальца возрадовалось при виде всего этого оружия. Сев на бронзовую колесницу, приготовленную для него, Скиталец подал знак выступать в поход.

Всю ночь фараоновы полчища шли ускоренным маршем и на рассвете разбили лагерь под прикрытием длинного песчаного холма. Когда же взошло солнце, Скиталец с несколькими военачальниками взошел на вершину холма и оттуда стал обозревать всю местность. Как раз перед ним тянулось то ущелье, тот узкий горный проход, о котором говорил ему Реи и через который пролегал путь. Миновать или обойти его не было никакой возможности, так как кругом отвесные скалы спускались в реку. Тогда Скиталец сошел с холма и, пока воины его варили пищу, быстро промчался на колеснице в самый дальний конец ущелья и оттуда окинул глазом весь неприятельский лагерь.

Такого войска Скиталец еще никогда не видел. Каждый народ расположился особо; в центре каждого лагеря виднелась ставка царственного вождя. Каждый из них привел с собой до двадцати тысяч воинов, так что вся равнина сверкала копьями, а за щетинистой стеной их на реке виднелись величественные очертания бесконечного ряда ахейских судов.

Повернув коней, Скиталец возвратился назад к полчищам фараона, хотя их сравнительно было мало: двенадцать тысяч копейщиков, девять тысяч стрелков, две тысячи конницы и триста колесниц. Однако душе Скитальца были неведомы робость и уныние. Он объехал ряды войск, увещевая не падать духом и сражаться подобно львам, так как в этот день им суждено было стереть с лица родной земли даже самый след неприятеля. В то время как он говорил им это, справа сорвался с облаков громадный сокол и в воздухе одним ударом своего железного клюва убил мелкую птицу. Полчища фараона радостно приветствовали эту победу священной птицы Кемета, посвященной богу Ра, видя в этом счастливое предзнаменование; Скиталец тоже был рад и воскликнул: «Так и вы

победите и уничтожите врага!»

Затем Скиталец созвал военачальников на совет и отправил нескольких надежных людей во вражеский лагерь на разведку, чтобы они под видом перебежчиков распространили среди неприятеля слух, что войско фараона малочисленно и утрачено грозными вражескими полчищами, а потому не решается выйти им навстречу и поджидает их под прикрытием песчаных холмов по эту сторону горного прохода.

Начальникам стрелков Скиталец приказал расположить всех своих людей в засаде в скалах и в кустах по обе стороны ущелья и выжидать, пока ему не удастся заманить в него врагов, а при устье ущелья с этой стороны он приказал расположить часть копейщиков, конницу же оставил под прикрытием песчаного холма.

Когда засады были приготовлены и почти все войско, кроме конницы, встали на свои места, явились разведчики, сообщившие, что неприятельские полчища уже выступили из лагеря, а хеяне же остались охранять лагерь и суда. Тогда Скиталец приказал своей коннице выехать через ущелье на равнину навстречу неприятелю, а при нападении отступить, затем после вторичного натиска, как бы не выдержав напора врага, бежать перед ним через ущелье, причем сам Скиталец брался руководить этим мнимым бегством, предводительствуя всадниками со своей колесницы.

Колесницы фараона выехали из ущелья на равнину и там построились в боевом порядке. Неприятель надвигался, сверкая лесом копий на солнце, конницы у него было немного, но колесниц, копейщиков, меченосцев и пращников — великое множество. Они надвигались, каждый народ отдельно; посреди полчищ на золотой колеснице восседал царь этого народа с женщинами, евнухами и рабами, державшими опахала под шелковыми навесами, защищавшими их от солнца.

Скиталец как будто прятался за своей конницей, но вот он выслал гонца с приказанием ее военачальникам сделать нападение на первый неприятельский отряд, но сражаться вяло, затем, как только они увидят, что он повернул коней своей колесницы и помчался через ущелье, бежать за ним, но так, чтобы враг мог преследовать их по пятам.

Так военачальники наемной конницы фараона и поступили. Первая их атака была отбита, и они отступили, затем атаковали снова, но не выдержали натиска и бежали, преследуемые по пятам неприятелем, который гнался за ними с диким криком торжества.

Скиталец, несшийся впереди своей конницы, оглянулся и засмеялся злорадным смехом; когда все ущелье было занято сплошь неприятелем, он

встал и подал условный знак своим стрелкам. В один миг град камней и стрел затмил свет солнца. Неприятель первое время старался сохранять порядок, но раненые и взбешенные кони колесниц давили и топтали людей, а град стрел не переставал сыпаться со всех сторон. Обезумев от ужаса, одни теснились вперед, другие пытались бежать назад и всюду гибли тысячами, пока наконец неприятельские полчища, разбитые и разрозненные, в беспорядке не стали отступать обратно на равнину. Тогда мощным голосом Скиталец скомандовал своей коннице атаковать бегущего неприятеля. Все колесницы, находившиеся в резерве под прикрытием, теперь тоже ударили на врага и, следуя за Скитальцем, стали преследовать его.

В числе тех, которые еще не успели выйти из устья ущелья, был царь Лику на своей колеснице. Это был громадного роста чернобородый мужчина ужасного вида. Скиталец, натянув свой лук, пустил в него стрелу, и царь упал мертвым со своей колесницы. Тогда его полчища, успевшие выбраться из засады, бросились бежать, но колесница Скитальца врезалась в их ряды, а за ней и всадники его, за всадниками — колесницы фараона, и вскоре от всего неприятельского войска остались жалкие остатки, да и те, объятые страхом и ужасом, бежали. Вся равнина чернела бегущими людьми, остатками полчищ различных народов.

Грозных союзников осталось теперь всего не более каких-нибудь двадцати тысяч. Зато ахейне сплошными рядами стеной стояли на страже своих судов и лагеря. Скиталец собрал своих стрелков, копейщиков и колесницы и выстроил их снова в боевом порядке, предоставив одной коннице преследовать бегущих.

Медленно и не торопясь подвел Скиталец свои войска и остановил на расстоянии двух выстрелов от неприятельского лагеря, расположенного в виде лука, тетивой которого явился Сихор. Весь лагерь был окружен глубокими рвами и земляными валами.

Скиталец отправил глашатая, предлагая тем, кто укрывался в стенах лагеря, сдаться, но те, чувствуя себя в достаточной безопасности, отвергли это предложение с бешенством; кроме того, они успели заметить, что по численности своей не уступали войскам фараона.

Тогда Скиталец разделил свое войско на три корпуса и приказал двум из них атаковать неприятельский лагерь с левой и с правой стороны одновременно, с третьим же отрядом, которым командовал лично, остался против средних ворот лагеря, рассчитывая улучшить удобную минуту, чтобы ворваться в него.

По его команде войска фараона атаковали лагерь одновременно с двух

сторон, но их встретили градом стрел и копий, так что они принуждены были отступить. Скиталец вторично послал их в атаку; на этот раз они пробили себе дорогу с правого фланга и ворвались в лагерь. Тогда охранявшие главные ворота устремились туда, чтобы оттеснить фараонову пехоту, а Скиталец, воспользовавшись этим, приказал своим людям дышлами колесниц выломать ворота, и сам первый ворвался в лагерь на своей колеснице. Но в этот момент наемные войска фараона были вытеснены из лагеря на правом фланге, атаковавшие левый фланг были вновь отбиты и бежали. Те же, которыми предводительствовал сам Скиталец и которые должны были ворваться в лагерь вслед за ним, немного замешкались. В это время ворота хлопнулись, и сильный отряд неприятеля преградил доступ в лагерь, так что Скиталец оказался в нем один. Но он не смутился: сердце его не знало страха. Бросив золотой щит на дно бронзовой колесницы, он натянул свой лук и, громко крикнув вознице, чтобы он несся вперед, ни на минуту не останавливаясь, стал пускать одну стрелу за другой. Каждая из них несла смерть.

Враги с удивлением смотрели на Скитальца, колесница которого носилась взад и вперед. Всех сражали его стрелы, а стрелы его врагов, точно щепки, отскакивали от его золотых доспехов, не причиняя ему вреда. В недоумении, пораженные его мужеством и красотой, враги восклицали, что это бог войны, явившийся сражаться за сынов Кемета, и бежали от него.

Но вот кем-то брошенный камень угодил между глаз его вознице, и тот пал мертвым с колесницы; вожжи разметались по ветру, а кони, почуяв, что остались без управления, стали беспорядочно метаться во все стороны. Затем, прежде чем Скиталец успел подобрать вожжи, чье-то копьё пронзило сердце одного из сто коней, и тот пал мертвым. Тогда смелость вернулась к врагам, и они набросились на мертвого возницу, чтобы похитить его золотые запястья и украшения, но это не удалось им. Скиталец соскочил с колесницы и встал над телом убитого с поднятым щитом и копьем.

Вдруг среди обступившей его со всех сторон толпы произошло движение; он оглянулся и над морем шлемов и султанов, над стеной щитов увидел обнаженную златокудрую голову человека, который был на полторы головы выше остальных, даже самых высоких из них. На нем не было ни шлема, ни щита, ни доспехов. Но тело его было изукрашено синими рисунками, изображающими людей, коней, змей и морских чудовищ. На плечи была накинута шкура белого медведя, скрепленная золотым аграфом, изображающим дикого вепря. Голубые холодные глаза его смотрели злобно

и жестоко, а в руке вместо всякого другого оружия был ствол молодой сосны, на котором был укреплен тяжелый каменный топор.

— Расступитесь! — кричал он. — Расступись, жалкая мелкая сошка, и дайте человеку подойти, чтобы померяться силой со своим врагом.

И все расступились, встав кругом, великан выступил вперед, и толпа безмолвно приготовилась присутствовать при единоборстве.

— Кто ты такой? — спросил великан пренебрежительно. — И откуда родом?

— Меня звали Одиссеем, громителем городов, сыном Лаэрта, князем ахейн, — отвечал Скиталец. — Скажи же и ты, кто ты такой и откуда родом?

— Лестригонами и симмерианами зовут нас люди; родина моя — страна бессолнечной зимы и безночного лета, городов мы не знаем, а живем в темном сосновом бору. Зовут меня Вольф, сын Людоеда!

С этими словами он с диким криком устремился на Скитальца и занес над его головой тяжелый топор, готовый уложить его одним ударом на месте.

Но пока великан говорил, Скиталец незаметно встал так, чтобы солнце ударяло его противнику прямо в лицо, и в тот момент, когда могучий чужестранец устремился на него, Скиталец неожиданно поднял свой блестящий золотой щит, и солнце, ударив в него, ослепило его противника так, что тот уже не видел, куда попал его удар. Скиталец же в это самое время ударил изо всей силы мечом по локтевому суставу правой руки великана. Удар его был так силен, что рука вместе с тяжелым топором упала к ногам гиганта; даже сам бронзовый меч Одиссея не выдержал, и лезвие его отскочило от рукоятки слоновой кости.

— Почувствовал ли ты что-нибудь, Людоед? — спросил его Одиссей.

Но великан подхватил в левую руку свой топор, оторвал зубами вцепившиеся в топорище пальцы отрубленной руки и с пенящимися от бешенства устами, с громким, диким ревом накинудся на Скитальца и нанес ему страшный удар по голове. Этим ударом он выбил у него щит и продавил его золотой шлем, так что Скиталец, пошатнувшись, упал на одно колено, в глазах у него потемнело. Но в этот момент рука его оперлась на большой камень, так как место это, где происходило единоборство, было священным местом, на котором некогда стоял храм, разрушенный еще до царствования фараона Менеса. Скиталец обеими руками ухватил этот камень, который оказался базальтовой головой разбитой статуи какого-то бога или человека. Сильным движением он поднял эту голову, и, прежде чем на него упал второй удар каменного топора великана, швырнул ее

прямо в грудь гиганта, который отшатнулся назад и упал, как срубленное топором дерево, без стопа и без звука, с проломленной грудью. Вместе с темной кровавой пеной, выступившей у него на устах, жизнь покинула его тело.

Тогда вся толпа врагов, стоявшая и смотревшая на это единоборство, в ужасе отступила еще дальше, а Скиталец засмеялся, как бог, радуясь этому последнему богатырскому удару Одиссея, разрушителя городов.

XXVII. До тех пор, когда Одиссей вернется

Скиталец рассмеялся, как бог, хотя он знал, что его конец близок, а враги в неприятельском лагере и друзья вне его смотрели на него и дивились ему.

— Убейте! Убейте его! — кричали враги на разных языках, но никто не осмеливался подступиться к нему и поднять на него руку.

— Пощадите его, пощадите его! — восклицали ахейцы, следившие за его единоборством издали, из-за внутренней второй стены, так как они еще не принимали участия в бою, а стояли на страже своих судов.

— Выручайте его! Выручайте! — призывали военачальники фараоновых полчищ, но никто не пытался ворваться в лагерь. Вдруг громкий крик ужаса и недоумения раздался в рядах фараоновых войск; мало-помалу крик этот перешел в слово «Хатхор!»

— Хатхор! Хатхор! Смотрите, сама Хатхор мчится сюда!

Скиталец обернулся и увидел золотую колесницу, запряженную парой молочно-белых коней в мыле и кровавой пене, мчавшихся с быстротой вихря с песчаного холма к воротам лагеря. Маленький, сморщенный старичок правил конями, перегнувшись вперед; рядом с ним стояла на колеснице златокудрая Елена, багрово-красная звезда горела у нее на груди, а воздушные белые одежды развевались по ветру, окутывая прозрачным облаком ее стан. Глаза ее смотрели вперед, как бы ища кого-то. Вот она увидела Одиссея, окруженного врагами, и крик радости вырвался из ее груди. Она сорвала с лица своего покрывало, и блеск красоты ее ослепил всех, как ослепляет внезапно выглянувшее из-за тучи полуденное солнце. Она рукой указала на ворота укрепленного лагеря и приказала полчищам фараона следовать за собой. С громким криком люди помчались вслед за ее золотой колесницей, так как куда бы ни вела их Елена, все мужчины должны были следовать за ней по воле и против своей воли, на жизнь и на смерть, на радость и на гибель. Те, кто защищал ворота, при виде красоты женщины, несшейся на них в своей колеснице, точно обезумели и на разных языках кричали, что богиня любви явилась спасти бога войны, и в страхе бежали в разные стороны, закрывая глаза руками, или стояли, как остолбенелые, опьянев от вида красоты. Между тем колесница ворвалась в лагерь, давя людей на своем пути, а за ней, подобно неудержимому потоку, ворвались и полчища фараона. Поравнявшись с колесницей Скитальца, Реи осадил лошадей, и герой с криком радости вскочил в колесницу Елены-

аргивянки.

— Неужели это ты явилась сюда, чтобы быть со мной в этот последний мой час? — прошептал он ей. — Неужели ты в самом деле та, которую я одну люблю, Елена-аргивянка, или я опьянел от вида крови, ослеплен блеском мечей и щитов и предо мной видение осужденного на смерть человека?

— Нет, Одиссей, это я сама; я узнала всю правду и простила тебе твою вину. Но за то, что ты забыл слова богини и поклялся змеем, когда должен был клясться звездой, ты в этой жизни никогда не назовешь меня своей. Ведь это твой последний бой, Одиссей! Смотри, полчища фараона ждут твоего слова, веди их на врага и стяжай в последний раз бессмертную славу!

Повинуясь мановению руки Скитальца, военачальники фараона повели своих людей, и те, как морской прилив, гонимый сильным ветром, устремились на врагов и, подобно лавине, поглощали их полчища одно за другим. И всюду впереди неслась золотая колесница, запряженная молочно-белыми конями; багрово-красная звезда на груди Елены служила путеводной звездой полчищам фараона, и всюду впереди блестели золотые доспехи и шлем Скитальца.

Скоро от всех девяти народов, приведших сюда свои полчища, не осталось уже никого. Воины фараона стояли теперь у стен лагеря ахейн, охранявших свои суда и с удивлением взиравших на необычайное зрелище.

— Кто это? — воскликнул один из ахейн. — Кто ведет против нас полчища фараона — в золотых доспехах, скованных по образцу наших?

— Такие доспехи я знавал когда-то, и такой же человек имел их на себе! Эти доспехи — точно доспехи Париса, сына Приама, но его давно уже нет в живых! — проговорил один престарелый воин.

— А кто она, эта златокудрая женщина, на груди которой горит и искрится багрово-красная звезда, красавица, которая поет сладкозвучные песни в то время, когда кругом нее умирают люди?

И снова отвечал тот же престарелый воин:

— Таковую красоту я когда-то видел, и так же она певала тогда; та же звезда блистала у нее на груди. То была Елена-аргивянка, из-за красоты которой мир омрачился от смерти и захлебнулся в крови, но Елена-аргивянка давно умерла!

Между тем Скиталец взглянул на ахейн и на знакомые девизы на щитах тех воинов, отцы которых сражались с ним бок о бок под стенами Илиона, и при мысли о том, что он должен вести против них полки фараона, на душе у него стало так горько, что он заплакал.

— Не плачь, Одиссей, — промолвила Елена, — так предначертано тебе судьбой, и против нее ты бессилён! Веди на них полчища фараона, так как от них, от ахеев, тебе суждено принять смерть!

С тяжелым сердцем двинул Скиталец своих людей на ахеев и сам устремился на них на своей колеснице, но ни одной стрелы не пустил он в них, а их стрелы отскакивали от его золотых доспехов. Реи и Елена также оставались неуязвимы, хотя кругом их смерть разила людей. Пока кипел бой, Реи рассказал Скитальцу о смерти фараона, о сожжении храма Хатхор, о бегстве Елены. Скиталец, выслушав его, заметил:

— Пора кончать, Реи! Мериамон скоро явится сюда разыскивать нас, а мне думается, что я оставил по себе заметный след! — И он указал рукой на груды тел, отмечавших его путь.

Между тем престарелый ахеевлянин пустил стрелу в стоявших в колеснице, но стрела, едва коснувшись груди Елены, вдруг избрала иное направление, не причинив ей ни малейшего вреда; пораженный этим чудом, он не спускал с нее глаз. Вдруг Елена подняла голову и взглянула прямо ему в лицо, и в этот момент он узнал ее, узнал в ней ту Елену-аргивянку, которую не раз видел во время осады Трои.

Теперь он узнал и доспехи Скитальца и, объятый ужасом, громко крикнул своим:

— Спасайтесь, ахеевляне! Бегите! Бегите скорее к своим судам, бегите из этой проклятой страны! Там, на золотой колеснице, стоят Елена-аргивянка, давно умершая, и с ней Парис, сын Приама, явившийся сюда отомстить за бедствия Илиона сынам тех, кто навлек на него эти бедствия! Бегите, пока рок не сразил вас!

Паника охватила вдруг ахеевлян, когда отряд за отрядом передавал друг другу слова престарелого воина, знававшего некогда Париса и Елену. С минуту ахеевляне как бы застыли в недоумении, словно овцы при виде подкрадывающегося к ним волка, затем, покинув стены, побежали к своим судам.

Воины фараона, взбежав на стены, ворвались в их укрепленный лагерь и кинулись преследовать их вплоть до самых кораблей. Однако многие из них были преданы огню; зарево пожара осветило поле битвы, но некоторые суда успели выйти на середину реки и, держа весла наготове, ожидали, чем кончится сражение.

Солнце уже зашло. На поле сражения спустился мрак, так что люди едва могли видеть друг друга. Скиталец, стоя на своей колеснице на берегу, следил за ходом битвы — он был утомлен и измучен.

Вот и последнее судно оттолкнулось от берега. На суше уже не

оставалось более врагов. На этом корабле стоял юноша, рослый, красивый, могучий и отважный. Одиссей, глядя на него, решил, что из всех ахейян это первый воин, так как он один долго удерживал врага, пока товарищи его спускали на воду судно и готовились отчалить.

Теперь он стоял на корме судна и, увидев отблеск зарева горящих кораблей на золотых доспехах Скитальца и на золотом его шлеме, натянул свой лук и пустил стрелу, крикнув ей вслед:

— Прими подарок, дух Париса, от Телегона, сына Цирцеи и Одиссея, врага Париса!

Едва эти слова коснулись слуха Одиссея и Елены, как предназначенная богами стрела вонзилась в грудь Скитальца, сразив его насмерть. Тогда Одиссей понял, что судьба его свершилась и что смерть пришла к нему с воды, как то было предсказано. Обессилев, он выронил свой щит и черный лук, однако у героя осталось еще сил крикнуть:

— О Телегон, сын Цирцеи, какой грех совершил ты перед жестокими богами, чтобы такое тяжкое проклятие пало на твою голову? Ведь ты убил того, кто породил тебя! Слушай меня, сын Цирцеи! Я не Парис, а Одиссей из Итаки, которому ты с воды послал смерть, как мне было предсказано.

Телегон, услышав эти слова и узнав, что он убил своего отца, знаменитого и прославленного Одиссея, которого он искал по всему свету, от скорби хотел было броситься в реку и утопиться, но товарищи силой удержали его от этого. Так суждено было Телегону богами увидеть отца в первый и последний раз в своей жизни и услышать голос его тоже в первый и последний раз. Когда ахейяне узнали, что то был исчезнувший Одиссей, который предводительствовал войском фараона против десяти народов, в том числе и против них, то не стали более удивляться его военному искусству и его мужеству в бою.

Тем временем колесница царицы Мериамон, пустившейся в погоню за Еленой-аргивянкой, уже была близко. Утопая в крови убитых, по телам их неслась она к стенам неприятельского лагеря. Но и здесь ее встречали одни мертвецы, а вместо огней освещало поле сражения зарево догоравших кораблей ахейян. И воскликнула Мериамон:

— Воистину фараон поумнел перед смертью, так как только один человек в мире мог с таким малочисленным войском одержать такую громадную победу! Скиталец спас царство и корону Кемета, и она по праву должна принадлежать ему! Клянусь Осирисом!

Теперь колесница Мериамон выехала во внутренний двор укрепленного лагеря ахейян, и здесь воины фараона приветствовали ее громкими криками. Между тем Скиталец умирал на берегу реки, озаренной

пламенем пожара догоравших кораблей. Елена склонилась над ним, а багрово-красная звезда на ее груди роняла свой отблеск на чело умирающего героя.

— Что значат эти крики? — спросил Одиссей, приподняв голову.

— Они приветствуют царицу Мериамон! — ответил ему Реи.

Мериамон, сойдя со своей колесницы, прошла сквозь ряды расступившихся перед нею солдат, склонявшихся перед ее царским величием, прошла к тому месту, где лежал умирающий Скиталец. Долго она стояла над ним в полном безмолвии. Наконец Одиссей поднял голову и проговорил слабым, угасающим голосом:

— Привет тебе, царица! Видишь, я исполнил поручение фараона: страна Кемет свободна от врагов. Где фараон, чтобы я мог отдать ему отчет во всем прежде, чем умру?

— Фараон умер, Одиссей, — отвечала царица, — а ты живи и будь сам фараоном!

— Ах, царица Мериамон, я знаю все! Да, фараон умер, умер от твоей руки, потому что ты желала овладеть мною, но мной овладела смерть. Тяжким гнетом ляжет на тебя кровь фараона в той стране, куда я теперь иду и куда и ты вскоре последуешь за мной. Ты хотела умертвить Елену, но злоба твоя оказалась бессильной против ее бессмертия. А я умираю, и вот конец всей этой любви и ненависти, борьбы и скитаний.

Мериамон стояла молча, сердце ее надорвалось от горя, она забыла даже свой гнев на Реи и Елену.

Тогда вместо нее заговорила Елена:

— Ты умираешь, Одиссей, но только на короткое время, ты придешь вновь и найдешь меня ожидающей тебя!

— И я тоже вернусь, Одиссей! — воскликнула царица. — И ты будешь любим, и под крылом у истины мы вновь встретимся с тобой.

— Там и в других местах мы будем вновь встречаться, а пока прощай, Елена! Я погрешил против тебя, но тебя одну я любил и люблю...

— Ты найдешь меня по ту сторону врат заката! — сказала Елена и, склонившись к нему, заключила его в свои объятия. Вдруг голова героя откинулась назад, и он умер, умер на груди у Мечты Мира. Так исполнилась клятва Идалийской Афродиты, и так возлежал наконец Одиссей в объятиях златокудрой Елены-аргивянки.

А царица Мериамон била себя в грудь, губы ее побелели от злобы. Но Елена поднялась и, стоя в головах у Скитальца, тогда как Мериамон стояла у него в ногах, сказала ласково и спокойно:

— Сестра моя, ты видишь, теперь конец всему. Тот, кого мы любили,

потерян для нас. Что же ты выиграла всеми твоими преступлениями? Не смотри на меня так гневно! Ведь ты не можешь ничего предпринять против меня, как и я не могу, да и не хочу причинять тебе никакого зла. Но ты, ты вечно будешь ненавидеть меня, которая ненависти к тебе не питает. И так все будет до тех пор, пока ты не научишься любить меня, а до того преступление и грех будут твоим уделом!

Но Мериамон и на это не сказала ни слова. Тогда Елена обратилась к Реи и шепотом приказала ему что-то, и он в слезах пошел исполнять ее приказания. Вскоре он вернулся, и с ним множество воинов. Они принялись сооружать громаднейший костер из добычи, оставшейся после неприятеля. Когда все было готово, солдаты подняли тело Одиссея на руки и возложили его на вершину костра, а на грудь положили его большой черный лук, дар Эврита. Затем по слову Елены Реи взял факел и зажег костер. Мериамон стояла все время тут же, неподвижная и безмолвная, точно каменное изваяние.

Вот пламя охватило костер. Вдруг Мериамон, громко вскрикнув, сорвала золотую двуглавую змею, обхватывающую ее стан, и швырнула ее в огонь.

— Из огня ты явилось, Первородное Зло, — воскликнула она на языке мертвого народа, — и в огонь возвратись, ложный советник!

А Реи ответил на том же языке:

— Дурно ты поступила, царица, что отогрела змею у себя на груди. Теперь где будет змея, там будешь и ты!

При этих словах лицо Мериамон вдруг стало мертвенно-неподвижным, какая-то невидимая сила стала медленно притягивать ее к костру. Вот уже пламя коснулось ее, и с громким воплем отчаяния она упала в костер на грудь Одиссея. Змея ожила в огне и стала расти и обвилась своими мощными кольцами вокруг тела Мериамон и вокруг тела Скитальца и, подняв голову, злобно захохотала.

В тот же момент костер рухнул, царицу Мериамон, Скитальца и змею — всех поглотило пламя.

Еще долго златокудрая Елена стояла над костром, следя за умирающим огнем, затем опустила на лицо свое покров и, повернувшись, удалилась в пустыню, исчезнув во мраке ночи с тихой песней, еще долго звучащей людям издалека.

И так она будет бродить по пустыне до тех пор, пока не вернется Одиссей.

* * *

Вот то, что я, жрец Реи, должен был рассказать людям прежде, чем лягу и усну вечным сном в своей великолепной усыпальнице, которую я приготовил себе близ Фив. Пусть каждый мужчина прочтет и поймет эту повесть так, как ему хочется, и каждая женщина — так, как боги помогут ее разумению.

